СГЮА
САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

СГЮА ИНСТИТУТ МАГИСТРАТУРЫ

VII Международная научно-практическая конференция (заочное участие)

Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых

АПРЕЛЬ 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник тезисов докладов
по материалам VII Международной
научно-практической конференции
(заочное участие)

(апрель 2022 г.)

Саратов
2022

УДК 34(470.082)
ББК 67я43
Ю70

Ю70 **Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых** : сборник тезисов докладов по материалам VII Международной научно-практической конференции (заочное участие) (апрель 2022) / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. – 324 с.

ISBN 978-5-7924-1842-4

Сборник содержит тезисы докладов участников VII Международной научно-практической конференции «Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых» (заочное участие), организованной и проведенной Институтом магистратуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Для студентов, магистрантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, практических работников.

Печатается в авторской редакции, согласованной с научными руководителями.

УДК 34(470.082)
ББК 67я43

ISBN 978-5-7924-1842-4

© Саратовская государственная юридическая академия, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 9

Абдрашитова Л.Р.
ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ,
ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ,
В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА . . . 10

Абидов Д.З.
СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ
ТРУДОВЫХ СПОРОВ 11

Акберова А.В.
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ОСНОВА
КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ. 13

Акназарова Р.Р.
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 110 УК РФ 15

Александров И.О.
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА БАНКРОТСТВО
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ 17

Андриянова Ю.А.
СУЩНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ
КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ. 20

Андрющенко Д.В.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ И ПРАВОВОЙ
ПРИРОДЫ ПРЕТЕНЗИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА 22

Ануфриева Н.Л.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ. 23

Апарин С.А.
ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО (ПРЕСТУПНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ): ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ 25

Арустамян Н.Ш.
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 27

Астахова А.Ю.
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 29

Атмурзаев И.З.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ
ТЕОРИЙ «ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА» 31

Афанасьева Е.С.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОТАРИУСА И АДВОКАТА
В РАМКАХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ. . . . 32

Бабак Д.И.
КАТЕГОРИЯ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ В ПРАВЕ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. 33

Бабиченко Е.Д.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВНОГО ДОСТУПА
ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕНУЮ СЛУЖБУ
В ВОПРОСАХ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА. 35

Балыкин В.И.
ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ НА ВЕТВИ. 36

Бардынина М.А.
ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА
ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА 38

Барнев И.С.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ
ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 40

Башкатов А.К.
ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. 42

Беляева М.И.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ 45

Березина П.О.
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «БРАК»
И «СУПРУЖЕСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 47

Бессонова Д.С.
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ КАК
ИНСТРУМЕНТА РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ. 49

Бестужева Д.Н.
ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 51

Болатов М.И.
СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ СПОРТСМЕНА
СУБСТАНЦИЙ И (ИЛИ) МЕТОДОВ,
ЗАПРЕЩЕННЫХ В СПОРТЕ 52

Болова А.Д.
ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО
КАК НОВЫЙ ВНЕСУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ
ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ. 55

Борилов Г.В.
ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ
РЕЧИ АДВОКАТА В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ
С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 57

Борисенко Д.Д.
РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР И ПЕРЕРАБОТКА
ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ
КАК ПРОГРЕССИВНЫЙ ПУТЬ К СОХРАНЕНИЮ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ 58

Борисова М.С.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 60

Боровой А.А.
ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ
(IX – НАЧ. XVIII В.) 61

Бородина А.В.
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СРЕДСТВ
ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ
ЗАКОНОВ И АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ
НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА 63

Буланкина М.Е.
АНАЛИЗ ОБЩИХ ПРАВИЛ ПРОИЗВОДСТВА
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ РОССИИ 65

Быков Р.А.
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК НОВАЯ ФОРМА ДЕНЕЖНОГО
ОБРАЩЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВВЕДЕНИЯ 67

Вагнер Р.С.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
ИНИЦИАТИВЫ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ 68

Вербовая В.В.
ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ГЕНОЦИД В XX ВЕКЕ 71

Винокурова А.А.
ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА
В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 72

Воробьев Н.В.
ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОГОВОР: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
И СПОСОБЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ 73

Галдобина В.В.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 76

Галиулин С.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УБЕДИТЕЛЬНОГО ПРЕЦЕДЕНТА
(PERSUASIVE PRECEDENT) НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ
СУДА ЕАЭС 78

Герасименко Д.Р.
НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ. 80

Глимьянова Д.Т.
ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ
НА ОПЛАТУ УСЛУГ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 82

Гогнадзе В.З.
ПРЕДПОСЫЛКИ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЖИМА В СССР 84

Головко К.А.
ПРЕЗИДЕНТ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 85

Гольдман Ю.Е.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 87

Горобец В.В.
НАЛОГ НА САМОЗАНЯТОСТЬ
В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ. 89

Горяевский К.Н.
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ
АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ 90

Гумиров А.Р.
ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРОЧНОЙ КАССАЦИИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 92

Гурьянова Д.А.
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО И ЧАСТНОПРАВОВОГО
В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ 93

Гучинова А.Е.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ
И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА . 95

Дегтярев М.Г.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ
ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ
ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ 97

Дибиров М.Т.
РОССИЯ В ВТО: ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ
И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 99

Диденко Н.В.
ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА
НА ЗАЩИТУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ:
ОПЫТ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ СНГ 100

Доброгорская В.О.
СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК НОВАЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ
ПРОЦЕДУРА 102

Долженко В.В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ
ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ГЕРМАНИИ 104

Дорджиева Д.А.
ГЕНЕЗИС МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В РОССИИ 105

Дусаев Д.И., Трунилина А.Д.
НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И СРЕДСТВА БОРЬБЫ С НЕЙ 108

Евсеев В.В.
ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ
ПРОЦЕССЕ 110

Егорченков К.А.
РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И АДВОКАТУРУ 111

Екимовских Д.Н.
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 113

Елькина А.С.
ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ АКТИВНОЕ СОУЧАСТИЕ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СПОСОБ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ 115

Емельянова М.Д.
ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ ВОПРОСА О ВОЗБУЖДЕНИИ
ПРОКУРОРОМ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ 116

Ермолаева Е.А., Тулекова А.С.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ УЧАСТИЯ
ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 119

Ермолаева Е.А., Филатов Д.А.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 120

Ермолова А.М.
СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ
С УСЛОВНЫМ ОСУЖДЕНИЕМ 122

Ершов Д.А.
ИНСТИТУТ ПРИЁМНОЙ СЕМЬИ:
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА 123

Зайцева П.Н.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
И В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД 125

Заливчева В.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ,
НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ 127

Зверев М.К.
ФИЛОСОФИЯ ПОНЯТИЯ БРЕНДА
В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ 130

Земсков Д.О.
ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ . . . 132

Земскова Е.А.
ВОЗМОЖНОСТИ LEGALTECH
В СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ГРАЖДАНСКОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО 134

Зольванова А.Б.
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 135

Зубец Д.И.
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ
ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ 137

Ибрагимова С.Н.
УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 138

Иванова А.В.
ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ
ПРАВА НА СОБИРАНЕИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ПРАВА НА СОБИРАНИЕ
И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ . . . 141

Ипполитова О.А.
ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ
ПРАВОВОГО СТАТУСА МУНИЦИПАЛЬНОГО
СЛУЖАЩЕГО 142

Исаева К.С.
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 144

Кадышева А.Э.
ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 146

Капцева Т.А.
ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ
И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 148

Карамышев Д.А.
САМОЗАЩИТА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В СФЕРЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ 151

Касенков Ю.В.
РОЛЬ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ НА ВЕТВИ В СТАНОВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ
В РОССИИ 153

Касенкова Д.В.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА РАВНЫЙ ДОСТУП
К ГОСУДАСРТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 155

Каткова Е.С.
РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ 157

Качаев Ф.М.
О СУЩНОСТИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЁННЫЙ СРОК 159

Кемов А.М.
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ
ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 161

Киселев Д.Е.
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
(ОТМЫВАНИЯ) ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО
ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ 163

Кожевникова Е.Н.
ГОРОДСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ – РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ
И НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ 164

Колодкина А.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ТРУДОВЫМ СПОРАМ,
РАССМАТРИВАЕМЫМ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ 167

Колоярцева М.Н.
ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ РАЙОНОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА. 169

Колпаков Е.С.
РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕВОЗКИ МОРЕМ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ 170

Кондратов М.А.
ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА. 172

Кондрашова Е.А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ АДВОКАТУРЫ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТОВ. 174

Кострикина А.Д.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ. 176

Кузина Д.И.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ 178

Кулакова Е.А.
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 179

Куличкова Ю.С.
НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ . . . 180

Кусмарцева А.Д.
ДОПУСТИМОСТЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ГАРАНТИЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. 182

Кушнерев Н.С.
ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОБРАЩЕНИЙ В СУД ЕАЭС ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ 183

Ломаченко М.Н.
ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛАХ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ 185

Ляткина А.Д.
ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 187

Магамаалиева А.Л.
ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА 188

Магомадов И.И.
ДОКТРИНА КРЕПОСТИ В РОССИИ. 189

Макаров К.К.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 192

Маремшаов Т.В.
ПЕТИЦИЯ – КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СПРАВЕДЛИВЫХ ТРЕБОВАНИЙ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ВЛАСТИ. 194

Марцоха А.И.
КОНТРАБАНДА НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ 196

Мельников А.В.
ПОРЯДОК ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 199

Мельников Д.О.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ 201

Милютин С.А.
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ 203

Михайлова А.В.
К ВОПРОСУ О МУНИЦИПАЛЬНОМ ЗЕМЕЛЬНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗЕМЕЛЬ 204

Мокреев М.В.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ СУДОМ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ. 205

Моссур К.П.
РОЛЬ СТРАХОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ НАЛОГОВО-ПРАВОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА. 207

Набиева А.А.
ТЯЖКОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ 210

Набиева Н.А.
ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 212

Нестеренко Е.С.
ПРАВО НА ИЗОБРАЖЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ 213

Новиков К.С.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С БЛАНКЕТНОЙ ДИСПОЗИЦИЕЙ. 215

Орехов К.Ю.
СТРАХОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОРГАНИЗАЦИЙ ОТ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ 217

Павлов Е.Ю.
ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ ОСОБОГО РЕЖИМА И ЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ 220

Павлычев Н.С.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ БАНКА РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА. 222

Палагина К.А.
ФИКТИВНЫЙ БРАК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ. 225

Пашинина К.И.
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЁННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ГИПНОЗА 227

Помпа В.В.
КРАУДФАНДИНГ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ 229

Пономарев И.И.
БАНКОВСКИЕ КОРПОРАЦИИ В РОССИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТВЫ РАЗВИТИЯ 230

Попов Д.В.
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХОТЕ И О СОХРАНЕНИИ ОХОТНИЧЬИХ РЕСУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 232

Попова Е.С.
ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ АДВОКАТОМ ПО НАЗНАЧЕНИЮ 234

Потапов А.А.
ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПРЕСТУПНИКА РОССИИ 236

Протасов Г.В.
УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 238

Прохорова Е.С.
КОНТРАБАНДА АНАБОЛИЧЕСКИХ СТЕРОИДОВ (СТАТЬЯ 226.1 УК РФ) 241

Пугачева А.А.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ КАК ОСОБЫЙ МЕХАНИЗМ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ 243

Пугачева А.А.
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В МИРНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ 245

Пятунина А.А., Малышев В.С.
ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ И МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ 247

Рабаданова И.О.
ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗА УКЛОНЕНИЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 248

Рамазанов Р.Э.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ 250

Рогов В.В.
СУДЫ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 252

Рыженков В.В.
ОТГРАНИЧЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 256

Рыкова С.Э.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРЕСМОТР ДЕЛ ПО НОВЫМ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 257

Рыкова С.Э.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВАНИЕ ПЕРЕСМОТРА ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА ПО НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 260

Сагитова Д.К.
ПРИМИРЕНИЕ КАК СУДЕБНАЯ ФУНКЦИЯ И ЗАДАЧА СУДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 261

Самоуков А.А.
МЕСТО И ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ 263

Свириденко С.А.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СУБЪЕКТОВ ПРАВОСУДИЯ ОТ КЛЕВЕТЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 265

Свиридова А.В.
ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОНОРАРА АДВОКАТА 267

Сеснева И.С.
О СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ 269

Силуянова Л.В.
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ, ЗАКЛЮЧЕННОГО ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ 271

Синичкин А.О.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 272

Слива Э.О.
О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИСТА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТОСТВЕ ОРГАНИЗАЦИИ 274

Соловьева Е.Н.
СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДОВЕРИТЕЛЕЙ В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 275

Сушкова И.П.
ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРЫХ ВОЗНИКАЕТ ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕД 277

Тарасов В.И.
ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ДЕЛАМ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 278

Тареева А.Д., Балдина И.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 280

Темуркаев М.И.
КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) МИНЮСТА РОССИИ
В ОТНОШЕНИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ 282

Тетнева А.В., Коновалова А.Д.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В РФ 283

Тимофеев А.С.
СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ
НАКАЗАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ 285

Тихонкова Д.Ю.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ КАК УСЛОВИЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
В ДАННОЙ СФЕРЕ 288

Тихонова В.В.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
СХОДСТВА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ 290

Трифонов Г.И.
РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО
ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ 292

Тулочкина Е.А.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТКРЫТОСТИ
ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ 294

Тюнягин Л.О.
ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В СОВЕТЕ
БЕЗОПАСНОСТИ ООН НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ
О ПРОВЕДЕНИИ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ 296

Файзуллин Р.Р.
РОЛЬ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРАТУР В НАДЗОРЕ
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТРАНСПОРТЕ 297

Феоктистова Д.Р.
ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ:
ЗАДЕРЖАНИЕ С ПОЛИЧНЫМ 299

Фещенко Д.Ю.
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ САНКЦИЙ
НА КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ 301

Филимонова Т.А.
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА
РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ 302

Филина Д.Г.
ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР
КАК НЕГАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ГАРАНТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЧНОСТИ
НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ? 305

Хлесткова А.В.
ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
СОТРУДНИКАМИ ОВД 306

Хубиев Р.Д.
ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
УСТУПКИ БУДУЩИХ ПРАВ (ТРЕБОВАНИЙ) 308

Хухрова А.Ю.
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «МЕДИАЦИЯ»
И ЕЁ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ 310

Чупрасова Е.Д.
ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОРГАНАХ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 313

Шейкин А.Н.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ
И КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 315

Широков В.О.
ПРОБЛЕМА НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА 317

Шубный В.С.
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
И МОБИЛЬНОСТЬ РЫНКА ТРУДА
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ И ДЕМОГРАФИИ 319

Эльдаров Э.А.
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЗАЩИТНИКА
В СФЕРЕ ДОКАЗЫВАНИЯ 320

Яськин Д.В.
НЕМЕДЛЕННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ 322

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Руководством Института магистратуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (далее – Академия) совместно с научным студенческим обществом Института магистратуры и профессорско-преподавательским составом Академии реализуются научно-практические мероприятия, направленные на активизацию научно-исследовательского потенциала студентов и разработку фундаментальной научной основы, имеющей значимость в практической деятельности.

Сборник научных трудов, сформированный по результатам VII Международной научно-практической конференции «Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых» (заочное участие), позволяет сделать вывод о научной активности и высоком уровне внимания к современным правовым проблемам магистрантов.

В работе VII Международной научно-практической конференции «Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых» приняли участие более 160 молодых ученых.

Выражаем благодарность авторам за предоставленные тезисы научных работ и их научным руководителям за вклад в организацию и проведение VII Международной научно-практической конференции «Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых»!

Редакционная коллегия,
руководство Института магистратуры
Академии

Л.Р. Абдрашитова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.А. Сухова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в настоящей статье проводится теоретико-правовой анализ особенностей земельных правоотношений, возникающих в некоторых зарубежных странах с учетом их исторически сформировавшихся правовых устоев. В результате выделяются некоторые проблемные аспекты, проводится аналогия с ситуацией, сложившейся в России.*

Ключевые слова: *земельные правоотношения, международное право, специализированные суды, сервитут.*

В настоящее время актуальность вопросов, связанных с земельными правоотношениями, не утеряна, т.к. не уменьшается количество спорных ситуаций, возникающих у землепользователей и разрешаемых не в добровольном, а в судебном порядке. На практике нередко возникают ситуации, которые требуют не только внутреннего анализа с опорой на нормы российского законодательства, но и внешнего изучения с точки зрения опыта зарубежной практики применения специального законодательства. Данная статья посвящена некоторым нюансам рассмотрения споров, вытекающих из земельных правоотношений в зарубежных странах, и содержит обобщающие выводы по вопросу возможности применения опыта зарубежных стран на территории РФ.

Общемировой тенденцией признаются два варианта рассмотрения земельных споров: в общегражданских судах и в специализированных судах (административных органах), в случае, если спорные земельные правоотношения выходят за пределы установленной юрисдикции общегражданских судов.

В России земельные споры подсудны общегражданским судам, т.к. согласно ст. 64 Земельного кодекса РФ[1] земельные споры разрешаются в судебном порядке, но до принятия дела к производству земельный спор может быть передан сторонами на разрешение в третейский суд при наличии заключенного между ними третейского соглашения.

Противоположный вариант: в штате Массачусетс (Соединенные Штаты Америки) функционирует специализированный суд по разрешению земельных споров (Massachusetts Land Court), созданный еще в 1898 г. Его отличительной особенностью является то, что, помимо судей, в этом органе работают еще инженеры, геодезисты, специалисты по недвижимости, судебный администратор, регистратор земель, ревизоры и ассистенты, помогающие суду более качественно и квалифицированно отправлять судопроизводство. В Австралии (штат Новый Южный Уэльс) в 1980 г. был основан Земельный суд, который по своему административному статусу является специальным судом. В его юрисдикции объектом пристального внимания являются именно земельные споры, поскольку Австралия отличается высокой стоимостью земли по сравнению с иными видами имущества[2].

Учитывая исторические предпосылки и особенности формирования различных правовых систем, можно утверждать, что специализированные суды (административные органы) по земельным спорам были созданы для сохранения земельного правопорядка в основном в конце XIX – начале XX в. и характерны для стран англосаксонского права, поскольку прецедентное право не позволяет в должной мере урегулировать все возможные ситуации, связанные с распоряжением землей[3].

Считаем, что в рамках реформирования действующего законодательства при регулировании рассмотрения земельных споров возможно применение опыта штата Массачусетс в части обязательного участия в судебном процессе в качестве экспертов, например, инженеров, геодезистов, специалистов по недвижимости и др. для дачи соответствующих заключений в зависимости от категории рассматриваемого спора.

Еще одной интересной особенностью, отличающей отечественную модель правового обоснования от зарубежной, является определение критериев частного и публичного в отношении земельных участков и ресурсов, расположенных на них.

В дореволюционной России ученые-юристы никакого жесткого деления системы права на отрасли не проводили. После событий октября 1917 г. вообще не проводились научные исследования, в которых не нуждалась «новая революционная власть». И только в 30-е гг. XX в. право как система вновь вызывает интерес ученых. Уже в 40-х годах на самостоятельный уровень были выведены: государственное, трудовое, колхозное, административное, бюджетно-финансовое, семейное, гражданское, уголовное и судебное право, при этом особую роль предстояло сыграть международному праву[4]. Земельное право как отдельная отрасль права встречалось лишь у некоторых теоретиков права[5]. Деление права на публичное и частное отрицалось всеми советскими учеными.

Дискуссии относительно понимания сущности и содержания предмета земельного права продолжаются до настоящего времени. Как правило, это касается, во-первых, проблемы соотношения норм земельного и гражданского права и, во-вторых, проблемы соотношения норм земельного и экологического права. Считаем необходимым согласиться с позицией профессора Анисимова А.П., который склоняется к варианту, что все

[1] См.: Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 16.02.2022) // СЗ РФ. 2001. № 44, ст. 4147; 2022. № 1, ч. 1, ст. 45.

[2] См.: Land Law. Thomsom Reuters, 2010; *Mackie K., Histed E.B., Page J.* Australian Land Law in Context. Oxford, University Press Australia & New Zealand, 2011; *Bradbrook A.J., MacCallum S.V., MacCallum S.E., Moore A.P.* Australian Real Estate Law. 3rd ed. Law Book Company, 2002.

[3] См.: *Крассов О.И.* Земельное и имущественное право в странах общего права: монография. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2015. С. 49.

[4] См.: *Вышинский А.Я.* XVIII Съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 23.

[5] См. об этом: *Кечекьян С.Ф.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 44.

более утверждается межотраслевая концепция, согласно которой «в существующей «черно-белой» системе координат, когда между гражданским и земельным правом предполагается наличие отраслевой стены, невозможно в принципе адекватно разрешить вопрос о четком соотношении норм земельного и гражданского права»[1].

Кардинально противоположная концепция имеет место в Германии, а именно, это концепция «модифицированной частной собственности». В соответствии с таковой реализуется право общего пользования публичными землями, которое можно сопоставить с реализацией правового института публичного сервитута, т.е. ограниченного вещного права[2]. Само право свободного доступа в Германии распространено на обочины дорог, леса и побережье морей, однако не распространяется на фермерские земли.

Рассмотрим эти неоднородные подходы не только на теоретической платформе, но и в судебной практике.

Предположим ситуацию: на некоей территории расположено несколько земельных участков, находящихся в частной собственности. На той же территории расположена общественная дорога, прямой проход к которой на одном из участков невозможен без прохода по территории соседнего участка. Собственник участка без возможности прямого прохода к дороге обращается с требованием установить сервитут на право прохода на территорию соседнего земельного участка с целью попасть напрямую к общественной дороге.

Зарубежный вариант решения проблемы: согласно Решению Федерального Верховного суда Германии от 24 января 2020 г. – V ZR 155/18[3] – в конкретном правоотношении между соседями земельных участков право прохода согласно Германскому гражданскому уложению (ГГУ) может возникнуть без регистрации в поземельной книге только на основе обязательственного соглашения или в качестве права прохода по необходимости при соблюдении условий § 917 ГГУ, который гласит, что «если между земельным участком и общественной дорогой отсутствует сообщение, необходимое для его надлежащего использования, то собственник может потребовать от соседей, чтобы до устранения недостатков они допустили пользование их участками для установления необходимого сообщения». Направление прохода и объема права пользования при необходимости устанавливаются по решению суда. Ущерб, причиненный соседям, по земельным участкам которых пролегает проход, при необходимости должен быть возмещен путем уплаты денежной ренты. Соответствующим образом применяются положения предл. 2 ч. 2 § 912, § 913, 914, 916 ГГУ. Иными словами, Верховный суд Германии указал на легальную возможность прохода через соседний земельный участок без обязательного установления дополнительного сервитута и без поиска возможных альтернативных вариантов прохода.

Российский вариант решения проблемы: в Обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.)[4] указано, что сервитут можно устанавливать только в том случае, если у собственника участка нет иной возможности попасть к себе иначе, как через участок соседа. Там же приводится следующий пример. Один из соседей попросил суд установить сервитут, т.к. дорога к его дому идет через соседний участок. В процессе выясняется, что к дому истца есть и другая дорога. Да, она худшего качества, но это не является основанием для ограничения в правах соседа (ответчика). В прояснившейся ситуации Верховный Суд РФ не позволил ни установить сервитут на право пользования соседним участком, ни применить обычаи гражданского оборота в части возможности использования соседнего земельного участка до возникновения иной качественно лучшей возможности, и тем самым обеспечить проход к общественной дороге. В иске было отказано.

На основании проведенного исследования считаем необходимым сделать вывод о том, что при возникновении спорных ситуаций, разрешение которых находится за пределами действующих норм гражданского и земельного права, возможно обращение к опыту зарубежных стран по вопросам разрешения земельных споров, чтобы частично или полностью ввести новые механизмы их разрешения в национальное законодательство.

[1] См.: Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / под общ. ред. А.П. Анисимова // СПС «КонсультантПлюс», 2022. С. 11–14.

[2] См.: *Коциоль Х.* Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6.

[3] См.: *Трушников С.* Решения Федерального Верховного суда Германии по гражданским делам в 2020 г. URL: https://fictionbook.ru/author/s_trushnikov/resheniya_federalnogo_verhovnogo_suda_ge/read_online.html (дата обращения: 10.04.2022).

Д.З. Абидов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.В. Филимонова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Аннотация: *данное научное исследование посвящено анализу современной модели гражданского судопроизводства через призму рассмотрения возникающих трудовых споров. Рассматривается понятийный аспект данного вопроса. Актуализируются аспекты обращения работников за судебной защитой. Обосновываются сроки подачи искового заявления работников на предмет нарушенных их трудовых прав. В конце работы автором даются выводы и предложения.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, трудовые споры, иск, процессуальные отношения, работник, работодатель, судебная власть.*

[4] См.: Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.

По действующим нормам конституционного законодательства правосудию надлежит вершиться только судом. Как государственный орган суду надлежит разрешение правовых споров между гражданами и (или) организациями. Можно выделить конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводства, в результате которых осуществляется судебная власть по смыслу ч. 2 ст. 118 Конституции РФ.

Современная модель гражданского судопроизводства строится на базе правовых начал, которыми руководствовался предшествующий советский гражданский процесс. И особую роль в этом заключают в себе следующие принципы: диспозитивность и состязательность. Это надежные фундаментальные начала, с помощью которых и складываются гражданско-процессуальные отношения между их участниками, и где важной прерогативой является их наделение большим разнообразием материальных и процессуальных полномочий.

Особое значение гражданское судопроизводство приобретает в момент трудовых споров. Если работника не устраивают условия труда, задержка зарплаты или ее размер – он обращается с вопросами к руководителю. Если руководитель не удовлетворяет требования или претензии, а работник настаивает на выполнении их, возникает трудовой спор. Спор разрешается в порядке, предусмотренном законодательством, путем обращения в суд либо с помощью альтернативного судопроизводства.

Статистика показывает, что трудовые споры с грифом «зарплата» постоянно составляют наибольшую долю судебных разбирательств.

По состоянию на 1 мая 2021 г. на рассмотрении Кассационного суда по гражданским делам Верховного Суда РФ находилось 2222 трудовых дела. Л.А. Чернышева и Г.П. Лебедева считают, что тенденция к увеличению количества трудовых споров наблюдается уже несколько лет, и она продолжает расти. Поэтому, по их мнению, данная категория дел несколько недооценена юридическим рынком и не получает должного внимания как со стороны юридической практики, так и со стороны законодателя. Поэтому гарантией охраны трудовых прав граждан является их право на судебную защиту. Порядок рассмотрения трудового спора в суде определен ГПК РФ. По заявлениям в районных, городских судах рассматриваются трудовые споры.

Особое внимание в данном исследовании необходимо обратить на понятийный аспект. Необходимо разобраться, что же такое иск по трудовому спору? Иски о трудовых спорах – это установленные в надлежащей форме обращения в суд с целью защиты нарушенных и спорных прав или интересов, защищаемых трудовым законодательством. Истец имеет право объединить несколько исков, связанных между собой. Иск подаётся в письменной форме. Встречные иски подаются в соответствии с общими требованиями статей 131 и 137 ГПК РФ. Иски, возникающие в результате трудовых отношений, могут быть поданы по зарегистрированному месту жительства или месту пребывания истца (ст. 28 ГПК РФ).

Как отмечают некоторые специалисты, к примеру Л.В. Туманов, «современное трудовое законодательство не содержит понятия трудового спора, что приводит к тому, что оно толкуется чисто субъективно, в зависимости от взглядов того или иного ученого. Это снижает эффективность применения нормативных актов, т.к. развитая юридическая техника – это один из способов их оптимального использования».

Мы считаем, что можно сформулировать следующее определение трудовых споров. Таким образом, трудовые споры относятся к спорам между работниками и работодателями по поводу применения трудового законодательства или условий труда.

Это споры, не урегулированные предыдущими переговорами и которые рассматриваются в порядке, установленном законодательством.

Суды в порядке гражданского судопроизводства рассматривают дела о защите нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов, возникающих из трудовых отношений (ст. 22 ГПК РФ).

Важность обращений в судебный орган подтверждается сегодняшними исследованиями, где выделена концептуальная идея о признаках трудового спора. То есть главный признак, что спор уже возник, это непосредственное обращение сторон за судебной защитой.

Практика такова, что многие работники не в силах разрешить трудовые споры, а равно вступить в них, по причине пропуска сроков обращений в суд. То есть вина работника очевидна.

Последние пять лет проведенных исследований и анализа судебной практики позволили выявить, что одну треть трудовых споров получают отказы в удовлетворении исков, по причине пропуска сроков обращения в суд работниками, исчисляемые в три месяца с того дня, как работник узнал о своем нарушенном трудовом праве (392 ТК РФ). Одновременно с этим та же норма указывает нам о возможности работодателя обратиться в суд в течение г., с момента обнаружения нарушенного права.

Следует отметить, что не нужно прилагать больших усилий, чтобы заметить дискриминационные мотивы в данной норме. Помимо всего прочего, она приступает принцип процессуального равенства сторон. Поскольку, исходя из нормы ГПК РФ (п. 3 ст. 38), сторонам предоставлены равные процессуальные возможности и обязанности. Преимущества сторон одной над другой противоречит действующему гражданско-процессуальному законодательству. Одновременно с этим исковая давность в гражданских спорах по общим требованиям исчисляется от одного до трех лет – ст. 181 ГК РФ.

В результате проведенного исследования мы видим, что названные условия исковой давности по трудовым спорам согласно ст. 392 ТК РФ отражают значительно короткие временные рамки, нежели сроки, которые содержит в себе норма 181 ГК РФ. И это говорит о том, что защита материальных интересов работодателя в значительной степени преобладает над защитой интересов работника. Такое несоответствие напрямую подрывает цели современного трудового законодательства, где ст. 1 ТК РФ определяет необходимые условия для согласования интересов сторон трудовых отношений, и в равной степени с интересами государства.

На наш взгляд, на законодателя должна ложится важная задача по установлению общего срока исковой

давности как для работника, так и для работодателя, исчисляемый в один год. Отметим, что при установлении срока в три месяца, с момента, когда работник узнал или должен был узнать о нарушенном праве, оговаривает работника в его пользу. Однако суд оговорку «должен был узнать» не учитывает. А это ещё один пробел в трудовом законодательстве. Мнение суда таково, что работник должен располагать своими трудовыми правами, и поэтому пропущенный срок без уважительных на то причин, способствует отказу в иске.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: модель гражданского судопроизводства на примере рассмотрения трудовых споров заключает в себе общие правила обращения в суд по ГПК РФ. То есть исковое заявление, сроки подачи иска не должны противоречить общим правилам, предусмотренным ГПК РФ. Однако несоответствие сроков подачи иска в нормах материального права создает большой пробел в праве, что требует скорейшего разрешения. В частности, если работник должен успеть обратиться в суд в течение трёх месяцев, со дня как ему стало известно о своем нарушенном праве, то работодателю дается больше привилегий, сроки подачи которого определяются в один год. Поэтому, как мы уже отметили выше, применительно к трудовым спорам необходимо установить общий срок для обращения в суд и работника, и работодателя – один год. Это позволит максимально защитить права не только работодателя, но и работника, что в свою очередь, защитит конституционные права и свободы работников, как граждан РФ, также обеспечит им равные процессуальные права и обязанности согласно п. 3, ст. 38 ГПК РФ.

А.В. Акберова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.О. Овчинникова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ОСНОВА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *основной целью адвокатской тайны является сохранение конфиденциальности обмена информации между адвокатом и подзащитным. В статье рассмотрены содержание понятия конфиденциальности в международном и российском законодательстве, а также выявлена правовая неопределенность, не позволяющая соответствовать международным стандартам.*

Ключевые слова: *конфиденциальность, уголовное судопроизводство, адвокат, адвокатская этика, адвокатская тайна.*

В августе 1990 г. в г. Гаване на Восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступлений было принято «Положение о роли юристов», в котором закреплены основные принципы деятельности юриста. «Правительства признают и обеспечивают конфиденциальный характер любых сношений и консультаций между юристами и их клиентами в рамках профессиональных отношений[1]». Также в сентябре 1990 г. на Конференции в МАЮ г. Нью-Йорк были приняты стандарты независимости юридической профессии. При обеспечении адвоката возможностью конфиденциальных отношений с клиентом свободная, справедливая и квалифицированная юридическая помощь гарантируется. Принятый в октябре 1998 г. Советом адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге Кодекс поведения для юристов отнес создание доверительных отношений и сохранение информации, полученной адвокатом от клиента, к конфиденциальной информации. Конфиденциальность закреплена как основное и фундаментальное право и обязанность юриста.

В сравнении с нормативной базой международного законодательства следует рассмотреть законодательство РФ. Основной отправной точкой принято считать ст. 2 Конституции РФ[2], в которой высшей ценностью признается человек, его права и свободы. Так государство признает свою обязанность в соблюдении данных гарантий. Ч. 1 ст. 48 Конституции РФ устанавливает одно из основных прав человека – право на оказание квалифицированной юридической помощи. Нельзя оставить без внимания и п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации[3]», поскольку оказание такой помощи является адвокатской деятельностью.

Согласно п. 3 ч. 4 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса РФ[4] подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника с определенных моментов, а именно: а) с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; б) с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных ст. 91–92, ст. 100 УПК РФ; в) с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления. Подозреваемый в связи с этим обладает правом на свидание наедине с защитником, а также право на конфиденциальность до первого допроса. Обвиняемый имеет аналогичные права. Право на свидание с защитником осуществляется без ограничений по времени и количества свиданий, а право на конфиденциальность свиданий обеспечивается следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, начальником подразделения дознания, судом, администрацией мест содержания под стражей.

---

[1] См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml

[2] См.: Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

[3] См.: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 04.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102. URL: http://www.consultant.ru

[4] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 2022. № 13, ст. 1952.

Доктор юридических наук Ю.П. Гармаев придерживается позиции, что «субъекты расследования вправе назначать и проводить оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвоката и его подзащитного, в том числе во время их конфиденциальных свиданий[1]». Так в ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» закреплено следующее: «свидания подозреваемого и обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать»[2]. В данной статье поясняется, что возможность видеть конфиденциальные свидания клиента с адвокатом связана с запретом на передачу каких-либо запрещенных предметов, веществ и средств питания. И при фиксации таких случаев свидание немедленно прекращается. Сама возможность видеть свидание с адвокатом, хотя и без применения звука, нарушает конфиденциальность.

Вопрос конфиденциальности невозможно рассмотреть без упоминания Кодекса профессиональной этики адвоката[3]. В ст. 6 данного Кодекса закреплены основные положения доверительных отношений между клиентом и адвокатом. Срок хранения тайны во времени не ограничен, а освободить адвоката от данной обязанности может только сам доверитель. При этом адвокат вправе использовать информацию, сообщенную клиентом, в том объеме, в котором адвокат считает нужным для обоснования защиты по уголовному делу. Также из п. 5 ст. 6 данного Кодекса можно выделить три правила, которые составляют конфиденциальность адвокатской тайны, а именно: это конфиденциальность переговоров, хранение информации и запрет на передачу информации третьим лицам[4]. При этом возникает следующий спорный вопрос: с одной стороны, профессиональная этика заставляет адвоката молчать, но с другой стороны, есть ситуации, когда это молчание может привести к тяжким последствиям для других лиц. Адвокат в ходе оказания своих услуг может узнать о готовящемся или длящемся преступлении, но его действия в этой ситуации не регламентированы законом. В целях обеспечения гарантии соблюдения профессиональной адвокатской тайны законодательно запрещено допрашивать адвоката как свидетеля по обстоятельствам, ставшим им известными в процессе оказания юридической помощи.

Это связь общего и частного, так конфиденциальность переговоров выступает частью целого, где целое – адвокатская тайна.

М.Ю. Барщевский сформулировал конфиденциальность таким образом: «Адвокат должен сохранить всю информацию, сообщенную ему клиентом, касающуюся обстоятельств и фактов, которые стали известными адвокату в связи с исполнением поручения, а также сам факт обращения клиента, в тайне до тех пор, пока не будет на это уполномочен самим клиентом»[5].

Ю.П. Гармаев в своей работе рассуждал о пределах самой конфиденциальности, поясняя, что такое «использование полученной информации возможно только при наличии оснований, предусмотренных законодательством и при их строгом соблюдении, в том числе при соблюдении ряда процессуальных ограничений»[6]. С данным мнением сложно согласиться, ведь уже упомянутая ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, закрепила право на оказание квалифицированной юридической помощи. Кроме этого, будут нарушены процессуальные гарантии подозреваемого и обвиняемого на свидание с адвокатом и соблюдение конфиденциальности. Проведение оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий в отношении адвоката возможно лишь при наличии судебного решения[7].

В Тверской области осужденный за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и угрозу убийством обратился в Верховный Суд РФ с жалобой о нарушении конфиденциальности в общении с адвокатом. Верховный Суд РФ, рассмотрев дело, установил факт отсутствия личного свидания с защитником. Обвиняемый настаивал на том, что предоставленная возможность общения с адвокатом посредством видеоконференции не обеспечивает его права на конфиденциальность и не исключает возможность прослушивания третьими лицами. Коллегия Верховного Суда РФ обратила внимание на нарушение права на справедливое судебное разбирательство и пришла к выводу о необходимости пересмотра дела[8].

При рассмотрении вопроса неправомерного использования информации со стороны адвоката следует обратить внимание на ст. 13.14 КоАП РФ[9]. Лицо, получившее в связи с исполнением своих должностных обязанностей информацию, доступ к которой ограничен федеральным законом, при нарушении конфиденциальности несет административную ответственность. В этом случае адвокат несет административную ответственность как должностное лицо. И наказывается штрафом от сорока до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацией на срок до трех лет. Такие действия наносят вред законным правам и интересам граждан. При этом к уголовной ответственности по ст. 256 Уголовно кодекса РФ за несообщение о преступлении не могут быть привлечены адвокаты, если соответствующие обстоятельства стали им известны в связи

[1] См.: *Гармаев Ю.П.* Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. С. 38–46.

[2] См.: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2759; 2022. № 1, ч. 1, ст. 60.

[3] См.: Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (с изм. и доп. от 15.04.2021) // Рос. газ. 2005. 5 окт.

[4] См.: Управление механизмов защиты адвокатской тайны в Российской Федерации // Финальный отчет группы экспертов в рамках проекта Европейского Союза. Март. 2011. С. 13. URL: https://fillingform.ru/turizm/34436/index.html (дата обращения: 15.04.2022).

[5] См.: *Барщевский М.Ю.* Адвокатская этика. М.: Профобразование, 1999. С. 135.

[6] См.: *Гармаев Ю.П.* Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. С. 38–46.

[7] См.: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5027.

[8] См.: Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29130/?ysclid=l1xrop57pl (дата обращения: 15.04.2022).

[9] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

с обращением за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Получается, что российское законодательство не полностью соответствует международным стандартам адвокатской деятельности. Многие международные документы не ратифицированы в Российской Федерации. Законодатель не принимает меры, направленные на усиление ответственности, а напротив, смягчает ответственность за нарушение адвокатской тайны. А следственные органы и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, допускают существенные нарушения положений действующего законодательства. Данный вопрос должен быть предметно рассмотрен с применением комплексного анализа нормативной базы для устранения неопределенности в вопросе защиты адвокатской тайны. Это позволит сохранить полную конфиденциальность общения подозреваемого, обвиняемого с адвокатом и ограничит возможность получения данной информации третьими лицами.

Р.Р. Акназарова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: С.Р. Абрамова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 110 УК РФ

Аннотация: *важной функцией цифровых технологий в расследовании преступлений является доказательственная функция. В статье представлен общий обзор использования цифровых технологий в ходе расследования доведения до самоубийства. В частности, исследуются особенности и проблемы при их использовании.*

Ключевые слова: *цифровая информация, цифровые технологии, доведение до самоубийства.*

Современные цифровые технологии оказывают колоссальное влияние на нашу повседневную жизнь. Они служат источником информации и передачи данных. К ним относят все то, что связано с электронными вычислениями и преобразованием данных: гаджеты, электронные устройства, программы, технологии. В сравнении с аналоговыми, цифровые технологии более эффективны для хранения и передачи больших массивов данных, обеспечивают высокую скорость вычислений[1].

Цифровые технологии оказывают также помощь следователям в расследовании уголовных дел. Обычно выделяют следующие функции цифровых технологий в ходе проведения расследования уголовного дела: включение электронного документооборота в уголовный процесс; интеллектуальная функция; доказательственная функция[2].

Цифровая информация служит одним из важнейших доказательств в расследования уголовных дел о доведении до самоубийства. В истории мировой судебной практики уже были уголовные дела, в которых переписка в соцсети, содержимое памяти телефона послужили первостепенным доказательством. Так, например, молодая девушка из США Мишель Картер стала фигуранткой громкого уголовного дела, резонанс которого получил мировой охват. По мотивам данного дела даже сняли сериал. Суть дела состояла в том, что девушка была приговорена судом к тюремному сроку за то, что отправляла своему другу текстовые сообщения с призывом совершить суицид. Интересным это дело стало по той причине, что вынесение судебных решений за склонение к самоубийству не имело ранее прецедентов в США[3].

Цифровая информация выступает как первичный след преступления, иначе – это информация о совершенном общественно опасном деянии, отраженная в виде двоичного кода, которая записана на специальном носителе. К такого вида информации относятся: цифровые видео- и аудиозаписи, сообщения электронной почты и мессенджеров, электронные документы. Существование таких следов преступления предполагает и необходимость их закрепления, т.е. фиксации в рамках расследования уголовного дела. Согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ в ходе следственных действий могут быть использованы технические средства и способы нахождения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Также в статье указывается, что перед проведением следственного действия следователь предупреждает лиц, привлеченных к участию в следственном действии, о применении технических средств. Таким образом, следователи могут изымать не только обычный носитель цифровой информации, но и копировать такую информацию на съемный и мобильный носитель. В данном случае цифровые технологии выступают уже и как предмет фиксации. Так, в ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ указано, что в протоколе следственного действия необходимо обозначить технические средства, которые использовались при осуществлении копирования информации. Также в данном документе должны быть указаны порядок их применения, электронные носители информации, к которым эти средства были применены, и полученные результаты[4].

Важно отметить то, что цифровые технологии могут выступать и в качестве способа фиксации следов преступления, которые существуют в нецифровой форме.

[1] См.: Почему цифровые технологии вытесняют аналоговые // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a794710 89a0ec1d (дата обращения: 14.04.2022).

[2] См.: *Зазулин А.И.* Функции цифровой информации и технологий в уголовном процессе // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 75–80.

[3] См.: СМИ: в США впервые вынесли приговор за склонение к самоубийству // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/4461389?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения: 14.04.2022).

[4] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022). URL: http://www.

В процессе расследования доведения до самоубийства в качества цифрового способа фиксации применяются цифровые фотоаппараты и диктофоны. Цифровые технологии выполняют также роль средства фиксации первичной доказательственной информации (так, например, при фотографировании происходит процесс перекодирования аналоговой информации в цифровую, записанную на соответствующий носитель (файл на флеш-карте и т.д.)[1].

Ранее существовала проблема получения информации дистанционно посредством информационных технологий. В определенных случаях возникает необходимость в проведении допросов в дистанционном формате. Так, например, нередко за границей РФ находятся свидетели, которые не имеют возможности добраться до непосредственного места проведения допроса. В следственной практике уже существовали случаи проведения очной ставки в дистанционном формате, посредством видеосвязи [3]. Проблема состояла в том, что получение информации в дистанционном формате не соответствовало критериям допустимости доказательств. Однако ФЗ от 30.12.2021 № 501-ФЗ была введена ст. 189.1 УПК РФ, регламентирующая особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Теперь перейдем к рассмотрению особенностей использования цифровых технологий в расследовании доведения до самоубийства. В ходе изъятия и осмотра предметов и документов, которые имеют значение для обнаружения обстоятельств расследуемого события (а именно для установления мотивов совершенного преступления-доведения до самоубийства), могут быть истребованы следующие материалы: сведения об интернет-переписке, SMS-переписка.

Также для расследования доведения до самоубийства может быть проведена компьютерно-техническая экспертиза. В рамках расследования доведения до самоубийства проводится зачастую психолого-лингвистическая судебная экспертиза. Так, если потерпевшим является несовершеннолетний, а доведение до самоубийства произошло посредством использования сети Интернет, то в рамках такой экспертизы могут, в частности, решаться следующие задачи:

1) Установление лингвистических и психологических признаков воздействия, угроз, оказываемых в сторону несовершеннолетнего в случае неисполнения одного из заданий от кураторов «группы смерти».

2) Обнаружение личностных характеристик (в том числе психических состояний, проявляющихся в речи).

3) Выявление инициатора, предмета обсуждения, участие в чате третьих лиц и т.д[2].

В ходе проведения осмотра места происшествия для дополнительной фиксации целесообразно применять фотосъемку (видеозапись), помимо фиксации сведений, имеющих значение для расследования, в протоколе осмотра места происшествия. Отвечая на вопрос о необходимости дополнительной фиксации, можно говорить о следующем. Типичными следственными ошибками в процессе осмотра места происшествия по сообщению об обнаружении трупа с признаками самоубийства являются как невнимательное проведение осмотра, так и неточное фиксирование результатов в протоколе осмотра места происшествия. В целях недопущения подобных ошибок важно применять цифровые видеокамеры, т.к. они, в отличие от аналоговых, записывают в более четком и качественном формате фото- и видеоматериалы.

Особое внимание к электронным носителям информации объясняется тем, что зачастую в их содержимом хранятся сведения, которые представляют интерес для предварительного следствия. Например, в фото- или видеофайлах могут отображаться селфи на крышах высоких зданий, мостов и т.д. Музыкальные произведения, хранящиеся в мобильных устройствах потерпевшего, могут указать на его суицидальные наклонности и мотивы совершения самоубийства

Говоря об использовании цифровых технологий в ходе проведения расследования доведения до самоубийства, также важно упомянуть о том, что такие технологии позволяют сокрыть совершение преступления. Например, преступники могут использовать программы для изменения ip-адресов.

Несмотря на колоссальную пользу цифровых технологий для расследования уголовного дела, существует все же ряд проблем, с которыми может столкнуться следователь в процессе расследования. Существуют определенные сложности в осуществлении ряда запросов. Для раскрытия, например, персональных данных владельцев id иностранных соцсетей и приложений требуется сделать соответствующие запросы в компании, владеющие данными приложениями. Если необходимо сделать запрос по персональным данным владельца id в Skype, то соответствующий запрос нужно направить в компанию Майкрософт, который является разработчиком вышеназванного приложения. Однако и здесь существуют определенные ограничения, о чем упомянуто на официальном сайте компании[3].

Считаем, что для решения подобных проблем важно разработать соответствующие нормативно-правовые акты, обсуждать данный вопрос в рамках конференций по кибербезопасности.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.04.2022).

[1] См.: *Зазулин А.И.* Функции цифровой информации и технологий в уголовном процессе // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 75–80.

[2] См.: *Ильин Н.Н.* Особенности расследования до самоубийства: учебное пособие. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 82–83.

[3] См.: Microsoft: исполнение законных запросов правительства о предоставлении данных заказчиков // Microsoft. URL: https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-ispolnenie-zakonny-h-zaprosov-pravitel-stva-o-predostavlenii-danny-h-zakazchikov/ (дата обращения: 14.04.2022).

И.О. Александров
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.Т. Барбакадзе к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА БАНКРОТСТВО ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ

Аннотация: *в статье проведён анализ влияния пандемии COVID-19 на банкротство юридических лиц в России. Показана значимость действующего законодательства в решении вопросов, связанных с банкротством юридических лиц. Обобщены основные риски, связанные с введением моратория на банкротство. Обозначены основные направления и особенности процедур банкротства в постпандемийный период.*

Ключевые слова: *пандемия COVID-19, банкротство, юридические лица, кредитор, должник, конкурсное производство.*

В настоящее время, с переходом российской экономики к рыночным условиям и повышением динамичности окружающей среды и рыночной конъюнктуры, институт несостоятельности (банкротства) стал неотъемлемой частью правовой системы страны.

Наличие фактора экономической нестабильности, обусловленной последствиями пандемии COVID-19 и внешнеэкономическими санкциями в отношении России, приводит к существенному изменению среды функционирования бизнеса и, следовательно, вопросам управления финансовой стабильностью и процессами банкротства.

Современная ситуация в мире в 2020–2021 гг., сложившаяся в результате наступившей пандемии COVID-19 и последовавшего из этого мирового экономического кризиса, оказала серьёзное влияние на экономику всех стран мира, включая Россию. Пандемия нанесла серьёзный удар не только системе здравоохранения, но и экономике страны.

Наибольшее влияние на финансовое состояние организаций и их выживаемость оказали последствия пандемии совместно с принятием карантинных мер и самоизоляцией[1]. Особенно пострадал малый и средний бизнес.

Значимый эффект также оказали падение цен на нефть и ослабление курса рубля, однако данные факторы играют гораздо меньшую роль, чем пандемия. В долгосрочной перспективе ограничительные меры повлияют и на функционирование системы здравоохранения, транспортного сектора, на организацию жизни людей в целом.

Особенно сложное положение предприятий наблюдается в дотационных регионах, т.к. падение прибыли и остановка деятельности малого предпринимательства в первую очередь сказываются на региональных бюджетах. В этом вопросе требуется серьёзная финансовая поддержка, в том числе со стороны федерального центра. Только так регионы получат возможность поддержать население и создать финансовый рычаг для восстановления роста.

Основным документом, регулирующим юридические аспекты процедуры банкротства в России, является Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 № 484-ФЗ).

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», настоящий Федеральный закон устанавливает основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов.

Определённым новшеством для судебной практики стало введение Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» ст. 9.1, которая устанавливает возможность ввода моратория на банкротство по решению правительства РФ.

1 октября 2020 г. Правительство РФ продлило действие моратория до 7 января 2021 г. (Постановление Правительства РФ от 01.10.2020 № 1587 «О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников») в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей, которые относятся к отраслям российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. С 7 января 2021 г. действие моратория было отменено.

В 2020 г. суды довольно активно использовали данные нормы и не допускали признания банкротства большинства предприятий. Так, в Постановлении арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.12.2020 № Ф01-14912/2020 по делу № А39-3750/2020 было отмечено, что, поскольку АО входит в холдинг системообразующей организации, на него распространяется мораторий в силу решения уполномоченного органа, несмотря на то, что кредитор указывал, что информацию об АО не содержится ни в Перечне системообразующих организаций, ни в Перечне стратегических предприятий.

Другим примером судебной практики является Определение арбитражного суда Республики Мордовия от 21.04.2020 по делу № А39-3364/2020. АО просило отменить обеспечительные меры в виде ареста заложенного имущества, ссылаясь на то, что состоит в одном холдинге с системообразующей организацией, в отношении которой действует мораторий на возбуждение дел о банкротстве. Судом было установлено, что АО входит в холдинг системообразующей организации, в отношении которой действует мораторий, и отменил арест заложенного имущества, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 9.1 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «О несостоятельности (банкротстве)», в период моратория не допускается обращение взыскания на заложенное имущество.

[1] См.: *Идрисова А.Н., Банная В.А.* Банкротство Российских компаний в условиях пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 10-1 (80). С. 141.

Таблица 1.

Количество сообщений о введении судами процедур в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств в 2015-2021 гг., шт.[1]

Сообщения	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
О признании должника банкротом и открытии конкурсного производства	13044	12549	13541	13117	12401	9930	10319
О введении наблюдения	10138	10487	11495	10547	10134	7775	8577
О введении внешнего управления	434	372	363	278	209	150	157
О введении финансового оздоровления	38	52	32	19	19	23	22

Таблица 2.

Количество сообщений об открытии конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств по разделу ОКВЭД должника в 2015-2021 гг., шт.[2]

Раздел ОКВЭД	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2020, %
Всего (в т.ч. без отрасли)	13044	12549	13541	13117	12401	9930	10319	3,9
Торговля	3421	3477	3818	3683	3383	2583	2585	0,1
Строительство	2264	2381	2759	2656	2482	2111	2317	9,8
Недвижимое имущество	1323	1270	1453	1385	1417	1183	1199	1,4
Обрабатывающие производства	1552	1474	1482	1424	1301	1090	1154	5,9
Консалтинг и научно-техническая деятельность	449	547	672	740	669	582	529	-9,1
Транспортировка и хранение	658	564	618	632	621	444	514	15,8
Сельское, лесное, рыбное хозяйство	939	671	566	554	537	417	394	-5,5
Административная деятельность	199	238	285	246	274	205	259	26,3
Финансы и страхование	214	292	315	346	331	255	209	-18,0
Энергетика	350	284	293	323	261	204	208	2,0
Гостиницы и общественное питание	189	187	208	205	222	138	176	27,5
Коммунальное хозяйство	175	149	172	186	173	135	162	20,0
Добыча полезных ископаемых	134	145	152	133	114	125	144	15,2
Информация и связь	110	129	193	160	142	118	143	21,2
Прочие услуги	242	151	65	72	80	59	51	-13,6
Культура и спорт	52	55	58	51	47	30	42	40,0
Здравоохранение	46	45	54	54	42	47	38	-19,1
Образование	7	6	18	8	14	8	12	50,0
Гос. управление и соц. обеспечение	7	6	2	8	8	4	2	-50,0

[1] См.: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2021. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический бюллетень Федресурс банкротство 31 декабря 2021.pdf

[2] См.: Банкротства в России: итоги 2021 г. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство статрелиз 2021.pdf

В целом, реализация данного Постановления позволила защитить финансово устойчивые компании в сложной ситуации[1]. Однако в результате появился высокий риск того, что вместо компаний, защищённых государством, обанкротятся их партнёры и контрагенты.

Если анализировать экономическую ситуацию со стороны самих предприятий, то здесь прослеживаются более пессимистичные настроения, связанные с неопределённостью в ближайшем будущем, недостаточностью государственной поддержки и снижением покупательной способности.

Большинство руководителей рассматривают кризисный план развития как необходимый инструмент управления компанией в ближайшие 3–5 лет.

В ситуации кризиса также изменилась роль годового плана в управлении для большинства российских компаний. Прежде всего, план становится не столько набором финансовых показателей, сколько указанием к действию в зависимости от реализации различных факторов риска.

Среди ключевых особенностей подхода к планированию в кризис среди предприятий выделяются снижение детализации, повышение гибкости и оперативности. Эксперты оценивают такую политику как политику скользящего планирования.

Согласно прогнозам Торгово-промышленной палаты, последствие пандемии может спровоцировать закрытие около 3 миллионов предприятий среднего и малого бизнеса. Каждое третье предприятие сообщает об отсутствии спроса на свои услуги или продукцию.

Таким образом, 2020 год стал одним из самых тяжелых для бизнеса, особенно для малых предприятий. В ситуации карантина и тотального падения спроса многие небольшие компании не смогли пережить кризис. В то же время ситуация в секторе МСП (малого и среднего предпринимательства) могла бы быть намного хуже – количество занятых в МСП за год не сократилось, а даже увеличилось на 129 тыс. человек, до 15,5 млн чел.

Государственные антикризисные меры поддержки занятости внесли свой позитивный вклад, хоть и не смогли в полной мере компенсировать падение доходов работников, особенно заметное в сегменте МСП. Обороты и выживаемость малого бизнеса будут зависеть от того, как скоро восстановятся доходы населения.

В 2021 г. количество корпоративных банкротств составило 10 139 шт., что на 3,9 % больше, чем в 2020 г.[2] При этом в 2020 г. наблюдалось снижение количества корпоративных банкротств на 19,9 % по сравнению с 2019 годом (9930 шт. в 2020 г. против 12401 шт. в 2019 г.), что было вызвано преимущественно действием моратория на банкротство юридических и физических лиц.

Число введённых судами процедур наблюдения в 2021 г. составило 8577 шт., что на 10,3 % больше, чем в 2020 г. (7775 шт.). Количество введений внешнего управления в 2021 г. составило 157 шт. (+4,7 %), а введение процедур финансового оздоровления наблюдалось 22 раза (23 раза в 2020 г.). Более детально информацию о ведении судами процедур в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств в 2015–2021 гг. можно увидеть в таблице 1.

Если рассматривать динамику открытия процедур конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств по отраслям деятельности, то больше всего открытий процедур конкурсного производства в 2021 г. наблюдалось в торговле (2585 шт., +3,9 % к 2020 г.), строительстве (2317 шт., +0,1 % к 2020 г.) и недвижимому имуществу (1199 шт., +9,8 % к 2020 г.). При этом наибольший прирост наблюдается в разделах «Образование» (+50,0 %), «Культура и спорт» (+40,0 %), а также «Гостиницы и общественное питание» (+27,5 %). В целом по итогам 2021 г. ситуация осталась достаточно стабильной, что во многом стало следствием введения моратория на банкротство, а также действием мер поддержки предприятий малого и среднего бизнеса. Более подробно динамика сообщений об открытии конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств по разделу ОКВЭД должника в 2015–2021 гг. представлена в таблице 2.

Таким образом, пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на количество банкротств юридических лиц в России и особенности проведения процедур банкротства. Многие компании были вынуждены перейти на «режим экономии» одновременно с перестройкой логистических цепочек и оптимизацией бизнес-процессов. При этом, с учётом текущей ситуации на Украине, действия санкций против России и продолжающейся пандемии COVID-19, постановлением Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» было принято решение о введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в отношении юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей сроком с 01.04.2022 г. по 01.10.2022 г. Данные меры позволят временно сдержать увеличение количества банкротств юридических лиц в 2022 г. Однако это не освобождает компании от уплаты долгов кредиторам, что может привести к резкому увеличению судебных исков и количества банкротств в будущем.

Кроме того, в 2022–2023 гг. также ожидается «волна» исков и судебных разбирательств со стороны юридических лиц к контрагентам, поскольку введённые ограничительные меры негативно повлияли на договорные отношения между ними –отдельные договорные условия стали либо вообще неисполнимыми на неопределенное время, либо их исполнение стало затруднительным. В связи с этим юридические лица (их контрагенты) захотят освободиться от ответственности за неисполнение обязательств (ст. 401 ГК РФ) либо расторгнуть договоры или изменить их условия вследствие существенно изменившихся обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), что повлечёт за собой многочисленные судебные споры.

[1] См.: *Гера А.В., Тарасов Ю.А.* Влияние пандемии COVID-19 на институт банкротства в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 10–23.

[2] См.: Банкротства в России: итоги 2021 г. Статистический релиз Федресурса. URL: https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2

Ю.А. Андриянова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.В. Шмелева
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СУЩНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация: *медицинская услуга как объект гражданских прав – особая разновидность услуг, главной особенностью которой является направленность на сохранение здоровья граждан как важнейшего нематериального блага. Правоотношения, возникающие при возмездном оказании медицинских услуг, регулируются отдельной главой Гражданского кодекса РФ.*

Ключевые слова: *объект гражданских прав, здравоохранение, здоровье, услуга, медицинская услуга, возмездное оказание медицинских услуг, медицинская помощь.*

Пандемия COVID-19 показала возможности российского здравоохранения, его важность для страны и внесла свои коррективы, в том числе в правовое регулирование оказания медицинских услуг. В данных условиях правительством были приняты срочные меры в целях обеспечения эпидемиологической безопасности, потребностей системы здравоохранения, и главное, восстановления, сохранения и укрепления здоровья граждан – важнейшей ценности современного общества и одного из ведущих условий успешного социального и экономического развития.

В Гражданском кодексе РФ здоровью отведена значительная роль в числе объектов гражданских прав. Право на здоровье относится к категориинематериальных благ и представляет собой систему установленных законодателемрегулятивных и охранительных гражданско-правовых норм по поводу здоровья граждан.Данное право включает в себя следующие элементы: право на получение квалифицированной медицинской помощи; право на своевременную лекарственную помощь и квалифицированное протезирование; право на донорство и трансплантацию органов, а также право на участие в медицинском эксперименте. Здоровье принадлежит человеку от рождения, является неотчуждаемым и непередаваемым каким-либо способом.

С жизнью и здоровьем человека напрямую связаны оказываемые на профессиональной основе медицинские услуги, являющиеся, согласно п. 2 ст. 779 ГК РФ, особой разновидностью услуг[1].

В доктрине гражданского права актуальными являются проблемы определения понятия медицинской услуги как объекта гражданских прав, ее соотношения с понятием «медицинская помощь» и определения специфических особенностей оказания медицинских услуг, а также допустимости рассмотрения деятельности по оказанию медицинских услуг в контексте договора возмездного оказания услуг[2]. В силу ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под медицинской услугой понимают медицинское вмешательство, направленное на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинской реабилитации, которое имеет самостоятельное оконченное значение[3].

Медицинская услуга как объект гражданских прав предполагает договорные обязательства – ее осуществление подпадает под режим правового регулирования отношений возмездного оказания услуг. Исполнитель (медицинская организация) обязуется по заданию заказчика (пациента) оказать медицинские услуги, а заказчик обязуется оплатить их[4].

А.В. Тихомиров определяет медицинскую услугу как «совокупность необходимых, достаточных, добросовестных, целесообразных и профессиональных действий медицинского работника (исполнителя, производителя услуг)». Она имеет своей целью удовлетворение потребностей пациента. При этом автор отмечает, что объективная необходимость должна учитывать дозволение пациента принять определенное медицинское вмешательство[5].

А.А. Раменская понимает под медицинской услугой «совокупность правомерных действий, осуществляемых медицинскими работниками, в государственных (муниципальных) учреждениях здравоохранения или частных медицинских организациях, направленная на улучшение здоровья пациента и его выздоровление и носящая возмездный характер[6]».

Медицинская услуга по своей правовой природе является достаточно сложным объектом гражданских прав и неоднозначно трактуется в доктрине гражданского права.

Профессор Ю.Х. Калмыков полагал, что правоотношения в области здравоохранения должны регулироваться административным правом[7]. Такой подход можно объяснить тем, что в охране здоровья граждан населения заинтересовано государство, есть публичный интерес, соответственно обязывающие и запрещающие нормы и императивный метод правового регулирования.

По мнению В.Л. Суховерхия, для медицинских услуг характерны юридическое равенство и независимость сторон, их относительная самостоятельность и автономия в выборе форм поведения, поэтому их следует считать предметом гражданско-правового регулирования[8].

---

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] См.: *Шаблова Е.Г.* Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 6.

[3] См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 10.04.2022 № 64-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[4] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410.

[5] См.: *Тихомиров А.В.* Медицинское право: практическое пособие. М.: Статут, 1998. С. 112.

[6] См.: *Раменская А.А.* Медицинская услуга: понятие и содержание // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. 2015. № 2. С. 248–251.

[7] См.: *Калмыков Ю.Х.* К понятию обязательства по оказанию услуг в гражданском праве // Советское государство и право. 1996. № 5. С. 116.

[8] См.: *Суховерхий В.Л.* Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 108.

Ю.Д. Сергеев также оказание медицинских услуг относил к гражданско-правовым отношениям, а именно – к «отношениям по горизонтали[1]».

А.Ю. Кабалкин, в свою очередь, отмечал, что платным медицинским услугам свойственен имущественный характер, следовательно, они являются гражданско-правовыми, а бесплатные медицинские услуги, наоборот, имеют административно-правовой характер[2].

Таким образом, несмотря на различные точки зрения насчет правовой природы медицинских услуг, обоснованной и аргументированной является позиция ученых, согласно которой гражданско-правовые отношения между медицинским работником, медицинским учреждением и пациентом по договору о возмездном оказании медицинских услуг – это сфера частного права. Для обязательств по оказания медицинских услуг в системе гражданско-правовых отношений характерны нормы-дозволения и диспозитивный метод правового регулирования, а также равноправие субъектов.

Кроме того, в ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РоссийскойФедерации» указано, что требуется получение добровольного согласия гражданина или его законного представителя на получение медицинской помощи, кроме экстренных случаев, то подтверждает общее правило о гражданско-правовой природе отношений между врачами и пациентами при оказании медицинской помощи[3].

Дискуссионным является вопрос соотношения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь».

Ю.В. Данилочкина считает, что медицинская услуга включает в себя действия медицинского характера – медицинскую помощь, которая является содержанием медицинской услуги. Медицинская помощь осуществляется как в рамках медицинской услуги, так и вне ее, следовательно, понятие медицинской помощи шире понятия медицинской услуги[4].

Медицинская помощь осуществляется на постоянной основе и подчиняется правилам медицины и представлениям о нравственности, сложившимся в обществе. Медицинская помощь не является составляющей экономического оборота, однако именно медицинская услуга является экономико-правовым выражением медицинской помощи в сфере охраны здоровья. Другими словами, целью оказания медицинской помощи является здоровье, а средством – медицинская услуга[5].

Пронин И.А. полагает, что понятия «помощь» и «услуга» применительно к медицине следует считать равными[6].

В свою очередь, Лисицын Ю.П. считает, что это разные виды деятельности и соответственно термины «медицинская услуга» и «медицинская помощь» имеют разные значения[7].

Таким образом, данные понятия в целом совпадают, т.к. медицинская услуга входит в понятие медицинской помощи, представляющей собой определенным образом организованный порядок предоставления медицинских услуг, следовательно, понятие медицинской помощи шире понятия медицинской услуги.

Важным для определения сущности медицинской услуги как гражданско-правовой категории является определение специфических особенностей, которые отличают ее от других видов услуг. Так, к основным признакам следует отнести следующие положения:

1. Объектом воздействия медицинской услуги являются такие ценные личные неимущественные блага, как жизнь, здоровье людей.

2. Медицинская услуга является разновидностью профессиональных услуг, что влечет за собой повышенные требования к квалификации исполнителя услуги.

3. Субъектами, обладающими правом оказывать медицинские услуги (исполнитель медицинских услуг), являются лица, получившие медицинское или другое образование в России в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и обладающие свидетельством об аккредитации специалиста[8].

Субъектами, получающими медицинскую помощь (заказчики медицинских услуг), являются пациенты, которые имеют право на получение квалифицированной медицинской помощи и предоставление медицинских услуг надлежащего качества.

4. Гражданско-правовой договор лежит в основе гражданско-правовых отношений между исполнителем и потребителем медицинских услуг. Правоотношения, возникающие при возмездном оказании медицинских услуг, регулируются отдельной главой Гражданского кодекса РФ, а также специальными Правилами.

3. Как следствие из предыдущего пункта – возмездный характер оказания данных услуг, несмотря на то, что в законодательстве закреплено оказание как платных, так и бесплатных медицинских услуг.

4. Публичный характер медицинской услуги вне зависимости от источника ее финансирования:

медицинская организация не вправе отказать потребителю в заключении договора, когда у нее есть возможность предоставить ему соответствующие услуги;

цена услуг, а также другие условия договора на оказание медицинских услуг должны быть одинаковыми для всех потребителей.

Данные положения соответствует характеристике публичного договора, согласно ст. 426 ГК РФ[9].

5. Неоднозначность оценки результата медицинской услуги, который, как правило, не имеет вещественного

---

[1] См.: *Сергеев Ю.Д.* Медицинское право: учеб. комплекс. Т. 1. М., 2008. С. 258.

[2] См.: *Кабалкин А.Ю.* Гражданско-правовой договор в сфере обслуживания. М., 1980. С. 22.

[3] См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 10.04.2022 № 64-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[4] См.: *Данилочкина Ю.В.* Понятие и правовая природа медицинских услуг // Медицинское право. 2008. № 4. С. 11.

[5] См.: *Горбунов А.Е.* Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» в контексте российского законодательства // Научный поиск. Спец. вып. по материалам науч. конф. преподавателей и студентов юрид. ф-та Иван. гос. ун-та. 2016. № 21. С. 43–44.

[6] См.: *Пронин И.А.* Соотношение понятий «помощь» и «услуга» в медицине: анализ гражданского законодательства // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1. С. 57–60.

[7] См.: *Лисицын Ю.П.* Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. М.: ГЭОТАР Медиа, 2010. С. 281.

[8] См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 10.04.2022 № 64-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[9] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 994. № 32,

выражения, поскольку услуга приобретается и потребляется в процессе ее оказания и не может быть передана заказчиком другому лицу.

6. Важной составляющей при оказании медицинских услуг является качество их предоставления, которое определяет квалификация исполнителя и техническая оснащенность медицинской организации.

7. Для медицинской услуги характерен правовой режим, подобный режиму источника повышенной опасности[1], что связано, например, с использованием специального медицинского оборудования, сильнодействующих лекарственных препаратов, что может повлечь развитие определенных осложнений у пациента.

Кроме указанных специфических особенностей при оказании медицинских услуг некоторые исследователи выделяют также сложность в оценке полезного эффекта, неотделимость от производителя и потребителя, изменчивость качества, невозможность стандартизации и типизации медицинских услуг и т.д.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что медицинские услуги как объект гражданских прав отличает особенный характер: медицинские услуги обладают помимо покупательских денежных рисков рисками физическими, поскольку связаны с сохранением здоровья граждан как важнейшего нематериального блага. Данный факт придает им особое правовое значение в связи с особенностями составляющих ее действий, осуществление которых нуждается в более детальном правовом регулировании.

Д.В. Андрющенко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.Н. Барсукова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРЕТЕНЗИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: *в статье раскрывается правовая природа претензионного производства как разновидности примирительных процедур, целью которой является урегулирование спора до обращения в суд. Особое внимание уделено пониманию претензионного производства.*

Ключевые слова: *досудебное урегулирование спора, претензионное производство, примирительные процедуры.*

В настоящее время законодательство не располагает легальным определением как самой категории «претензионное производство», так и смежных, таких как «претензия», «претензионный порядок». Встречающиеся в научной литературе понятия также не являются одинаковыми, в связи с чем следует рассмотреть некоторые из них.

По мнению Н.М. Игнатовича, претензионный порядок разрешения состоит в обязательном направлении контрагенту письменных требований до обращения в суд с иском[2]. К явным недостаткам представленного определения можно отнести его ограниченность признаком обязательности.

Согласно позиции Я.Е. Щербакова, «претензионный порядок урегулирования спора – разновидность примирительной процедуры, предполагающая самостоятельное урегулирование спора сторонами во вне и досудебном порядке посредством особого письменного общения с целью снятия правовой или фактической неопределенности и установлении (определении) гражданских прав, являющаяся для сторон, в силу договора или закона, обязательной или добровольной»[3].

На наш взгляд, представленный подход отражает сущность претензионного производства в целом и, в частности, отдельных его видов.

Правовая природа претензионного производства отчетливо прослеживается с момента зарождения института досудебного урегулирования спора. Первоначально оно приравнивалось к примирительным процедурам, что активно прослеживалось в его назначении. Так, обращению лица к властному органу за защитой нарушенного права предшествовало предъявление требования к непосредственному правонарушителю для того, чтобы разрешить спор добровольно.

Претензионное производство направлено на самостоятельное урегулирование спора сторонами не только до обращения в соответствующие органы, но и без такового. Этот признак также является важным в силу того, что учитывает возможность разрешения конфликта на данном этапе. В случае если гражданский спор будет урегулирован в претензионном порядке, необходимость обращения в суд отпадет, и претензионное производство выступит формой внесудебной защиты. Тем не менее, зачастую претензионное производство не рассматривается в данном ключе.

Отчасти это вызвано обязательностью претензионного порядка в случаях, предусмотренных законом. Альтернативой обязывающим нормам могут послужить дозволяющие нормы. Дозволяющие нормы содержатся, например, в части 1 статьи 37 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи»[4] или части 1 статьи 39 «Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»[5].

По нашему мнению, использование законодателем диспозитивного подхода к регулированию претензион-

ст. 3301.

[1] См.: Там же.

[2] См.: *Игнатович Н.М.* Внесудебные способы защиты субъективных гражданских прав // Journal of scientific research publications. 2014. № 6. С. 14–20.

[3] См.: *Щербаков Я.Е.* Претензионный порядок урегулирования споров в гражданских правоотношениях. Проблемы и направления развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). С. 55–63.

[4] См.: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» (в ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1999. № 29, ст. 3697.

[5] См.: Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2007. № 46, ст. 5555.

ного производства выступает более предпочтительным. Создается впечатление, что, обязывая пройти процедуру досудебного урегулирования, государство принуждает субъектов к примирению, что противоречит его сущности. Иными словами, обязанность попытаться урегулировать спор в досудебном порядке противоречит принципу добровольности, лежащему в основе примирения. С учетом данного принципа законодатель должен стремиться к преимущественному использованию диспозитивных начал.

Вместе с тем законодатель связал право на предъявление иска с выполнением требований соответствующих статей, тем самым изменив дозволительное начало на обязывающее. Однако в последнее время наблюдаются тенденции к смягчению данного подхода, так, в результате реформ 2018 г. обязательное претензионное производство в силу договора перестало существовать.

Законодательное регулирование претензионного порядка с помощью императивных методов отражает неоправданное вмешательство государства в частноправовые отношения равных в своих правах и обязанностях субъектов.

Объективное право не должно возлагать на участника спорных правовых отношений обязанность использования претензионного порядка, а лишь указывать на такую возможность. Также допустимо указание на использование альтернативных способов урегулирования спора, т.е. в идеальных условиях субъекты спорных правоотношений не должны ограничиваться конкретной процедурой, а иметь право выбора наиболее приемлемой на их взгляд.

Возложение обязанности соблюдения претензионного или иного досудебного порядка урегулирования споров, а также определение правовых последствий в виде возвращения иска, оставления его без движения или без рассмотрения выступают не только мерой стимулирования, но и ограничение конституционного права на судебную защиту. Вместе с тем стоит указать, что данные меры не препятствуют повторному обращению за защитой, что свидетельствует о преодолимости ограничения.

Принуждение к миру посредством ограничения основных прав человека, гарантированных Основным законом и ратифицированными международными правовыми актами, не может служить эффективным способом развития претензионного производства.

Напротив, самостоятельный и осознанный выбор сторон, касающийся урегулирования спора в пользу претензионного порядка, может оправдать наложенное на них ограничение, которое выражается не в обязанности.

Возложение обязанности не единственный способ регулирования правоотношений. Следует обратить повышенное внимание на иные способы, например, стимулирование.

Многими авторами отмечается необходимость распространения досудебного урегулирования именно посредством стимулирования. В качестве примера реализации такого подхода можно привести положения части 1 статьи 111 Арбитражного процессуального кодекса РФ: «в случае, если спор возник вследствие нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом или договором, в том числе нарушения срока представления ответа на претензию, оставления претензии без ответа, арбитражный суд относит на это лицо судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела»[1] [6].

Не менее очевидным примером стимулирования выступает положения Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», устанавливающие штраф за отказ от добровольного исполнения требований потребителя. Кроме того, неустойка за просрочку исполнения требования потребителя может быть заявлена только после направления соответствующей претензии[2].

Изложенное позволяет сделать вывод, что указанная норма не содержит ограничения права на судебную защиту, а мотивирует субъектов на самостоятельное урегулирование спора установленными законом способами.

Таким образом, полагаем, что законодателю необходимо пересмотреть вопрос, касающийся правовых последствий несоблюдения претензионного порядка урегулирования споров в пользу стимулирования.

Н.Л. Ануфриева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Д.В. Красиков к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: *в работе кратко рассмотрена деятельность брокеров данных, ее правовое регулирование в Европейском союзе, Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации.*

Ключевые слова: *информационный брокер, информационный посредник, брокер данных.*

Последние десятилетия информация приобрела особую значимость, став новым ресурсом, за который люди готовы платить. Это обусловило появление такой профессиональной области, как сфера деятельности информационных брокеров.

По данным исследования компании «ProPrivacy», 99 % пользователей выражают согласие с политикой конфиденциальности и условиями пользования ресурсов в сети Интернет, не задумываясь о том, на какой уровень контроля данных дается согласие и каков совокупный эффект на множестве веб-сайтах[3].

Каждый раз когда человек посещает тот или иной сайт, пользуется приложением на телефоне или прохо-

[1] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

[2] См.: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140.

[3] См: исследования компании «ProPrivacy». URL:https://pravo.ru/story/238705/?ysclid=l25zlxohju (дата обращения: 20.04.2022).

дит онлайн-тест, он оставляет электронный след, который могут использовать брокеры для сбора его данных.

Как правило, термины «информационный брокер» и «брокер данных» используются как взаимозаменяемые: речь идет о коммерческих компаниях, собирающие информацию о физических и юридических лицах для дальнейшей перепродажи[1].

В США первым штатом, издавшим закон, регулирующий брокерскую деятельность, стал Вермонт. Закон Вермонта определяет «брокера данных» в широком смысле как бизнес, подразделение или подразделения бизнеса, отдельно или вместе, которые сознательно собирают и продают или лицензируют третьим лицам личную информацию потребителя, с которым бизнес не имеет прямых отношений[2].

В Европейском Союзе действует Общий регламент по защите персональных данных (GDPR)[3], которое представляет собой закон о конфиденциальности и безопасности данных, который распространяется на любую организацию, которая нацелена или собирает данные потребителей в Европейском Союзе. В нем говорится, что потребители должны явно дать согласие, прежде чем их данные могут быть собраны. GDPR также дает потребителям право требовать, чтобы организации удаляли хранящиеся данные о них. В некоторых других странах действуют аналогичные законы – например, бразильским эквивалентом является Lei Geral de Protezго de Dados[4].

В США нет всеобъемлющего федерального эквивалента GDPR. Законы варьируются в зависимости от штата, причем некоторые штаты проявляют больший интерес к передаче данных, чем другие. Например, Закон о конфиденциальности потребителей Калифорнии[5] позволяет потребителям получать копии материалов, содержащих информацию, собранную о них брокерами данных, запрашивать удаление информации и отказываться от продажи своих данных.

В российском праве нет отдельного закона, регулирующего деятельность информационных брокеров. Вместе с тем, поскольку основной целью брокеров данных является извлечение прибыли, их деятельность может регулироваться нормами, относящимися к коммерческой деятельности.

Согласно Федеральному закону «О персональных данных», физическое лицо также имеет право на сбор и хранение информации с последующей ее продажей, зарегистрировавшись в качестве индивидуального предпринимателя[6].

Некоммерческие организации также имеют право на деятельность, связанную с обработкой персональных данных[7], например, в сфере политического «профайлинга».

В ходе своей деятельности брокер данных может получать информацию из общедоступных источников (ст. 8 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»). Так, брокер *Intellius* осуществляет свою деятельность с помощью публичных источников, что дает ему право не обеспечивать конфиденциальность информации[8].

Однако, если речь идет о получении персональных данных, сопряженном с нарушением права на тайну переписки и телефонных разговоров, либо права на неприкосновенность частной жизни, то стоит сказать об обязанности обеспечивать конфиденциальность этих данных (ст. 7 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»). В свою очередь, деятельность по технической защите конфиденциальной информации подлежит лицензированию (ст. 17 ФЗ от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»)[9].

Даже если брокер данных получит информацию из открытого источника, он все равно будет иметь дело с персональными данными, которые затрагивают права человека (ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»). Следовательно, пресечение незаконной деятельности брокеров возможно путем введения специальных разрешений (лицензий) на ведение профессиональной деятельности.

Согласно ст. 14.1 КоАП[10] и ст. 171 УК РФ[11] государством предусмотрены санкции за ведение предпринимательской деятельности без лицензии, в случаях, когда она должна быть в соответствии с законом. Такие неблагоприятные последствия являются стимулом к соблюдению высоких требований к деятельности брокеров данных, что позволит усилить уровень защиты конфиденциальной информации и, в первую очередь, персональных данных граждан.

Таким образом, в ряде иностранных государств создана законодательная база, регулирующая деятельность информационных брокеров, создавая благоприятные условия для функционирования и дальнейшего развития их деятельности. В российском праве отсутствует нормативно-правовой акт, закрепляющий правовое положение информационных брокеров, что вызывает необходимость применять аналогию права и обращаться к источникам смежных отраслей права. В связи с этим появляется острая потребность в скорейшем закреплении статуса информационного брокера с конкретными правами и обязанностями, а также требованиями, предъявляемыми к ним.

---

[1] См.: *Castelluccia C.* Behavioural Tracking on the Internet: A Technical Perspective // European Data Protection: In Good Health? / ed. by S. Gutwirth, R. Leenes, P. De Hert. Y. Poullet. Dordrecht: Springer, 2012. P. 21–33.

[2] См.: Vermont House Bill 764 : An act relating to data brokers and consumer protection. URL: https://legiscan.com/VT/text/H0764/id/1805533 (дата обращения: 24.03.2022).

[3] См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679 (дата обращения: 24.03.2022).

[4] См.: Lei Geral de Protezго de Dados. URL: https://www.cookielaw.org/regulations/lgpd/ (дата обращения: 24.03.2022).

[5] См.: California Consumer Privacy Act. URL: https://theccpa.org/ (дата обращения: 24.03.2022).

[6] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

[7] См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 3, ч. 1, ст. 145.

[8] См.: *Ларионова В.А.* Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху big data // Право в сфере интернета: сборник статей. М., 2018. С. 7.

[9] См.: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2011. № 19, ч. 1, ст. 2716.

[10] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 6 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

[11] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 09.03.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25, ч. 1, ст. 2954.

С.А. Апарин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.С. Рабаданов
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО (ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ): ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается понятие преступного сообщества (преступной организации), выявляются различные точки зрения учёных относительно отождествления понятий «сообщества» и «организации», проводится отграничение преступного сообщества от организованной группы, а также выделяются пробелы в законодательстве.*

Ключевые слова: *преступное сообщество, преступная организация, организованная группа, преступление.*

Преступные сообщества в России уже долгое время являются актуальной проблемой, как в теоретическом аспекте, так и в практическом. Начиная с петровских времен, в сводах законов и сборниках статей указывалось понятие преступных сообществ и назначалось наказание за организацию и участие в них. Наибольшего расцвета организованная преступность достигла во второй половине XX в., ведь с развитием всех сфер жизни общества развивались и преступные организации, и их методы ведения своей деятельности.

Актуальность темы данной работы обусловлена тем фактом, что преступное сообщество (преступная организация) является самой опасной формой соучастия, а значит преступления, совершаемые данным объединением, имеют повышенную общественную опасность. Для эффективного уголовно-правового противодействия таким структурам необходимо тщательное изучение текущего законодательства. К сожалению, оно далеко не совершенно и содержит массу пробелов, препятствующих грамотной квалификации преступлений, совершенных преступными сообществами[1].

Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды[2]. Из данного определения можно выделить признаки преступного сообщества (преступной организации).

Во-первых, это «структурированная организованная группа», однако сразу же возникает вопрос, чем в таком случае она отличается от «организованной группы», ведь последняя также имеет собственную внутреннюю структуру (разделение ролей и функций между ее членами). Законодатель считает, что основное отличие этих форм соучастия в цели их объединения: в отличие от преступного сообщества (преступной организации) организованная группа создается для совершения одного или нескольких преступлений без указания их тяжести и цели получения материальной выгоды. Уже на этом этапе в уголовно-правовой науке появляются иные точки зрения относительного того, насколько правильно отграничивать данные категории по направленности цели.

Во-вторых, преступное сообщество (преступная организация) – это еще и объединение организованных групп, действующих под единым руководством. Отличие этой разновидности от первой, по всей видимости, в способе их образования. Структурированная организованная группа изначально создается такой или становится в процессе осуществления совместной преступной деятельности. Объединение же предполагает существование самостоятельных независимых друг от друга групп, объединивших свои усилия с целью совместного совершения преступлений, образовав преступное сообщество (преступную организацию) под единым руководством. Наличие последнего указывает на большую структурированность таких групп, что облегчает как создание условий для совершения преступлений, так и непосредственно их совершение, тем самым повышая общественную опасность таких объединений по сравнению с организованной группой.

Что касается разграничения понятий «преступное сообщество» и «преступная организация», то по этому поводу мнение ученых также отличается от мнения законодателя. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 указывает, что закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация»[3]. Анализ правоприменительной практики также свидетельствует об отсутствии прецедентов разграничения данных понятий в процессе применения ст. 210 УК РФ. Эти обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что правоприменители соотносят преступное сообщество и преступную организацию как тождественные понятия. Такая позиция закона вызывает множество вопросов и дискуссий.

Анализ мнений ученых относительно определения исследуемого явления позволяет сделать вывод о существовании нескольких точек зрения. Одни считают, что понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» равнозначны. Другие полагают, что данные категории не тождественны, и их необходимо разделять. Третьи же вообще предлагают исключить одно из этих двух понятий из текста закона ввиду его избыточности.

По мнению сторонников первой точки зрения не имеет смысла проводить различия между понятиями преступного сообщества и преступной организации, ведь они наделены общими признаками: структурированность, длительное существование, единое руководство и т.д.

---

[1] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений / отв. ред. В.И. Артемов. М.: Юридическая литература, 1980.

[2] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022).

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)».

Некоторые авторы вообще считают, что все преступные объединения, содержащие признак организованности, стоит определять как «организованные преступные формирования» без необходимости производить уточнение и более детальное разграничение[1].

Оппоненты данной точки зрения полагают, что отождествление понятий «сообщество» и «организация» является правовой ошибкой, т.к. влечет за собой возникновение проблемных ситуаций в правоприменительной практике, а также дискуссий по поводу сходства и различия преступного сообщества и преступной организации.

В частности, Р.Р. Галиакбаров полагает, что замена двух уголовно-правовых понятий одного явления на криминологическую формулировку создаст еще большие сложности при квалификации на практике[2].

По мнению А.И. Долговой преступное сообщество создается с целью руководства и координации деятельности отдельных преступных групп и совместного создания наиболее благоприятных условий для преступной деятельности. Что касается понятия преступной организации, то это отдельное преступное формирование, возникающее в процессе расширения масштабов преступной деятельности и вовлечения в нее все большего числа субъектов. Таким образом, А.И. Долгова соотносит термины «преступное сообщество» и «преступная организация» как общее и частное[3]. Эта точка зрения, на наш взгляд, представляется наиболее полной.

Также существует мнение, согласно которому преступная организация – объединение организованных преступных групп в целях получения материальной выгоды, в то время как преступное сообщество представляет собой криминальное объединение организаторов и лидеров преступной среды (т.н. «воров в законе»), создаваемое для координации и упорядочения преступной деятельности, что также соотносится как частное с общим.

А.И. Гуров называет восемь признаков преступной организации:

1. Материальная база – денежные фонды, банковские счета, недвижимость.

2. Прикрытие в виде официальных предприятий, легальных кооперативов, ресторанов и т. д.

3. Руководящий орган, часто представленный в виде совета лиц, имеющих высшее положение в данном объединении.

4. Письменный или устный устав, т.е. правила поведения, традиции, законы и санкции за их неисполнение.

5. Строгая иерархия – разделение организации на составные группы, упорядочение ее членов в зависимости от занимаемого ими положения в ней.

6. Жаргон, т.е. специфические особенности письменной и устной речи (например, клички).

7. Информационная база – сбор различного рода сведений через СМИ или напрямую.

8. Наличие своих людей в судебных и правоохранительных органах.

Такие признаки присущи далеко не каждой преступной организации, а характерны скорее для ее высокоразвитого варианта, что указывает на возможную динамичность развития преступной организации. Автор считает, что некоторые преступные организации останавливаются на базовом этапе своего развития, другие же продолжают его, в конце концов становясь преступным сообществом. Можно сделать вывод, что, по мнению Гурова, преступное сообщество – высшая точка развития преступной организации[4].

Множество вопросов вызывает и цель создания преступного сообщества (преступной организации) – «совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» (ч. 4 ст. 35 УК РФ). В диспозиции ст. 210 УК РФ законодатель по какой-то причине не указывает цель получения финансовой или иной материальной выгоды, что создает явное противоречие между ст. 35 и 210 УК РФ. Заключается оно в том, что преступное сообщество (преступная организация) фактически может быть создано и в других целях, например террористических, где, как правило, отсутствует получение материальной выгоды. Ряд ученых считает целесообразным исключение из текста ч. 4 ст. 35 УК РФ этого положения.

Кроме того, вызывает критику указание законодателя на совершение минимально возможного одного тяжкого или особо тяжкого преступления. Эта позиция превращает преступное сообщество (преступную организацию) в более структурированную организованную преступную группу, хотя очевидно, что такое сложное преступное объединение не может создаваться для совершения одного тяжкого или особо тяжкого преступления. Такой подход законодателя фактически размывает границу между формами соучастия – организованной преступной группой и преступным сообществом (преступной организацией). Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ организованная группа – устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Закон не указывает здесь категорию преступлений, соответственно это могут быть тяжкие или особо тяжкие преступления. Цель их совершения также не указана, соответственно это может быть получение материальной выгоды. И в ч. 3 и в ч. 4 ст. 35 УК РФ указана возможность совершения одного или нескольких преступлений, следовательно, здесь тоже нет различия между этими формами соучастия. Е.В. Благов справедливо полагает, что основным отличием преступных сообществ (преступных организаций) от организованных групп является наличие не только вертикальных, но и горизонтальных связей между структурными подразделениями сообщества или организованными группами[5].

Еще одним спорным моментом является указание законодателя на объединение членов преступного сооб-

---

[1] См.: *Петров С.В.* Преступное сообщество и преступная организация: вопросы соотношения // Электронная библиотека КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnoe-soobschestvo-i-prestupnaya-organizatsiya-voprosy-sootnosheniya

[2] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд-во профессора Малинина, 2007. С. 322.

[3] См.: Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой. М., 1997.

[4] См.: *Гуров А.И.* Организованная преступность в России. М.: БЕК, 2001.

[5] См.: *Благов Е.В.* Преступное сообщество (преступная организация): проблемы понимания // Электронная библиотека КиберЛенин-

щества (преступной организации) в целях совершения именно тяжких или особо тяжких преступлений. Однако вместе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями членами данных объединений могут совершаться и иные, менее тяжкие преступления, например с целью скрыть или облегчить первые. Ряд авторов полагает, что противоречие между ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК фактически исключает возможность уголовно-правовой борьбы с преступными сообществами (преступными организациями) в случаях совершения ими преступлений иных категорий. Такое указание законодателя на цель создания преступного сообщества (преступной организации) нельзя считать вполне обоснованным решением, поскольку для совершения преступлений данных категорий могут быть созданы и группа лиц по предварительному сговору, и организованная группа. По сути, преступное сообщество (преступная организация) может создаваться для совершения преступлений любой категории. Более того, если в конце XX – начале XXI в. подобные объединения занимались заказными убийствами, разбоями, рэкетом и мошенничествами, то в современной России преступные сообщества как бы срастаются с легальными организациями и чаще создаются с целью совершения преступлений иных, менее тяжких, категорий. Соответственно, логичным шагом было бы исключение указания на категорию совершенных или планируемых преступлений преступным сообществом (преступной организацией).

На наш взгляд, рассматриваемые в данной статье понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» должны соотноситься как общее и частное. Вообще всю организованную преступность можно представить в виде пирамиды. В ее основании расположены отдельные организованные группы, далее они объединяются или перерастают в более сложные структурированные преступные организации, которые в свою очередь можно представить как подразделения преступных сообществ. Что касается цели создания таких структур, то здесь можно согласиться с мнением большинства ученых относительно того, что необходимо исключить из текста ч. 4 ст. 35 УК РФ указания на материальную выгоду во избежание противоречий между этой статьей и ст. 210 УК РФ. Что касается выделения количества и категорий совершаемых преступлений, то этих признаков явно недостаточно для полного разграничения преступного сообщества и организованной группы. Следовательно, их стоит либо исключить во избежание проблемных ситуаций, либо же заменить иными, более подходящими по смыслу и правильно раскрывающими отличия данных форм соучастия друг от друга.

Таким образом, можно вывести компромиссное, на наш взгляд, понятие преступного сообщества (преступной организации) – структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях осуществления преступной деятельности.

ка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnoe-soobschestvo-prestupnaya-organizatsiya-problemy-ponimaniya

Н.Ш. Арустамян
ПИУ им. П.А. Столыпина (филиал РАНХиГС), г. Саратов
Научный руководитель: Д.С. Велиева
д.ю.н., профессор ПИУ им. П.А. Столыпина
(филиал РАНХиГС), г. Саратов

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *государственная политика Российской Федерации охватывает различные сферы взаимодействия общества, государства, государственных структур и институтов, общественных организаций, территорий, партий, народов. Посредством данного взаимодействия разрешаются различные общественные проблемы, а также достигаются важные государственные цели.*

Ключевые слова: *Государственная политика, управление, взаимодействия общества, политика областей и регионов.*

Государственная политика Российской Федерации охватывает различные сферы взаимодействия общества, государства, государственных структур и институтов, общественных организаций, территорий, партий, народов. Посредством данного взаимодействия разрешаются различные общественные проблемы, а также достигаются важные государственные цели.

Как отмечает в своей работе В.М. Родачин, государственная политика возникла вместе с образованием государства, выступая инструментом управления, средством консолидации финансовых, материальных, трудовых, информационных и иных ресурсов для решения назревших общественных проблем (внутренняя политика), выстраивания связей с другими государствами и народами (внешняя политика), организации вооруженных сил и действий (военная политика), а также стратегией управления, выражающей перспективные и наиболее важные цели, недостижимые в текущих условиях, в сочетании с программой мер по их претворению в жизнь[1].

Таким образом, государственная политика предстает перед обществом как сложное и многогранное общественное явление, ведь именно управление, различаясь сложностью устройства, назначением и масштабами, особенностями взаимодействия общества, является ядром возникновения многочисленности видов общественного управления, а вместе с тем и разнообразия видов государственной политики.

В настоящее время классификация видов государственной политики весьма обширна. В зависимости от проблем в различных сферах деятельности выделяются такие виды государственной политики как экологическая, экономическая, социальная, информационная, военная, научно-техническая, культурная и другие. В основе данного разделения государственной политики вы-

[1] См.: *Родачин В.М.* Феномен государственной политики: сущность и виды // Гуманитарные науки. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2021. Т. 11. № 6. С. 47.

ступают направления, обусловленные проблемами, возникающими в той или иной сфере общественной жизни.

В свою очередь, государственная политика существует на уровне управленческих учреждений отдельных территорий государства, что формирует также особые её виды – к примеру, существует государственная политика областей и регионов. Вместе с тем, государственная политика может проявляться в управлении учреждениями государства – политика учреждений государства. Также, государственная политика может формироваться в сфере всевозможных гражданских организаций: негосударственных предприятий и учреждений, некоммерческих и профессиональных объединений и пр.

В пределах общественных институтов, которые существуют вполне самостоятельно и независимо друг от друга, формируется свой особенный вид политики в системе государственного управления, который предназначен для решения проблем и соответствует особенностям данных институтов общества и учреждений. Например, существует государственная политика политической партии, государственная политика финансового или кредитного учреждения, политика движения за гражданские права, политика промышленной организации, политика общества защиты животных и так далее.

Как можно было понять, перечисленные виды государственной политики складываются на различных уровнях управленческой жизни в системе государства. Любой вид государственной политики определён интересами и потребностями соответствующих объединений и сосредоточен на обеспечении условий их существования. В конечном итоге формируется классификация видов политического разнообразия, обусловленное множеством общественных институтов.

Из этого можно сделать вывод, что на различных уровнях в системе общественного управления вырабатывается большое многообразие видов государственной политики, служащее особенным показателем управленческого явления. Такое разнообразие лишний раз подчеркивает её широкую распространённость в общественной жизни, а вместе с тем показывает её необходимость в сфере управления.

Перечисленные виды государственной политики разделяют также по направлениям (сферам) своей деятельности, т.к. они складываются на различных уровнях управленческой жизни в системе государства. Так, выделяют следующие виды государственной политики.

1. Экологическая государственная политика.

Государственная экологическая политика – политика государства, направленная на обеспечение экологической безопасности. Она нацелена на бережное ресурсоиспользование, на устранение и предупреждение экологических проблем[1]. Таким образом, цель экологической политики Российской Федерации заключается в том что, государство сохраняет устойчивое равновесие в экологической сфере, а также обеспечивает конституционные права граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду. В перспективе, достижение вышеуказанной цели обеспечивается с помощью улучшения состояния окружающей среды всех регионов нашего государства, в которых наблюдается критическая экологическая обстановка, а также сохраняется стабильность экологической сферы в иных регионах нашего государства.

Следует понимать, что каждое государство в своём территориальном охвате должно активно обеспечивать организацию такой жизни, которая не шла бы в разрез экологической стабильности. В целом в Российской Федерации в области экологического развития прослеживаются положительные тенденции, однако для успешного претворения в жизнь перспективных замыслов и проектов следует приложить немало усилий государственному аппарату и каждому отдельному гражданину.

2. Экономическая государственная политика.

Экономическая политика – совокупность различных направлений, элементов, которые при взаимодействии формируют экономическую политику государства. Как отмечает в своей работе Н.В. Васильева – государственная экономическая политика воплощается в совокупности предпринимаемых государством мер, с помощью которых происходит достижение намеченных целей и решение социально-экономических задач[2]

Разработка экономической политики государства заключается в ее научном обосновании, учете необходимости обеспечения социально-экономической стабильности и развития страны. Наиболее интересными отличительными тенденциями в экономической политике нашей страны являются: краткосрочный период планирования в бизнесе; зависимость экономики от ресурсов; создание государственных корпораций и обеспечение монополии государства в некоторых отраслях путем владения отдельными компаниями и др.

3. Военная государственная политика.

В настоящее время огромное значение приобретает проводимая военная государственная политика. Так, адекватная реакция нашего государства на возникающие и существующие угрозы и опасности, а также отстаивание своих национальных интересов требует от государственных институтов и организаций, а также от общества в целом, постоянной работы. В связи с этим на государственном уровне разрабатываются, а затем реализуются различные меры военного характера, которые направлены на защиту суверенитета Российской Федерации, её территориальной целостности, а также направлены на предотвращение применения военной силы против нашего государства.

4. Социальная государственная политика.

Государственная социальная политика включает комплекс мер, направленных на развитие социальной сферы. Достижение целей в этой области имеет важное значение, поскольку от качества проведения такой политики и мероприятий зависит отношение населения к власти, работодателям. Так, в настоящее время российское государство предает огромное значение социальному обеспечению граждан и реализации эффективной социальной политики. Социальная поддержка лиц в трудной

[1] См.: *Елизова Т.Н.* Государственная экологическая политика в Российской Федерации // студенческие чтения. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 94.

[2] См.: *Васильева Н.В.* Государственная экономическая политика: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 4.

жизненной ситуации, развитие негосударственных некоммерческих организаций, социальное обслуживание граждан старших возрастов (пенсионеров), социальная интеграция и реабилитация инвалидов, поддержка семей на государственном уровне – это, несомненно, улучшение социального климата в российском обществе. Но, в сложившихся непростых условиях, которые вызваны запутанными процессами социально-исторического развития, государству необходимо особое внимание уделять дальнейшему изменению социальной сферы. Это может быть осуществлено с помощью значительного повышения благосостояния широких слоев населения доступным и комфортным жильем, проведения новой политики стимулирования рождаемости, а также путем реализации национальных проектов в сфере преодоления бедности, здравоохранения и образования. Таким образом, при реализации социальной политики правительство должно усилить мониторинг социального развития по всем приоритетным направлениям, т.к. ее эффективность важнейшая цель для обеспечения устойчивого социального развития страны[1].

Кроме вышеперечисленных видов государственной политики существуют такие виды как: научно-техническая государственная политика; культурная государственная политика; административная государственная политика; внешняя государственная политика; внутренняя государственная политика; демографическая государственная политика и др.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что государственная политика имеет видовое многообразие, а также весьма различна в своих проявлениях и формах существования. Кроме этого государственная политика имеет множество классификаций своих видов, что определено видовым разнообразием управления в обществе – в настоящее время существует экологическая, экономическая, социальная, информационная, военная, научно-техническая, культурная, внутренняя, внешняя и другие. В основе данного разделения государственной политики выступает направление обусловленные проблемы по сферам деятельности. В свою очередь, государственная политика существует на уровне управленческих учреждений отдельных территорий государства, что формирует также особые её виды – так, к примеру, существует местная политика, региональная политика, общегосударственная политика, международная (мировая) политика. Государственная политика также может проявляться в управлении учреждениями государства – политика учреждений государства. Из этого можно сделать вывод, что на различных уровнях в системе общественного управления вырабатывается большое многообразие видов государственной политики, служащее особенным показателем управленческого явления. Такое разнообразие лишний раз подчеркивает её широкую распространённость в общественной жизни, а вместе с тем показывает её необходимость в сфере управления.

[1] См.: *Арутюнова А.Е., Смирнова Е.В.* Социальная политика: актуальные проблемы, приоритетные направления и модель современного развития // Естественно-гуманитарные исследования. Краснодар: Академия знаний, 2021. № 34(2). С. 26.

А.Ю. Астахова
Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
Научный руководитель: А.И. Гришин
к.ю.н., профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается деятельность прокурора по уголовным делам в суде первой инстанции. Вариация действий прокурора по подготовке к рассмотрения уголовного дела разнообразна и включает в себя как принятие решения по обвинительному заключению и направлению дела в суд, так и полномочия прокурора по его участию в суде.*

Ключевые слова: *государственное обвинение, полномочия прокурора, уголовное судопроизводство.*

Сложный структурный характер и процедура деятельности прокурора по рассмотрению уголовных дел в суде первой инстанции имеет весьма серьезное значение. С того момента, как дело поступает к прокурору с обвинительным заключением и до его рассмотрения по существу, на прокурора возлагается ряд значительных правовых обязанностей, имеющих четкую структуру и временные рамки.

Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами нацелено на защиту конституционных прав граждан, а также охраняемых интересов общества и государства в уголовном судопроизводстве, содействует укреплению законности при осуществлении правосудия по уголовным делам[2].

Ввиду того, что вариации действий прокурора по подготовке рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции и его участия в суде весьма разнообразны и точную классификацию этой деятельности выявить достаточно проблематично. Связано это с тем, что рассматриваемая деятельность прокурора включает в себя реализацию им своих полномочий как в досудебном производстве, так и непосредственно в суде. При этом хотелось бы подчеркнуть, что данный вопрос будет рассматриваться нами с позиции только двух этапов его деятельности. Первый этап касается деятельности прокурора при принятии им решения по обвинительному заключению и направлению уголовного дела в суд, а второй – связан с реализацией прокурором своих полномочий по назначению государственного обвинителя и участием последнего при рассмотрении судом уголовного дела по существу.

Деятельность прокурора на первом этапе начинается с подробного изучения материалов поступившего к нему уголовного дела с последующим принятием решением об утверждении обвинительного заключения (акта, постановления). Данная процедура является необходимой

[2] См.: *Коршунова О.Н., Лавров В.В., Никитин Е.Л.* Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. С. 105.

и значимой, поскольку это обусловлено необходимостью проверки законности самого расследования, установления особенностей конкретного уголовного дела и полноты доказательств виновности обвиняемого в совершении преступления.

Анализ статей 221 и 226 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ)[1] позволяет утверждать, что без предварительного изучения материалов уголовного дела прокурор будет лишен возможности объективно и обоснованно поддерживать государственное обвинение. Утверждая обвинительное заключение (акт, постановление), прокурор возлагает на себя ответственность за полное установление всех обстоятельств уголовного дела и доказанность обвинения.

Так, в ходе рассмотрения материалов уголовного дела № 1-504/2021 в Кировском районом суде г. Саратова установлено, что в обвинительном заключении на стадии предварительного следствия подсудимому вменена ч. 2 ст. 162 УК РФ – разбой, т.е. нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применение предмета используемого в качестве оружия. Согласно диспозиции ст. 162 УК РФ разбой, как форма хищения, образует нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Следователем в обвинительном заключении не было указано, каким образом применение такого насилия совершено подсудимым, что, в свою очередь, является существенным нарушением уголовного закона при квалификации деяния по названной статье. Указанное нарушение не было учтено прокурором при утверждении обвинительного заключения, что привело за собой возвратит уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, поскольку данные нарушения не могут быть устранены в ходе судебного заседания и напрямую влияют на полноту и правильность рассмотрения материалов уголовного дела по существу[2].

После того, как утверждено обвинительное заключение (акт, постановление), прокурор обязан в соответствии со ст. 222 УПК РФ направить его итоговую копию обвиняемому. Данное действие имеет важное значение, поскольку на основании ст. 265 УПК РФ в ходе судебного разбирательства суд выясняет у подсудимого была ли вручена ему копия обвинительного заключение (акта, постановления). Установление данного факта имеет ряд значений, первое из которых заключается в возможности обвиняемого воспользоваться конституционным правом на защиту (о чем гласит ч. 1 ст. 46 Конституции РФ[3]). Второй особенностью выступает временной фактор, т.к. судебное разбирательство не может быть начато ранее, чем через 7 суток после вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому (ч. 2 ст. 233 УПК РФ).

Очевидно, что прокурор должен исключить факты направления уголовных дел в суд с нарушениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства на ранних этапах производства по уголовному делу.

После поступления дела в суд прокурор обязан определить государственного обвинителя. Следует отметить, что государственное обвинение представляет собой сложное правовое явление, которое реализуется прокурором в суде первой инстанции с помощью разнообразных процессуальных приемов и способов, присущих прокурору–государственному обвинителю в зависимости от порядка судебного рассмотрения уголовного дела и решаемой цели, стоящей перед обвинением в суде[4].

Так, в Кировском районом суде г. Саратова было рассмотрено уголовное дело № 1-13/2021 в ходе рассмотрения которого неоднократно производилась замена государственных обвинителей, что, в свою очередь, оказывало отрицательное влияние на качество судебного разбирательства. Вследствие этого председательствующим по делу в адрес прокурора было вынесено частное постановление в связи с нарушением требований ч. 4 ст. 246 УПК РФ, а именно – заявлением в судебном заседании государственным обвинителем ходатайства об отложении рассмотрения уголовного дела в связи с необходимостью ознакомления с его материалами. В тоже время, ранее подобное ходатайство уже заявлялось на предшествующем судебном заседании, из чего следует, что государственный обвинитель был не подготовлен к судебному заседанию. Впоследствии указанное частное постановление было обжаловано в апелляционном порядке, однако судебный акт был оставлен без изменения вышестоящим судом, а доводы апелляционного представления без удовлетворения[5].

Деятельность государственного обвинителя в судебном процессе имеет достаточно широкую вариативность и не ограничивается только лишь исследованием предоставленных материалов. Основная задача заключается в демонстрации максимальной причастности обвиняемого лица к совершению преступного деяния. Именно поэтому, если у прокурора возникнут сомнения в полноте представленных доказательств по делу, или присутствует противоречивая ситуация в соотношении показаний, прокурор может реализовать предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством дополнительные меры, направленные на восполнение полноты доказывания.

Таким образом, деятельность прокурора по участию в рассмотрении дела в суде первой инстанции достаточно разнообразна и, в большинстве своем, зависит от особенностей соответствующего этапа судебной деятельности.

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.03.2022) // СЗ РФ. 2001. 2001. № 52, ст. 4921; 2021. № 15, ст. 2434.

[2] См.: Решение Кировского районного суда г. Саратов по делу № 1-504/2021. URL: https://kirovsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=127720178&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.03.2022).

[3] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

[4] См.: *Поляков М.П., Федулов А.В., Власова С.В. и др.* Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 195. URL: https://urait.ru/bcode/450520/p.195 (дата обращения: 20.03.2022).

[5] См.: Решение Кировского районного суда г. Саратов по делу № 1-13/2021. URL: https://kirovsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=54009006&case_uid=76b368a8-7b6b-4e5e-b332-3af519242358&delo_id= 1540006 (дата обращения: 20.03.2022).

И.З. Атмурзаев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: С.А. Сусликов
к.ю.н, доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ТЕОРИЙ «ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА»

Аннотация: *в статье с конституционно-правовых позиций анализируются некоторые теории, распространяющие суверенитет государства на цифровое пространство. Отмечаются недостатки предложенных концепций. Также анализируются положения Конституции, содержащие нормы о суверенитете.*

Ключевые слова: *суверенитет, цифровое пространство, Конституция.*

В эпоху интенсивной глобализации цифровые технологии и сеть Интернет представляют собой важную часть жизни индивида, общества и государства. В условиях возрастающей роли сети Интернет в рамках глобализации в том или ином виде всё чаще поднимается вопрос о существовании «информационного суверенитета» государства. При этом понятия «цифровой суверенитет», «суверенитет в цифровом пространстве» являются новацией; до 2016 г. они фактически не употреблялись в российских нормативных документах[1]. В условиях интенсивной цифровизации представляется необходимым предпринять попытку анализа имеющихся концепций «цифрового суверенитета» с конституционно-правовых позиций.

Стоит отметить, что единого подхода к анализируемому феномену на данный момент не существует. Например, А.А Ефремов определяет т.н «цифровой суверенитет» как возможность государства осуществлять посредством национального права и формируемого с участием этого государства международного права регулирование определённого информационного пространства[2]. Достоинством приведённой точки зрения является отсутствие прямо закреплённых в определении антиконституционных элементов вроде обязательной идеологии, а также указание на возможный механизм определения границ «суверенного интернета» посредством международных договоров государства.

Однако в рамках данной концепции не раскрываются фундаментальные понятия: «Интернет», «национальный сегмент интернет-пространства». Также автор не учитывает специфику Интернета как глобальной, взаимосвязанной сети, которую невозможно разграничить каким-либо однозначным способом на «суверенные» национальные сегменты.

Иная концепция представлена Е.Г. Зориной. По её мнению, т.н. «информационный суверенитет» состоит из двух составляющих: реактивной и атакующей; данные элементы в своей совокупности образуют «информационный щит» и «информационный меч».

Для «информационного щита» характерны такие элементы, как высокий уровень компьютеризации государства, собственное программное обеспечение, наличие собственной интернет-инфраструктуры; «информационный меч» включает в себя развитую систему пропаганды, институционализацию информационной сферы и ряд иных элементов[3].

Данная интерпретация концепции «цифрового» или «информационного» суверенитета также представляется неудачной. Во-первых, имеет место неоправданно широкая трактовка понятия «информационный суверенитет», включающая в себя не только цифровые элементы, но и выходящие за рамки цифрового пространства элементы (например, к таковым относится развитая система пропаганды). Во-вторых, в рамках данного подхода не делается попыток дать определения таких понятий, как «цифровое пространство», «Сеть Интернет», «национальный сегмент Сети Интернет»; при этом данные понятия являются фундаментальными для конституционно-правового исследования анализируемого феномена.

В-третьих, данное исследование не опирается на Конституцию РФ или иные российские законы, что лишает его конституционно-правового элемента. При этом именно опора на позитивное законодательство должна быть неотъемлемой частью исследования «цифрового суверенитета», т.к. существование суверенных прав государства должно напрямую выводиться из Конституции и иных законодательных актов Российской Федерации.

Существует точка зрения, согласно которой информационный суверенитет разделяетяется на несколько составляющих: собственно «цифровой суверенитет», «ментальный суверенитет», «властный суверенитет»[4]. Данная теоретическая модель, так же, как и другие проанализированные подходы, не опирается на конституционно-правовую основу, широко толкует понятие «информационный суверенитет», выводя его за рамки цифровой сферы, что представляется неоправданным расширением сферы использования данного понятия.

Рассмотренные доктрины не столько изучают возможность существования суверенных прав государства в цифровом пространстве, сколько постулируют их наличие, не затрагивая конституционно-правовые аспекты проблемы.

Между тем сама возможность отнесения киберпространства или его части к российской (и в целом любой государственной) территории представляется сомнительной. Так, согласно ч. 1 ст. 67 основного закона России территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними, а ч. 2 указанной статьи распространяет суверенные права

[1] См.: *Бухарин В.В.* Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО Университета № 6. 2016. С.77.

[2] См.: *Ефремов А.А.* Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. 2017. № 1. С. 211.

[3] См.: *Зорина Е.Г.* Информационный суверенитет современного государства и инструменты его обеспечения // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. Социология. Политология. Т. 17. Вып. 3. С. 346–347.

[4] См.: *Кучерявый М.М.* Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. № 9. 2014. С. 12.

и юрисдикцию на континентальный шельф и специальную экономическую зону[1].

Приведённый перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Следовательно, установить «информационный суверенитет», с конституционно-правовой точки зрения, невозможно, т.к. такая форма суверренных прав государства не вытекает с необходимой очевидностью из текста ч. 1 ст. 4, а также ч. 1 и ч. 2 ст. 67 Конституции РФ поскольку в данных нормах киберпространство не обозначается как часть российской территории.

Таким образом следует отметить, что идея «цифрового суверенитета» как специфической разновидности суверенных прав государства несостоятельна, т.к. позитивное право на сегодняшний день не относит интернет-пространство к территории Российской Федерации.

Е.С. Афанасьева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.С. Хижняк
д.ю.н., доцент, профессор ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОТАРИУСА И АДВОКАТА В РАМКАХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация: *все мы привыкли к тому, что при открытии наследства, принятии завещания, составлении завещания и т.д. первая мысль, которая у нас возникает – это обращение к нотариусу. У юридически подкованных граждан первой ассоциацией на слово «наследство» является «нотариус». Однако не только нотариус является лицом, который может помочь в решении вопросов наследства. Зачастую мы забываем о том, что наследство – это не всегда очевидный исход, с которым может разобраться любой человек. Однако практика говорит о том, что не менее важным звеном в решении наследственных вопросов является адвокат. Именно о важности адвоката в подобных вопросах мы постараемся разобраться в рамках настоящей статьи.*

Ключевые слова: *нотариус, адвокат, ошибки, наследование, нотариальная деятельность.*

Согласно нотариальной и судебной практике в процессе реализации целей нотариальной деятельности по защите законных интересов и прав граждан, а также юридических лиц нотариусами может быть совершен ряд ошибок, при определенных условиях, которые могут повлиять на соблюдение прав лиц, непосредственно принимающих участие в наследственных правоотношениях.

Важно отметить, что достаточно активная роль адвоката, который представляет интересы наследника, сможет существенно поднять качество оформления наследственных прав, а также уменьшить число издержек, в том числе относительно вопросов, не имеющих четкой трактовки в законодательстве. При этом, как профессиональный юрист – адвокат, применяя знания из области судебной практики, при непосредственном взаимодействии с нотариусом оказывает содействие в ведении наследственного дела не только собственному доверителю, но и нотариусу.

Обратить внимание следует также на тот факт, что помощь адвоката состоит не столько в представлении нотариусу правильно оформленных документов и собранных, сколько, зачастую, в формировании грамотной правовой позиции относительно спорных вопросов с опорой на собственный профессиональный опыт и исследованные судебные решения.

Отметим также, что при оформлении наследственных прав важно уделить внимание нотариальному удостоверению завещаний, что является наиболее важным основанием открытия наследства.

В первую очередь, нотариус при обращении лица по факту удостоверения завещания занимается вопросом установления дееспособности данного лица.

Отметим также, что в своей деятельности нотариус должен принять все необходимые меры, которые позволяют завещателю свободно изложить свою волю, без какого-либо влияния третьих лиц. Не менее важно также, что способность завещателя отдавать отчет своим действиям проверяется с помощью проведения нотариусом беседы с завещателем[2], в ходе которой нотариус оценивает ответы завещателя на заданные вопросы. Далее на основании полученных ответов нотариус заключает о возможности лица или отсутствии таковой в понимании сущности собственных действий.

Теоретики юридической науки, а также практики отмечают, что при оформлении наследственных прав наиболее распространенными ошибками, являются такие, как:

«– оформление принятия наследства через представителя по доверенности, в которой отсутствует специальное полномочие (ч. 3 п. 1 ст. 1153 ГК РФ);

– оформление наследственных прав по завещанию, которое отменено последующими завещаниями (п. 2 ст. 1130 ГК РФ);

– принятие заявлений об отказе от наследства, которые были поданы по истечении шести месяцев со дня смерти наследодателя (п. 2 ст. 1157 ГК РФ);

– отказы от обязательной доли в наследстве в пользу другого наследника, отказы от наследства в пользу других наследников, когда в наследственном деле имеются завещания на все имущество (ч. 2 п. 1 ст. 1158 ГК РФ);

– невыяснение круга наследников, которые имеют право на обязательную долю, при наличии завещания в наследственном деле (ч. 2 ст. 73 Основ законодательства РФ о нотариате);

[1] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

[2] См.: *Арзуманян Д.А.* Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках правозащитной деятельности: основные выводы исследования // Евразийская адвокатура. 2021. № 4 (53). С. 75–79.

– определение стоимости наследственного имущества не на дату смерти»[1] и т.п.

Наследование является достаточно важным правовым механизмом, обеспечивающим переход имущества после смерти собственника законным путем. В связи с чем нотариус обязан с необходимой степенью ответственности подходить к решению всех вопросов, которые связаны с осуществлением наследственных прав. При этом адвокаты выступают не только в качестве представителей интересов доверителя, но и своего рода «стражами закона», а при выстроенном должном уровне взаимодействия с нотариусом, согласовании позиции своего доверителя, оказывают значимую помощь в целом в стабилизации наследственно-правовых отношений[2].

Таким образом, рассмотренные в рамках настоящей статьи вопросы показывают, что институт наследственного права является достаточно сложным и не во всех случаях на практике трактуется однозначно. Однако, анализ обзора нотариальной и судебной практики позволит снизить количество ошибочных решений нотариусов и, что приведет к повышению качества оформляемых нотариусами нотариальных актов, которые непосредственно закрепляют наследственные правоотношения.

Д.И. Бабак
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ю.Ю. Изварина старший преподаватель ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов.

КАТЕГОРИЯ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация: *в статье анализируются различные доктринальные и законодательно регламентированные позиции касательно такой фундаментальной категории права социального обеспечения как «нетрудоспособность». Разграничиваются понятия «нетрудоспособность» и «нуждаемость». Говорится о необходимости законодательного закрепления дефиниции «нетрудоспособность», что позволит обеспечить реализацию гарантии каждого гражданина на предоставление ему обеспечения.*

Ключевые слова: *нетрудоспособность; социальное обеспечение; социально незащищенные граждане; страховой случай; пособия.*

На сегодняшний день отсутствует как законодательное закрепление понятия «нетрудоспособность», так и выработка его в доктрине права социального обеспечения, что создает существенные проблемы в сфере правоприменения. Законодатель по-разному рассматривает процедуру признания лица нетрудоспособным и её правовые последствия. Проанализировав нормы действующего законодательства в области социального обеспечения граждан, можно сделать следующий вывод: понятие «нетрудоспособность» является неоднозначным, оно постоянно меняется в зависимости от подлежащего применению закона и от контекста, в котором оно употреблено.

По общему правилу, нетрудоспособность представляет собой конкретное состояние организма человека (болезнь, травма или увечье). При этом для права социального обеспечения большое значение имеют причины признания лица таковым, т.к. именно они обуславливают предоставление ему определенных выплат. Отдельные виды социального обеспечения возможны даже в том случае, когда лицо полностью здорово и не имеет ограничения для осуществления той или иной деятельности по состоянию здоровья.

Благодаря данному факту представляется возможным в рамках права социального обеспечения полагать, что признание лица нетрудоспособным возможно не только в случае конкретного состояния здоровья человека, которое препятствует осуществлению им своей деятельности, но и в случае наличия иных причин социального характера. Такие социальные причины могут быть связаны, например, с необходимостью ухода за малолетними детьми, больными членами семьи, инвалидами 1 группы или лицами старше 80 лет[3].

Сегодня в доктрине права социального обеспечения существует широкий и узкий подходы к определению понятия «нетрудоспособность». В узком смысле «нетрудоспособность» обуславливается состоянием здоровья человека, ее можно классифицировать на полную и частичную, временную и постоянную.

В широком же смысле под данную категорию подпадает и фактически здоровое трудоспособное лицо, которое включается в список «нетрудоспособных» ввиду того, что оно по причинам социального характера не осуществляет трудовую деятельность, не имеет заработка или дохода.

Действующее законодательство в области обеспечения пенсиями, пособиями по временной нетрудоспособности и компенсациями регламентирует различные правовые последствия признания лица нетрудоспособным. В пенсионном законодательстве закреплено самое широкое понимание категории «нетрудоспособность», что находит свое выражение в нормах, регламентирующих право на пенсию по случаю потери кормильца. Например, изучение Федерального закона «О страховых пенсиях» от 28 декабря 2013г. № 400-ФЗ[4], Федерального закона

[1] Цит. по: *Бегичев А.В.* Проблема реализации единообразия нотариальной практики оформления наследственных прав: опыт взаимодействия адвоката и нотариуса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12 (40). С. 221–229.

[2] См.: *Черемных Г.Г.* Нотариальные действия и основные правила их совершения // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 5. С. 35–39.

[3] См.: *Нижечек Е.В.* К вопросу о понятии «Нетрудоспособность» в праве социального обеспечения // Пролог: журнал о праве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-netrudosposobnost-v-prave-sotsialnogo-obespecheniya (дата обращения: 18.04.2022).

[4] См.: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 08.03.2022) // Рос. газ. 2013. № 296.

«О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15.12.2001г. № 166-ФЗ[1] и других законов в указанном области общественных отношений позволяет говорить, что к числу лиц, которые имеют право на указанный вид пенсии, относятся трудоспособные, но не работающие лица, в связи с их уходом за детьми, сестрами, братьями в случае отсутствия у них родителей.

Ряд ученых считает, что под случаями нетрудоспособности следует понимать не только те события, которые не зависят от воли человека (детство, инвалидность или болезнь). Социальное обеспечение предоставляется также при зависящем от воли человека событие, вызывающем временную утрату трудоспособности, в результате будет сокращение его средств для существования (беременность, роды или материнство). При этом очевидно, что большая часть случаев нетрудоспособности все же не зависит от воли человека: некоторые из них являются следствием физиологического развития человека (рождение, детство, болезнь, инвалидность от общего заболевания, старость и т.п.), другие представляют собой результат общественных явлений (ранение), третьи же вызваны профессиональной деятельностью человека. Помимо этого, социальное обеспечение может быть обусловлено жизнью в многодетной семье или семье военнослужащего.

Проблема определения понятия «нетрудоспособности» обусловлена и тем фактом, что в разных федеральных законах в области социального обеспечения и социального страхования причины нетрудоспособности раскрываются применительно к каждому страховому случаю отдельно.

Например, в Федеральном законе «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998г. № 125-ФЗ[2] страховой случай определен как факт повреждения здоровья вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания; п. 1.1 ст. 7 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ[3] включает еще беременность и роды, рождение ребенка и уход за ним до определенного возраста; ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ[4] расширяет данный перечень следующими событиями: достижение пенсионного возраста, наступление инвалидности, потеря кормильца.

Также существует и другая проблема при определении категории «нетрудоспособность» в праве социального обеспечения, которая связана с отождествлением указанной категории с понятием «нуждаемость». В некоторых же источниках условием предоставления социального обеспечения указывается именно нуждаемость, а не нетрудоспособность, что, естественно, создает проблему правового регулирования.

Так, нетрудоспособность рассматривается в качестве одной из основополагающих причин нуждаемости человека, помимо этого она является и составным элементом данного понятия. Нуждаемость представляет собой материальное положение человека, ставящее под угрозу его физиологическое и социальное существование в целом, от которого он самостоятельно без посторонней поддержки избавиться не сможет. Бесспорно, данное мнение заслуживает пристального внимания. Нуждаемость действительно может быть вызвана различными причинами, включая как нетрудоспособность по состоянию здоровья, так и, например, малообеспеченность лиц ввиду невысокой заработной платы.

Однако несмотря на различное понимание причин социального обеспечения граждан пенсиями, пособиями и другими благами в законодательстве и доктрине в области социального обеспечения, необходимо говорить, что правовым основанием социального обеспечения все же является нетрудоспособность, а не нуждаемость.

Для устранения указанных выше проблем правового регулирования представляется возможным формирование единого понятийного аппарата в области социального обеспечения и закрепление легального определения понятия «нетрудоспособность», исчерпывающий перечень критериев для признания лица таковым. Понятие необходимо сформулировать с учетом того обстоятельства, что явление нетрудоспособности является одним из социально-правовых оснований, которые обуславливают потребность в социальном обеспечении, но только в случае, если это лицо имеет право на социальное обеспечение по закону. При этих условиях его право обеспечивается и гарантируется государством.

При законодательном формулировании понятия «нетрудоспособность» необходимо учитывать как отсутствие физического или психологического здоровья, так и отсутствие социального благополучия, достижение установленного возраста, отсутствие возможности обеспечения себя заработком, доходом по различным основаниям, закрепленным в законодательстве в области пенсионного обеспечения и социальных пособий.

Данное понятие обратит внимание правоприменителей как на узкий, так и широкий смысл «нетрудоспособности» в праве социального обеспечения. Законодательное закрепление понятия «нетрудоспособность» позволит придать ему правовой смысл и значение, а также в полной мере отразит сущность социально-обеспечительных отношений.

---

[1] См.: Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (в ред. от 08.03.2022) // СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4831.

[2] См.: Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3803.

[3] См.: Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (в ред. от 26.05.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 1999. № 29, ст. 3686.

[4] См.: Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (в ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4832.

Е.Д. Бабиченко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Корнукова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВНОГО ДОСТУПА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕНУЮ СЛУЖБУ В ВОПРОСАХ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА

Аннотация: *значение конституционного принципа равенства нельзя недооценивать, именно указанный принцип имеет регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования как прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ, но и прав, приобретаемых на основании закона. Рассматривая генезис принципа равенства при поступлении и прохождении государственной гражданской службы как в зарубежных странах, так и в России, отметим, что указанный принцип закреплен не только в международно-правовых актах, но и на самом высоком уровне в большинстве современных государств (в основном – Конституции), что говорит о высоком значении его реализации для успешного функционирования национальных систем государственного управления. На практике же конституционно ничем не ограниченный принцип равного доступа, в действующем законодательстве находит ряд пределов и ограничений.*

Ключевые слова: *государство, государственная служба, конституционные принципы, принцип равенства.*

Вопрос о принципах государственной службы не перестает быть актуальным в структуре института государственной службы и в настоящее время. Обуславливается указанное, во-первых, с позиции позитивного подхода реорганизации тех или иных процессов и явлений государственной гражданской службы; во-вторых, с позиции организации выполнения обязанностей служащими на самом высоком уровне.

Мы предлагаем в своей работе рассмотреть принцип равного доступа при поступлении на государственную службу в современной России через призму гендерного равенства. Обратим особое внимание, что гендерное равенство нас интересует не столько с точки зрения равенства прав и свобод мужчин и женщин, сколько с точки зрения равенства возможностей мужчин и женщин для реализации личностных и профессиональных качеств[1].

Согласимся с мнением профессора РАНХиГс Н.Н. Коростылевой по определению государственной службы с точки зрения гендерного подхода: «Указанное представляет собой четкую иерархическую систему с определенной социопрофессиональной средой, где происходит становление, формирование и совершенствование профессиональной деятельности мужчин и женщин – государственных служащих с учетом их статусно-ролевых, ценностно-ориентационных и личностных характеристик»[2].

Отметим, что в настоящее время сформировалась тенденция к процессу феминизации государственной службы. Подтверждается сказано следующей статистикой: с 2003 г. и по настоящее время соотношение мужчин и женщин на государственной службе распределено в пропорции 70 к 30 (2003 год: мужчины 30,5 %, женщины 69,5; 2011 год: мужчины 28,7 %, женщины 71,3 %; 2016 год: мужчины 28,6 %, женщины 71,45 %).

Указанная статистика весьма объяснима. Так, по итогам проведенного опроса Институтом государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ среди государственный служащих на предмет мотивации людей при поступлении на государственную службу, большинство женщин объяснили свой выбор гарантиями социальной стабильности и защищенности (63 % опрошенных), желанием принести свою пользу обществу (34 %). И первое, и второе утверждение вполне отражают реалии служащих не руководящего состава.

Что касается мужчин, то свой выбор они объясняют материальным аспектом (постоянный заработок – 47 %), а также желанием карьерного роста (38 %).

Но не стоит думать, что большее количество женщин-служащих и на руководящих должностях.

Рассмотрим и другой аспект государственной службы – феномен «гендерной пирамиды» – чем вывшее и значимее должность, тем большее количество мужчин являются руководителями. Интересны данные Росстата по указанному вопросу[3]: в 2019 г. в высшей группе должности «руководители» занимали 62,8 % мужчин и 37,2 % женщин. Заметим, что в младшей группе должностей категории «обеспечивающие специалисты» мужчин крайне мало (2016 год – 12,4 % мужчин против 87,6 % женщин, 2017 год – 12,9 % и 87,1 %, соответственно).

Попробуем разобраться в причинах такого «распределения» должностей среди мужчин и женщин. На наш взгляд, стоит говорить и о стереотипном мышлении, согласно которому мужчина – руководитель, женщина – подчиненный. Также отнесем и тот факт, что большинство женщин более интересует семья, нежели чем работа и карьерный рост (что весьма обосновано социальной ролью и предназначением женщины). Указанное вполне обоснованно, т.к. не многие руководители могут «похвастаться» достаточным количеством времени для семьи.

Приведенные примеры, а также данные опроса самих государственных служащих позволяют придти к выводу, что в современной России отсутствует гендерный подход в построении государственной службы. В связи с этим интересным видится опыт зарубежных стран.

Например, в 2015 г. Бундестаг принял закон «О равноправном участии женщин и мужчин на руководящих

[1] См.: *Булычев Е.Н.* Принцип равенства и проблемы его закрепления в Конституции Российской Федерации// Права человека в евразийском пространстве. 2016. № 2 (21). С. 61–63.

[2] См.: *Коростылева Н.Г.* Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2015. № 5 (97). С. 47–51.

[3] См.: URL: http://rosstata.ru/ofitsialnyj-sajt/ (дата обращения: 01.03.2022).

позициях в частном и общественном секторах»[1], согласно которому для публичных частных компаний с количеством сотрудников более 2 тыс. человек назначается квота, по которой женщины должны занимать в совете директоров или «в другом ответственном органе» не менее 30 % от общего числа руководителей. В последующем при каждом обновлении руководящего органа не менее 30 % мест в нем должно отдаваться женщинам.

Гендерные квоты для женщин при формировании органов представительной власти существуют в Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании. Именно скандинавские страны могут «похвастаться» наибольшим количеством женщин государственных служащих: порядка 40–44 % в парламентах указанных государств занимают женщины.

Порой незаслуженно не уделяется должного внимания вовлеченности женщин в представительные органы власти африканских странах и странах Южной Америки. Однако наиболее высокие показатели полового равенства (отметим, что многие ученые говорят о половом равенстве лишь при достижении женщинами наибольшего представительства в выборных органах. Мы же придерживаемся точки зрения, согласно которой должны быть созданы равные возможности для всех граждан вне зависимости от индивидуальных особенностей) зафиксированы не в Европе, а в Африке и Южной Америке. Хотя разброс показателей там тоже довольно большой – в Африке, например, наряду с Руандой (рекордно большая доля женщин, 58 %) есть Демократическая Республика Конго (8 %) и Нигерия (6 %). Похожая ситуация в Южной Америке: в Боливии женщины занимают больше половины мест в парламенте (52 %), в то время как в Бразилии – лишь 11 %.

Анализируя опыт стран с большой долей женщин-парламентариев, можно выделить два основных фактора, способствующих гендерному равенству:

1) наличие женского движения, которое способно эффективно лоббировать привлечение женщин в политику;

2) государственная установка, поддерживающая женщин в политике, и положительное отношение к гендерному равенству самих партий.

Рассматривая первую причину, укажем, что в России на сегодня есть довольно сильное движение, занимающее исключительно развитием прав женщин – Союз женщин России[2], который был создан по инициативе Валентине Матвиенко и в настоящее время насчитывает представительства в 82 субъектах РФ.

В соответствии с международными и национальными обязательствами Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства на уровнях принятия решений, Администрацией Президента Кыргызской Республики и Программой развития ООН в 2007 г. был инициирован проект «Продвижение женщин в государственную службу и политику»[3].

Не беремся утверждать, что императивный подход в гендерном вопросе при формировании органов государственной власти, назначении на должности государственной службы должен быть законодательно определен. Мы отстаиваем свою позицию конституционного принципа равенства мужчин и женщин при достижении должностей, реализации своих знаний в карьерном росте.

[1] См.: URL: https://www.rbc.ru/society/06/03/2015/54f982629a7947f118201274 (дата обращения: 01.03.2022).

[2] См.: URL: http://eawfpress.ru/orgs/118/ – официальный сайт (дата обращения: 01.03.2022).

[3] См.: URL: http://www.kg.undp.org/content/dam/kyrgyzstan/Publications/gender/kgz_Gender%20analysis%20of%20the%20civil%20service_RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

В.И. Балыкин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Корнукова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ВЕТВИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию места Президента России в системе государственной власти России через призму реализации принципа разделения властей. Автором рассмотрены разные научные концепции по данному вопросу. Сделан вывод об обоснованности утверждения о самостоятельном характере Президента России в системе государственной власти, его неотносимости ни к одной из ветвей власти.*

Ключевые слова: *Президент РФ, принцип разделения властей, исполнительная власть, Администрация президента.*

Одной из проблем организации государственной власти в России согласно положениям ст. 10 Конституции является определение места Президента РФ в системе разделения государственной власти на ветви.

Как отмечают учёные-конституционалисты, в результате Всероссийского референдума от 17 марта 1991 г., Президент, введённый в Конституцию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1978 г., объявлялся высшим должностным лицом и одновременно главой исполнительной власти.

Статья 80 ныне действующей Конституции РФ 1993 г. устанавливает, что Президент России является главой государства, а также гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. При этом в данной статье нет указаний на место Президента России в системе разделения властей, в том числе не оговорено его взаимоотношение с исполнительной ветвью власти. Однако новая редакция ст. 110 Конституции РФ определяет, что исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ под общим руководством Президента РФ. В аналогичном ключе сформулирована ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»[4].

[4] См.: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45, ст. 7061.

Кроме указания общего руководства исполнительной властью Президент обладает также широкими полномочиями при формировании Правительства РФ, а также федеральных органов исполнительной власти. Так, согласно ст. 111 Конституции РФ Президент назначает Председателя Правительства после утверждения его кандидатуры Государственной Думой, которую в нижнюю палату парламента вносит также Президент. Назначение на должности заместителей Председателя и федеральных министров осуществляется так же Президентом. При этом, стоит отметить, что после конституционной реформы 2020 г. часть федеральных министров, а также руководителей федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности, назначаются Президентом самостоятельно, после консультаций с Советом Федерации. Таким образом министры обороны, иностранных дел, внутренних дел, юстиции и по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, назначаются Президентом без необходимости в утверждении Государственной Думой.

Однако, участие Президента в формировании Правительства, а также формулировка ч. 1 ст. 110 Конституции не указывают на то, что Президент вновь входит в систему исполнительной власти Российской Федерации. Более того, если опираться на дословное толкование ч. 1 ст. 110 Конституции РФ и ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», то можно сделать вывод о том, что Президент в принципе не относится к исполнительной ветви власти, поскольку согласно формуле приведенных норм, исполнительную власть осуществляет Правительство (в соответствии с Федеральным конституционным законом, также и иные органы государственной власти). Таким образом, Президент осуществляет общий контроль над деятельностью исполнительной ветви государственной власти, при этом не входит в нее, а находится «над» ней.

Еще более очевиден самостоятельный характер российского главы государства по отношению к законодательной и судебной властям. Во взаимодействии с законодательной и судебной ветвями государственной власти Президент осуществляет организационные и контрольные полномочия. Так, согласно ст. 84 Конституции России Президент назначает выборы депутатов Государственной Думы и, в установленных случаях, распускает ее. Ст. 95 Конституции России наделяет Президента полномочием по назначению в Совет Федерации представителей от Российской Федерации. В соответствии со ст. 83 Конституции РФ, Президент вносит в Совет Федерации кандидатуры на должности судей Конституционного и Верховного Судов, а также, после поправок 2020 г., вносит представление о прекращении их полномочий.

Степень важности вопроса о месте Президента РФ в системе разделения властей имеет особую значимость вследствие его статуса главы государства. Кроме того, как отмечает В.Т. Кабышев, системное толкование ст. 11 и гл. 4 Конституции России указывает на первое место Президента в конституционной системе государственной власти страны[1]. Аналогичной точки зрения придерживаются и многие другие отечественные конституционалисты[2].

В связи с неоднозначностью положения Президента России в системе разделения властей, как указывает С.А. Авакьян, ряд ученых – исследователей института президентства – предлагает выделить власть Президента России из традиционной триады в отдельную форму – президентскую власть[3]. Например, В.И. Радченко и О.А. Угланова, ссылаясь на положения ст. 11 Конституции России, утверждают о существовании четырех ветвей власти, одной из которой является Президент РФ[4].

Следует отметить, что, кроме ст. 11 Конституции России, о самостоятельном характере президентской власти свидетельствуют и другие факты. Во-первых, конституционное закрепление статуса и полномочий Президента России осуществляется посредством самостоятельной главы в Конституции РФ. Примечательным является то, что глава Конституции РФ, посвященная Президенту, является первой главой Конституции, регулирующей положение высших органов государственной власти, т.е. предшествует гл. 5 «Федеральное Собрание», гл. 6 «Правительство Российской Федерации» и гл. 7 «Судебная власть и прокуратура».

Во-вторых, Президент РФ наделен ст. 83–89 Конституции России широкими полномочиями, позволяющими утверждать о его самодостаточности в качестве полноценной ветви власти. Очевидно, что некоторые из полномочий Президента России определяют его существенное организационное влияние на Федеральное Собрание, Правительство и суды Российской Федерации (в отношении Правительства – также и функциональное).

Кроме того, помимо полномочий, закреплённых в ст. 83–89 Конституции РФ, в функционале Президента России присутствуют скрытые полномочия. Концепция скрытых полномочий Президента России была сформулирована Конституционным судом РФ в Постановлении от 31.07.1995 № 10-П: «Конституция Российской Федерации определяет вместе с тем, что Президент Российской Федерации действует в установленном Конституцией порядке. Для случаев, когда этот порядок не детализирован, а также в отношении полномочий, не перечисленных в статьях 83–89 Конституции Российской Федерации, их общие рамки определяются принципом разделения властей (статья 10 Конституции) и требованием статьи 90 (часть 3) Конституции, согласно которому указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны

---

[1] См.: *Кабышев В.Т.* Лекция 11. Президент Российской Федерации. Конституционное право России: учебник / под ред. В.Т. Кабышева. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2016. С. 223.

[2] См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие в 2 т. Т. 2. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 344; *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 440; *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 561.

[3] См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 378.

[4] См.: *Радченко В.И., Угланова О.А.* Администрация Президента Российской Федерации: правовая политика и эффективность управления // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 13.

противоречить Конституции и законам Российской Федерации»[1]. Таким образом, Президент России наделен значительно более широкими полномочиями, чем те, которые закреплены в ст. 83–89 Конституции РФ. При этом, в реализации подобных полномочий он обладает широкой степенью самостоятельности и «не сковывается» четкими и конкретными конституционными процедурами, действуя по своему усмотрению.

В-третьих, реализовывать собственные полномочия Президенту России «помогает» Администрация Президента РФ, которая, согласно Указу Президента РФ от 06.04.2004 № 490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента РФ», имеет сильно разветвленную внутреннюю структуру[2]. Следовательно, кроме самого Президента РФ, в осуществлении президентской власти в России, в той или иной степени, принимает участие многокомпонентный сложный механизм. При этом, как указывают В.И. Радченко и О.А. Угланова, Администрация Президента РФ является самостоятельной политической силой, действующей под непосредственным руководством Президента, координирующей все органы и структуры государственной власти[3]. Сложно не согласиться с подобной характеристикой Администрации Президента РФ. Она подтверждается целями и функциями Администрации, изложенными в ранее обозначенном Указе Президента РФ от 06.04.2004 № 490, для реализации которых она наделена контрольными, распорядительными и отчасти правотворческими полномочиями.

Приведенные факты либо прямо, либо косвенно указывают на наличие функциональной и организационной основы для существования президентской власти как самостоятельной ветви власти.

Тем не менее следует отметить, что ст. 10 Конституции РФ строго и четко выделяет только три ветви власти, выделенные в классической теории разделения властей Ш.Л. Монтескьё. Безусловно, Президент РФ как глава государства, гарант Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ, наделяется соответствующими данному статусу обширными полномочиями и необходимым для их реализации организационным аппаратом в лице Администрации Президента, а также отчасти Правительства РФ. Однако постановка Президента, обладающим указанными в Конституции статусами, в один ряд с органами законодательной, исполнительной и судебной власти в существенной степени нивелирует его конституционные статусы. Анализ гл. 4 Конституции РФ, позволяет сделать вывод о том, что Президент России является ее персонификацией, как во внутренних, так и в международных делах. Как отмечает Б.С. Эбзеев: «Президент – не представитель той или иной политической силы или выразитель интересов отдельного социального слоя, он – олицетворение Российского государства и представитель всех своих сограждан, в своей совокупности образующих многонациональный народ России. В этом смысле глава государства – «отец нации»[4]. Аналогичной точки зрения придерживаются такие известные конституционалисты, как В.Т. Кабышев, С.М. Шахрай, А.А. Клишас[5]. Иными словами, президентская власть слишком «велика» для того, чтобы быть одной из ветвей власти, организованных на основе классической концепции принципа разделения властей.

Тем не менее из этого не следует, что президентская власть и сам Президент России стоят над остальными ветвями власти. Представляется верной позиция по данному вопросу В.Т. Кабышева и Б.С. Эбзеева, согласно которой Президент юридически и фактически присутствует во всех властях[6]. Его полномочия содействуют реализации традиционных ветвей власти. Президент участвует в организации соответствующих органов власти и осуществляет контроль над ними.

Таким образом, можно утверждать о существовании отдельной президентской формы власти, которая в силу особого конституционно-правового положения Президента России, а также восприятия российской Конституцией традиционной трехзвенной системы разделения властей, не является ветвью власти. В свою очередь, широкий объем полномочий Президента, раскрывающихся, в том числе, и в тесном взаимодействии с органами законодательной, исполнительной и судебной ветвями государственной власти, обусловлен его особым правовым статусом, закрепленным в ст. 80 Конституции РФ.

М.А. Бардынина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ю.А. Зайцева
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА

Аннотация: *в статье автор рассматривает специфику наследования на примере вопроса приобретения и принятия наследства. Автор выявляет проблемы принятия и приобретения наследства, проводит соотношение данных понятий.*

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3424.

[2] См.: Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 173) // СЗ РФ. 2004. № 15, ст. 1395.

[3] См.: *Радченко В.И., Угланова О.А.* Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат, или четвертая ветвь власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 112–113.

[4] См.: *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 561.

[5] См.: *Кабышев В.Т.* Лекция 11. Президент Российской Федерации. Конституционное право России: учебник / под ред. В.Т. Кабышева. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2016. С. 224; *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд. доп. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 440.

[6] См.: *Кабышев В.Т.* Лекция 11. Президент Российской Федерации. Конституционное право России: учебник / под ред. В.Т. Кабышева. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2016. С. 224–225; *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 562.

Ключевые слова: *наследование, наследник, приобретение наследства, принятие наследства, наследственная масса.*

Одним из спорных вопросов в современной цивилистике, является определение установленных в ГК РФ[1] нормах, регламентирующих наследование, оснований наследования. Необходимо отметить, что в научном сообществе, к пониманию оснований наследования неоднозначное, обусловлено это тем, что появилось новое основание наследование, такое как наследственный договор.

Важно отметить, что институты наследования, постоянно совершенствуются и, сегодня, в условиях глобализации общественных отношений, необходимым является приведение законодательства в соответствие с нормами международного права. Имплементация в Российское законодательство норм о наследственном договоре, из правовой системы Франции, в значительной мере будет способствовать этому, поскольку расширяет возможности граждан, реализовывать свое право на распоряжение личным имуществом в случае смерти[2].

Так, в ст. 1111 ГК РФ определена возможность наследования по закону и завещанию (традиционные основания), но также определено как основание наследования – наследственный договор. Однако, уже в ст. 1152 ГК РФ, закрепляющей принятие наследства, указана возможность наследования по нескольким основаниям, т.е., кроме традиционных завещания и по закону, а также нового основания – наследственный договор. Одним из таких видов следует признать также наследственную трансмиссию[3].

В подтверждении этого утверждения, можно привести пример из судебной практики. Так, рассматривая дело по иску гражданки Н., о признании постановления нотариуса об отказе в совершении нотариального удостоверения, незаконным, суд признал действия нотариуса правомерными. Дело состояло в том, что гражданка Н., заявляла о праве наследования имущества ее бабушки на основании наследственной трансмиссии, уже после смерти матери и вхождения в наследование за ней. Однако, суд обоснованно пришел к выводу, что оснований к наследованию по закону, в порядке наследственной трансмиссии, после смерти матери, у нее нет[4].

Необходимо отметить, что в Конституционный Суд РФ неоднократно поступали заявления о неконституционности положений о наследственной трансмиссии, в связи с чем, было разъяснено, что наследственная трансмиссия является одним из элементов, обеспечивающих наследственные права граждан, т.е., основания для наследования, определенные законодателем, являются завещание и основания, установленные законом.

З.В. Каменева, рассматривая статью 1152 ГК РФ, неопределенно отмечает, что основаниями наследования в отечественном законодательстве являются наследование по завещанию и по закону, т.е. наследник может реализовать свое право по одному из этих оснований, и повторяя правовую норму, отмечает, по нескольким из них или по всем основаниям.

Чтобы разобраться в причине неоднозначности положений статьи 1152, необходимо обратиться к источнику, т.е. содержанию статьи, где все же, несмотря на двусмысленность понимания, стоит уделить внимание на филологическую особенность разделения понятий союзами. Определяя призвание наследника к наследованию, законодатель указывает на основания наследования по завещанию и по закону или в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия наследства и тому подобное.

Таким образом, основания наследственной трансмиссии, открытие наследства и другие основания являются производными от основания по закону. Хотя, некоторые специалисты, не без основательно, настаивают на выделении двух групп оснований, т.е. классические основания: по закону и по завещанию, а также другую, в которой определены наследственная трансмиссия, открытие наследства и так далее.

Однако, установленные в законодательстве РФ о нотариате, требования к свидетельствам о праве наследования, определены только для документально оформленного свидетельства о наследовании по закону или по завещанию, и правовыми нормами, не устанавливается требование к выдаче свидетельства о праве на наследство, на основании наследственной трансмиссии.

При этом, вопрос остается открытым, поскольку в Методических рекомендациях по оформлению наследственных прав, утвержденных Правлением Федеральной нотариальной палаты, содержится указание на три основания, которые необходимо учитывать при выдаче свидетельства о наследовании, т.е., основание по завещанию, по закону и наследственной трансмиссии[5].

Таким образом, наследник вправе вступить в наследование, как по завещанию, так и по закону, а также по другим основания, отказавшись от ранее обозначенных. Например, два прямых наследника вступают в наследование имущественной массы, представленной машиной, домом, гаражом, где наследование по завещанию предполагает, получение дома одним, машину, другим, а гараж не указан. Так, при отказе от завещания, наследственная масса будет разделена в равных частях, между прямыми наследниками, которую будут составлять и дом, и машина, и гараж[6].

При этом, законом определяется и такое же определение оснований для единственного наследника, который имеет право отказаться от наследства на основании завещания, но принять его на основании закона.

Таким образом, существует два субъективных права применительно к наследственному правоотношению: право на принятие наследства и право на наследство

---

[1] См.: Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 № 287-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552.

[2] См.: Там же: С. 47–53.

[3] См.: *Гибадуллина З., Насртдинова Е.* Принятие наследства после истечения срока // Жилищное право. 2020. № 11. С. 47–53.

[4] См.: *Самарина О., Щекочихина А.* Оформление наследства: важные изменения, на которые наследнику стоит обратить внимание // Административное право. 2021. № 4. С. 79–82.

[5] См.: *Ходырева Е.А.* Спорные случаи признания акта принятия наследства недействительным // Нотариус. 2021. № 4. С. 38–42.

[6] См.: Спор об установлении факта принятия наследства (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2022.

(право, возникшее из приобретения наследства, право на приобретенное наследство). Лицо, имеющее право наследования, может принять наследство, отказаться от него, не принимать его. Непринятие наследства и отказ от наследства различаются по правовой природе. Однако последствия того и другого совпадают.

В заключение этого вопроса напомним, что после открытия наследства наследник должен его принять в соответствии со ст. 1152 ГК. Для принятия наследства требуется волеизъявление наследника, не допускается принятие наследства под условием или с оговорками. Если наследник призывается одновременно по нескольким основаниям, например, по закону и по завещанию или в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия наследства, он может принять наследство по одному основанию, по нескольким или по всем. Каждый наследник должен принять наследство самостоятельно, т.е. принятие наследства одним наследником не означает принятия наследства другими.

Итак, существует только два способа принятия наследства: формальный (юридический) и фактический.

Так, если после открытия наследства еще не истек 6-месячный срок, то ситуация для наследника вполне благоприятная: достаточно подать заявление в нотариальную контору и получить свидетельство о праве на наследство. Когда же названный срок пропущен, дело осложняется. В этой ситуации нотариус не выдаст свидетельство о праве на наследство, поскольку обязательным условием его выдачи является подача наследником письменного заявления о принятии наследства и (или) заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство в 6-месячный срок. По истечении установленного законом шестимесячного срока для подачи заявления о принятии наследства и (или) о выдаче свидетельства о праве на наследство, восстановление права на принятие наследства возможно либо в судебном порядке путем подачи наследником заявления о признании причин пропуска срока на принятие наследства уважительными, либо при условии согласия на это других наследников, которые уже приняли наследство.

В случае фактического принятия наследнику следует помнить, что непременным условием признания фактического принятия наследства является совершение действий именно с целью принятия наследства, т.е. ради приобретения этого имущества. Если действия совершались, но были обусловлены достижением иных целей, то они (такие действия) не могут быть признаны направленными на принятие наследства.

Несмотря на то, что действующее законодательство предоставляет весьма широкие возможности для подтверждения факта принятия наследства, считаем, что обращаться к ним нужно только в исключительном случае, поскольку наиболее надежным способом, защищающим права и интересы наследников, все же является принятие наследства путем подачи соответствующего заявления нотариусу. Основываясь на вышеизложенном, возможно сделать вывод, что «приобретение наследства» можно понимать в двух значениях.

В широком смысле приобретение наследства тождественно принятию наследства и заключается в совершении наследником определенных действий, которые свидетельствуют о его согласии вступить в права наследования с целью перехода наследственной массы наследодателя к наследнику. Согласно ст. 1153 ГК РФ эти действия могут заключаться в двух способах: формальном (юридическом) и фактическом. В узком смысле вступление в наследство – это совершение любых фактических действий, свидетельствующих о намерении принять наследство.

И.С. Барнев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Л.Г. Шапиро
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы оценки следователем заключения эксперта-экономиста и эксперта-землеустроителя при расследовании мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений. Исследуются вопросы обеспечения экспертного исследования соответствующими методиками; оценки компетентности эксперта; классификации судебных экспертиз; предлагаются возможные пути совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *судебно-экономическая экспертиза, судебная землеустроительная экспертиза, расследование мошенничества, земельно-имущественные отношения.*

Анализ статистических данных показывает, что за последние годы число мошеннических действий в сфере земельно-имущественных отношений растет[1]. В России общее число зарегистрированных случаев мошенничества за январь-ноябрь 2021 г. стало на 6,5 % больше, чем за аналогичный период 2020 г. Следует отметить, что за 2021 год было зарегистрировано 281,9 тысяч случаев мошенничества (ст. 159 УК РФ). Кроме того, аналитические данные Генеральной прокуратуры РФ подтверждают рост зарегистрированных случаев мошенничества с недвижимостью[2].

[1] См.: Исследование: число крупных мошенничеств с недвижимостью в РФ за пять лет выросло на треть. URL: https://tass.ru (дата обращения: 23.04.2022).

[2] См.: В России выросло число случаев мошенничества. URL: https://lenta.ru/news (дата обращения: 23.04.2022).

В установлении всех обстоятельств уголовного дела о мошенничестве в сфере земельно-имущественных отношений, его успешного расследования важная роль отводится судебно-экономической и землеустроительной экспертизам. Результатом данных экспертиз является заключение эксперта-экономиста и эксперта-землеустроителя. Стоит подчеркнуть, что сфера земельно-имущественных отношений развивается достаточно стремительно, но при расследовании мошенничеств, совершаемых с земельными участками и объектами недвижимости, не всегда используются все возможности специальных экономических знаний, а также знаний в сфере землеустройства, кадастра, геодезии, картографии и иных смежных наук. Прежде всего, это обусловлено недостаточной кадровой обеспеченностью, а также высокой потребностью в производстве различных видов экономических и землеустроительных экспертиз, что существенно влияет на нагрузку экспертов и снижает качество проведения экспертных исследований.

Судебная землеустроительная экспертиза считается относительно новым родом судебных экспертиз[1]. Стоит обратить внимание, что следователи, как правило, не обладают базовыми экономическими знаниями (основы бухгалтерского учета, хозяйственной деятельности субъекта и др.), а также основополагающими знаниями о земельных участках, границах земельных участков, целевом назначении, виде разрешенного использования, организации использования гражданами и юридическими лицами земельных участков для осуществления различной предпринимательской и иной деятельности. Данное обстоятельство обусловливает трудности следователя при назначении судебно-экономических и землеустроительных экспертиз и оценке экспертных заключений. В связи с этим можно констатировать, что эффективность и грамотность такой деятельности следователя может существенно повыситься при использовании помощи соответствующих специалистов (экспертов) в целях подготовки материалов на экспертизу, постановки вопросов перед экспертом и оценки экспертного заключения.

При оценке заключений экспертов-экономистов и экспертов-землеустроителей существует ряд проблем, с которыми сталкивается следователь. Прежде всего, это связано с тем, что процесс оценки заключения эксперта не должен носить формальный характер, а в практической деятельности следователи нечасто обращают внимание на описательную часть заключения, в которой формулируются важные положения проведенного исследования с использованием стандартизированных методик[2]. На наш взгляд, данная ситуация возникает в связи с отсутствием у практических работников достаточных знаний в конкретных вопросах, а также из-за неиспользования консультационной помощи специалиста (например, специалист-бухгалтер, сотрудник Росреестра, геодезист, кадастровый инженер) еще на стадии подготовки материалов на экономическую или землеустроительную экспертизу.

Нельзя оставить без внимания вопрос, связанный с неполной обеспеченностью всех видов судебно-экономических экспертиз стандартизированными методиками, актуальными для решения вопросов исследования и его последующей оценки. На наш взгляд, важным моментом является то, что законодатель указывает на обязанность эксперта включать в заключение указание на использованную методику исследования. Здесь необходимо отметить, что в целях стандартизации судебно-экспертной деятельности Техническим комитетом по стандартизации (ТК-134) постоянно разрабатываются национальные стандарты ее конкретной области. На сегодняшний день есть несколько видов экономических экспертиз, имеющих единые стандартизированные методики (финансово-экономическая, судебно-бухгалтерская экспертизы). Тем не менее, не во всех судебно-экспертных учреждениях используют единые методики исследования, и не все области экономических экспертиз имеют единую стандартизацию с учетом специфики всех видов преступлений[3].

Стоит подчеркнуть, что методики по проведению землеустроительной экспертизы еще также недостаточно разработаны[4]. В частности, остается нерешенным вопрос о месте геодезических работ в структуре экспертного исследования, а также отсутствует методологическая база проведения таких экспертиз. Данное обстоятельство осложняет производство экспертизы и последующую оценку заключения эксперта-землеустроителя. Ведь отраженный в заключении ход исследования выполненных геодезических работ позволит более качественно оценить такое заключение, но только при условии, что будут утверждены соответствующие программы экспертного исследования по определению количественных и качественных характеристик его объектов[5]. В данной ситуации следователь сталкивается со сложностью в понимании им стадий и процесса геодезических работ, а также иных установленных в ходе исследования координат местоположения участков местности, представляющих важное значение для успешного расследования дела. На данный момент, по землеустроительной экспертизе и ряду экономических экспертиз отсутствует национальный стандарт с терминами и определениями[6]. Предлагается создание единого федерального реестра стандартизированных методик всех тематических областей экономических и землеустроительных экспертиз.

---

[1] См.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: http://www.sudexpert.ru/possib/geo.php (дата обращения: 23.04.2022).

[2] См.: *Малянова К.П.* Проведение судебных экспертиз в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // ЮП. 2018. № 2 (85). С. 89.

[3] См.: Федеральное бюджетное учреждение Российской Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации: электронный // РФЦСЭ. URL: http://www.sudexpert.ru/ (дата обращения: 23.04.2022).

[4] См.: *Скачкова М.Е., Шмидт М.В.* Землеустроительная экспертиза как инструмент для разрешения судебных споров // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2013. № 4. С. 62–67.

[5] См.: *Самойленко Д.В., Салов С.М.* Место и роль геодезических работ в структуре исследования, проводимого при производстве судебной землеустроительной экспертизы // Актуальные вопросы развития аграрного сектора экономики Байкальского региона: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, посвященной Дню Российской науки, Улан-Удэ, 4–10 февраля 2021 г. Улан-Удэ: Бурятская гос. сельскохоз. акад. им. В.Р. Филиппова, 2021. С. 270–273.

[6] См.: Стандартизация судебно-экспертной деятельности. URL: http://www.sudexpert.ru/ (дата обращения: 23.04.2022).

При расследовании сложных уголовных дел о мошенничестве в сфере земельно-имущественных отношений кроме оценки заключения землеустроительной экспертизы следователю зачастую необходимо производить и оценку заключения судебной лесотехнической экспертизы. Так, например, по уголовному делу № 1-10/2019 согласно заключениям эксперта (судебной лесотехнической экспертизы, судебной землеустроительной экспертизы) были установлены важные для уголовного дела обстоятельства, связанные со стоимостью древесины, разграничением собственности, категорией земель, целевым назначением, пересечением границ земельных участков, на которых совершалась рубка деревьев[1].

Не следует забывать и о другой стороне проблемы оценки следователем заключения экспертов-экономистов и экспертов-землеустроителей, связанной с тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве РФ отсутствуют регламентированные критерии и алгоритмы оценки компетентности эксперта указанных специализаций. На практике оценка компетентности зачастую происходит формально, т.е., на основании документов о его образовании, хотя в зависимости от квалификации целесообразно выделять три уровня компетентности эксперта: базовый (общий), средний (квалифицированный), высший (высококвалифицированный)[2]. Особенности оценки компетентности эксперта обусловлены спецификой расследуемого мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений. Например, на данный момент существует Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы и в него входят сферы финансового консалтинга и кадастровых работ. В частности, в тематическую область «Кадастровые работы» входит раздел «Межевание земельных участков»[3]. Но сам реестр решает другие задачи и не нацелен на специальные знания рассматриваемых областей, поэтому нами предлагается разработать единый федеральный реестр экспертов всех экономических специальностей, а также по всем направлениям земельно-имущественной специализации (землеустройство, кадастр, геодезия, картография и др.).

Еще одной проблемой является наличие различных классификаций судебно-экономических экспертиз в экспертных подразделениях МВД России и Минюста РФ. До сих пор на законодательном уровне отсутствуют единые базы, стандарты классификаций судебно-экономических экспертиз. К данному вопросу отсутствия единой классификации экономических экспертиз обращаются многие ученые-юристы (Л.Г. Шапиро, Л.П. Климович[4], А.Н. Залескина[5] и др.). Отдельных унифицированных классификаций экономических экспертиз пока не существует[6]. В научной литературе деление на финансово-экономическую и бухгалтерскую экспертизы является распространенным, но не единственным[7]. Нельзя не согласиться с Т.В. Аверьяновой, что «среди ученых существуют весьма условные классификации»[8]. На наш взгляд, предлагаем в качестве критериев в классификациях использовать частные признаки, характеризующие виды специальных знаний по экономической и земельно-имущественной сфере при выполнении различных видах работ.

Подводя итог проведенного анализа некоторых проблем оценки следователем заключения эксперта-экономиста и эксперта-землеустроителя при расследовании мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений, необходимо обозначить следующие возможные пути их решения: обязательное создание единого федерального реестра стандартизированных методик всех видов экономических и землеустроительных экспертиз, причем классификация экспертиз должна быть унифицированной. Кроме того, эффективным и полезным будет разработка единого федерального реестра экспертов по всем экономическим и земельно-имущественным специальностям. Также важным и полезным будет внесение в УПК РФ четких критериев оценки компетентности экспертов указанных специализаций. Все перечисленное, несомненно, имеет теоретическое и практическое значение, т.к. в настоящее время при расследовании любого преступления, особенно мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений, следователь вынужден обращаться к помощи сведущих лиц.

А.К. Башкатов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.А. Сухова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье приведены статистические показатели прироста количества автотранспортных средств как доказательство необходимости разреше-*

[1] См.: Приговор № 1-10/2019 Центрального районного суда г. Твери от 16 сентября 2019 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 23.04.2022).

[2] См.: *Шапиро Л.Г.* Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 40.

[3] См.: Полный перечень разделов (подразделов) тематических областей // Реестр экспертов. URL: https://reestr.extech.ru/experty/index.php (дата обращения: 23.04.2022).

[4] См.: *Климович Л.П.* Использование специальных экономических знаний в расследовании уголовных дел: Некоторые результаты анализа следственной практики // Вестник Сибирского Юридического Института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 45.

[5] См.: *Залескина А.Н.* Сущность и значение экономической экспертизы по делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // полицейская и следственная деятельность. 2019. № 3. С. 17.

[6] РФЦ СЭ при Минюсте РФ. Возможности. URL: http://www.sudexpert.ru/ (дата обращения: 23.04.2022).

[7] См., например: *Дуденков Д.А.* Бухгалтерская и аналитическая экспертизы в правоохранительной практике // Информационная безопасность регионов. 2016. № 2 (23). С. 41–46.

[8] См.: *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза: курс общей теории. М., 2014. URL: http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=407731 (дата обращения: 23.04.2022).

ния эколого-правовых проблем в этой сфере. Исследованы проблемы в сфере издания и практического применения нормативно-правовых актов в сфере автотранспортной деятельности, на основе чего сделаны выводы по улучшению автотранспортной экологии в РФ.

Ключевые слова: *автотранспорт, эколого-правовые проблемы, нормативно-правой акт.*

По аналитическим данным агентства «Автостат», в период с начала 2019 г. по начало 2020 г. количество автомобилей всех категорий увеличился на 1,35 %. Общий размер автопарка в Российской Федерации составил 52,4 миллиона штук. Из них большую часть (44,1 миллиона штук) составляют легковые автотранспортные средства.

УГИБДД ГУ МВД России по Саратовской области сообщило, что за год (2019–2020) на территории Саратовской области было зарегистрировано 839 781 легковой автомобиль, на физических лиц – 815 179 машин. Это является существенным приростом по сравнению с прошлым десятилетием. Так, в 2010 г. во всей области было зарегистрировано 538 514 транспортных средств, а в 2015 стало уже 807,2 тысячи штук[1].

Такой значительный прирост легковых автотранспортных средств говорит о важности соблюдения экологического законодательства в этой сфере транспорта.

Правоприменение необходимо и неизбежно в тех случаях, когда урегулированное законом конкретное правоотношение спорно либо открыто нарушает установленные правила поведения. В таком случае совершено правонарушение, за которым следует санкция. Правоприменительные акты в системе правого регулирования играют роль охраны окружающей среды от субъектов вредного воздействия, от любых посягательств на благоприятную среду. Компетентные органы должны строго соблюдать применение должностными лицами норм права с целью восстановления нарушенных экологических прав и недопущения повторного нарушения[2].

Основной проблемой является отсутствие единства в правовом регулировании охраны и восстановления окружающей среды. Наличие одновременно нескольких десятков федеральных законов и сотен подзаконных актов приводят к тому, что возникает несогласованность среди регуляторов, следовательно, падает результативность. Некоторые федеральные законы содержат положения, которые могут быть применены только в узкой сфере, другие статьи, наоборот, очень декларативны. Все это приводит к тому, что в отдельных федеральных правовых актах существуют противоречия. Как следствие, эффективность экологического законодательства в связи с этим падает.

Причины разрозненности положений законодательства экологии связаны со сложностями в правовом регулировании, а также обусловлены субъективными факторами, связанными с деятельностью человека.

Одной из коллизий является содержание Федерального закона № 184-ФЗ «О техническом регулировании»[3]. Федеральный закон не включает в себя положения, которые говорили бы о том, что в России могут быть установлены государственные стандарты при регулировании охраны окружающей среды. Напротив, ст. 29 Федерального закона «Об охране окружающей среды»[4] содержит довод о том, что в Российской Федерации нормы, правила, требования к работам, услугам, продукции, контролю и надзору в области охраны окружающей среды устанавливаются государственными стандартами. Кроме того, санкционные мероприятия по ограничению хозяйственной деятельности в целях предотвращения негативного воздействия на окружающую среду устанавливаются, также руководствуясь государственными стандартами регулирования. Считаем необходимым устранить эту коллизию, поскольку, на наш взгляд, порядок, способы и условия правовой охраны окружающей среды во многом детально регламентированы путем принятия государственных стандартов, устанавливающих обязательные требования к объекту регулирования. Это объясняется тем, что подробно разъяснить в законе, например, допустимое количество вредных примесей в выхлопных газах автомобиля или технику внесения удобрений в почву сельскохозяйственным транспортом не представляется возможным. Поэтому благодаря принятию таких положений важнейшие принципы охраны окружающей среды, установленные статьей 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»[5], реализовываются на практике и строго охраняются административным и уголовным законодательством.

Необходимо прибегнуть к систематизации норм права, которые регулируют однородные отношения, выделив их в отдельные правовые институты. В российском праве есть практика создания отдельных отраслевых или межотраслевых правовых институтов. В дальнейшем такие правовые институты могут сформировать группу правовых институтов или подотрасль права. Систематизация позволит обеспечить полноту и эффективность правового регулирования эколого-правовых отношений, возникающих в сфере автотранспортной деятельности, что даст положительный эффект на благоприятное состояние окружающей среды.

В настоящее время принято немало федеральных нормативно-правовых актов, регулирующих эколого-автотранспортные отношения, что говорит о том, что государство обращает внимание на сферу защиты окружающей среды от техногенных воздействий. Но нужно признать, что есть большая проблема с реализацией принятых актов. По большей части законодательство, регулирующее автотранспортные отношения в сфере экологии, является декларативным. То есть, нормы права, существующие в данных законах, не имеют средства обеспечения, отсутствует реальный механизм их исполнения. Усугубляется это тем, что существующие правовые средства имеют

---

[1] См.: Сколько автомобилей зарегистрировано в Саратовской области. URL: https://gtrk-saratov.ru/skolko-avtomobilej-zaregistrirovano-v-saratovskoj-oblasti/ (дата обращения: 14.03.2022).

[2] См.: Общая теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2002. Т. 3. С. 108.

[3] См.: Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

[4] См.: Статья 29 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

[5] См.: Статья 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

слабую эффективность в разрешении экологических проблем.

Должностные лица, ответственные за исполнение нормативных актов в сфере экологии автотранспортных средств, избегают личной ответственности за неисполнение своих прямых обязанностей в связи с деградацией реальных экономических, правовых и иных механизмов обеспечения реализации вновь принимаемых нормативных актов. Это значительно снижает способность правового регулирования общественных отношений и увеличивает число не действующих, не исполняющихся норм права и популистских речей политиков. В современном правовом государстве государственные органы, должностные лица должны понимать, что они являются примером соблюдения и исполнения норм права, регламентирующих их деятельность.

Теряется смысл существования множества нормативных актов, пусть и инновационных, эффективных, но не имеющих шансов воплотиться в жизнь в связи с отсутствием принуждения со стороны государства. Норма без санкции не является мерой должного поведения, поскольку ее нарушение не вызывает общественного порицания, государственного осуждения и наказания. На данном этапе развития общества наличие принуждения является одним из немногих способов урегулирования общественных отношений.

Принятие и неисполнение законодательных актов ведет к подрыву доверия к власти, снижению её авторитетности, возникновению правового нигилизма и социальной неустойчивости. Особенно важно понимать это при неисполнении правил охраны окружающей среды, благоприятность которой является конституционным правом каждого гражданина Российской Федерации. Нужно возложить обязанность пресечения отклонения от нормы поведения как самими нарушителями, так и остальными членами общества, дабы вернуть норме права меру должного поведения[1].

Исходя из анализа законов «Об охране окружающей среды», «Об охране атмосферного воздуха» можно сделать вывод, что весомую часть природоохранного законодательства составляют экологические стандарты или так называемые ГОСТы (государственные стандарты); ОСТы (отраслевые стандарты) и заводские стандарты. Их несоблюдение влечет привлечение к юридической ответственности конкретных субъектов, загрязняющих окружающую среду.

Первый ГОСТ был разработан в СССР в 1970 г. и был предназначен для ограничения вредных веществ в отработанных газах автомобилей с бензиновым двигателем. Уже после него было разработано множество различных нормативных актов и технических документов, часть из которых действует до сих пор. Их задача заключалась в поэтапном снижении выбросов вредных примесей, содержащихся в отработанных газах автомобиля. Однако на сегодняшний день некоторые российские государственные стандарты экологической безопасности, принятые еще в 1977 и 1985 гг., отстают от нынешних мировых требований на несколько десятилетий: ГОСТ 17.2.1.01-76[2], ГОСТ 17.2.1.02-76[3], ГОСТ 17.2.2.01-84[4]. Предусмотренные ГОСТом 17.2.2.01-84 нормы регулируют дымность отработанных газов дизельных двигателей, что в свою очередь оказывает влияние на содержание углекислого газа в отработанных газах автомобиля. Фактические же показатели концентрации окиси углерода являются высокими превышают нормативы, установленные несколько десятилетий назад.

Прежде всего это связано с тем, что в России отсутствует непрерывный качественный контроль содержания вредных примесей в отработанных газах новых автомобилей на заводах-изготовителях. Другой причиной может быть недостаточное оснащение автомобилей катализаторами выхлопных газов вследствие их ограниченного выпуска, а также недостаточный контроль за соблюдением работниками автопредприятий правил по ремонту и регулированию систем и узлов, имеющих прямое отношение к очистке отработанных газов автомобилей[5].

Считаем, что все эти причины вызваны отсутствием надлежащего государственного и регионального правового регулирования эколого-автотранспортных отношений, отсутствием федеральных целевых программ по снижению уровня техногенного воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду, недооценкой важности и необходимости соблюдения экологических стандартов и привлечения к ответственности за их нарушение. Существуют предельно допустимые концентрации выбросов вредных веществ в воздух, но они не соответствуют международным стандартам, а зачастую гигиеническим требованиям. Законодательством об охране окружающей среды установлено право любого гражданина получить достоверную информацию о состоянии окружающей среды, однако у органов власти отсутствует корреспондирующая обязанность предоставлять её.

Анализ существующих нормативных актов и практики их применения позволяет сформулировать выводы по усовершенствованию регулятивных актов в сфере эколого-автотранспортных отношений.

Наиболее эффективным способом по развитию эколого-правовой политики в сфере автотранспортных отношений, на наш взгляд, является решение экологических проблем с помощью издания системных правовых актов, регулирующих экологическую сферу всех стадий жизненного цикла автотранспортного средства. Так, необходимо урегулировать экологию каждого цикла, начиная с научно-исследовательских работ и создания проектов, где будут разработаны и внедрены нормативы выбросов вредных веществ, уровня шума, безопасности производства, заканчивая утилизацией, где будет зафиксирован порядок и способы уничтожения транспортных средств

[1] См.: Общая теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2002. Т. 3. С. 101.

[2] См.: рос т 17.02.01.01-76 (СТ СЭВ 1366-78) «Охрана природы. Атмосфера. Классификация выбросов по составу». М.: Изд-во стандартов, 1987.

[3] См.: рос т 17.02.01.02-76 (СТ СЭВ 1365-78) «Охрана природы. Атмосфера. Выбросы двигателей автомобилей, тракторов, самоходных сельскохозяйственных и строительно-дорожных машин. Термины и определения». М.: Изд-во стандартов, 1992.

[4] См.: рос т 17.02.02.01-84 «Охрана природы. Атмосфера. Дизели автомобильные. Дымность отработавших газов. Нормы и методы измерений». М.: Изд-во стандартов, 1987.

[5] См.: *Новиков Ю.В.* Экология, окружающая среда и человек. М., 1998. С. 49–50.

без вредных выбросов в окружающую среду. Такие правовые акты должны представлять собой единый свод правил без деления законодательных актов на сферы регулирования с целью избежания коллизионных ситуаций. В связи с тем, что правовое регулирование в сфере экологии относится к компетенции различных уровней власти (межгосударственный, федеральный, региональный, местный), то соответствующие законодательные акты должны приниматься на всех этих уровнях.

Также необходимо сказать, что в сфере экологии с момента принятия нормы права до её реального применения порой проходит значительное количество времени по причине многочисленных согласований многих субъектов регулирования. Достаточно простая задача по повышению качества атмосферного воздуха на городской территории приводит к возникновению множества проблем у исполнительных органов по взаимодействию друг с другом с целью разработки целевых программ. Решению этой проблемы способствует создание единого управленческого органа, являющегося координаторам постановки и выполнения задач в сфере эколого-правового регулирования.

Эффективным способом улучшения правовой культуры в сфере экологии у населения является осуществление реального контроля за деятельностью органов государственной власти и коммерческих организаций, в задачи которых входит в том числе предотвращение негативных последствий от воздействия на окружающую среду. Необходимо установить прямые санкции, реальную ответственность и иные наиболее эффективные меры государственного принуждения с целью предупреждения совершения экологических правонарушений и преступлений, а также с целью наказания в случае нарушения законодательства в области охраны окружающей среды.

Реализация этих мер позволит достичь одну из самых важных целей – снизить количество загрязнений окружающей среды от использования автотранспортных средств и разрешить ключевые проблемы автотранспортной экологии в РФ.

М.И. Беляева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Г. Блинов
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: *в настоящей научной работе подверглись осмыслению политика нашего государства по охране половой неприкосновенности и половой свободы человека от насильственных действий сексуального характера. По результатам проведённого исследования сформулированы теоретические выводы, которые могут быть полезны российскому законодателю.*

Ключевые слова: *уголовно-правовая политика, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, жертва преступления.*

Отечественное уголовное законодательство, регламентирующее ответственность за посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность личности, имеет древние корни. Для удержания физических лиц от удовлетворения сексуальных потребностей насильственным способом государство прибегало к разного рода правовым конструкциям и предусматривало самые суровые виды наказаний. Сегодня уголовное законодательство России располагает системой взаимосвязанных и взаимообусловленных норм, которые решают две задачи: а) охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности от преступных посягательств; б) их предупреждение. Указанные нормы располагаются в главе 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В ней сосредоточены составы преступления, предупреждающие правоисполнителей о недопустимости совершения изнасилования (ст. 131 УК РФ), насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ), понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратных действий (ст. 135 УК РФ). На протяжении всего периода функционирования содержания соответствующих уголовно-правовых норм вызывали интерес у научного сообщества. Его представители неоднократно высказывали в адрес российских нормотворцев разного рода рекомендации. Их суть сводилась к оптимизации редакции некоторых составов так называемых половых преступлений[1].

Ко многим предложениям ученых законодатель прислушался. Так, за двадцатипятилетний период действия нынешнего уголовного закона редакции составов преступлений, предусматривающих ответственность за посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность личности, подверглись изменениям неоднократно. В частности, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ»[2] законодатели исключили из содержания ст. 131 и 132 УК РФ квалифицирующий признак «совершенное неоднократно или лицом, ранее совершившим насильственные действия сексуального характера». Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

[1] См.: *Красиков А.Н.* Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, С. 1996. С. 134–150; *Кондрашова Т.В.* Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 260–347; *Беляева И.М.* Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. М., 2016.

[2] См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ) // СЗ РФ. 2003, ст. 4848; 2011, ст. 7362.

Федерации»[1] нормотворцы сочли нужным ужесточить санкции норм, предусматривающих ответственность за изнасилование несовершеннолетних и малолетних. Этим же нормативным правовым актом законодатель исключил из диспозиции уголовно-правовых норм указание на заведомость осознания возраста жертвы изнасилования или насильственных действий сексуального характера. Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде ограничения свободы»[2] за совершение квалифицированного и особо квалифицированного состава изнасилования (ч. 2, 3, 4 ст. 131 УК РФ), а также квалифицированного и особо квалифицированного состава насильственных действий сексуального характера (ч. 2, 3, 4 ст. 132 УК РФ), предусмотрен новый вид дополнительного наказания в виде ограничения свободы. Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»[3] значительно ужесточена ответственность за изнасилование несовершеннолетних и малолетних потерпевших, а также закреплена возможность назначения пожизненного лишения свободы за совершение изнасилования малолетнего лицом, ранее судимым за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Предпоследний раз законодатель внес изменения в содержание уголовно-правовых норм, охраняющих половую свободу и половую неприкосновенность личности, Федеральным законом от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[4]. Теперь наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы грозит за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера несовершеннолетней либо лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста: а) совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего; б) совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних; в) сопряженные с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности. Таким образом, на сегодняшний день санкции ч. 4 и 5 ст. 131 УК РФ и ч. 4 и 5 ст. 132 УК РФ предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двадцати лет (ч. 4 ст. 131 УК РФ, ч. 4 ст. 132 УК РФ) либо пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 131 УК РФ, ч. 5 ст. 132 УК РФ). Нижние пределы санкций ч. 4 и 5 ст. 131 УК РФ, а также ч. 4 и 5 ст. 132 УК РФ ныне больше, чем за убийство, совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 105 УК РФ). За умышленное причинение смерти другому человеку при наличии отягчающих признаков нижний порог наказания в виде лишения свободы составляет восемь лет, тогда как по ч. 4 ст. 131 и ч. 4 ст. 132 УК РФ он равен двенадцати годам, а по ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ минимальное наказание составляет пятнадцать лет лишение свободы.

Самый крайний раз изменения внесены в содержание ст. 133 УК РФ, которая возлагает на граждан обязанность по воздержанию от понуждения к действиям сексуального характера. Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса РФ» указанная статья уголовного закона дополнена частью третьей. Она предусматривает повышенную ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; в) лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Лицо, признанное виновным в совершении такого преступления, наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового[5].

Изучение официальных источников показывает, что после внесения соответствующих изменений в УК РФ на практике прослеживается тенденция снижения числа лиц, осужденных за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Так, если в 2017 г. за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности (ст. 131–135 УК РФ) к уголовной ответственности привлечены 7511 человек, то в 2020 г. их количество уменьшилось до 5905 человек[6].

Таким образом, проводимая государством уголовно-правовая политика успешно решает задачу сокращения преступности в исследуемой сфере. Вместе с тем резервы по ее оптимизации сохраняются. Их можно обнаружить в уголовно-правовых институтах освобождения от наказания, судимости, принудительных мер медицинского характера. Они способны оказать дополнительное стимулирующее воздействие на сознание и волю лиц, склонных к совершению половых преступлений.

---

[1] См.: Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009, ст. 3921.

[2] См.: Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» (в ред. от 07.12.2011 № 420-ФЗ) // СЗ РФ. 2009, ст. 6453; 2011, ст. 7362.

[3] См.: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СЗ РФ. 2012, ст. 1162.

[4] См.: Федеральный закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 5, ст. 677.

[5] См.: Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1395.

[6] Смотри приложение к настоящей статье.

Приложение

Виды преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности	Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности			
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
изнасилование (ст. 131 УК РФ)	2339	2049	1815	1449
насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)	2112	2047	2055	1755
понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ)	46	32	30	32
половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ)	2607	2654	2415	2197
Развратные действия (ст. 135 УК РФ)	407	466	530	478
Всего:	**7511**	**7248**	**6345**	**5905**

П.О. Березина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.А. Серветник к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «БРАК» И «СУПРУЖЕСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: *в данной статье рассмотрены проблемы определения и правового закрепления таких понятий как брак и супружество, их соотношение и применение как отечественным, так и зарубежным законодателем.*

Ключевые слова: *брак, супружество, соотношение, применение.*

Регулирование семейно-брачных отношений всегда находилось в центре внимания учёных и практиков. В семейном праве существовало и существует несколько различных точек зрения на правовую природу брака. В своём развитии римское право, которое является основой для многих правовых систем, перешло от понимания брака как безусловной власти мужа над женой, где муж был субъектом этой власти, а жена – объектом, до идеи полного супружеского равноправия и независимости[1].

В зарубежном законодательстве брак рассматривают как сделку, как статус и как институт особого рода. Сторонники позиции брака как сделки основываются на том, что к порядку заключения брака, условиям его действительности, прекращения брака предъявляются определенные требования. Некоторые отношения в браке могут регулироваться на основании договора: имущественные отношения в браке и после его расторжения.

Другая точка зрения рассматривает брак как «статус, который приобретается субъектом в результате совершения предписанных законом действий. Обладание этим статусом позволяет отнести субъекта к категории женатых людей».

Сторонники позиции, что брак – это институт особого рода, обращают внимание на то, что брак прежде всего имеет цель не создание имущественных последствий, а нравственное, духовное содержание. Большинство правоотношений, которые возникают в браке, не регулируются правом[2].

В практике отечественного права для определения брака в семейно-правовом смыслебрались за основу мнения учёных, которые излагали собственное понимание этого слова в своих трудах, а также определения, данные в различных толковых словарях. Например, С.И. Ожегов определял брак как «семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной»[3]. В кругу правоведов популярностью пользовалось определение изложенное Г.Ф. Шершеневичем, в котором брак означал союз мужчины и женщины, с целью сожительства, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной форме. Брак между одними мужчинами или одними женщинами невозможен[4].

До настоящего времени в кругах правоведов велись обширные дискуссии касательно того, что подразумевается под браком, поскольку данное понятие широко использовалось как законодателем, так и правоприменителем без правового определения такового. Последние поправки, внесённые в Конституцию РФ, дополнили статью 72 пунктом «ж.1», который закрепляет защиту института брака как союза мужчины и женщины[5]. Данное положение вполне логично вытекает из определений, ко-

[1] См.: *Рузакова О.А.* Семейное право: учебник. М.: Эксмо, 2010. С. 45.

[2] См.: *Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А.* Семейное право: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 63.

[3] См.: *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 10.04.2022).

[4] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Юрайт, 2018. С. 408.

[5] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.04.2022).

торые были приведены в пример ранее и иные, которые когда-либо использовались для объяснения сущности брака. В то же время законодатель данным положением закрепил единственно возможный субъектный состав, состоящий из мужчины и женщины, а значит категорично обозначил запрет на однополые брачные отношения. Однако данные поправки не изменилиположение дел, поскольку законодатель хотя и обозначил сущность брака, но легального определения не дал.

Данная проблема присуща не только России, но и зарубежным странам, в том числе и европейским, которые в своем законодательстве также не дают однозначное определениепонятию брака. Вместе с тем, в первой французской Конституции 1791 г. и во Французскомгражданском кодексе брак определялся как договор. В настоящее время во Франции понятие «брак» трактуется, исходя из положений Гражданского кодекса Франции (Кодекса Наполеона) 1804 г., как законный союз мужчины и женщины, а в некоторых правовых системах – двух людей одного пола[1].

Современное английское семейное законодательство также не содержит прямо выраженного понятия брака, уделяя при этом значительное внимание тому, что браком не является[2].

Сравнительно недавно, в результате серьезных социально-экономических преобразований современного общества, произошло выделение супружества как структурной единицы в её историческом аспекте.

Семейные отношения и семейная организация, обладая социально-исторической обусловленностью, претерпевают изменения в процессе общественного развития и неявляются склонными к постоянству образованиями.

В связи с тем, что некоторые исследователи отождествляют понятия брака и супружества, приводя их значения к взаимозаменяемым, необходимо развести и конкретизировать эти понятия. Так, по мнению Я. Щепаньского, «супружество – это общественно нормированное социальное отношение, в котором происходит превращение чисто личного чувственного влечения в устойчивое взаимное приспособление и совместную деятельность по выполнению задач супружества». Во всех культурах переходот обручения к супружеству связан с некой обрядовой санкцией: религиозной или государственной, магической или социальной. Подобная точка зрения стирает границы между связанными, но не тождественными понятиями супружество и брак[3].

В большинстве работ, посвященных исследованию проблем брачно-семейных отношений, под супружеством обычно понимается личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое присущими ему ценностями. В частности, подобное определение даёт С.И. Голод, при этом подчеркивая неинституционный характер связи, свойственной супружеству, равноправие и симметричность нравственных обязанностей и привилегий обоих супругов[4]. С свою очередь брак является санкционированной и регулируемой общественно-исторической формой отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающей их права и обязанности по отношению как друг к другу, так и к детям.

Некоторые авторы выделяют комплекс супружеских отношений, который, в свою очередь, подразделяется на два основных периода:

- до вступления в брак (период становления брачных отношений). На данном этапе формируются общие представления о браке и семье, ценностные ориентации и установки, идет процесс поиска и выбора брачного партнера (потенциального), согласно сложившимсяэталонам и в соответствии с личной мотивацией.
- после вступления в брак (период развития брачных отношений). Здесь идет процесс проверки отношений между потенциальными супругами и подготовки к браку, а также формируются мотивы, побуждающие вступить в брак с данным партнером.

Вопрос о различии категорий брак и супружество возникал не только в правовом и социологическом пространстве, но и церковном, религиозном. В частности, Джон Энтони Хардон в своём «Современном католическом словаре»[5] при определении супружества делает оговорку, что несмотря на их схожесть с браком, данный термин больше подходит для обозначения взаимоотношений между мужем и женой, чем к церемонии (венчанию) или состоянию брака (заключенного в соответствующем государственном органе).

В свою очередь брак является прочным союзом мужчины и женщины, которые обязуются уважать права друг друга в целях зарождения и укрепления их взаимной любви.Основными условиями брака, по мнению Д.Э. Хардона являются:

- союз должны составлять представители противоположных полов; это условие отвергает все формы неестественного взаимодействия;
- является постоянным и длится до смерти одного из супругов;
- его постоянство и особенность подтверждается соответствующим документом; совместное проживание без взаимных обязательств стоит именовать сожительством, а не браком.

Термин супружество (matrimony) нередко можно встретить в законодательных и правоприменительных актах зарубежных стран, касающихся сферы семейно-правовых отношений. К таким документам можно отнести, в частности, Конвенцию о признании решений относительно супружеской связи от 8 сентября 1967 г.[6] Она была создана с цельюоблегчить признание на тер-

[1] См.: Французский гражданский кодекс 1804 г. / пер. И.С. Перетерского. М., 1941. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/? (дата обращения: 07.04.2022).

[2] См.: *Савенко О.Е.* Понятие брака в международном частном праве // Lex Russica. 2018. № 6 (139). С. 108.

[3] См.: *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии / общ. ред. и посл. ак. А.М. Румянцева, пер. с польского М.М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. URL: https://www.isras.ru/publ.html?id=6132&printmode (дата обращения: 05.04.2022).

[4] *Голод С.И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / под ред. Г.М. Романенковой. Л.: Наука: Ленингр. отдние, 1984. С. 54.

[5] См.: *Хардон Д.Э.* «Современный католический словарь». 1980. URL: http://www.therealpresence.org/dictionary/adict.htm (дата обращения: 08.04.2022).

[6] См.: Convention on the Recognition of Decisions Relating to the Validity of Marriages signed at Luxembourg on 8 September 1967.

ритории всех Договаривающихся государств решений, вынесенных в одном из этих государств относительно супружеской связи (matrimonial bond). Конвенция 1967 г. не была подписана и ратифицирована Российской Федерацией и не применяется на её территории. Аналогом содержания этого документа можно назвать положения, содержащиеся в статье 158 Семейного кодекса РФ.

Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов от 14 марта 1978 г.[1] содержит достаточно устойчивое выражение «matrimonial property regimes», что в системе отечественного права звучит как «правовой режим собственности супругов».

Конвенция 1978 г. устанавливает два правовых режима собственности супругов – определенный внутренним правом государства и договорный. Эти режимы также установлены в главах 7 и 8 Семейного кодекса РФ. Однако Конвенция1978 г. имеет свою особенность. Основное назначение норм Конвенции 1978 г. – расширение возможности выбора супругами права, применяемого к режиму супружескогоимущества. Режим супружеского имущества определяется согласно Конвенции законом, избранным супругами перед вступлением в брак; он применяется ко всей совокупности ихимущества. При этом супруги могут избрать либо право государства гражданства одного из супругов в момент выбора права, либо право государства, на территории которого один из супругов в этот момент обычно проживает, либо право первого государства, на территории которого один из супругов приобретает новое обычное место проживания после заключения брака (ст. 3 Конвенции 1978 г.). Если супруги не избрали закон и не заключили брачного договора, применяется закон государства, в котором оба супруга приобретают свое первое обычное место проживания после вступления в брак. (ст. 4 Конвенции 1978 г.).

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что хотя зарубежный законодатель использует термин «супружество», его определение легально не закреплено. Следовательно, не проведена черта в различии таких понятий, как брак и супружество, которые продолжают использовать как взаимозаменяемые. Тем не менее следует обозначить главный критерий, который их отличает: супружество регулирует межличностные отношения между супругами, в основном основываясь на нормах морали и нравственности, а брак – это союз мужчины и женщины, облеченный в форму, установленную законом, который регулирует личные неимущественные и имущественныеотношения между супругами с правовой точки зрения.

[1] См.: Convention on the law applicable to matrimonial property regimes concluded 14 March 1978.

Д.С. Бессонова
ФГБОУ ВО «ПГУ» г. Пенза
Научный руководитель: Г.В. Синцов
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «ПГУ», г. Пенза

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация: *динамичное развитие экономической сферы жизни общества актуализирует вопросы охраны коммерческой тайны, признаки и назначение указанной правовой категории. Охрана коммерчески важной информации важна для каждого экономического субъекта.*

Ключевые слова: *коммерческая тайна, защита коммерческой информации, признаки коммерческой тайны.*

На современном этапе развития и функционирования экономики страны важным представляется рост, как малого, так и крупного бизнеса в условиях равной конкурентной борьбы. Каждый стремящийся к продуктивному росту субъект предпринимательской деятельности изо дня в день обязан доказывать и соперничать за существования своего бизнеса, за репутацию, за прибыльное ведение своего дела. Успешно действующее предприятие обязано позаботиться о безопасности своего дела. В указанном контексте понятие «безопасность» включает в себя такие вопросы, как юридическая безопасность, физическая безопасность, коммерческая безопасность и информационная безопасность. В условиях динамично развивающейся информационной активности в обществе, с развитием социальных сетей и информационных технологий в целом, возрастает роль и актуальности информационной безопасности[2].

Положительная динамика развития субъекта экономической деятельности всецело зависит от тех условий, при которых создается и работает механизм защиты информации, который необходим конкурентам и рынку в целом, но им не известен. Исходя из данного утверждения можно сделать вывод о том, что в условиях жесткой конкурентной борьбы успех экономической деятельности, все цело зависит от сохранности информации о производстве базирующейся на конкретном мыслительном потенциале и которая хранит в себе уникальную технологию[3].

Самым главным средством и приемом защиты экономически и стратегически важной информации субъекта экономической деятельности является введении на предприятии режима коммерческой тайны. Коммер-

[2] См.: *Казакевич О.Ю., Конев Н.В., Максименко В.Г. и др.* Предприниматель в опасности: способы защиты. Практическое руководство для предпринимателей и бизнесменов. М.: Юрфак МГУ, 1992. С. 46–47

[3] См.: *Постовой Н.В.* Коммерческое право: учеб. пос. М: Юриспруденция, 2006. С. 322.

ческая тайна включает в себя комплекс мер по охране конфиденциальной информации субъекта экономической деятельности. Объем информации подлежащий сокрытию и придание ему секретного статуса довольно широк. К примеру, правовая деятельность предприятия, организационные отношения, техническая составляющая работы субъекта экономической деятельности и другие вопросы и отношения, подлежащие информационной охране. Определение объема и уровня информации подлежащей к сокрытию определяется руководством предприятия.

Сам термин «коммерческая тайна» давно используется в обиходе, как в бизнесе, так и в юриспруденции. При этом большое количество руководителей предприятий не придают важного значения и в полной мер не осознают важность принятия и установления режима коммерческой тайны в своем бизнесе. Так же нет конкретного представления о том, как именно защитить экономически важную информацию.

Законодательное регулирование режима коммерческой тайны предусмотрено федеральным законодательством, а именно Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ.[1] Законодатель определяет режим коммерческой тайный как – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. Важно уточнить какая конкретно информация будет относиться к коммерческой тайне. Согласно ст. 4 ФЗ № 98 «О коммерческой тайне» информация, составляющая коммерческую тайну, обладателем которой является другое лицо, считается полученной незаконно, если ее получение осуществлялось с умышленным преодолением принятых обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, мер по охране конфиденциальности этой информации, а также если получающее эту информацию лицо знало или имело достаточные основания полагать, что эта информация составляет коммерческую тайну, обладателем которой является другое лицо, и что осуществляющее передачу этой информации лицо не имеет на передачу этой информации законного основания.

Научное сообщество трактует понятие коммерческой тайны в различных интерпретациях. Бушев А.Ю. определяет коммерческую тайну, как правила использования секретной информации, способствующие ее создателю при наступлении конкретных обстоятельств увеличить прибыль своего предприятия, устранить побочные расходы, увеличить свою значимость на рынке услуг и товаров, а также получить экономическую выгоды для своего предприятия.[2] В свою очередь В.С. Мелехина трактует коммерческую тайну как, фундаментальные данные имеющие статус секретных, определяющие коммерческие параметры функционирования экономического субъекта, которые позволяют достичь экономических целей[3].

Проводя анализ понятия «коммерческая тайна, стоит сделать вывод и определить признаки указанного определения позволяющие раскрыть суть как инструмента регулирования договорных правоотношений.

Законодательное регулирование правовой категории коммерческой тайны позволяет выделить следующие признаки, определяющие тот объем информации, в отношении которой можно ввести режим коммерческой тайны.

Одним из таких признаков является реальная и возможная экономическая ценность информации недоступная и неизвестная третьим лицам. Ценность такой информации может иметь место как на этапе распространения сведений уже в режиме секретности коммерческой тайны, так и непосредственно после определенного промежутка времени и придания информации статуса секретности.

Следующим признаком является отсутствие доступа к коммерческой тайне на правовых основаниях. Данный признак позволяет четко определить круг лиц имеющих право на введение режима коммерческой тайны. Стоит отметить, что не каждый экономический субъект имеет право на введении режим коммерческой тайны касаемо документов, содержащих общедоступную информацию. Указанное правило четко сформулировано в законе.

Последний признак, который можно выделить является обеспеченность секретной информации, составляющую коммерческую тайну. Предполагает собой ряд мер и методов по защите коммерческой информации имеющей статус секретной. Использование режима коммерческой тайны может быть только в целях установленных федеральным законодательством, Конституцией РФ[4].

Таким образом, можно сделать вывод, коммерческая тайна как инструмент правовых правоотношений представлен секретными данными экономического субъекта, позволяющие, достичь экономических целей, сохранить коммерчески важную информацию, реализовать договорные отношения между партерами с выгодой для обеих сторон правоотношений, а также избавить от шантажа со стороны не добросовестных участников рынка и не использовать информации в угоду третьих лиц.

[1] См.: Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (в ред. от 09.03.2021) // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699.html (дата обращения: 15.02.2022).

[2] См.: *Бушев А.Ю., Городов О.А.* Коммерческое право. М: Юристъ, 2011. С. 465.

[3] См.: *Мелехин В.С.* Коммерческая тайна организации и способы ее обеспечения // Молодой ученый. 2019. № 47 (285). С. 215–217.

[4] См.: *Герасимов Р.Ю.* Правовой режим коммерческой тайны в рамках трудовых отношений. // Успехи в химии и химической технологии. № 10. 2007. С. 32.

Д.Н. Бестужева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Е. Михайлов
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *государственный суверенитет является одним из признаков государства, представляющим собой верховенство государственной власти в пределах его территории и независимость на международной арене, позволяющая принимать решения внутреннего и внешнего характера без принудительного воздействия извне. В настоящее время существенной угрозой для суверенитета государства выступает глобализация.*

Ключевые слова: *государство, государственный суверенитет, глобализация.*

Глобализация – это процесс объединения и интеграции людей в различных областях жизни общества различных государств, посредством которых происходит унификация мировых тенденций развития и функционирования. Глобализация оказала сильное влияние на государственный суверенитет и соответственно на само государство. Однако до сих пор непонятно, какой именно характер оно носит: больше положительный или все же негативный. Для этого необходимо показать, какие именно изменения происходят в государстве, а также в определенных проявлениях государственного суверенитета.

Многие исследователи, в первую очередь говорят о том, что происходит процесс исчезновения и ликвидации государственного суверенитета в рамках глобализации[1]. Однако, с нашей точки зрения, это не имеет ничего общего с действительностью. Государство и государственный суверенитет понятия неразделимые, и одно не может существовать без другого. Из этого следует, что если государство теряет свой государственный суверенитет, то перестает быть таковым и превращается в нечто качественно другое.

Мы склонны полагать, что процесс глобализации лишь ограничивает некоторые полномочия государства, не более, при этом государственный суверенитет остается в неизменном виде [2].

Так, для начала опишем ситуацию, которая никак не связана с процессом глобализации. В современном мире существует множество различных государств, которые непосредственно существуют и взаимодействуют друг с другом. При этом абсолютно все государства равны между собой и ни одно не может господствовать над другим. То есть, ни одно государство не может реализовывать свой государственный суверенитет в отношении другого государства. Данная ситуация аналогична тому, что все люди равны между собой и право одного заканчивается там, где начинается право другого. То же самое происходит среди государств: государственный суверенитет одного заканчивается там, где начинается государственный суверенитет другого. Сложившаяся ситуация также может быть признана определенным ограничением, однако в действительности это правила игры на международной арене, с которыми согласились абсолютно все государства, в первую очередь в рамках собственных интересов, чтобы обезопасить себя и сделать более предсказуемыми международные отношения. Таким образом, даже вне процесса глобализации государства ограничены в своих действиях, если это касается других государств и вообще международных отношений.

То же самое можно сказать и про внутренние отношения государства и человека. Так, государство устанавливая определенные правила поведения посредством принятия нормативно-правовых актов ограничивает не только людей, но и самого себя. Более того данные правила поведения устанавливаются не рандомно, а направлены на признание и соблюдение прав и свобод человека, т.к. само существование государства направлено именно на это.

Если говорить об ограничениях государственного суверенитета в рамках процесса глобализации, то здесь можно выделить следующие моменты:

Во-первых, само международное право является ограничителем для суверенитета отдельного государства. К такому выводу приходит А.Д. Катков [3], указывая на то, что международные принципы и нормы имеют приоритет над национальными нормами. Однако это утверждение не соответствует действительности. Во-первых, государства как суверенные субъекты международных правоотношений создают эти самые отношения путем заключения различных международно-правовых договоров, из которых они могут выйти в любой момент. Во-вторых, государства, основываясь только на собственной воле, закрепляют положения о приоритете международных норм над национальными, например: как ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [4].Поэтому утверждение об угрозе международного права суверенитету государства несостоятельно.

В-третьих, ограничением для А.Д. Каткова являются международные организации, наподобие ООН, ЕС, ЕврАзЭС и другие. Однако, в данном случае, присутствует та же логика. Другими словами, международные организации появляются путем согласования воль суверенных государств, которые передают часть своих суверенных прав первым, наделяя их определенными полномочиями, при этом сохраняя свой государственный суверенитет.

В-четвертых, ограничением государственного суверенитета считают международные судебные органы[5], а именно их решения, которые должны в обязательном

[1] См.: *Михайлов А.Е.* Современное российское государство: теоретическая концепция и реальность: монография. М.: РУСАЙНС, 2018.

[2] См.: *Куделка О.Д.* Влияние глобализации на суверенитет государства // Вопросы студенческой науки. Февраль 2018. Вып. № 2 (18). С. 25.

[3] См.: *Катков А.Д.* Процесс глобализации и проблема ограничения суверенитета (векторы политико-академической дискуссии) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. №. 1. С. 63.

[4] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[5] См.: *Куделка О.Д.* Там же.

порядке исполняться государствами. Однако возникновение международных судебных органов также является волей государств, которые предают им полномочия в разрешении определенных споров. Также стоит не забывать о том, что государство добровольно заключает договор, а значит должно его исполнять, выборочное исполнение определенных положений недопустимо, в противном случае не стоило вообще заключать договор.

В-пятых, угрозой для государственного суверенитета являются транснациональные корпорации в силу наличия огромных ресурсов, которые иногда превышают ресурсы некоторых государств. Мы также не можем согласиться с указанным положением. Ведь они никаким образом не подвергают сомнению верховность и независимость государственной власти в стране. Своими действиями, направленными на влияние принимаемых органами государственной власти решений, они только подтверждают признание верховности государственной власти. Также стоит отметить, что транснациональные корпорации полностью подчиняются юрисдикции стран, на территории которых осуществляют свою деятельность, поэтому об ограничении суверенитета в данном случае не может быть и речи.

Но все же с наличием угрозы со стороны транснациональных корпораций мы вынуждены согласиться. Однако данная угроза не направлена на государственный суверенитет, а связана с тем, что будут нарушены права и свободы простого человека. Действительно на данный момент транснациональные корпорации обладают значимой силой, чтобы влиять на принятие тех или иных нормативно-правовых актов, выгодных для них. При этом в основном происходит ограничение тех или иных прав или свобод человека либо вообще их нарушение. Так, для стран третьего мира это является обычной практикой: здесь нарушаются не только право людей на нормированный график труда, справедливое вознаграждение за труд, на безопасный труд, но и экологические права, которые уже непосредственно затрагивают аналогичные права всех людей. Но это вовсе не значит, что существует угроза для государственного суверенитета, ведь вышеописанный процесс происходит в рамках его проявлений.

По нашему мнению, настоящая угроза государственному суверенитету может возникать только от населения этого государства, т.к. именно оно является источником суверенитета. Только народ может лишить государство его суверенитета, ничто больше. И страх многих связан с тем, что многие вышеописанные факторы могут привести к тому, что народ решит, что государство уже не является единственным вариантом для реализации потребностей, для которых оно было создано. Именно это и показывает глобализация, используя различные методы и средства, одними из которых являются современные технологии. Если раньше причины глобализации были связаны с общечеловеческими целями, такими как предотвращение войн; защита окружающей среды и т. д., то на данный момент причиной глобализации является то, что интеграция мира в различных областях общественной жизни помогает более эффективно удовлетворять самые простые потребности отдельных индивидов.

Если государство на самом деле хочет защитить свой суверенитет, то в первую очередь нужно работать в области информационного суверенитета, т.к. на данный момент наиболее эта сторона государственного суверенитета наиболее уязвима, но это ни в коем случае не связано с цензурой. Но мы все же убеждены, что процесс глобализации невозможно остановить. Он является атрибутом развития человеческого общества. И в данном случае нельзя подменять понятия: государство – это именно люди, живущие в нем, а не властные структуры и их представители, и государственный суверенитет является производным от народа, а не от государственного аппарат. Поэтому стоит в этом вопросе больше обращать внимание на человека, его прав и свободы.

Таким образом, мы не можем согласиться с мнением о существовании серьезных угроз государственному суверенитету, выражающемуся в верховенстве и независимости государственной власти внутри страны и независимости на международной арене, в условиях глобализации. Стоит исходить из самого понятия и сущности государственной власти, которая выражается в том, что она является верховной, неделимой и абсолютной. Другими словами, при ограничении государственной власти затрагиваются лишь отдельные полномочия государства, но никак не его верховенство или независимость.

М.И. Болатов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Г. Блинов
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ СПОРТСМЕНА СУБСТАНЦИЙ И (ИЛИ) МЕТОДОВ, ЗАПРЕЩЕННЫХ В СПОРТЕ

Аннотация: *в статье обоснованы социальные основания установления уголовной ответственности за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. По результатам исследования сформулированы несколько выводов. Во-первых, криминализация использования в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте социально обоснована. Во-вторых, она объясняется: общественной опасностью деяний, нарушающих антидопинговые правила, урегулированностью отношений, призванных нейтрализовать использование допинга в спорте; низким уровнем результативности регулятивных норм в противодействии использования в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте.*

Ключевые слова: *допинг, уголовное право, ответственность, социальные основания.*

Применение участниками спортивных состязаний допинга относится к числу ключевых проблем современного профессионального спорта. С развитием биомедицинских технологий она достигла угрожающих масштабов. По данным Всемирной антидопинговой организации, практика употребления запрещенных препаратов спортсменами распространена во многих государствах мира[1]. Не является исключением в этом смысле наша страна. Допинговые скандалы стали главной причиной отстранения Международным олимпийским комитетом спортсменов из России по легкой атлетике от участия в Играх XXXI Олимпиады 2016 г. в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия), наложения запрета на выступление спортсменов под российским флагом в зимних Олимпийских играх в Пхенчхане (Южная Корея) в 2018 г., в Пекине (Китай) 2022 г. На территории нашей страны в течение двух лет запретили проведение некоторых международных соревнований. На территории нашей страны в течение двух лет запретили проведение некоторых международных соревнований. Так, под угрозой оказалось проведение чемпионата мира по волейболу 2022 г. Отечественных чиновников отстранили от работы в комитетах федераций и запретили посещать крупные спортивные турниры.

Реагируя на указанные и другие ограничения отечественных спортсменов, государство совершает определенные шаги по выравниванию сложившейся ситуации. В частности, о необходимости формирования нетерпимого отношения к допингу несколько раз говорил Президент РФ[2]. Вслед за этим законодательная власть пересмотрела антидопинговую доктрину в государстве и внесла существенные изменения в систему законодательства. Ужесточена административная и уголовная ответственность за использование допинга в спорте и за склонение спортсменов к применению запрещенных препаратов. В результате произошедших изменений уголовное законодательство пополнилось двумя ранее неизвестными составами преступления, предусматривающими ответственность за использование допинга в сфере профессионального спорта[3]. Однако официальная статистика свидетельствует о том, что на сегодняшний день следственной и судебной практике не знакомы преступные проявления, предусмотренные ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и 230.2 УК РФ «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»[4]. С учетом того, что за пять лет действия упомянутых норм уголовного закона на территории нашего государства не зарегистрировано ни одно преступное деяние в рассматриваемой сфере, возникает вполне справедливый вопрос: имелись ли первоначально социальные основания для установления уголовной ответственности за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте?

В юридической науке вопросы, относящиеся к установлению социальных оснований закрепления в уголовном законе ответственности за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, не становились объектом исследования. На наш взгляд, это пробел и его надо устранить. Без уяснения социальной природы уголовно-правовой нормы, удерживающей граждан от совершения общественно опасного деяния, невозможно понять цели, которые стремится достичь законодатель, криминализируя рассматриваемое социально негативного явление. Сказанное находит подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который заметил, что «закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным»[5]. Исходя из сказанного вполне уместен вывод о том, что в содержании уголовного закона отражение должны получать лишь те нормы, потребность в которых существует объективно.

Основание охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств нормами уголовного права многие ученые видят в общественной опасности совершаемого физическим лицом деяния[6]. В юридической литературе суть общественной опасности исследователи усматривают «в способности предусмотренного уголовным законом деяния причинить существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)»[7].

В подавляющем большинстве случаев конкретное деяние становится общественно опасным тогда, когда появляются новые общественные отношения. Общественная опасность названных ранее составов преступлений проявляется в том, что использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, во-первых, нарушает антидопинговое законодательство, во-вторых, влечет несправедливое до-

---

[1] См.: *Дегтярев М.В., Карамалак Г.И., Баландина А.А. и др.* Западная практика допинга и дискриминация российского спорта. С. 19.

[2] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. URL: http://www.gosduma. net/president-message/ (дата обращения: 15.03.2017); Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, состоявшегося 23 мая 2017 г. URL: https://www.rosmedlib.ru/doc/SP004-SCN0002.html (дата обращения: 15.03.2022).

[3] См.: Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» // СЗ РФ. 2016. № 48, ч. 1, ст. 6732.

[4] См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 17.03.2022).

[5] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан». URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n/ (дата обращения: 29.03.2022).

[6] См.: *Фефелов П.А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. С. 101–104; *Кудрявцев В.Н.* Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 6; *Блинов А.Г.* Правовой статус пациента и его обеспечение регулятивным и охранительным законодательством. СПб., 2013. С. 158.

[7] См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 126.

стижение спортсменами высоких результатов, в-третьих, угрожает безопасности здоровья спортсменов.

Изучение научных трудов позволяет утверждать, что общественная опасность не является единственным основанием для взятия соответствующего объекта под охрану уголовного закона. Их авторы выделяют и другие критерии. Так, по мнению П.С. Тоболкина, «социальная обусловленность уголовно-правовых норм находится под действием множества как объективных, так и субъективных факторов, и строго определить функциональные отношения между ними для обоснования необходимости той или иной уголовно-правовой нормы едва ли возможно»[1].

Признание того или иного общественно опасного деяния преступлением, предполагает отражение в уголовном законе его объективных и субъективных признаков. Данный процесс принято называть криминализацией[2]. Авторы курса российского уголовного права к социальным причинам криминализации тех или иных поступков людей помимо общественной опасности деяния относят: степень его распространенности; преобладание положительных последствий криминализации над отрицательными; соответствие криминализируемого деяние нормам нравственности, Конституции РФ и международного права; невозможность противодействовать деянию иными юридическими инструментариями; возможность практического применения конкретного уголовно-правового запрета[3].

Полагаем, что последний критерий, связанный с возможностью практического применения конкретного уголовно-правового запрета, относится к характеристике не самого деяния, а к оценке эффективности работы правоохранительных и правоприменительных органов. Низкий уровень качества работы органов юстиции и правопорядка не может служить оправданием декриминализации того или иного деяния.

Важно заметить, что не все исследователи относят общественную опасность к факторам, обуславливающим криминализацию деяния[4]. Так, в процессе криминализации незаконного обращения медицинской продукции Т.П. Деревянская предлагает учитывать следующие основания криминализации: 1) возникновение либо существенное развитие новой группы общественных отношений, происходящих на базе экономического или технического прогресса; 2) распространенность определенного вида общественно опасных деяний; 3) обнаружение вредных последствий хозяйственной или иной деятельности людей, в связи с чем возникает необходимость отграничить формы и пределы этой деятельности[5].

Предложенные основания криминализации нам представляются обоснованными, но подлежащими определенной оговорке. Так, вряд ли можно признать обоснованным то, что общественную опасность обращения фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий автор диссертации сводит лишь к вреду, причиненному деянием. Как справедливо заметил Ю.И. Ляпунов, «общественная опасность – это определенное объективное антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба)… общественным отношениям, поставленным под охрану закона»[6].

Деяния, предусмотренные ст. 230.1 УК РФ (склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте) и ст. 230.2 (использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте), являются общественно опасными. Применение запрещенных фармакологических препаратов не только дискредитирует заложенные в основу спортивных состязаний принципы, но и наносит непоправимый вред психическому или физическому здоровью их участников (вызывает инсульт, бессонницу, нарушение координации и т.д.). Иногда оно представляет реальную опасность для жизни спортсменов.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать несколько выводов. Во-первых, установление уголовной ответственности за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте социально обоснована. Во-вторых, оно объясняется: общественной опасностью деяний, нарушающих антидопинговые нормы; урегулированностью отношений, призванных нейтрализовать использование допинга в спорте; низким уровнем результативности регулятивных норм в противодействии использования в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте.

---

[1] См.: *Тоболкин П.С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 53.

[2] См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда РФ // Российское правосудие. 2008. № 5(25). С. 76.

[3] См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 22.

[4] См.: *Гальперин И.М.* Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 53.

[5] См.: *Деревянская Т.П.* Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 12.

[6] См.: *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учебное пособие. М., 1989. С. 39.

А.Д. Болова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.Ю. Миронов
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО КАК НОВЫЙ ВНЕСУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация: *относительно недавно в России начал функционировать новый институт разрешения споров, возникающих между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. За период деятельности финансового уполномоченного, заключающейся в рассмотрении имущественных требований потребителей финансовых услуг к финансовым организациям, данный порядок уже показал свою эффективность, что дает основания рассматривать урегулирование споров финансовым уполномоченным в качестве нового внесудебного механизма защиты прав потребителей финансовых услуг.*

Ключевые слова: *финансовый уполномоченный, потребитель финансовых услуг, внесудебный механизм защиты.*

Переход к рыночной экономики обусловил активное развитие страхования, кредитования, деятельности микрофинансовых организаций, ломбардов и иных финансовых организаций, деятельность которых непосредственным образом связана с оказанием финансовых услуг физическим лицам. Диктуемые правовой действительностью условия развития рынка финансовых услуг ведут к появлению новых механизмов, обеспечивающих баланс публичных и частных интересов на рынке финансовых услуг и необходимых для защиты прав участников финансового рынка, особенно наиболее слабых сторон – потребителей финансовых услуг.

Действенная система защиты прав потребителей финансовых услуг обязательно должна включать механизм рассмотрения жалоб и предоставление возможностей – как судебных, так и внесудебных – для обжалования действий поставщиков финансовых услуг, финансовых организаций. Естественно, организация защиты прав потребителей финансовых услуг не может быть ограничена только существованием органов, в функции которых входят рассмотрение жалоб и обращений граждан, разрешение правовых споров и содействие урегулированию экономических конфликтов (к примеру, содействие заключению соглашений о рассрочке платежа и т.д.), но указанное направление является чрезвычайно важным[1].

С 3 сентября 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон № 123-ФЗ)[2], на основании которого была создана и начала функционировать служба финансового уполномоченного, целью которой выступает досудебное урегулирование споров потребителей финансовых услуг с финансовыми организациями. В службу финансового уполномоченного входят главный финансовый уполномоченный и финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг, Совет службы финансового уполномоченного, служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного, экспертный совет службы финансового уполномоченного.

Частью 1 статьи 15 Закона № 123-ФЗ установлено, что финансовый уполномоченный рассматривает обращения в отношении финансовых организаций, включенных в реестр, указанный в статье 29 настоящего Федерального закона (в отношении финансовых услуг, которые указаны в реестре), или перечень, указанный в статье 30 настоящего Федерального закона, если размер требований потребителя финансовых услуг о взыскании денежных сумм не превышает 500 тысяч рублей (за исключением обращений, указанных в статье 19 настоящего Федерального закона) либо если требования потребителя финансовых услуг вытекают из нарушения страховщиком порядка осуществления страхового возмещения, установленного Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Закон № 123-ФЗ предусматривает два вида взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным – обязательное и на добровольной основе.

Взаимодействие на обязательной основе организовывалось в несколько этапов. Так, с 1 июня 2019 г. обязательное взаимодействие с финансовым уполномоченным распространилось на страховые организации, осуществляющие деятельность по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, добровольному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств и страхованию средств наземного транспорта, кроме железнодорожного. С 28 ноября 2019 г. обязательным стало взаимодействие для всех страховых организаций, кроме организаций, осуществляющих исключительно обязательное медицинское страхование. С 1 января 2020 г. к обязательному взаимодействию подключились все микрофинансовые организации, с 1 января 2021 г. с финансовым уполномоченным обязаны взаимодействовать все кредитные организации, кредитные потребительские кооперативы, ломбарды и негосударственные пенсионные фонды.

По состоянию на 25.04.2022 в реестр финансовых организаций, обязанных организовать взаимодействие с уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг, включено 119 страховых организаций, 1 245 микрофинансовых организаций, 40 негосударственных пенсионных фондов, 2 176 ломбардов, 1 681 кредитных

[1] См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 10. С. 46.

[2] См.: Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3390.

потребительских кооперативов, 353 кредитных организаций[1].

Статистические данные о деятельности финансового уполномоченного свидетельствует о том, что функционированием данного института разрешения споров охвачен основной массив финансовых организаций, оказывающих финансовые услуги физическим лицам в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В 2020 г. финансовому уполномоченному поступило 187 386 обращений потребителей финансовых услуг в отношении 137 страховых организаций, 102 микрофинансовых организаций, 24 кредитных организаций, 4 кредитных потребительских кооперативов, а также 27 организаций, осуществляющих иные виды деятельности. В 2020 г. по результатам рассмотрения обращений потребителей финансовым уполномоченным принято 114 907 решений, из которых 98 798 (86,0 %) решений о полном или частичном удовлетворении требований потребителей или об отказе в их удовлетворении (по существу спора) и 16 109 (14,0 %) решений – о прекращении рассмотрения обращения (из которых в 278 случаях (1,7 %) рассмотрение обращения прекращено в связи с добровольным исполнением финансовой организацией требований потребителя). От финансовых организаций в службу финансового уполномоченного поступила информация об исполнении 30 181 решения, что составляет 70,6 % от всех решений финансового уполномоченного о полном или частичном удовлетворении требований потребителя, принятых в 2020 г.[2]

Урегулирование финансовым уполномоченным споров, возникающих между финансовыми организациями и потребителями финансовых услуг, Законом № 123-ФЗ определено в качестве досудебного порядка.

Вместе с тем, как отмечает Ю.В. Воронин, описываемый порядок можно назвать скорее несудебным, поскольку термин «досудебный» предполагает некоторую последовательность и/или иерархию процедур, что в данном случае не совсем верно. Хотя, конечно, никто не лишает человека права на судебную защиту, данный институт является скорее вне-положенным судебной системе (но не противопоставленным ей) и построенным на медиации конфликта на основе общественного доверия, простоты и общепонятности процессуальных норм[3].

Досудебное урегулирование представляет собой совокупность используемых до обращения в суд способов и средств разрешения правовых конфликтов, что не означает их применение вне рамок гражданского или арбитражного процесса. Одни и те же процедуры могут быть отнесены как к досудебному порядку урегулирования спора, так и внесудебному. Например, если возникший правовой конфликт был урегулирован на стадии обращения к финансовому уполномоченному, то порядок урегулирования споров финансовым уполномоченным следует рассматривать в контексте внесудебного порядка. Если же в рамках процедуры обращения к финансовому уполномоченному спор не был урегулирован и лицо, права которого нарушены, обращается в суд, то в данном случае обращение к финансовому уполномоченному является процедурой досудебного порядка урегулирования спора.

Институт финансового омбудсмена функционирует в России уже более двух лет, и за это время доказал свою эффективность. Ускоренные сроки рассмотрения, доступность и простота обращений к финансовому уполномоченному, делают институт урегулирования споров, предусмотренный Законом № 123-ФЗ, эффективным внесудебным механизмом защиты прав потребителей с минимальными временными и материальными затратами как для самих потребителей финансовых услуг, так и для финансовых организаций.

Функционирование порядка урегулирования споров, закрепленного Законом № 123-ФЗ, оказывает значительное влияние на предотвращение применения финансовыми организациями недобросовестных практик, способствует наиболее быстрому урегулированию возникшего конфликта без последующего обращения в судебные органы, а также побуждает финансовые организации удовлетворять имущественные требования потребителей финансовых услуг на претензионной стадии, т.е. до обращения к финансовому уполномоченному.

Следует согласиться с мнением Е.Н. Пастушенко, которая отмечает, что создание института финансового примирителя позволяет значительно повысить степень защиты прав граждан при получении финансовых услуг, упростить досудебное разрешение некоторых финансовых споров, а также способствует повышению уровня финансовой грамотности населения. Недавно принятый федеральный закон в долгосрочной перспективе не только окажет содействие органам правосудия, уменьшив повышенную нагрузку судов общей юрисдикции, но и упростит процедуру разрешения споров имущественного характера[4].

Учитывая вышеуказанную роль урегулирования споров финансовым уполномоченным, нельзя не согласиться с мнением Ю.В. Воронина, отметившего, что формирование института финансового уполномоченного может дать мощный импульс становлению системы разрешения споров в области финансового права, а также становлению собственно процессуальной составляющей финансового права[5].

Гарантирование Конституцией РФ государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, с учетом

---

[1] См.: Реестр финансовых организаций, обязанных организовать взаимодействие с уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/registries/123-fz/ (дата обращения: 25.04.2022).

[2] См.: Отчет о деятельности 2020 год // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: https://finombudsman.ru/wp-content/uploads/2021/05/Otchet-o-deyatelnosti-v-2020-godu.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

[3] См.: *Воронин Ю.В.* Институт финансового омбудсмена как инструмент совершенствования процедуры урегулирования типовых споров на финансовом рынке (попытка индуктивного анализа) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 54.

[4] См.: *Пастушенко Е.Н., Назейкина В.В.* Финансово-правовая политика в отношении статуса финансового уполномоченного // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 246.

[5] См.: *Воронин Ю.В.* Институт финансового омбудсмена как инструмент совершенствования процедуры урегулирования типовых споров на финансовом рынке (попытка индуктивного анализа) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 54.

того, что «фактически выступая в роли финансового суда, институт финансового омбудсмена выполняет более широкий набор функций, поскольку решает задачи не только арбитража, но и правозащиты»[1], позволяют сделать вывод о том, что урегулирование споров финансовым уполномоченным, являющимся должностным лицом, наделенным определенными властными полномочиями, занимает особое положение в механизме защите прав потребителей финансовых услуг. Представляется, что по мере дальнейшего развития института финансового уполномоченного, расширения взаимодействия с иными участниками финансового рынка, институт финансового уполномоченного займет самостоятельное место в качестве внесудебного механизма разрешения споров, возникающих на рынке финансовых услуг.

Г.В. Борилов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Л.Г. Щербакова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ АДВОКАТА В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются отдельные аспекты осуществления защитительной речи адвоката в суде с участием присяжных заседателей на стадии судебных прений. Обозначены основные нюансы, связанные с рассмотрением судебного дела с помощью присяжных заседателей. Определены основные ограничения и запреты, корректирующие речь защитника на стадии судебных прений.*

Ключевые слова: *защита, дозволение, суд присяжных, защитительная речь, присяжные заседатели, адвокат.*

Адвокат, принимающий участие в судебном заседании как защитник подсудимого, является одним из важнейших способов обеспечения прав подсудимого на защиту, в соответствии с Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством.

Защитительная речь адвоката в судебных прениях является ключевым средством воздействия на присяжных заседателей. Судебные прения представляют собой самостоятельную часть судебного разбирательства, где стороны подводят итоги рассмотрения дела. Защитительная речь адвоката призвана убедить присяжных заседателей, зачастую не имеющих юридического образования, в правильности принимаемого ими решения. Присяжные заседатели – привлеченные граждане, которые оценивают факты, и в чьей компетенции отсутствуют вопросы права. Основываясь на данном требовании, защитительная речь адвоката должна исключать какое-либо упоминание вопросов правового характера, вместо этого фокусируясь на фактах. Это связано с тем, что вопросы правового характера, например, смягчающие и отягчающие обстоятельства, являются исключительной компетенцией судьи. Данная информация не должна доводиться до присяжных заседателей, а в случае нарушения запрета адвокатом, председательствующий судья сделает замечание.

Основным инструментом в воздействии на присяжных заседателей является эмоциональная окраска всего происходящего. Важно учитывать, что подсудимый и его защитник выбирают судебное рассмотрение с участием присяжных заседателей для того, чтобы его дело рассматривалось с учетом психологической оценки материалов дела. Таким образом, во время защитительной речи адвоката он имеет возможность эмоционально воздействовать на присяжных заседателей путем эпитетов, метафор и других приемов русского языка. Посредством данных методов адвокат вызывает у аудитории нужные чувства и эмоции. В качестве примера рассмотрим выдержку из защитительной речи адвоката ННО «Адвокатская палата Кировской области» Мезенцева Владимира Анатольевича. «Уважаемые потерпевшие! Мы знаем, что такое горе и полностью прониклись в Вашу ситуацию, только поэтому Речапов А.Д. решил финансово посодействовать в тяжёлую минуту, выражаем Вам соболезнование, однако в случившейся трагедии не нужно винить Речапова А.Д., поскольку ведь всё же ты работаешь на высоте, неужели не страшно, зачем пренебрежительно относиться к своей жизни и здоровью в целом, подумай хотя бы о своих близких, просто возьми и пристегнись ремнём безопасности, нет ремня, ну попроси, купи, в крайнем случае не лезь на высоту, ведь всё несложно, просто пристегнись, а там хоть падай, не падай корзина, ты в безопасности. На основании изложенного прошу суд вынести в отношении Речапова А.Д. оправдательный приговор[2]».

Вопросы принципов оценки доказательств так же являются прерогативой председательствующего судьи и не должны быть указаны в защитительной речи адвоката. Председательствующий судья разъясняет в напутствующем слове присяжным основные правила оценки доказательств в их совокупности перед тем, как присяжные заседатели удалятся в совещательную комнату для вынесения вердикта[3]. Так же адвокат не может упоминать в своей речи неисследованные в суде доказательства, недопустимые доказательства. Если адвокат нарушает данный запрет, председательствующий или сразу прерывал речь адвоката-защитника, или в последующем, после его речи, указывает на недопустимость нарушения предписаний уголовно-процессуальных норм в этой части, призы-

[1] Цит. по: *Воронин Ю.В.* Институт финансового омбудсмена как инструмент совершенствования процедуры урегулирования типовых споров на финансовом рынке (попытка индуктивного анализа) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 56.

[2] См.: URL: https://apkirov.fparf.ru/documents/Вестник № 1, 2019.pdf. (дата обращения: : 12.04.2022).

[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52.

вая присяжных заседателей не принимать во внимание такую информацию при вынесении ими вердикта.

В защитительной речи адвокату недопустимо прибегать к указанию на незаконные, недопустимые методы производства предварительного следствия. В случае, если у адвоката действительно есть замечания по ходу предварительного расследования, они должны быть доведены до председательствующего судьи с доказательственной базой, а не использованы с целью манипуляции присяжными заседателями.

Вопрос запретов и ограничений в защитительной речи адвоката является неоднозначным. Л.Д. Калинкина склоняется к тому, что при оценке устанавливаемых председательствующим в судебном заседании запретов для адвокатов при произнесении ими защитительных речей следует исходить из действительного характера таких запретов, поскольку они собой представляют требования уголовно-процессуальных норм не совершать не предусмотренных в УПК РФ действий при производстве с участием присяжных заседателей[1].

Интересной позиции в данном вопросе придерживаются юристы Адвокатской палаты Омской области, которые считают, что защитник свободен в своих действиях, если в УПК РФ нет прямо запрета на них. Так, несмотря на то, что в России нет прецедентного права, нигде прямо либо косвенно не запрещено ссылаться на судебное решение в защитительной речи. Ссылаясь на конкретные определения судебной практики в защитительной речи, уместно сделать оговорку, примерно такого содержания: – «Понимая, что судебная практика не является источником права, позволю себе слаться на Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от ..... №....., которым, в схожей ситуации, дело разрешено следующим образом..... полагаю, что суду не безразлична позиция Верховного Суда РФ по данной категории дел»[2].

Ограничение адвоката в его возможности самостоятельно подбирать выражения во время защитительной речи, связано с недопустимостью давать оценку свидетелям и их показаниям. Безусловно, в нормативно-правовой базе нигде не указаны запреты на применение афоризм, метафор, цитат для подтверждения и обоснования речи, пока данные высказывания относятся по делу. При этом, в отношении оценки личных качеств свидетелей и оценки их показаний адвокату следует быть осторожным. Не допускается упоминание о социальном статусе свидетеля, его морально-нравственных качествах, уровне образования и других аспектах его жизни, которые могут быть превратно восприняты присяжными заседателями. В ситуации, если адвокат будет обосновывать невиновность своего подзащитного посредством указания на недостоверные показания свидетеля, ввиду оказания на него давления, сговора между свидетелем и потерпевшим, оговора подсудимого, председательствующий судья сделает замечание адвокату и предпишет присяжным заседателям не принимать данное утверждение во внимание, ввиду недопустимости указания на данные обстоятельства на стадии судебных прений.

С другой стороны, в защитительной речи по уголовному делу адвокат сообщает председательствующему судье и присяжным заседателям личные данные в подзащитном в более эмоциональной манере. Так, сообщается о семье подсудимого, его здоровье, детстве и других важных аспектах его жизни. Адвокат в своей речи раскрывает подсудимого, делает его эмоционально ближе к участникам процесса. Именно это эмоциональное восприятие влияет на решение присяжных заседателей.

Как правило, адвокат по уголовным делам своим внутренним убеждением не может поменять позицию судьи, сформированную под влиянием судебной практики, его личных убеждений и доказательственной базы. В ситуации, когда судебное заседание проходит с участием присяжных заседателей, у адвоката есть возможность склонить людей к своей точке зрения. Защитник должен оправдать доверие, возложенное на него подсудимым, и сделать все от него зависящее, чтобы оправдать человека либо смягчить его ответственность. В своей защитительной речи для адвоката важно учитывать все запреты и дозволения, которые прописаны в нормативно-правовых актах и более детально указаны в судебной практике. Несмотря на то, что многие позиции ограничений, которые не рекомендуется употреблять в речи защитника, связаны с внутренним убеждением судьи касаемо данного вопроса, для присяжных заседателей замечания такого рода будут трактоваться не в пользу подсудимого. Адвокату стоит более основательно и деликатно подходить к подготовке своей защитительной речи.

[1] См.: *Калинкина Л.Д.* Соблюдение принципа законности в условиях существования оценочных понятий в УПК РФ // Уголовный процесс. 2006. № 12. С.49–53.

[2] См.: URL: http://advokatura55.ru/articles/detail.php?ID=11 (дата обращения: : 12.04.2022).

Д.Д. Борисенко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.Н. Абанина
к.ю.н. доцент, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР И ПЕРЕРАБОТКА ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ КАК ПРОГРЕССИВНЫЙ ПУТЬ К СОХРАНЕНИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация: *настоящая статья посвящена анализу проблем, связанных с раздельным сбором и переработкой твердых коммунальных отходов. Рассматриваются вопросы уровня и качества организации экологического воспитания, формирования экологической культуры среди населения и юридического базиса в области раздельного сбора с твердыми коммунальными отходами, как одного из прогрессивных путей к сохранению окружающей среды.*

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, сбор отходов, переработка отходов.*

Главной целью государственной политики в области экологического развития и охраны окружающей среды является решение социально-экономических задач, обеспечивающих рост экономики в сфере экологической безопасности, сохранение благоприятной окружающей среды, экологического и биологического разнообразия природных ресурсов для удовлетворения всех потребностей населения. Данная проблематика постоянно обсуждается и выносится на законодательный уровень.

Так, в соответствии с Указом Президента РФ № 176 от 19 апреля 2017 г. основными задачами и приоритетными направлениями реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности являются: «сохранение и восстановление природной среды; ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата; предотвращение загрязнения поверхностных и подземных вод, повышение качества воды в загрязненных водных объектах, восстановление водных экосистем; предотвращение дальнейшего загрязнения и уменьшение уровня загрязнения атмосферного воздуха в городах и иных населенных пунктах; эффективное использование природных ресурсов, повышение уровня утилизации отходов производства и потребления; ликвидация накопленного вреда окружающей среде; предотвращение деградации земель и почв; сохранение биологического разнообразия, экосистем суши и моря; смягчение негативных последствий воздействия изменений климата на компоненты природной среды» [1].

Как видно из текста Указа Президента РФ, много внимание уделяется проблемам, связанным с отходами. Действительно, проблемы, связанные с раздельным сбором и переработкой твердых коммунальных отходов остро стоят перед всем человечеством и наша страна не является исключением. Свалки России образуются санкционированно и стихийно. Основная проблема состоит в том, что отходы не сортируются. В конечном результате в одном месте собраны коммунальные (бытовые) и хозяйственные отходы, а также вторичное сырье.

В последние годы тенденция на раздельный сбор мусора среди населения, организаций и предприятий растет. Но все же вопрос стоит остро: отходы деятельности человека с большой прогрессивностью загрязняют окружающую среду, ядовитые вещества попадают в поверхностные и подземные воды, проникают во все слои земли и воздух. Нужно понимать, что последствия данной проблемы действуют не точечно на местность, в которой находится мусорная свалка, а масштабно на площадь всей планеты. Решение вопросов, направленных на формирование в сознании граждан важности раздельного сбора мусора и проблемы загрязнения окружающей среды твердыми коммунальными отходами неразрывно связано с качеством и уровнем жизни населения.

По статистике 95 % всех отходов жизнедеятельности человека гниёт на мусорной свалке, выделяя огромное количество ядовитых химикатов. Благодаря раздельному сбору твердых коммунальных отходов можно кардинально изменить эту ситуацию – достаточно разделять мусор на этапе его возникновения на следующие категории: подлежащий переработке, не подлежащий и опасный, требующий утилизации.

Проблемы уровня и качества организации экологического воспитания, формирования экологической культуры среди населения и юридического базиса в области раздельного сбора с твердыми коммунальными отходами, как одного из прогрессивных путей к сохранению окружающей среды проблемы исследовались многими авторами (например, в работах А.Б. Храмцова, О.С. Порошина, Ф.Ф. Хизбуллина, А.Р. Саттарова, Р.Т. Хакимова, Тюлина Р.А.). Также многими учеными проводится анализ действующей в настоящее время в России «мусорной реформы». «Мусорная реформа на территории нашей страны стартовала в январе 2019 г. Одной из ее целей стал переход на новую систему утилизации твердых коммунальных отходов, к которой многие регионы на начальном этапе оказались не готовы в силу многих объективных обстоятельств. Для таких субъектов РФ законодательством был предусмотрен плавный переход. Так, например, на три г. отложено начало проведения реформы в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Исследуемая реформа призвана со временем если не превратить в одно мгновение все полигоны в высокотехнологичные заводы, то, по крайней мере, положить конец многочисленным «диким» свалкам. Полная ликвидация площадок по захоронению твердых коммунальных отходов запланирована на 2030 г. При этом зачастую запустить мусорную реформу из-за переполненных перегонов невозможно, также не созданы новые предприятия по переработке мусора, несмотря на то, что программа уже работает в 69 регионах. Мусорная проблема стала одной из больных тем, в том числе из-за некачественного оказания услуг, роста тарифов за вывоз мусора для граждан, которые устанавливаются на региональном уровне. Так, в соответствии с Федеральным законом № 503-ФЗ за органами государственной власти субъектов РФ закреплено право самостоятельно вводить нормативы по накоплению мусора и определять алгоритм внедрения раздельного сбора ТКО и других отходов» [2].

На наш взгляд, основной проблемой в переработке твердых коммунальных отходов является сортировка мусора и разработка технологических процессов его переработки.

«Несмотря на существование в стране более 1 200 перерабатывающих предприятий, способных обеспечить утилизацию до 37 млн т отходов ежегодно, в процесс переработки включено лишь 10 % существующих мощностей» [3]. Экономическая целесообразность способов

[1] Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

[2] *Храмцов А.Б., Порошин О.С.* Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-realizatsii-musornoy-reformy-v-regionah-rossii (дата обращения: 05.04.2022).

[3] *Дружакина О.П., Рязанова А.А., Тарасов Т.А.* Формирование инфраструктуры раздельного сбора отходов как условие утилизации отходов производства и потребления // Утилизация отходов производства и потребления: инновационные подходы и технологии: материалы

переработки отходов зависит от нескольких факторов: стоимости методов утилизации, положения на рынке вторсырья и спроса на него, а также затрат на их переработку. Существует определенная трудность в том, чтобы «встроить» мусороперерабатывающих завод в промышленную инфраструктуру любого региона, выстроить все логистические связи и потребности региона во вторичных ресурсах.

Полагаем, что эффективнее рассматривать процесс мусороперерабатки как единый цикл производства вторсырья (например, очень популярно сейчас выделение макулатуры из твердых коммунальных отходов). А также производство экологичной упаковки, выделение пластика, а вследствие чего возможно производство пластмассовых изделий. То есть существует необходимость, чтобы вокруг отдельно взятого мусороперерабатывающего комплекса был ряд малых производств по переработке вторичных ресурсов. Это позволит рассматривать мусороперерабатку как дополнительный вид дохода в региональной экономике.

Но главный движущий фактор, который поможет ускорить данные процессы – общественное самосознание – насколько люди самостоятельно готовы заботиться об окружающей среде и в части исследуемой проблемы готовы самостоятельно проводить раздельный сбор мусора. «Важность раздельного сбора отходов понималась еще в СССР, где существовали унифицированные формы бутылок, имелась эффективная для командно-административной экономики модель сбора макулатуры и металлолома» [1]. В настоящее время во многих городах мы уже видим в местах сбора мусора отдельный контейнеры для сбора стекла, пластика, макулатуры. Также такие контейнеры ставятся крупных сетевых магазинах. Таким образом, граждане постепенно приучаются к тому, что удобен и полезен раздельный сбор отходов. Кроме того, в решении этих проблем большое значение приобретает правильная пропаганда экологических знаний: видеоролики о вреде мусорных полигонов и положительных аспектах раздельного сбора мусора, проведение обучающих занятий со школьниками, проведение различных акций и фестивалей, посвященных раздельному сбору твердых коммунальных отходов.

Таким образом, в перспективных задачах развития мусороперерабатывающей отрасли необходимым является выявление наиболее оптимальных способов организации системы управления отходами в каждом регионе, начиная усовершенствованием нормативно-правовой базы, строительством мусороперерабатывающих производств, заканчивая конечным результатом мусороперерабатки – вторсырьем.

II Всероссийской научно-практической конференции; Вятский государственный университет (17 ноября 2020 г.). Киров, 2020. С. 47–51.

[1] *Путинцева Н.А.* Организация раздельного сбора твердых коммунальных отходов в России // Петербургский экономический журнал. 2019. № 1. С. 81.

М.С. Борисова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.Г. Тришина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности реализации принципа гласности в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19). Автор приходит к выводу о необходимости разработки регламента, который бы регулировал доступ к судебному разбирательству для СМИ и лиц, не участвующих в деле в условиях применения ограничительных мер.*

Ключевые слова: *принцип гласности, судебное разбирательство, закрытое судебное разбирательство, онлайн-процесс, средства массовой информации.*

Принцип гласности судебного разбирательства в истории России берет свое начало еще в 1864 г. при реформировании судебной системы Российской империи Александром II[2]. В настоящие время гласность, как основополагающее начало гражданского судопроизводства, закреплена на международном уровне в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6), в Конституции РФ (ч. 1 ст. 123), в федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 9) и в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 10).

Положения принципа гласности пронизывают весь ход судебного разбирательства. Согласно положениям данного принципа судебное разбирательство открыто во всех судах. Однако закрытое судебное разбирательство допускается в случаях, которые предусмотрены законом, например, при рассмотрении дел, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка. Гласность выступает правовым механизмом, который дисциплинирует судей, положительно влияет на судопроизводство, т.к. при открытости судебного заседания судья волей или неволей будет относиться к рассматриваемому делу более ответственно, строже соблюдать процессуальный порядок судебного разбирательства, нормы поведения и этики[3].

Однако, несмотря на официальное закрепление, на практике гласность сводится к таким составляющим, как:

- оглашение судебного решения публично;
- возможность присутствовать в зале судебного заседания лицам, не являющимся участниками процесса.

Но в процессе реализации данных составляющих суды встречались с таким проблемами, как, например, нехватка залов судебных заседаний или невозможность всех желающих ознакомиться с полным текстом судебного решения после оглашения его резолютивной части и др.

[2] См.: *Яковлев Д.Ю.* Пределы гласности судопроизводства (записки криминолога) // Российский судья. 2020. № 7. С. 54–59.

[3] См.: Лебедев, М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. С.41.

22 декабря 2008 г. был принят федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», который можно считать механизмом борьбы с указанными нарушениями в сфере реализации гласности гражданского судопроизводства[1].

Необходимо отметить, что несмотря на принцип гласности судопроизводства, тайна частной жизни граждан охраняется. В соответствии с положениями ст. ст. 182 и 185 Гражданского процессуального кодекса РФ переписка, запись телефонных и иных переговоров, телеграфные, почтовые и иные сообщения лиц и другие материалы могут быть исследованы и оглашены судом в открытом судебном заседании только с согласия этих лиц на оглашение и исследование таких материалов[2].

Также в соответствии с пунктом 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 35 от 13 декабря 2012 г. наличие в деле сведений, относящихся к частной жизни участвующих в деле лиц, не является безусловным основанием для принятия судом решения о проведении разбирательства дела в закрытом судебном заседании.

Согласно пункту 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 35 от 13 декабря 2012 г. доступ к информации о деятельности судов обеспечивается:

1) лицам, присутствующим в открытом судебном заседании, как участникам процесса,

2) так и лицам, не являющимся участниками процесса,

3) представителям редакций средств массовой информации (журналистам) права фиксировать ход судебного разбирательства (статья 12 Закона об обеспечении доступа к информации) в порядке и формах, которые предусмотрены частью 7 статьи 10 ГПК РФ (письменная форма, аудиозапись, фотосъемка, видеозапись, киносъемка, трансляция хода судебного разбирательства).

В соответствии с пунктом 14 приведенного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ № 35 от 13 декабря 2012 г., если суд придет к выводу о том, что фотосъемка, видеозапись, киносъемка, трансляция хода открытого судебного разбирательства не приведут к нарушению прав и законных интересов участников процесса, то он не вправе их запретить только по причине субъективного и немотивированного нежелания участников процесса такой фиксации.

В 2020 г. реализация принципа гласности вызывала определенные трудности.Из-за распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) была введена возможность онлайн-процессов, что в определенной степени ограничило действие принципа гласности, поскольку исключалась возможность присутствия в судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса и СМИ.

В.М. Шерстюк подчеркивал, что содержание принципа гласности реализуется в двух формах. Во-первых, непосредственная возможность восприятие информации в зале судебного заседания и фиксирование ее различным образом. Во-вторых, восприятие информации о судебном процессе с помощью средства массовой информации (опосредованное восприятие)[3].

В.В. Момотов подчеркивал, что «судопроизводство не становится закрытым для общества – гласность правосудия в период действия ограничительных мер обеспечивается обязательной публикацией судебных актов в Интернете, возможностью направлять в суды запросы с целью получения информации об их работе, правом сторон осуществлять аудиофиксацию судебного разбирательства, для которой не требуется разрешения судьи[4].

Проведение судебных заседаний посредством видеоконференцсвязи и веб-конференции способствовали обеспечению доступа к правосудию. Для обеспечения принципа гласности необходимо разработать регламент или инструкцию, которые бы регулировали доступ к судебному разбирательству для СМИ и лиц, не участвующих в деле, а также вопросы поведения СМИ в ходе судебного разбирательства, меры пресечения противоправного поведения в ходе проведения онлайн-процессов.

В настоящее время в судах сохраняются ограничительные меры, что влияет на реализацию принципа гласности в гражданском судопроизводстве и требует дополнительной законодательной регламентации.

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Шерстюк В.М.* Развитие принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Законодательство.2003. № 6. С. 59.

[4] См.: Виктор Момотов: Российские суды выйдут из пандемии более сильными. URL: https:// legal.report (дата обращения: 25.02.2022).

А.А. Боровой
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: И.А. Зырянов к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ (IX – НАЧ. XVIII В.)

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности деятельности представительных учреждений в России в Средние века. Акцентируется особое внимание на вечевой традиции периода феодальной раздробленности и формирования русского централизованного государства, Земских соборах и Боярской думе – ярких примерах парламентаризма сословно-представительной монархии в России.*

Ключевые слова: *вече, бояре, царь, Боярская дума, думные чины, Земский собор, представительные учреждения.*

Парламентаризм следует рассматривать как исторически развивающийся политический институт, и только при таком подходе возможно выявление специфических особенностей его становления на каждом этапе.

С терминологической точки зрения, парламентаризм – явление общественно-политического характера, выражение качественного уровня общественных отношений в государстве, основанных на принципах представительства общественных интересов, суверенитета народа, коллегиального принятия политических решений, верховенства закона. В то время как парламент – это законодательно-представительный, контрольный орган государственной власти, формирующийся определенным образом, осуществляющий деятельность на принципах коллегиальности. Важно понимать, что парламент может быть лишь формальным институтом, внешним атрибутом, не реализующим на практике истинных идей парламентаризма[1].

Для Киевской Руси организация власти на основе демократических принципов не была чуждым явлением. По мнению С.Ф. Платонова, «изначально города и волости управлялись вечами и вече старшего города управляло не только городом, но и всей его волостью. Правом голоса на вече пользовались все главы семейств. Позднее появились князья, но они не упразднили вече, а правили землёй иногда при содействии, а иногда и с противодействием последнего»[2].

Вечевая форма управления достигла наибольшего развития в Новгородской и Псковской феодальных республиках (XII-XV вв.). В компетенции общего вечевого сбора относилось: принятие законов, объявление войны и заключения мира, избрание (изгнание) князя, выборы главных должностных лиц – посадника, тысяцкого, в том числе и главы церкви – новгородского архиепископа. Законным считалось вече, собранное по воле князя, но при этом вечевое собрание нередко ограничивало властные полномочия князя.

По мере усиления княжеской власти политическое влияние вече уменьшается, в компетенции вече остаются преимущественно хозяйственные и бытовые вопросы.

В Русском государстве в конце XIV в. оформилось новое политическое учреждение – Боярская дума. Крупный феодал как боярин участвовал в принятии законодательных актов совместно с царём по известной формуле «Великий государь указал, и бояре приговорили». В то же время бояре, как, впрочем, и другие чины Боярской думы (окольничие, думные дворяне и думные дьяки), возглавляли приказы – органы центральной исполнительной власти России в XV-XVII вв. В.О. Ключевский в своей монографии приводит интересный факт: «При царе Алексее тесть его боярин И.Д. Милославский управлял пятью Приказами – Иноземским, Рейтарским, Стрелецким, Аптекарским, Большой Казной; некоторое время к ним был еще присоединён Казенный двор»[3]. Очевидно, что Боярская дума по факту сочетала в себе черты как законодательной, так и исполнительной власти.

Выполняла Боярская дума и судебные функции. Например, в 1651 г. П.П. Головина «пожаловали в окольничие, а он отказался от этой чести, объявив, что среди окольничих равных ему по отечеству нет, а все его ниже, моложе. Дума приговорила было за дерзость бить его кнутом и сослать в Сибирь; но государь велел только посадить его суток на двое в тюрьму, оставив в прежнем чине, а через год простил, пожаловал в окольничие с выговором»[4]. Т.е. Дума выступала как суд первой инстанции для членов Боярской думы.

Таким образом, в XV-XVII вв. Боярская дума как высший орган управления страной сочетала в себе черты законодательной, исполнительной и элементы судебной власти. Качественный состав и политическое значение Боярской думы в указанный период существенно менялись. В течение XVII в. количество представителей старой аристократии в Боярской думе постоянно уменьшалось, а выходцев из так называемых «худородных» людей среди думных чинов становилось всё больше. В 1711 г. после учреждения Сената Боярская дума прекратила свое существование.

В истории представительных учреждений России в XVI-XVII вв. важную роль играл Земский собор. Именно Земский собор стал высшим сословно-представительным учреждением российского государства, собранием представителей всех слоёв населения (кроме крепостных крестьян) для обсуждения политических, экономических и административно-финансовых вопросов.

Земский собор – это орган представительства ведущих сословий феодального общества, хотя он иногда и выражает интересы народа как этнического целого, а в отдельных случаях его деятельность может развиваться объективно в благоприятном направлении и для тяглового населения. Однако, на наш взгляд, Земский собор по своему характеру представлял собой принципиально иной по сравнению с вече государственный орган. Он, особенно в период своего наивысшего развития, функционировал как представительный орган общегосударственного масштаба, действующий в условиях политической централизации. Таким образом, рассуждая об историческом соотношении веча и Земских соборов, следует говорить не столько об их преемственности как политических институтов, сколько о преемственности самой идеи народного представительства[5].

Ключевский В.О. разделял точку зрения, сторонники которой категорически отрицали политико-институциональную преемственность между вече и Земским собором. «До половины XVI столетия мы не видим в нашей истории подобных собраний. Напрасно связывают Земские соборы со старыми городскими вечами XI и XII вв. Это были политические собрания совсем различного характера (другого состава) и происхождения. Городское вече не было земским представительством: это был городской сход. Земский собор всего менее был представителем городов»[6].

Ключевский В.О. разделял полуторавековую историю Земских соборов на два этапа. Первый охватывает вторую половину XVI в. начиная с созыва первого Земского

[1] См.: *Керимов А.А.* Ретроспективный взгляд на эволюцию теории и практики парламентаризма в России // Вестник ТГУ. История. 2018. № 54. С. 45.

[2] См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 125.

[3] См.: *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 401.

[4] См.: Там же. С. 399–400.

[5] См.: *Кудрявцев М.А. Взгляды В.О.* Ключевского на земские соборы. Соотношение административного и представительного элементов в их деятельности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5. С. 147.

[6] *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1987. С. 432.

собора. В это время соборное представительство имело характер расширенного заседания администрации, совещания правительства со своими агентами. Вместе с тем в составе Земского собора возникает, формируется и постепенно расширяется подлинно сословное и территориальное представительство.

На втором этапе (XVII в.) этот орган выступает уже как представительное учреждение. Предпосылкой же перехода от первого этапа ко второму стали события Смутного времени, когда происходило активное формирование и развитие идеи соборного представительства в широких кругах населения Московского государства, способствовавшее усилению значения Земских соборов и оживлению их деятельности.

В своей монографии Черепнин Л.В. подразделяет «все соборы прежде всего с точки зрения их общественно-политической значимости на четыре группы: 1) созванные царем; 2) созванные царем по инициативе сословий; 3) созванные сословиями или по инициативе сословий в отсутствие царя; 4) избирательные на царство. К первой группе принадлежит большинство соборов. Ко второй группе следует отнести собор 1648 г., который собрался, как прямо сказано в источнике, по челобитью царю людей «розных чинов», а также, вероятно, ряд соборов времени Михаила Федоровича. В третью включаем собор 1565 г., на котором стоял вопрос об опричнине, «приговор» 30 июня 1611 г., «совет всей земли» 1611 г. и 1611–1613 гг. Избирательные соборы (четвертая группа) собирались для выборов и утверждения на царстве Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Романова, Петра и Иоанна Алексеевичей, а также, вероятно, Федора Ивановича, Алексея Михайловича»[1]. Всего получается 57 Соборов.

В 1684 г. состоялся созыв и роспуск последнего Земского собора в российской истории. Он решал вопрос о «вечном мире» с Польшей. Русско-польские посольские переговоры в Смоленском уезде успехом не увенчались, были прерваны, и 8 марта 1684 г. последовал царский указ о роспуске из Москвы по домам городовых «выборных»[2].

После этого Земские соборы больше не собирались, что стало неизбежным результатом проводимых Петром I реформ всего общественного устройства России и укрепления абсолютной монархии.

На основании приведенных фактов, можно отметить, что, в компетенцию Земского Собора входили: вопросы ведения войны и заключения мира, избрание царя на русский престол, обсуждение и принятие законов, предложения по установлению налогов и вопросы организации власти на местах.

Несмотря на то, что с юридической точки зрения, власть царя всегда была абсолютной, и слушаться существующих при нем совещательных органов он был не обязан, но всё же Собор, с одной стороны, позволял правительству доводить до сведения общества основные направления своей политики и служил средством согласования враждебных интересов различных общественных классов, а с другой – прекрасным средством узнать настроение страны, получить сведения, в каком состоянии находится государство, может ли оно нести новые налоги, вести войну, какие существуют злоупотребления, и как их искоренить. По мысли передовых людей того времени, Собор должен был дать царю надежное средство следить за ходом управления и за положением народа, а в целом – за состоянием дел в стране.

Таким образом, опыт формирования и развития представительных учреждений в России в IX – нач. XVIII в. показывает, что парламентаризм так и не стал основным вектором развития политической системы страны в целом. Превалирование самодержавной концепции в указанный период в силу различных причин оставалось доминирующей. В то же время этот опыт конституционно-правового строительства государства станет востребован в последующую эпоху – формирования думской монархии в России начала XX в.

[1] См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 385.

[2] См.: Там же. С. 369–370.

А.В. Бородина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Яшин
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СРЕДСТВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОВ И АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА

Аннотация: *в работе рассматривается соотношение средств прокурорского реагирования и актов прокурорского реагирования на нарушения закона. Автор приходит к выводу, что акты прокурорского реагирования выступают неотъемлемой частью средств прокурорского реагирования на нарушения законов, однако, способны подменить собой сами средства прокурорского реагирования, если их вынесение является самоцелью.*

Ключевые слова: *средства прокурорского реагирования, акты прокурорского реагирования, соотношения.*

Многие исследователи советского периода, такие как Б.А. Галкин и М.А. Маляров, рассматривали вопрос определения понятия средств прокурорского реагирования. Так, они указывали, что средства прокурорского реагирования представляют из себя полномочия прокурора, что позволяет считать, что в советский период было принято унифицировать данные понятия. Кроме того, на базе советской правовой школы прокурорского надзора строятся и исследования некоторых современных исследователей средств прокурорского реагирования[3].

[3] См.: *Карпова А.И., Ковалев А.А.* Средства прокурорского реагирования как разновидность правовых средств прокурора // Правопо-

В свою очередь, К.И. Амирбекова и М.А. Магомедова указывали, что средства прокурорского реагирования представляют из себя юридические акты, включающие себя акты-решения и вербальные акты-действия, при помощи которых прокурор реализует свои полномочия[1]. По нашему мнению, необходимо отметить, что под юридическими актами в рамках теории государства и права принято понимать любые юридически значимые действия, а не только документы.

Также можно отметить позицию Ю.Е. Винокурова, указывавшего, что средства прокурорского реагирования – это предусмотренные и регулируемые законом действия прокуроров по устранению выявленных нарушений законности, причин и условий, им способствующих, привлечению к ответственности виновных лиц[2].

В свою очередь, Е.Р. Ергашев указывал, что средства прокурорского реагирования – это предусмотренные законодательством и совершаемые в установленном законом порядке действия прокуроров по устранению выявленных нарушений законности, причин и условий, им способствующих, привлечению к ответственности виновных лиц[3]. По нашему мнению, указанное определение не отвечает критерию полноты, поскольку не указывает формы выражения средств прокурорского реагирования.

Тем не менее, необходимо рассмотреть позицию М.В. Бызовой, указывающей, что средство прокурорского реагирования не является его деятельностью, а выступает установленной законом формой реализации полномочий прокурора[4]. По нашему мнению, указанную позицию нельзя признавать корректной, поскольку, описываемое автором не является средством прокурорского реагирования, а является определением более характерным акту прокурорского реагирования, а, следовательно, исследователем была совершена ошибка в виде подмены понятий.

Исходя из ранее сказанного, можно вывести определение средств прокурорского реагирования за соблюдением закона с помощью унификации ранее названных определений и предмета прокурорского надзора за соблюдением закона.

Средство прокурорского реагирования за соблюдением закона – установленные нормативно правовым актом юридически значимые действия прокурора, осуществляемые в устной или письменной форме, реализуемые на основании его полномочий, порядка реализации и правового закрепления конкретного средства прокурорского реагирования с целью с целью обеспечения соблюдения законодательства федеральными органами исполнительной власти, представительными и исполнительными органами власти субъекта РФ, органами местного самоуправления, военного управления, иными органами контроля и их должностными лицами, субъектами общественного контроля в местах принудительного содержания, коммерческими и некоммерческими организациями, а также соответствие закону издаваемых ими правовых актов[5].

В свою очередь, относительно актов прокурорского надзора следует согласиться с позицией Н.Р. Корешникова, указывавшего, что актами прокурорского надзора выступают письменные документы, посредствам и на основании которых реализуются средства прокурорского реагирования[6].

Е.Р. Ергашев указывает, что средства прокурорского реагирования включают в себя акты прокурорского реагирования. Так, средства прокурорского реагирования определяются полномочиями прокурора, а реализуются при помощи актов прокурорского реагирования[7].

В свою очередь, акты прокурорского реагирования – действия прокурора, выраженные в письменной форме. Также к актам прокурорского реагирования может применяться специальная письменная форма, которая выступает установленным законом способом реализации средств прокурорского реагирования.

Следует отметить, что как правило, средства прокурорского реагирования не отделимы от акта прокурорского реагирования. Так, например, устные выступления прокурора в суде являются средством прокурорского реагирования, а их закрепление в виде протокола судебного заседания выступает актом прокурорского реагирования[8]. Таким образом, можно считать, что любой акт прокурорского реагирования выступает средством прокурорского реагирования.

Таким образом, подводя итоги работы можно прийти к выводу, что соотношение средств прокурорского реагирования на нарушение законов и актов прокурорского реагирования на нарушение закона заключается в том, что акты прокурорского реагирования выступают неотъемлемой частью средств прокурорского реагирования на нарушения законов, однако, способны подменить собой сами средства прокурорского реагирования, в случае, если их вынесение выступает целью прокурорского реагирования.

рядок: история, теория, практика. 2017. № 3 (14). С. 64. С. 63–68.

[1] См.: Там же.

[2] См.: Прокурорский надзор. Курс лекций и практикум / под ред. Ю.Е. Винокурова. М.: Экзамен, 2004. С. 163. 353 с.

[3] См.: *Ергашев Е.Р.* Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры // Российский юридический журнал. 2007. № 1(53). С. 116. С. 116–119.

[4] См.: *Карпова А.И., Ковалев А.А.* Указ. соч. С. 64–65.

[5] См.: Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, ст. 366.

[6] См.: *Ергашев Е.Р.* Указ. соч. С. 182.

[7] См.: *Корешникова Н.Р.* К вопросу о понятии и сущности актов прокурорского реагирования современной российской прокуратуры // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 301. С. 301–304.

[8] См.: Там же. С. 303.

М.Е. Буланкина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Е. Федюнин
д.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АНАЛИЗ ОБЩИХ ПРАВИЛ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу общих правил производства следственных действий, раскрываются некоторые общие правила производства следственных действий, а именно правила, охраняющие интересы участников следственного действия и обеспечивающие их безопасность*

Ключевые слова: *следственные действия, уголовный процесс, общие правила, протокол следственного действия*.

Для анализа общих правил проведения следственных действий, в первую очередь необходимо понять, что подразумевается под следственными действиями. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не раскрывает это понятие, а лишь упоминает понятие процессуального действия как его составляющую.

Большой юридический словарь раскрывает понятие «следственные действия» как действия по собиранию и проверке доказательств, осуществляемые следователем, дознавателем, прокурором в установленном законом порядке.[1]

Однако, наиболее точной, на наш взгляд, по отношению к анализируемому понятию является позиция П.А. Лупинской, согласно которой «под следственными действиями следует понимать уголовно-процессуальные действия познавательного характера, осуществляемые следователем или органом дознания (дознавателем), направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»[2].

Из этого определения можно выделить критерии отнесения конкретного действия к следственному, к которым относятся:

- процессуальный статус лица, которое может проводить следственные действия;
- четко определенные процессуальные нормы;
- строгое соблюдение процессуальной формы;
- меры принудительного характера;
- действия познавательного и удостоверяющего характера.

Статья 164 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливает общие правила проведения следственных действий. С одной стороны, не закрепляя, указанные в данной статье правила для каждого следственного действия, законодатель избегает нагромождения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а с другой стороны, требует большего внимания при толковании процессуального порядка их производства в специальных нормах. Некоторые из правил являются независимыми и полными правовыми нормами, а некоторые нуждаются в разработке и уточнении в связи с другими положениями. Анализируя законодательство и научную литературу, были выявлены четыре основных правила:

- защита интересов и обеспечение безопасности участников следственного действия;
- регулирование процесса принятия решений;
- порядок привлечения участников уголовного судопроизводства и других лиц к следственному действию;
- закрепление хода и результата следственного действия.

Общие правила производства следственных действий включают в себя:

- протоколирование следственного действия;
- разъяснение порядка проведения следственного действия, а также прав и обязанностей участников этого действия;
- недопустимость угроз, насилия и других действий, создающих угрозу жизни или здоровью участников во время следственного действия;
- запрет на проведение следственных действий в ночное время, за исключением неотложных случаев;
- установление личности участника следственного действия.

В случае нарушения указанных требований это повлечет за собой незаконное составление протокола следственного действия, признание доказательств недопустимыми, нарушение процессуальных и конституционных прав участников следственного действия, нарушения порядка проведения следственного действия и другие нарушения.

Так, Конституционный Суд РФ в своем определении от 28.12.2021 № 2738-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авдеева Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктами 21 и 32 статьи 5, частью третьей статьи 164 и главой 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал на то, что «положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащие определения понятий «ночное время» и «процессуальное действие» (пункты 21 и 32 статьи 5), устанавливающие правило о том, что производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (часть третья статьи 164), а также закрепляющие общие условия судебного разбирательства (глава 35), носят гарантийный характер, направлены на обеспечение прав граждан в сфере уголовного судопроизводства, а потому не могут расцениваться в качестве нарушающих права участников процесса»[3].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ категорически запрещает создание условий опасных для жизни и здоровья лиц, участвующих в следственных и иных процессуальных действиях.

---

[1] См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд. перераб. и доп. Серия: Библиотека словарей «ИНФРА-М». М.: ИНФРА-М, 2001.

[2] См.: *Лупинская П.А.* Уголовно процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4 е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА М, 2020.

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2738-О// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2022).

Опасность для жизни и здоровья участников процесса может быть обусловлена:

- проведением следственного действия в неблагоприятных для человека условиях (например, в зоне, где радиационный фон превышает допустимую норму, здание находится в аварийном состоянии);
- характером проводимых розыскных мероприятий (например, действия во время осмотра, которые, с точки зрения медицины, опасны для жизни или здоровья обследуемого лица);
- необходимостью исследования и/или использования в ходе следственного действия (в частности, осмотра места происшествия, следственного эксперимента) предметов, качественные характеристики которых представляют повышенную опасность для окружающих (взрывные устройства и взрывчатые вещества, холодное оружие, огнестрельное оружие)[1].

Следует отметить, что обеспечению безопасности и защите прав участников уголовного судопроизводства в некоторых зарубежных странах придается исключительное значение. В России, как и в европейских странах, уже создана надежная правовая база для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и осуществляется соответствующее финансирование мероприятий, но механизм реализации законодательства до конца не проработан.[2]

Часть 5 статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса РФ регламентирует обязательные меры, которые следователь (дознаватель) осуществляет в начале соответствующего следственного действия, т.е. удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства, если в его проведении участвует лицо, указанное в главах 6–8 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Удостоверение личности отдельных участников процесса предполагает предъявление ими не только документов, подтверждающих их личность, но и других письменных свидетельств, наличие которых обусловлено их особым процессуальным статусом (наличие диплома специалиста, удостоверения адвоката). На практике никаких сложностей с установлением личности этих участников следственного действия не возникает.

При использовании технических средств во время следственного действия необходимо соблюдать обязательные требования, такие как законность (запрещено нарушение Конституции и федеральных законов), обеспечение безопасности для жизни и здоровья участников следственного действия, уведомление участников следственного действия, а также отметка в протокол проводимого следственного действия.

В то же время, по аргументированному мнению некоторых криминалистов, суть выполняемых технических операций должна быть понятна всем участникам следственного действия, а полученные результаты должны быть очевидны. Технические операции, которые не являются очевидными по своей природе, могут быть выполнены в форме экспертизы или в непроцессуальной форме предварительного исследования[3].

В протоколе следственного действия указывается конкретное техническое средство с его наименованием, маркой, моделью, а также все объекты, к которым были применены технические средства, и полученные с их помощью результаты.

Согласно части 7 статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса РФ следователь вправе привлечь к следственному действию должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

В данном случае стоит отметить, что данное положение является нововведением Уголовно-процессуального кодекса РФ, законодатель разрешил многочисленные дискуссии в криминалистической литературе о возможности привлечения этих лиц к участию в производстве следственных действий, и поэтому оно имеет повышенную криминалистическую значимость. На практике это заключается, как минимум, в том, что такое участие позволит более рационально использовать информацию, полученную оперативно в ходе допроса, а также восстанавливает равенство между участниками следственного действия, создавая тем самым более комфортные условия для следователя во время производства следственного действия.

Подводя итог анализу общих норм производства следственных действий, следует сказать, что в действующем УПК РФ отсутствует понятие следственного действия, что в свою очередь вызывает определенную сложность в выделении его обязательных признаков. Уделяется большое внимание защите личности, выражающееся в запрете производства следственного действия, которое ставит под угрозу жизнь или здоровье участвующих в данном действии лиц, запрет производства следственного действия в ночное время суток (кроме случаев, не терпящих отлагательств), необходимость судебного решения на производство следственных действий, которые ограничивают конституционные права участвующих в нем лиц.

[1] См.: *Баев О.Я., Солодов Д.А.* Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. Практическое пособие. М.: Эксмо, 2010.

[2] См.: *Рамазанов Т.Б.* Государственная защита участников уголовного судопроизводства: опыт зарубежных стран // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 2.

[3] См.: *Баев О.Я., Солодов Д.А.* Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. Практическое пособие. М.: Эксмо, 2010.

Р.А. Быков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: И.А. Жестков
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК НОВАЯ ФОРМА ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВВЕДЕНИЯ

Аннотация: *в настоящей статье рассматривается позиции ученых правоведов и Центрального Банка РФ касаемые вопросов введения Цифрового рубля как новой формы денежного обращения.*

Ключевые слова: *Цифровой рубль; Банк России; криптовалюта; цифровая валюта.*

В современном мире деньги являются важной составляющей повседневной жизни общества. За последние десятилетия произошли масштабные изменения, некоторые из которых выражаются в развитии обращения денежных средств, а также внедрение в данную сферу цифровых технологий. Сейчас все больше в Российском обществе используют безналичные денежные платежи и переводы, а также наряду с этим стремительно возрастает роль цифровизации в финансовой сфере. В мировом сообществе с развитием цифровых технологий не так давно возникло явление, названное «криптовалюта». Данные «квазиденьги», по мнению А.В. Габова, появились вне государственного контроля и при критическом отношении со стороны официальных регуляторов. Между тем, через определенный период времени данную идею подхватило и государство, но, в отличие от «криптовалюты», их продукт становится более похож на деньги. В новой технологии центральные банки увидели перспективы, которые позволят улучшить и сделать более эффективным регулирование денежного обращения. Эту передовую мысль решил использовать и Центральный Банк РФ. Первый доклад был представлен в 2019 г. В нем говорилось о новых возможностях посредством введения цифровых валют, которые будут Центральными Банками в дальнейшем будущем. Следующая важная информация касаемая дальнейшего развития данной темы, была опубликована в 2020 г., под названием доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». В данном сообщение Банк России раскрывал понятие цифрового рубля, и главные аспекты его виденья. Данное нововведение порождает ряд спорных моментов среди ученых юристов, т.к. этот новый финансовый инструмент связан с масштабными изменениями в законодательстве страны.

13 октября 2020 г. Банк России на официальном сайте в сети Интернет для общественных обсуждений опубликовал доклад «Цифровой рубль»[1]. В Докладе были представлены главные положения касаемые внедрения цифровой формы рубля, как третьей формы денежного обращения в Российской Федерации. В апреле 2021 г. многие идеи, которые были затронуты в Докладе, вошли в «Концепцию цифрового рубля», которая тоже была опубликована Банком России[2].

Если обратится к этим двум источникам, можно выделить главные особенности касаемые цифровой формы рубля. По данным Банка России, цифровой рубль – это форма денег (Осуществляемые все экономические функции денег, а именно это мера стоимости, платежное и сберегательное средство), распространение происходит в форме цифрового кода, который может хранятся в электронном кошельке специально созданном для таких целей, является одной из форм денежного обращения в Российской Федерации, Эмитент данной денежного единицы является Банк России, эквивалентен 1 безналичному рублю и 1 наличному рублю, основное понятие выражается в формулировке «цифровая валюта российского центрального банка».

Далее хотелось бы обратить внимание на позицию Банка России по поводу преимущества введения данной категории, а именно достижения предельной ясности в финансовом секторе. В Докладе можно увидеть что, цифровая форма рубля позволяет усилить государственный контроль за целевым расходованием денежных средств, посредствам автоматического мониторинга[3]. Введение цифрового рубля позволит снизить и по большей части не допустить использование бюджетных средств не по назначению, уменьшить количество коррупции, и в целом использовать их наиболее эффективно. Так же Банк России выделяет важное преимущества данной реформы, которая выражается в возможности, посредством накопления большого количества данных проводить анализ положения экономических субъектах и их платежей[4].

Центральный банк РФ также провел различие между "криптовалютой" и денежными средствами в своем отчете. По мнению специалистов Банка России "криптовалюта" не может входить в число платежных средств, поскольку они не способны в полной мере выполнять функции которые обычно возложены на деньги, а так же нельзя сказать, что есть какая ни будь надежность и легитимность в процессе их производства и обращения, т.к. чаще всего ответственность за них в целом никто не несет. Использование данных «квазиденег» не представляется возможным во многих бытовых моментов, в частности они не могут быть применены как средства оплаты товаров и услуг. Часто можно увидеть большие колебания "криптовалют", что говорит о ее нестабильности, а значит, граждане рискуют с большой долей вероятности потерять свои вложенные денежные средства. По той же причине ее нельзя использовать как форму сбережения денег. Поэтому их использование в Российской Федера-

[1] См.: Цифровой рубль: доклад для общественных обсуждений. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

[2] См.: Концепция цифрового рубля. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

[3] См.: Цифровой рубль: доклад для общественных обсуждений. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

[4] См.: Цифровой рубль: доклад для общественных обсуждений. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

ции в качестве расчетах запрещено законодательством страны[1].

Также свою позицию по поводу введения цифрового рубля говорит И.И. Кучеров. Он предположил, что в скором будущем цифровые валюты при Центральных банках могут вытеснить частные "криптовалюты" вроде биткоина, а также, по его мнению, потенциал у цифровых валют очень большой. Автор выделяет некоторые преимущества: доступность в использовании, скорость, безопасность и устойчивость платежей, снижение затрат, связанных с переводом, при наличии определенных технических условий так же возможность использования их в автономном режиме. И.И. Кучеров так же как и Банк России выделяет дополнительные возможности цифровой формы рубля в виде облегчения государственного контроля и мониторинга за обеспечением правильного и целесообразного использования денежных средств выделенных из государственных фондов, посредством уникального цифрового кода каждой денежной единицы, которая будет задействована в обороте денежных средств Российской Федерации. В качестве негативных сторон, автор упоминает отсутствие анонимности в использование данной денежной единицы, поскольку определенные субъекты, которым будет представлен доступ к данным системам, смогут спокойно проследить положение цифровой валюты и истории денежных операций[2].

Другой позиции придерживается П.С. Шараев, он считает есть много вопросов к правовой сущности цифрового рубля. По его мнению, в рамках данной публикации цифровая валюта и цифровой рубль тождественны, однако это не так. Автор считает, что если исходить из законодательства нашей страны, то имеют место быть только две формы денежных средств – наличные и безналичные. Что касается третьей формы, предлагаемой Банком России он отмечает, цифровая валюта не является российской или иностранной денежной единицей: в соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА): цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе (в понимании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационной системой можно считать базу данных и прилагаемый к ней технический аппарат); могут использоваться и приниматься контрагентами в качестве средства платежа; не являются российской или иностранной денежной единицей. Это говорит о том, что (Закон о ЦФА) прямо исключает рубль в качестве цифровой валюты[3]. Аналогичной позиции придерживается А.В. Габов[4].

Так же П.С. Шараев предлагает решения данной проблемы через закрепление цифрового рубля как безналичных (электронных) денежных средств. По его мнению, это позволит закрепиться этой новой денежной сущности как законного платежного средства[5].

Подведя итог, можно сказать, что позиции по введению цифрового рубля остаются довольно противоречивыми. Некоторые авторы, как и сам Банк России, говорят о больших плюсах проведения данной реформы: введение новой формы денежного обращения позволит улучшить и сделать платежную систему более эффективной. Но многие авторы говорят о сложностях и проблемах данной реформы: пробелы в правовой сущности данной денежной единицы, отсутствие точного понимания, как будет осуществляться обращение цифрового рубля с учетом существования в Российской Федерации национальной платежной системы, прямые противоречия с существующим законодательством, в том числе с Законом о ЦФА. В силу указанного представляется необходимым, предваряя введение цифрового рубля, провести соответствующие изменения в законодательстве нашей страны, например, в Гражданском кодексе РФ в ст. 128 и 140 ГК РФ, в части дополнения их отдельной формой рубля наряду с уже имеющимися, и определением его гражданско-правовой сущности. Также в законе о ЦФА нужно провести переработку в вопросе, касающегося противоречий, исключающих возможность рубля являться цифровой валютой.

Р.С. Вагнер
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: И.Н. Плотникова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация: *Законодательная инициатива является одним из основополагающих элементов правотворческого процесса любого государства. В работе рассмотрены существующие подходы к определению данного права, а также сформулировано новое понятие, охватывающие все существенные признаки, позволяющие отличить его от других схожих правовых явлений.*

[1] См.: Цифровой рубль: доклад для общественных обсуждений. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

[2] См.: *Кучеров И.И.* Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // «Финансовое право», 2021, № 4 С. 4–7.

[3] См.: *Шараев П.С.* Правовая сущность цифрового рубля // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 268–276.

[4] См.: *Габов А.В.* Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4(125). С. 55–65.

[5] См.: *Шараев П.С.* Правовая сущность цифрового рубля // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 268–276.

Ключевые слова: *законодательная инициатива, законопроект, субъект законодательной инициативы, законодательный процесс.*

На данный момент в федеральном законодательстве России отсутствует точное определение права законодательной инициативы. В связи с чем, в данной работе перед нами встает задача изучить существующие мнения и подходы различных ученых, что позволит согласиться с одной из существующих позиций или сформулировать новое определение.

Актуальность темы исследования основана на отсутствии полноценного понятия, без которого является проблемным как теоретическое изучение института законодательной деятельности, так и дальнейшее развитие юридической практики в данной сфере.

В первую очередь стоит обратиться к законодательству. Так в 1997 г. была попытка закрепить определение права законодательной инициативы. В то время Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству внес проект закона № 97700183-2 «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов». В п. 2 ст. 2 данного законопроекта указывалось, что под законодательной инициативой понимается внесение субъектами, обозначенными в ч. 1 ст. 2 указанного проекта закона, в Государственную Думу как проектов Федеральных конституционных законов и Федеральных законов, так и поправок к ним. Однако данный проект, дойдя до второго чтения, реализован не был[1]. Использование подобного понятия в рамках исследований видится нецелесообразным, в связи с определением права через «внесение» законопроекта. Несомненно, что такое объемное правовое явление не может быть выражено только через одно лишь действие. Подобный взгляд на юридическую действительность может быть оправдан историческим контекстом, в связи с чем, представляется более рациональным проанализировать современные теоретические и нормативные источники.

Для изучения более актуальной позиции обратимся к официальному сайту Совета Федерации, где прописано следующее: «Право специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц внести проект закона в парламент (палату парламента) государства. Этому праву соответствует обязанность парламента рассмотреть законопроект и вынести по нему решение»[2]. Очевидно, что данная формулировка не обладает достаточным количеством признаков для плодотворного его использования в рамках практической или теоретической деятельности. При подобном подходе, будет весьма проблематично провести существующее видовое разграничение, а также осознать место данного права в общей системе российского законодательства. Однако, стоит заметить, что подобная формулировка кратко выражает основную суть права законодательной инициативы, что оправдано направленностью сайта Совета Федерации на более широкий круг субъектов. В связи с чем, обратимся к специализированной юридической научной литературе.

На сегодняшний день, ряд ученых так или иначе затрагивают данный вопрос, как в учебной, так и в научной литературе, однако, на наш взгляд, не в полной мере. Среди них Матузов Н.И., Малько А.В., Ивлиев Г.В., Гаджимагомедов Г.А., Иванец Г.И., Калинский И.В., Червонюк В.И., Окулич П.И.

По мнению А.В. Малько под законодательной инициативой необходимо понимать следующее: «законодательная инициатива – закрепленное в Конституции РФ право определенных субъектов внести предложение об издании закона и соответствующий законопроект в законодательный орган»[3]. По сравнению с предыдущими мнениями, добавлен достаточно значимый аспект, с точки зрения юриспруденции, а именно конституционно-правовое закрепление данного права. Обозначенный факт тем самым придает наивысший статус для защиты права законодательной инициативы. С другой стороны, крайне трудно предположить, чтобы закрепление права законодательной инициативы могло быть на иных уровнях правовой иерархии, ведь иначе упростилась бы процедура изменения рассматриваемых норм, что в свою очередь может привести к нарушению системы сдержек и противовесов. Также заметим, что некоторые авторы[4] подвергают критике данное определение, в связи с отсутствием в нем указания на появление обязанности Государственной Думы рассмотреть данное предложение. Трудно не согласится, что данный признак является крайне значимым для понимания роли законодательной инициативы в контексте взаимовлияния органов государственной власти, а также для проведения разграничения между обращением с законодательной инициативой и простым обращением в Парламент, которое не подразумевает под собой обязанностей со стороны Государственной Думы.

По мнению, Червонюка В.И.[5] наиболее верным будет являться определение исследуемого явления через стадию законодательного процесса, которая предусматривает реализацию установленного законодательством права определенных должностных лиц и органов вносить в парламентский орган законопроект или высказывать предложения об изменении или об отмене действующих актов. На наш взгляд, подобный подход к формированию понятия позволяет конкретно обозначить место и роль данного права в системе отечественного права.

Исходя из этого, складывается понимание, что законодательный процесс не находится в правовом вакууме, не осуществляется как самостоятельное право, а является неотъемлемой частью процесса принятия законов как на федеральном, так и на региональном уровнях. Само слово инициатива произошло от «initium», что в пере-

[1] См.: Законопроект № 97700183-2. Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700183-2 (дата обращения: 02.02.2022).

[2] См.: Законодательная инициатива. Энциклопедический справочник // Официальный сайт совета Федерации. URL: http://council.gov.ru/services/reference/9371/ (дата обращения: 02.02.2022).

[3] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 146.

[4] См.: *Ивлиев Г.В., Гаджимагомедов Г.А.* Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. М.: Норма, 2012. С. 127.

[5] См.: *Иванец Г.И., Калинский И.В., Червонюк В.И.* Конституционное право России: Энциклопедический словарь, М.: Юридическая литература, 2002. С. 91.

воде с латыни обозначает «начало», в связи с чем также видится целесообразным в определении указывать на конкретный правовой процесс, который зарождается посредством законодательной инициативы.

Аналогичного мнения придерживается П.И. Окулич[1], обращая внимание на необходимость рассмотрения законодательной инициативы в качестве элемента законодательного процесса, т.к. любой новый закон способен появиться лишь в результате предложения специально уполномоченных субъектов.

Суммируя вышеизложенное, возможно предложить следующее определение понятие права законодательной инициативы. Законодательная инициатива на федеральном уровне – это право определенных Конституцией РФ субъектов на внесение в Государственную Думу законопроекта, обязательное для рассмотрения парламентариями, являющееся стадией законодательного процесса.

Таким образом, совокупность упомянутых признаков позволяет полноценно осознать, как место, так и значение изучаемого правового явления, позволяя отличить его от схожих феноменов. Его признаками, соответственно, являются: добровольность использования данного права государственными органами и должностными лицами; закрепление в Конституции РФ перечня субъектов; порождение обязанности Государственной Думы рассмотреть проект закона; реализация инициативы именно через Государственную Думу, а не иные парламентские или государственные органы, например, в случае, если Президент РФ поручит Правительству РФ разработку законопроекта, то данное поручение не может являться законодательной инициативой; субъект осознано начинает именно законодательный процесс, имея целью не просто проявление инициативы, ради неё самой, а последующее принятие проекта закона.

По нашему мнению, уточнение в рамках указанной дефиниции на возможность подачи законопроекта охватывает все три формы осуществления права законодательной инициативы:

1) внесение проекта федерального закона и федерального конституционного закона;

2) законопроектов о внесении изменений в действующие законы;

3) поправок к законопроектам[2].

Однако форма внесения изменений в действующие законы кажется излишней. Ведь на данный момент изменения вносятся в виде федерального закона о внесении изменений в тот или иной акт. Тем самым законопроект, предполагающий изменения существующих нормативных актов, будет также являться самостоятельным федеральным законом.

Некоторые ученые считают[3], что особой формой осуществления законодательной инициативы является внесение поправок к Конституции РФ. Однако, на наш взгляд, подобный подход является ошибочным, в связи с тем, что в ст. 104 Конституции России[4] данное право принадлежит лишь субъектам, указанным в упомянутой статье, что же касается поправок к Конституции, то их может вносить более узкий круг государственных органов и должностных лиц, указанный в ст. 134 Конституции РФ. А также предполагается особый порядок одобрения, отличный от федеральных или федеральных конституционных законов. В ст. 3 Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»[5] указан не субъект законодательной инициативы, а субъект права инициативы предложения о поправке к Конституции РФ, что в свою очередь позволяет разграничить данные права.

Помимо внесения поправок в конституцию, обращается внимание[6] на инициативу ратификации, отмены, а также приостановления международных договоров. В соответствии с ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»[7], международные договоры вносятся на ратификацию Президентом или Правительством, в зависимости от того, кто принимал решение о подписании соответствующих актов. Более того, в ч. 2 ст. 189 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ указано, что в случае внесения проекта федерального закона о ратификации субъектами законодательной инициативы, данный акт передаётся Президенту или Правительству для вынесения предложений по предложенной ратификации. Также в ч. 1 рассматриваемой статьи, указан перечень документов, необходимых для подачи предложения о ратификации, который значительно меньше, чем необходимая документация, указанная в ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ, при подаче законопроекта в рамках законодательной инициативы. Таким образом, в связи с наличием существенных отличий, ошибочно рассматривать под правом законодательной инициативы инициативу ратификации международных договоров Российской Федерации. Данная процедура является отчасти схожим, но самостоятельным правовым институтом.

Таким образом, сформулированное определение права законодательной инициативы способно показать реальное место института законодательной инициативы в современном законодательстве, что поможет изначально осознать все признаки рассматриваемого правового явления. Кроме того, употребление указанного термина в научной среде будет отвечать требованиям закона, что улучшит взаимопонимание теоретиков и практиков.

---

[1] См.: *Окулич П.И.* Законодательная инициатива как стадия законодательного процесса: понятие, сущность, значение // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 2. С. 13–16.

[2] См.: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 22.02.2022) // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 801; 2022. № 8, ст. 1095.

[3] См.: *Ивлиев Г.В., Гаджимагомедов Г.А.* Указ. соч. С. 131.

[4] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[5] См.: Федеральный закон от 4 марта 1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (в ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 1998. № 10, ст. 1146; 2015. № 10, ст. 1393.

[6] См.: *Ивлиев Г.В., Гаджимагомедов Г.А.* Указ. соч. С. 132–133.

[7] См.: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2757; 2020. № 50, ч. 3, ст. 8074.

В.В. Вербовая
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: У.А. Старшова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГЕНОЦИД В XX ВЕКЕ

Аннотация: *в научной статье рассматриваются изменения, произошедшие в регулировании такого преступления как геноцид, в рамках уголовной ответственности, от начала криминализации преступления до настоящего времени.*

Ключевые слова: *геноцид, этнос, уголовная ответственность, человечество.*

Термин «геноцид» в быту ассоциируется с самыми ужасающими действиями, направленными на истребление целых социальных групп по признаку этноса, расы, религии. В словаре С.И. Ожегова геноцид определяется как «истребление отдельных групп населения, целых народов по расовым, религиозным или национальным мотивам».[1] Отметим, что действия, определяемые как геноцид, сопровождали человечество всю его историю. Мировое сообщество лишь относительно недавно осознало необходимость полного запрета этих преступлений, установления жестких международно-правовых санкций за их совершение.

Криминализация геноцида началась лишь в XX в., что было катализировано Первой мировой войной и геноцидом, осуществлявшимся в ее время. В первую очередь речь идет о геноциде армян по указанию властей Османской Империи в 1914–1918 гг.[2] Причиной данного геноцида являлась распространенная в то время на Ближнем Востоке идеологии «панисламизма» и «пантюркизма», который утверждали превосходство мусульман и турок по отношению к другим религиям и национальностям, из чего следовала необходимость истребления последних в целях улучшения качества жизни турок и мусульман.

Однако для начала закрепления ответственности за геноцид была необходима еще одна крупная война, которой стала Вторая мировая. Лица, виновные в совершении геноцида над еврейским народом во время Второй мировой войны, были осуждены Международным Военным трибуналом в рамках Нюрнбергского процесса 1945 г. Однако в работе Трибунала не использовался термин «геноцид». Причиной тому является тот факт, что его не было в актах международного права того времени, а судить за несуществующее преступление не представлялось возможным.

Р. Лемкин обращает внимание на то, что геноцид не обязательно будет заключаться в разовом истреблении этноса. В случае Третьего рейха он проявлялся в наличии координированных действий, направленных на целенаправленное истребление социальной группы. В такой план входило уничтожение политических и общественных институтов, культуры и языка, национального самосознания и религии.[3]

Использование данного термина началось с выпуска Резолюции № 96 ГА ООН от 13 декабря 1946 г.[4] В данном акте геноцид осуждался и признавался противоречащим нравственному закону, духу и целям ООН.

Впервые легальное определение данного термина появилось в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г.[5] Данный акт более системно определил геноцид. В статье 2 раскрывается содержание преступления «геноцид», под которым понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично социальную группу по признаку национальности, этноса, расы и религии.

В дальнейшем сужение социальных групп, которые могут расцениваться как потерпевшие от геноцида, привело к новому крупному геноциду в Камбодже в 1970-х гг. «Красные кхмеры», коммунисты, пришедшие к власти в данной стране, за несколько лет уничтожили 25 % городского и 15 % сельского населения страны, что в сумме составило около 1,5 млн человек.[6] Отметим, что попытки привлечь лиц, повинных в совершении данного геноцида, продолжаются по сей день. Основная трудность заключается в том, что ни один источник международного права не предусматривает политическую группу в качестве способной быть потерпевшей от геноцида.

Столь узкое понимание термина «геноцид» обосновывается тем, что аналогичные действия в отношении социальных групп, выделенных по иному признаку, криминализированы в рамках военных преступлений. В связи с этим, например, действия грузинских военных в Южной Осетии 2008 г. не может быть признано в качестве геноцида.

Считаем разумной точку зрения, в соответствии с которой излишне широкое понимание геноцида может привести к необоснованно жестким санкциям для многих лиц. Тем не менее, история не раз показывала случаи геноцида в отношении политических групп. Есть основания полагать, что такие случаи будут лишь учащаться. Международное право должно быть готово к противодействию геноциду в отношении лиц какой-либо принадлежности.

Таким образом, международно-правовая ответственность за геноцид в XX в. постепенно появлялась и укреплялась. За формированием научных дефиниций данного понятия, появилось его закрепление в международно-правовых документах, признающих геноцид противоречащим нравственному закону, целям и духу ООН.

---

[1] См.: *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2012. С. 98.

[2] См.: *Сартр Ж.П.* О геноциде. URL: https://www.litmir.me/br/?b=24234&p=1 (дата обращения: 22.10.2021).

[3] См.: *Lemkin R.* Axis Rule in Occupied Europe. Washington. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 71–73.

[4] См.: Резолюция № 96 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1946 г. URL: https://www.un.org/ru/ga/1/docs/1res.shtml (дата обращения: 22.10.2021).

[5] См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.10.2021).

[6] См.: *Арутюнян М.А.* Понятие геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3(12). С. 403–414.

Однако нельзя сказать, что в правовое регулирование геноцида достигло совершенства. На наш взгляд, необходимо расширить круг лиц, которые могут быть признаны жертвами геноцида.

А.А. Винокурова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Т.А. Савельева
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *в данной статье анализируются актуальные проблемы участия адвоката в арбитражном процессе, наиболее часто возникающие в правоприменительной практике и требующие законодательного урегулирования. Также рассматриваются вопросы оформления полномочий адвоката, оплаты предоставляемых услуг. Изучается дискуссионный вопрос о возможности последующего взыскания понесенных затрат с проигравшей стороны.*

Ключевые слова: *адвокат, арбитражный процесс, правосудие, полномочия адвоката, оплата услуг, понесенные затраты.*

Деятельность адвоката в арбитражном разбирательстве имеет много особенностей, которые обусловлены организационно-правовым и процессуально-правовым положением адвоката.

Во-первых, стоит отметить, что в арбитражном процессе адвокат является представителем одной из сторон спора. Согласно ч. 6 ст. 59 АПК РФ представителем в арбитражном процессе может быть любое дееспособное лицо, полномочия которого надлежаще оформлены. Но в отношении адвоката имеются определенные особенности[1].

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» говорит о том, что отношения по оказанию юридической помощи должны быть оформлены соглашением[2]. Но такое соглашение не может служить документом, который подтверждает полномочия адвоката на ведения дела, поскольку предназначено лишь для урегулирования отношений между адвокатом и его клиентом. В данном законе указаны случаи, когда адвокат подтверждает свои полномочия ордером, в иных же случаях, не урегулированных федеральным законом, полномочия адвоката подтверждаются доверенностью. АПК РФ, однако, не указывает на возможность участия адвоката в арбитражном процессе по ордеру. Единственная отсылочная норма к федеральному законодательству, содержащаяся в ч. 3 ст. 61 АПК РФ, позволяет прийти к выводу о том, что адвокат может участвовать в арбитражном разбирательстве по ордеру только в производстве по делу об административном правонарушении. В остальных же случаях должна быть предоставлена доверенность.

Так, полномочия адвоката в арбитражном процессе удостоверяются доверенностью, кроме тех, прямо предусмотренных законом случаев, когда он имеет право участвовать в процессе по ордеру.

Еще одна проблема, которая сейчас остается актуальной, связана с расходами на оплату услуг адвоката. Никакой нормативно-правовой акт не устанавливает размер таких расходов, но ч. 2 ст. 110 АПК РФ указывает, что расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются с проигравшей стороны в разумных пределах. В Информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения АПК РФ» критериями разумности являются сложность дела и сложившаяся в регионе стоимость оплаты услуг представителя[3]. Конституционный суд в данном вопросе пришел к выводу, что положения ч. 2 ст. 110 АПК РФ, не позволяющие суду снизить судебные расходы при отсутствии возражений со стороны ответчика, противоречат нормам Конституции РФ[4]. Помимо этого суд указал, что «до внесения изменений в действующее законодательство надлежит руководствоваться его правовыми позициями», следовательно, арбитражный суд, определяя размер судебных расходов на адвоката, подлежащих взысканию, может уменьшить размер расходов исходя из соображений разумности.

Также остается актуальной проблема адвокатского запроса. Адвокатский запрос является одним из основных инструментов оказания правовой помощи. При этом на практике возникают определенные проблемы с реализацией права адвоката на адвокатский запрос, в связи с чем появились сомнения в его эффективности. Отмечается, что даже при наличии механизмов принуждения к предоставлению сведений по адвокатскому запросу не всегда удается получить их. 30-дневный срок, который установлен для рассмотрения адвокатского запроса, является необоснованно долгим, в связи с чем существует возможность его продления еще на 30 дней. В конечном итоге, срок составляет 60 дней, что не делает адвокатский запрос удобным и эффективным средством получения информации.

Также, согласно Федеральному закону «О персональных данных» операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять их без согласия субъекта этих

[1] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

[2] См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[3] См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 10.

[4] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр» // СЗ РФ. 2017. № 30, ст. 4726.

данных, если иное не предусмотрено законом[1]. Право на получение сведений, составляющих персональные данные, Законом об адвокатуре не предусмотрено, что становится причиной отказа в предоставлении информации на практике.

Чтобы сделать адвокатский запрос эффективным средством получения информации, предлагается:

1) сократить срок ответа до 15 дней и исключить возможность его продления;

2) исключить возможность подписания адвокатского запроса электронной подписью, которая предусмотрена п. 4 Требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, утвержденных Приказом Минюста № 288, предоставить возможность направления запроса в виде PDF-файла;

3) подп. 3 п. 4 ст. 6.1 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в изложить в редакции: «3) запрошенные сведения отнесены законом к государственной тайне».

4) превратить адвокатский запрос в универсальный способ получения информации адвокатом, для чего исключить п. 6 ст. 6.1 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре. Для выявления коллизий необходимо проанализировать иные федеральные законы, которые касаются порядка получения информации, при необходимости внести в них поправки для приведения в соответствие с Законом об адвокатской деятельности и адвокатуре.

В связи с изложенным, можно утверждать, что несмотря на положительные изменения в законодательстве, участие адвоката в арбитражном процессе все еще сопряжено с рядом проблем, которые необходимо решать на законодательном уровне, чтобы не допустить нарушения прав адвокатов и их доверителей.

Н.В. Воробьев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Барков
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОГОВОР: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СПОСОБЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация: *в данной статье изучается юридическое значение договоров, совершенных в электронном виде. Исследуются особенности заключения договоров с использованием электронных технических средств, в частности через интернет-сайты и посредством электронной почты. Также подвергаются анализу нормы права, затрагивающие сферу заключения электронных договоров, рассматривается судебная практика по теме. На основании исследования выделены особенности и проблемы заключения договора в электронной форме и указаны перспективы совершенствования.*

Ключевые слова: *электронный, договор, электронная почта, электронная подпись.*

Сфера электронных сделок очень слабо законодательно урегулирована, если даже совсем не урегулирована, отсутствуют определения (пусть даже косвенно) многих базовых понятий давно применяемых на практике, а уж тем более целые механизмы взаимодействияи обращения в данной сфере. Точно такая же ситуация складывается и, в том числе, с электронными договорами – отсутствует их легальное определение.

Для начала очень важно дать определение понятию «электронный договор», ведь уяснив правовую природу данного явления через его определение, мы сможем правильно с ним взаимодействовать, развивать его правовое регулирование.

На наш взгляд, самым правильным будет опереться на уже существующее определение договора в гражданском законодательстве, т.к. во многом, как мы ранее выяснили, существо электронных сделок (договоров в том числе) перекликается с обыкновенными сделками.

Так, Гражданский кодекс РФ в пункте 1 статьи 420 предусматривает, что «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Данное определение необходимо дополнить лишь условием о его способе совершения –

«совершенная в электронном виде», а также опираясь на абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ сделать уточнение, касающееся такой электронной формы. Таким образом, определение понятия

«электронный договор» будет выглядеть следующим образом: это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, совершенное в электронном виде, т.е. с помощью электронных либо иныхтехнических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, с использованием любого способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю.

Юридическое значение таких договоров трудно переоценить (как и всего электронного документооборота (ЭДО)), ведь они обладают рядом положительных свойств, выделяющих их среди обыкновенных договоров. Преимущества перехода на оформление договоров в электронном формате состоят в следующем:

Удобство применения и экономия времени. Это свойство особенно важно в случаях оперативного заключения соглашений или обмена документами с правками. К примеру, контрагент может находиться на другом конце страны или вовсе зарубежом, емуне нужно будет продолжительно ожидать доставки экземпляра, т.к. документы перемещаются с помощью интернет мгновенно почти сразу же после отправки. Такой электронный документооборот в разы сокращает время на обмен необходимыми документами с любыми лицами, а также ускоряет и упрощает работу между отделами организации, а также обособленными структурными подразделениями;

Экономия финансов и ресурсов. Благодаря электронному обмену уменьшаются расходы на канцелярию

[1] См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

(в т.ч. бумагу, чернила и картриджи для принтера), а также почтовые расходы на отправку писем, бандероли или курьерской доставки. При отправке документов в электронном виде указанные затраты полностью исключены;

Удобство хранения и поиска документов. Благодаря использованию договоров и сопутствующих им документов в электронном виде возможно освободить пространство от архива с бумажной документацией, что также позволит упростить их поиск в дальнейшем;

Сниженный риск утраты. Документ в бумажном виде может с лёгкостью потеряться в процессе пересылки, прийти в негодность ввиду износа бумаги или внешних факторов. Хранение документов в электронном виде в разы снижает эти факторы. Вероятность того, что съемный накопитель с документацией даст сбой, тоже, безусловно, существует, но это скорее исключение из правил.

Упрощенная возможность шифрования. Все документы в электронном виде позволяют использовать системы шифрования в целях защиты содержимого от вмешательства посторонних лиц. Хранилища данных операторов ЭДО имеют высокий статус защиты, данные хранятся в зашифрованном виде, регулярно делается резервное копирование – это самый надёжный способ вести электронный архив.

Приведенный перечень далеко не исключительный, а преимуществ электронного договора много больше.

Все эти положительные качества также положительно влияют на развитие гражданско-правовых отношений, в результате чего создается прозрачность всех деловых отношений между контрагентами, повышается исполнительская дисциплина, становится проще контролировать динамику отношений по договору, повышается их эффективность и так далее.

Что же касается способов заключения электронных договоров, то действуют все те же правила, что и для электронных сделок. Данный договор можно заключить с помощью обмена письмами, телеграммами или электронными документами. Важно отметить, что составлять экземпляр в бумажном виде совершенно не обязательно согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 и п. 2 ст. 434 ГК РФ.

Электронный документ с электронными подписями, в соответствии с актуальным законодательством, приравнивается к договору в письменной форме, при этом, нужно соблюсти два условия, необходимых для признания его заключенным:

Содержание договора можно воспроизвести в неизменном виде на материальном носителе, а именно сам электронный документ целиком и/или его отдельные положения не подвергались изменениям и дополнениям после подписания;

С помощью подписи, ее аналога или способа передачи документа можно достоверно установить лица, заключившие договор.

Согласно п. 2 ст. 160 ГК РФ, сделка может быть заключена с помощью электронной подписи[1]. Несомненно, должна быть использована электронная подпись (простая или усиленная) в соответствии с требованиями Федерального закона от 06.04.11 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[2].

Тем не менее наряду с электронной подписью указанный ранее пункт статьи предусматривает использование и прочих аналогов собственноручной подписи, при этом прямо не перечисляя их. Очевидно, что перечень возможных аналогов – открытый. Чаще всего на практике применяются ПИН-коды и пароли, скан-копии «живой» подписи, менее часто, но также встречается использование кодов дилера и иные шифры. Несмотря на их разнообразие, все они выполняют одинаковую роль – являются полным аналогом собственноручной подписи и могут быть использованы для подписания электронного договора.

Однако, для такого приравнивания необходимо предусмотреть это соглашением сторон (п. 2 ст. 160 ГК РФ). Такое соглашение требуется не во всех случаях, а только когда приравнивание прямо не предусмотрено в законе. Например, в п. 1 ст. 6 Закона № 63-ФЗ указано такое приравнивание к квалифицированной электронной подписи (КЭП). Таким образом, если стороны договора используют КЭП, то заключенные ими договоры в электронной форме имеют такую же юридическую силу, как и договоры на бумаге в силу закона. При таких обстоятельствах не придется делать оговорок или заключать отдельное соглашение, предусматривающее условие признании равной юридической силы электронных договоров и бумажных. В иных случаях подобное условие необходимо.

Судебная практика также подтверждает возможность заключения договора с помощью электронного документооборота. К примеру, в постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.04.14 № Ф03-1251/2014 по делу № А37-1143/2013[3], было указано, что стороны производили обмен скан-копиями подписанного договора каждой стороной по электронной почте. При этом суд установил, что данные копии документов идентичны, а возможность электронного обмена была предусмотрена условиями предложения делать оферты, которое исходило от одной из сторон договора. Таким образом, договор был признан заключенным.

По другому делу, согласно постановлению Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.08.12 по делу № А53-11601/2012[4], был признан заключенным договор, не имеющий единого документа, однако условия которого содержались в электронной переписке контрагентов. Важным также является тот факт, что в данном случае между сторонами не существовало отдельного соглашения, которое бы предусматривал юридическую силу такого электронного обмена докумен-

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1–453) (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

[3] См.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 21.04.2014 № Ф03-1251/2014 по делу № А37-1143/2013.// СПС «Гарант» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/37045240/ (дата обращения: 08.02.2022)

[4] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08- 3519/2012 от 08.08.2012 по делу № А53-11601/2011 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1176d643-589b-46a6-93d2-61e89d73d6dc/e401b57a-b9e6-4ceb-bbea-559c123e89d7/A53-11601-2011_20120808_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.02.2022).

тами. Существенным также является то, что получатель услуг произвел оплату за оказанные услуги в полном размере, с требуемой суммой в полученных по электронной почте документах. Данные действия суд признал конклюдентными, подтверждающими юридическую силу обмена документами при помощи электронной почты. Подобный подход был отражен в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.04.11 по делу № А63-4698/2010.

Как указывалось ранее, при заключении договора дистанционным способом (при обмене письмами и прочими документами, в т.ч. электронными), существенную рольиграет установление автора соответствующего документа. В соответствии с п. 4 ст. 434 ГК РФ необходимо, чтобы получатель документа смог доподлинно определить, что он был отправлен от другой стороны по договору.

Очевидно, что квалифицированная (КЭП) или неквалифицированная электронная подпись адресанта документа будет являться бесспорным подтверждением факта его составления именно стороной по договору (п. 2 ст. 160 ГК РФ). При таких обстоятельствах,дополнительно доказывать авторство документа не нужно. Поскольку благодаря такой электронной подписи можно достоверно установить лицо, подписавшее электронный документ (ст. 5 Закона № 63-ФЗ[1]). Вследствие этого наличие КЭП в электронном документе, подлинность которой подтверждена программой проверки, позволяет сделать вывод, что он составлен определённым лицом, т.е. «исходит от стороны по договору».

Когда стороны используют простую электронную подпись или аналог собственноручной подписи при заключении договора в электронной форме, то требуется дополнительно убедиться, что документ составлен и направлен уполномоченным лицо, являющимся стороной по договору. В частности, идентификаторами могут быть именно те электронные адреса, с которых будут отправлять электронные документы, или реквизиты аккаунтов в мессенджере – привязанные к аккаунтам номера телефона. Также подтвердитьавтора можно путем просмотра метаданных в соответствующем документе и другое. Так или иначе, способы установления авторства (его проверки) лучше заблаговременно предусматривать в соглашении об электронном документообороте, в котором стороны договариваются будь то посредствам отдельного соглашения или устной форме, однако бесспорно удостоверяющей то, как будет производиться обмен документами и идентификация друг друга.

На практике в такое соглашение необходимо включить несколько важных тезисов:

Порядок заключения. Стороны взаимно должны распечатать, подписать договор,отсканировать его, с последующим преобразованием в электронный формат, и направить друг-другу по электронной почте (или иным электронным способом). Распечатать договор можно в черно-белом или цветном варианте – юридического значения это иметь не будет,главное, чтобы было четким и разборчивым содержание договора и его реквизиты.

Способ подписания. Если используется электронная подпись, то необходимо уточнить какая именно: простая, неквалифицированная или квалифицированная. Решается вопрос использования печати, однако стоит отметить, что ее использование не является обязательным.

Порядок электронного обмена документами. Он может происходить с помощью электронной почты, мессенджеров или любого иного приложения или программы. Электронные адреса или аккаунты, с которых будут приходить письма и сообщения, и будет считаться, что их отправила сторона договора.

Также часто в таких соглашениях предусматривают, что если документы приходят в согласованном порядке, то стороны их беспрекословно признают. К примеру, стороны решили, что будут совершать обмен документами при помощи электронной почты. Исполнитель выслал акт выполненных работ в электронном виде, а заказчик получил его на свою почту, последствии произвел оплату работ. Таким образом, от исполнителя большеникаких документов требоваться не будет, т.к. он послал акт в согласованном порядке.

При регулярных коммерческих отношениях юридическим лицам удобнее заключать сделки путем обмена отсканированными электронными образами документов. Подобный подход широко распространился в настоящее время, при этом часто после обмена такими документами стороны, перестраховываясь, высылают друг другу оригиналы, чтобы, например, с Федеральной налоговой службой и иными контролирующими органами не возникало трудностей. Все же, случается так, что оригиналы документов в письменной форме по разным причинам так и не доходят до получателя. При возникновении споров в суде это может неоднозначно отразиться на решении. Так, есть несколько ситуаций, которые мы рассмотрим подробнее на примере судебной практики.

Во-первых, стороны не оспаривают в суде заключение договора, косвенно подтверждают его наличие. В таком случае суды чаще всего признают договоры заключенными, а скан-копии договоров – надлежащим доказательством (например, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.06.2019 № Ф03-1794/2019 по делу № А51-9182/2018[2]).

Во-вторых, лицо не признает договор заключенным, однако существуют доказательства его фактического исполнения (оплата счета, подписание УПД, направление заявок), которые сопоставляются с имеющейся в материалах дела перепиской в программах для моментального обмена сообщениями (мессенджерах) или по электронной почте. Совокупность таких факторов также достаточно явно свидетельствует о наличии гражданско-правовых отношений и является основанием для признания договора заключенным (например, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.01.2018

[1] См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

[2] См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.06.2019 № Ф03- 1794/2019 по делу № А51-9182/2018. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7ff9e161-ff5a-4c5e-b874-6eab25b0ea1d/8cee36fc-38e7-4e47-a4bd-a4085b6f3871/A51-9182-2018_20190611_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.02.2022).

№ Ф04-5601/2017 по делу № А27-20317/2016[1], Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.12.2016 № Ф10-4986/2016 по делу № А62-7980/2015[2]).

В-третьих, лицо не признает договор заключенным, доказательств исполнения обязанностей по договору нет, электронная переписка отсутствует, невозможно достоверно установить отправителя документа (т.е. действительно ли принадлежит e-mail стороне). В данном случае практически невозможно будет осуществить защиту прав стороны договора. При отсутствии прочих косвенных доказательств, подтверждающих заключение договора или ведения по нему переговоров, полученный электронный договор в суде будет признан незаключенным (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.01.2018 № Ф04-5601/2017 по делу № А27-20317/2016).

Резюмируя все выше сказанное, электронный договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, совершенное в электронном виде, т.е. с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, с использованием любого способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю. Они обладают рядом положительных свойств, выделяющих их среди обыкновенных договоров: удобство применения и экономия времени; экономия финансов и ресурсов; удобство хранения и поиска документов; сниженный риск утраты; и другие. Что же касается способов заключения электронных договоров, то действуют все те же правила, что и для электронных сделок. Данный договор можно заключить с помощью обмена письмами, электронными документами. Электронный документ с электронными подписями в соответствии с актуальным законодательством приравнивается к договору в письменной форме, только при условии, что содержание договора можно воспроизвести в неизменном виде на материальном носителе, а с помощью подписи, ее аналога или способа передачи документа можно достоверно установить лица, заключившие договор.

[1] См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.01.2018 № Ф04- 5601/2017 по делу № А27-20317/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3c1b859e-7614-4c60-bad2-3946f4ade509/b2c69382-1ed7-44e6-b726-b086e173dd4e/A27-20317-2016_20180119_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.02.2022).

[2] См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.12.2016 № Ф10-4986/2016 по делу № А62-7980/2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d35a604-a5cf-484b-a02f-64e285da1bb5/f21d9c94-dbb3-48a1-a1a9-e57bb7e5dcfe/A62-7980-2015_20161222_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.02.2022).

В.В. Галдобина
магистрант Института магистратуры и аспирантуры
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Колесников
д.ю.н., профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается система государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, проанализировано действующее законодательство, описаны полномочия органов государственной власти в сфере защиты прав человека.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, основные права и свободы, Президент РФ, Федеральное Собрание, прокуратура, Уполномоченный по правам человека, суды.*

Россия – демократическое правовое государство, которое предоставляет широкий спектр возможностей для защиты своих прав и свобод лицам и гражданам, находящимся на ее территории.

Права и свободы защищает Конституция Российской Федерации. Она устанавливает, какие права и обязанности сохраняются за членами общества и какие они делегируют учреждаемому ими институту в лице государства (гл. 2)[3]. Конституция распределяет власть и властные полномочия между субъектами, устанавливает процедуры формирования институтов политической власти и принципы их взаимодействия с тем, чтобы ни один из них не выходил за рамки их статуса. Также права и свободы установлены кодексами и отдельными законами. Например, Трудовой кодекс РФ защищает трудовые права граждан, Семейный кодекс защищает права детей и семьи, Закон «О защите прав потребителей» права потребителей и т.д.

Российское государство гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, и каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Защита прав и свобод - это обязанность государства. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ именно государство и его органы обязаны признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданин. Важнейшими организационно-правовыми гарантиями прав и свобод граждан является соответствующая деятельность государственных органов и в первую очередь Президента РФ, гаранта прав и свобод гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ)[4].

Органы, занимающие вопросами защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина в России, подразделяются на две большие группы: органы общей

[3] См.: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. с изм. от 1 июля 2020 г. // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416; № 27, ст. 4196.

[4] См.: Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: НОРМА; ИНФРА-М., 1999.

компетенции, для которых защита прав является важным, но не основным видом деятельности, и органы специальной компетенции, чья деятельность направлена именно на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Органы общей компетенции. Согласно Российской Конституции признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства, а их гарантом является **Президент Российской Федерации** как глава государства. В каждом Послании Федеральному Собранию Президент РФ уделяет особое внимание правам человека, повышению качества жизни общества, деятельности и приоритетам органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению прав человека. Президент РФ обеспечивает реализацию институционных положений, согласованное функционирование всех органов публичной власти. Президент РФ вправе отменять и приостанавливать действие актов федеральных органов исполнительной власти, в том числе Правительства, приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации, если обнаружит, что такие акты не соответствуют Российской Конституции или вышестоящим актам. Президент РФ в целях обеспечения и защиты прав человека и гражданина вправе распустить законодательный орган субъекта Федерации, освободить от должности высшее должностное лицо субъекта РФ в случае издания этими органами акта, нарушающего федеральное законодательство и права человека.

Президент решает вопросы гражданства, предоставления политического убежища, осуществляет помилование, награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания РФ, высшие воинское и специальные звания. Для осуществления этих полномочий, а также для мониторинга отдельных направлений обеспечения и защиты прав человека Президент РФ может создавать совещательные органы, комитеты и комиссии (например, Комиссия по государственным наградам, Комиссия по вопросам гражданства, Комиссия по делам инвалидов, Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий)[1]. Также в структуре Администрации Президента РФ действуют Управление Президента по обеспечению конституционных прав граждан и Контрольное управление Президента РФ, в полномочия которых входит обеспечение реализации прав человека на территории Российской Федерации, в том числе обеспечивает рассмотрение обращений граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, адресованных главе Российского государства.

Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации, также осуществляет правозащитную деятельность.

Главное при этом – его законотворческая деятельность. Издаваемые парламентом законы должны характеризоваться легитимностью и не нарушать права и свободы граждан[2]. Обязательное условие – любые законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ 1993 г. (ч. 1 ст. 15).

Палаты Федерального Собрания могут осуществлять парламентское расследование. Это факты грубого или массового нарушения конституционных прав граждан, обстоятельства, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций, их негативными последствиями, и факты грубого нарушения финансовой дисциплины в части расходования средств федерального бюджета или управления федеральной государственной собственностью[3]. По результатам расследования палатами утверждается итоговый отчет, в котором содержатся рекомендации по устранению выявленных проблем и нарушений, вплоть до отстранения отдельных должностных лиц от должности. Однако процедура парламентских расследований в России применяется весьма редко.

В случае нарушений прав и свобод граждане могут обращаться к сенаторам или депутатам Государственной Думы, которые, в свою очередь, направляют депутатский запрос в специализированные органы.

Государственная Дума назначает и освобождает от должности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, заслушивает доклады Уполномоченного по правам человека о состоянии защиты прав человека в Российской Федерации. На основе докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации депутаты готовят законопроекты, направленные на совершенствование механизмов защиты прав человека в России.

Органы специальной компетенции. Важнейшим элементом конституционной системы защиты прав и свобод человека является **Прокуратура Российской Федерации**. Прокуратура РФ – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России[4]. Все виды деятельности прокуратуры Российской Федерации связаны с защитой прав человека. Российские граждане считают обращение в органы прокуратуры для защиты своих нарушенных прав в качестве одного из самых действенных способов государственной защиты.

В Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» защита прав человека и гражданина обозначена в числе главных задач прокурорской деятельности.

Возглавляет систему Генеральный прокурор Российской Федерации, который назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации. Также в систему входят прокуратуры российских субъектов, прокуратуры городов и районов и специализированные прокуратуры, такие как природоохранная, транспортная и военная.

---

[1] См.: Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: http:// kremlin.ru/structure/commissions (дата обращения: 29.03.2022).

[2] См.: Система защиты прав человека в Российской Федерации: учебник / под ред. Г.Н. Комковой. М.: Проспект, 2017. С. 119–131.

[3] См.: Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 1, ст. 7.

[4] См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2021 № 27, ст. 5993.

Основным средством прокурорского надзора за исполнением законов является проверка. Прокурор рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина. Разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод. Принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба.

В случае обнаружения нормативного правового акта, противоречащего актам вышестоящего уровня, прокурор обращается в орган, принявший этот акт, или в судебный орган с протестом, в котором содержится обоснование необходимости признания акта недействующим. При выявлении нарушений прав человека или гражданина прокурор выносит представление органу или организации об устранении нарушений закона или предпринимает конкретные действия, которые будут способствовать защите или восстановлению права.

Деятельность **Уполномоченного по правам человека в Российский Федерации** в соответствии с Конституцией РФ регулируется федеральным конституционным законом[1]. Одним из основных принципов деятельности института Уполномоченного по правам человека является обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Это должностное лицо ежегодно представляет Государственной Думе доклад о своей деятельности и о состоянии защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Уполномоченный по правам человека и его аппарат являются надзорным органом. Выявление нарушений прав человека осуществляется Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации на основе работы с обращениями граждан. В целях проверки фактов, изложенных в обращении, Уполномоченный по правам человека в РФ вправе проводить проверки деятельности органов и организаций.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации является востребованным органом в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, в 2021 г. Уполномоченному по правам человека в РФ поступило 59 407 жалоб, что на 31 % больше, чем в 2020 г.[2]

В субъектах также создаются подобные должности и должности специальных уполномоченных. Так, в Саратовской области наряду с Уполномоченным по правам человека в Саратовской области действуют Уполномоченный по правам ребенка и Уполномоченный по защите прав предпринимателей.

Особая роль в отечественной правозащитной системе отводится **судебной** власти, которая в соответствии со ст. 118 Конституции РФ осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Правосудие в России осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118), перед которым, как и перед законом, все равны (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ).

Основным звеном конституционной системы защиты прав человека являются органы судебной власти. Они осуществляют деятельность, направленную на предупреждение и противодействие ограничений и нарушений свобод человека и его основных прав, их незаконных ограничений. Все действия и решения органов государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан, могут быть обжалованы в суд. Поскольку судебные органы входят в систему государственной власти, следует отметить, что судебная защита является одной из разновидностей государственной защиты прав и свобод граждан[3]. В то же время в правовом государстве судебная защита играет основную роль как средство защиты прав граждан.

Таким образом, в Российской Федерации действует разветвленная система защиты прав человека и гражданина. Комплексная система защиты прав и свобод в Российской Федерации оказывает существенное влияние на усиление демократической правовой государственности в Российской Федерации. Однако механизм государственной защиты в этой сфере нуждается в совершенствовании.

[1] См.: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ. 1997. № 9, ст. 1011; 2015. № 10, ст. 1390.

[2] См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год. С. 12 // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: сайт. URL: http://ombudsman.mos.ru/user/docs/Доклад%202021compressed.pdf (дата обращения: 29.03.2022).

[3] См.: Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник. / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011.

С.А. Галиулин
ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов
Научный руководитель: М.А. Акимова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УБЕДИТЕЛЬНОГО ПРЕЦЕДЕНТА (PERSUASIVE PRECEDENT) НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СУДА ЕАЭС

Аннотация: *убедительный прецедент (persuasive precedent) – это решение суда, которому судьи следовать не обязаны, но должны учитывать при разрешении схожих дел, и не могут проигнорировать его. В статье освещены подходы к разрешению спорного вопроса о возможности применения убедительного прецедента наднациональными судебными органами Евразийского экономического союза.*

Ключевые слова: *убедительный прецедент, международное право, процессуальные нормы права, Суд Евразийского экономического союза, Суд Европейского союза.*

Суд Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) при осуществлении своей деятельности следует Статуту Суда как источнику, закрепляющему внутреннюю организацию и порядок функционирования органа су-

дебной власти. В пункте 50[1] содержится перечень применимого права при осуществлении правосудия Судом ЕАЭС (далее – Суд). Но остается дискуссионным вопрос о допустимости и необходимости использования Судом в своей практике убедительного прецедента. Отсутствует единство мнения по данному вопросу между учёными и судьями Суда. Полагаем, что применив убедительный прецедент, Суд вышел за рамки своей компетенции, не мотивировав выбор убедительного прецедента как единственно способа разрешения вопроса и не обосновав невозможность использования норм международного права.

Так в решении Коллегии Суда от 28 декабря 2015 г. по заявлению ИП Тарасика К.П., указано, что правовые позиции и судебная практика иных судов могут учитываться при вынесении решений по аналогичным вопросам, что соответствует принципу persuasive precedent (убедительный прецедент), согласно которому «отдельные судебные решения и выраженные в них точки зрения сами по себе не создают прецедента, однако принимаются во внимание при вынесении последующих судебных актов»[2]. При анализе приведённой позиции можно выделить два условия применения данного принципа. Во-первых, это наличие единства права ЕАЭС и того интеграционного образования или государства, практику судов которых мы собираемся применить. Во-вторых, позиции судов на которые делает ссылки Суд должны быть твердо устоявшиеся, которые не игнорируются, доказывая свою юридическую убедительность[3].

В вышеупомянутом решении Коллегия Суда ссылается на судебную практику Судов Европейского союза и государств-участников ЕАЭС для толкования термина «неправомерное бездействие», определение которого было необходимо для закрытия пробела в праве ЕАЭС и последующей оценки поведения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) как неправомерного бездействия по отношению к заявителю Тарасику К.П. Так суд пришел к выводу, что «неправомерное бездействие – это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом обязанностей, возложенных на него правом ЕАЭС, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа»[4].

Таким образом, на основе данного определения Коллегия Суда указала на то, что ответ ЕЭК нельзя рассматривать как неправомерное бездействие, поскольку нормами международных договоров, формирующих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, правом ЕАЭС не предписано Комиссии совершение действий, на которых настаивал истец[5], а, следовательно, не нарушены его права и законные интересы. Однако стоит обратить внимание на то, что Суд ЕАЭС не мотивировал, почему им отдано предпочтение убедительному прецеденту перед всеми остальными официально закрепленными источниками применимого права, перечисленными в пункте 50 Статута Суда, указав только на саму возможность использования убедительного прецедента.

Мы склонны согласиться с особым мнением Нешатаевой Т.Н.[6], что у Коллегии Суда не было необходимости в использовании убедительного прецедента, т.к. Коллегия могла, не выходя за пределы Статута, руководствуясь нормами общепринятого международного права, дать определение неправомерному бездействию, используя Проект статей Комиссии ООН по международному праву об ответственности международных организаций. Нешатаева Т.Н. предлагает на его основе определить «бездействие» как «нарушение, при котором международная организация обязана предпринять какие-либо позитивные действия, но при этом не предпринимает таковых. Нарушение может состоять в действии, не соответствующем тому, которое международная организация обязана совершать или обязана не совершать согласно международному праву (вводный комментарий (2) к Главе III Проектов статей)»[7].

Нешатаева Т.Н. делает вывод о наличии неправомерного бездействия в поведении ЕЭК, поскольку «совершение в ответ на жалобу хозяйствующего субъекта каких-либо иных, не требуемых заявителем действий, которые не приводят к выполнению международным органом своего назначения, целей и задач, может быть квалифицировано как бездействие. Например, в ситуации, когда заявление рассмотрено и ответ на него направлен заявителю, но этот ответ наднационального органа не соответствует существу заявления, оказывается, что требуемые от органа действия, имеющие юридическое значение для заинтересованного лица, отсутствуют. Следовательно, такое поведение следует считать бездействием в форме неисполнения возложенной на этот орган обязанности… Таким образом, ЕЭК при рассмотрении обращения хозяйствующего субъекта нарушила подпункт а) пункта 11 Порядка № 46. 8 В связи с тем, что Комиссия не выразила своего отношения к вопросу о возможности переклассификации грузовых транспортных средств, Суду следовало признать ответ Комиссии от 27 ноября 2014 г. бездействием, нарушающим права ИП Тарасика К.П.»[8].

Таким образом, Суд ЕАЭС, прибегнул к практике суда иного международного объединения и государств-участников ЕАЭС в целях закрытия пробела в праве ЕАЭС. При этом Суд ЕАЭС не обращался к нормам международного права и не мотивировал необходимость применения убе-

---

[1] См.: Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // URL: https://courteurasian.org/official_documents/international_treaties/

[2] См.: Решение Коллегии Суда ЕАЭС об отказе в удовлетворении заявления от 28.12.2015 С-4/15 // URL:https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.15/ С.15

[3] См.: *Чайка К.Л.* Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2018. № 11 (263). С. 144.

[4] См.: Решение Коллегии Суда об отказе в удовлетворении заявления от 28.12.2015 С-4/15 // URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.15/ С.15

[5] Там же. С. 29.

[6] См.: Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 02.03.2016 дело №СЕ-1-2/2-15-КС об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.15/ С. 6.

[7] Там же. С. 6.

[8] Там же. С. 7.

дительного прецедента. Однако, остался дискуссионным вопрос о возможности применения убедительного прецедента. Так, исходя из толкования статьи 50 Статута Суда, перечень закрепленный в статье является закрытым, что не дает Суду ЕАЭС возможности основывать свое решение на иных источниках права. Так же использование убедительного прецедента как международного принципа в рамках пункта 1 статьи 50 Статута Суда тоже является спорным, т.к. для этого принцип должен быть общепризнанным.

Д.Р. Герасименко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Л.В. Григорьева к.ю.н. доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: *статья посвящена некоторым особенностям квалификации необходимой обороны, анализируется судебная практика, приведены примеры судебных ошибок. Автором акцентируется внимание на необходимость судов придерживаться положений постановлений Пленума Верховного Суда, а также обосновывается необходимость внесения изменений в законодательство в части необходимой обороны против изнасилования.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, применение оружия, изнасилование.*

В процессе применения положений, регулирующих право на необходимую оборону, суды нередко противоречиво решают вопросы квалификации действий обороняющегося. Неправильно принимаемые решения зачастую влекут их пересмотр и отмену в суде апелляционной инстанции, что, во-первых, подрывает авторитет суда в глазах граждан, а во-вторых, влечет большие судебные затраты.

На данный момент вопрос применения оружия при необходимой обороне не нашел своего отражения непосредственно в Уголовном кодексе. Однако Пленум Верховного Суда подчеркивает, что суды допускают ошибки, в виду того, что они не всегда принимают во внимание, что переход оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, от посягавшего к обороняющемуся лицу сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства[1]. Нормативное закрепление указанное положение получило в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[2]. В качестве примера ошибочной оценки судом действий обороняющегося можно рассмотреть приговор Сургутского районного суда, согласно которому действия С. Были квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Обстоятельства дела, изложенные судом свидетельствуют о том, что, после того, как осужденный выхватил у нападающего нож и ударил его, М. продолжил свои действия, вновь напал на С. сзади и повалил его на пол. Указанным обстоятельствам суд не придал должного значения, как и обстоятельствам, предшествовавшим данному конфликту, характеристике потерпевшего и осужденного, их физическим данным и возрасту, хотя эти сведения имеют существенное значение для дела. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ нашла приговор подлежащим отмене. По приговору Сургутского районного суда рассмотревшего это же уголовное дело повторно, в полном объеме действия С. были квалифицированы по ч. 1 ст. 108 УК РФ[3]. Таким образом, мы видим, что переход оружия не всегда означает прекращение посягательства и утрату общественной опасности. Важно оценивать действия обороняющегося не только в момент самого перехода оружия, но и обращать внимание при рассмотрении дела на те обстоятельства, которые предшествовали переходу оружия и следовали после него. Правильным применением указанного положения Пленума Верховного суда является следующее решение. Между двумя мужчинами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, завязалась ссора, в ходе которой потерпевший достал нож и стал им угрожать подсудимому, после чего последний отобрал указанное оружие и нанес 2 удара потерпевшему, т.к., несмотря на переход оружия, потерпевший продолжил проявлять агрессию. После чего потерпевший перехватил нож и нанес три режущих повреждения подсудимому. Суд оценил действия подсудимого как соответствующие пределам необходимой обороны, вследствие чего его оправдал[4]. В процессе принятия решения суд руководствовался положением о том, что демонстрация ножа свидетельствовала о наличии непосредственной угрозы применения насилия, опасного для жизни обороняющегося, в связи с чем актуальной являлась ссылка на положение ч. 1 ст. 37 УК РФ в соответствии с которым в таком случае возможно причинение любого по характеру и объему вреда посягающему лицу.

Так же касаемо вопроса об оружии важно понимать, что закон не требует точной соразмерности между оружием, или иными средствами применяемыми нападающим и оружиями, и иными средствами применяемыми

[1] См.: Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328041/ (дата обращения: 11.04.2022).

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 3 окт.

[3] См.: *Попов А.Н.* Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 28.

[4] См.: Приговор Гаврилов-Ямского районного суда от 11 сентября 2019 г. по делу № 1-50/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dk4ZV2ozdHmb

в ответ на посягательство обороняющимся. Однако на практике суды иногда допускают ошибки в квалификации действий обороняющегося при несоответствии орудий. В ходе ссоры Д. напал на К. с ножом. Так как Д. вел себя агрессивно и высказывал угрозы убийством, демонстрируя при этом нож, К. воспринял угрозу реально и, защищаясь от общественно опасного посягательства, нанес Д. удар по голове деревянной палкой, которую взял на месте преступления. В результате удара Д. упал на землю. На этом К. не остановился и нанес Д. не менее трех ударов по голове палкой. В результате рассмотрения дела суд признал К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ[1], что, в общем, то представляется достаточно верным. Однако интересными представляются выводы суда о том, что выбранное К. оружие обороны не соответствует и несоразмерно характеру, степени общественной опасности посягательства. Достаточно очевидно, что палка несет в себе меньшую степени общественной опасности по сравнению с ножом, так же стоит учитывать, что у обороняющегося не было возможности использовать точно такое же оружие, которое было использовано посягающим, и, ввиду этого он был вынужден использовать палку, как, возможно единственное подходящее орудие, которое было ему доступно в сложившейся обстановке. По указанному вопросу прокуратура Ульяновской области признает, что при защите можно использовать более эффективные средства, [2] чем у нападающего, например, применить огнестрельное оружие при защите от нападения с ножом, угрожающего жизни и здоровью. Подобной точки зрения придерживается И.С. Тишкевич, говоря о том, что «соотношение между средствами защиты и средствами нападения должно учитываться в совокупности с другими обстоятельствами, определяющими границы дозволенной защиты»[3], помимо этого он также подчеркивает, что т.к. «обороняющийся, как правило, прибегает к защите теми средствами, которые оказались под рукой, нельзя запрещать обороняющемуся использовать какие-либо предметы, а при определенных условиях и оружие при отражение даже невооруженного нападения»[4].

Таким образом, при принятии решения судам следует неукоснительно соблюдать положения постановления Пленума Верховного Суда, т.к., несмотря на то, что они носят для судов рекомендательный характер, тем не менее, призваны толковать Уголовный кодекс, благодаря чему достигается единообразная практика применения уголовного закона.

Заслуживает особого необходимая оборона против изнасилования. Вопрос о том, как именно можно обороняться при изнасиловании или покушении на изнасилование является достаточно интересным.

Обращаясь к ч. 2, 3 ст. 131 УК РФ, мы видим, что квалифицированными и особо квалифицированными видами изнасилования признается совершение полового сношения с применением насилия, или с угрозой его применения, соединенные с угрозой причинением тяжкого вреда здоровью, и повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью. Пленум Верховного Суда в п. 2 постановления от 27.09.2012 № 19 признает, что если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ[5]. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что при изнасиловании потерпевшей причиняется следующий вред здоровью: а) моральный вред, в случае угрозы применения насилия; б) легкий или средней тяжести вред здоровью, который охватывается диспозицией статьи; в) тяжкий вред, который квалифицируется по ч. 3 ст. 151 УК РФ.

Накладывая указанные выводы на модель правомерности причинения вреда при необходимой обороне, можно говорить о том, что при изнасиловании, в процессе которого потерпевшей был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, обороняться можно в пределах ч. 2 ст. 37 УК, т.е. нападающему нельзя причинить любой вред, а стоит обращать внимание на соразмерность причиняемого вреда. В случае если изнасилование сопряжено с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, указанное насилие признается опасным для жизни потерпевшей, и, соответственно, нападающему можно причинить любой вред здоровью, а также смерть. В общем виде указанные выводы представляются логичными и закономерными, однако, важно обратить внимание на то, что изнасилование – это не просто причинение вреда здоровью. Насильственный способ полового сношения – это, по мнению О.А. Кравцовой, изложенному в ее диссертации «Сексуальное насилие как психологическая травма», «сильнейший стрессор, вызывающий у большинства пострадавших тяжелые эмоциональные последствия. Даже попытка изнасилования приводит к интенсивным психологическим проблемам»[6]. Автор диссертации отмечает, что «особенностью сексуального насилия как экстремального стрессора является то, что его жертвы оказываются в ситуации сложнейшего переплета правовых, медицинский, социальных, культурных проблем»[7]. Повышенную степень защиты жертв сексуального насилия можно заметить и в Уголовном кодексе. Санкции ч. 1, 3 ст. 131 УК РФ сильно превышают санкции ст.ст. 111, 112, 115

[1] См.: Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 16 ноября 2020 г. по делу № 1-203/2020 URL: https://sudact.ru/regular/doc/kpQraiP20o1J/

[2] См.: Прокуратура разъясняет «Что такое необходимая оборона и ее пределы?» // Прокуратура Ульяновском области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_73/activity/legal-education/explain?item=33402684

[3] См.: *Тишкевич И.С.* Избранные труды. Минск: Промышленное торговое право, 2014. С. 329.

[4] См.: Там же.

[5] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 3 окт. См.: *Попов А.Н.* Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 28.

[6] См.: Сексуальное насилие как психологическая травма // disserCat. URL: https://www.dissercat.com/content/seksualnoe-nasilie-kak-psikhologicheskaya-travma (дата обращения: 15.04.2022).

[7] См.: Там же.

УК РФ. В связи с вышесказанным требуют изменения положения норм о необходимой обороне, в части оценки действий обороняющейся от изнасилования. По нашему мнению, изнасилование, в не зависимости от того, какой именно вред был причинен, должно давать право причинять при обороне любой по характеру и тяжести вред, не взирая на соразмерность защиты и посягательства, а соответственно, должно квалифицироваться в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ. Если с непосредственным изнасилованием на практике вопросов обычно не возникает, и суды все таки признают в таком случае право на оборону, то угроза насильственного полового сношения оценивается судом как таковая достаточно редко. И одним из осложнений такой оценки выступает наличие в ст. 61 УК РФ такого смягчающего обстоятельства, как «Противоправное поведение потерпевшего». Возникает вопрос, как в таком случае квалифицировать действия обвиняемого и потерпевшего, если имело место убийство при покушении на изнасилование: по ч. 1 ст. 105 УК РФ со смягчающим обстоятельством или все же по ч. 1 ст. 108 УК РФ? Рассмотрим пример из практики. Судом первой инстанции Шатина Е.А. осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Суд апелляционной инстанции установил, что поводом для совершения Шатиной Е.А. преступление явилось противоправное поведение потерпевшего в отношении нее. Однако стоит заметить, что указанные выводы суд делает на основании показаний о том, что потерпевший лег сверху на Шатину Е.А., трогал ее тело, и приставал иным образом, при этом находится только в нижнем белье. Соответственно суд, можно сказать, признает, что потерпевший действительно совершал все эти действия, говоря о его противоправном поведении. Несмотря на вышеизложенное суд не переквалифицировал действия Шатиной Е.А. на ч. 1 ст. 108, а оставил квалификацию прежней, а именно – ч. 1 ст. 105 УК РФ, смягчив наказание на основании наличия смягчающего обстоятельства – противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления[1]. Весьма сомнительной представляется вышеизложенная оценка действий Шатиной Е.А., учитывая, что в ст. 37 УК закон допускает необходимую оборону против угрозы насилия.

Таким образом, несмотря на то, что институт необходимой обороны имеет достаточно длинную историю своего развития, до сих пор имеют место ошибки, допускаемые судами при квалификации, которые в свою очередь не способствуют единообразной практике применения норм уголовного права.

[1] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда от 4 сентября 2013 г. № 22-485213.

Д.Т. Глимьянова
РГУП КФ, г. Казань
Научный руководитель: А.Г. Нуриев к.ю.н. РГУП КФ, г. Казань

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ НА ОПЛАТУ УСЛУГ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в данной статье автор обозначает проблему взыскания судебных расходов в приказном производстве, раскрывает содержание данного института, указывает на позицию Верховного Суда РФ, толкования научных работников, а также практику принятия решения нижестоящими судами.*

Ключевые слова: *судебные расходы, приказное производство.*

Дела, рассматриваемые в гражданском процессе, характеризуются своим многообразием и различием. Существует определенный вид рассмотрения и разрешения дел, которые отнесены к категории упрощенных видов судопроизводств, призванного облегчить и ускорить защиту прав граждан с особенностями, установленными гражданским процессуальным законодательством. Речь в данной статье идёт про особый вид гражданского судопроизводства – приказное производство. Так, особенностью дел, разрешаемые в порядке приказного производства заключается в вынесении судебного постановления на основе представленных суду доказательств, без назначения судебного разбирательства. Данный вид производства берет свое начало из дореволюционной эпохи отечественного права и является одним из старейших его национальных институтов.

В настоящее время приказное производство детально регламентировано Главой 11 Гражданского процессуального кодекса РФ именуемый как «судебный приказ». Дефиниция понятия судебный приказ определен в законодательстве, как вид судебного постановления, которое выносится мировым судьей только в случаях, определенных законом, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает 500 тыс. рублей (ст. 121–122 ГПК РФ), четырехсот тысяч рублей и ста тысяч рублей – по заявлениям, рассматриваемым арбитражными судами (пункты 1 – 3 статьи 229.2 АПК РФ). При этом основанием для вынесения судебного приказа являются документы, подтверждающие право требования.

Несмотря на то, что законодатель создал эффективный правовой механизм взыскания задолженности, позволяющий осуществлять разумную процессуальную экономию и взыскателю, и органам правосудия, то все же в данном институте гражданского судопроизводства имеются пробелы, которые необходимо осветить и разобраться в них.

В данной работе рассматривается вопрос о возможности взыскания судебных расходов на оплату услуг представителя в приказном производстве. В частности,

гражданским процессуальным законодательством четко не определена возможность взыскателю компенсировать судебные издержки, связанные с получением квалифицированной юридической помощи в процессе приказного производства, поскольку глава 11 ГПК РФ не регламентирует конкретный порядок разрешения данного вопроса при разрешении самого заявления о вынесении судебного приказа.

В научной доктрине можно встретить иногда прямо противоположенные точки зрения. Так, И.В. Решетникова считает, что «распределение же судебных расходов – это не требование по делу, а процессуальный вопрос, сопутствовавший разрешению подавляющего большинства дел»[1]. В случае, если спора об удовлетворении требования о взыскании судебных расходов не имеется, то само взыскание судебные издержек в приказном производстве вполне себе возможно, однако в случае, если имеются сомнения, то И.В. Решетникова предлагает возможность рассмотреть его в судебном заседании с вызовом и извещением лиц, участвующих в деле.

Раздьяконов Е.С. в своих трудах[2] считает, что действующий на сегодняшний день кодекс не позволяет в судебном приказе распределять издержки, связанные с рассмотрением дела, включая расходы на оплату услуг представителя, поскольку для разрешения данного вопроса необходимо назначить судебное заседание, в рамках которого выносить самостоятельное определение суда.

Отсутствие в гражданско-процессуальном законодательстве регулирования вопроса, связанного с возмещением расходов на представителя, приводит к различным подходам к разрешению данного вопроса.

Отмечая указанное допущение законодателем в праве, практическая составляющая взыскания судебных расходов на представителя в приказном производстве вовсе не однозначна. Одни мировые судьи выносят судебный приказ, в котором разрешают судебные расходы, заявленные взыскателем по оплату услуг представителя; другие с вызовом сторон и назначением судебного заседания рассматривают данное требование вне рамок судебного приказа, где выносят отдельное определение суда.

Согласно основным показателям статистической отчетности работы мировых судей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 12 месяцев 2021 г. только мировыми судьями судебных участков Сургутского судебного района вынесено судебных постановлений в порядке приказного производства в количестве 68 646 дел. Не менее половины заявлений о вынесении судебного приказа (1/2) заявлены с требованием о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя. Данные показатели говорят о важности данной проблемы, а соответственно, о значимости ее рассмотрения и обсуждения.

В 2018 г. Верховный суд в обзоре судебной практике высказался относительно данной тематики и пояснил, что при принятии заявления о вынесении судебного приказа мировой судья должен установить бесспорность требования, поскольку именно бесспорность является одной из предпосылок рассмотрения требования в порядке приказного производства[3].

В силу п. 3 части третьей ст. 125 ГПК РФ мировой судья отказывает в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа, если установит, что из заявления и приложенных к нему документов усматривается наличие спора о праве.

Притом признание должником основного требования не свидетельствует о взыскании судебных издержек, как дополнительного требования, а значит, не отвечает критерию бесспорности.

С учетом изложенного, позиция Верховного Суда РФ основывает на том, что распределение судебных расходов между взыскателем и должником при вынесении судебного приказа не осуществляется.

5 апреля 2022 г. Верховным Судом РФ снова была затронута тема взыскания судебных расходов в приказном производстве в Постановлении Правительства Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 2[4], однако суд подчеркнул лишь о необходимости приложить к заявлению о выдаче судебного приказа документа, подтверждающего уплаты государственной пошлины в размере установленного Налоговым кодексом РФ. Вопрос о взыскании расходов по оплату услуг представителя не встал.

Соответственно, с учетом вышесказанного, можно сделать вывод о недопустимости взыскания судебных издержек в приказном производстве, который прямо определен Верховным Судом РФ, однако ввиду того, что взыскание расходов является неотъемлемым правом лица, подающего заявление, то вопрос о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя должен разрешаться и рассматриваться мировым судьей и следовать судьбе основного заявления.

На практике у мировых судей возникают сложности в рассмотрении подобных заявлений о взыскании расходов, связанных с оплатой услуг представителя ввиду того, что основное требование по взысканию задолженности будет рассмотрено в приказном производстве с учетом особенностей установленных гражданским процессуальным законодательством, а ввиду того, что сопутствовавшее заявление не является бесспорным требованием согласно позиции Верховного суда, то оно будет рассмотрено в порядке искового производства.

Таким образом, ввиду того, что такая позиция законодателя усложняет процесс разрешения дела, лишний раз нагружает аппарат суда и не отвечает требования разумности, то вопрос о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя в приказном производстве нуждается в значительном реформировании и приведении в соответствии с общими принципами гражданского процессуального законодательства.

---

[1] См.: *Решетникова И.В.* Новации в правовом регулировании упрощенного и приказного производства в арбитражном процессе // Закон. 2016. № 9. С. 100 – 106.

[2] См.: *Раздьяконов Е.С.* К вопросу о приказном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 31–36.

[3] См.: Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации от 14 ноября 2018 г. С. 181–182.

[4] См.: Постановление Правительства Российской Федерации № 2 (2022) «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» от 05.04.2022 (сайт Верховного Суда РФ, раздел «Пресс-центр»).

В.З. Гогнадзе
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.И. Радченко
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРЕДПОСЫЛКИ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЖИМА В СССР

Аннотация: *на сегодняшний день вопросы касающиеся предпосылок существенного изменения государственного режима остаются весьма актуальными и требуют более детального анализа со стороны научного сообщества. В данной статье будут проанализированы объективные и субъективные предпосылки такого изменения. Ведь только в их совокупности можно сделать соответствующий вывод о том, каковы реальные причины дальнейшего распада СССР.*

Ключевые слова: *государственный режим СССР, предпосылки изменения.*

Необходимо начать с того, что в 1977 г. в Конституцию СССР были внесены определенного рода изменения, которые провозгласили Коммунистическую партию Советского Союза ядром политической системы советского общества. Таким образом, данное изменение поспособствовало созданию единого механизма по осуществлению государственной власти на территории страны[1]. Вместе с этим, необходимо отметить, что все процессы, проводившиеся в нашей стране во второй половине 80-х гг., в том числе приведшие, в конечном счете, к распаду СССР, начались именно по инициативе КПСС. А на завершающем этапе перестройки произошло разрушение самой КПСС[2].

Взяв во внимание вышеназванные положения, необходимо обозначить те предпосылки существенного изменения государственного режима в СССР, которые непосредственно являлись ключевым в исследуемом вопросе.

Интересной является ситуация, которая заключалась в том, что постепенная ликвидация КПСС осуществлялась не только и не столько юридическими средствами, сколько средствами партийными. Ведь действительно, партия с точки зрения теории государства – лишь общественная организация.

Но исторически сложилось так, что Коммунистическая партия представляла собой не столько политическую партию, сколько систему управления государством – систему, обеспечивающую стабильность, предсказуемость, оперативность в управлении. КПСС, по справедливому замечанию А.А. Зиновьева, представляла собой «сверхвласть»[3].

Уже в 1985 г. наиболее очевидно представлялась необходимость в реформировании КПСС. В первую очередь, этому поспособствовало определенного рода расслоение, которое заключалось в расслоении. Последнее, представляло собой заявления КПСС о равноправии и ценности единого государства, однако вместе с этим партия не несла за свои действия никакой ответственности, при этом обладала впечатляющими по тем временам материальными привилегиями.

Последний фактор на фоне усугубляющегося в стране дефицита вызывал особое раздражение у населения. Один из партийных руководителей – последний 1-й секретарь Московского горкома КПСС Ю.А.Прокофьев – откровенно признает: «Партийные руководители высшего звена, начиная от обкомов партии и выше, пользовались значительными привилегиями. И они за них, ох, как держались!.. Я имею в виду дачи, распределители, санатории и все прочее.

Во многих регионах этих привилегий было даже значительно больше, чем в Москве. Кое-где процветало самое настоящее байство. Поэтому секретари областных комитетов партии хотя и были недовольны Горбачевым и за его спиной критиковали и ворчали в кулуарах, но стоило тому только прикрикнуть – а он умел это делать! – все сразу замолкали»[4].

К примеру, Б.Н. Ельцин, высказывал более критичную позицию относительно вышеупомянутых привилегиях партийного руководства. В исповеди на заданную тему упомянутый деятель отмечал, что всё партийное руководство представляет собой систему осуществления такой власти, которая «избалована» различными социальной льготами, в которых нет особой необходимости такого уровня граждан. За различные поступки угодные действующей власти, таких чиновников поощряют и предоставляют то, что для них является не нужным. А если уж ты забрался на вершину пирамиды партийной номенклатуры, тут все – коммунизм наступил. И, оказывается, для него вовсе не надо мировой революции, высочайшей производительности труда и всеобщей гармонии. Он вполне может быть построен в отдельно взятой стране для отдельно взятых людей»[5].

Отметим, что на рассматриваемый период у партийного руководства стало в разы больше льгот и различного рода привилегий, что поспособствовало отделение партии от граждан страны, а также между высшими и низшими партийными звеньями.

Ещё одной предпосылкой являлось существенного изменения государственного режима в СССР являлась та, которая непосредственно была выражена в идеологическом кризисе. К примеру, актуальное на тот момент марксистко-ленинское учение не развивалось в своём научном и практическом аспекте и вместе с этим постепенно превращалась в догму.

Следует обратить внимание на состояние внутренней политики государства, которое в тот момент характеризовалось кризисными явлениями. Было нарушено экономическое и социальное равновесие в обществе, что в свою очередь, напрямую сказалось на руководящей партии. Практически каждый гражданин государства желал внедрение новых изменений как в обществе, так и в госу-

[1] См.: *Жуков Ю.Н.* Первое поражение Сталина 1917–1922 годы. От Российской империи – к СССР. М., 2011.

[2] См.: Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 1. М., 2002. С. 301.

[3] См.: *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 327–328.

[4] См.: *Прокофьев Ю.А.* Как убивали партию. Показания Первого секретаря МГК КПСС. М., 2011. С. 40–41.

[5] См.: *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 65.

дарственном управлением соответствующими партиями. Именно тогда была предложена «перестройка», которая вселила в людей уверенность в улучшении их жизни.

Реформирование руководящей партии получило своё начало в изменении кадрового состава. Такое явление поспособствовало замены прежнего «брежневского» состава Политбюро на новый, «перестроечный».

Вместе с вышесказанным, в Политбюро избирались только те лица, которые поддерживали идею перестройки государства. Соответственно, Генеральный секретарь ЦК КПСС с особым вниманием относился к каждому лицу, желающего вступить в ряды руководящей партии.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо сделать соответствующий вывод о том, что предпосылками для существенного изменения государственного режима в СССР являлись кризис идеологии и значительного «расслоения» в КППС. Также к таким предпосылкам следовало бы отнести изменение кадрового состава руководящих органов КПСС. В период «перестройки» к власти пришли такие руководители, которые непосредственно преследовали цель значительного изменения общественных отношений относительно экономической и социальной составляющей.

Как было упомянуто выше, первоначальные изменения в КПСС получили своё начало на кадровом уровне, а в последствии это переросло в «перестройку» всего руководящего состава партии. Данное изменения наглядно было в измененной ст. 6 Конституции СССР, где были закреплены положения, относительно создания многопартийной системы осуществления деятельность по управлению государством. Таким образом, всё вышесказанное, предопределило существенные изменения государственного режима в СССР.

К.А. Головко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Т.В. Троицкая к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРЕЗИДЕНТ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация: *институт главы государства – неотъемлемая составная часть механизма осуществления государственной власти во всех странах мира. Под главой государства могут понимать единоличное или коллегиальное должностное официальное лицо, которое по формальным признакам занимает высшее место в системе государственных институтов и осуществляет представительские функции государства в рамках осуществления как внутренней, так и внешней политики страны.*

Ключевые слова: *президент, разделение властей, исполнительная ветвь.*

Развитые демократические страны используют принцип разделения трёх ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) при осуществлении государственной власти в целом. Всем ветвям государственной власти присуща определённая самостоятельность, при этом в процессе осуществления власти все ветви активно взаимодействуют друг с другом. Несмотря на общность концепции в целом, в различных странах по-разному прослеживаются место и роль главы государства во всей системе государственной власти. Некоторые страны пошли по пути возложения на главу государства функций исполнительной власти (в частности, Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки, Франция, Республика Беларусь, Кыргызская Республика и др.). В частности, в Республике Беларусь также установлены три ветви власти, между которыми восстановлено равновесие посредством внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь в 1996 г., определён баланс между обязанностями и правами президента. «Исполнительная вертикаль» учреждена Президентом Республики Беларусь для того, чтобы повысить эффективность деятельности государственных органов исполнительной власти. Налицо отсутствие законодательного определения места Президента Республики в системе власти, т.к. не определено к какой ветви власти его следует отнести, и отсутствует чёткое отделение президента от исполнительной ветви власти.

Однако, большинство государств пошли по пути отделения главы государства от исполнительной власти. В связи с этим, отпадает возможность рассмотрения главы государства как составной части исполнительной ветви власти, потому более логичным представляется рассматривать институт главы государства в каждом случае отдельно, учитывая особенности конституционного страны исследуемого государства, имеющейся законодательной базы, практики функционирования институтов государственной власти, а также исторические особенности развития в нём государственности.

По общему правилу, институт главы государства выступает гарантом национального единства, который обеспечивает реализацию принципов преемственности и стабильности власти в стране, взаимодействия ветвей государственной власти между собой. По этой причине включение главы государства в одну из ветвей власти может повлечь нарушение баланса их взаимодействия, способствовать искажению применения принципа разделения властей в целом. Например, в Кыргызской Республике Президент является главой государства, олицетворяет единство народа и государственной власти высшим должностным лицом Кыргызской Республики (статья 60 Конституции Кыргызской Республики), он использует право отлагательного вето, которое даёт возможность главе государства не подписывать закон с последующей передачей его на повторное рассмотрение парламента.

Конкретный правовой статус главы государства напрямую зависит от формы правления и характера политического режима, функционирующих в стране. Современные государства в качестве главы государства имеют либо выборного президента, либо наследственного монарха. При этом имеются редкие случаи замещения мо-

нархом своего поста на основе выборов (по этому пути пошли Малайзия и Объединённые Арабские Эмираты), другим исключением из общего правила являются некоторые страны Латинской Америки, Азии и Африки, где президент, замещающий пост главы государства, занял его не на основе и посредством выборов, а путём назначения военными кругами или иными политическими группировками в ходе проведения государственных переговоров.

Несмотря на то, что значительная часть развитых государств по-прежнему управляется единоличным главой государства в лице монарха, преобладающей тенденцией освободившихся от монархии государств является полный отказ от монархи, от наследственности при передачи государственной власти, замена монарха выборным президентом. Западноевропейские государства в лице Великобритании, Бельгии, Нидерландов, Дании, Швеции, Норвегии и ряда других в настоящее время сохраняют приверженность монархической форме правления. Своеобразие при этом имеет институт монархии в странах, являющихся бывшими доминионами, к их числу относятся Канада, Австралия, Новая Зеландия и др. Особенность института монархического главы государства здесь заключается в том, что с формальной точки зрения глава государства – британский монарх, который представлен генерал-губернатором, при этом национальное законодательство устанавливает условия назначения (избрания) и объём полномочий последнего, кроме того, они непосредственным образом зависят от расстановки политических сил в стране.

Если говорить об институте президентства, то следует отметить – конституционно-правовой статус президента в отдельно взятом государстве может обладать рядом значительных характерных особенностей по сравнению с другими странами, имеющими такую же форму правления. Указанные особенности прослеживаются в конституционных положениях государства. Так, например, согласно статье 56 Конституции Испании король выступает главой государства, символом единства, постоянства, арбитром и примирителем в постоянной деятельности учреждений, он осуществляет функции высшего представительства Испанского государства в рамках международных отношений и в особенности в рамках отношений с теми народами, с которыми Испанское государство связывает историческая общность, кроме того король выполняет и иные функции, предоставленные ему Конституцией и законодательством страны. В сравнение с приведёнными выше конституционными постановлениями Испании можно привести положения Конституции Швеции, кратко сформулированные в виде одной строки, гласящей, что главой государства является Король или Королева[1].

Зачастую конституционно-правовая регламентация института президента устроена исходя из возможности значительным образом менять объём властных полномочий глава государства в зависимости от реального соотношения политических сил в государстве, их расстановки в парламенте или в нижней палате парламента. Ярким примером тому служит Конституция Французской Республики. Она позволяет существенным образом влиять и изменять участие главы государства в ходе осуществления исполнительной власти. Это впадает в прямую зависимость от совпадения или не совпадения парламентского или президентского большинства, которое формулируется в ходе выборов депутатов и Президента Республики. Кроме соотношения политических сил в стране следующие факторы способны повлиять на то, каким же будет являться объём полномочий главы государства в системе органов государственной власти, – ценности, идеалы и представления о должной организации публичной власти, преобладающие в конкретно взятом общества, уровень и степень самостоятельности различных ветвей власти и их носителей в государстве.

Примером тому служат президентская республика Соединённых Штатов Америки и президентские республики в странах Латинской Америки. Институт президентства в них играет неодинаковую роль, потому имеет различное значение. Соединённые Штаты Америки отличаются тем, что в них судебная власть сильна и самостоятельна, сильный конгресс практически исключает возможность президента выйти за пределы полномочий, определённых в Конституции. Страны Латинской Америки имеют случаи умаления президентской властью прерогатив иных государственно-правовых институтов, нередко это происходит с целью утвердить превосходство исполнительной ветви власти среди прочих, особенно по отношению к законодательной. Однако могут встречаться ситуации острого соперничества президента и парламента. Здесь при перевесе на стороне парламента негативные последствия способны наступить в отношении президента, так он может быть привлечён к ответственности согласно процедуре, закреплённой в национальном законодательстве.

Рассмотрим роль Президента непосредственно в системе разделения властей в Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ [1. П. 2 ст. 80] в полномочия Президента входит контроль за функционированием ветвей власти, а так взаимодействие с ними. Данное определение говорит о гибкости ветвей власти. Такая формулировка полномочий отделят Президента от всех ветвей власти, но в то же время позволяет воздействовать на каждую. Согласно функциональному подходу, осуществляемся Президентов РФ деятельность более склонна к исполнительной ветви. Если же рассматривать деятельность Президента с точки зрения правового подхода, то он не может быть причислен ни к одной из ветвей власти. Президент выступает в роли арбитра между ветвями власти. Подобное мнение высказывал и российский правовед Г.Н. Чеботарев, он утверждал, что фактическое положение Президента РФ в системе разделения властей, его особые полномочие по координации всех ветвей государственной власти дают основания говорить о реальном существовании в Российской Федерации президентской власти как самостоятельной ветви[2].

[1] См.: Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтина. М., 2004. С. 212.

[2] См.: *Чеботарёв Г.Н.* Особенности реализации конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации на современном этапе // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2009. № 2. С. 16.

Таким образом, современная наиболее обобщённая трактовка понятия «президент» понимает под ним главу государства, обладающего после своего избрания широкой политической самостоятельностью и сосредотачивающего в своих руках верховную власть в стране. В теории допускается некоторая неточность в ходе применения понятий «институт президента» и «институт президентства» в качестве тождественных. На наш взгляд, наиболее верным является применение понятия «институт президентства» как понятия более широкого, включающего в себя понятие «институт президента». История установления президентской республики в Соединённых Штатах Америки, последующее внедрение института президентства в других странах являются весьма интересным опытом, важным для изучения. Именно опыт установления института президентства в Соединённых Штатах Америки можно называть базовым, но требующим дополнительной доработки и адаптации.

Ю.Е. Гольдман
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Т.Г. Тимакова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы осуществления финансового контроля в субъектах Российской Федерации. В числе выявленных проблем: отсутствие единой системы регулирования деятельности и функционирования контрольно-счетных органов субъектов; отсутствие оптимальных мер к нарушителям законодательства по вопросам контроля и др. Предложены методы решения обозначенных проблем.*

Ключевые слова: *финансовый контроль, система финансового контроля, Счетная палата.*

В сложившихся непростых экономических реалиях, которые обусловлены изменчивыми ценами на средства производства, рестриктивным режимом, связанным с пандемией, вводимыми санкциями со стороны ряда европейских стран и США в отношении России, вопросы гарантированности финансового контроля получают обостренную значимость и актуальность для дальнейшей стабилизации экономики в стране и скорейшего выхода из кризисной ситуации. Успешное действие системы финансового контроля представляется немаловажным условием для защиты экономической безопасности страны. В связи с этим представляется разумным проанализировать наиболее важные аспекты функционирования системы финансового контроля в субъектах РФ.

Сам термин финансового контроля в настоящее время не имеет законодательно закрепленного обоснования своего содержания. Но, несмотря на это, ряд ученых-правоведов и авторов научных исследований дают различные дефиниции финансового контроля. Так, например, по мнению Н.И. Химичевой, «это контроль за законностью и целесообразностью действий при образовании, распределении и использовании денежных государственных и муниципальных фондов в целях эффективного социально-экономического развития страны в целом и ее регионов»[1]. Шепелева Д.В. рассматривает финансовый контроль в качестве устойчивой системы средств организационной деятельности, которая обращена на гарантированное следование нормам финансового законодательства, предупреждение и пресечение преступлений, связанных с хищением или нецелевым расходованием бюджетных средств[2].

Говоря о системе органов субъектов РФ, обратимся к Федеральному закону № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований» (далее Федеральный закон № 6-ФЗ), принятом в 2011 г., основная цель которого заключается в создании общих методов деятельности, и реализации первостепенных задач контрольно-счетных органов субъектов РФ и её муниципальных образований. В соответствии с названным Федеральным законом наименование, цели, задачи, состав и порядок функционирования контрольно-счетного органа субъекта определяется согласно с конституцией (уставом) или законом соответствующего субъекта[3]. В числе таких органов могут присутствовать Счетная палата субъекта, финансовый орган и казначейство субъекта, контрольно-ревизионное управление, региональное таможенное управление, управление федеральной налоговой службы и проч. Помимо этого, на региональные органы финансового контроля могут распространяться контрольные полномочия Счетной палаты России, если деятельность, которую они осуществляют, связана с федеральной собственностью, федеральными внебюджетными фондами и федеральным бюджетом[4].

Уже на этапе рассмотрения правовой базы по регулированию организации и деятельности контрольно-счетных органов, мы можем заметить отсутствие дефиниции «регионального финансового контроля», его концепции и четкой структурированности. И, несмотря на широкий перечень нормативных документов (Конституция РФ; Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и ис-

[1] См.: *Химичева Н.И.* Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.

[2] См.: *Белянская О.В., Шепелева Д.В.* Особенности выражения и реализации принципов бюджетного контроля // Legal Bulletin. 2019. Т. 4. № 2. С. 7–14.

[3] См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (с изменениями и дополнениями). URL: https://duma.consultant.ru/page.aspx?1544733 (дата обращения: 16.04.2022).

[4] См.: *Химичева Н.И.* Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.

полнительных органов государственной власти субъектов РФ; Бюджетный кодекс; конституции (уставы), законы и иные нормативно-правовые акты субъектов РФ), в современной России отсутствует единый кодекс, который мог бы отлажено регулировать единое функционирование контрольно-счетных органов всех субъектов Федерации.

В настоящее время слабо развит механизм взаимодействия органов финансового контроля между собой, а также органов внешнего и внутреннего контроля. Помимо этого, ввиду отсутствия у внешних органов государственного финансового контроля властных полномочий, эффективность контроля снижается. В цепочке реализации их решений появляется дополнительное звено – правоохранительные органы. Это, в свою очередь, порождает определенные проблемы в совместной работе органов госфинконтроля и правоохранительной деятельности. В частности между ними плохо функционирует информационный обмен данными по проводимым проверкам и их результатам. Чем больше участников в цепи, тем сложнее управлять процессом и донести весь объем собранного и обработанного материала в «конечный пункт». Из-за этого замедляется процесс поступления штрафов, пеней, являющихся одним из источников дохода бюджета страны[1]. Вследствие существующей разобщенности в действиях субъектов финансового контроля, имеющих разную ведомственную подчиненность, не является исключением дублирование их отдельных функций

Обращаясь к опыту организации финансового контроля в зарубежных странах с развитой экономикой, можно заметить следующую тенденцию. В ряде стран, таких как, например, Великобритания и Германия, система муниципального и государственного финансового контроля образована в качестве целостной системы, выстроенной на единых стандартах и принципах. Унификация является условием обеспечения структурного взаимодействия субъектов всех уровней государственного финансового контроля; формирует координационно-методическую базу их специализации и кооперирования; осуществляет профессионально-интегративную функцию, объединяющую работников органов государственного финансового контролирования.

Не менее значимой проблемой является наличие коллизионных норм действующего законодательства в сфере административных правонарушений. Так, ст. 19.7 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за непредставление или несвоевременное предоставление документов в государственный орган (должностному лицу), осуществляющему государственный финансовый контроль, однако санкции за данный вид правонарушений установлены в виде предупреждения или наложения административного штрафа на должностных лиц – от трехсот до пятисот рублей; на юридических лиц – от трех тысяч до пяти тысяч рублей[2]. Таким образом, объекты финансового контроля зачастую уклоняются от предоставления соответствующих документов, т.к. санкции за данный вид правонарушений гораздо меньше, нежели установленная сумма нарушений, подлежащая возврату в федеральный бюджет. В связи с этим необходимо обоснованное ужесточение административной и уголовной ответственности за правонарушения в бюджетной сфере.

Другим немаловажным вопросом остается проблема подготовки сотрудников для органов контроля. Это связано с непрерывным улучшением законодательной базы; многообразием существующих преступлений и правонарушений в сфере экономики, возникновением новых методик реализации злоупотреблений в области финансов; потребностью применения при проведении контрольных мероприятий современных информационно-аналитических систем и технологий. Для этого необходима выработка совокупности мер и методов постоянного улучшения знаний сотрудников, их квалификации. Также в совершенствовании профессионализма сотрудников контрольных органов значимую роль сыграет их участие в различных учебных и научно-практических мероприятиях.

Таким образом, реализация деятельности субъектов государственного финансового контроля определена происходит с наличием значительных недостатков, что отрицательно влияет на показатели эффективности ключевых органов государственной власти, осуществляющих внутренний и внешний финансовый контроль. Отсутствие единой законодательной базы, определяющей место и статус каждого органа государственного финансового контроля порождает множество проблем в процессе осуществления контрольно-ревизионных мероприятий, отражения статистических данных и т.д. В настоящее время первоочередным этапом развития системы государственного финансового контроля, на мой взгляд, должна стать разработка Федерального закона «О государственном финансовом контроле».

Осуществление предложенных мер совершенствования работы органов государственного финансового контроля в совокупности с принятием соответствующего Федерального закона будет способствовать значительному повышению эффективности обнаружения, пресечения правонарушений в сфере бюджетных правоотношений.

[1] См.: *Эриашвили Н.Д.* Финансовое право: учебник. / перераб и доп. М.: Гриф НИИ, 2019.

[2] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 16.04.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34661/ (дата обращения: 16.04.2022).

В.В. Горобец
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Покачалова
д.ю.н, профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НАЛОГ НА САМОЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация: *с 2019 г. в России начал действовать специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». В статье анализируются промежуточные итоги его применения в регионах Российской Федерации, а также проводится сравнение с подобными налоговыми режимами в других странах.*

Ключевые слова: *самозанятость, налог на профессиональный доход, налоговый режим.*

При реализации фискальной функции в каждом государстве возникает острая проблема – наличие высокого процента теневого сектора экономики, из-за которого бюджеты недополучают существенную часть денежных средств. Это говорит о низкой эффективности налоговой политики в государстве. Так, по расчетам экспертов Росстата и Росфинмониторинга в 2018 г. объем теневой экономики России составил 20,7 трлн руб., что составляет около 20 % ВВП РФ[1]. В связи с этим появляется необходимость создания условий, позволяющих снизить процент граждан, работающих в «тени» и не декларирующих свои доходы в налоговых органах.

Одной из таких мер является принятие в 2018 г. Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [2]. Закон закрепил такую категорию граждан, как плательщики налога на профессиональный доход, или самозанятые, как их обозначили в СМИ, а также установил новый специальный налоговый режим, который должен помочь государству в борьбе с теневой экономикой.

Само понятие «самозанятый» не обозначено ни в одном нормативно-правовом акте, что говорит об отсутствии в Российской Федерации законодательно закрепленного статуса самозанятых. Однако данное определение все же можно обнаружить в ГОСТ 12.0.004-2015. «Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения»[3]. Так, самозанятое лицо – это человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства.

Внедрение специального налогового режима в форме эксперимента уже показывает достойные результаты. Так, по данным Федеральной Налоговой Службы на 30.09.2021 количество лиц, зарегистрированных в качестве самозанятых, составляет 3 168 286 человек[4]. Исследуя отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики проведения эксперимента по внедрению налога на профессиональный доход»[5] на 2020 год, подготовленный Счетной палатой РФ, можно обнаружить положительную динамику и в вопросе поступления в бюджет налогов от применения НПД.

Так, общая сумма дохода, заявленная плательщиками НПД в 2019 г., составила более 44 миллиардов рублей. Наилучшие результаты прослеживаются в Москве и Московской области – в совокупности они принесли 88.9 % всего дохода. В Республике Татарстан общая сумма дохода составила чуть больше 4 миллиардов рублей, в Калужской области – 780 миллионов рублей, что равняется 1.8 % всего дохода.

С 01.01.2020 г. Федеральный закон 422-ФЗ распространяет свое действие на большее количество регионов – граждане из 19 регионов также получили возможность перейти на специальный налоговый режим. И за первое полугодие 2020 г. можно обнаружить, что в 19 субъектах РФ, в которых НПД введен с 1 января 2020 г., сумма дохода составила 13 603 902,3 тыс. рублей (23,9 %), в то время как общая сумма дохода со всех регионов равна 56 853 470,3 тыс. рублей.

Соответственно, общая сумма исчисленного налога на профессиональный доход в 2019 г. составила 1 725 023,2 тыс. рублей, что не может не говорить об эффективности проводимого эксперимента. Кроме того, т.к. в Фонд обязательного медицинского страхования удерживается 37 % с суммы налога, прирост поступлений в данный Фонд составил 1 067 млн рублей.

Что же из себя представляет налог на профессиональный доход и почему он пользуется популярностью среди граждан, работающих на «себя»?

Прежде всего, это простота регистрации. Гражданин, желающий стать самозанятым, может встать на учет без посещения налогового органа, используя приложение «Мой налог». Кроме того, самозанятые не обязаны предоставлять отчетность или самостоятельно рассчитывать налог. Нельзя не сказать о низких процентных ставках: если гражданин «работает» с физическим лицом, ставка будет равна 4 % от полученного дохода, если с индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом – 6 %.

Однако несмотря на удобство и простоту применения налогового режима, существуют и свои нюансы. Так, на-

[1] См.: *Левшукова О.А., Петров Н.Р., Копнина А.И.* Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Вестник Академии знаний. 2019. № 3 (32). С. 162–167.

[2] См.: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СЗ РФ. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7494.

[3] См.: ГОСТ 12.0.004-2015. «Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения» (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.06.2016 № 600-ст) // Официальные документы в образовании. № 36. 2016.

[4] См.: Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 01.11.2021).

[5] См.: Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики проведения эксперимента по внедрению налога на профессиональный доход». URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/8a8/8a81af65e339601a99046d58a3540a69.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

пример, самозанятому не начисляется страховой стаж, они не могут нанимать работников и заниматься определенными видами деятельности. А т.к. самозанятые не платят страховые взносы, они не имеют права получать пособия при наступлении страхового случая. Это негативно сказывается и на получении денежных средств Пенсионным фондом РФ, а также ФСС РФ. По информации ФНС России, расчетный размер потерь Пенсионного фонда РФ в 2019 г. от введения специального налогового режима НПД составил 1 866 млн рублей, Фонда социального страхования РФ – 74 млн рублей.

Как функционирует подобный налоговый режим в других странах? Можно обнаружить, что многие государства используют прогрессивную шкалу налогообложения. Такая система применяется, например, в Германии (процентные ставки начинаются от 14 %), Южной Корее (от 8 %), Австралии (от 19 %) и Польше. Кроме того, в некоторых странах граждане обязаны платить дополнительно взносы за медицинскую страховку (Германия, Австралия). В США, например, такой взнос уже входит в налог на самозанятость (он составляет 15.3 % от дохода, 2.9 % из них – медстраховка)[1].

Такой высокий уровень налогов может быть обусловлен относительно небольшим размером налога на добавленную стоимость. Например, в Канаде он составляет 10 %, в то время как в России – 20 % (за некоторыми исключениями).

Также интересно то, что в Германии налог на самозанятость не уплачивается, если лицо заработало менее 8 тысяч евро за год, в Кипре от необходимости уплаты налогов освобождаются те, кто получает менее 20 тысяч долларов в год, а в Канаде – при доходе менее 7 500 долларов в год. В России же власти пытаются обложить налогом всех самозанятых, невзирая на их доход и на доход, приходящийся на одного человека в семье[2].

Подводя итог, следует сказать, что в России налог «на самозанятость» – достаточно молодое явление, которое требует дальнейшего регулирования. На данный момент видно, что в России в сравнении с рассмотренными странами ставки налогообложения меньше. Однако в Федеральном законе № 422-ФЗ отсутствуют какие-либо положения в части обеспечения самозанятых государственными гарантиями социальной защиты и иные меры стимулирующего характера, а это вызывает сомнение, что он будет способствовать легализации самозанятых в той мере, в какой было задумано при внедрении специального налогового режима[3].

[1] См.: Как устроена самозанятость в разных странах. URL: https://самозанятые.рф/самозанятость-в-разных-странах (дата обращения: 12.04.2022).

[2] См.: *Солодкая М.С.* Тенденции развития самозанятости и модели налогообложения самозанятых: международный опыт и российские перспективы // Труды оренбургского института (филиала) московской государственной юридической академии. 2018. № 35. С. 45–49 .

[3] См.: *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60–85.

К.Н. Горяевский
ПИУ имени П.А. Столыпина –
филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Саратов.
Научный руководитель: М.В. Пресняков
д.ю.н., профессор ПИУ имени П.А. Столыпина –
филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Саратов

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: *в статье исследуются дискуссионные подходы к теоретической разработке понятия, сущности и структуры антикоррупционной правовой политики.*

Ключевые слова: *правовая политика, методология, научная теория, деятельность, юридическая наука, правовое развитие.*

Противодействие преступлениям коррупционной направленности представляется одним из важных видов публичной политики – антикоррупционной политики, являющейся комплексом методичных мер, осуществляемых на высшем государственном уровне. Допускающих вовлечение в их реализацию представителей власти, бизнеса и гражданского общества. Антикоррупционная политика представляет собой деятельность, сориентированную на создание действенной системы противодействия коррупции.

По своему содержанию антикоррупционная политика – это разработка и осуществление многоплановых и поочередных мер государства и общества по минимизации факторов и условий, порождающих и питающих коррупцию в различных сферах жизни. Учитывая, что коррупционные преступления без непрерывного противодействия ей имеет свойство повышаться и мимикрировать, необходимо, чтобы в ближайшее время имелась антикоррупционная функция государства как одно из направлений реализации его базисных задач. Исходя их этого речь идет как о создании механизмов, дозволяющих понизить масштабы коррупции в краткосрочном (тактическом) плане, так и о выработке и проведении продолжительной (стратегической) линии по ограничению коррупции в государстве и обществе.

Главная задача антикоррупционной политики заключаете в сокращении уровня коррупции и обеспечение охраны прав и законных интересов граждан, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией, путем реализации следующих задач:

- предупреждения коррупционных правонарушений;
- обеспечения ответственности за коррупционные правонарушения во всех случаях, прямо предусмотренных соответствующими нормативными правовыми актами;
- возмещения вреда, причиненного коррупционными правонарушениями;
- мониторинга коррупциогенных факторов и эффективности мер антикоррупционной политики;
- формирования антикоррупционного общественного сознания;

• содействия правовой реформе, направленной на снижение неопределенности правовых установлений и ограничение необоснованной свободы усмотрения правоприменителей;

• содействия реализации прав граждан и организаций на доступ к информации о фактах коррупции и коррупциогенных факторах, а также на их свободное освещение в средствах массовой информации;

• создания правового механизма, препятствующего подкупу граждан при проведении референдума и выборов в органы государственной власти и местного самоуправления;

• создания стимулов к замещению государственных должностей, должностей государственной и муниципальной службы неподкупными лицами.[1]

Принципами антикоррупционной политики являются:

• партнерство субъектов формирования и реализации мер антикоррупционной политики;

• приоритет мер предупреждения коррупции и нравственных начал борьбы с коррупцией;

• недопустимость установления антикоррупционных стандартов ниже уровня, определенного федеральными законами;

• недопустимость объединения функций разработки, реализации и контроля за реализацией мер антикоррупционной политики;

• поддержание оптимальной численности лиц, замещающих государственные должности, и лиц, состоящих на государственной и муниципальной службе;

• целевое бюджетное финансирование мер антикоррупционной политики, применяемых органами государственной власти и местного самоуправления и их учреждениями;

• признание повышенной общественной опасности коррупционных правонарушений лиц, замещающих должности, предусмотренные Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, конституциями или уставами субъектов РФ;

• недопустимость установления привилегий и иммунитетов, ограничивающих ответственность или усложняющих порядок привлечения к ответственности лиц, замещающих государственные должности, должности государственной, муниципальной или иной службы, совершивших коррупционные правонарушения;

• недопустимость ограничения доступа к информации о фактах коррупции, коррупциогенных факторах и мерах антикоррупционной политики.[2]

Стоит упомянуть данные уровни антикоррупционной политики, учитывающие структурную организацию общества.

В публичной сфере:

1) в государственном секторе – в органах власти и в иных государственных организациях, действующих в отраслях и сферах государственного управления;

2) в сфере местного самоуправления – в органах и организациях системы местного самоуправления.

В сфере корпоративных интересов:

1) в деловой сфере – предпринимательском сообществе (союзы промышленников и предпринимателей).

Полагаясь на тот фак, что коррупционные правонарушения представляются социально-правовым, криминальным явлением, а задачами уголовной политики представляется борьба с преступностью, стоит отметить, что антикоррупционные меры, исполняемые органами внутренних дел, входят в большинстве в сферу реализации уголовной политики[3].

Ключевым в содержании уголовной политики представляется установление стратегических и тактических проблем использования уголовного законодательства в борьбе с преступностью. Ведущая цель уголовной политики содержится в том, чтобы достигнуть предельно возможного контроля государства и общества над преступностью[4]. Российская Федерация в сфере противодействия коррупции опирается на определенных принципах и обладает свои особенности, отличающие ее от иных направлений государственной политики в борьбе с преступностью.

Ниже приведен анализ разборки анализа работы уголовной политики в сфере противодействия коррупции в России, он основывается на данных показателях:

• качества законов, целостности законодательного регулирования и непротиворечивости законов, принимаемых для обеспечения механизмов осуществления государственной и муниципальной власти в Российской Федерации;

• ответственности власти за качество принимаемых законов и их применение;

• системности деятельности государственных органов по борьбе с должностными преступлениями и коммерческим подкупом;

• максимально возможного снижения коррупционной преступности[5].

Преступления коррупционной направленности являются одной из глобальных проблем современности, и даже несмотря на радикальные меры по борьбе с этим злом, уровень коррупционных проявлений в целом по стране и в частности в органах внутренних дел остается довольно высоким. Негативное влияние на данные процессы проявляет и отток из органов внутренних дел квалифицированных кадров.

Коррупционные преступления рушат деятельность государства и общества по наведению порядка в стране, обеспечивай должного уровня жизни граждан, сможет привести к необратимой дезорганизации правительственного управления, если не произойдет заметных позитивных изменений в борьбе с коррупцией.

---

[1] См.: *Власов И.С., Кошаева Т.О., Найденко В.Н. и др.* Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.И. Спектор. М., 2012. С. 52–72.

[2] См.: *Астанин В.В.* Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис…д-ра юрид наук. М., 2009. С. 165.

[3] См.: Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2010.

[4] См.: *Бикеев И.И., Кабанов П.А.* Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. С. 178–188.

[5] См.: *Астанин В.В., Стороженко И.В., Санатин В.П.* Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования) // Мониторинг правоприменения. 2012. С.12–24.

Коррупция является неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства. Именно коррупция в государственном аппарате, органах государственной власти сегодня представляет реальную угрозу национальной безопасности[1].

Статистика приведенная ВЦИОМ говорит о том, что уровень коррупции в бизнесе – платы предпринимателей за преодоление административных барьеров – в среднем по России составляет около 10 %. Этим является плата предприятия с выручки ради того, чтобы существовать, не учитывая налоговых проблем. В разных территориальных образованиях эти отчисления разнятся. Существуют регионы, где сравнительно незначительная плата (приближается к 1–2 %), а есть некоторые регионы, где эта отметка достигает 25 и 30 %[2]

В Послании Президента РФ к Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. Коррупционные преступления являются одними из основных барьеров на пути формирования государства. Очевидно, что противодействие с ней должно быть по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем, до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым, проявлениям данного общественного зла.[3]

Для успешной борьбы с коррупцией каждая сфера государственного управления, в том числе деятельность органов гос. Власти, судов и судейского сообщества обязана стать открытым для общества. Как раз на это направленны соответствующие законы о открытости государственных органов и об обеспечении допуска к информации о работе судов. Вся проделанная работа будет содействовать и преодолению правового нигилизма.

А.Р. Гумиров
ФГБУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Е. Федюнин
д.ю.н., доцент, ФГБУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРОЧНОЙ КАССАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *судебная реформа 2019 г. произвела ряд значимых изменений, затрагивающих теоретические и практические основы уголовного судопроизводства, в том числе была введена выборочная кассация. Данное нововведение имеет ряд не только положительные, но и отрицательные стороны, которые влияют на практическую и теоретическую деятельность.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, выборочная кассация.*

Судебная реформа 2019 г. привнесла ряд значительных изменений как в саму структуру системы судов общей юрисдикции, так и привнесла нововведения в самом осуществлении судопроизводства. Данная реформа является второй значимой вехой в изменении системы судов после упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ. Изменения, что привнесло с собой реформирование, коснулись всех отраслей деятельности, которые связанны с системой судов общей юрисдикции. Изменилось гражданское, административное судопроизводства. В том числе уголовное судопроизводство и судопроизводство по делам об административных правонарушениях.

В ходе изменений кассационное судопроизводство разделилась на два самостоятельных вида – на сплошную и выборочную кассацию.

Под сплошной и выборочной кассацией законодатель проводит четкое разделение. Одним из основных отличий, является обязательность рассмотрения жалобы в судебном заседании. «… статьей 413 УПК РФ предусмотрены два порядка производства в суде кассационной инстанции: с назначением судебного заседания суда кассационной инстанции без предварительного решения судьи о передаче кассационных жалобы, представления для их рассмотрения в судебном заседании (далее – порядок сплошной кассации) и с предварительным решением судьи о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (далее – порядок выборочной кассации).»[4].

На наш взгляд наиболее интересным представляется в рамках исследовательского процесса изучения выборочной кассации, поскольку ее введение стало камнем преткновения для многих ученых-исследователей. Также, по нашему мнению, действующие производство в рамках выборочной кассации породило ряд определенных затруднений и противоречий в теоретических основах уголовного судопроизводства и практической работы.

Для начала, стоит указать на то, что в соответствии с действующим законодательством срок обжалования установлен только для сплошной кассации. «Кассационные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в порядке, предусмотренном статьями 401.7 и 401.8 настоящего Кодекса, могут быть поданы в течение шести месяцев со дня вступления в законную силу приговора или иного итогового судебного решения, а для осужденного, содержащегося под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копии такого судебного решения, вступившего в законную силу.»[5].

---

[1] См.: *Атагимова Э.И. Макаренко Г.И.* Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2015. С. 64–68.

[2] См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения: Официальный сайт. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/vnutrennjaja-politika/komjpcija/ntype/2/browse/l.html?no_cache=l&L%5B0 %5D=l (дата доступа: 23.11.2009).

[3] См.: Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979 (дата доступа: 23.11.2009).

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (в ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного суда Российской федерации. 2019. № 19.

[5] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (в ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного суда Российской федерации. 2019. № 19.

Однако для выборочной кассации срок не установлен. «В случае пропуска срока, установленного частью четвертой настоящей статьи, или отказа в его восстановлении кассационные жалоба, представление на приговор или иное итоговое судебное решение подается непосредственно в суд кассационной инстанции и рассматривается в порядке, предусмотренном статьями 401.10-401.12 настоящего Кодекса.»[1].

Возникает резонный вопрос, а не находится ли в данной новелле риск злоупотребления своими правами среди лиц, подающих кассационную жалобу? В данном случае единого мнения среди исследователей не наблюдается. Так например: «Рассматривая вопросы регламентации и реализации ныне действующей модели кассационного производства законодатель организовав процесс по разграничению различных видов производств (кассационного и апелляционного), ввёл «барьеры» к пересмотру обжалуемых в кассационном порядке повторно судебных решений в Верховный Суд РФ, но в то же время ушел от таких «барьеров» при первоначальном обжаловании, считая, что этим самым позволит широким массам иметь доступ к кассации, чтобы защитить их права. По нашему мнению, законодатель на сегодняшний день нашел баланс для кассационного производства между сочетанием принципов правовой определенности и правом на судебную защиту.»[2]. Однако, по нашему мнению, данное положение приводит к излишней лояльности по отношению к подающим жалобу лицам, которые зачастую злоупотребляют своими правами в ущерб другим и системе правосудия в целом.

Также, отсутствие сроков обжалование приводит к нарушению принципа res judicta. В соответствии с данным положением: «окончательное решение полномочного суда, которое вступило в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено. В современном международном праве это положение закреплено в Статуте Международного суда ООН»[3].

Согласно мнению некоторых ученых исследователей отсутствие сроков обжалования приводит к нарушению данного положения. Так: «Исходя из приведенных позиций, можем ли мы сказать, что неустановленный срок обжалования для кассации является нарушением фундаментального принципа res judicata? Да, можем. По мнению Е.А. Борисовой, например, содержание принципа res judicata заключается в том числе и в том, что пересмотр «окончательных» решений, когда он допустим, должен быть ограничен предельным сроком.»[4]. Таким образом, автором прямо указывается на необходимость введения сроков обжалования для выборочной кассации.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать что, не смотря на желание законодателя сохранить баланс между различными правовыми положениями, целесообразностью имеется ряд определённых негативных черт, которые могут привести к нарушению системы отправления правосудия. Так же существует определенная противоречивость при подаче жалоб по уголовным делам в Европейский Суд по правам человека. Согласно позиции ЕСПЧ, в случае, если жалоба должна рассматриваться в порядке сплошной кассации, то для принятия на рассмотрения данным судом необходимо осуществить пересмотр судебного акта в рамках кассационного производства. Однако, касательно выборочной кассации ЕСПЧ не распространялся, является ли обязательным обращение в кассационную инстанция для дальнейшего обжалования.

Таким образом, представляется, что в действующей редакции данные положения необходимо дорабатывать, поскольку в связи с применением положений о современной сплошной кассации существует большие противоречия и различные трудности как для теоретической сферы, так и для практического применения данных дефиниций в ходе отправления правосудия.

[1] См.: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

[2] См.: *Хаснутдинов Р.Р., Головачев Ю.А.* Новый порядок кассационного обжалования уголовному судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2 (57). С. 220–224.

[3] См.: *Вишневский Г.А.* Действие принципа res judicata как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76–84.

[4] См.: *Алексеева Т.М.* Новая кассация и принцип правовой определенности в уголовном судопроизводстве // StudNet. 2021. № 1. С. 96–107.

Д.А. Гурьянова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Покачалова
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО И ЧАСТНОПРАВОВОГО В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Аннотация: *в статье исследуются особенности разграничения публичного и частного в рамках правового регулирования страхования, а также определяется его место в системе российского права. На основе развития истории страхования проводится анализ соотношения публично-правовых и частноправовых начал в страховании.*

Ключевые слова: *публично страхование, частное страхование, правовое регулирование страховых отношений, история.*

Страхование в современном мире представляет собой наиболее значимую область общественных отношений. Данный тезис подтверждает необходимость единообразного регулирования правоотношений в области страхового дела. Однако, на практике нередки случаи, когда возникают спорные ситуации относительно четкого разграничения частного и публичного в данной сфере.

Следует отметить, что история развития института страхования уходит корнями глубоко в прошлое. Первые упоминания касаются страховой взаимопомощи или, как еще называют, взаимного страхования. Данная

форма является исторически первой формой организации страховой защиты, которая по мнению В.Н. Дадькова и К.Е. Турбиной «со значительным опережением предшествовало коммерческому в его современном виде»[1]. Простейшая форма взаимного страхования в виде создания товариществ взаимопомощи уже была известна во времена правления вавилонского царя Хаммурапи, впоследствии и греками в период правления Александра Македонского начали создаваться «не только взаимные, но и акционерные страховые общества»[2]. Анализ древнерусской литературы позволил прийти к выводу, что впервые о страховании можно говорить в контексте возмещения вреда общиной в случае убийства, – такая возможность содержалась в Русской Правде[3]. О страховании в собственном смысле слова начали говорить в XIV в., связывая его с деятельностью коммерческих страховых организаций, а в дальнейшем разнообразных предприятий и обществ. В дореволюционной России активно проблематикой страхового права занимались такие авторы, как И.И. Степанов[4], С.Е. Лион[5], В.Р. Идельсон[6] и др. Так, в своих исследованиях Лион обозначал, что Италия – это родина страхования, а его первым видом считалось морское страхование. Первоначально предметом по данному виду страхования выступали различные физические вещи, а впоследствии – и имущественные интересы. О.А. Ноткин, также являющийся одним из видных исследователей того времени, говорил о схожести развития страхования в России и Европе. В таком случае не приходится говорить о самобытности развития данного института в нашей стране, т.к. мы многое перенимали от Запада: «сначала появилось морское страхование, затем страхование имущества от огня, позже страхование посевов от града и скота от падежа»[7].

Приведенный выше анализ становления института страхования позволил прийти к выводу о том, что исторически в его основу были заложены частноправовые начала, т.к. первое время защищались исключительно имущественные права и интересы.

Несмотря на то, что в большинстве научных работ исследуется проблематика частного страхования, на мой взгляд, в контексте современных условий развития государства и потребностей, которые диктует нам общество, необходимо уделить особое внимание изучению именно публичной составляющей страхования.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к трудам специалистов в области финансового права. Так, свою научную деятельность посвятили изучению вопросов регулирования страхования с финансово-правовой точки зрения такие выдающиеся представители Саратовской школы финансового права, как: Е.В. Покачалова, А.С. Покачалова, С.В. Косоногова, А.Ю. Рыбкова.

Наиболее весомый вклад в развитие науки о финансах страхования внесла Е.В. Покачалова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского, таможенного права имени профессора Н.И. Химичевой. Она указывает на то, что регулирование страхования финансовым и гражданским правом предопределено сложным характером взаимоотношений, возникающих в его рамках: «гражданское право регулирует договорные отношения в этой области (гл. 48 ГК РФ), финансовое право – отношения, основанные на государственно-властных велениях. Нормы финансового права определяют систему и организацию страхования, его виды, порядок обязательного страхования, лицензирование страховой деятельности, обеспечение финансовой устойчивости организаций-страховщиков, а также осуществление государственного контроля и надзора за страховой деятельностью»[8]. Также Елена Вячеславовна говорит о том, что «организация обязательного социального страхования, так же как и организация страхового дела в России полностью регламентированы государством и является в настоящее время институтом финансового права»[9]. По ее мнению, такой вывод относительно обязательного социального страхования может быть сделан на основе анализа норм Гражданского кодекса, также это подтверждается в ходе рассмотрения специальной юридической литературы, где авторами новых учебных пособий по финансовому праву предлагается включение в раздел о страховании вопросов социального страхования.

Исследованием частноправовых аспектов социального страхования занимается А.С. Покачалова. В своей кандидатской работе Анна Сергеевна рассматривала с позиций гражданского права договор об обязательном пенсионном страховании, в нем она акцентировала внимание на возросшем интересе к вопросам «разграничения сфер частноправового и публично-правового»[10].

Приведенные ранее выводы поддерживают и следующие ученые. Так, по мнению С.В. Косоноговой, организация страхования также является самостоятельным институтом финансового права и комплексным институтом российского законодательства[11]. Диссертационное исследование А.Ю. Рыбковой было направлено на «разработку концептуальных основ финансово-правового регулирования организации страхового дела и страхового надзора в Российской Федерации»[12]. Проделанная Аленой Юрьевной работа расширила взгляд на формирование представлений об институте страхования.

---

[1] См.: *Турбина К.Е.* Взаимное страхование / под ред. К.Е. Турбиной, В.Н., Дадькова. М.: Анкил, 2007.

[2] См.: *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947.

[3] См.: *Рыбников С.А.* Очерки истории страхования в России // Вестник государственного страхования. 1927. № 19/20. С. 31–42.

[4] См.: *Степанов И.И.* Опыт теории страхового договора. Казань: Унив. тип., 1875.

[5] См.: *Лион С.Е.* Договор страхования по русскому праву. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1892.

[6] См.: *Идельсон В.Р.* Страховое право, курс лекций в С.-Петербургском Политехническом институте в 1907 г. М.: Анкил, 2001.

[7] См.: *Ноткин О.А.* Страхование имуществ по русскому законодательству / под ред. А.Я. Антоновича. Киев: Тип. А. Давиденко, 1888.

[8] См.: Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2020.

[9] Там же. С. 631.

[10] См.: *Покачалова А.С.* Договор об обязательном пенсионном страховании: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юр. наук. Саратов, 2014.

[11] См.: *Косоногова С.В.* Финансово-правовое регулирование организации страхования в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юр. наук. Саратов, 2008.

[12] См.: *Рыбкова А.Ю.* Организация страхового дела и страхового надзора в Российской Федерации как объекты финансово-правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2019.

Достижение подобных целей не только в рамках науки, но и в государственных масштабах позволило бы усовершенствовать законодательство в области финансовых отношений, а также повысить качество правоприменительной практики.

Если говорить об ошибках правоприменителя, то еще в начале прошлого десятилетия нередки были случаи, когда судьи при решении споров не могли однозначно отнести те или иные страховые правоотношения, возникшие между сторонами, к частноправовым либо к публично-правовым. Примером подобного противоречия может служить дело № 2-2481/2013, которое было рассмотрено Тверским районным судом города Москвы по иску О.Б. Христенкова к ОАО «Чрезвычайная страховая компания» о взыскании недоплаченной страховой выплаты и штрафа.

Найти подтверждение вышеперечисленным позициям можно и в трудах А.С. Емельянова[1]. Так, по его мнению, существуют объективные и субъективные обстоятельства, обуславливающие актуальность изучения финансово-правовой основы страховых отношений. Позиция ученого подкрепляется тем, что данный институт сосредотачивает в себе интересы населения, организаций и государства. В связи с чем представляется необходимым создание эффективно действующей нормативно-правовой базы, а также решение вопроса о том, какими отраслями права и в каком объеме будет урегулировано страхование.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что на протяжении всей истории своего существования институт страхования вызывал пристальный интерес со стороны научного сообщества. Данное обстоятельство породило многообразие мнений: одни ученые рассматривают страхование, в частности и добровольное, исключительно в рамках отраслей публичного права, другие изучают данный институт в качестве области гражданского регулирования. Спорной видится и ситуация, возникающая при правовом регулировании отношений в области страхования: применяется и специализированное законодательство, созданное в целях систематизации, координации и упорядочения соответствующих отношений; и положения Гражданского кодекса (48 глава) и заключенные на его основе договоры, регламентирующие корреспондирующие права и обязанности сторон страховых отношений; и созданные для обеспечения государственных гарантий для определенных категорий граждан нормативно-правовые акты. В конечном итоге, такое разнообразие в нормативно-правовом регулировании приводит к тому, что для судей представляется затруднительным правильно выбрать норму, которая смогла бы разрешить возникший казус.

В заключении хотелось бы добавить, что несмотря на усиление публично-правовой составляющей и влияние именно финансового права на развитие страховых отношений, было бы несправедливо говорить о превалировании в регулировании данных отношений частных (гражданских), либо публичных (финансовых) начал. Ведь сама сущность и история развития института страхования говорит о том, что для данной категории характерен разумный баланс обоих интересов.

[1] См.: *Емельянов А.С.* Страхование в финансовом праве // Публично-правовое регулирование экономических отношений. 2010. № 2. С. 327–357.

А.Е. Гучинова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.Н. Липкина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

Аннотация: *в представленной статье рассмотрены основные формы взаимодействия коммерческого арбитража и внутригосударственных судов. Были проанализированы проблемы в сфере их сотрудничества при помощи обзора сложившейся практики по наиболее значимым вопросам, связанным с признанием и исполнением решений международного коммерческого арбитража.*

Ключевые слова: *международный коммерческий арбитраж, суд, арбитрабельность, признание и приведение в исполнение решения международного коммерческого арбитража.*

Развитие института коммерческого арбитража обусловлено усилившейся в последние десятилетия глобализацией экономики, развитием мировой торговли, усилением роли ТНК. Вслед за этим в науке и практике возникают проблемы, связанные с сотрудничеством международных коммерческих арбитражей (далее – МКА) и внутригосударственных судов, в частности, проблемы разграничения их компетенции, признания и исполнения арбитражных решений.

Несмотря на наличие закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», главной целью которого было решение существующих проблем (компетенции арбитров, деятельности постоянных арбитражных учреждений и др.), а также постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором даются разъяснения в отношении выполнения судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража, в указанной области правоотношений все еще наблюдаются сложности как в правоприменительной практике, так и в самом законодательстве.

Так, взаимодействие внутригосударственных судов и МКА проявляется:

1) в выполнении функции содействия арбитражному производству судами общей юрисдикции (вопросы отвода арбитра, применение обеспечительных мер, содействие в истребовании доказательств);

2) в осуществлении судебного контроля за арбитражными решениями (признание и исполнение решений

МКА, выдача исполнительного листа, оспаривание таких решений в национальных судах)[1].

Одним из значимых вопросов в рассматриваемой сфере является вопрос об обязательности применения практики и правовых позиций высших судебных инстанции в отношении арбитражных соглашений, а также является ли это формой взаимодействия. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240 по делу № А40-165680/2016 было прямо указано на отсутствие единообразия в подходах по вопросу регулирования арбитрабельности споров[2].

В 1985 г. был разработан Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже в целях обеспечения единообразия законов об арбитраже и практики МКА. Законодательство на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ принято в общей сложности в 118 правовых системах в 85 государствах[3]. Типовой закон ЮНСИТРАЛ не является юридически обязательным документом, вследствие чего, государство, принимающее на его основе свое национальное законодательство, имеет право адаптировать его стандарты под свои реалии, что можно рассматривать и как плюс, и как огромный недостаток[4].

Еще одним камнем преткновения считается «публичный порядок» как основание для безусловной отмены третейского решения (п. 2 ч. 4 ст. 233 Арбитражного процессуального кодекса РФ). Данное основание прописано также в Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (пп. b п. 2 ст. V). В большинстве случаев многие юристы считают данное основание единственным основанием для отказа в исполнении арбитражного решения. Анализ материалов судебных дел дает нам понять, что такой ссылкой пользуется каждый второй при принудительном исполнении решения МКА[5].

Немаловажен вопрос о надлежащем извещении стороны разбирательства. В 2008 г. китайская компания «Чжунлянь» (продавец) и ООО «АРМ-АВТО» (покупатель) заключили два договора поставки строительной техники. На их основании все споры должны были разрешаться путем переговоров, при их непродуктивности спор передается на арбитражное разрешение Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (CIETAC). В 2017 г. арбитражный суд Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии в своем решении взыскал с отечественной компании свыше 2 млн долларов США и проценты по просроченным платежам. Однако добровольного исполнения со стороны ООО «АРМ-АВТО» не последовало, и китайская компания была вынуждена обратиться в арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании и приведение его в исполнение. При этом, суд первой и кассационной инстанций отказал в удовлетворении заявленных требований ввиду ненадлежащего уведомления ответчика – ЗАО «Арм-Авто» – о времени и месте рассмотрения дела в арбитраже. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала: «Если сторона арбитражного соглашения после его заключения изменила свой адрес, однако не сообщила об указанных обстоятельствах другой стороне арбитражного соглашения, а после начала арбитража – и третейскому суду, она несет риски, связанные с неполучением или несвоевременным получением уведомлений, а уведомление, направленное ей по адресу, указанному при заключении арбитражного соглашения, считается надлежащим»[6]. На основании всего этого Верховный Суд РФ отменил акты нижестоящих судов, определил признать и привести в исполнение решение арбитражного суда Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии[7].

Однако самым интригующим в свете последних событий является изменение арбитражно-процессуального законодательства. Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ были введены 2 новые статьи: ст. 248.1 «Исключительная компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера» и ст. 248.2 «Запрет инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера».

Весь 2021 год был наполнен новыми исками, связанными с данными статьями. Например, спор по делу № А60-36897/2020 между Уральским заводом транспортного машиностроения (Уралтрансмаш) и Министерства промышленности и торговли РФ (далее – Минпромторг России). В 2013 г. был заключен контракт, согласно которому поставщик («РТС ПЕСА Быдгощ») должен был поставить покупателю («Уралтрансмаш») в 2014–2015 гг. трамвайные вагоны. В нем было предусмотрено, что споры по реализации этого договора подлежат рассмотрению в Арбитражном институте Торговой палаты города Стокгольма. Полагая, что покупатель не исполнил свои обязательства по оплате трамвайных вагонов, «РТС ПЕСА Быдгощ» обратилось в Стокгольмский арбитраж. Общий объем требований составлял 55 227 750,64 евро. 27.07.2020 г. «Уралтрансмаш» обратилось в арбитраж-

---

[1] См.: *Грубцова С.П.* Участие государства в арбитраже: теоретико-прикладной аспект // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 2 (116). С. 32.

[2] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240 по делу А40-165680/2016. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/lFj7rkIzzfdV/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%E2%84%96+%D0%9040-165680%2F2016&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1650303463842/ (дата обращения: 18.04.2022).

[3] См.: Статус текстов Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 год) с изменениями, принятыми в 2006 г. URL. https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration/status (дата обращения: 19.04.2022).

[4] См.: *Федорященко А.С., Криль Л.Б.* Проблемы признания и приведения в исполнение арбитражных решений третейского суда в сфере международного коммерческого арбитража в Российской Федерации // Журнал юридических исследований. 2019. № 1. С. 39–40.

[5] См.: *Корабельников Б.Р.* Подход российского законодательства и судебной практики к оговорке о публичном порядке // Международное публичное и частное право. 2005. № 5. С. 8–11.

[6] См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС19-13455 от 29 ноября 2019 г. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2c63bd10-fca1-4033-a1fb-5ec08c9b8835/0605dd80-4d2a-4133-a614-d3aa721503ad/A40-217058-2018_20191129_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 19.04.2022).

[7] См.: Признание и исполнение решений CIETAC в России // Arbitration journal. URL: https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/priznanie-i-ispolnenie-resheniy-cietac-v-rossii/ (дата обращения: 19.04.2022).

ный суд Свердловской области, потребовав запретить «РТС ПЕСА Быдгощ» продолжать арбитражное разбирательство в Арбитражном институте Торговой палаты города Стокгольма, основываясь на вышеуказанных статьях. В конечном итоге истцу было отказано в удовлетворении этих требований, однако, Судебная коллегия Верховного Суда пришла к следующим выводам: «сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию»[1].

Таким образом, существуют различные формы взаимодействия национальных судов и МКА. Развитие этой сферы правоотношений прямо пропорционально увеличению количества проблем, формирующихся как в области правового регулирования, так и в области правоприменения.

М.Г. Дегтярев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.О. Овчинникова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Аннотация: *институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств имеет высокое значение среди стадий пересмотра судебных решений, однако есть определенные недостатки в его правовой регламентации. Одним из способов решения данного вопроса может стать обращение к законодательству других стран, с целью заимствования полезного опыта.*

Ключевые слова: *судебная ошибка, новые обстоятельства, восстановление законности, вновь открывшиеся обстоятельства, уголовное дело, Конституционный Суд РФ.*

И.Я. Фойницкий об институте возобновления производства по уголовным делам писал: «После вступления приговора в законную силу могут обнаружиться новые обстоятельства, которые, будь они в свое время известны суду, рассматривающему дело, вызвали бы с его стороны иной приговор. Очевидность ошибочности постановленного приговора может быть настолько велика, что дальнейшее приведение его в исполнение было бы явной несправедливостью, и то зло, которое уже понесено вследствие его, должно быть искуплено государством. Трудность практического разрешения этого вопроса лежит в наличности приговора, вошедшего в законную силу и создающего сильное предположение в пользу справедливости его; недостаточно сомнений в его справедливости, нужна полная уверенность в противном, для того чтобы посягнуть на него. Поэтому производство, направленное к колебанию силы вошедших в законную силу приговоров и носящее название возобновления уголовных дел, представляет собой исключительный способ пересмотра, допускаемый со значительными ограничениями»[2].

Данное мнение подчеркивает важность исследуемого производства среди стадий пересмотра судебных решений в уголовном процессе и в отечественной правовой системе в целом. Однако правовая регламентация рассматриваемого института имеет определенные недостатки, на что обращал внимание доктор юридических наук, заместитель председателя Верховного Суда РФ В.А.Давыдов. Он отмечал неэффективность данного производства в настоящее время, поскольку «76 % опрошенных судей Верховного Суда РФ и 80 % судей верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов отметили неэффективность действующего регулирования, предусмотренного нормами главы 49 УПК РФ, и необходимость его совершенствования. Около 85 % респондентов высказались за необходимость обобщения судебной практики и разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ законодательства, регулирующего пересмотр судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств»[3].

Для того, чтобы понять каким образом можно усовершенствовать отечественное законодательство, следует выявить слабые и сильные его стороны, для чего необходимо подвергнуть сравнительному анализу Уголовно-процессуальные кодексы (далее УПК) других стран, из которых, возможно, удастся что-то позаимствовать для отечественного права. В качестве предмета исследования выберем уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан (Глава 53 УПК РК), а также Германии (Книга 4 УПК ФРГ), чья правовая система сумела зарекомендовать себя с лучшей стороны.

Для начала следует сравнить УПК РФ и УПК РК, т.к. во многих аспектах законодатели наших стран сходились во мнениях.

Так, хотелось бы выделить следующие отличия:

1) Отсутствие деления оснований на «новые» и «вновь открывшиеся» обстоятельства;

2) Отсутствие определения «вновь открывшихся» обстоятельств;

3) Отсутствие упоминания международных актов, как оснований для возобновления производства по уголовному делу;

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955 (1-3) // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/99ce7aa2-7f06-4615-baa5-94473b980771/1f0d228b-cefb-435f-a5f1-8950060144da/A60-36897-2020_20211209_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True/ (дата обращения: 19.04.2022).

[2] См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 305.

[3] См.: *Давыдов В.А.* Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 135.

4) Наличие такого основания, как «волеизъявление осужденного, в отношении которого дело было рассмотрено, когда подсудимый находился вне пределов Республики Казахстан и уклонялся от явки в суд»;

5) Наличие более широкого раскрытия понятия «иных» обстоятельств (обстоятельства, неизвестные суду при вынесении приговора, постановления, которые сами по себе или вместе с ранее установленными обстоятельствами свидетельствуют о невиновности осужденного или о совершении им иного по степени тяжести уголовного правонарушения, чем то, за которое он осужден, либо о виновности оправданного лица или лица, в отношении которого дело было прекращено).

Таким образом, хочется отметить, что отечественный законодатель, с одной стороны, раскрывает понятия обстоятельств (как новых, так и вновь открывшихся), что позволяет избежать абстрактности, так и делает отсылки к международному праву, что расширяет спектр правозащитных возможностей несправедливо осужденных, с другой же стороны, законодатель Казахстана добавил в качестве основания «волеизъявление осужденного». Даже сам факт наличия возможности человеку, не наделенному полномочиями, оказать влияние на пересмотр уголовного дела повышает потенциал института.

Отсутствие деления на «новые» и «вновь открывшиеся» обстоятельства со стороны законодателя Казахстана следует назвать упущением, т.к. они не тождественны друг другу, ввиду того, что обстоятельства называемые «новыми» попросту не могли существовать на момент вынесения судебного решения. В качестве примера служит следующее основание: «признание Конституционным Советом Республики Казахстан неконституционным закона или иного нормативного правового акта, который был применен судом при вынесении судебного акта»[1], которое аналогично основанию из УПК РФ: «признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ»[2].

По данному поводу доктор юридических наук Л.В. Головко пишет: «Советскую доктрину, достаточно четко определившую объем понятия иных вновь открывшихся обстоятельств, более всего беспокоило отсутствие в законе понятия новых обстоятельств, т.е. обстоятельств, возникших уже после вступления приговора в законную силу. Такие обстоятельства доктрина отказывалась трактовать в качестве вновь открывшихся, поскольку они не открывались, тем более вновь, а впервые возникали (появлялись), будучи новыми. Хрестоматийным примером являлась смерть потерпевшего, наступившая в результате преступления, но уже после вступления приговора в законную силу (при его постановлении потерпевший, допустим, еще находился в коме). Речь в данном случае шла не только об отсутствии какой-либо ошибки суда, но и о том, что данное обстоятельство просто не существовало на момент рассмотрения дела. При принятии действующего УПК РФ законодатель откликнулся на озабоченность советской доктрины отсутствием понятия новых обстоятельств и предусмотрел два типа оснований возобновления уголовного дела: новые и вновь открывшиеся»[3]. Данное говорит о том, что отечественный законодатель учёл этот недостаток в УПК РСФСР и исправил в действующем законе, чего казахские коллеги сделать так и не решились.

С правовой регламентацией оснований возобновления производства по уголовному делу в Германии в целом дела обстоят ещё интереснее, т.к. законодатель Германии в принципе не использует термины «новые» и «вновь открывшиеся» обстоятельства (за исключение п. 5 параграфа 359 Книги 4 УПК ФРГ, где имеется упоминание «новых фактов»). Однако в УПК ФРГ присутствует другая классификация оснований для возобновления производства по уголовному делу.

Так, УПК ФРГ выделяет:

1) Возобновление производства в пользу осуждённого (среди них: «если документ, считавшийся подлинным и введённый в процесс на судебном разбирательстве как доказательство против осуждённого, был подделан или фальсифицирован; если свидетель, давший показания против осуждённого, или эксперт, предоставивший экспертное заключение против осуждённого, виновны в умышленном или неосторожном нарушении присяги или в умышленной даче ложных показаний без принесения присяги; если в вынесении приговора участвовал судья или заседатель, который виновен в уголовно наказуемом нарушении своих должностных обязанностей в связи в данным делом, за исключением случаев, в которых осуждённый спровоцировал данное нарушение; если решение суда по гражданским делам, на котором основан приговор суда по уголовным делам, отменено на основании нового решения, вступившего в законную силу; если вносятся новые факты или доказательства, которые в отдельности или в совокупности с ранее собранными доказательствами могут являться основанием для вынесения оправдательного приговора в отношении подсудимого или смягчения наказания или существенно отличного решения о мерах исправления и безопасности на основании применения иного положения материального уголовного права; если Европейский суд по правам человека установил нарушение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод или протоколов к ней и решение суда основано на данном нарушении»[4]);

2) Возобновление производства не в пользу подсудимого (среди них: «если документ, считавшийся подлинным и введённый в процесс на судебном разбирательстве как доказательство в пользу подсудимого,

[1] См.: П.5 Ч. 2 Ст. 499 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 15-II (2664-II), ст. 88.

[2] См.: П. 1 Ч. 4 Ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2022. № 13, ст. 1952.

[3] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 1181.

[4] См.: Параграф 359 Книги 4 Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». URL: https://publishup.uni-potsdam.de/frontdoor/index/index/docId/6039) (дата обращения: 21.04.2022).

был подделан или фальсифицирован; если свидетель, давший показания в пользу осуждённого, или эксперт, предоставивший экспертное заключение в пользу осуждённого, виновны в умышленном или неосторожном нарушении присяги или в умышленной даче ложных показаний без принесения присяги; если в вынесении приговора участвовал судья или заседатель, который виновен в уголовно наказуемом нарушении своих должностных обязанностей в связи в данным делом; если подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, перед судом или вне суда убедительно признал свою вину в совершении преступного деяния»[1]).

Также как и в Казахстане в законе Германии в качестве основания закреплено право человека, в данном случае подсудимого, оказывать самое прямое влияние на пересмотр судебного решения в порядке возобновления производства по уголовному делу. Представляется, что рецепция данного основания в российскую правовую систему и, как следствие, расширение списка «новых» обстоятельств повысит правозащитный потенциал института возобновления производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в России.

Подводя итог, следует отметить значительное сходство в сфере правового регулирования оснований для возобновления производства по уголовному делу в рассматриваемых странах. Казахстан в большей степени сохранил советскую модель правового регулирования, адаптировав под современные реалии. Законодатель Германии пошел по иному пути классификации оснований для пересмотра судебного решения и возобновления производства по уголовному делу, сочтя необходимым разделить основания не на «новые» и «вновь открывшиеся», а на «в пользу осужденного» и «не в пользу подсудимого». России же удалось совместить советский опыт с опытом европейских стран и в значительной степени лучше других постсоветских республик регламентировать основания для возобновления производства по уголовному делу, т.к. российские законодатели учли недочеты, допущенные в УПК РСФСР 1960 г., а также подчеркнули, что мы являемся частью международной правовой системы (посредством закрепления в качестве основания п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

[1] См.: Параграф 359 Книги 4 Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». URL: https://publishup.uni-potsdam.de/frontdoor/index/index/docId/6039) (дата обращения: 21.04.2022).

М.Т. Дибиров
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.О. Пазына
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОССИЯ В ВТО: ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье содержится описание исторического аспекта вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Кроме того, были проанализированы проблемы вступления нашей страны в ряды стран-участниц ВТО. Материал статьи содержит анализ как положительных аспектов такого вступления, так и отрицательных. Сделан закономерный вывод о значении вступления нашей страны в ВТО.*

Ключевые слова: *Всемирная торговая организация, российская экономика, международная организация, конкурентноспособность, отечественные производители.*

Любая страна, вступая в ту или иную международную организацию, претерпевает определённого рода изменения в ряде отраслей экономики. Присоединение России к Всемирной торговой организации (ВТО) не стало исключением.

Всемирная торговая организация (ВТО) – это международная организация, которая своим существованием и функционированием регулирует правила торговли между 164 её участниками. Возникла ВТО 1 января 1995 г. и возымело своей целью устранение торговых барьеров между странами. Это выражается, в том числе и в урегулировании разногласий при возникновении споров между странами-участницами. Создание ВТО расширило сферу регулирования международной торговли, распространив её на торговлю услугами и торговые аспекты прав интеллектуальной собственности[2].

Обозначим ключевые принципы и функции ВТО. К принципам относят:

- доступность торговой политики;
- использование переговоров и консультаций при принятии решений по торговым спорам;
- взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Функции:

- контроль торговой политики членов ВТО и техническое содействие развивающимся странам;
- ВТО способствует содействию в разрешении спорных ситуаций между странами с помощью переговоров[3].

Следует отметить, что вступление любой страны в ВТО – это череда многочисленных этапов, урегулирование различных столкновений интересов, детальная отточка экономики страны. Анализируя порядок вступления любой из стран в ВТО, стоит указать на то, что процедура вступления длится, как правило, 5–7 лет.

[2] См.: *Данков А.О.* The impact of association with WTO on the economy of commonwealth of independent states (CIS). Интернаука. 2018; 8(42): с. 48;

[3] См.: *Захаров А.Н., Смирнова Л.Р.* Присоединение России в ВТО:-плюсы и минусы. Вестник Московского иуниверситета. Серия 6: Экономика. 2021. № 6. С. 55.

Не исключением стала и Россия, однако вступлением нашей стране в ряды стран-участниц ВТО заняло 18 лет. За всю историю существования международной организации – это самое продолжительное вступление, которое складывалось из 30-ти заседаний. Лишь после преодоления такого долгого пути 21 июля 2021 г. глава государства – В.В. Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1995 г.»[1].

Наиболее сложными для вступления России в ВТО были переговоры с Евросоюзом, Китаем и США, которые продолжались шесть лет. Самыми напряжёнными были переговоры с США по вопросам поставок Россией сельскохозяйственной продукции, в части регулирования финансовых рынков, а также защиты интеллектуальных прав. Вступление нашей страны в организацию также пришлось на период экономического кризиса, который охватил тогда весь мир. Наложение одних обстоятельств на другие способствовало постоянному откладыванию присоединения.

Немаловажно отметить перспективы вступления России в ВТО, потому что 18-тилетний путь должен однозначно себя оправдать.

1. ВТО – это реальная возможность для свободного доступа на зарубежные рынки всех товаров и услуг отечественного производителя.

2. Благодаря равноправному членству России, стране стала доступна модернизация технологических процессов.

3. Экономические интересы России, так или иначе, будут отстаиваться в рамках сотрудничества.

4. Ещё одна немаловажная перспектива вступления – Россия наряду с другими странами будет участвовать в разработке и соблюдении правил мировой торговли.

Если рассуждать о значении вступления России в ВТО, то стоит опираться как на положительные аспекты, так и на отрицательные.

Положительная динамика резко стала прослеживаться в разрезе увеличения роста экспортной продукции государства. Таким примером служит отрасль сельскохозяйственной продукции. Экспорт зерна в Европейский союз увеличился в разы. При этом замечается модернизация технологий в названной отрасли и развитие сёл.

ВУЗы, занимающиеся подготовкой специалистов в отрасли сельского хозяйства стали финансироваться на порядок лучше, а отечественные производители активно выпускать свою продукцию, стремясь к высокому качеству и долгосрочному существованию на мировом рынке. При этом экспорт сельскохозяйственной продукции превысил импорт.

Анализируя отрицательные стороны вступления России в ВТО следует сказать, что наша страна имеет широкий спектр отраслей, ввиду чего далеко не во всех всё складывается так благополучно, как в сельском хозяйстве.

Так, многие отечественные компании стали просто напросто неконкурентноспособными на мировом рынке ввиду отстающих технологий, отсутствия экспорта. Как следствие, такая ситуация привела к закрытию ряда предприятий, потере работниками своих рабочих мест и массовой безработице. Такая ситуация также приводит к тому, что на внутреннем рынке произошли значительные потери отечественных производителей.

Анализируя положение вещей на сегодняшний день, с учётом санкций со стороны ряда стран в различных отраслях, Россия столкнулась с проблемой отсутствия отечественных производителей на внутреннем рынке. Вопрос ухода, в своё время, многих неконкурентноспособных предприятий был скорее второстепенным ввиду активного импорта. Сейчас с учётом событий, связанных с введением санкций, в стране тяжёлая ситуация на внутреннем рынке, поэтому мы наблюдаем рост цен в сфере автомобильной промышленности, техники, электроники и т.д.

В условиях сложившейся внешнеполитической ситуации тяжело прогнозировать дальнейшее существование России в ВТО, а также какие-либо перспективы дальнейшего развития страны в данной международной организации. Однако, анализируя результаты предыдущих лет, следует сказать, что вхождение России в ВТО и её пребывание там было необходимым для закрепления позиций страны в торговле на мировой арене, но, с учётом нынешних событий, не выгодным решением.

Н.В. Диденко
ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Колесников
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ОПЫТ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ СНГ

Аннотация: *в данной статье рассмотрены понятие и содержание права на защиту окружающей среды: опыт России и государств СНГ с точки зрения конституционно-правового аспекта. Проведен анализ Конституций ряда государств СНГ (Республики Беларусь, Республики Казахстан)*

Ключевые слова: *Конституция РФ, Конституции государств СНГ, конституционное право на защиту окружающей среды, защита, охрана, окружающая среда, Российская Федерация.*

Достаточно продолжительное время человек пользовался ресурсами природы. Активно эксплуатировало ее запасы, беспечно считая, что природные богатства безграничны и вечны. И перед человечеством возник вопрос: что дает природа для развития и существова-

[1] См.: Федеральный закон от 21.07.2012 № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132905/ (дата обращения: 22.04.2022).

ния общества. Тема связи между природой и человеком носит достаточно долгий характер от религии до науки. И сейчас этот вопрос защиты природы не теряет своей актуальности. И правовое регулирование здесь особенно выделяется. Ибо необходимо сохранить баланс природопользования, охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Говоря о защите чего-либо первостепенно необходимо определиться с тем, что мы собираемся защищать. Так, под окружающей средой в Федеральном Законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» понимается совокупность элементов природной среды, как природных, так и природно-антропогенных объектов, а также антропогенные объекты. Данное определение комплексное и для понимания нам необходимо раскрыть его составные части:

«Компоненты природной среды – земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле;

Природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства;

Природно-антропогенный объект – природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение;

Антропогенный объект – объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов»[1].

Если проанализировать вышеперечисленное, то мы увидим, что окружающая среда включает обширное количество элементов, которые необходимо защитить от возможного негативного воздействия. И как раз для этого законодателем уже на уровне конституции были предусмотрены положения, направленные на обеспечение данной защиты.

Так, в ст. 42 Конституции РФ устанавливается «…право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.»[2], но кроме предоставления гражданам защиты их права, законодатель и предусмотрел обязанность в ст. 58 – «каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам»[3]. В дополнение к этому в ст. 71; 72; 114; 129 на Российскую Федерацию и органы власти наложены обязанности по планированию, обеспечению и созданию благоприятной экологической обстановки для граждан.

Обратимся к пониманию охраны окружающей среды: «Деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий…»[4].

Отмечаем что количество объектов и субъектов данного права очень велико, а также на то, что некоторые иные факторы оказывают влияние на данные отношения, из чего вытекает сложность их реализации[5].

Предлагаю нам посмотреть на схожие нормы, закрепленные в Республике Казахстан. В Конституции Республики Казахстан в Статье 31: «1. Государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека. 2. Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью людей, влечет ответственность в соответствии с законом»[6]. Так же в ст. 61 указывается, что парламент наделен правом издания законов в защиту окружающей среды. Других норм в Конституции Республики Казахстан по охране природы не содержится. Всю остальную информацию вынесли в отдельный нормативно правовой акт – Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI где и находится «ст. 8 дающая понятие охраны окружающей среды – она представляет собой систему осуществляемых государством, физическими и юридическими лицами мер, направленных на сохранение и восстановление природной среды, предотвращение загрязнения окружающей среды и причинения ей ущерба в любых формах, минимизацию негативного антропогенного воздействия на окружающую среду и ликвидацию его последствий, обеспечение иных экологических основ устойчивого развития Республики Казахстан»[7].

Проанализируем также законодательство Республики Беларусь. В ст. 46 Белорусского основного закона говорится: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права. Государство осуществляет контроль над рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды. Республика Беларусь развивает атомную энергетику в мирных целях,

[1] См.: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133 (с изм.: 2021. № 24, ст. 4188; № 27, ст. 5170).

[2] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 27, ст. 41.96.

[3] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 27, ст. 41.96.

[4] См.: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133 (с изм.: 2021. № 24, ст. 4188; № 27, ст. 5170).

[5] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2009. С. 870.

[6] См.: Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019). URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution

[7] Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI «Экологический кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 27.12.2021). URL: https://online.zakon.kz/lawyer/

обеспечивает безопасность при производстве и использовании атомной энергии»[1]. В ст. 97 содержится схожая с Казахстаном норма об издании законов об охране окружающей среды Палатой представителей. Определение об охране окружающей среды закреплено в отдельном законе[2] и текст имеет схожий смысл с аналогичными нормами Казахстана и России.

При детальном рассмотрении норм каждой из страны мы не можем не заметить сходство в текстах. Такая идентичность обусловлена тем, что с данными странами нас объединяет общее прошлое и как лекало брались нормы СССР. «Массив кодифицированного природопроцессуального законодательства сложился в основном в период с 1980 по 1982 гг.»[3]. К нему относится: Земельный кодекс РСФСР; Водный кодекс РСФСР; Кодекс РСФСР о недрах; Лесной кодекс РСФСР; Закон РСФСР об охране атмосферного воздуха; Закон РСФСР об охране и использовании животного мира. Все они нашли отражение во многих современных актах государств СНГ.

Аккумулируя все вышеперечисленное, мы видим, что Россия в законодательном плане опережает своих коллег из СНГ, добавляя нормы в Конституцию, которые способствуют защите окружающей среды. И мы можем, надеется, что коллеги из СНГ станут проявлять больше инициативы на поприще защиты экологических прав, т.к. мы с ними имеем общее экологическое пространство. А как мы заметили с вами ранее, экологические отношения имеется внушительный перечень объектов и субъектов права и только от их сплоченного взаимодействия удастся обеспечить достаточный уровень экологической безопасности.

В.О. Доброгорская
КФ ФГБОУ ВО «РГУП», г. Казань
Научный руководитель: И.В. Воронцова д.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса КФ ФГБОУВО «РГУП», г. Казань

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК НОВАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

Аннотация: *приоритетным направлением современного демократического общества является модернизация существующих механизмов мирного урегулирования спора и защиты нарушенных прав и законных интересов участников гражданского процесса. Для достижения данной цели одной из принятых мер является внедрение новой судебной примирительной процедуры, входящей в систему механизмов защиты прав и законных интересов граждан.*

Ключевые слова: *примирительная процедура, судебное примирение, судебный примиритель, досудебный порядок урегулирования спора.*

Президент РФ Владимир Путин подписал пакет документов, который расширил арсенал примирительных процедур, применяемые при урегулировании спора в досудебном порядке.[4] Поправки, инициируемые Верховным Судом РФ, были внесены арбитражный процессуальный кодекс, гражданский процессуальный кодекс РФ, в частности, который дополнился новой главой 14.1 «Примирительные процедуры».

Наибольший интерес вызывает новая процессуальная процедура – судебное примирение, главной целью которой является мирное урегулирование спора. Одновременно и с этим появляется новое процессуальное лицо – судебный примиритель.

Список судебных примирителей формируется и утверждается пленумом Верховного Суда РФ на основе предложений кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов и окружных военных судов о кандидатурах судебных примирителей только из числа судей в отставке, которые изъявили желание выступать в качестве судебного примирителя.[5] Как отметили представители Верховного Суда РФ, назначение судебными примирителями судей в отставке позволит повысить уровень привлекательности альтернативных процедур разрешения споров. Данные кандидатуры определяются по взаимному согласию сторон и утверждаются определением суда. Порядок и условия оплаты труда таких судебных примирителей определяется Правительством РФ.

Возникает вопрос относительно процессуального статуса судьи в отставке, стоит отметить, что судебный примиритель в ходе судебного разбирательства не является участником и не имеет право совершать действия, которые могут повлечь за собой возникновение, изменение, прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса.

Порядок проведения судебного примирения и требования к судебному примирителю определяются процессуальными кодексами Российской Федерации (статья 153.6 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 138.5 Арбитражного процессуального кодекса РФ) и Регламентом проведения судебного примирения, утверждаемым Верховным Судом РФ.

Верховный Суд РФ высказал свою правовую позицию относительно судебного примирения, подчеркнув, что положения регламента будут для сторон диспозитивными, т.е. они смогут самостоятельно устанавливать приемлемую для них примирительную процедуру, если она не противоречит регламенту.

Судебное примирение предполагает под собой процедуру, в которой стороны участвуют в добровольном

[1] См.: Конституция Республики Беларусь (с изменениями от 27 февраля 2022 г.). URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution

[2] См.: Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII Об охране окружающей среды. URL: https://etalonline.by/

[3] См.: *Бринчук М.М.* Экологическое право // СПС «Консультант Плюс». 2020.

[4] См.: Федеральный конституционный закон от 26.07.2019 № 3-ФКЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Российская газета. 2019. № 166.

[5] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» // СПС «Гарант».

порядке. Данное положение законодательно закрепляет пункт 1 статьи 3 Регламента проведения судебного примирения, утвержденного Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 (далее – Регламент).[1]

Пункт 10 Регламента устанавливает, что судебное примирение может быть проведено по ходатайству сторон (стороны) а также согласно пункту 1 по предложению суда при наличии согласия двух сторон. К примеру, решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23 июня 2021 г. по делу № А65-8858/2021, в котором суд отказал в удовлетворении ходатайства ответчика в проведении судебного примирения, ссылаясь на то, что в письменных материалах дела не содержится доказательств, которые подтверждают взаимные намерения сторон урегулировать спор во внесудебном порядке. При рассмотрении дела по существу истец не выразил согласия на мирное урегулирование спора, что противоречит правовой природе процедуры судебного примирения, которая осуществляется на принципе добровольности.[2]

В случае согласия сторон с предложением суда о проведении судебного примирения, при удовлетворении ходатайства о проведении судебного примирения сторон (стороны), но при согласии другой, в соответствии с процессуальным законодательством выносится определение о проведении судебного примирения и при необходимости об отложении судебного разбирательства либо о приостановлении производства по административному делу (пункт 2). Примером данного положения является решение арбитражного суда Новосибирской области от 11 октября 2021 г. по делу № А45-21058/2020.[3] В ходе рассмотрения дела стороны по предложению суда реализовали свое процессуальное право на судебное примирение (статья 138.5 Арбитражного процессуального кодекса РФ), дважды встречались с судебным примирителем (судья в отставке Малиминова Л.В.), примирение сторон не состоялось.

В ходе проведения примирительной процедуры судебный примиритель имеет право: знакомиться с материалами дела с согласия суда, изучать представленные сторонами документы, вести переговоры со сторонами и участвующими в деле лицами, а также осуществлять другие необходимые действия с целью повышения эффективности урегулирования споров, включая рекомендации сторонам для более быстрого урегулирования спора и сохранения деловых отношений. Судья вправе запросить информацию о ходе осуществления примирительной процедуры не чаще, чем один раз в четырнадцать календарных дней.

Процедура судебного примирения в гражданском судопроизводстве осуществляется на основе принципа добровольности с участием независимого лица, не наделенного специальными полномочиями принимать обязательное для представителей сторон решение. Судебный примиритель вправе предлагать свой вариант решения по определенному спору, но данное решение не носит обязательного характера, т.к. стороны не выразили своего согласия. В любом случае окончательное решение по делу в результате проведения примирительной процедуры принимается непосредственно сторонами. Кроме этого, примирительная процедура осуществляется на основе принципов беспристрастности судебного примирителя, сотрудничества и равноправия сторон, а также ее конфиденциальности. Как правило, любое решение принимается между сторонами на основе согласованных ими условий, при этом учитывается максимальный интересов обеих сторон. Ролью третьего лица – примирителя в данной процедуре выступает помощь в содействии коммуникации между сторонами с целью урегулирования существующих между ними разногласий без вынесения судом обязательного решения.

Если соответствующие принципы непосредственно негативно воздействуют на истинную цель примирительной процедуры, в таком случае судебный примиритель имеет право по собственной инициативе прекратить судебное примирение. В ходе ее проведения он может посчитать нецелесообразным разрешение спора между сторонами путем проведения настоящей процедуры, т.к. стороны неоднократно не являлись на встречу с представителем мирного урегулирования спора; не соблюдали установленный законом порядок и принципы процедуры судебного примирения; также стороны злоупотребляли правом и затягивали процесс примирения; препятствовали деятельности судебного примирителя; не были настроены к мирному урегулированию спора в досудебном порядке, затягивая время для разрешения спора.[4] В указанных случаях судебный примиритель составляет мотивированный письменный отказ и в дальнейшем передает его сторонам процедуры судебного примирения и суду.

При «благополучном» и эффективном завершении примирительном процедуры, конечным результатом примирения участвующих в деле лиц может быть: мировое соглашение в отношении всех или некоторых частей заявленных требований, полный или частичный отказ от иска, полное или частичное его признание, полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, а также надзорной жалобы, признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает собственные требования или возражения.[5]

В настоящее время статистические данные говорят о крайне низком показателе эффективности применения примирительной процедуры, например, с 2011 по 2020 год судебное примирение использовалось при рассмотрении менее 0,01 % дел судами общей юрисдикции и при рассмотрении около 0,002 % дел арбитражными судами.

Тем не менее, несмотря на невысокие показатели Верховный суд и Совет судей продолжают искать пути снижения нагрузки на судей путем развития досудебного урегу-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // СПС «КонсультантПлюс»,

[2] См.: Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23 июня 2021 г. по делу № А65-8858/2021 // СПС «Гарант».

[3] См.: Решение арбитражного суда Новосибирской области от 11 октября 2021 г. по делу № А45-21058/2020 // СПС «Гарант».

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // СПС «Гарант», ст. 26.

[5] См.: Там же, ст. 153.7.

лирования спора и примирительных процедур, предлагая ряд нововведений. Например, Виктор Момотов допустил введение обязательного досудебного порядка по спорам между физическими лицами и налоговыми органами. Глава Вячеслав Лебедев предложил ввести обязательный досудебный порядок для экономических споров из публичных правоотношений, в том числе в сфере антимонопольного и таможенного законодательства.

Иным предложением выступило расширение сферы использования обязательных досудебных примирительных процедур по спорам с участием органов власти. К примеру, налоговые органы с участием граждан для начала должны передавать споры в вышестоящую налоговую инстанцию, а в случае получения неудовлетворительного результата, передать данный спор на разрешение суду. Государственный орган и заявитель должны будут составить протокол с перечислением юридически значимых фактов, которые сторонами не оспариваются. Данный механизм имеет активное распространение и в зарубежной практике, в законодательстве Германии.

Эксперты рассмотрели также экономическую сферу поднятия стимула к применению сторонами примирительных процедур. Нововведениями рассматривается дифференцированный возврат госпошлины при использовании процедур примирения. В первой инстанции может быть возвращено 70 %, в апелляции 50 %, в кассации и надзоре 30 % от уплаченной государственной пошлины при обращении в суд[1].

Однако указанное положение не применяется в том случае, если мировое соглашение было заключено в процессе исполнения судебного акта, поэтому следующим возможным шагом будет введение правил, которые освобождают должника от уплаты исполнительского сбора при заключении мирового соглашения на стадии исполнительного производства. Как отмечает, глава Виктор Момотов: «Необходимо создать такую экономическую модель правосудия, которая сделает экономически привлекательными досудебные процедуры примирения и будет материальным барьером для необоснованных исковых требований недобросовестных участников судебного процесса».

Таким образом, развитие альтернативных методов разрешения споров является способом оптимизации судебной нагрузки посредством уменьшения количества дел в судах, ведь «человеческий интеллектуальный ресурс в правосудии – ключевой компонент, без которого невозможно обеспечить полноценную защиту прав и свобод граждан». Привлекательность примирительных процедур позволит повысить качество правосудия и обеспечить надежные гарантии прав граждан на судебную защиту.

[1] См.: «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Парламентская газета. 2000. № 151–152, ст. 333.40.

В.В. Долженко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Г.И. Вершинина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ГЕРМАНИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу опыта использования систем видеоконференцсвязи в гражданском судопроизводстве Германии. В немецком процессуальном праве уже довольно давно существует возможность полного или частичного проведения судебных разбирательств с помощью систем видеоконференцсвязи. К сожалению, многие суды пока не располагают соответствующими системами, у многих судей нет необходимого опыта и/или технических навыков, и поэтому использование данной технологии в ходе судебных разбирательств в Германии по-прежнему является редким исключением.*

Ключевые слова: *видеоконференцсвязь, гражданское судопроизводство, опыт Германии, немецкое законодательство, пандемия.*

В гражданском судопроизводстве Германии с начала XXI в. существует возможность полного или частичного проведения судебного разбирательства с помощью систем видеоконференцсвязи (далее – ВКС).

1 января 2002 г. в Гражданском процессуальном кодексе Германии (далее – ГПК Германии) появился раздел 128а[2], который закрепил возможность использования систем ВКС при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Данная норма была внесена в ГПК Германии по рекомендации Юридического комитета, т.к. по мнению всех парламентских фракций «модернизация судебной системы является важной задачей, в решение которой федеральное правительство также должно внести свой вклад. Необходимость судебной власти наверстать упущенное очевидна»[3]. Все лица, участвующие в процессе (стороны, адвокаты, свидетели и эксперты), должны в будущем иметь возможность участвовать в устных слушаниях посредством систем ВКС.

В соответствии с разделом 128а Гражданского процессуального кодекса Германии суд может разрешить сторонам, должностным лицам, свидетелю и эксперту по заявлению или официальным причинам находиться в другом месте и совершать там процессуальные действия во время судебного слушания. Изображение и звук будут транслироваться одновременно в видео- и аудиоформате из места нахождения вышеуказанных лиц в конференц-зал судебного заседания.

[2] См.: Zivilprozessordnung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ (дата обращения: 05.03.2022).

[3] См.: Veranstaltung: «Virtuelle Verhandlungen vor Gericht». URL: https://www.edvgt.de/veranstaltung/veranstaltung-virtuelle-verhandlungen-vor-gericht/ (дата обращения: 05.03.2022).

Видеоконференцсвязь осуществляется через веб-приложение Skype для бизнеса, Cisco WebEx, Microsoft, Polycom и т.д. Участникам судебного разбирательства достаточно иметь телефон, планшет, компьютер или ноутбук с выходом в интернет имеющие встроенные камеры и микрофоны, а также действующий адрес электронной почты, по которому будет отправлена ссылка для подключения.

Стороны и/или их доверенные лица, свидетели и эксперты могут находиться в любом месте (офисе, дома и т.д.). Возможны любые комбинации присутствующих и отсутствующих, вплоть до единолично сидящего в зале суда судьи, который может вести переговоры со всеми причастными.

В отличие от лиц, участвующих в процессе, судья обязан находиться в зале судебного заседания во время видеоконференции.

За использование систем ВКС суд взимает расходы в размере 15 евро за полчаса[1].

Однако, системы ВКС при рассмотрении и разрешении гражданских дел судами Германии до пандемии COVID-19 практически не использовались, в том числе и потому, что у большинства судов отсутствует техническое оборудование. Например, в Северном Рейне-Вестфалия только 21 суд из 201 оборудован системой видеоконференцсвязи, в землях Мекленбург-Передняя Померания и Саксония-Анхальт есть только одна или три системы видеоконференцсвязи, использование которых частично невозможно из-за нехватки пропускной способности интернета[2].

Технические требования для сторон достаточно низкие: необходимо стабильное подключение к Интернету, веб-камера и микрофон. В отличие от сторон, суды нуждаются в более комплексном техническом оснащении. В дополнение к программному обеспечению для вещания в зале суда должны быть доступны записывающие и воспроизводящие устройства.

Самым большим препятствием для проведения устных слушаний в режиме видеоконференции, помимо необходимости наличия в судах специализированного оборудования, является и скептицизм судей. Статистика показывает, что региональные суды и высшие региональные суды отклонили 48,8 % запросов о проведении судебного разбирательства путем использования ВКС. В 38,75 % отказов суды ссылались на отсутствие необходимых технологий. В остальных случаях судьи утверждали, что залы судебных заседаний недостаточно велики и следует дождаться окончания пандемии, либо что дистанционные слушания неуместны[3].

Также остается и некоторая неопределенность в отношении использования видеоконференцсвязи в трансграничных спорах. В немецкой юридической литературе существуют разногласия по поводу того, следует ли разрешать участникам процесса за пределами Германии, включая истцов и ответчиков, а также свидетелей-экспертов, участвовать в слушаниях с помощью видеоконференцсвязи.

Большинство ученых считают, что трансграничные слушания с использованием ВКС недопустимы в соответствии с международным правом без какой-либо формы одобрения или согласия другого заинтересованного государства. Приводится аргумент, что немецкий суд, позволяя стороне или свидетелю присоединиться к слушанию по видеосвязи за пределами Германии, осуществляет свои суверенные полномочия в том месте, где физически находятся эти участники. Таким образом, немецкий суд нарушает территориальную целостность заинтересованного иностранного государства.

Судьи, напротив, утверждают, что местом проведения видеоконференций остается зал судебного разбирательства и никакого вмешательства в национальный суверенитет другой страны не происходит.

В своем недавнем интервью судья Федерального суда Хартмут Ренсен заявил, что суды регулярно проводят дистанционные слушания с использованием систем ВКС, которые позволяют сторонам, свидетелям и экспертам участвовать в судебном разбирательстве из-за рубежа. Однако, в этих случаях суд ограничивает участие зарубежных участников пассивным присутствием, что означает, что такие участники не могут быть допрошены[4].

Тем не менее, несмотря на недостатки дистанционных слушаний, во время пандемии коронавируса рассмотрение и разрешение гражданских дел с помощью систем ВКС является эффективным средством предотвращения риска заражения и, в то же время, застоя в отправлении правосудия. После окончания пандемии дистанционные судебные процессы могут стать нормой для немецкого правосудия.

[1] См.: Gerichtsverhandlung per Videokonferenz: Keine Angst vor § 128a ZPO. URL: https://anwaltsblatt.anwaltverein.de/de/anwaeltinnen-anwaelte/anwaltspraxis/gerichtsverhandlung-per-videokonferenz-keine-angst-vor-128a-zpo?page_n1=2 (дата обращения: 05.03.2022).

[2] См.: Was Gerichte «kцnnen» – Coronapandemie offenbart Defizite bei der IT-Ausstattung der Gerichte. URL: https://www.legal-tech.de/was-gerichte-koennen-defizite-bei-it-ausstattung/ (дата обращения: 05.03.2022).

[3] См.: Video hearings: the German experience. URL: https://www.lawgazette.co.uk/practice-points/video-hearings-the-german-experience/5109336.article (дата обращения: 05.03.2022).

[4] См.: Interview: Ein Jahr Videoverhandlungen am Bundesgerichtshof. URL: https://anwaltsblatt.anwaltverein.de/de/zpoblog/interview-videoverhandlungen-bgh-hartmut-rensen (дата обращения: 05.05.2022).

Д.А. Дорджиева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.А. Подмарев
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ГЕНЕЗИС МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются истоки правового регулирования миграционных процессов в российском государстве с древнейших времен и до конца XX в., дается краткое описание основных правовых источников. В результате проведенного исследования сделан вывод, что почва для формирования современного миграционного законодательства России сложилась только в конце XX в.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, история развития, миграция, миграционное законодательство.*

В современной российской науке и практике широко используется термин «миграционное законодательство», который подразумевает под собой совокупность различных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы миграции, миграционных процессов и явлений. Сегодня можно говорить о том, что эти правовые акты охватывают самые разнообразные вопросы – правила въезда на территорию российского государства и выезда из нее, особенности правового статуса мигрантов, учет миграционных потоков, ответственность за нарушение правил миграции и пр. Между тем, несмотря на давность существования такого явления, как миграция, российское законодательство в данной сфере сложилось не сразу, а прошло долгий исторический путь развития. Его изучение имеет особую важность для правильного понимания действующих в настоящее время правовых норм.

Исторически Россия является государством, охватывающим огромные территории и массу народностей и культур. Хорошее геополитическое положение и толерантность населения к различным народам обусловливали привлекательность Древнерусского государства для миграции. Кроме того, проявление уважения и заботы по отношению к переселенцам было выгодным для князей, поскольку в последующем эти лица могли стать источником материальных ресурсов, принести пользу молодому государству, находящемуся в стадии развития и нуждающемуся в экономической поддержке.

На службу к русским князьям пребывали кочующие племена (хазары, печенеги, половцы), одни из которых оседали на территории княжеств, становились подданными русского государства, а другие – просто принимали участие в военных походах за вознаграждение. Первые примеры военной службы иностранцев на службе у князей, которые исторически зафиксированы, датируются X–XI вв. Так в походах князя Олега на Византию участвовали хорватские и печенежские наемники[1].

Пребывание иноземцев на территории Киевской Руси регулировалось обычаями, которые были универсальными во многих случаях, предписывали уважительное отношение ко всем нациям и гостеприимство к тем, кто пришел с мирными целями, запрещали воровство и убийство.

Однако, как констатирует А.М. Фумм, древнерусское право в вопросах межгосударственных перемещений обращало внимание преимущественно на приезды иностранных купцов, и то, регулируя их не полностью[2].

В связи с этим историю возникновения и развития миграционного законодательства в России необходимо рассматривать начиная с древнейших времен.

Одним из наиболее ярких источников прав Древней Руси является Русская Правда, которая включала в себя нормы различных отраслей. Безусловно, говорить о существовании миграционного законодательства в тот период – преждевременно. Однако ученые находят в статьях Русской Правды отдельные элементы правового регулирования статуса мигрантов.

Так, в статьях 10, 11 краткой редакции Русской Правды используются такие термины, как «варяг» и «колбяг». Как отмечает П.А. Акименко, данными терминами обозначались иностранцы, которые проживали в древнерусских городах, служили князю в качестве дружинников, имели свои дворы и принимали участие в торговле. При этом правовой статус варяг и колбяг мог отличаться от статуса коренных жителей[3]. К примеру, в соответствии со статьей 10 Русской Правды «если человек толкнет человека от себя или к себе, то 3 гривны, и пусть пострадавший приведет на суд двух свидетелей; если пострадавший варяг или колбяг, то пусть сам клянется»[4].

Судебник 1497 г. также не содержал какой-либо системы норм, регулирующих миграционные отношения. Однако если понимать миграцию в широком смысле, то в данном правовом акте встречаются отдельные положения, регулирующие положение «мигрантов», т.е. иностранцев. В частности, ст. 58 Судебника 1497 г. регулирует особенности предъявления и рассмотрения исков по спорам между «иноземцами»[5].

Среди законодательных актов, регулирующих миграционную сферу деятельности государства, следует отметить также Соборное уложение 1649 г., в котором отдельная глава VI посвящалась «проезжим грамотам в другие государства». Такие грамоты в литературе сравнивают с аналогом современной визы[6].

Политика Петра I была направлена на привлечение иностранцев, а точнее иностранных ученых и специалистов в разных областях, на территорию российского государства[7]. Государем 16 апреля 1702 г. был издан манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания»[8]. Одновременно с этим Петром I вводились ограничения свободы передвижения, которые в последующем переросли в паспортную систему. Устанавливалась обязательность «проезжих писем» и «пашпартов» для всех отъезжающих в другие губернии и за границу[9].

Указом от 31 августа 1719 г. на Петербургскую полицейскую канцелярию были возложены полномочия по осуществлению учета иностранцев, приезжавших

---

[1] См.: *Чернышев К.И.* Генезис миграционного законодательства в России // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). Т. 6. С. 13.

[2] См.: *Фумм А.М.* Из истории въезда иностранцев на территорию Древней Руси // История государства и права. 2012. № 8. С. 6.

[3] См.: *Акименко П.А.* Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2020. С. 40.

[4] Российское законодательство X–XX веков: в 9 то. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 54.

[5] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 91.

[6] Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. // Памятники русского права. М., 1957. Т. 6. С. 123.

[7] См.: *Чернышев К.И.* Генезис миграционного законодательства в России // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). Т. 6. С. 14.

[8] См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. VI. СПб., 1832. С. 315.

[9] См.: *Суслин Э.В.* Правовое регулирование миграции и свободы передвижения в России в XIX–XX вв: историко-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 17.

в Петербург[1]. Полицейские органы выдавали разрешение на въезд на территорию Российской империи и на выезд из нее, осуществляли контроль за передвижением иностранцев внутри страны, реализовывали карательные функции в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения миграционных правил[2].

Политика Екатерины II была направлена на реализацию программы поселения иностранцев в России. Этому способствовало принятие 23 июля 1763 г. Высочайшего манифеста императрицы «О дозволении всем иностранцам, в Россию приезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Одним из необходимых условий пропуска через российскую границу стало наличие паспорта, выданного правительством соответствующего государства.

К числу направлений регулирования вопросов миграции в то время относилось осуществление контроля за въезжающими на российскую территорию и выезжающими с нее иностранными гражданами, их перемещениями внутри страны. Данные полномочия возлагались на Коллегию иностранных дел, в которую соответствующую информацию предоставляли губернские правления, контролировавшие прибытие и убытие иностранцев в пределах своей губернии.

В 1782 г. принят Устав Благочиния, в котором отдельные нормы были посвящены регулированию миграционных процессов. Так, в статье 121 Устава говорилось о том, что «частный пристав бдение имеет о иногородных и иностранных в его части живущих или присталых чем питаются или промышляют, и буде закону противное за кем из них усмотрит, то о том не мешкав уведомит городничего и поступать по его приказанию». Статьей 207 Устава предусматривался запрет по любой причине выходить за пределы империи без паспорта[3].

Еще одним историческим правовым актом является Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. Статья 341 Уложения устанавливала ответственность иностранных граждан, приговоренных к высылке и не имеющих права на возвращение в российское государство. В Уложении содержался раздел четвертый «О преступлениях и проступках против порядка управления», в котором глава седьмая «О недозволенном оставлении отечества» была посвящена уголовной ответственности в сфере миграции[4].

После отмены крепостного права в 1861 г. последовал ряд реформ, среди которых судебная реформа, направленная на преобразование и качественные изменения судебной системы. В 1864 г. по итогам указанной реформы был принят ряд уставов, регулирующих самые разнообразные правоотношения. В контексте изучаемого вопроса особое внимание следует уделить Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В статьях 58–59 данного Устава предусматривалось наказание в виде высокого денежного взыскания для лиц, содержащих гостиницы и другие подобные заведения, в случае несообщения ими о прибывающих и убывающих. Статьей 62 этого же Устава закреплялась ответственность российских подданных за самовольное пересечение границы в отсутствие паспорта установленного образца. При этом иностранные граждане могли свободно выезжать за пределы Российской империи без каких-либо санкций[5].

Следующим законодательным актом Российской империи, регулирующим вопросы миграции, являлось Уголовное уложение 1903 г. Согласно абзацу 4 статьи 35 Уложения для иностранцев предусматривалось ограничение в праве избрания и перемены места жительства, которое могло быть заменено высылкой за границу с воспрещением возвращаться в Россию. В статье 120 закреплялись особенности ответственности лиц, которые оставили российское подданство, но не приобрели подданство другого дружественного государства или вступили в подданство государства, с которым Россия находится в состоянии войны[6].

Основные государственные законы 1906 г. в статье 34 устанавливали, что каждый российский подданный имеет право свободно избирать свое место жительства и беспрепятственно выезжать за пределы государства, тогда как ограничения в данных правах могут быть установлены особыми законами[7].

Таким образом, можно заметить, что с древнейших времен вплоть до начала XX в. российская правовая система не содержала четких миграционных правил и ответственности за их нарушение.

Значительные изменения произошли после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Пришедшие к власти большевики стали ломать старый государственно-правовой механизм, отменяя действующие ранее нормативные правовые акты. Взамен принимались новые документы, опирающиеся на иные законодательные принципы. В числе первых правовых актов, принятых большевистской властью – Конституция 1918 г. Она предусматривала предоставление убежища всем иностранным гражданам, подвергающимся преследованию за совершение политических или религиозных преступлений (статья 21). Аналогичные правовые положения продублированы в Конституции РСФСР 1925 г.[8].

В последующем право на убежище в различных его модификациях закреплялось в статье 129 Конституции СССР 1936 г. и корреспондирующей ей статье 133 Конституции РСФСР 1937 г., статье 38 Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г.[9]

---

[1] См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. VI. СПб., 1832. С. 243.

[2] См.: *Мишунина А.А.* Административная ответственность за нарушение режима пребывания иностранных граждан в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 17.

[3] См: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. М., 1987. С. 367.

[4] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 323–324.

[5] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа / под ред. О.И. Чистякова. М., 1991. С. 281–282.

[6] См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. // Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства. 1903. № 38, ст. 416.

[7] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под ред. О.И. Чистякова. М., 1994. С. 306.

[8] См.: *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие. М., 2005. С. 291.

[9] См.: *Акименко П.А.* Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства гражданами Российской Федерации,

Помимо конституционных норм, затрагивающих отдельные вопросы миграции, регулирование миграционных процессов осуществлялось уголовным законодательством. Первый Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР был введен в действие в 1922 г. Статьей 32 УК РСФСР предусматривалось в качестве одного из видов уголовного наказания изгнание из пределов РСФСР на определенный срок или бессрочно. Самовольное возвращение на территорию российского государства образовывало состав преступления, предусмотренного статьей 71 УК РСФСР. Уголовный закон определил ответственность за выезд за границу и въезд на территории РСФСР без паспорта установленного образца или без разрешения властей (статья 98). Среди преступлений по УК РСФСР 1922 г. закреплялось проживание на территории РСФСР по чужому документу[1].

Схожие положения содержались и в УК РСФСР 1926 г. (статья 35). Выдворение предусматривалось и за пределы СССР, а самовольное возвращение в некоторых случаях каралось расстрелом (статья 58.16). Лишением свободы с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах – расстрелом наказывались действия, которые способствовали пересечению российской государственной границы в отсутствие необходимого на то разрешения, если эти действия имели характер промысла или осуществлены должностным лицом (статья 59.10). Преступлением признавались выезд из СССР или въезд в него без установленного паспорта или разрешения властей, за исключением реализации права на убежище иностранными гражданами (статья 84)[2].

В 1960 г. Верховным Советом РСФСР был утвержден новый Уголовный кодекс. В нем устанавливалась ответственность за выезд за границу, въезд в СССР, переход границы при отсутствии установленного паспорта либо разрешения уполномоченных органов власти (статья 83). Тем самым можно заметить, что значительных изменений в уголовном законодательстве в части установления ответственности за преступления в сфере миграции не произошло[3].

В 1995 г. в статью 83 УК РСФСР 1960 г. были внесены изменения, а именно указанная статья была дополнена ч. 4–6, содержащими самостоятельные составы преступлений. В их числе деяние, выражающееся в пересечении государственной границы с действительными документами, но в неустановленном для этого месте или помимо пограничного контроля. Кроме того, статья дополнена примечанием, в соответствии с которым не являлось преступлением указанное выше деяние, если оно имело вынужденный характер вследствие чрезвычайных обстоятельств.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что истоки российского миграционного законодательства уходят корнями в древность. Однако на протяжении длительного периода времени должное внимание вопросам миграции не уделялось. Это было обусловлено теми социально-экономическими условиями, которые складывались в стране на том или ином историческом этапе ее развития. До начала XX в. четких представлений о миграции не было. Лишь в советский период законодательное регулирование в сфере миграции стало видоизменяться. Появилось понятие государственной границы, расширился количественный состав миграционных преступлений, нормы уголовного закона за нарушение различных правил передвижения внутри страны и за ее пределы постоянно детализировались. Тем самым почва для современного миграционного законодательства была подготовлена лишь во второй половине XX в.

иностранными гражданами и лицами без гражданства: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2020. С. 47–48.

[1] См.: Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

[2] См.: Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

[3] См.: Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

Д.И. Дусаев, А.Д. Трунилина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Н. Ермаков
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И СРЕДСТВА БОРЬБЫ С НЕЙ

Аннотация: *статья посвящена вопросам деятельности в РФ коммерческих организаций, оказывающих гражданам неквалифицированную юридическую помощь. Проводится сравнение указанных организаций с адвокатскими образованиями. Предлагается разработать правовые средства борьбы с недобросовестной конкуренцией в сфере оказания юридической помощи.*

Ключевые слова: *оказание юридической помощи, качество юридических услуг, недобросовестная конкуренция.*

Ст. 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, которая в случаях, предусмотренных законом, может оказываться бесплатно.

В ст. 1 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»[4] устанавливаются основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации. С учетом целевых установок данного Закона обобщенно можно сказать, что законодатель определяет помощь гражданам в решении их юридических вопросов как социально значимую.

Центральными участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи определяются юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Адвокаты, наряду

[4] См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // Парламентская газета. 2011. № 50.

с нотариусами и другими субъектами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи. Таким образом, российское законодательство предусматривает возможность получения квалифицированной юридической помощи, которая может быть оказана достаточно широким спектром лиц, дифференцируемых по критерию возмездности юридических услуг[1].

Однако, на практике наблюдаются примеры деятельности недобросовестных организаций, которые под видом бесплатной юридической консультации пытаются принудить (уговорить) лицо, которое пришло на консультацию, к заключению договора на оказание юридических услуг. Как следствие, никаких услуг не оказывают, либо оказывают, но не помогают решить вопрос клиента. В качестве примеров можно привести деятельность организаций под названиями «Юридическая коллегия», «Областная коллегия», «Щит Фемиды».

В таких недобросовестных организациях потенциальных клиентов встречает один либо же несколько «юристов», либо же как указано в некоторых договорах «юрист первичного приема». Как правило, они проводят консультации в своих офисах в группе, состоящей из 2-х человек и всеми силами пытаются доказать, что вопрос, с которым пришел человек, решаем. Техника уговоров у таких людей, как правило, проработана. Если же им удается уговорить клиента на заключение договора, то «юристы первичного приема» настаивают на полной оплате цены договора, а если у клиента нет возможности заплатить, то пытаются навязать ему кредит.

Трудности, которые могут возникать при расторжении указанного договора, связаны с формулировками предмета договора, который, как показывает практика, включает в себя «1. правовой анализ ситуации и изучение представленных документов; 2. подбор нормативно-правовой базы; 3. составление процессуальных документов». Под процессуальными документами обычно понимаются какие-либо заявления в разные органы исполнительной власти, однако содержание этих заявлений как правило идентичное. Во время консультации клиенту предлагается схема решения его проблемы. Техника консультации сводится к том, чтобы показать клиенту, что «юрист первичного приема» – специалист по данному вопросу, который может предложить решение проблемы. Юрист обычно перечисляет инстанции, в которых проблема может быть решена, причем, таких инстанций, как правило, не одна, их несколько. Делается это для того, чтобы клиент при обращении понимал, что решение его вопроса потребует больших ресурсов и что сам он не справится.

Обычно такие организации часто прибегают к процедуре банкротства, такое бывает в случае, если число клиентов, желающих расторгнуть договор, увеличивается, равно как увеличивается и сумма денежных средств, подлежащих возврату.

Так, в недавнем времени мошенники в Кирове выманивали у людей деньги за якобы оказанные юридические услуги. Официальный представитель МВД России Ирина Волк сообщила, что в январе прошлого г. двое уроженцев города Саратов открыли на улице Спасской города Кирова офис компании по оказанию юридической помощи населению. Нанятые работники в ходе первичной бесплатной консультации должны были убедить посетителей заключить договоры об оказании платных услуг стоимостью от 30 до 100 тысяч рублей. Некоторые клиенты были вынуждены для этого оформить кредиты. Однако в дальнейшем оплаченные услуги не оказывались либо оказывались формально[2]. В данном случае, как установило следствие, в действиях двух задержанных есть состав преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ (мошенничество). В действительности, таких организаций достаточно много в настоящее время. Граждане, обратившиеся за помощью якобы к «профессиональным юристам», попадаются на мошеннические схемы и теряют свои денежные средства.

Чем же вызван такой всплеск востребованности этих организаций? Дело в том, что каждый гражданин, приходя в такую организацию, хочет получить бесплатную квалифицированную юридическую помощь, чтобы все его проблемы были быстро решены. Однако, в итоге его проблема раздувается еще больше, и он сталкивается с другой проблемой – выманиванием денежных средств в виде госпошлины, всевозможных сборов и иных платежей. Вследствие действий данных «юристов» гражданин в лучшем случае получает формальные отписки, некачественное представление его интересов в суде первой инстанции, и сохранившуюся проблему, за решение которой он заплатил денежные средства.

Нередко пострадавшие граждане в дальнейшем обращаются за юридической помощью к адвокатам. Причину, по которой они изначально не сделали свой выбор в пользу адвоката, как правило граждане сводят к экономии денежных средств, не подозревая о существовании высоких рисков стать жертвой обещаний бесплатной помощи со стороны недобросовестных юридических контор.

Между тем, различия между адвокатским сообществом и организациями, оказывающими некачественные юридические услуги, очевидны. Во-первых, это разница в профессиональном уровне, поскольку адвокаты осуществляют свою деятельность после прохождения всех установленных законом процедур, сдачи квалификационного экзамена, принесения присяги, в то время как недобросовестные организации начинают оказывать услуги сразу же после создания юридического лица. Во-вторых, это различные принципы деятельности. В основу правозащитной деятельности современной адвокатуры заложены ее принципы: законность, независимость, равноправие, самоуправление и корпоративность[3]. Недобросовестные организации вовсе не руководствуются никакими принципами.

Как следствие, из-за таких недобросовестных организаций падает качество предоставления юридических

[1] См.: *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н.* Стандарты оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Государство и право. 2019. № 10. С. 52.

[2] См.: *Фалеев М.* В Кирове лжеюристы обманули 60 человек. URL: https://rg.ru/2022/03/04/reg-pfo/v-kirove-lzheiuristy-obmanuli-60-chelovek.html (дата обращения: 06.04.2022).

[3] См.: *Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю.* Принципы деятельности Российской адвокатуры // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 6.

услуг, общий уровень доверия к юридическому сообществу. Больше всего усугубляет данную ситуацию тот факт, что пострадавшими от таких действий являются социально незащищенные слои населения.

Представляется, что в целях обеспечения гарантий оказания гражданам квалифицированной юридической помощи следует проработать законодательные средства борьбы с недобросовестной конкуренцией в сфере оказания юридических услуг. Это должны быть не только меры юридической ответственности по отношению к недобросовестным организациям, но и превентивные, предупредительные меры. Государство в целом и юридическое сообщество в частности должны вести работу по правовому информированию и правовому просвещению населения с тем, чтобы юридическая неосведомленность граждан не могла быть использована им во вред.

В.В. Евсеев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: О.Д. Аристова
ассистент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются отдельные аспекты правового регулирования полномочий прокурора в арбитражном процессе в сфере земельного права. Неоднозначно определенный законодателем объем полномочий не позволяет прокурорам надлежащим образом воздействовать на нарушителей законодательства.*

Ключевые слова: *прокурор, арбитражный процесс, признание права отсутствующим, земельное право.*

Прокурор в качестве субъекта арбитражного процесса выступает гарантом соблюдения и защиты интересов государства.

Для этих целей действующее арбитражное процессуальное законодательство предоставляет прокурору ряд полномочий, закрепленных в части 1 статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Основной задачей данного направления прокурорской деятельности является исковая работа, участие в судебном разбирательстве и принятие мер к отмене незаконных актов государственных и муниципальных образований. Исполняя надзорные функции в отношении субъектов экономической сферы, прокуроры выявляют значительное число нарушений законодательства Российской Федерации в различных видах деятельности.

Однако полномочия прокурора по защите публичных прав в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности жестко регламентированы АПК РФ, который предоставляет право прокурору обратиться в суд лишь по отдельным категориям споров.

Законодатель руководствовался необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов, вводя такие ограничения, а также возможностями государственных и муниципальных органов защитить нарушенные публичные права. Но это не всегда представляется возможным по причине недостаточного совершенствования законодательства в этой сфере, а также из-за наличия субъективного фактора лиц, находящихся во главе государственного или муниципального органа[1].

Практика проверок, проводимых органами прокуратуры, дает основания утверждать, что нарушения требований законодательства РФ имеют место и в сфере земельных правоотношений, куда относится незаконное распоряжение земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности, их использование с нарушением предусмотренного законом порядка, а также целевого назначения[2]. Непринятие своевременных мер прокурорского реагирования влечет проблемы, которые негативно сказываются на состоянии окружающей среды, нормальном экономическом обороте и, в конечном итоге, наносит существенный ущерб публичным интересам.

В таких случаях необходима оперативность в разрешении спорных ситуаций в отношениях между публично-правовыми образованиями и землепользователями для недопущения или устранения неблагоприятных последствий[3]. Однако именно здесь и возникает правовая коллизия между надлежащими способами защиты гражданских прав и существенно ограниченными полномочиями прокурора в арбитражном процессе.

Лица, чьи права были нарушены, в силу различных обстоятельств не всегда могут или заинтересованы предъявить иск в суд о признании права или об истребовании имущества из чужого незаконного владения[4]. В то же время постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 в пункте 52 закрепляет право этих лиц использовать такой исключительный способ защиты гражданских прав, как предъявление иска о признании права (обременения) отсутствующим.

Действующий АПК РФ вместе с разъяснениями, данными в постановлении Пленума ВАС РФ № 15 от 23.03.2012, прямо не предусматривает полномочия прокурора заявить подобный иск в отношении объекта, право на который было зарегистрировано незаконно и повлекло незаконное приобретение земельного участка в собственность.

Такая коллизия трактуется судами совершенно противоположно как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне[5].

---

[1] См.: *Трещева Е.А.* Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // Lex russica. 2015. № 10. С. 57.

[2] См.: *Тютюник Р.Н., Лиджиева В.П.* Использование полномочий прокурора в арбитражном процессе в целях противодействия правонарушениям в сельскохозяйственной сфере // Законность. 2020. № 8. С. 3.

[3] См.: *Ергашев Е.Р., Панкова А.А.* Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 54.

[4] См.: *Мирошниченко М.Н.* Реализация прокурорами полномочий по обращению в арбитражные суды с исками и заявлениями в связи с нарушениями земельного законодательства // Законность. 2019. № 7. С. 25.

[5] См.: *Гадиятова М.В., Слышкин И.Г.* Проблемы эффективности участия прокурора в арбитражном процессе // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 179.

Так, АС Республики Башкортостан прекратил производство по делу № А07-1549/2018 в части заявленного заместителем прокурора иска о признании права собственности ООО «Легис-Консалтинг» на объект недвижимости отсутствующим, обосновывая это невозможностью расширительно толковать статью 52 АПК РФ, тем самым, лишая прокурора права на обращение с таким иском.

В это же время АС Саратовской области в деле № А57-19177/2019 требования прокурора о признании отсутствующим права собственности на недвижимое имущество ООО «Бетта» удовлетворил.

Не согласившись с решением суда, ответчик в апелляционной жалобе заявил довод, касающийся полномочий прокурора в арбитражном процессе. Двенадцатый ААС жалобу ООО «Бетта» удовлетворил в части и производство по требованию о признании права отсутствующим прекратил.

Неудовлетворенная апелляционным постановлением прокуратура Саратовской области инициировала кассационное производство, в котором просила постановление апелляционной инстанции от 14.02.2020 отменить в части прекращения производства и оставить в силе решение суда первой инстанции. В итоге ФАС Поволжского округа удовлетворил требования прокурора, указав, что иск о признании права собственности отсутствующим входит в состав полномочия прокурора, закрепленного в абзаце 4 части 1 статьи 52 АПК РФ, и предусматривает истребование государственного и муниципального имущества из чужого незаконного владения.

Таким образом, полномочие прокурора на обращение в суд с иском о признании права (обременения) отсутствующим признается не всеми судами и трактуется ими по-разному, что позволяет недобросовестным землепользователям использовать недостатки статьи 52 АПК РФ в судебном разбирательстве. Указанное обстоятельство позволяет затягивать процесс восстановления нарушенных публичных прав, что не вписывается в доктрину ускорения судебного процесса и способно нарушить равновесие экономического оборота в сфере земельных и прочих правоотношений.

В связи с этим представляется необходимым расширить полномочия прокурора в арбитражном судопроизводстве путем внесения изменений в ч. 1 ст. 52 АПК РФ в виде дополнения новым абзацем следующего содержания: «с иском о признании права (обременения) отсутствующим».

К.А. Егорченков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: С.А. Семикина, к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И АДВОКАТУРУ

Аннотация: *в статье рассматривается процесс цифровизации адвокатуры и судебной системы в современном обществе. Автор выделяет основные нововведения в деятельности адвокатуры и судов в результате внедрения электронных технологий, рассматривая положительные и отрицательные стороны цифровизации адвокатуры и судебного процесса.*

Ключевые слова: *адвокатура, арбитражный суд, цифровизация, представительство, юридическая помощь, судебная система.*

В условиях глобализации и технического прогресса неминуемо растет темп жизни людей и количество информации, с которой им приходится сталкиваться. Для ее обработки, в свою очередь, создаются все более совершенные технические устройства. Всё это приводит к постепенной цифровизации общества, т.е. к внедрению цифровых технологий в различные сферы жизни людей. Сегодня уже никого не удивишь электронным взаимодействием между государственными органами, благодаря чему у граждан появилась возможность получить необходимую государственную услугу по принципу «одного окна», минуя процесс собирания пакетов документов в разных учреждениях. Появилась у граждан и возможность подавать обращения в электронном виде, что значительно сократило очереди в государственных органах. В таких условиях появление и развитие электронного правосудия стало лишь вопросом времени, что, в свою очередь, повлекло цифровизацию всех смежных институтов, в том числе адвокатуры и сферы юридических услуг в целом. Особенно этот процесс ускорило всемирное распространение коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г., показавшее важность взаимодействия граждан друг с другом и с государственными органами удаленно.

Вместе с тем, адвокатура является особенным институтом гражданского общества со специфической целью и даже гарантиями со стороны государства. Как цифровизация общества повлияла на него? Можно ли с уверенностью заявлять, что «электронная адвокатура» – это панацея для юриспруденции? В этой статье мы выделим ряд основных преимуществ, которые принесла цифровизация адвокатуры, а также обозначим ряд проблем, которые при этом появились.

Адвокатура является важнейшей формой оказания юридической помощи и одним из главных институтов гражданского общества. Именно с адвокатурой народ связывает непосредственное оказание правовой помощи, т.к. адвокатура является наиболее квалифицированной, что вытекает из ее законодательного регулирова-

ния[1]. В связи с этим важно понимать последствия цифровизации адвокатской деятельности, т.к. возникающие в этом случае проблемы напрямую влияют на качество оказываемых услуг, что может повлечь снижение доверия граждан к вышеупомянутому институту.

Закрепленные в ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» направления осуществления адвокатской деятельности можно разделить на три группы: консультирование, составление юридических документов и представительство интересов доверителя в различных государственных органах, организациях и учреждениях[2]. При этом на сегодняшний день цифровизация адвокатуры затронула каждое из этих направлений.

В первую очередь, речь идет о появлении таких информационных ресурсов судов как «ГАС Правосудие», «Картотека арбитражных дел», «Мой арбитр», которые предоставили адвокатам и другим представителям возможность электронного документооборота с судами. Теперь для того, чтобы подать исковое заявление, адвокату достаточно направить в суд все необходимые документы в электронном виде, что особенно важно для арбитражного процесса, где количество предоставляемых документов зачастую измеряется коробками. Кроме того, данные информационные системы избавили представителей по гражданским делам от необходимости ехать в суд для ознакомления с материалами дела, т.к. данную процедуру на сегодняшний день тоже можно осуществить в электронном виде.

В течение длительного времени государством реализуется и совершенствуется возможность принять участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, что избавило участников судебных процессов от длительных командировок в другие регионы. Однако особенно большой шаг в этом направлении законодатель сделал в арбитражном процессе, введя 30 декабря 2021 г. в АПК ст. 153.2, которая закрепила право участников процесса участвовать в деле посредством веб-конференции[3]. Основным различием видеоконференц-связи и веб-конференции является то, что участие в заседании через видеоконференц-связь осуществляется двумя судебными учреждениями, находящихся в разных регионах, в связи с чем для участия в заседании лицу, участвующему в деле, все равно нужно явиться в суд в своем городе. Веб-конференция же полностью избавила участников процесса от этой необходимости. Теперь для участия в онлайн-заседании адвокату не нужно даже покидать свой кабинет, достаточно лишь воспользоваться соответствующим информационным ресурсом.

В связи с этим на сегодняшний день адвокату необходимо знать о наличии у него таких возможностей и уметь пользоваться данными информационными системами, что позволит ему производить быструю и эффективную подготовку к судебному заседанию, а также существенно сократит время, необходимое для сбора документов и участия в судебном заседании.

Также важно отметить представленную в декабре 2019 г. комплексную информационную систему адвокатуры, именуемую также КИС АР[4]. Указанная система нацелена на создание электронной среды в адвокатском сообществе, подобно тем, что существуют в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Она упростит взаимодействие адвокатов с государственными органами, в том числе судами, позволит направлять адвокатские запросы и вести бухгалтерию в электронном виде.

Однако необходимо понимать, что внедрение новой информационной среды возможно лишь после внесения соответствующих изменений в законодательство, в частности, прямого закрепления в ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» возможности направлять адвокатский запрос и получать ответ на него в электронном виде.

Кроме того, уже сегодня многие адвокаты высказываются о подобном информационном ресурсе в негативном ключе, указывая на потерю независимости адвокатуры через КИС АР, т.к. в этом случае будет возможно осуществление контроля и слежения за адвокатским сообществом со стороны государства[5].

При этом возникает и другая проблема. В эпоху повсеместной цифровизации все большую роль играет информационная безопасность. В результате хакерских атак в сеть ежегодно попадают личные данные миллионов людей. И речь идет не только о персональных данных, но в том числе и об информации, составляющей тот или иной вид тайны, чаще всего банковской и коммерческой. На каждом адвокате лежит обязанность не распространять третьим лицам информацию, которую он получил от своего доверителя[6]. Поэтому появление новой информационной системы, представляющую собой сосредоточение данных с адвокатской тайной, возложит на адвокатуру и государство колоссальную ответственность за их охрану, т.к. даже единичный случай их утечки подорвет доверие граждан не только к указанному информационному ресурсу, но и ко всему институту адвокатуры в целом.

Однако попадание электронных данных с адвокатской тайной в руки третьих лиц возможно и в результате технической ошибки, когда адвокат вводит неверный адрес электронной почты или если контактные данные доверителя изменились, а тот не поставил своего адвоката в известность. Все это создает угрозу основополагающим принципам деятельности адвокатуры.

Одним из путей решения указанных проблем может стать конкретизация и реформирование рекомендаций по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами про-

---

[1] См.: Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. А.А. Клишина, А.А. Шугаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 12.

[2] См.: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[3] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

[4] См.: Старт КИС АР // ФПА РФ. 2019. URL: https://fparf.ru/news/fpa/start-kis-ar/ (дата обращения: 13.03.2022).

[5] См.: *Долгов А.М., Алексанов А.С.* Цифровизация адвокатской деятельности как направление развития адвокатуры в России // Юридический научный журнал. 2020. № 1. С. 42.

[6] См.: *Соловьёва Ю.И.* Проблема обеспечения сохранения адвокатской тайны в условиях цифровизации // Евразийская адвокатура. 2019. № 6. С. 51.

фессиональной деятельности, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 30 ноября 2009 г.[1]. В частности, в перечень мероприятий, осуществляемых адвокатами при работе со сведениями в сети Интернет, возможно включение обязанности по зашифровке отправляемых сообщений. Подобные механизмы возможно внедрить и в работу самой КИС АР, разработка которой лежит на адвокатском сообществе, что позволит свести к минимуму воздействие государства на информационную среду адвокатуры. Помимо этого необходимо постоянно повышать информационную грамотность адвокатов, проводить соответствующие курсы и информировать адвокатское сообщество о внедрении новых способов и методов взаимодействия с государством.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы касательно цифровизации адвокатуры и арбитражного процесса. Бесспорно, данное явление является закономерным и неизбежным в современном мире. Появление новых и совершенствование существующих информационных систем позволило существенно снизить нагрузку не только на адвокатуру, но и на государственные органы, в том числе судебную систему; упростило участие в судебных заседаниях, в том числе онлайн; а также снизило финансовую нагрузку на адвокатов и их доверителей посредством внедрения электронного документооборота. Однако при этом цифровизация адвокатуры и внедрение электронных баз данных влечет за собой появление специфических проблем.

Д.Н. Екимовских
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов.
Научный руководитель: Г.Б. Петрова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы процессуального взаимодействия следователя и потерпевшего при осуществлении доказывания. Рассматриваются формы взаимодействия данных участников уголовного судопроизводства и раскрываются основные проблемы, возникающие при осуществлении ими доказывания, а также предлагаются способы их разрешения.*

Ключевые слова: *следователь, потерпевший, доказывание, доказательства, процессуальное взаимодействие.*

Эффективность расследований преступлений в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений зависит от организованности следователя, который планирует производство необходимых следственных и иных процессуальных действий для собирания доказательств. Несомненно, следователю принадлежит ключевая роль при осуществлении данной деятельности, поскольку законодатель прямо наделил его такой обязанностью. Однако активная работа с потерпевшим, у которого существует возможность содействовать доказыванию, удовлетворение его обоснованных ходатайств, разъяснение ему прав и обеспечение возможности их реализации на предварительном следствии осуществляется в интересах следователя.

Согласно ст. 85 УПК РФ, доказывание состоит в собирании, проверке, оценке доказательств. Основным субъектом доказывания на предварительном расследовании является следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, а также иные полномочия, предусмотренные УПК (ст. 38 УПК РФ). Он должен собрать такой объем доказательств, который необходим для установления предмета доказывания по уголовному делу. Однако этому может способствовать и сам потерпевший. Процессуалисты выделяют в деятельности потерпевшего следующие этапы участия в доказывании: представление доказательств; заявление ходатайств (прежде всего о производстве и участии в следственных действиях); дача показаний.

Так, в п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ сказано, что потерпевший имеет право представлять доказательства. Однако ведь на самом деле у него такого права нет и быть в современной действительности не может, это абсолютно не согласуется ни с самим понятием доказательства, ни с закрепленными в законе способами собирания доказательств[2]. Данное положение нормы УПК РФ требует некоторого пояснения. Отмечается, что для того, чтобы сведения стали доказательствами, они должны быть получены, преобразованы и зафиксированными должностным лицом, ведущим уголовное судопроизводство из установленных законом источников, в установленном законом порядке и закреплены с помощью процессуальных средств[3]. В соответствии с ч. 2 ст. 86 УПК РФ потерпевший вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Следовательно, предоставленные потерпевшим объекты сами по себе доказательствами не являются, а становятся таковым только после проведения соответствующих процессуальных действий (допроса, выемки, вынесения постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств)[4]. Таким образом, положения указанных норм необходимо привести в соответствии между собой и внести изменения в той части ст. 42 УПК РФ, которая предполагает пра-

[1] См.: Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности (утвер. решением Совета ФПА РФ от 30 ноября 2009 г. с изм. от 5 октября 2017 г.) // ФПА РФ. 2009. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/ (дата обращения: 14.03.2022).

[2] См.: *Байкара Ай-Херел Тимурович*. Актуальные проблемы участия потерпевшего в современном российском уголовном судопроизводстве // Евразийский научный журнал. 2017. № 6.

[3] См.: *Моргачева Л.А.* О паритете при собирании доказательств в досудебном производстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1 С. 100–108.

[4] См.: *Шинкевич Н.Е.* Потерпевший как субъект доказывания // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С.182–184.

во потерпевшего (его представителя) собирать предметы и документы для приобщения в качестве доказательств, которые могут стать таковыми после проверки и оценки их с точки зрения относимости, допустимости, достоверности следователем, в производстве которого находится конкретное уголовное дело.

Следователь отражает факт принятия предметов в качестве вещественных доказательств в соответствующем постановлении. Как справедливо отмечает В.Л. Шапошников, что для приобщения иных документов вынесения отдельного постановления не требуется[1]. При этом автор предлагает для подобных ситуаций законодательно закрепить вынесение следователем протокола представления предметов (документов), копия которого обязательно направлялась бы лицу, предоставившему данный предмет (документ), что на наш взгляд является вполне целесообразным.

Другой важной формой привлечения потерпевшего к собиранию доказательств является его участие в производстве отдельных следственных действий в случаях и пределах, установленных уголовно-процессуальным законодательством[2]. Участие потерпевшего в следственных действиях значительно облегчает расследование по уголовному делу, ведь данный участник обладает наиболее полной и точной информацией о совершенном преступлении. Следователь получает возможность обнаружить в короткий срок вещественные доказательства, предметы и документы, которые имеют значение для уголовного дела.

Как показывает изучение практики, к следственным действиям, в которых наиболее часто принимают участие потерпевший или представитель, относятся допрос, осмотр, обыск, выемка, опознание, следственный эксперимент, назначение и производство судебной экспертизы[3].

При осмотре места происшествия потерпевший играет существенную роль. В ходе осмотра он поясняет что произошло, указывая, как менялась обстановка на месте преступления. Например, участие потерпевшего в осмотре места происшествия по делам о кражах необходимо в связи с тем, что без его объяснений, в каком именно месте хранилось похищенное, какие изменения произошли на этом месте после совершения кражи, трудно будет отыскать все следы совершенного преступления[4]. В такой ситуации следователь привлекает потерпевшего и делает соответствующую отметку в протоколе осмотра места происшествия. При этом учитывая доступность технических средств, зачастую самому потерпевшему удается зафиксировать произошедшее, что впоследствии дает следователю возможность приобщить это в качестве доказательств.

Необходимо также отметить, что производство некоторых процессуальных действий является обязательным для потерпевшего и предполагает необходимость его участия. Например, в соответствии со ст. 195 УПК РФ следователь выносит постановление о назначении экспертизы, для которой согласия потерпевшего не требуется, если ее производство является обязательным. Также хотим добавить, что И.С. Трубчик причисляет к обязательности для потерпевшего прохождение по постановлению следователя освидетельствования[5]. С данным мнением трудно не согласиться, согласно положениям УПК РФ потерпевший не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования также в случаях, когда не требуется его согласие. Более того, в подобных ситуациях за такое уклонение потерпевший несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 308 УК РФ. О.А. Крайнова уделяет внимание тому, что закрепленное ст. 51 Конституции РФ право не давать показания против себя самого, своего супруга и близких родственников имеет отношение лишь к показаниям и пояснениям и не исключает производства различных процессуальных действий (осмотр места происшествия, опознание, изъятие образцов для сравнительного исследования) с участием лица, независимо от его согласия[6].

Еще одной формой участия потерпевшего в доказывании является дача им показаний. Необходимо отметить, что законодатель определил, что давать показания лицо может, только имея статус потерпевшего, другими словами – признанное таковым соответствующим постановлением. При этом в стадии возбуждения уголовного дела особо большое значение имеет та первоначальная информация о преступлении, на основе которой следователь впоследствии принимает важнейшие процессуальные решения. Пострадавший на данном этапе дает объяснения, которые УПК РФ к доказательствам не относит. Однако, по мнению некоторых ученых, если при их получении обеспечиваются соответствующие процессуальные гарантии, при определенных условиях такие объяснения могут быть признаны доказательствами[7]. А.Р. Нобель указывает, что в судебной практике встречаются случаи, когда объяснения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, вовлекаются в процесс доказывания по уголовному делу в качестве вещественных доказательств со ссылкой на п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ[8].

Для установления предмета доказывания следователь допрашивает потерпевшего о любых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, в том числе о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняе-

---

[1] См.: *Шапошников В.Л.* Участие потерпевшего в доказывании в стадии предварительного расследования // Наука. Теория. Практика. 2009. № 2. С.52–54.

[2] См.: *Иванов Д.А.* Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства // Российский судья. 2009. № 4. С. 12–15.

[3] См.: *Похмелкин В.А., Ильина Л.В.* Следователь и потерпевший как субъекты доказывания // Законность и борьба с преступностью. 1977. С. 45–46.

[4] См.: *Кушхов Р.Х.* Участие потерпевшего в поисковой деятельности следователя // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 115–117.

[5] См.: *Трубчик И.С.* Особенности проведения освидетельствования // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы международной научно-практической конференции. 2013. Ч. 2.

[6] См.: *Крайнова О.А.* Участие потерпевшего в проведении следственных действий при рассмотрении уголовного дела // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2016. № 5. С. 109–112.

[7] См.: *Павлик М.Ю., Шепелева О.Р., Коловоротный А.А.* Проблемные аспекты участия потерпевшего в уголовном процессе // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 4 (58). С. 129–136.

[8] См.: *Нобель А.Р.* Правовая природа объяснений в уголовно судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11(108). С. 113–119.

мым. Особое значение показания имеют для следователя, когда сведения о преступлении известны только потерпевшему и лицу, совершившему преступление (например, когда преступное посягательство осуществлялось в отсутствие других лиц). Основным средством фиксации показаний потерпевшего закон признает протокол допроса, который следователь должен составить в соответствии с предусмотренными ст. ст. 166, 167, 190 УПК РФ требованиями. Так как потерпевший является заинтересованным в исходе дела, это может влиять на достоверность его показаний. Поэтому следователю необходимо учитывать данные обстоятельства в процессе собирания, проверки и оценки его показаний.

Отдельного внимания заслуживает и следующая проблема, выделяемая некоторыми учеными. К.В. Сердюкова отмечает, что анализируя нормы УПК РФ, можно заметить весомый пробел, допущенный законодателем. УПК РФ не содержит указания, каким именно путём потерпевший может осуществлять собирание доказательств, хотя для защитника обвиняемого и подозреваемого такое законодательное описание дано в ч. 3 ст. 86 УПК РФ[1]. Защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Этот вопрос также неоднократно затрагивал А.Д. Бойков, полагая, что в таком случае адвокат – защитник обвиняемого обладает большими правами в плане собирания доказательств по сравнению с потерпевшим и его представителем[2]. Для потерпевшего могут возникнуть трудности в получении некоторых документов, которые могут быть истребованы по его ходатайству следователем через направление запроса в соответствующие органы. При этом важно указать на то, что для потерпевшего, в отличие от следователя, доказывание по уголовному делу не является обязанностью.

Следовательно, сам потерпевший участвует в доказывании в ограниченном объеме, используя предоставленное законодателем право содействовать следователю при расследовании преступлений, для защиты своих интересов в производстве по уголовному делу, и как справедливо указывает Г.К. Авдеева, такое взаимодействие участников процессуальных действий должно основываться на принципах взаимного уважения, взаимопомощи, координации, обмена информацией, содействия успеху в расследовании преступлений[3].

Указанные положения можно подтвердить примером из судебной практики. Так, в ходе досудебного производства потерпевший обратился к специалисту, чтобы последний провёл исследование по определению скорости движения транспортного средства в момент ДТП. Данное заключение в итоге было приобщено к материалам уголовного дела и использовано при оценке доказательств, представленных стороной обвинения, и нашло своё отражение в приговоре суда. В итоге вина подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ, была доказана[4]. Таким образом, потерпевший воспользовался своим право на собирание и представление доказательств по уголовному делу, что повлияло на итоговое решение суда.

[1] См.: *Сердюкова К.В.* Проблемы участия потерпевшего в процессе доказывания // Молодой ученый. 2018. № 41(227). С. 66–68.

[2] См.: *Бойков А.Д.* Жертвы преступлений нуждаются в защите // Дела судебные. Адвокаты делятся опытом. 2004. № 2. С. 3–15.

[3] См.: *Авдеева Г.К.* Взаимодействие следователя со сведущими лицами при проведении следственных действий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 113–120.

[4] См.: *Сердюкова К.В.* Проблемы участия потерпевшего в процессе доказывания // Молодой ученый. 2018. № 41 (227). С. 66–68.

А.С. Елькина

Крымский Федеральный Университет
им. В.И. Вернадского, Таврическая академия (СП),
г. Симферополь
Научный руководитель: К.Ю. Скреля
ассистент кафедры ПиЭП юридического факультета
ТА КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ АКТИВНОЕ СОУЧАСТИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация: *данная работа посвящена рассмотрению одной из наиболее острых проблем гражданского судопроизводства, которая выражается в неоднозначности способа проведения разбирательства при отказе лица вступать в судебный процесс в случае его обязательного активного соучастия. В статье проанализирована и дана оценка сложившейся судебной практики по указанному вопросу.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, судебный процесс, соистец, обеспечение, привлечение.*

Нормы гражданского процессуального права являются основополагающим регулятором действий участников соответствующих правоотношений. Учитывая значимость данной отрасли права полагаем, что анализ пробелов в законодательстве будет способствовать модернизации деятельности суда.

В проведенном исследовании была рассмотрена специфика одной из наиболее острых проблем обязательного активного гражданского процессуального соучастия и дана оценка пути ее разрешения, что и обуславливает актуальность темы, выбранной для изучения.

Обязательное соучастие возникает в силу предписания закона и не зависит от волеизъявления суда или лиц, участвующих в деле; и специфики материальных правоотношений, нарушение которых и повлекло разрешение спора в судебном порядке. Таким образом, возникает ситуация, при которой защита права одного субъекта правоотношения невозможна без участия другого.

Особого внимания заслуживает разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу, со-

гласно которому: «В случае предъявления иска не всеми лицами, которым принадлежит оспариваемое право, судья не вправе привлечь таких лиц к участию в деле в качестве соистцов без их согласия»[1].

В противном случае, будет нарушен принцип диспозитивности гражданского судопроизводства.

Следовательно, возникает вопрос о том, каким же способом проводить судебное разбирательство в случае отказа лица принимать участие в процессе при обязательном активном соучастии.

По мнению автора, данная проблема предстает перед правоприменителем достаточно остро, т.к. путь ее разрешения законодательно не закреплен. Как показывает сложившаяся практика, суды пошли по пути привлечения лиц, отказывающихся принимать участие в процессе, в качестве соистцов, как третьих лиц, не завяливающих самостоятельных требований относительно предмета спора. Сущность таких действий суда сводится к возможности привлечения последних в разбирательство по собственной инициативе, что невозможно в случае отказа лица участвовать в рассмотрении дела в качестве соистца.

В литературе нередко отмечаются недостатки такого подхода, т.к. он не вносит упорядоченности в гражданские процессуальные отношения[2]. Соглашаясь с указанной точкой зрения, также отметим, что третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора, имеет материально-правовые отношения только с одной из сторон спора и не связано никаким материальным правоотношением с другой стороной, что является несоответствием: лицо, изначально привлекаемое как соистец, связано материальным правоотношением с ответчиком.

Более того, на практике возможно возникновение ситуаций, в которых затруднительно определить на чьей стороне выступает «несостоявшийся истец», т.е. указанное лицо может относиться к своим правам не индифферентно, а поддерживать сторону ответчика.

Например, при подаче иска о выселении, рассматриваемый участник процесса не желает выселять из дома, находящегося в общей собственности с истцом, ответчика[3]. Такое неоднозначное положение лица может вызвать затруднения при вынесении судебного акта.

Несмотря на указанные недостатки полагаем, что разрешить проблему обязательного активного соучастия иным путем не представляется возможным ни de lege lata, ни de lege ferenda, т.к. различные вариации расширения полномочий суда в области привлечения истца в процесс будут «наталкиваться» на один из базовых принципов гражданского судопроизводства – диспозитивности подачи искового заявления.

Имеющиеся в распоряжении факты позволяют сделать вывод о том, что сложившаяся судебная практика, хоть и не лишена недостатков, но является единственным способом разрешения указанной проблемы на данный момент.

[1] См.: О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (в ред. от 09.02.2012) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.03.2022).

[2] См.: *Нурбалаева А.М., Исмаилова С.И.* К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 106–108. URL: https://moluch.ru/archive/209/51370/ (дата обращения: 09.03.2022).

[3] См.: О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.1980 № 4 (в ред. от 06.02.2007) // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. М., 1994.

М.Д. Емельянова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.Г. Лиходаев к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ ВОПРОСА О ВОЗБУЖДЕНИИ ПРОКУРОРОМ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Аннотация: *прокурору принадлежит особое место в административном производстве, поскольку он обладает особым правовым статусом и всегда выступает от имени государства. В связи с этим его полномочия весьма интересны и противоречивы. И ввиду того, что административное производство – самый распространенный вид из всех юридических производств, в науке ведется немало дискуссий по поводу функций прокурора по таким делам.*

Ключевые слова: *прокурор, возбуждение дела об административном правонарушении, постановление, акт прокурорского реагирования.*

Ввиду того, что прокурор обладает особым правовым статусом в рамках производства по делам об административных правонарушениях, закон наделяет его особым правом – возбуждать дело. Итак, при наличии повода и после того, как будет выявлен факт правонарушения, прокурору предстоит возбудить дело. Согласно ст. 28.4 КоАП РФ[4] прокурор обладает правом возбуждения любого административного дела, которое предусмотрено данным кодексом либо законом субъекта. По общему правилу, дело возбуждается путем вынесения постановления. Справедливо отмечает Ю.М. Козлов о том, что составление постановления как раз является сущностью стадии возбуждения дела прокурором[5].

Само постановление является тождественным документом протоколу об административном правонарушении. Это подтверждается и сроками, установленными кодексом для их вынесения и требованиями к их содержанию. Противоречивым, на наш взгляд, видится поло-

[4] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

[5] См.: *Козлов Ю.М.* Административное право: учебник. М., 2005. С. 424.

жения ст. 1 и ст. 25 ФЗ «О прокуратуре РФ»[1]. В первом случае акт прокурорского реагирования именуется как возбуждение дела об административном правонарушении, а в ст. 25 того же закона о том же акте говорится как о возбуждении производства об административном правонарушении. Однако в науке единого мнения по этому поводу нет. Ряд авторов убеждены, что правильнее говорить так, как указано в ст. 25.11 КоАП РФ. Другие авторы, например А.П. Зрелов, склонны к тому, что акт прокурорского реагирования правильнее называть постановлением о возбуждении дела об административном правонарушении, а уже результатом проведенного расследования, в качестве итога выносится постановление об административном правонарушении[2]. Мы считаем эту позицию наиболее верной, поскольку постановление о возбуждении дела идентично протоколу об административном правонарушении. Как уже ранее было отмечено, законом установлены для них одинаковые сроки и сведения, которые должны быть указаны.

Спорным моментом является и отнесение данного постановления к актам прокурорского реагирования. Некоторые исследователи полагают, что его нельзя признать таковым в тесном смысле этого понятия, поскольку в большей степени постановление о возбуждении административного правонарушения представляет собой особую форму осуществления юрисдикционный прокурорской деятельности.

Однако существует и иная позиция. Акт прокурорского реагирования представляет собой официальный документ, издаваемый в целях предупреждения и пресечения правонарушений. Подобное определение дается в юридической энциклопедии: «широко распространенное на практике и в теории прокурорского надзора понятие, которое означает решение прокурора, закрепленное в специальном документе, с помощью которого он реагирует на выявленные вследствие применения правовых средств надзора правонарушения»[3]. На наш взгляд, приведенные определения позволяют сделать вывод о том, что все-таки постановление относится к числу актов прокурорского реагирования, даже несмотря на схожесть его с протоколом. При наличии повода и его фактического подтверждения, прокурор обязан среагировать, в том числе и на правонарушение. По административным правонарушениям реакцией прокурора как раз и выступает постановление. Иными словами, реакция прокурора на нарушение законодательства является гарантией защиты прав физических и юридических лиц. Поэтому, на наш взгляд, дискуссий по поводу отнесения постановления к актам прокурорского реагирования быть недолжно.

В науке ведется дискуссия и по поводу содержания постановления. Одни авторы полагают, что оно должно содержать реквизиты протокола. Ст. 28. КоАП в части о постановлении отсылает нас к ст. 28.2 КоАП (Протокол об административном правонарушении). Однако, на наш взгляд, такое положение некорректно. Это объясняется, в первую очередь, правовой природой самого постановления. Так, например В. Балакшин утверждает, что прокурор не должен в постановлении указывать обстоятельства, установленные статье о протоколе[4]. Мы солидарны с мнением автора, поскольку правовая природа этих документов разная. Если протокол составляется в целях фиксирования фактов правонарушения, то постановление выступает в роли акта прокурорского реагирования. Следовательно, сведения о свидетелях, потерпевших или иные обстоятельства не должны быть отражены в постановление. На наш взгляд, целесообразнее будет указывать их в приложениях к постановлению.

Составление люблю акта прокурорского реагирования обременено определенными сроками. Постановление – не исключение из этого правила. Так, согласно ст. 28.5 КоАП РФ прокурор обязан немедленно после выявленного нарушения законодательства составить постановление. Речь не идет о тех ситуаций, когда необходимо время для выяснения факта нарушения. В таком случае срок увеличивается до двух суток. Однако законодательство не возлагает на прокурора обязанность документально закрепить причины продления срока до двух дней. В связи с этим нет необходимости выносить постановление немедленно.

Представляется необходимым рассмотреть на практике примеры возбуждения дела об административном правонарушении. Так, прокуратурой Ершовского района Саратовской области было возбуждено дело по ст. 5.59 КоАП РФ. В результате прокурорской проверки было установлено, что руководитель ООД «Народный фронт» Шаров С.О. обратился к главе администрации муниципального района с тем, что информационные стенды, размещенные в жилых дворах, содержат недостатки. Однако заявитель так и не получил своего ответа. Согласно распоряжения администрации Ершовского МР от 04.07.2016 № 154 «О распределении обязанностей между заместителями главы администрации Ершовского МР» первый заместитель главы администрации Ершовского МР ведет вопросы, в том числе градостроительной деятельности, обеспечивает контроль за исполнение законодательства, правовых актов Саратовской области и Ершовского МР по курируемым и координируемым вопросам, координирует и контролирует деятельность отдела строительства, архитектуры и благоустройства. На основании ст. 2.4 КоАП РФ должностное лицо подлежит административной ответственности, в случае, если оно не исполняло, либо исполняло ненадлежащим образом свои должностные обязанности. На основании полученных фактов прокурором Ершовского района было составлено постановление об административном правонарушении.

Таким образом, в данном случае было возбуждено дело по факту административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 КоАП РФ ввиду обращения должностного лица в органы прокуратуры.

---

[1] См.: Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в последней редакции) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.1992. № 8, ст. 366.

[2] См.: *Зрелов А.П.* Административное расследование. Особенности правового регулирования, коллизии и правовые пробелы // Право и экономика. 2004. № 7. С. 11–14.

[3] См.: Юридическая энциклопедия. Серия: Academia / под общ. ред. О.С. Капинус; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. Т. 3. М.: Буки Веди, 2017. С. 21.

[4] См.: *Балакшин В.* Постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении // Законность. 1998. № 10.

Еще одним примером вынесения постановления о возбуждении дела является случай, произошедший в центре занятости населения в г. Ершове. Прокуратурой Ершовского района проведена проверка исполнения действующего законодательства, регулирующего порядок рассмотрения заявлений, обращений граждан в Государственном казенном учреждении Саратовской области «Центр занятости населения города Ершова». В нарушение указанных требований федерального законодательства в ГКУ «ЦЗН г. Ершова» карточки личного приема граждан не ведутся, соответствующий журнал ведется не надлежащим образом, содержание устных обращений граждан никак не отслеживается. Кроме того, в ходе проверки установлено, что согласно журнала регистрации входящих письменных заявлений, в котором регистрируются заявления от физических и юридических лиц, с заявлением обратилась гражданка Коновалова Г.А. по вопросу приостановления ей выплат как безработной (требование о разъяснении причин при которых ей были приостановлены выплаты по безработице). Данное заявление было зарегистрировано, однако письменный ответ в установленный законом 30-дневный срок на указанное обращение заявителю Коноваловой Г.А. не давался. При указанных обстоятельствах, в действиях должностного лица – директора ГКУ «ЦЗН г. Ершова» Ширшова Д.В. усматривается состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 КоАП РФ. Данные сведения были зафиксированы в постановлении прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении.

Таким образом, поводом для проведения проверки и в результате – возбуждения дела об административном правонарушении явилось обращение гражданки. В предыдущем примере обращение в органы прокуратуры поступило от должностного лица. В данном случае можно говорить о своевременности реагирования работников прокуратуры, поскольку в дальнейшем потерпевшими от данного правонарушения могло стать большое число граждан.

Особого внимания заслуживает административное производство в отношении граждан, поскольку, на наш взгляд, при урегулировании этого вопроса имеется ряд противоречий. Возьмем основополагающий правовой акт, регулирующий деятельность органов прокуратуры ФЗ «О прокуратуре РФ». Ст. 21 данного закона закрепляет, что входит в предмет прокурорского надзора. Иначе говоря, поднадзорными признаются органы исполнительной власти, в том числе субъектов, Следственный комитет, органы местного самоуправления, органы военного управления, органы контроля, органы управлений коммерческих и некоммерческих организаций. В данном списке ничего не говорится о физических лицах.

В то время как в КоАП содержится иное положение, определяющее полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора. Ст. 28.4 КоАП РФ устанавливает право на возбуждение дела в отношении как юридических, так и физических лиц. Кроме того, этот же кодекс устанавливает перечень составов правонарушений, по которым привлекаются только граждане. Ярким примером является ст. 5.61 КоАП РФ. Так, например, гражданин Игнатюк А.К. обратился в органы прокуратуры в связи с его оскорблением нецензурной бранью гражданином А.Н. Куташевым. Заместителем прокурора была проведена проверка, в ходе которой подтвердился факт правонарушения, и было составлено постановление о возбуждении дела пост. 5.61 КоАП РФ. На основе данного примера можно сделать вывод о том, что граждане все-таки входят в предмет прокурорского надзора. И КоАП возлагает на прокуроров такое право, как возбуждение дела в отношении физических лиц по факту нарушения ими законодательства.

Что касается противоречий двух законодательных актов, то в науке немало авторов обращалось к данному вопросу. А.И. Гальченко категорически против того, чтобы прокуроры возбуждали административные дела в отношении физических лиц, поскольку это противоречит основному закону, на котором основывается деятельность органов прокуратуры[1].

Противоположную позицию имеет Н.И. Безрукавая. По словам автора, пусть ФЗ «О прокуратуре РФ» не включает в перечень поднадзорных субъектов граждан, все же никак не противоречит и не мешает прокурору привлечь к административной ответственности физическое лицо, поскольку исходя из положений законодательства, органы прокуратуры осуществляют надзор во всех сферах, где есть правонарушение. Поддерживая такую позицию, К. Винокуров говорит: «прокурор при выявлении в ходе проверки деяния, наказуемого в соответствии с любой статьей Особенной части КоАП РФ либо законом об административной ответственности за нарушение отдельных видов законодательства субъекта РФ, в котором он осуществляет свою деятельность, вправе вынести постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении в отношении любого лица, могущего нести административную ответственность»[2].

Такая точка зрения представляется нам наиболее верной, поскольку изначально органы прокуратуры выступают надзорным органом, главная цель которых заключается в обеспечении и верховенстве закона. Следовательно, прокуратура должна реагировать на любые правонарушения вне зависимости от субъекта. Поэтому, на наш взгляд, будет целесообразным решением в ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» включить в перечень поднадзорных субъектов еще и граждан. Кроме того, в КоАП РФ также должны быть внесены изменения, а именно необходимо исключить из ст. 28.4 перечь перечисленных в ч. 1 статей и ограничиться лишь фразой о том, что при осуществлении надзора прокурор имеет право на возбуждение дела о любом административном правонарушении.

Внесенные изменения позволят не только избежать противоречий двух законодательных актов, но и расширить возможности прокурора на уровне ФЗ «О прокуратуре РФ».

Таким образом, дело об административном правонарушении возбуждается прокурором при наличии опре-

[1] См.: *Гальченко А.И.* Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях // Законность. 2014. № 2. С. 20–25.

[2] Цит. по: *Винокуров К.* Некоторые вопросы вынесения прокурором постановления о возбуждении производства по делу об административном правонарушении. URL: http://www.jourclub.ru/32/426/ (дата обращения: 18.03.2022).

деленного повода. Такими поводами служат полученные из источников, указанных в КоАП РФ, сведений о нарушении законодательства. Как правило, при наличии достаточных оснований полагать, что правонарушение действительно имело место быть, прокурором незамедлительно составляется постановление. Причем закон предусматривает возможность составить постановление по истечении 2-ух суток, поскольку для выявления факта нарушения должна быть проведение соответствующая проверка.

Е.А. Ермолаева, А.С. Тулекова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: О.Д. Аристова
ассистент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *статья посвящена отдельным проблемным вопросам реализации полномочий прокурора по участию в арбитражном процессе в период интенсивных законодательных изменений. Исследуются последние законодательные проекты по дополнению полномочий прокурора в борьбе с незаконной финансовой деятельностью субъектов предпринимательства в контексте арбитражного процесса.*

Ключевые слова: *процессуальный статус прокурора, полномочия прокурора, арбитражный процесс, субъективное процессуальное право.*

Участие прокурора в цивилистическом процессе обусловлено защитой государственных и общественных интересов при отправлении правосудия. Так, только за 2 месяца 2022 г. в суды общей юрисдикции и арбитражные суды было направлено свыше 58 тысяч исков и заявлений по гражданским, арбитражным и административным делам с привлечением прокурора[1].

Статус этого субъекта арбитражного процесса обладает рядом особенностей. Если мы обратимся к анализу ст. 40 АПК РФ, то можем отметить, что прокурор отнесен к лицам, участвующим в деле, а значит, и наделен правами, закрепленными в ст. 41 АПК РФ. Однако, из п. 5 ст. 52 АПК РФ следует разница в объеме процессуальных прав и обязанностей прокурора, вступающего в процесс в инициативной форме и в уже начатый процесс. Норма о наделении прокурора правами и обязанностями истца в случае инициации дела указывает на сужение его статуса в этом случае. Можно согласиться с тем, что его статус необходимо определять, как представителя государства с самостоятельным интересом в деле, связанный с обязанностями по обеспечению исполнения законов на территории РФ[2].

В то же время законодатель ведет работу по реформированию возможных форм участия прокурора в цивилистическом судопроизводстве. Так, 11 июня 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «О внесении изменений в статью 52 АПК РФ и статью 45 ГПК РФ», который направлен на исключение возможности использования в противоправных целях недобросовестными участниками хозяйственного оборота института судебной власти.

Как отмечал Полномочный представитель Правительства РФ Логинов А.В.: «Для легализации доходов, полученных преступным путем, недобросовестные компании инициируют судебные разбирательства на основе притворных сделок»[3]. Используя исполнительные документы, организации переводят денежные средства в нарушение действующего законодательства. Указанный законопроект позволит прокурорам обжаловать подобные сделки в суде.

В феврале 2022 г. законопроект перешел к рассмотрению во втором чтении с учетом внесенных поправок. Анализируя положения законопроекта № 1192314-7, можно отметить как положительные, так и отрицательные элементы. Судебная практика показывает, что, действительно, недобросовестные компании используют механизм обращения, как в государственные суды, так и в третейские, и даже иностранные, для выведения денежных средств или их легализации. Ранее арбитражные суды в некоторых случаях обращались в различные инстанции для пресечения противоправной деятельности, однако эти процессы были затруднительны[4].

В настоящее время складывается ситуация, когда суды выносят определения о привлечении прокуратуры в качестве третьего лица. Данную практику можно наблюдать в некоторых делах Арбитражного суда Саратовской области, например, А57-34817/2020, А57-5874/2020, А57-10639/2020[5]. Предоставление инициативных полномочий прокурору обусловлено современными реалиями. Однако, такие действия суда идут вразрез с процессуальным законодательством, поскольку итоговое решение суда по делам с незаконной финансовой деятельностью субъектов предпринимательства распространяется на права и обязанности третьих лиц, а значит, и прокурора, что недопустимо. К тому же, третье лицо – лицо, имеющее материально-правовую заинтересованность в исходе дела между истцом и ответчиком. Прокурор же в арбитражном процессе вступает в дело в целях обеспечения законности.

---

[1] См.: Правовая статистика. Состояние законности в сфере исполнения законов, соблюдения прав и свобод человека и гражданина за 2 месяца 2022 г. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 12.04.2022).

[2] См.: *Ковалев А.А.* Статус прокурора в арбитражном процессе // Право и политика. 2020. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/status-prokurora-v-arbitrazhnom-protsesse (дата обращения: 12.04.2022).

[3] См.: Прокурорам расширят полномочия в арбитражном и гражданском процессах // Право.ru URL: https://pravo.ru/news/237390/ (дата обращения: 11.04.2022).

[4] См.: *Ергашев Е.Г. Панкова А.П.* Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 2. 2020.

[5] См.: Судебные и нормативные акты Российской Федерации. База решений Арбитражных судов. URL: https://sudact.ru/arbitral/ (дата обращения: 15.04.2022).

Новые полномочия прокурора позволят законодательно урегулировать привлечение прокуроров по делам о легализации доходов, полученных преступным путем, а также будут способствовать препятствованию незаконным действиям компаний на судебной стадии, когда исполнительный документ еще не был получен. Данные изменения являются актуальными, поскольку, обладая надзорными полномочиями, прокурор для формирования позиции по делу проводит проверку на основании информации, полученной в суде. Результатом реализации полномочий прокурора в этом случае может стать не только отказ в удовлетворении необоснованного иска, но и возбуждение уголовного дела[1].

Законопроект является логичным продолжением комплексной работы по борьбе с незаконной финансовой деятельностью субъектов предпринимательства. Ранее в 2020 г. Верховный Суд РФ выпустил Обзор по вопросу противодействия незаконным финансовым операциям[2]. В п. 1 Обзора нижестоящие суды вправе привлекать к участию в деле госорганы, в частности прокуроров, если обстоятельства дела свидетельствуют о наличии признаков легализации доходов, полученных преступным путем.

В случае принятия законопроекта, прокуратура сможет эффективно осуществлять надзор за исполнением законодательства в рассматриваемой сфере, выявляя признаки неправомерного поведения недобросовестных участников правоотношений, принимать весь спектр мер прокурорского реагирования, направленный не только на устранение, но и на предупреждение нарушений интересов государства. Кроме того, данная мера позволит законодательно закрепить инициативную позицию прокурора при реализации его полномочий в арбитражном судопроизводстве, определив тем самым его процессуальный статус.

Е.А. Ермолаева, Д.А. Филатов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Изварина Ю.Ю.
Старший преподаватель ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация: *в настоящее время законодательная база в сфере социального обеспечения нуждается в совершенствовании. В статье рассматривается проблема отсутствия единого кодифицированного нормативно-правового акта в указанной сфере. Особое внимание уделено необходимости внесения изменений в ФЗ «О страховых пенсиях» и гражданский процессуальный кодекс РФ. Рассмотрена проблема равенства прав мужчин и женщин при определении права на материнский капитал.*

Ключевые слова: *социальный кодекс, право социального обеспечения, подсудность, материнский капитал.*

Изменения, происходящие в общественной жизни, требуют от государства своевременной реакции в виде создания новых юридических норм или изменения старых. Анализ действующего законодательства в России позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования социального обеспечения населения. В настоящее время законодательная база в сфере социального обеспечения находится в состоянии реформирования, имеются пробелы в различных нормативно-правовых актах, что, безусловно, влияет на уровень жизни населения. Так, по данным Росстата за чертой бедности по итогам 2021 г. остается 16,1 млн человек, что составляет 11 % от населения страны[3]. Рассмотрим некоторые проблемы правового регулирования в сфере социального обеспечения.

Во-первых, актуальным является вопрос отсутствия единого законодательного акта сводного характера, который бы позволил решить проблему нестабильности правового регулирования в сфере социального обеспечения, выражающиеся в нагромождении многочисленных законодательных изменений, не устраняющих пробелы и создающие новые противоречия. Для кодификации нормативно-правовых актов, регулирующих указанную сферу, предлагается разработка Социального кодекса РФ, который должен систематизировать отраслевые правовые нормы, объединив их на основе единых подходов и принципов.[4]

Кодификация права социального обеспечения позволит решить множество задач в реализации защиты прав граждан.

Во-вторых, на наш взгляд, является необоснованным правило о невозможности подтверждения свидетельскими показаниями характера трудовой деятельности при подсчете страхового стажа. Данное положение закреплено в ч. 3 ст. 14 ФЗ «О страховых пенсиях»[5] и является препятствием для реализации гражданами права на досрочный выход на пенсию в связи с работой в тяжелых, опасных и вредных условиях труда.

Предлагаем исключить данное положение из вышеуказанной нормы или прямо установить возможность до-

[1] См.: По инициативе прокуратуры Саратовской области возбуждено уголовное дело по факту мошенничества. URL: https://saratov.bezformata.com/listnews/prokuraturi-saratovskoy-oblasti/100953245/ (дата обращения: 11.04.2022).

[2] См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/29097/ (дата обращения: 11.04.2022).

[3] См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/157001 (дата обращения: 22.03.2022).

[4] См.: *Зубарев С.М.* К вопросу о совершенствовании правовой основы государственного управления в социальной сфере: обсуждаем проект Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6. С. 31–34.

[5] См.: Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400- ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52, ст. 6965.

казывания свидетельскими показаниями характер трудовой деятельности в случае утраты документов не по вине работника, подтверждающих характер работы.

Долгое время оставался проблемным вопрос: к гражданскому или административному судопроизводству необходимо относить споры, возникающие в связи с защитой прав граждан в сфере социального обеспечения. Ответ на данный вопрос дал Верховный Суд РФ в 2016 г., который в своём Постановлении Пленума «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»[1] указал, что не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав.

Таким образом, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что дела такой категории рассматриваются судами в рамках гражданского судопроизводства. Однако в перечне категорий гражданских дел, закрепленных в ст. 22 ГПК РФ[2], отсутствует положение, касающиеся споров, возникающих в связи с защитой гражданами своих прав на социальное обеспечение. Поэтому для устранения правовой неясности считаем необходимым дополнить п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ положением, которое бы закрепляло среди прочих правоотношений, рассматриваемых по правилам гражданского судопроизводства, и социально-обеспечительные. Соответствующие изменения необходимо внести и в ст. 23 ГПК РФ, в которой следует указать данную категорию дел и закрепить положение, что дела по спорам, возникающим в связи с защитой гражданами своих прав на социальное обеспечение подсудны мировому судье при цене иска не превышающей пятидесяти тысяч рублей.

Законодательное закрепление в гражданском-процессуальном законодательстве подсудности социальных дел судам общей юрисдикции позволит исключить возможные заблуждения граждан, обращающихся за защитой своих прав, по поводу характера спорных правоотношений.

Еще одной проблемой законодательного регулирования социальной сферы является разный уровень прав мужчин и женщин, связанный с материнским капиталом. Перечень лиц, имеющих право на получение материнского капитала и его размер закреплены в Федеральном законе от 29.12.2006 № 256-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Данная мера государственной поддержки может быть направлена на получение образования, улучшение жилищных условий, повышение уровня пенсионного обеспечения, приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей – инвалидов[3]. Данным законом предусмотрено использование средств материнского (семейного) капитала на формирование пенсии матери, но не отца.

Отец (усыновитель), воспитывающий ребенка или детей без участия матери и получивший право на приобретение такой меры государственной поддержки, не имеет права на финансирование накопительной части своей трудовой пенсии. Соответственно, государство в некоторой степени отходит от принципа формального равенства, объясняя это «особой, связанной с материнством, социальной ролью в обществе»[4]. Данный тезис был впервые сформулирован в определении Конституционного Суда РФ в 2000 г.

В 2015 г. Конституционным Судом РФ была также сформулирована мысль о вторичности прав мужчин на дополнительные меры государственной поддержки, связанные с рождением ребенка. Полагается, что реализация предоставленного субъективного права зависит от соответствующего права женщины и его осуществления. Суд исходил из того, что предписания закона о материнском капитале лежат за пределами собственно содержания Конституции РФ, следовательно, проверка их конституционности должна учитывать и ту целесообразность, которую имел в виду законодатель[5]. Во-вторых, данная мера поддержки является, по мнению Суда, не только дополнительной, но и временной, а значит, область ее назначения может быть определена законодателем как угодно – отсюда и вторичность правомочий отцов по сравнению с материнскими.

По мнению судьи Конституционного Суда РФ Гаджиева Г.А. нормы ст. 3 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» все же противоречат конституционному принципу всеобщего равенства перед законом и судом и в определенной степени порождают дискриминацию в данном вопросе между правами мужчин и женщин.

Таким образом, законодателю необходимо помнить, что сфера социальных субъективных прав и интересов представляет собой объект особой охраны и ответственности, поэтому государство должно, прежде всего, ставить на первый план человека, его права и свободы. Однако правовая база российской социальной сферы нуждается в доработке, постоянном контроле со стороны как государства, так и институтов гражданского общества. Все это свидетельствует о необходимости активизации научных исследований по проблемам общей части права социального обеспечения, в которых приоритетным направлением должен стать анализ права граждан на социальное обеспечение, в том числе с позиций его ограничения.

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (в ред. от 17.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11, ст. 1212.

[2] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2022 г. № 138- ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

[3] См.: О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2007. № 1, ч. 1–2, ст. 19.

[4] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кубанова Виктора Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 No 1085-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Полякова А.В., Денисенко В.В.* Принцип формального равенства и взаимное признание права. М.: Проспект, 2016.

А.М. Ермолова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.И. Насиров
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ С УСЛОВНЫМ ОСУЖДЕНИЕМ

Аннотация: *в данной работе рассматривается соотношение такого вида наказания, как ограничение свободы с условным осуждением. Анализируются различия и сходства ограничения свободы и условного осуждения.*

Ключевые слова: *ограничение свободы, условное осуждение, различия, уголовно-исполнительная инспекция, Уголовный кодекс РФ.*

Одним из возникающих вопросов при изучении наказания в виде ограничения свободы является спорный вопрос о соотношении ограничения свободы и условного осуждения. Обозначенный вопрос является довольно актуальным, т.к. люди, не обладающие специальными юридическими знаниями и лица, находящиеся на начальной ступени их освоения часто путают эти институты в силу их внешнего сходства[1]. Действительно, как ограничение свободы, так и условное осуждение характеризуются тем, что виновный в совершении общественно опасного деяния не изолируется от общества, в отношении него устанавливаются ограничения, за ним осуществляется надзор соответствующими государственными органами и на него возлагаются определенные обязанности.

Необходимо отметить и тот факт, что в самой уголовно-правовой науке говорится о схожести содержания ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы» и ст. 73 УК РФ «Условное осуждение». Это связано с тем, что ограничения, обозначенные в ч. 1 ст. 53 УК РФ и в ч. 5 ст. 73 УК РФ и применяемые в отношении виновных лиц, практически идентичны. Однако, изучив два данных института, мы можем констатировать тот факт, что между ними существуют значительные различия.

Будет правильно начать сравнение с тех различий, которые обозначены самим законодателем в Уголовном кодексе РФ. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ сущность уголовного наказания в виде ограничения свободы «заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». В соответствии ч. 5 ст. 73 УК РФ «Суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению». Процитированные уголовно-правовые нормы позволяют утверждать, что между правоограничениями, устанавливаемыми судом в отношении осужденных к ограничению свободы условно осужденных, имеются общие черты.

Таким образом, законодатель акцентирует наше внимание на том, что при назначении ограничения свободы ограничивается конституционно-правовой статус лица, суд принуждает его претерпевать определенные ограничения, в чем прослеживается императивная сущность данного института.

В случае осуждения лица к наказною условно. ему предоставляется возможность доказать свое исправление и намерение вести законопослушный образ жизни. Соответственно, если при назначении ограничения свободы в исправлении осужденного заинтересовано государство, то при условном осуждении заинтересованным является само лицо[2].

Следующим и определяющим отличием между данными институтами является то, что ограничение свободы это вид уголовного наказания, в то время как условное осуждение является заменой реального отбытия наказания испытательным сроком для предоставления лицу, совершившему противоправное деяние, возможности исправиться и доказать свое исправление.

Из сказанного вытекает еще одно отличие, а именно цели назначения. Целью ограничения свободы является предупреждение совершения новых преступлений, как самими осужденными, так и другими, потенциальными правонарушителями, за счет ограничения прав виновного лица. Условное осуждение назначается с целью предоставления лицу возможности доказать свое исправление.

Далее, говоря о сущности, необходимо отметить, что ограничение свободы является мерой государственного принуждения, содержащей набор необходимых признаков уголовного наказания. При этом, условное осуждение не входит в систему наказаний, но содержит набор правоограничений, применяемый к виновному в совершении преступления лицу. Сущность условного осуждения – испытание (испытательный срок), при котором осуществляется психологическое воздействие на осужденных, стимулируя их вести законопослушный образ жизни.

[1] См.: *Жевлаков Э.Н.* Назначение наказания: учебное пособие. М.: Проспект, 2019. С. 32.

[2] См.: *Старков О.В.* Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ. М.: Юридический центр Пресс, 2019. С. 59.

Следующим важным отличием является то, что ограничение свободы назначается только за преступления небольшой и средней тяжести, тогда как применение условного осуждения происходит независимо от категории преступления и может быть назначено за тяжкие и даже особо тяжкие преступления[1].

Отличительной чертой ограничения свободы и условного осуждения является и порядок их исполнения. Исполнение наказания в виде ограничения свободы происходит в особом порядке. Приговоренный к ограничению свободы обязан на протяжении всего времени находиться под надзором уголовно-исполнительной инспекции[2].

Необходимо заметить, что надзор за лицом осуществляется на расстоянии, а не посредством прикрепления к осужденному инспектора, что, во-первых, нарушало бы конституционные личную и семейную тайну, права осужденных, например, такие как право на тайну телефонных переговоров, неприкосновенность жилища и другие, а во-вторых, исполнение стало бы затруднительно из-за большого количества лиц, которым назначен данный вид наказания.

В целях осуществления надзора за осужденными используются специальные технические средства, позволяющие надзирающему органу отслеживать передвижение осужденного – такие как электронные браслеты, которые осужденные должны носить на протяжении всего срока исполнения наказания.

При реализации условного осуждения такие меры не применяются.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ограничение свободы и условное осуждение по их сущности, содержанию, целевому назначению, порядку и условиям применения являются самостоятельными категориями и занимают свое особое место в уголовно-правовой науке.

Дополняя сказанное, необходимо отметить, что, несмотря на указанные отличительные черты между уголовным наказанием в виде ограничения свободы и условным осуждением, между ними прослеживаются и схожие черты. Они выражаются в том, что наказание в виде ограничения свободы и условное осуждение являются формами реализации уголовной ответственности, носят принудительный характер и применяются судом. Более того, данные уголовно-правовые институты не характеризуются пенитенциарным воздействием и контроль за поведением осужденных данной группы осуществляет уголовно-исполнительная инспекция.

Таким образом, рассматриваемые институты не являются тождественными и при их назначении нельзя исходить с точки зрения «необходимого» и «достаточного» одного из них в силу их различной функциональной направленности. Существование каждого из данных двух институтов обусловлено различными причинами и самостоятельностью.

[1] См.: *Серков П.П.* Уголовные преступления. Квалификация и назначение наказаний. М.: Норма, 2019. С. 62.

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» (в ред. от 23.04.2012) // СЗ РФ. 1997. № 25, ст. 2947.

Д.А. Ершов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Барков
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИНСТИТУТ ПРИЁМНОЙ СЕМЬИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос правовой природы договора о приёмной семье. Определяется специфика применения законодательства при решении соответствующих правовых вопросов. Анализируется современное состояние института приёмной семьи. Выявляются проблемы и приводятся предложения по совершенствованию договорного регулирования приёмной семьи. Определена отраслевая принадлежность рассматриваемого договора.*

Ключевые слова: *приёмная семья, опека, попечительство, договор, воспитание.*

На сегодняшний день институт приёмной выполняет важнейшую социальную роль, обеспечивая защиту детства. Приёмная семья, как одна из трёх форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с самого начала появления в семейном законодательстве и на сегодняшний день по-прежнему находится в центре научных дискуссий. Одной из причин дискуссий является противоречивость многочисленных нормативно-правовых актов, в том числе региональных, которые во взаимодействии регулируют данные отношения. Недостаток целостной картины правовой природы конструкции приёмной семьи предопределяет необходимость дальнейшего теоретического исследования в данной области.

В семейном законодательстве РФ даётся легальное определение приёмной семьи, под которой понимается опека или попечительство над ребенком или детьми, осуществляемые по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре (ч. 1 ст. 152 СК РФ)[3]. Как видно из определения, правовым основанием возникновения приёмной семьи выступает договор о её создании.

В настоящее время остро обсуждается проблема отраслевой принадлежности договора о приёмной семье. В науке сформировалось пять точек зрения по этому вопросу.

Так, одни считают, что данный договор имеет трудовой характер (Г.С. Скачкова, И.Е. Певцова). Проанализировав договор о приёмной семье и трудовой договор, можно выделить ряд схожих черт. Так, в соответствии с трудовым договором работодатель обязан обеспечить условия труда работника, например, предоставить рабочее место, спец. одежду и т.д. В договоре о приёмной семье, в свою очередь, органы опеки и попечительства обеспечивают приёмную семью денежными средствами на питание, одежду, обувь и т.д. В обоих случаях указан-

[3] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 16; 2021. № 27, ст. 5138.

ные правоотношения прекращают своё действие по истечении срока договора.

Однако стоит отметить различия данных договоров. При устройстве на работу работник обязан предоставить трудовую книжку работодателю, в отношении приёмных родителей данная обязанность отсутствует. Также работнику может быть назначен испытательный срок при приёме на работу, для приёмного родителя данный срок не назначается. Стоит обозначить, что предмет договора о приёмной семье указывает на целый ряд условий, которые нацелены на развитие, воспитание и заботу о здоровье детей, а это, в свою очередь не может быть предметом трудового договора. Приёмный родитель сам определяет время труда и отдыха, у него отсутствует распорядок и режим дня, также приёмный родитель не имеет ежегодно оплачиваемого отпуска.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что отношения между приёмными родителями и органом опеки и попечительства не трудовые, так же как и правовая природа рассматриваемого договора.

Вторые относят договор о приёмной семье к административным договорам (М.Е. Жабреев, О.А. Камалов). Стоит отметить, что административные договоры в первую очередь направлены на достижение целей в сфере государственного управления. Важная социальная роль приемной семьи, замещающей ребенку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, его кровную семью, социальное содействие детям в данном случае не может опосредоваться договорами административного характера.

Третьи полагают, что договор о приёмной семье имеет семейно-правовую природу (А.М. Нечаева, Н.Ф. Звенигородская, О.Ю. Ситкова, С.Ю. Чашкова). Сторонники семейно-правовой природы утверждают, что данный договор не может являться гражданско-правовым договором, т.к. договор о приёмной семье имеет свою специфику, цели и особенности. Так, субъектный состав заранее определён нормами семейного законодательства. Кроме того, содержание договора о приёмной семье основывается на принципах семейного права. Наиболее всесторонне аргументировала свою позицию Н.Ф. Звенигородская, которая утверждала следующее: «воспитание приемного ребенка в семье приемных родителей нельзя квалифицировать как гражданско-правовую услугу». В дальнейшем поясняет, что положения договора, касающиеся предоставления приемным семьям автотранспорта, жилища, другого имущества, выделения земельного участка, можно квалифицировать как «второстепенные, случайные условия, от которых действие договора не зависит», и которые не могут повлиять на семейно-правовую природу самого договора о приемной семье[1].

Однако заслуживает внимание п. 2 ст. 152 СК РФ, в котором прямо предусмотрено, что к отношениям, возникающим из договора о приемной семье, в части, не урегулированной СК РФ, применяются правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг постольку, поскольку это не противоречит существу таких отношений[2]. В связи с этим утверждение о семейно-правовой природе договора о приёмной семье может быть поддержано не всеми учёными, т.к. к данным отношениям могут быть применены нормы гражданского законодательства о возмездном оказании услуг.

Четвёртые утверждают, что договор о приёмной семье является гражданско-правовым (И.А. Банников, Н.В. Волкова, Л.Ю. Михеева, Н.В. Летова, А.М. Рабец). Сторонники данной позиции отмечали, что в договоре о приёмной семье подопечный противостоит приемному родителю в качестве кредитора и в соответствии с договором, в заключении которого не участвует, приобретает субъективные права.

Весьма убедительно свою позицию отстаивала Л.Ю. Михеева, считавшая, что договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью относится к договорам, направленным на оказание услуг, а «функции исполнителя сходны с функциями няни, воспитателя или гувернантки»[3]. В связи с тем, что данный договор не предусмотрен гражданским законодательством, он является непоименованным (нетипичным) договором. Также договор о приёмной семье является договором в пользу третьего лица, т.е. в пользу несовершеннолетнего. С принятием ФЗ «Об опеке и попечительстве» многие утверждения Л.Ю. Михеевой были подтверждены на законодательном уровне. В частности в п. 2 ст. 152 СК РФ, было закреплено положение в соответствии с которым, к отношениям, возникающим из договора о приемной семье, в части, не урегулированной СК РФ, стали применяться правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг[4]. Нельзя не согласиться с Л.Ю. Михеевой, касательно наличия цивилистических элементов в правовом регулировании договора о приёмной семье, вместе с тем утверждение о полной гражданско-правовой природе рассматриваемого договора видится не совсем верным. Достаточно интересна позиция А.В. Баркова, отмечавшего, что договор о приёмной семье необходимо относить к договорам социального содействия ребёнку в преодолении им трудной жизненной ситуации[5].

Следует учесть специфику правовой конструкции приёмной семьи, а она такова, что расположена на стыке нескольких отраслей права, в связи с чем, правоотношения, возникающие между приёмными родителями и органами опеки и попечительства имеют сложный неоднородный характер. В связи с этим представляет интерес позиция учёных (П.В. Крашенинникова и П.И. Седугина), считающих договор о приёмной семье смешанным, сочетающий в себе элементы семейно- и гражданско-правовой природы[6].

---

[1] См.: *Звенигородская Н.Ф.* Правовая природа договора о приёмной семьи и соглашения приёмной семьи о создании фермерского хозяйства // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 6. С. 54

[2] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 16; 2021. № 27, ст. 5138.

[3] См.: *Михеева Л.Ю.* Опека и попечительство: правовое регулирование: учебно-практическое пособие. М., 2004. С. 84–85.

[4] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 16; 2021. № 27, ст. 5138.

[5] См.: *Барков А.В.* Институт приёмной семьи в частном праве России: некоторые тенденции и перспективы развития // Гражданское право. 2010. № 3. С. 43–47.

[6] См.: Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. П.В. Крашенинникова, П.И. Седугина. С. 339.

Всё большую поддержку в научных кругах приобретает позиция высказанная Д.В. Огородовым и М.Ю. Челышевым[1]. Так, они предлагают распространять категорию «смешанные договоры» и в тех ситуациях, когда частно-правовое соглашение содержит условия, определяемые несколькими отраслями права. В частности, авторы уточняют, что: «Суть договора смешанного характера заключается в том, что это синтетическое явление, которое охватывает и соединяет в рамках единой формы несколько разных по отраслевому происхождению условий. Такое объединение и составляет сущность смешанных договоров». Вследствие чего Д.В. Огородов и М.Ю. Челышев говорят о «полиотраслевых», т.е. многоотраслевых договорах, в которых объединяются в единое целое условия нескольких отраслей права. А.В. Барков в свою очередь предлагает к различным отраслям права, применять термин «комлексный договор», т.к. термин «смешанный договор» логичнее использовать при характеристике смешанного предмета договора в рамках одной отрасли права[2].

Данная позиция в полном объёме раскрывает правовую природу договора о приёмной семье. Так, к отношениям, возникающим из договора о приёмной семье, применяются правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг, поскольку это не противоречит сущности данных отношений (п. 2 ст. 152 СК РФ). Вместе с тем, в соответствии с договором о приёмной семье возникают и семейные права и обязанности, определяемые семейным законодательством, в частности права и обязанности касающиеся обучения и воспитания несовершеннолетних.

В договоре о приёмной семье можно также обнаружить и наличие элементов права социального обеспечения. Так, создание приёмной семьи служит основанием возникновения права на государственную социальную помощь, в частности у семьи могут возникнуть права на льготы и меры социальной поддержки в виде денежных пособий.

Таким образом, с учётом вышесказанного, можно сделать вывод о том, что договор о приёмной семье является смешанным полиотраслевым комплексным договором, который состоит главным образом из гражданско-правовых и семейно-правовых элементов.

[1] См.: *Огородов Д.В., Челышев М.Ю.* Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. М., 2005. № 10. С. 50–53.

[2] См.: *Барков А.В.* Институт приёмной семьи в частном праве России: некоторые тенденции и перспективы развития // Гражданское право. 2010. № 3. С. 43–47.

П.Н. Зайцева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Шиндина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация: *В настоящей работе автором предпринята попытка комплексного исследования реализации права на образование в условиях пандемии и на постпандемийном пространстве.*

Автор рассматривает образовательные организации в качестве основных субъектов реализации права на образование и приходит к выводу, что на сегодняшний момент они обладают легальными основаниями для реализации права граждан на получение образования посредством применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Ключевые слова: *право на образование, реализация права, пандемия, дистанционный формат, цифровизация, электронное образование.*

Право на образование присуще каждому человеку. Оно закреплено во многих международно-правовых актах. Не ставя перед собой задачи полной инвентаризации всех актов, отметим лишь наиболее значимые, такие как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (статья 26)[3], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (статья 13, 14)[4], Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (статья 28, 29)[5], Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (Протокол № 1 от 20 марта 1952 г. – ст. 2)[6], Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г[7].

Как элемент правового статуса личности право на образование закреплено в Конституции России 1993 г. Конституционное закрепление права на образование

[3] См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.

[4] См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, М., 1978. Вып. XXXII. С. 36.

[5] См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45, ст. 955.

[6] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

[7] См.: Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (принята генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры, 14.12.1960) // СПС «КонсультантПлюс».

является важнейшей предпосылкой политического, экономического, социального и духовного развития общества[1].

Базовым нормативно-правовым актом, принятым во исполнении конституционного права человека на образование, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (*далее* Закон об образовании)[2].

В статье второй указанного акта раскрывается содержание термина «образование». Так, под образованием понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и/или профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Гарантируя право каждого человека и гражданина на образование, ст. 5 Закона об образовании провозглашает его общедоступность и бесплатность (высшего образования – получаемого впервые, на конкурсной основе).

Существенные коррективы в процесс реализации права на образование внесла пандемия COVID-19, которая кардинально изменила не только процесс получения образования, но и качество преподаваемых дисциплин. По данным ООН пандемия затронула почти 1,6 миллиарда учащихся в более чем 190 странах и на всех континентах мира[3].

Ввиду сложившейся ситуации необходимо было мгновенно реагировать и перестраивать весь процесс обучения на новый лад, минимизирующий риск заражения инфекцией и обеспечивающий право на получение образования. Выход виделся в переводе учебного процесса в дистанционной формат с применением технологий электронного обучения. Соответствующий приказ был подписан 16 марта 2020 г. министром образования России В.Н. Фальковым[4].

В связи с этим актуальность настоящей работы видится в комплексном исследовании права на образование и практики его реализации в условиях пандемии и в постпандемийный период.

Переход в «онлайн» для многих обучающихся и их родителей был очень болезненным и многие в принципе не признавали обучение в сети. В интернете даже появился мем, в котором знаменитое утверждение Рене Декарта Cogito Ergo Sum («Я мыслю, следовательно, существую») перефразировали в «Covido Ergo Zoom»[5]. Такой цифровой переход многие восприняли как «ненастоящее образование».

Вынужденный переход в дистанционный формат обучения обнажил проблему неравенства. Оказалось, что быстрый интернет и бесперебойные занятия – это привилегия жителей больших городов. Население удаленных районов (а это почти 50 % населения мира) лишены такой возможности. Кроме того, в числе проблемных аспектов присутствовал и социальный барьер. Семьи с доходами ниже среднего, как правило, не могут обеспечить каждого члена семьи компьютером для доступа к онлайн-урокам и необходимым физическим пространством. В результате обучение часто происходит в местах, не предназначенных для этого: на кухне, на балконе, в ванной.

По данным социологических опросов во время пандемии 23 % семей были вынуждены приобрести дополнительную мебель, 16 % обновили технику и провели (или усилили) интернет[6].

Для образовательных организаций переход в дистанционный формат обучения не был столь болезненным и неожиданным, как для обучающихся и их родителей, поскольку абсолютное большинство общеобразовательных учреждений в соответствии с аккредитационными требованиями имеют подключение к сети Интернет и были готовы к такому развитию событий. Кроме того, у российских вузов есть законные основания для цифровизации образовательной деятельности – такие права им предоставил Закон об образовании.

В частности, указанный акт предусматривает право образовательных организаций осуществлять реализацию образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Реализацию данного права обеспечивает принятый Минобрнауки РФ приказ[7]. Реализация образовательных программ (их частей) возможна с использованием как исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, так и в их сочетании с традиционным обучением.

При выборе того или иного варианта реализации образовательной деятельности требуется создать необходимые условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС), обеспечивающей освоение образовательных программ (их частей) в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся, обеспечить идентификацию личности обучающегося и контроль соблюдения условий проведения мероприятий, в рамках которых осуществляется оценка результатов обучения.

---

[1] См.: *Ооржак А.О.* Конституционное право гражданина Российской Федерации на образование // Концепт. 2016. № 6. С. 68–73.

[2] См.: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СЗ РФ. 2012. № 53, ст. 7598.

[3] См.: Концептуальная записка ООН: Образование в эпоху COVID-19, август 2020 г. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy briefeducation duringcovid-19andbeyond russian.pdf (дата обращения: 27.03.2022).

[4] См.: Приказ министерства образования. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/presscenter/card/id4 (дата обращения: 27.03.2022).

[5] См.: Учебный коллапс. URL: https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/uroki-stoikosti-2020/854663/ (дата обращения: 27.03.2022).

[6] См.: Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е.А. Суханова, И.Д. Фрумин. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 32.

[7] См.: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 20 сент.

Кроме того, обратим внимание, что «цифровые» возможности вузов регламентированы и образовательными стандартами последнего поколения. В качестве примера приведем вступивший в силу 20 марта 2021 г. ФГОС магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» в котором особое внимание уделяется обязанности по обеспечению каждого обучающегося индивидуальным неограниченным доступом к ЭИОС образовательной организации из любой точки, в которой имеется доступ к сети Интернет [1].

Таким образом, образовательные организации России в той или ной мере оказались готовыми к цифровым вызовам современности. На сегодняшний момент они имеют все законные основания для реализации права граждан на получение образования посредством применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Вместе с тем, в одностороннем порядке невозможно добиться высоких образовательных результатов и в полной мере обеспечить реализацию права каждого на образование.

Цифровая трансформация образования возможна при условии решения всех существующих проблем, в том числе, преодоления цифрового неравенства, на котором мы акцентировали свое внимание.

Нельзя не затронуть вопрос и о качестве получаемого образования. В период с апреля по июль 2021 г. под руководством Минобрнауки был проведен социологический опрос, посвященный состоянию качества образования в России. В опросе приняло участие 36 тысяч студентов, 24 тысячи преподавателей и 800 родителей студентов[2]. О качестве образования респонденты высказались осторожно.

Большинство (70 %) студентов ответили, что дистанционный формат позволил им осваивать образовательные программы. Но только 7 % считают, что высшее образование может полностью перейти в онлайн-формат. Преподаватели тоже уверены, что перевести большую часть дисциплин в онлайн без потери качества невозможно: менее 10 % согласились, что могли бы вести 75 % своих занятий онлайн. Но к какой-то доле «дистанционки» готовы большинство педагогов: 70 % из них считают, что смешанный формат обучения вот-вот станет повседневной реальностью в высшем образовании. В апреле 2020 г. так думало всего 22 %[3].

Безусловно, цифровые технологии раскрывают перед человечеством огромный потенциал возможностей, в том числе и в сфере образования. Для респондентов главным преимуществом стало освободившееся время, появилось больше возможностей работать, а также заниматься несколькими делами параллельно. Как это в итоге сказалось на качестве получаемых знаниях студентов, можно будет ответить после среза знаний студентов, о необходимости проведения которого 21 марта 2022 г. заявил министр науки и высшего образования России В. Фальков[4].

Подводя итоги исследования, отметим, что на сегодняшний момент образовательные организации имеют все законные основания для реализации права граждан на получение образования посредством применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий без потери его качества.

Вместе с тем, существуют серьезные проблемы, в числе которых цифровое неравенство, не позволяющее в полной мере обучающемуся реализовать свое право на образование. Устранение существующих проблем должно быть приоритетной задачей государства.

Также хотелось бы акцентировать внимание на том, что в дальнейшем обучающиеся будут более требовательными, что, в свою очередь, диктует необходимость постоянного аудита образовательного процесса на его соответствие как запросам обучающихся, так и на требования законодательства.

В.В. Заливчева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ю.А. Зайцева
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье проводится анализ положений, затрудняющих реализацию детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, их жилищных прав. Рассмотрено действующее законодательство Саратовской области и Российской Федерации в целом. На основе этого предложены возможные пути решения выявленных проблем.*

Ключевые слова: *жилищные права; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; социальная поддержка.*

По официальным данным статистики в 2021 г. численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составила 390949 человек, непосредственно в Саратовской области – 5756 человек[5].

[1] См.: Приказ Минобрнауки России от 25.11.2020 № 1451 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е.А. Суханова, И.Д. Фрумин. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 32.

[3] См.: Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: аналитический доклад / науч. ред. Е.А. Суханова, И.Д. Фрумин. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 32.

[4] См.: Минобрнауки призвало вузы провести срез знаний студентов после двух лет дистанта. URL: https://ria.ru/20220321/vuz-1779275391.html (дата обращения: 27.03.2022).

[5] См.: Численность детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/61254 (дата обращения: 27.03.2022).

Ежегодно на социальную поддержку данной категории граждан выделяют миллионы и даже миллиарды рублей из государственного бюджета и бюджета субъектов. Эти денежные средства идут, в частности, на медицинское обслуживание, образование, санаторно-курортный отдых, в том числе и на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Предоставление детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, жилых помещений обусловлено желанием государства «обезопасить право на жилище детей-сирот, дать время такому ребенку на социализацию, адаптацию к новой среде, защитить их от неправомерных действий недобросовестных участников гражданского оборота и т.д.»[1].

Указом Президента РФ от 29.05.2017[2] Десятилетием детства объявлены 2018–2027 годы. В соответствии с данным указом Правительство РФ разработало план мероприятий до 2027 г., которым, в частности, предусмотрена реализация определенных задач по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа. Указанные меры должны привести к сокращению очереди, усовершенствованию и автоматизации системы учета данной категории граждан, расширению форм обеспечения жильем и т.п. Достижение этих целей возлагается на Министерство просвещения, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства и органы исполнительной власти субъектов[3].

В статье 8 Федерального закона от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»[4], закреплены гарантии прав на имущество и жилое помещение. Однако нужно иметь ввиду, что в соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона от 29.02.2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» указанная выше ст. 8 будет распространяться на правоотношения, возникшие до дня вступления в силу настоящего ФЗ, в случае, если лица из данной категории граждан, не реализовали принадлежащее им право на обеспечение жилыми помещениями до дня вступления в силу настоящего Федерального закона[5].

Большие полномочия в решении данного вопроса предоставлено органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые принимают соответствующие законодательные акты, направленные на разрешение жилищных вопросов указанной категории граждан, что подтверждается Федеральным законом от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Законодательством субъектов РФ должны быть урегулирование такие положения, как: формирование списка данной категории граждан, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями; невозможность их проживания в ранее занимаемых жилых помещениях, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых они являются; порядок выявления обстоятельств, в связи с которыми данной категории граждан необходимо оказать содействие в преодолении трудной жизненной ситуации с целью повторного заключения договора найма специализированного жилого помещения и др.

В Саратовской области на решение данных проблем направлен закон «Об обеспечении дополнительных гарантий прав на имущество и жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Саратовской области»[6] и несколько Постановлений Правительства Саратовской области (например, Постановление Правительства Саратовской области от 6.07.2021 г. № 524-П «О порядке предоставления социальной выплаты на приобретение жилого помещения в собственность, удостоверяемой именным свидетельством»). Проанализировав правовую базу по указанному вопросу, можно сделать следующие выводы:

1. Детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей может быть однократно предоставлено жилое помещение по договору найма специализированных жилых помещений.

2. Срок действия указанного договора составляет 5 лет.

3. Данной категории граждан с целью оказания помощи при обустройстве предоставленного жилья дополнительно выделяется 20 тысяч рублей.

4. Уполномоченный государственный орган области в сфере жилищных отношений формирует соответствующий список лиц, достигших 14-летнего возраста и нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями.

5. Лицам из данной категории, включенным в список и достигшим возраста 23 лет, в связи с приобретением благоустроенного жилья в собственность предоставляется право на однократное получение социальной выплаты. Такая выплата удостоверяется именным свидетельством.

Наибольший интерес вызывают два последних пункта, т.к. именно с их реализацией возникает немало проблем.

Заявление о включении в список нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями подается законным представителем или самим гражданином по достижении

---

[1] См.: *Формакидов Д.А.* Правовое регулирование найма специализированных жилых помещений // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 47.

[2] См.: Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СЗ РФ. 2017. № 23, ст. 3309.

[3] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р «План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.» // СЗ РФ. 2021. № 5, ст. 914.

[4] См.: Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в ред. от 17.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 52, ст. 5880.

[5] См.: Федеральный закон от 29.02.2012 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 2012. № 10, ст. 1163.

[6] См.: Закон Саратовской области от 02.08.2012 № 123-ЗСО «Об обеспечении дополнительных гарантий прав на имущество и жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Саратовской области» (с изм. на 31.01.2022) // СЗ СО. 2012. № 27, ст. 5370–5380.

им 18-летнего возраста. В действующем российском законодательстве отсутствует какая-либо ответственность за «бездействие органов опеки и попечительства по выполнению обязанности по подаче заявлений о включении детей в список нуждающихся в жилых помещениях, а также за непредставление лицу в возрасте от 18 до 23 лет информации о возможности самостоятельной подачи соответствующего заявления»[1]. По причине этого нередко подобные органы не понимают важности и даже необходимости полного формирования списка нуждающихся, что приводит к несвоевременности предоставления жилого помещения. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, вынуждены стоять в очереди годами и ожидать реализацию своего жилищного права. В связи с этим в апреле 2019 г. Правительство РФ утвердило Правила формирования таких списков[2].

Норма о предоставлении именного свидетельства на получение жилого помещения в собственность в Саратовской области была введена буквально в прошлом году. Именное свидетельство (в быту больше распространено как жилищный сертификат) представляет собой документ, который удостоверяет право конкретного лица на получение социальной выплаты и дает гарантию перечисления денежных средств по договору купли-продажи продавцу жилого помещения. Свидетельство ценной бумагой не является.

По данному свидетельству можно приобрести жилое помещение площадью не менее 33 кв.м. В 2022 г. в Саратовской области планируют обеспечить жильем или соответствующими сертификатами 1450 человек, из которых 1000 получит именно выплаты. «В бюджете предусмотрено на это более 2,2 миллиардов рублей»[3].

На основании этого стоит провести небольшие расчеты. Средняя стоимость квадратного метра жилья, как на первичном, так и на вторичном рынке в 3 квартале 2021 г. составляла 47.000 рублей[4].

47.000 рублей * 33 кв.м. = 1 551 000 рублей – должна быть стоимость жилья, приобретаемая детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. С одной стороны, сумма действительно существенная, а с другой – какое благоустроенное жилье можно приобрести по данной цене? Думается, что в небольших населенных пунктах это возможно, однако, тут возникает другая проблема, а именно: максимально низкий уровень строительства нового жилья. Застройщикам как предпринимателям выгодно работать крупных районных центрах с большой численностью населения. Таким образом, молодые люди, в любом случае, вынуждены брать кредиты, оформлять ипотеки, либо проживать в квартирах, сдаваемых по договорам найма жилого помещения.

Стоит также отметить следующие проблемы получения жилья данной категории граждан: ежегодный рост стоимости квадратного метра жилья, дефицит благоустроенного жилья на рынке, отсутствие готовности застройщиков и владельцев готового жилья удовлетворять запросы муниципалитетов на обеспечение детей-сирот жилыми помещениями по установленным нормативам[5].

Причинами неполного освоения бюджетных средств, направленных на реализацию жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, П.Ю. Кузнецова и К.С. Николаева видят в длительности процедур закупки жилых помещений; нарушение застройщиками (поставщиками) сроков исполнения контрактов; отсутствие на вторичном рынке необходимого количества жилья, отвечающего установленным в законодательстве требованиям[6].

Безусловно, не менее важной проблемой в данной сфере является зависимость уровня обеспечения благоустроенным жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, от социальных и экономических показателей, как государства, так и региона, что в нынешней ситуации отражается на жилищных правах граждан очень негативно. Представляются целесообразными такие пути решения указанных проблем, как:

1. Своевременное включение соответствующими органами субъекта РФ детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в список нуждающихся в обеспечении жильем.

2. Контроль за достоверность и полнотой информирования детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей об их возможности получения жилого помещения на территории Саратовской области.

3. Установление ответственности за бездействие в отношении тех органов, на которых лежит обязанность по подаче заявлений о включении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в список нуждающихся в жилых помещениях.

4. Проведение работ по привлечению застройщиков для строительства жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отвечающего требованиям действующего законодательства.

5. Постепенное снижение стоимости жилья (строительства жилья).

---

[1] См.: *Алькова М.А., Альков Н.С.* Проблемы правового регулирования дополнительных гарантий детей, имеющих специальный правовой статус (на примере механизма предоставления жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без родительского попечения) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. № 4. С. 458.

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 397 «О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства» // СЗ РФ. 2019. № 15, ч. 4, ст. 1764.

[3] См.: В Саратовской области в 2022 году планируют решить проблемы с жильем 1450 детей-сирот. URL: https://www.4vsar.ru/news/v-saratovskoi-oblasti-v-2022-160929/ (дата обращения: 02.04.2022).

[4] См.: Средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31452 (дата обращения: 27.03.2022).

[5] См.: *Зелинская М.В., Клочко Е.Н.* Совершенствование государственного регулирования механизма предоставления жилья детям-сиротам в Краснодарском крае // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27(1). С. 117.

[6] См.: *Кузнецова П.Ю., Николаева К.С.* Совершенствование взаимодействия органов власти в сфере реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 31.

Предоставление детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, жилья является одной из важнейших задач государства, грамотная реализация, которой влияет на уровень жизни данной категории граждан. Несмотря на то, что в Российской Федерации действует множество законодательных актов федерального и регионального уровней, многие практические вопросы остаются неразрешенными, являясь источником споров и разногласий.

М.К. Зверев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Вавилин
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ФИЛОСОФИЯ ПОНЯТИЯ БРЕНДА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация: *в статье анализируется законодательная дефиниция понятия «бренд», рассматривается соотношение с понятием «средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий». Актуальность выбранной темы обусловлена стремительно растущей значимостью института интеллектуальной собственности в отечественной цивилистике.*

Ключевые слова: *Бренд, средства индивидуализации, интеллектуальная собственность, коммерческая концессия, франчайзинг.*

За последний век экономическая модель мира глобально изменилась. Построение рыночной экономической системы привело к значительным социальным изменениям общества, как следствие и изменение правового поля. На смену индустриализации и модерну, пришли постмодерн и общество потребления. Рыночные реалии заставили субъектов следовать цели получения максимальной прибыли. На ровне с количественными и качественными составляющими произведенной продукции встал и имидж производителя. Современные потребители, при приобретении продукции (услуги) опираются не только на внешние показатели качества и стоимости, но и смотрят на то, кто ее производит. В то же время имидж производителя продукта и играет роль маркера, указывающего на качество продукта (услуги), либо же на его уникальные черты. Именно признаки, идентифицирующие производителя и как следствие его имидж в современной культуре и принято называть «брендом».

Что же такое бренд с точки зрения гражданского законодательства? Для того чтобы нам это понять, следует обратиться к этимологии данной категории и ознакомиться с данным понятием присутствующим в прикладных научных экономических направлениях.

Кандидат экономических наук, Доминин В.Н. в своем учебнике излагает что «Слово «brand» появилось в английском языке в X в. из древненорвежского, где слово «brandr» означало «жечь, выжигать». Так древние викинги называли раскаленный железный прут или горящую головню, а также поставленные с их помощью особые метки. Такой специальный предмет называют «клеймо» или «тавро». Эти метки выжигались на крупных домашних животных (лошади, коровы и т. п.), чтобы определить его владельца и предотвратить имущественные споры. Таким образом, первыми «брендами» были специальные знаки, выполняющие функцию идентификации.»[1]

В учебниках по маркетингу также говорится что «понятие “бренд” включает в себя всю совокупность как материальных, так и нематериальных категорий, формирующих у потребителя положительный имидж товара (услуги) или предприятия (фирмы, компании) и вызывающих желание приобрести товар (получить услугу) с конкретной маркировкой, сделав такой выбор из многообразия предложений»[2].

Доктор философских наук Дмитриева Л.М. в своей монографии наделяет данную категорию рядом значений: «Как социокультурный символ бренд имеет следующие значения:

1) вызывает в сознании покупателя ассоциации со свойствами товара, которые представляют собой эмоциональные и функциональные выгоды;

2) отражает систему ценностей производителя;

3) отражает специфику культуры, в рамках которой она зародилась и функционирует;

4) формирует и отражает индивидуальный образ товара;

5) ориентирована на потребителя определенного типа с его социальными и психологическими особенностями»[3].

Общепринятым в мировом маркетинге понятием бренда, является определение данное Американской маркетинговой ассоциацией в 1960 г.: «Бренд – название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для дифференциации их от товаров или услуг конкурентов»[4].

Российская правовая система не содержит законодательно установленного понятия «бренд». Гражданское законодательство с целью защиты комплекса исключительных интеллектуальных прав использует термин средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. С позиции доктрины термин «бренд» является маркетинговым понятием, отражающем комплекс черт, представляющих имиджевую составляющую субъекта рыночных отношений.

---

[1] См.: *Домнин В.Н.* Брендинг: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. Образовательная платформа Юрайт. С. 22. URL: https://urait.ru/bcode/489564/p.22 (дата обращения: 17.03.2022).

[2] См.: *Годин А.М.* Маркетинг: учебник. 12-е изд. М.: Дашков и К, 2017. // Лань: электронно-библиотечная система. URL: https://e.lanbook.com/book/105549 (дата обращения: 17.03.2022). С. 641.

[3] См.: Дмитриева, Л.М. Бренд в современной культуре: монография. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2022. URL: https://znanium.com/catalog/product/1856737 (дата обращения: 17.03.2022).

[4] См.: American Marketing Association. URL: http://www.ama.org (дата обращения: 10.04.2022).

В юридической и экономической литературе под понятием «бренд» принято понимать две составляющие: во-первых, это визуально выраженный символ товара или компании-производителя или продавца, во-вторых, это образ этого товара или компании, закрепившийся в сознании потребителей, а также репутация компании-производителя.

В ГК РФ содержатся правовые нормы, касающиеся «составных элементов» этого понятия.

Это подлежащие правовой защите как средства индивидуализации товарный знак или знак обслуживания (ст. ст. 1477, 1484 ГК РФ), коммерческое обозначение (ст. 1538 ГК РФ), а также деловая репутация, которая подлежит защите от распространения не соответствующих действительности, порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ), которая может быть передана наряду с иными исключительными правами по договору коммерческой концессии (ст. 1027 ГК РФ).

В Постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.04.2015 по делу № СИП-265/2014 вывод суда первой инстанции об известности обозначения в качестве бренда, совмещающего в себе серию товарных знаков, фирменное наименование производителя и имя его основателя, был сделан в результате оценки собранных по делу доказательств и с учетом обстоятельств, установленных вступившим в законную силу Решением Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-122/2013, имеющим преюдициальное значение для данного спора.

Для исследования понимания термина бренд, при правоприменении находится необходимым обратиться к судебной практике.

В судебной практике понятие «бренд» трактуется как маркетинговый прием – понятие более широкое, чем определенное в ст. 1477 ГК РФ понятие «товарный знак».

В Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2009 № 09АП-8678/2009-АК по делу № А40-90240/08-4-424 (Постановлением ФАС Московского округа от 18.08.2009 № КА-А40/6947-09 по делу № А40-90240/08-4-424 данное постановление оставлено без изменения) определяется, что «бренд» – это термин, используемый в маркетинге, символическое воплощение комплекса информации, связанного с определенным продуктом или услугой. Данный термин включает в себя название и иные визуальные элементы (шрифты, цветовые схемы и символы). Данное понятие используют при обозначении товара, пользующегося массовым спросом у потребителей, которые выделяют его среди других товаров. Таким образом, понятия «бренд» и «товарный знак» не тождественны, поскольку бренд является маркетинговым инструментом продвижения товаров на рынке. Аналогичный подход содержится в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2009 № 09АП-6874/2009-АК по делу № А40-90234/08-141-435. Данное понятие используют при обозначении товара, пользующегося массовым спросом у потребителей, которые выделяют его среди других товаров (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2009 № 09АП-8678/2009-АК по делу № А40-90240/08-4-424).

Следует также разграничить понятие бренда, логотипа и товарного знака, т.к. это может показаться на первый взгляд тождественными категориями

Логотипом признается оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы (услуг или группы товаров данной фирмы), которое специально разрабатывается с целью привлечения внимания к фирме, ее товарам и услугам (Постановление ФАС Московского округа от 22.06.2009 № КА-А40/5426-09 по делу № А40-41784/08-98-123). Приказ Минэкономразвития № 612 в п. 1.2 определяет логотип как специальное шрифтовое начертание названия. Логотип может быть зарегистрирован в качестве товарного знака и являться одной из составных частей бренда компании.

Согласно ст. 1477 ГК РФ товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров, а знак обслуживания – для индивидуализации работ или оказываемых юридическими лицами услуг, на которые признается исключительное право. В соответствии со ст. 1482 ГК РФ в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании.

То есть товарный знак может включать в себя помимо логотипа иные обозначения (словесные, объемные и другие) наименования компании или товар.

Таким образом, поскольку термин «бренд» охватывает более широкий спектр отношений, чем «товарный знак», включая в себя также иные средства индивидуализации, отраженные в гражданском законодательстве.

Несмотря на то что понятие бренда не закреплено законодателем в нормативно-правовых актах, в актах правоприменения, и не только судебных, данную категорию все-таки можно найти.

Согласно Приказу Минэкономразвития России от 29.09.2016 № 612 «Об утверждении Методических рекомендаций по оформлению многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием единого фирменного стиля «Мои Документы» бренд – комплекс информации об организации, продукте или услуге: наименование, термин, знак, символ, дизайн, набор ценностей и атрибутов, предназначенных для идентификации товаров или услуг.

Более того понятие бренда присутствует в государственном стандарте. Так согласно ГОСТ Р 57881-2017 «бренд (brand): Связанный с рыночными отношениями нематериальный актив, направленный на индивидуализацию товара, услуги или организации либо их комбинации, создающий однозначное восприятие данных товара, услуги или организации у любой заинтересованной стороны, что приводит к возникновению экономической ценности»[1].

Законодатель, делая понятие средств индивидуализации родовым и выделяя различные его виды, напрямую отражает сущностную составляющую, что позволяет нам провести отождествление с понятием «бренд». «Бренд»

[1] См.: Национальный стандарт Российской Федерации система защиты от фальсификаций и контрафакта (ГОСТ Р 57881-2017 дата введения 01.07.2018).

также, как и «средства индивидуализации», является родовым понятием для фирменного наименования, товарного знака и знака обслуживания, наименования мест происхождения товара, коммерческого обозначения, географического указания.

Ведь в ст. 1465 ГК законодатель не пошел по пути полной русификации и оставил в названии англицизм «Секрет производства (ноу-хау)» «know how» (англ. знать как) – т.е. два тождественных понятия.

Понятие бренда применимо к гражданско-правовым отношениям, связанным с защитой чести, достоинства и деловой репутации, защиты комплекса исключительных прав на интеллектуальную составляющую имиджа организации, в договоре коммерческой концессии.

Проанализировав вышеизложенное появляются основания актуализировать необходимость законодательного закрепления понятия бренда и включения его в гражданское законодательство, что в свою очередь обусловлено тождественностью с ныне действующей формулировкой средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Большинство людей, не связанных с юридической наукой, и не являющихся экспертами в области интеллектуальной собственности, под понятием данным гражданским кодексом «Средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» понимают бренд.

Представляется необходимым синтезировать следующие понятие бренда:

Бренд – это комплекс средств, позволяющих потребителю отождествить произведенный продукт, услугу, товар с репутацией конкретного субъекта правоотношений, а равно средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Таким образом, законодателю стоит утвердить тождество понятий «бренд» и «средства индивидуализации». И дополнить семантическое содержание норм гражданского права понятием «бренд».

Д.О. Земсков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.А. Баранова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация: *с момента принятия и вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. и до настоящего времени среди ученых и правоприменителей не утихает спор о необходимости признания установления объективной истины по уголовному делу основной целью доказывания и ее нормативно-правовом закреплении.*

Ключевые слова: *принципы уголовного процесса, истина, доказывание, состязательность.*

Истина изначально является философской категорией, притом одной из наиболее сложных и комплексных, а потому проблемой ее определения и поисков с античных времен и поныне занимаются ученые-философы. Спустя столетия понятным для всех стало лишь то, что единого ответа на то, что же является истиной нет и скорее всего никогда не появится, поскольку все новые трактовки и концепции с годами только множатся. Представители остальных областей науки самостоятельным исследованием данного вопроса не занимаются, а при необходимости пользуются исключительно готовыми определениями, наиболее распространенное из которых звучит следующим образом: истина – это адекватное знание о чем-либо[1]. Таким образом сведения, которые называются истинными, должны отражать исследуемые обстоятельства объективно, в соответствии с тем, как они представлены в действительности, без какого-либо влияния со стороны познающего. Данная дефиниция восходит к трудам Платона и Аристотеля и используется также и при раскрытии понятия объективной истины.

Вопрос о необходимости установления истины в результате уголовно-процессуального доказывания дискутировался в работах российских ученых-процессуалистов неоднократно. Так, в сороковые годы прошлого столетия данной дискуссии положила начало точка зрения М.С. Строговича, считавшего установление материальной истины обязательным для отправления правосудия. Суд, по его мнению, обязан установить событие преступления, лицо, его совершившее, и то, в какой форме оно понесет уголовную ответственность. В совокупности данные сведения составляют материальную истину и только в том случае, если она установлена, как говорил М.С. Строгович, уголовное наказание может достигнуть свои цели[2]. Сторонники данной точки зрения подвергали резкой критике позицию теоретиков, считавших что истина, устанавливаемая в процессе уголовного судопроизводства, является юридической, т.е. относительной и лишь максимально приближенной к действительности. Резко отрицательным было также и их отношение к всевозможным презумпциям, в том числе и к презумпции невиновности, отказ от которых по их мнению был единственным возможным способом развязать руки прокурору и судье и наделить их как можно большим набором возможностей для установления по уголовному делу действительной и объективной картины происшествия[3].

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. (далее – УПК РФ) отсутствует определение объективной истины и, даже более того, само это слово во всем тексте закона ни разу не упоминается, в отличие от того же УПК РСФСР 1960 г., в котором оно встречалось неоднократно. Глава 2УПК РФ, посвященная принципам уголов-

[1] См.: *Масленинникова Л.Н.* Юридическая истина как результат разрешения уголовно-правового конфликта о нарушении уголовно-правового запрета // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: сб. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб.: Петрополис, 2018. С. 36.

[2] См.: *Строгович М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.-Л., 1947. С. 58.

[3] См.: *Тадевосян В.С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 72.

ного судопроизводства, начинается со ст. 6, признает назначением уголовного судопроизводства в равной степени защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, ставших потерпевшими в результате совершения преступления, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При первом же взгляде на данное положение любому становится понятно, почему дискуссия о необходимости установления истины по уголовному делу и ее законодательном закреплении не утихла и после принятия действующего УПК РФ. Ведь как еще суд может вынести законное обоснованное решение, при помощи которого будут восстановлены нарушенные права, виновное лицо понесет заслуженное наказание, а невиновный будет защищен от необоснованного осуждения, если органы ведущие предварительное расследование в своей работе не будут преследовать цель установления объективных обстоятельств произошедшего?

Одной из попыток поставить точку в данном дискурсе на законодательном уровне стал Проект Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», внесенный в Государственную Думу ФС РФ в январе 2014 г. В пояснительной записке к данному законопроекту его авторы ссылаются на тяготение российского уголовного законодательства к романо-германской модели уголовного судопроизводства. Помимо этого, указывается, что требования принять все меры к отысканию истины содержались в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 г. и 1960 г., а также то, что в настоящее время истина признается целью доказывания в Уголовно-процессуальных кодексах Германии и Франции. Среди большого множества изменений, которые были предложены в данном проекте, прежде всего выделяются следующие: во-первых, статью 5 предлагалось дополнить определением объективной истины как соответствия действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения, во-вторых, ст. 21 должна была быть дополнена положением о недопустимости обвинительного уклона при осуществлении уголовного преследования и, наконец, в-третьих, было предложено дополнить статью 237 возможностью возвращения уголовного дела прокурору судом в случаях неполноты предварительного следствия или дознания или наличия оснований для предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным или для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении или обвинительном акте[1]. Многие из данных предложений были восприняты большинством процессуалистов положительно. Так, Л.В. Головко писал о недопустимости обвинительного уклона: «Какова вообще может быть альтернатива? Тот же следователь должен вести следствие односторонне, неполно и необъективно? Нонсенс.»[2]. Однако нельзя также не отметить и то, что некоторые изменения, предложенные в данном законопроекте, лишь в очередной раз усугубили спор и могли образовать немалое количество противоречий в УПК РФ. Введение обязанности установления объективной истины как органами предварительного расследования, так и судом явно противоречило презумпции невиновности, одному из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, ведь невозможно признать истиной оправдание лица, на основании недоказанности события преступления или неустранимых сомнений в виновности обвиняемого. В противоречие с данным принципом вступает также и возможность возвращения судом уголовного дела прокурору в связи с неполнотой предварительного следствия или дознания, а также для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении или обвинительном акте, которое, к тому же, по сути наделяет суд признаками органа уголовного преследования, что не соответствует неоднократно высказанной позиции Конституционного Суда РФ[3] и противоречит ст. 15 УПК РФ. В конечном итоге, данный законопроект был снят с рассмотрения в 2018 г., а связанная с ним дискуссия продолжается и по сей день. Так есть ли место объективной истине в уголовном процессе?

Во-первых, хочется отметить, что хотя УПК РФ и не упоминает само слово истина в своем тексте, стремление к ее установлению по делу все же определенно наблюдается в его многочисленных положениях[4]. Так ст. 88 УПК РФ, среди критериев оценки доказательств указывает их достоверность, под которой наука уголовного процесса понимает соответствие доказательств объективной действительности (истинность доказательств)[5]. Согласно ч. 4 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в том числе в целях обеспечения его объективности. Ч. 2 ст. 154 УПК РФ допускает выделение уголовного дела в отдельное производство

[1] См.: Проект Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (внесен в Государственную Думу ФС РФ 29.01.2014) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/440058-6 (дата обращения: 10.04.2022).

[2] См.: *Головко Л.В.* Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 г.) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 53.

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. 1996. № 50; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // СЗ РФ. 1999. 26. № 17.

[4] См.: *Осипова Н.В.* Объективная истина в уголовном процессе как цель доказывания // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-istina-v-ugolovnom-protsesse-kak-tsel-dokazyvaniya (дата обращения: 09.04.2022).

[5] См.: *Ишмаева Т.П.* К вопросу о юридических свойствах доказательств в уголовном процессе // Вестник ЧелГУ. 2015. № 23 (378). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yuridicheskih-svoystvah-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 10.04.2022).

для завершения предварительного расследования только в том случае, если это не повлияет на всесторонность и объективность такого предварительного расследования и разрешения уголовного дела, аналогичное требование установлено и в ст. 239.2. Ч. 6 ст. 340 УПК РФ предоставляет сторонам право заявить возражения в судебном заседании в связи с тем, что содержание напутственного слова председательствующего нарушает принцип объективности и беспристрастности. Как видно из указанных примеров, само по себе отсутствие в законе термина «истина» вовсе не влечет за собой какой-либо однобокости или субъективности в работе органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

Во-вторых, не менее важно также понимать, почему законодатель так осторожно относится к формулировке данных предложений и избегает упоминания истины. Так В.С. Балакшин писал, что в связи с несовершенством средств человеческого правосудия, в области судебного исследования невозможно говорить о полной несомненности, а судьи вынуждены руководствоваться лишь более или менее высокой степенью вероятности. С этим трудно не согласиться, поскольку процесс предварительного расследования по уголовным делам всегда имеет определенный ретроспективный характер. Должностное лицо, ведущее предварительное расследование за неимением альтернатив зачастую работает с уже субъективным доказательственным материалом: показания свидетелей могут сильно меняться под влиянием их психологических особенностей, отношений со сторонами уголовного дела или в связи с тем, что с момента, когда преступление было совершено, до момента их допроса могло пройти немало времени. Даже на примере предложенного в указанном выше законопроекте положения о недопустимости обвинительного уклона в работе органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Как бы нам того не хотелось, данный уклон не обусловлен отсутствием подобных запретов в действующем на данный момент УПК РФ, поскольку в перечне обстоятельств, подлежащих доказыванию, установленному ст. 73 УПК РФ, присутствуют обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, и обстоятельства, смягчающие наказание. То есть в данный момент обвинительный уклон не установлен уголовно-процессуальным законодательством, а вызван особенностями работы следователей и дознавателей, а также их профессиональной деформацией, в связи с чем даже при введении указанного выше запрета, он скорее всего не исчезнет и в полной объективности предварительного расследования все еще можно будет сомневаться. Как представляется, отсутствие употребления законодателем слова «истина» вызвано его чрезмерной декларативностью, в связи с чем нужно понимать, что истинность и объективность являются целью, к которой следует стремиться, но в то же время верно и то, что это не всегда возможно.

И, наконец, в-третьих, следует признать, что объективная истина не может в полной мере отвечать нормам современного уголовно-процессуального законодательства, отошедшего от советского розыскного в сторону состязательной модели уголовного судопроизводства. Наиболее правильной в данном вопросе, представляется точка зрения, согласно которой по уголовным делам следует устанавливать не объективную, а так называемую юридическую истину. Под ней следует понимать сведения, устанавливаемые судом на основании доказательств, представленных сторонами в состязательном процессе и которые как можно более полно, всесторонне и объективно характеризуют обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела.

Е.А. Земскова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.Ф. Борисова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ВОЗМОЖНОСТИ LEGALTECH В СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Аннотация: *цифровизация в юридической сфере продолжается по сей день. Веяние LegalTech нашло свое отражение и в российском гражданском судопроизводстве, одним из таких проявлений стала справочно-правовые системы ГАРАНТ, Консультант Плюс. Возможна ли в ближайшем будущем замена профессиональных юристов искусственным интеллектом в виде совершенствования данных систем?*

Ключевые слова: *информационные технологии, LegalTech, гражданское судопроизводство, автоматизация юридической работы, искусственный интеллект, ГАРАНТ, Консультант Плюс.*

XI в. – век информационного общества. Как мы можем наблюдать, информатизация затронула все сферы жизнедеятельности человека, во всех странах мира. Информатизировалось и судопроизводство во многих государствах. Успешное развитие получили различные платформы LegalTech, термин которых зародился и активно используется в юриспруденции в США.

Для дальнейшего понимания, необходимо ознакомиться с определением LegalTech. ЛигалТэк – это сфера информационных технологий, связанных с автоматизацией юридической работы. Этот термин охватывает как предоставление профессиональных инструментов для юристов, так и сервисы для потребителей юридических услуг. Поскольку данный термин зародился в США, в 1977 г. в данном государстве появилась первая платформа под названием LexisNexis, которая позволяла проводить первые онлайн-консультации и автоматически предлагала создавать типовые документы, что значительно облегчило работу профессиональным юристам[1].

Что касается российского гражданского судопроизводства, то к отечественным проявлениям LegalTech можно от-

[1] См.: *Рожкова М.А.* О правовых аспектах использования технологий LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 3–11.

нести: систему ГАРАНТ, систему Консультант Плюс, которые возникли еще задолго до появления термина LegalTech. Данные платформы являются справочно-правовыми системами, которые обеспечивают поиск необходимых нормативно-правовых актов, подбор судебной практики как простым гражданам, так и профессиональным специалистам в области юриспруденции. Данные системы можно рассматривать, как вспомогательный инструмент в осуществлении юридической работы, поскольку на данном этапе развития они не разрешают юридические кейсы.

Система Гарант преуспела в развитии LegalTech. Так на платформе справочно-правовой системы Гарант предлагается пройти платный курс «Эксперт-практик LegalTech», в который входит изучение автоматизации следующих процессов: электронный документооборот, ускорение подготовки типовых документов и согласование не типовых, претензионно-исковая работа, разработка прототипов цифровых решений. Следовательно, на данной основе возможно обучиться автоматизации многих дел, составляющих каждодневную работу юриста-профессионала, что значительно снижает затрачивание времени человека на рутинную работу. Следует рассмотреть и другие предложения данной платформы, так например аналитическая система «Сутяжник» позволяет на основании загруженного текса любого объема автоматически подобрать судебную практику; конструктор правовых документов позволяет гражданам за минимальное время с подсказками составить юридически грамотный документ. Данные сервисы являются платным предложением.

Можно выделить преимущества данной системы, а именно, что: данные технологии позволят профессиональным юристам сэкономить время на затрачивание однотипных задач, составлении типовых договоров, претензионно-исковых документов, помогут подобрать и сделать анализ судебной практики. В вышеупомянутом перечне предложений данной платформы прослеживается не только автоматизация рутинных процессов, но и работа искусственного интеллекта, который предлагает проекты договоров, осуществляет подбор необходимой судебной практики и иное[1].

Следовательно, возникает вопрос, сможет ли данная система вытеснить работу юриста-профессионала? На данном этапе этот сервис служит вспомогательным инструментом по решению юридических задач, которым охотно пользуются юристы. Поскольку большинство юридических проблем имеет типовой характер, предлагаются типовые решения, которые полностью не учитывают индивидуальный подход к решению проблем. На современном этапе развития общества, учесть полную картину юридической проблемы может профессиональный юрист, который умеет правильно проанализировать ситуацию, сопоставить все нюансы и грамотно подобрать пути решения возникшей проблемы. Данный сервис не располагает такими возможностями. Но если человечеству удастся найти пути развития вспомогательных сервисов до пределов человеческих возможностей, то следует согласиться с утверждением Журавлевой М.Д., что «применение ИИ в гражданском судопроизводстве должно основываться на принципах ограниченности и приоритета решения человека (то есть, не следует полностью полагаться на систему в части принятия ею окончательных решений, которые непосредственно затрагивают судьбы участников процесса)»[2].

Соответственно, исходя из вышесказанного, должной правовой регламентации использование одного из отечественных направлений LegalTech системы Гарант,Консультант Плюс не получили, поскольку на данном этапе основной функцией они являются вспомогательным инструментом в поиске необходимых решений. Эти платформы попадают под понятие «информационная система». Согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2066 № 149 –ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система представляет собой «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств». По всей вероятности, создание и порядок эксплуатации определяются самими операторами этих систем, а порядок их применения регулируется соответствующими договорами с пользователями – физическими лицами и организациями, в которых определены периодичность обновления информации, функционал, ответственность и т.д.

Из вышеизложенного следует, развитие LegalTech в российском обществе продолжается и по сей день, несомненно это является полезным вспомогательным инструментов как для специалистов в области юриспруденции, так и граждан, не обладающими юридическими знаниями. Но данные инструменты не способны заменить человеческое мышление, поскольку на современном этапе развития предоставляют шаблонные пути решения юридических проблем.

А.Б. Зольванова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.А. Отставнова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *настоящая статья посвящена рассмотрению проблем, которые возникают в процессе реализации конституционных положений по защите*

[1] См.: *Алтухов А.В., Кашкин С.Ю.* Цифровизация права и правовое регулирование искусственного интеллекта как важные глобальные компоненты научно-технологической парадигмы России в XXI веке // Международный правовой курьер. 2020. № 1–2. С. 10–13. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43854899 (дата обращения: 21.04.2021).

[2] См.: *Журавлева М.Д.* К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве// Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 1(12). С. 2–3.

прав человека и гражданина. Анализируется российский и зарубежный опыт, в частности автор рассматривает взаимоотношение граждан с правоохранительными органами, органами государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: *права человека и гражданина, защита прав человека, проблемы защиты прав, перспективы зашиты прав, правоохранительные органы.*

Защита прав человека является одной из важнейших сфер деятельности всего мирового сообщества. Права человека – это главная ценность общества и неотъемлемое достояние всех людей, которое гарантируются каждому вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения или любого иного фактора[1].

Однако в современной действительности отмечается наличие проблем в реализации конституционных положений, одна из которых, по мнению некоторых авторов, заключается в нарушении конституционных гарантий прав и свобод граждан правоохранительными органами. Это заключается в применении ими физической силы в отношении граждан, которые, в свою очередь, такого права не имеют[2]. Безусловно, подобного рода ситуации имеют место быть. Однако, не стоит исключать, что на правоохранительные органы возложены важнейшие задачи по обеспечению законности на территории нашего государства на что, несомненно, требуется право на легальное применение силы. В рассматриваемом контексте нельзя не согласиться с тем, что посягательства на обычных граждан со стороны полиции осуществляются реже, чем посягательства сотрудников правоохранительных служб[3]. Негативная сторона их полномочий проявляется в том, что иногда сотрудники полиции применяют свои полномочия не в силу установленных законодателем положений, т.е. необоснованно, что приводит к нарушению конституционных гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Данный вопрос остро стоит и в зарубежных странах, например в США. Так, примером служит случай применения огнестрельного оружия сотрудником американской полиции в результате которого погиб афроамериканец. В данной стране проблема также обуславливается отсутствием единого нормативно-правового акта, регламентирующего правовое положение сотрудника полиции.

Другой проблемой, влияющей на общее функционирование конституционных положений по защите прав, предоставленных человеку, является ненадлежащий уровень реализации органами государственной власти и местного самоуправления их полномочий[4]. Недостатки в том числе имеются и в процессе рассмотрения обращения граждан. Многие обращения рассматриваются с позиции количества, а не на качества. Нередки случаи того, когда граждане в ответ на свое заявление или жалобу получают формальную отписку, не дающую никаких сведений и конечного результата по предмету обращения. Органы власти допускают нарушения, связанные, также, с несвоевременным направлением ответов или разрешением обращений неуполномоченными лицами. На наш взгляд, именно рассмотрение поступивших в обращении вопросов является ключевым моментов деятельности публичной власти в целом и определяет ее смысл и содержание. Таким образом, необходимо внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, которые обеспечат повышение эффективности деятельности органов власти и их должностных лиц. Представляется, что такое изменение должно коснуться размера административного штрафа, предусмотренного ст. 5.59 КоАП. Настоящее время его размер варьируется в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей. Однако, мы считаем, что его увеличение повысило бы осознанность должностных лиц и их ответственность при осуществлении своих должностных обязанностей. Кроме того, необходимо установить лимит количества обращений, передаваемых на рассмотрение конкретному должностному лицу, поскольку зачастую несоответствующий уровень их работы связан с большой нагрузкой.

Особого внимания заслуживает мнение В.А. Щепачева, согласно которому Конституция РФ не регулирует в части или в целом совокупность отношений, которые должны быть регламентированы. В связи с чем, возникает потребность в дополнительных уточнения и разъяснениях положений Основного закона, даваемых Конституционным судом РФ[5]. Одним из недостатков является подход к разграничению предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами. Так, Конституционный суд РФ в одном из своих постановлений, в ответ на поступивший запрос указал, что субъекты федерации не вправе вторгаться в предметы ведения и полномочия Российской Федерации[6]. А также им был сформулирован целый ряд правовых позиций, направленных на толкование конституционных пределов законотворчества субъектов РФ.

Другого рода проблемы связаны с проблемами охраны здоровья, обусловленные нехваткой медицинских работников в регионах России. Их острый дефицит все чаще называют катастрофическим[7]. На наш взгляд, в ситуации

---

[1] См.: Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации) // Российская газета. 1993. № 237. 2020. № 144.

[2] См.: *Романовская О.В., Рыжкова А.В.* проблемные аспекты реализации конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 2 (30). С. 53.

[3] См.: *Тхазеплов Р.Л., Ярославский М.А.* Применение физической силы при выполнении служебных обязанностей сотрудниками полиции // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 101.

[4] См.: *Трещева О.Ю.* Конституционные гарантии осуществления, обеспечения и защиты ты прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 10. С. 40–45.

[5] См.: *Щепачев В.А.* Конституционная концепция правового государства и проблемы ее реализации в законодательстве Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 14.

[6] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // СЗ РФ. 2002. № 15, ст. 1497.

[7] См.: *Скрипка А.* Почему в регионах не хватает врачей и медсестер. URL: https://rg.ru/2022/02/08/reg-cfo/pochemu-v-regionah-ne-

с нехваткой медиков нужно найти все «подводные камни» и предложить новые способы привлечения их в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения. При этом, подобная ситуация сложилась во всем мире: Глава Всемирной Организации Здравоохранения доложил об усугубляющейся в мире проблеме нехватки медработников. Это значит, что правительства каждого государства должны оказывать помощь в улучшении условий труда медиков[1].

Рассмотренные нами проблемы не являются исчерпывающими, при реализации положений Конституции РФ по защите прав, предоставленных человеку, возникает множество вопросов, требующих своего оперативного решения. Безусловно, многие из них не могут решиться в одночасье, для этого требуется долгая и кропотливая работа, включающая в себя множество областей деятельности: от теоретического обсуждения, до применения на практике. В различных странах, безусловно, будут различные способы их решения, зависящие от места и роли конституционных прав. Подобного рода деятельность обеспечит создание фундаментальной платформы для укрепления демократического строя страны.

Д.И. Зубец
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.Г. Блинов
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация: *настоящее исследование посвящено изучению понятия и правовой природы института социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В работе сформулировано авторское дефиниция и аргументирована позиция, согласно которой исследуемый феномен является комплексным институтом.*

Ключевые слова: *осужденный, уголовно-исполнительные отношения, освобождение от отбывания наказания, социальная адаптация.*

Категорией социальная адаптация лиц, освобожденных от отбывания наказания, весьма часто оперируют представители юридической доктрины и нормотворческой практики. Ее включают в наименования и структурные части научных работ, а также в содержание норм отдельных отраслей законодательства. Вместе с тем в отечественном правовом пространстве не сформулировано понятие рассматриваемого явления, а юридическая наука не выработала универсальную дефиницию.

Осмыслению содержания исследуемой категории целесообразно начинать с уяснения родового понятия «социальная адаптация», получившего широкую интерпретацию в справочных изданиях. Это позволит, во-первых, понять этимологическое значение анализируемого феномена, во-вторых, выработать дефиницию, удовлетворяющую потребность юридической науки.

Психологический словарь трактует словосочетание «социальная адаптация» как «приспособление человека к социальным условиям существования»[2]. В педагогическом терминологическом словаре под социальной адаптацией понимается «процесс и результат приспособления индивида к условиям социальной среды, принятие ее норм и ценностей, формирование адекватной системы отношений и ролевая пластичность поведения»[3]. Таким образом, справочные издания при истолковании понятия «социальная адаптация» придерживаются единой позиции. На лексическом уровне социальная адаптация несет в себе значение интеграции человека в общество посредством принятия им социальных норм и ценностей.

В доктрине уголовно-исполнительного права в содержании категории «социальная адаптация лиц, освобожденных от отбывания наказания» учеными закладываются различные научные идеи, что в конечном итоге не позволяет в должной мере познать ее сущность. Так, в литературе предложена позиция, согласно которой «под социальной адаптацией осужденных понимается процесс восстановления социальных функций, ролей, статуса лиц, лишенных свободы, утраченных ими в связи с совершением преступления, осуждением и отбыванием наказания в специфических условиях изоляции и законного ограничения в некоторых правах и свободах»[4]. В процитированном определении обнаруживается смешивание понятий «социальная реабилитация» и «социальная адаптация». Восстановление социальных функций, ролей и юридического статуса личности является результатом социально-адаптационной деятельности соответствующих субъектов.

Довольно оригинальное мнение относительно содержания рассматриваемого феномена высказано М.Т. Дибировым. По его мнению, социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительного учреждения, является сложным процессом, «состоящим из стадии нравственной, правовой, психологической и организационной подготовки осужденных в исправительном учреждении к жизни на свободе (исправление) и этапа взаимодействия личности с постоянно меняющейся ближайшей окружающей средой на свободе, включающий восприятие ею нравственных требований, установок, социальных позиций и системы ценностных ориентаций микросреды в процессе социализации, а также изменение, преобра-

hvataet-vrachej-i-medsester.html (дата обращения: 20.04.2022).

[1] См.: Глава ВОЗ заявил об усугубляющейся в мире проблеме нехватки медработников. URL: https://rg.ru/2021/12/21/glava-voz-zaiavil-ob-usugubliaiushchejsia-v-mire-probleme-nehvatki-medrabotnikov.html (дата обращения: 20.04.2022).

[2] См.: *Немов Р.С.* Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. С. 14.

[3] См.: *Бим-Бад Б.М.* Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 267.

[4] См.: *Коростылева О.В., Кунаш К.А.* Социальная адаптация осужденных без изоляции от общества // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4. С. 50.

зование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности»[1]. Не трудно заметить, что автором социальная адаптация лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, рассматривается как процесс, который состоит из двух этапах. Первый этап связан с подготовкой осужденного в период исполнения наказания к жизни на свободе. Второй этап включает социализацию лица, освобожденного из исправительного учреждения, т.е. восприятие им социальных норм, установок и взаимодействие с окружающей средой.

Принимая во внимание высказанные в юридической доктрине тезисы относительно содержания социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания, а также положения нормативно-правовых актов, упорядочивающие отношения в указанной сфере, предлагаем авторскую дефиницию исследуемого явления. Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, это комплекс мероприятий, осуществляемый учреждениями уголовно-исполнительной системы и иными органами государственной власти, направленный на оказание данной категории граждан помощи в интеграции в общество.

Сформулированное определение аккумулирует в себе ряд основных признаков. Первый из них закрепляет положение о том, что социальная адаптация лиц, освобожденных от отбывания наказания, заключается в реинтеграции их в общество. Второй признак разъясняет суть социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания. Она заключается в оказании им содействия в социально-бытовом и трудовом устройстве, а также реализации своих прав и свобод. Третий признак уточняет субъекты социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания. Помощь данной группе граждан в социальной адаптации оказывает не только администрация учреждения уголовно-исполнительной системы, но и представители иных государственных органов. В настоящее время обязанность по трудовому и бытовому обустройству освобожденных от отбывания наказания лиц возложена на различные ведомства (комитеты) органов государственной власти и местного самоуправления. К примеру, Федеральная служба по труду и занятости населения по месту жительства лица, освобожденного от отбывания наказания, ставит его на учет как безработного. До трудоустройства ему выплачивается пособие по безработице. Комитет социальной защиты населения (Министерства труда и социальной защиты РФ) по месту жительства лица, освободившегося из исправительного учреждения, исходя из его заявления может признать малоимущим одиноко проживающим гражданином и назначить социальное пособие.

Отсутствие нормативного определения понятия «социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений», а также регламентация отдельных ее аспектов нормами различных отраслей законодательства породили научную дискуссию относительно правовой природы анализируемого института. Одна группа ученых социальную адаптацию лиц, освобожденных от наказания, рассматривает в качестве уголовно-исполнительного института, другая – комплексного института. Представили первой концепции полагают, что отношения, связанные с постпенитенциарной адаптацией лиц, освобожденных от отбывания наказания, образуют предмет уголовно-исполнительного права[2]. Противоположной позиции придерживаются представители второй концепции. По их мнению, постпенитенциарная адаптация лиц, освобожденных от отбывания наказания, является комплексным институтом, поскольку регламентирован нормами различных отраслей законодательства (жилищного, трудового, семейного и т.д.)[3].

Нам близка позиция авторов, рассматривающих социальную адаптацию лиц, освобожденных от отбывания наказания, в качестве комплексного института. Данный процесс проходит два этапа: 1) пенитенциарный этап; 2) постпенитенциарный этап. Первый этап включает организационные мероприятия, направленные на оказание помощи лицам, освобождаемым от отбывания наказания, в социальной адаптации. Речь идет о материальной поддержке лица, подлежащего освобождению от отбывания наказания, обеспечении его бесплатным проездом к месту жительства и одеждой по сезону. Постпенитенциарный этап заключается в непосредственном бытовом и трудовом устройстве данной категории граждан, а также в предоставлении им иной социальной помощи. Отношения, связанные с постпенитенциарной адаптацией лица регламентированы нормами Федерального закона «О государственной социальной помощи», Законом РФ «О занятости населения в Российской Федерации» и иных нормативно-правовых актов.

[1] См.: *Дибиров М.Т.* Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений: по материалам Республики Дагестан: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 8.

[2] См.: *Матушевский Р.В.* Уголовно-исполнительное право: конспект лекций. М.: Приор-издат, 2004.

[3] См.: *Андреева Ю.В.* К вопросу об отраслевой принадлежности норм, регламентирующих процесс постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 128–132.

С.Н. Ибрагимова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.О. Овчинникова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация: *в статье рассмотрены сущность, значение, цели деятельности государственного обвинителя в стадии подготовки и назначения дела к судебному заседанию в порядке предварительного слушания по уголовному делу. Проанализированы задачи, стоящие перед прокурором на данной стадии и последствия принятых решений. Указаны особенности участия прокурора по уголовному делу в предварительном слушании.*

Ключевые слова: *государственный обвинитель, прокурор, предварительное слушание, доказательство, ходатайство.*

Осуществление полноценного судебного разбирательства невозможно без проведения стадии подготовки и назначения дела к судебному заседанию. По своей сути она выступает подготовительным этапом по отношению к стадии судебного разбирательства, сущность которого заключается в удостоверении, главным образом судом и прокурором, наличия всех предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством условий для осуществления объективного и беспристрастного правосудия. Это относительно новый процессуальный институт, т.к. в УПК РСФСР 1960 г. эта форма использовалась только при осуществлении судопроизводства с участием присяжных заседателей. Предварительное слушание в отличие от общего порядка подготовки к судебному заседанию имеет важное значение для осуществлении судебного контроля за законностью досудебного производства, а в некоторых случаях и за обоснованностью предъявленного лицу обвинения, поскольку здесь рассматриваются не только вопросы допустимости доказательств, но и в определенных случаях их достоверность и достаточность. Участие прокурора в решении всех возникающих на этом этапе вопросов, позволяет ему получить представление об имеющихся в деле и могущих возникнуть в судебном заседании проблемах, принять меры к их устранению, скорректировать свою позицию[1].

Прокурор участвует в судебном заседании как представитель государства и исходя из положений п. 6 ст. 5 УПК РФ с этого момента приобретает статус государственного обвинителя, что возлагает на его плечи огромный груз ответственности[2]. На данной стадии он обязан решить круг следующих задач: уяснение и познание всех обстоятельств преступления; познание всех моментов деятельности предварительного расследования по данному делу; выяснение криминологической и уголовно-правовой природы произошедшего события, которое является предметом судебного разбирательства определение и познание необходимых положений и тенденций современного законодательства; проверка полноты и полноценности доказательственной базы; проверка наличности всех необходимых участников по уголовному делу.

По логике вещей, предварительное слушание проводится по инициативе участников со стороны защиты, а также потерпевшего, гражданского истца, однако некоторые авторы обращают внимание на то, что прокурор также может выступить инициатором проведения предварительного слушания, например заявляя ходатайства о возвращении уголовного дела, недостатки расследования которого выяснились после направления уголовного дела в суд или может поставить перед судом вопрос о продлении истекающего срока содержания обвиняемого под стражей. Создает условия для инициирования прокурором предварительного слушания, и ранее отмеченная невозможность изменить квалификацию преступления или уменьшить объем обвинения по делу, расследованному в форме предварительного следствия. В связи с этим перечень оснований назначения предварительного слушания, указанный в ч. 2 ст. 229 УПК РФ следует признать неполным[3].

Полномочия государственного обвинителя на данной стадии носят обеспечительный характер и являются продолжением осуществления им функции уголовного преследования, поэтому обладая одновременно статусом государственного обвинителя и являясь стороной по делу, прокурор главным образом наделен правом заявления ходатайств, которые отличаются характерными чертами и имеют определенную специфику.

1.Ходатайства, направленные на обеспечение доказательственной базы обвинения: – о приобщении к материалам дела предметов и документов, осуществление необходимых допросов специалистов, свидетелей и экспертов, о проведении дополнительных судебных экспертиз. об исследовании доказательств;

2. Ходатайства организационного характера: о необходимости отложения судебного заседания; об избрании меры пресечения подсудимому либо ее замене; о возвращении материалов уголовного дела прокурору для устранения выявленных в нем нарушений, препятствующих рассмотрению его судом;

3. Ходатайства по формированию состава необходимых участников: о вызове новых необходимых свидетелей, специалистов и экспертов; о принятии дополнительных мерк вызову необходимых участников у головного судопроизводства, самоотводе и отводах.

Необходимо отметить, что участие прокурора в предварительном слушании не является обязательным, его неявка не препятствует проведению предварительного слушания, сто следует из ч. 4 ст. 234 УПК РФ. В тоже время в приказе № 376 содержатся указание обеспечить участие прокурора на данном этапе уголовного судопроизводства, и подчеркивается что на нем лежит бремя опровержения доводов защиты о недопустимости доказательств, наличии оснований для возвращении дела прокурору, для прекращения уголовного дела или уголовного преследования[4].

Рассмотрим наиболее спорные моменты в деятельности прокурора на данном этапе.

В ходе предварительного слушания предмет судебного исследования гораздо уже, чем в судебном разбирательстве, т.к. исследование доказательств в полном объеме не производится, но это не означает, что прокурор не должен использовать своих полномочий в полной мере. Согласно статистике в 88,6 % случаев ходатайство

[1] См.: Лазарева, В.А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 153.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2022. № 13, ст. 1952.

[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2022. № 13, ст. 1952.

[4] См.: Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Документ опубликован не был. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=g0hvE2TgLOcxfFzE2&cacheid=7190CC35B8357903FC960DEFEC910FFC&mode=splus&rnd=xMTKSQ&base=LAW&n=389969#8OOBM3TlDQhvTdOI (дата обращения: 15.04.2022).

об исключении доказательств путем признания их недопустимыми поступают от представителей стороны защиты и касаются доказательств, собранных стороной обвинения. Так при заявлении кем-либо ходатайства об исключении доказательства прокурор вправе признать ходатайство обоснованным (в этом случае суд своим решением должен исключить доказательство из судебного разбирательства), так и оспорить. Бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре[1].В остальных случаях доказывание недопустимости доказательств возлагается на сторону, заявляющую ходатайство.

Теоретически рассуждая, право на заявление ходатайства об исключении доказательств можно признать за потерпевшим или самим государственным обвинителем, например, когда сторона защиты заявила на предварительном слушании ходатайство о предоставлении дополнительных доказательств. Однако в любом случае, именно государственный обвинитель, должен представить суду убедительные аргументы, подтверждающие или опровергающие незаконность получения доказательств. Для выяснения этих обстоятельств в предварительном слушании закон допускает исследование доказательств, допрос в качестве свидетелей любых лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов. Высказывая свою позицию, государственный обвинитель обязан руководствоваться только требованиями закона. Исключение недопустимых доказательств объективно ослабляет обвинительную базу, но нельзя при этом забывать, что обвинение должно быть законным и обоснованным, т.е. основанным на доказательствах, полученных законным способом[2]. Прокуроры не должны представлять против обвиняемого доказательства, которые как они знают или имеют достаточные основания подозревать, получены с нарушением закона. Своевременное исключение недопустимых доказательств позволит государственному обвинителю внести коррективы в тактику исследования доказательств, озаботиться возможностью предоставления дополнительных доказательств, а иногда отказаться от обвинения или изменить его.

При этом в данной стадии фактически поддержание государственного обвинения не осуществляется, поскольку судебное разбирательство по рассмотрению уголовного дела по существу не производится и вопрос обвинения не затрагивается. Достаточно четко по этому вопросу выразил свою позицию А. Тушев, который указывает, что «в стадии назначения судебного заседания (подготовки к судебному заседанию) по общему правилу никакого «поддержания» нет. Прокурор вправе скорректировать обвинение, но не отстаивать его путем приведения обвинительных доказательств, их исследования, произнесения обвинительной речи и т.п. Поддержание обвинения начинается в судебном разбирательстве, когда окончательное сформулированное обвинение выносится прокурором на рассмотрение суда с участием сторон»[3].

Конечно, право прокурора изменить обвинение в сторону смягчения, на любом этапе уголовного судопроизводства не вызывает сомнений. Если прокурор придет к выводу о необходимости изменения объёма обвинения или квалификации действий обвиняемого в сторону ее смягчения, в том числе и в связи с исключением судом ряда доказательств, которые с этого момента утратили юридическую силу, он заявляет об этом в предварительном слушании.

Также в предварительном слушании может быть принято решение о прекращении уголовного дела и по иным основаниям, указанным в ст. 239 УПК РФ (примирение обвиняемого с потерпевшим, амнистия, деятельное раскаянье и другие). В решении всех этих вопросов прокурор должен принимать самое активное участие, поскольку с прекращением уголовного дела он утрачивает возможность продолжать уголовное преследование.

Обнаружение в предварительном слушании основания для прекращения уголовного дела, может быть обусловлено тем, что следователь, дознаватель и прокурор не выполнили своих обязанностей, не полно исследовали обстоятельства преступления, например не выявили, что в отношении обвиняемого есть вступивший в законную силу приговор или постановление, определение суда о прекращении уголовного дела по тому же обвинению. Являясь органом не только обвинительной власти, но и лицом, обладающим надзорными полномочиями по отношению к расследованию, прокурор обязан возбудить перед судом ходатайство о прекращении уголовного дела, по указанным основаниям, а если оно возбуждено другим субъектом то поддержать его. Тем самым прокурор фактически отказывается от уголовного преследования, прекращает его. Основанная на законе, непредвзятая, честная позиция прокурора способствует устранению нарушений уголовно-процессуального закона. К сожалению, практика дает немало свидетельств обратного.

Полномочие суда прекратить уголовное преследование (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) вызывает сомнение, поскольку рождает мысль о том, что именно суд осуществляет прекращение уголовного преследования. Это полномочие принадлежит исключительно органам обвинительной власти, прекращение уголовного преследования влечет полное или частичное прекращение уголовного дела. Прекращение уголовного дела, предпринятое судом не по инициативе обвинителя, означает невозможность продолжения прокурором уголовного преследования. Поэтому прокурор вправе в этом случае продолжить уголовное преследование в форме обжалования решения суда о прекращении уголовного дела или признать отсутствие фактических оснований для продолжения уголовного преследования.

Таким образом, предварительное слушание играет важную и значимую роль не только для осуществления уголовного судопроизводства в целом, но и для закон-

[1] См.: *Балалаева М.В., Чурбанова А.А.* Поддержание государственного обвинения при различных судебных ситуациях // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 3–4. С. 153–157.

[2] См.: *Кириллова Н.П.* Прокурорский надзор: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 163.

[3] См.: *Тушев А.* Осуществление прокурором функции уголовного преследования в стадии назначения судебного заседания // Уголовное право. 2006. № 1. С. 127–129.

ного, качественного, выверенного подержания государственного обвинения.

А.В. Иванова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.А. Баранова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПРАВА НА СОБИРАНЕИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ПРАВА НА СОБИРАНИЕ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема сбора доказательств адвокатом, при осуществлении защиты доверителя в уголовном процессе. Подробно освещается проблема процессуальной неопределенности порядка изъятия адвокатом предметов и документов, которые могут служить доказательствами по уголовному делу. Приводятся позиции научного сообщества, а также предлагается решение сложившейся проблемы.*

Ключевые слова: *адвокат, право на защиту, доказательства, уголовное дело, сбор доказательств, сбор доказательств адвокатом, осмотр.*

Невозможно переоценить важность такого элемента в процессе доказывания как собирание доказательств. Собирание доказательств является ключевым этапом процесса доказывания, поскольку в ходе него формируется доказательственная база по уголовному делу. Все последующие процессуальные процедуры, проводимые с доказательствами (проверка, оценка) – осуществляются только по отношению к уже собранным данным.

Законодатель в главе 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)[1] определил круг лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве со стороны защиты, отнеся к ним следующих лиц: подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик и их представители, а также защитник.

Право сбора и представления предметов и письменных документов органу предварительного следствия для принятия решения о приобщении их в качестве вещественного доказательства ч. 2 ст. 86 УПК РФ предоставляет подозреваемому, обвиняемому, гражданскому ответчику и их представителям. Стоит отметить, что собирание доказательств стороной защиты –их право, а не обязанность, в силу ст. 14 УПК РФ, устанавливающей презумпцию невиновности, и провозглашающей обязанность доказывания виновности обвиняемого участниками уголовного разбирательства со стороны обвинения. А в ч. 3 ст. 86 УПК РФ определяется перечень способов собирания доказательств защитником, к которым относятся:

1. Получение предметов, документов и иных сведений.
2. Опрос лиц с их согласия.
3. Истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Роль адвоката, выступающего в качестве защитника подозреваемого (обвиняемого) лица, достаточно сложно переоценить, ведь именно на него, в соответствии с требованиями ст. 49 УПК РФ возлагается обязанность по защите прав указанного лица. В свою очередь, положения п. 3 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[2] наделяют адвоката правом собирать и предоставлять предметы и документы, которые уполномоченным на то лицом могут быть признаны вещественными и иными доказательствами.

В то же время, п. 4 той же нормы определяет, что адвокат имеет право на договорной основе привлекать специалиста для разъяснения вопросов, которые касаются оказания им юридической помощи доверителю. Более того, ч. 3 ст. 86 УПК РФ также закрепляет право адвоката на сбор доказательств, указывая на способы осуществления данной деятельности.

Указанные полномочия адвоката, предоставляемые ему профильным законодательством, свидетельствуют о том, что указанный субъект наделен правом на сбор доказательств и в не которой степени, может рассматриваться в качестве субъекта сбора доказательств. Однако отдельные вопросы о реализации указанных полномочий остаются открытыми или дискуссионными.

Так, К.М. Баева указывает, что законодатель, наделив адвоката-защитника правом на получение предметов, которые могут нести доказательственное значение, никоим образом не регламентировал порядок фиксации данного действия[3]. Указанная позиция автора вполне логична.

Так, законодатель наделил должностных лиц органов предварительного расследования и дознания правом проведения следственных действий, в том числе, связанных с изъятием предметов и документов, что фиксируются протоколами следственных и иных процессуальных действий. При этом, указанные процессуальные документы в дальнейшем могут быть использованы следователем (дознавателем) в качестве доказательства по уголовному делу, найдя свое отражение в обвинительном заключении.

В то же время, законодатель предусмотрел право адвоката на изъятие предметом и документов, имеющих доказательственное значение для уголовного дела, однако не предусмотрел порядок их изъятия, фиксации и право-

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022 № 63-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921.

[2] См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 01.03.2022 № 400-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[3] См.: *Баева К.М.* «Собирание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 178–183.

вой статус документа, которым данные действия удостоверяются.

В то же время, нелогичным видится указание отдельных авторов[1] на то, что адвокат-защитник, при обнаружении предметов, которые могут нести доказательственное значение, должен уведомить об этом лицо, осуществляющее производство предварительного расследования или же вызвать на место следственно-оперативную группу, которой необходимо изложить обстоятельства произошедшего, указав на необходимость изъятия предмета. Критическое отношение к указанному предложению объясняется тем, что данные действия не гарантируют изъятие предмета, имеющего значение для защиты подозреваемого (обвиняемого). Более того, учитывая ярко выраженный обвинительный характер деятельности следователя (дознавателя), последним могут быть уничтожены значимые следов, имеющиеся на обнаруженном защитником объекте.

Нельзя согласиться с позицией, высказанной Т.Н. Бородкиной, которая указывает на то, что достаточно лишь указания на право адвоката-защитника получать предметы и объекты, имеющие значение для уголовного дела, а регламентацию указанной процедуры необходимо возложить на Федеральную палату адвокатов РФ, которая и должна определить порядок изъятия предметов[2].

Данная позиция, сама по себе противоречит правовому положению ФПА России, которая не уполномочена на принятие обязательных нормативных (локальных) актов. Акты ФПА РФ, как известно, носят рекомендательный характер. Более того, установление правил изъятия предметов и документов в рамках Федеральной палаты адвокатов России не будет иметь обязательной юридической силы, что нивелирует обязанность органов следствия и дознания принимать собранные адвокатом материалы в качестве доказательств.

В связи с этим видится необходимым закрепление за адвокатом-защитником права на составление протокола (акта) осмотра, который будет фиксировать ход осмотра, а также его результаты и сведения об изъятых предметах. В то же время, с целью исключения фальсификации доказательств со стороны адвоката-защитника, считается необходимым установить, что при проведении осмотра должны присутствовать не менее двух понятых, а также вестись фото- или видеофиксация.

Считается, что данный документ (протокол (акт) осмотра) должен рассматриваться наравне с протоколами следственных и иных процессуальных действий, которые составляются органами предварительного расследования и дознания. В данном случае будет обеспечен баланс интересов органов уголовного преследования и стороны защиты, что будет отвечать требованиями ст. 15 УПК РФ.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что действующий уголовно-процессуальной закон, как и законодательство об адвокатуре, достаточно формально относятся к определению порядка и сущности сбора доказательств адвокатом-защитником в рамках уголовного процесса. Указанное обстоятельств ярко иллюстрируется в рамках проблемы, связанной с отсутствием легального закрепления процедуры изъятия адвокатом предметом и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела.

В связи с этим, считается, что установление конкретного юридического положения процедуры изъятия предметов и документов адвокатом-защитником и придание данному процессу силы, равной проведенным следственным действиям, повысит эффективность защиты подозреваемых (обвиняемых) на предварительном следствии и суде, что, безусловно, является важным аспектом деятельности адвокатуры.

[1] См.: *Окруадзе Г.М.* К проблеме реализации прав адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 663–666.

[2] См.: *Бородкина Т.Н.* Предоставление защитником по уголовному делу доказательств или сведений? // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 14–17.

О.А. Ипполитова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Т.А. Смагина к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО

Аннотация: *в данной статье рассматривается вопрос административно-правовой природы статуса муниципального служащего. Основное внимание в работе автор акцентирует на то, что правовой статус муниципального служащего в большей степени находится под влиянием административно-правовых норм, что, однако, не отменяет его самостоятельности и особенностей организационной структуры.*

Ключевые слова: *правовой статус личности, правовой статус муниципального служащего, муниципальная служба, государственная гражданская служба, публичная власть, правосубъектность, органы местного самоуправления.*

Методологически идея правового статуса личности была разработана в прошлом веке советскими учеными-юристами как аналог западной либеральной концепции прав человека. Перенять эту концепцию Советский Союз не мог по идеологическим соображениям, считая её буржуазной, поэтому в настоящее время в отечественной юриспруденции наблюдается дуализм, когда и права человека и гражданина, и правовой статус личности – одинаковые по своей сути институты права – изучаются параллельно.

А.Ф. Черданцев под правовым статусом понимает совокупность прав и обязанностей личности[3]. В.Л. Кулапов правовой статус определяет как правовое положение личности в обществе, в котором выражаются легальные

[3] См.: *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 106.

пределы свободы личности, объем ее прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности[1]. Е.А. Лукашева характеризует правовой статус личности как систему прав и обязанностей, законодательно закрепляемую государством в конституциях и иных нормативно-юридических актах[2], разделяя понятия «правовое положение» и «правовой статус».

Впрочем, все учёные едины во мнении, что помимо общего существует специальный правовой статус, зависящий от дополнительных прав и обязанностей, которыми индивида наделяет специальное законодательство. В отечественной юридической науке правовой статус муниципального служащего изучался наряду и совместно с правовым статусом государственного служащего – это обусловлено единством власти в СССР. Определенное влияние на формирование понятия правового статуса муниципального служащего оказала наука административного права, где административно-правовой статус государственного служащего характеризуется в виде системы задач и функций по государственной должности, а также прав и обязанностей в сфере государственного управления. О значительном сходстве правового статуса государственного и муниципального служащего писал в своих трудах профессор В.М. Манохин[3].

Управленческая деятельность, независимо от того, на каком уровне публичной власти она осуществляется, обладает в целом рядом общих закономерностей, имеет однотипные формы и методы управленческих действий, потому в правовом статусе лиц, осуществляющих публичное управление, имеется много общего. Единство правовой природы гражданской и муниципальной службы обусловливается историческими и политическими факторами, оказавшими влияние на возникновение данных видов общественной деятельности и их организационное оформление в качестве институтов публичной власти в сфере осуществления управления делами государства и общества. Гражданская служба и муниципальная служба являются органически сопряженными институтами публичной службы, поскольку основополагающие институты муниципальной службы берут начало из административного права.

В то же время следует отметить, что сходство не означает тождество – муниципальные и государственные служащие существуют хотя и в единой системе публичной власти, но на разных её уровнях, что обусловливает особенность их компетенции, объём властных полномочий, порядок приобретения статуса служащего. Однако общих черт здесь гораздо больше, чем принципиальных различий. Тенденция развития законодательства последних лет свидетельствует о постоянном сближении правовых статусов государственного и муниципального служащего, на что не в последнюю очередь повлияло включение поправками в Конституцию РФ в 2020 г. органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, призванное сформировать модель «межуровневого взаимодействия с сохранением части компетенционной и организационной самостоятельности местного самоуправления»[4].

Анализ прав, обязанностей и гарантий государственного гражданского и муниципального служащих показывает их фактическую идентичность, которая, по оценкам исследователей, демонстрирует тенденцию унификации правовых статусов данных субъектов служебных отношений[5], что позволяет говорить об административно-правовой природе правового статуса муниципального служащего. Правовое регулирование прохождения в РФ муниципальной службы до сих пор осуществляется только методами административного права.[6] Сказанное подкрепляется наличием глубоких взаимосвязей между административным и муниципальным правом, выражающихся в том, что: местное самоуправление изначально наделено административно-правовыми элементами, поскольку реализует управленческие отношения; органы местного самоуправления обладают административной правосубъектностью[7], что особенно наглядно проявляется при сравнительном анализе правовых статусов государственного и муниципального служащих; правовые нормы, регулирующие государственную и муниципальную службу, обладают внутренним единством и составляют либо предмет отрасли служебного права[8], «выросшего» из права административного, либо подотрасль самого административного права[9]. Законодательство предусматривает для муниципальных служащих возможность перехода на государственную службу с включением в стаж срока муниципальной службы. В учебной литературе статус муниципального служащего также называется административно-правовым[10]. Правовое регулирование служебно-трудовых отношений муниципального служащего ведется по принципу субсидиарности трудового права к доминирующему административному праву на основании его специализации (сила специального закона).

Муниципальная служба, выступая институтом власти, обеспечивает реализацию государственной политики, что обусловливает её подконтрольность государству, ответственность перед ним[11]. Однако то обстоятельство, что муниципальная служба действует одновременно и в инте-

---

[1] См.: *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов: Изд-во СГАП, 2011. С. 98.

[2] См.: Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М.: Норма : ИНФОРМА-М, 2021. С. 98 (автор главы – Е.А. Лукашева).

[3] См.: *Манохин В.М., Адушкин Ю.С.* Российское административное право: учебник. Саратов, 2003. С. 136–137.

[4] См.: *Колесников А.В.* Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7. С. 44.

[5] См.: *Садохина Н.Е., Шадский О.Г.* Сравнительно-правовой анализ моделей правового статуса государственного и муниципального служащего // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 688.

[6] См.: *Губарева Н.С.* Проблемы правового регулирования прохождения государственной и муниципальной службы в РФ // Научные исследования. 2016. № 9 (10). С.60.

[7] См.: *Муравченко В.Б.* Правовое регулирование муниципальной службы административным правом // Евразийский союз учёных (ЕСУ). Юридические науки. 2015. № 4 (13). С. 100.

[8] См.: *Старилов Ю.Н.* Служебное право: учебник. М.: БЕК, 1996. С. 5.

[9] См.: *Тихомиров Ю.А.* О концепции развития административного права и процесса // Государство и право. 1998. № 1. С.7.

[10] См.: *Волкова Л.П., Колесников А.В., Максимова Н.А.* Муниципальное право России: учебное пособие. Саратов: Изд-во СГАП, 2008. С. 214.

[11] См.: *Прокофьев С.Е., Богатырев Е.Д., Еремин С.Г.* Государственная и муниципальная служба: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 199.

ресах государства, и в интересах населения муниципального образования, а также специфика организационной структуры муниципальной службы всё же не дают возможности говорить о едином административно-правовом статусе служащего в системе публичной власти РФ. Однако и государственная, и муниципальная служба, будучи предметами специальных законов, находятся в системе регулирования норм административного права.

Таким образом, муниципальная служба, являясь институтом муниципального права, в большей степени находится под воздействием административно-правовых норм, что не отменяет самостоятельности данного института, как и самостоятельности муниципального права, но подчёркивает стремление законодателя обеспечить равные условия регулирования служебных отношений на разных уровнях системы публичной власти Российской Федерации.

К.С. Исаева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Г.Б. Петрова к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация: *в настоящей научной работе оценивается мера пресечения в виде запрета определенных действий. Автором проводится анализ существующих проблем применения данной меры судами, обозначаются положительные моменты реализации исследуемого института.*

Ключевые слова: *уголовный процесс; запрет определенных действий; мера пресечения; проблемы применения мер пресечения.*

Реформирование уголовно-процессуального законодательства отразилось в том числе, в появлении новой, ранее неизвестной российскому праву меры пресечения – запрет определенных действий. Данная мера была введена Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ[1], в Уголовно-процессуальном кодексе появилась новая статья – 105.1[2]. Смысловое содержание данной меры пресечения заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызову дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных обозначенной статьей, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на лица запретов.

Анализируя достаточно новую норму закона, следует отметить её превентивный и обеспечительный характер[3]. Основной целью меры пресечения в виде запрета определенных действий является предупреждение совершения подозреваемым (обвиняемым) таких действий, которые могли бы препятствовать производству по уголовному делу. Кроме этого, путем использования данной меры формируется ряд определенных запретов, несоблюдение которых может пагубно сказать на производстве по уголовному делу.

Для того, чтобы избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий необходимо обоснование невозможности применения более мягкой формы наказания. Кроме этого, разумеется, что основаниями применения обозначенной меры должны быть обоснованы материалами уголовного дела.

Запрет определенных действий, как мера пресечения, может быть реализован в двух основных формах, а именно:

- как самостоятельная мера пресечения. В данном случае она выступает как альтернатива залогу, домашнему аресту и заключению под стражу;
- как дополнительное ограничение при залоге и домашнем аресте.

Избрание меры пресечения в виде запрета определенных действий предполагает учет судьи данных о личности подозреваемого (обвиняемого), все обстоятельства конкретного уголовного дела, а также сведения, представленные сторонами[4]. Лицо может быть подвержено как всем запретам, которые предусмотрены в ст. 105.1 УПК РФ, либо отдельным из них. Запреты, устанавливаемые судом, могут носить следующий характер:

- запрет на покидание жилого помещения проживания в определенное время;
- запрет на нахождение в определенных местах, а также на посещение определенных мероприятий. Кроме этого, судом может быть установлено расстояние, ближе которого посещение определенных объектов так же будет запрещено;
- запрет на общение с определенным кругом лиц;
- запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений;
- запрет на использование иных средств связи, а также пользование сетью «Интернет»;
- запрет на управление транспортными средствами. Как правило, данный запрет распространяется на подозреваемых (обвиняемых), чье совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В настоящее время отношение судов к избранию данной меры пресечения справедливо характеризовать как достаточно осторожное[5]. Об этом свидетельствует нали-

[1] См.: Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2022).

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921.

[3] См.: *Лесная Л.И.* О новой мере пресечения в виде запрета определённых действий // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 147–150. URL: https://moluch.ru/archive/235/54448/ (дата обращения: 14.04.2022).

[4] См.: Прокурор разъясняет. Мера пресечения – запрет определённых действий // Официальный интернет-ресурс прокуратуры Оренбургской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_56/activity/legal- education/explain?item=65928341 (дата обращения: 14.04.2022).

[5] См.: *Федотов И.С.* Актуальные проблемы применения запрета определенных действий // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 4. URL:

чие некоторых проблем, возникающих при её применении. Среди таковых, процессуалисты выделяют:

1. Отсутствие индивидуального порядка наложения данной меры. Так, как ранее было обозначено, запрет определённых действий предполагает одновременное его применение с залогом и домашним арестом. В данном случае можно говорить о противоречии мер уголовно-процессуального принуждения. Проблемой является несоответствие принципам альтернативности, т.к. каждая из мер назначается при наличии необходимых обстоятельств её применения. Кроме этого, если судьей происходит выбор нескольких мер пресечения, то создается опасность некоторой не востребованности новоиспеченной меры, т.к. суд по сути остается волен и не ограничен в возможности применения более строгих мер, а именно залога и домашнего ареста.

2. Исследуемая ст. 105.1 УПК РФ не формализует права подозреваемого (обвиняемого) на встречи с защитником или законным представителем в случае избрания судом запрета на покидание жилого помещения в определенные периоды времени либо запрета на пользование средствами связи. При этом, дополнительно следует отметить, что такое лицо не может ограничиваться в праве на вызов врача, сотрудников полиции, а также право на сообщение о чрезвычайной ситуации, кроме этого сохраняется право на связь с дознавателем, следователем или органом, осуществляющим контроль над реализацией контроля за соблюдением наложенного запрета. Так или иначе, несмотря на закрепленный перечень исключений, исключение права на связь и встречи с защитником или законным представителем должно быть дополнительно закреплено, т.к. его отсутствие по своей сути нарушает конституционное право на оказание квалифицированной юридической помощи, закрепленное в ст. 48 Конституции РФ[1].

3. Дополнительной проблемой реализации исследуемой меры пресечения является вопрос реализации непосредственного контроля за исполнением запретов. По большей мере речь идет об отсутствии технологий, которые используются при обеспечении данного контроля. На сегодняшний день, те технологические достижения, которые используются Федеральной службой исполнения наказания не позволяют говорить о том, что они в полной мере могут проконтролировать исполнение того или иного запрета. Так, на сегодняшний день не представлено таких технических средств, которые бы позволили идентифицировать лиц, с которыми подозреваемому (обвиняемому) запрещено общаться. Кроме этого, запрет нахождения в определенных местах, либо нахождение ближе установленного расстояния олицетворяет лишь юридическую функцию, а его практическая реализация так же остается затруднительной. Данные технологии уже имеют место быть в отдельных областях жизни, однако их повсеместное использование представляется затруднительным, кроме этого достаточно дорогостоящим.

4. Запреты, которые перечислены в п.п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ не имеют определенного периода действия, а согласно ч. 9 комментируемой статьи применяются до отмены или изменения меры пресечения. Исключением в данном случае является лишь существование срока действия запрета по выходу в определенные периоды времени за пределы жилого помещения. Данный срок устанавливается размером от 12 до 36 месяцев. Рядом процессуалистов предлагается установить на законодательном уровне те периоды времени, на которые распространяется конкретный запрет.

5. Еще одним дискуссионным вопросом применения меры пресечения в виде запрета определенных действий служит отсутствие гарантий эффективного достижения целей данной меры пресечения. Дополнительная нагрузка на контролирующие органы, ввиду отсутствия привязанности запретов к определённому месту увеличивает масштаб контроля за исполнением наложенных запретов, требует дополнительного ресурса, как временного и трудового, так и технологического[2].

Резюмируя, можно отметить, что несмотря на то, что внедрение в уголовно-процессуальное законодательство новой меры пресечения в виде запрета определенных действий является предметом некоторых дискуссий, а проблемы реализации до сих пор имеют место быть, данная новелла имеет и ряд положительных черт. Так, данное законодательное нововведение становится предпосылкой для дальнейшей гуманизации уголовно-процессуального законодательства. Реформируемая система мер, действовавшая до 2018 г., нуждалась в ряде изменений в силу того, что её потенциал был фактически исчерпан.

Одним из важнейших документов, разъясняющих для судов порядок применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а также исследуемого в настоящей работе запрета определенных действий является Постановление Пленума Верховного суда от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»[3]. Данным разъяснительным актом подтверждаются некоторые доводы, обозначенные в рамках настоящего исследования. Так, как уже обозначалось, п. 39 дополнительным образом разъясняет порядок применения определенных запретов с учетом данных о личности подозреваемого (обвиняемого). Кроме прочего, в следующем пункте Верховный Суд подчеркивает обозначенную необходимость идентификации лиц, с которыми ограничивается общение в рамках наложения запретительных мер. Что касается

https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-zapreta-opredelennyh-deystviy (дата обращения: 13.04.2022).

[1] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

[2] См.: *Арсентьева С.С.* Проблемы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-mery-presecheniya-v-vide-zapreta-opredelennyh-deystviy (дата обращения: 15.04.2022).

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2022).

права на пользование связью для вызова скорой медицинской помощи, вызова чрезвычайных служб, общения с дознавателем и следователем, Верховным Судом так же разъяснен соответствующий разрешительный порядок. Относительно запрета права на пользование сетью Интернет, Верховный Суд допускает возможность её использования в учебных целях (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением, если подозреваемый или обвиняемый является учащимся данного заведения).

Представленные теоретические рассуждения позволяют говорить о формировании уклона в сторону смягчения правового статуса подозреваемого (обвиняемого) на досудебных стадиях уголовного производства. Успех запрета определенных действий формируется судебной практикой, в начале формирования которой судьи не так охотно применяли новую меру, однако данная тенденция на сегодняшний день склонна к изменениям в положительную сторону. Формирующаяся судебная практика спустя время позволит дополнительно оценить эффективность законодательного внедрения запрета на совершение определённых действий.

А.Э. Кадышева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.М. Лапунин к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация: *в статье проанализированы составы дорожно-транспортных преступлений, санкции за их совершение по законодательству зарубежных государств, а также дается их сравнение с составами дорожно-транспортных преступлений, закрепленных в Уголовном кодексе РФ. Приведены примеры малораспространенных составов преступлений данной группы.*

Ключевые слова: *безопасность дорожного движения; уголовная ответственность; дорожно-транспортные преступления; зарубежное уголовное законодательство.*

Профилактика и снижение количества дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) являются одним из направлений государственной политики большинства стран мира. ДТП ежегодно наносят огромный материальный, социальный и демографический ущерб государству. Согласно статистическим данным, чаще ДТП совершают водители, находящиеся состоянии опьянения, водители, не имеющие либо лишенные права управления транспортными средствами, а также начинающие водители.

В настоящее время существует несколько международных документов, касающихся дорожного движения, ратифицированных Российской Федерацией, например, Конвенция о дорожном движении 1968 г., Конвенция о дорожных знаках и сигналах 1968 г., Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1971 г., Протокол о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1973 г., Резолюции ООН по вопросам повышения безопасности дорожного движения. Данные международные нормативные акты определяют общие положения правил дорожного движения, а также требования к государствам-участникам об установлении и законодательном закреплении ответственности за их нарушение.

Ответственность за совершение дорожно-транспортных преступлений предусмотрена в уголовном законодательстве большинства стран мира. Каждое государство самостоятельно, но с учетом международных актов в данной сфере, определяет виды дорожно-транспортных преступлений, особенности привлечения виновных лиц к ответственности, а также санкции за их совершение в зависимости от особенностей правил дорожного движения, действующих в стране. Как пишет Епифанов Ю.А.: «там, где жестче Правила дорожного движения и серьезнее наказание за их нарушение, показатели аварийности и травматизма ниже»[1]. Следует отметить, что в уголовном законодательстве различных зарубежных стран встречаются нормы, похожие по смыслу, но различающиеся объективной стороне, квалифицированным видам преступления и санкциям за их совершение.

В большинстве зарубежных стран статьи, предусматривающие ответственность за дорожно-транспортные преступления, выделены в отдельную главу уголовного кодекса. Так, например, в главе 21 «Преступные деяния против безопасности движения» УК Латвии[2] содержится легальное понятие транспортного средства (ст. 261), а также общий состав нарушений правил дорожного движения в зависимости от тяжести последствий (ст. 260). Специальными нормами являются: ст. 262, которая предусматривает ответственность за управление транспортным средством под воздействием алкоголя, наркотических, психотропных, токсических или иных опьяняющих веществ; ст. 262-1 – отказ от проверки на воздействие алкоголя, наркотических, психотропных, токсических и иных опьяняющих веществ и оставление места ДТП; ст. 264 – допуск к управлению транспортными средствами лиц, находящихся под воздействием алкоголя, наркотических, психотропных, токсических или иных опьяняющих веществ. Также в УК Латвии предусмотрена ответственность за выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных

[1] *Коробеев А.И.* Транспортные преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 153.

[2] Уголовный закон Латвии. URL: http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf (дата обращения: 05.04.2022).

средств (ст. 263) и нарушение правил охраны порядка или безопасности движения транспорта, повлекшее тяжкие последствия (ст. 264). Схожие составы дорожно-транспортных преступлений содержатся в главе 27 Уголовного кодекса РФ[1] (далее – УК РФ) «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта».

По УК Германии[2] основанием уголовной ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений является уже сам факт нарушений Правил дорожного движения, что, например, по российскому законодательству является административным правонарушением, предусмотренным главой 12 Кодекса РФ об административных правонарушениях[3] (далее – КоАП РФ).

В параграфе 142 раздела 7 «Наказуемые деяния против общественного порядка» УК Германии предусмотрена ответственность за оставление места ДТП, которая обладает важной профилактической ролью. В данном параграфе подробно изложены действия лица, которое является участником дорожного движения и скрывается оттуда, прежде чем выполнит определенные действия. При этом указано, что участник дорожного движения – это любое лицо, чье поведение при определенных обстоятельствах может стать причиной ДТП. В законодательстве РФ ответственность за оставление места ДТП предусмотрена ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ («Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием»), а также в качестве квалифицированного признака в ч. 2, 4, 6, ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств».

Практика немецких судов позволяет сделать вывод о том, что причинение смерти потерпевшим от злостных нарушений правил дорожного движения является серьезным преступлением и должно повлечь за собой очень строгое наказание. Например, за незаконную гонку в центре Берлина, в результате которой погиб человек, виновные были осуждены за преднамеренное убийство (так как осознавали, что в результате своих действий могут причинить смерть любому лицу) и приговорены к пожизненному лишению свободы. В настоящее время рассматривается проект закона ФРГ об уголовной ответственности нелегальных автогонщиков с санкцией до 10 лет лишения свободы с лишением водительского удостоверения[4]. Подобная норма вполне применима и в российском законодательстве, т.к. в последние годы нелегальные автогонки набирают популярность, а их проведение подвергает реальной опасности жизнь и здоровье не только участников этих гонок, но и других участников дорожного движения (особенно пешеходов, велосипедистов, водителей и пассажиров мототранспортных средств).

Важными являются ст. 342 и ст. 343 главы 11 «Общеопасные преступления» УК Болгарии[5], предусматривающие ответственность за управление подвижным железнодорожным составом, воздухоплавательным средством, механическим перевозочным средством, судном, боевой или специальной машиной, с нарушением правил движения и допущение причинения другому лицу телесного повреждения или смерти. К ответственности привлекается также работник или служащий транспорта, нарушивший правила эксплуатации или требования доброкачественности ремонта подвижного состава, путей или сооружений, если он допустил причинение другому лицу телесного повреждения или смерти. Все указанные транспортные средства предназначены для перевозки большого количества людей, и это повышает уровень ответственности за их жизнь и здоровье для лиц, причастных к совершению данных преступлений. В статьях 263, 263.1, 266 УК РФ предусмотрена ответственность за схожие преступления.

В УК Болгарии также установлена ответственность за уничтожение, перемещение знака или сигнала, предназначенного для обеспечения безопасности движения на железнодорожном, водном транспорте или электротранспорте, а также за подачу ложного знака или сигнала (ст. 344). Ст. 345 запрещает использование контрольных знаков, предназначенных для другого механического транспортного средства, или знаков, которые не выдавались соответствующими органами, а ст. 345а. предусматривает ответственность за уничтожение или подделку идентификационного номера механического транспортного средства. В ст. 326 УК РФ предусмотрена ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства.

В разделе 9 «Преступления и проступки против общественного транспорта» УК Швейцарии[6] (ст. 237, 238) предусмотрена ответственность за умышленное препятствование работе общественного транспорта (воздушного, водного, железнодорожного), нарушение или угроза его деятельности, которая влечет сознательное создание опасности для жизни и здоровья людей, чужой собственности. Однако, специальной нормы, которая устанавливает ответственность за нарушение безопасности функционирования транспорта участниками дорожного движения, в УК Швейцарии в настоящее время нет. Данные деяния квалифицируются по ст. 117 и ст. 125 как причинение смерти и телесных повреждений по неосторожности. В ст. 267, 267.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за совершение подобных деяний, и ст. 12.33 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений.

В главе XXXIX «Преступления и уголовные проступки против безопасности транспортного движения»

---

[1] Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] Уголовный кодекс ФРГ. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 05.04.2022).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 26.03.2022). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2022).

[4] *Собин Д.В.* Особенности регламентации ответственности за нарушение правил дорожного движения в уголовном законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Научный вестник Южного Федерального округа. 2015. № 1. С. 68.

[5] Уголовный кодекс Болгарии. URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 05.04.2022).

[6] Уголовный кодекс Швейцарии. URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 05.04.2022).

УК Литвы[1] предусмотрена ответственность за недоброкачественный уход за железнодорожными, водными либо воздушными транспортными средствами или дорогами, дорожными сооружениями и устройствами и их ремонт (ст. 278), а также за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

УК Испании[2] в ст. 381 и 384 раскрывает следующие необычные составы дорожно-транспортных преступлений – вождение автомобиля или мотоцикла с явным безрассудством, которое ставит в конкретную опасность жизнь или здоровье людей, а также вождение указанных транспортных средств с сознательным пренебрежением к жизни других людей.

Важно отметить, что санкции за совершение дорожно-транспортных преступлений в УК уголовном законодательстве большинства стран мира предусматривают лишение свободы на определенный срок, штраф, исправительные работы, принудительные работы, с лишением права управления транспортными средствами (УК Испании), конфискацией имущества (УК Латвии). В п. 5 ст. 131-6 УК Франции[3] предусматривается необычный дополнительный к тюремному заключению за совершение дорожно-транспортных преступлений вид наказания – приведение в неподвижное состояние транспортного средства, принадлежащего осужденному за срок не менее 1 года.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что составы дорожно-транспортных преступлений, как правило, закрепляются в отдельных главах уголовных кодексов зарубежных государств, предусматривающих ответственность за преступления в сфере безопасности дорожного движения или общественной безопасности. Составы данных преступлений учитывают специфику правил дорожного движения, действующих в конкретном государстве, опасность самого деяния, наличие квалифицированных признаков состава преступления, тяжесть причиненных последствий.

В настоящее время в мире не существует единой системы дорожно-транспортных преступлений, однако, есть составы преступлений, которые признаются большинством стран мира. В части наказания за совершение дорожно-транспортных преступлений позиция зарубежных законодателей имеет сходства. Отдельные нормы, содержащиеся в уголовных кодексах зарубежных государств, по смыслу схожи с нормами главы 27 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Ответственность за безрассудное вождение, которое ставит в конкретную опасность жизнь или здоровье людей, вождение с сознательным пренебрежением к жизни других людей, предусмотренное в УК Испании, а также инициатива о введении уголовной ответственности за нелегальные автогонки по УК Германии весьма актуальны в настоящее время. Российскому законодателю следует задуматься над введением данных норм в УК РФ или КоАП РФ, т.к. подобные случаи часто встречаются на практике.

[1] Уголовный кодекс Литвы. URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 05.04.2022).

[2] Уголовный кодекс Испании. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649226888&tld=ru&lang=ru&name=ispanii_uk.doc&text=%D1%83%D0%BA%20%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8&url=http%3A%2F%2Fartlibrary2007.narod.ru (дата обращения: 05.04.2022).

[3] Уголовный кодекс Франции. URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения: 05.04.2022).

Т.А. Капцева
аспирант 2 курса кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *данное научное исследование посвящено анализу практики несвоевременного ознакомления подозреваемого, обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства с постановлением органа расследования о назначении судебной экспертизы. В настоящей статье автором критически осмыслены нормы действующего уголовно-процессуального законодательства и мнения ученых по исследуемой проблематике.*

Ключевые слова: *следственное действие, назначение и производство судебной экспертизы, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, право на защиту, доступ к правосудию.*

Установленный законом порядок принятия отдельных решений и производства отдельных следственных действий включает в себя: достаточные основания для принятия решений и производства действий; условия принятия решений и производства действий; последовательность совершения отдельных операций в рамках того или иного следственного действия; правила процессуального документирования принимаемых решений, хода производимых действий и установленных при их производстве обстоятельств[4].

По мнению Конституционного Суда РФ, точное и неукоснительное соблюдение следователем (дознавателем) процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы обеспечивает реализацию подозреваемым, обвиняемым права на защиту, возможность донести свою позицию, в том числе путем заявления ходатайств о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту и о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц[5]. Вместе с тем, такое соблюдение обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и гарантирует реаль-

[4] См.: Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. С. 824 (автор темы 11 – В.Д. Холоденко).

[5] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1621-О/2012 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гречкина Виктора Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и статьей 198 Уголовно-про-

ную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела[1].

С внесением изменений в 2013 г. в Уголовно-процессуальный кодекс РФ[2] стало возможным получать образцы для сравнительного исследования, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок до возбуждения уголовного дела. Это значит, что права лиц, в зависимости от их фактического процессуального статуса, могут быть ограничены уже при проверке сообщения о преступлении, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ. Совершенствование процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы может быть обеспечено точным, ясным и недвусмысленным выражением норм, устанавливающих этот порядок доступными языковыми средствами.

Признав необходимым назначение судебной экспертизы, т.е. при наличии достаточных оснований для назначения судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление. В тех случаях, когда существенно ограничиваются конституционные права и свободы личности (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ – при помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы), следователь (дознаватель) обязан возбудить перед судом ходатайство, в котором указываются: основания назначения судебной экспертизы; фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

Дополнительно в науке выделяют специальные условия для назначения судебной экспертизы: достаточность объектов для исследования, наличие научно обоснованной экспертной методики по данному предмету и, по общему правилу, согласие свидетеля и потерпевшего на их обследование (или согласие их законных представителей)[3].

В соответствии с ч. 3 ст. 195 УПК РФ, следователь (дознаватель) знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем (дознавателем) и лицами, которые ознакомлены с постановлением. Указанное процессуальное действие должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные ст. 198 УПК РФ. Данное требование ч. 3 ст. 195 УПК РФ распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем (дознавателем), прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях[4]. Кроме того, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, в том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол[5]. По мнению Конституционного Суда РФ, как недопустимое нарушение права на защиту, принципа состязательности и равноправия сторон должно расцениваться ознакомление подозреваемого, обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы после ее производства[6].

Положения ст. 195 и 198 УПК РФ неоднократно оспаривались гражданами в Конституционный Суд РФ. Вынося решения об отказе в принятии к рассмотрению такого рода жалоб, Конституционный Суд РФ указывал, что ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы до начала ее производства – при отсутствии объективной невозможности это сделать – является обязательным; уголовно-процессуальное законодательство содержит все необходимые правовые механизмы, включая прокурорскую и судебную проверку, гарантирующие обеспечение права на защиту подозреваемых, обвиняемых при ознакомлении с постановлением о назначении судебной

цессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision112576.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О/2004 «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32824.pdf (дата обращения: 01.04.2020); Определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 114-О/2006 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15136.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2022. № 13, ст. 1952 (в дальнейшем, если не оговорено иное – УПК РФ).

[3] См.: *Резник Г.М. и др.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Ч. 2: учебник для вузов / под общ. ред. Г.М. Резник. М., 2020. С. 121 (автор гл. 16 – Е.А. Рубинштейн).

[4] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О/2004 «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18062004-n-206-o-po/ (дата обращения: 01.04.2020); Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2008 г. № 936-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_902143632 (дата обращения: 01.04.2020).

[5] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (п. 9) // Российская газета. 2010. 30 дек.

[6] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 762-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Донгака Шолбана Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 53, 86, 195 и 207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16831.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

экспертизы и с соответствующим заключением эксперта (определения от 5 февраля 2015 г. № 257-О [1], от 29 марта 2016 г. № 567-О [2], от 18 июля 2017 г. № 1484-О [3], от 25 января 2018 г. № 190-О [4], от 28 февраля 2019 г. № 503-О [5] и др.)[6].

В соответствии с указанным выше разъяснением Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 с постановлением о назначении экспертизы до ее производства должны быть ознакомлены подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевший; в том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол (п. 9). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в данном разъяснении Пленума не упоминается лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера и его защитник. Вместе с тем, данное лицо наделяется всеми правами подозреваемого и обвиняемого (ч. 1 ст. 437 УПК РФ). В связи с этим ему тоже должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 198 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права. Следовательно, следователь обязан ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы не только подозреваемого и обвиняемого, но и лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (если его психическое состояние позволяет ему осуществлять права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ), а также его защитника.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в п. 9 данного постановления Пленума указан только потерпевший. Совершенно очевидно, что следователь должен ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы не только потерпевшего, но и его представителя (если он участвует в производстве по уголовному делу), т.к. представитель потерпевшего наделяется всеми правами потерпевшего (ч. 3 ст. 45 УПК РФ). Кроме того, о необходимости знакомить с постановлением о назначении экспертизы представителя потерпевшего прямо сказано в ч. 3 ст. 195 УПК РФ.

По мнению В.А. Лазаревой, В.В. Иванова и А.К. Утарбаева, практика несвоевременного ознакомления подозреваемого, обвиняемого с постановлением органа расследования о назначении экспертизы приобрела широкомасштабный характер. Чаще всего сторона защиты узнает о назначении экспертиз в одно время с предъявлением им для ознакомления заключений экспертиз, что обычно совпадает с моментом окончания расследования и ознакомления со всеми материалами дела. Проведенные без ведома и участия защиты экспертизы представляют собой исследования в рамках программы, заданной следователем (дознавателем), т.е. стороной обвинения, и, по сути, являются односторонними. В такой ситуации защита не имеет возможности ставить перед экспертом вопросы, контролировать ход экспертного исследования и давать эксперту необходимые для большей объективности пояснения. Защита лишается также возможности реализовать свое право на информированность о ходе расследования, заявление отвода экспертам или ходатайства о поручении производства экспертизы другим экспертом или в другом экспертном учреждении. Ходатайства защиты об исключении таких экспертиз из судебного разбирательства как полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, суды, как правило, отклоняют, ссылаясь чаще всего на отсутствие самого нарушения или на отсутствие связи допущенных следователями (дознавателями) нарушений закона с ущемлением прав стороны защиты.

Данные авторы также отмечают, что предоставленные ст. 198 УПК РФ права могут быть эффективно реализованы только на этапе назначения экспертизы, т.е. до начала ее проведения. После чего эти полномочия защиты теряют свою актуальность. Требовать производства экспертизы в другом экспертном учреждении, равно как и в конкретном экспертном учреждении, после того, как экспертиза проведена, неразумно. Так, не предусматривается возможности прекращения уже начатой экспертизы, кроме случаев обнаружения заинтересованности руководителя экспертного учреждения в исходе уголовного дела или оснований для отвода эксперта. При отсутствии таких данных экспертиза по направленному в экспертное учреждение постановлению в любом случае будет проведена (экспертиза проводится в том экспертном учреждении и теми лицами, которые указаны в постановлении,

---

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О «По жалобе гражданина Шилова Сергея Яковлевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision188854.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 567-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колесникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 195, частью первой статьи 198 и статьей 40117 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 471 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision230402.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1484-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синецкого Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision289710.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[4] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и частью первой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision315387.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[5] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2019 г. № 503-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садриева Ирека Ильшатовича на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision391681.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

[6] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 787-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маланьина Артема Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision465172.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

постановление после его направления в экспертное учреждение не может быть изменено, а начатая экспертиза – прекращена). Точно также сторона защиты лишается возможности присутствовать с разрешения следователя (дознавателя) при производстве судебной экспертизы и давать объяснения эксперту (п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Поскольку на следователя (дознавателя) закон возлагает обязанность не только ознакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы, но и обеспечить возможность реализации ими прав, которыми они обладают, невыполнение этой обязанности есть нарушение права на защиту, лишающее подозреваемого, обвиняемого возможности влиять на ход и направление уголовного судопроизводства, защищать свои законные интересы, добиваться справедливого судебного решения[1].

Таким образом, использование специальных знаний (назначение и производство судебной экспертизы) для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в современных условиях является жизненной необходимостью, и не нуждается в дополнительном обосновании.

Д.А. Карамышев
ФГБОУ ВО СГЮА, г. Саратов
Научный руководитель: Е.В. Покачалова д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО СГЮА, г. Саратов

САМОЗАЩИТА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: *в статье анализируется самозащита юридических лиц в сфере финансово-правового регулирования. Исследуются вопросы теоретической и законодательной проработки самозащиты. Рассматриваются аспекты толкования самозащиты на практике.*

Ключевые слова: *самозащита, способ защиты прав, юридические лица.*

Законодательством Российской Федерации наряду с административным и судебным способами защиты субъективных прав и законных интересов закреплена самозащита, что находит свое отражение в статье 45 Конституции РФ[2], допускающей защиту своих прав любыми незапрещенными законами способами, а также в статьях 12 и 14 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»), разрешающих самозащиту в пределах действий, необходимых для её пресечения.

Самозащита прямо не закреплена в законодательстве сферы финансового-правового регулирования, однако выявляется путем системного анализа норм. Безусловно, самозащита в сфере финансово-правового регулирования также важна, поскольку является дополнительным способом защиты субъективных прав и законных интересов юридических лиц в сфере финансово-правового регулирования.

Стоит отметить, что на сегодняшний день ученые не пришли к единому мнению в отношении понятия «самозащита» и его сущностных признаков. Законодательного закрепления данный термин также не получил. В.П. Грибанов под самозащитой понимает совершение лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов[3].

А.В. Малько под самозащитой понимает межотраслевой институт российского права, который не имеет исчерпывающего перечня деяний[4].

Дискуссионным вопросом является и юридическая сущность самозащиты, поскольку ГК РФ не дает однозначного ответа. Ученые спорят о том, является она способом или формой защиты. В статье 12 ГК РФ самозащита определяется как способ, а в статье 14 ГК РФ упоминаются её способы, что указывает на то, что самозащита является формой.

О.Г. Лазоренкова считает, что самозащита – это форма гражданских прав, которая реализуется во внедоговорных правоотношениях фактическими, способами, не прибегая к юридическим[5].

А.П. Сергеев относит самозащиту к неюрисдикционной форме защиты[6].

О.В. Белянская считает, что субъект самозащиты, как правило, не наделен властными полномочиями, действует в экстремальной ситуации и использует только собственные силы, не обращаясь в компетентные органы[7].

Видится верной точка зрения Казаковой Е.Б. о том, что действия по самозащите могут быть оспорены в суде, поскольку фактически и юридически могут являться самоуправством[8]. В связи с чем, более широкое применение самозащиты не должно снизить количество споров в административном и судебном порядке, поскольку в этом случае компетентные органы также будут обращаться в суд.

Верховный Суд РФ в своем Постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского ко-

[1] См.: *Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К.* Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для вузов. М., 2020. С. 96–99.

[2] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

[3] См.: *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 177.

[4] См.: *Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М.* Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М.: Норма, 2010. С. 192.

[5] Самозащита гражданских прав и право удержания – два новых института гражданского права: их сходство и отличия // Сборник трудов Новороссийского филиала Краснодарской академии МВД России. М.: Компания Спутник+, 2004. Вып. 1. С. 23.

[6] См.: Гражданское право: учебник. Ч. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Теис, 1996. С. 269.

[7] См.: *Белянская О.В.* Непосредственная реализация прав и свобод личности. С. 89.

[8] См.: *Казакова Е.Б.* Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики. С. 98.

декса Российской Федерации»[1] отметил, что самозащита должна соответствовать способу и характеру нарушения.

По мнению Ю.Г. Басина и А. Г Диденко причиной использования самозащиты прежде всего является удобство, а не невозможность защиты своих прав и законных интересов в административном и судебном порядке[2]. Согласно схожей точки зрения С.В. Горбачевой самозащита как способ защиты является наиболее доступным, оперативным и качественным[3].

Можно выделить и отдельные виды самозащиты в зависимости от субъекта: налогоплательщика, декларанта, резидента, страхователя.

Основополагающей нормой, закрепляющей самозащиту налогоплательщика, является пункт 11 части 1 статьи 21 Налогового кодекса РФ (далее – «НК РФ»)[4], которая наделяет налогоплательщиков правом не выполнять неправомерные акты и требования налоговых органов.

Тимофеев В.В. понимает под самозащитой налогоплательщика действия фактического и юридического порядка, направленных на защиту и восстановление прав и законных интересов в сфере налогообложения[5].

Сунцева П.В. выделяет в качестве вида самозащиты налогоплательщика (подвида административного порядка защиты прав и законных интересов) оптимизацию налогообложения[6].

Судебная практика к средствам самозащиты налогоплательщика относит видеозапись покупки товара (например, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 января 2021 г. № 18АП-14927/20 по делу №А76-33315/2020[7]) и непредставление незаконно истребуемых документов и информации (например, Постановление Верховного Суда РФ от 26 апреля 2019 г. № 9-АД19-10[8]).

Представляется правильной точка зрения Костенко М.Ю. о том, что невыполнение обязанностей налогоплательщика о предоставлении сведений не может рассматриваться как самозащита[9]. Также полагаем, что неисполнение иных обязанностей, предусмотренных НК РФ также не может рассматриваться как самозащита. Кроме того, совершение таких действий влечет ответственность в соответствии с действующим законодательством, на что обращалось внимание ученых[10].

По некоторым оценкам, на данный момент механизм реализации налогоплательщиком самозащиты и критерии признания неправомерными требований и актов налоговых органов не сформирован (включая формы и порядок)[11].

В отличие от НК РФ Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[12] от 03.08.2018 № 289-ФЗ и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – «ТК ЕАЭС»)[13] не закрепляет право проверяемого лица и декларанта не выполнять неправомерные акты и требования таможенных органов. Однако, возможно, к самозащите стоит отнести пункт 336 ТК ЕАЭС, который закрепляет право проверяемого лица требовать от должностных лиц таможенного органа, проводящих выездную таможенную проверку, предъявления решения (предписания) о проведении выездной таможенной проверки и служебных удостоверений. В данном случае проверяемое лицо или декларант вправе самостоятельно проверить статус лиц, удостовериться в их полномочиях.

В сфере страхования к самозащите видится можно отнести право вкладчика в соответствии со статьей 7 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»[14] на сообщение в Агентство о фактах задержки банком исполнения обязательств по вкладам.

Кроме того, право страхователя в соответствии со статьей 17 Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»[15] требовать участия органа исполнительной власти по труду в проверке правильности установления ему надбавок и скидок к страховому тарифу также может быть отнесено к самозащите.

В качестве самозащиты страхователя в соответствии со статьей 4.1 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» может рассматриваться право на осуществление проверки сведений о страхователе посредством отправки запроса.

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант-Максимум».

[2] См.: *Басин Ю.Г., Диденко А.Г.* Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки: сб. трудов. Вып. 1. Алма-Ата: Изд-во Каз. ун-та, 1971. С. 10.

[3] См.: *Горбачева С.В.* Самозащита прав по российскому законодательству: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 4.

[4] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (с изм. и доп. 26.03.2022 № 67-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3824.

[5] См.: *Тимофеев В.В., Елымбаева А.Ю.* Институт защиты прав и законных интересов налогоплательщиков // Марийский юридический вестник. 2017. № 3. С. 99.

[6] См.: *Сунцева П.В.* Оптимизация налогообложения как способ защиты прав и законных интересов налогоплательщиков // Налоги и финансовое право. 2012. № 11. С. 217.

[7] См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 января 2021 г. № 18АП-14927/20 по делу № А76-33315/2020 // СПС «Гарант-Максимум».

[8] См.: Постановление Верховного Суда РФ от 26 апреля 2019 г. № 9-АД19-10 // СПС «Гарант-Максимум».

[9] См.: *Костенко М.Ю.* Налоговая тайна: науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 107.

[10] См.: *Бартош О.Н.* Понятие и классификация способов защиты прав налогоплательщиков // Налоги. 2009. № 22. С. 16.

[11] См.: *Паночко А.В.* Право налогоплательщика на самозащиту // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 8. С. 612.

[12] См.: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 26.03.2022 № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2018. № 32, ч. 1, ст. 5082.

[13] См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (в ред. от 29.05.2019) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 28.03.2022).

[14] См.: Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (с изм. и доп. от 30.12.2021 № 476-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 52, ст. 5029.

[15] См.: Федеральный закон № 255-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (с изм. и доп. от 30.04.2021 № 126-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 1, ст. 22.

Таким образом, самозащита является дополнительным самостоятельным способом защиты прав и законных интересов юридических лиц в сфере финансово-правового регулирования, не требующим обращения за защитой в административном и судебном порядке. Понятие «самозащиты» и его сущностные признаки вызывают споры среди ученых, а его механизм в сфере финансово-правового регулирования нуждается в законодательной доработке. Важно при выборе данного способа защиты не допускать в своей деятельности самоуправства, поскольку в противном случае это может повлечь налоговую и административную ответственность.

Ю.В. Касенков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Шиндина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОЛЬ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ВЕТВИ В СТАНОВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль конституционного принципа разделения властей в становлении и развитии демократии в Российской Федерации. На основе изучения положений Конституции России, учебной и научной литературы доказана прямая связь между реальным обеспечением разделения государственной власти и уровнем развития демократизма в стране.*

Ключевые слова: *принцип разделения властей, демократия, конституционный строй Российской Федерации, основы конституционного строя Российской Федерации, политический режим.*

Конституция РФ провозглашает Россию демократическим государством[1]. Как отмечает профессор Б.С. Эбзеев, в науке существует более двухсот подходов к определению демократии. На основании формулы ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, в которой указывается на федеративный (определяется государственное устройство) и республиканский (форма правления) характер демократии, ученый приходит к выводу, что демократия – это политический режим, с присущими ему характеристиками[2].

Такой же точки зрения придерживаются С.М. Шахрай и А.А. Клишас. Анализируя ст. 1 Конституции России, они указывают, что под формулировкой «демократическое государство» подразумевается соответствующий политический режим, который проявляется в следующем: «власть в государстве осуществляет народ, а каждый отдельный гражданин участвует в управлении государственными и общественными делами, в стране реально обеспечиваются приоритет прав и свобод человека перед правами и интересами государства, разделение властей, идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, свобода экономических отношений»[3]. Из этого определения следует, что неотъемлемой чертой демократического государства является конституционное восприятие принципа разделения властей. Рассмотрим взаимосвязь демократического режима и принципа разделения властей подробнее.

Принцип разделения государственной власти на ветви, как и положение о демократическом характере Российской Федерации, закреплен в статье 10 главы 1 Конституции РФ – государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Принцип разделения государственной власти на ветви по своей сущности является одним из принципов конституционного строя Российской Федерации, основой для возникновения которого стала одноименная политико-правовая доктрина.

Главная цель этого принципа – организация механизма государственной власти без ее узурпации в одних руках. Безусловно, такая цель соответствует центральной идеи построения демократического государства.

По мнению С.М. Шахрая и А.А. Клишаса, разделение властей на ветви является одним из основополагающих принципов демократической организации государства, важнейшей предпосылкой верховенства права и обеспечения свободного развития человека[4]. На это указывают В.Е. Чиркин, О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева и Е.В. Комбарова[5]. Как отмечает Е.В. Комбарова, смысл данного принципа «заключается в избежании неограниченности диктатуры одного лица или группы лиц, в построении системы «сдержек и противовесов» против возможного возвышения одной власти над другими… соблюдение демократических начал в управлении обществом»[6].

Подробно раскрывают демократическую сущность принципа разделения государственной власти на ветви через антагонизм с советской моделью власти С.М. Шахрай и А.А. Клишас: «Теория полновластия Советов вуалировала фактическую диктатуру государственно-партийной олигархии, полностью подчинившей себе органы власти, управления и суда. Государство возвысилось над гражданским обществом, подавило его. По существу было полное огосударствление всей жизни обще-

[1] См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: в ред. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[2] См.: *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 206–207.

[3] См.: *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 122.

[4] См.: *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 126.

[5] См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран: учебник. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020; *Цибулевская О.И., Милушева Т.В.* Конституционный принцип разделения властей: теория и практика реализации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 5. С. 56–62; *Комбарова Е.В.* Принцип разделения властей в конституционном механизме власти России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 98–101.

[6] См.: *Комбарова Е.В.* Принцип разделения властей в конституционном механизме власти России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 98–99.

ства. Человек, его права применялись с позиций патернализма со стороны государства»[1].

Следует согласиться с подобной характеристикой советской системы, которой был чужд принцип разделения властей. С одной стороны, государственное устройство СССР и РСФСР характеризовалось принципом «верховенства Советов». Как отмечает С.А. Авакьян, при таком подходе «на всех уровнях, а тем более на общегосударственном, представительные органы занимают главенствующее положение <...> они имеют право принять к своему рассмотрению любой вопрос, отнесенный к ведению государства <...> в том числе и независимо от того, к какому органу этот вопрос отдан для постоянного разрешения <...> все другие государственные органы формируются представительными органами и подотчетны им»[2]. Кроме того, следует отметить следующую особенность организации органов исполнительной власти в советской системе – советы министров (на всесоюзном и республиканском уровнях) и исполкомы (на региональном и местном уровнях) создавались советами депутатов соответствующего уровня из числа входящих в них депутатов. Таким образом, действовала система, при которой орган представительной власти, имеющий при этом возможность принять к своему рассмотрению любой вопрос государственного управления, самостоятельно конструировал органы исполнительной власти, к тому же из собственных представителей. Безусловно, подобная система создавала широкие возможности для безграничного полновластия советов, что, в свою очередь, открывала дорогу к произволу.

С другой стороны, полное сращение государственного и партийного аппаратов, характеризуемое безоговорочной подвластностью государственной системы партийной номенклатуре, создавало ситуацию, при которой существовавшие органы власти, независимо от их функциональной направленности, по сути выполняли волю одного и того же субъекта – партии. Отсутствие независимости органов государственной власти друг от друга и их взаимного контроля в такой ситуации является естественным. Фактически, единственным полноценным контролирующим субъектом в советской системе была партия, в которой соединялись все ветви власти. При этом следует отметить, что партия, в независимости от ее исторического «обличия» (РКП(б), ВКП(б), КПСС), была слабо подконтрольна народу и функционировала в большей степени на авторитарных принципах.

Таким образом, советская система организации и функционирования государственной власти была далека истинного демократического режима, во многом благодаря официальному отрицанию принципа разделения властей, что привело к доминированию представительных органов власти над исполнительными, их сращиванию между собой и партийным аппаратом.

Шахрай С.М. и Клишас А.А. отмечали, что реформы конституционной системы государственной власти России создают прочные конституционно-правовые основы защиты от произвола и того беспредела, попрания прав человека, который, к сожалению, еще имеет место в нашей жизни[3].

Принцип разделения властей в системе с такими принципами конституционного строя современной России, как народный суверенитет, политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, призван не допустить возрождения подобной ситуации. Принцип разделения государственной власти на ветви как принцип демократизма является основой построения государственной власти, при которой становится невозможным ее узурпация каким-то одним субъектом – монархом, партией, военной хунтой, диктатором, группой олигархов/аристократов. В условиях подобной узурпации говорить о власти народа, т.е. о демократии, не приходится.

В то же время, данный принцип, вернее примыкающий к нему принцип сдержек и противовесов, не позволяет сконцентрировать власть в руках одного органа, созданного в условиях демократического режима. Возвышение одного органа над другими, поглощение им их полномочий неминуемо привело бы к попранию основ демократии, что уже было доказано Дж. Локком и Ш.Л. Монтескьё[4]. Как отмечает И.А. Зырянов: «Разделение системы государственной власти запрещает органам публичной власти выходить за пределы своих полномочий либо присваивать себе власть в государстве»[5].

Следует отметить, что на принятии Конституции России 1993 г., эволюция принципа разделения государственной власти в Российской Федерации не остановилась. Поправки к Конституции 2008 г. (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации») и 2014 г. (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации») вносили определенные коррективы в функциональное и организационное взаимодействие органов ветвей власти в России. Аналогичным образом, серьезное реформирование разделения государственной власти произошло в результате принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Так, в соответствии с новой редакцией Конституции России, увеличилось влияние палат Федерального Собрания, в особенности Государственной Думы, на процесс формирования Правительства: Государственная Дума получила полномочие утверждать часть федеральных министров, а также заместителей Председателя Правительства России. В свою очередь, ряд министров, а также руководители федеральных органов исполнительной

[1] См.: *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 124.

[2] См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 375.

[3] См.: *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 124.

[4] См.: *Локк Дж.* Сочинения в трех томах / пер. с англ. и лат. Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1988; *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.

[5] См.: *Зырянов И.А.* Политическое многообразие в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы: монография / под. ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2020. С. 94.

власти, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности, согласно новой редакции Конституции России назначаются напрямую Президентом, после консультаций с Советом Федерации. Таким образом, указанные изменения увеличили подконтрольность Правительства, а, следовательно, и всей системы исполнительной власти органам представительной демократии – Президенту и Федеральному Собранию.

В результате конституционной реформы 2020 г. было изменено взаимодействие Президента и Совета Федерации с органами судебной системы Российской Федерации. Так, Президент получил полномочие вносить кандидатуры, а Совет Федерации утверждать кандидатуры на должности Председателей и их заместителей Конституционного и Верховного Судов РФ. Кроме того, теперь Совет Федерации по представлению Президента может прекращать полномочия судей Конституционного и Верховного Судов РФ, апелляционных и кассационных судов, в том числе их председателей и заместителей председателей. Данное изменение носит дискуссионный характер, т.к. с одной стороны, увеличивает морально-профессиональные требования к судьям в России, но с другой – ограничивает принцип несменяемости судей, вводя более широкие основания, чем те, которые были определены в российском конституционном законодательстве ранее.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что принцип разделения властей неразрывно связан с демократизацией современного российского государства. Конституционное закрепление недопустимости объединения в руках одного субъекта законодательной, исполнительной и судебной властей препятствует узурпации, и, следовательно, делает невозможным отстранение от участия в управлении делами государства гражданина и общества в целом.

Таким образом, принятие Конституции РФ 1993 г. привело к укоренению в отечественном конституционном строе принципа разделения властей. Создание в России самостоятельных, имеющих взаимные контрольные полномочия парламента, правительства и судебной системы стало настоящим прорывом в построении демократического режима в российском государстве. При этом, развитие указанного принципа продолжается и по сей день, примером чего служит масштабная конституционная реформа 2020 г.

Д.В. Касенкова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Шиндина к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА»

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА РАВНЫЙ ДОСТУП К ГОСУДАСРТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в представленной статье рассмотрены проблемы реализации основного конституционного принципа организации построения государственной гражданской службы – принципа равенства. Автором проанализированы основные формы реализации данного принципа в вопросах поступления, прохождения и продвижения на государственной гражданкой службе. На основе сложившейся конституционной практики выявлена и обоснована необходимость изменения ряда норм федеральных законов, обеспечивающих реализацию указанного принципа.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, конституционные принципы, принцип равенства, государственная гражданская служба.*

Значение конституционного принципа равенства нельзя недооценивать, т.к. именно указанный принцип оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования как прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ, так и прав, приобретаемых на основании закона. Соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении государственной гражданской службы, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания.

Доктринальные положения теории конституционного права в сфере реализации конституционного принципа равенства в гендерном аспекте при поступлении и прохождении государственной гражданской службы в настоящее время довольно слабо освещаются в конституционно-правовом пространстве. Довольно большое внимание уделяется вопросам гендерного равенства в историческом аспекте мы же считаем перспективным рассмотреть конституционные гарантии реализации принципа равенства через призму гендерного вопроса в части поступления, прохождения и продвижения на государственной гражданской службе в современной России, а также некоторых иностранных государствах.

Перманентно происходящее развитие конституционного принципа равенства позволило реализовать проведение конкурсного отбора как единственного способа граждан к государственной службе (за исключением ранее рассмотренных исключений). Безусловно, указанный механизм, протекающий в рамках нормативных правовых актов, позволяет не просто обеспечить конституцион-

ное право граждан на равный доступ к таковой службе, но и обеспечить право каждого государственного гражданского служащего на равные возможности карьерного роста. Но, как и любой процесс, происходящий в обществе, указанная процедура требует постоянного усовершенствования. Например, нам видится вполне обоснованной возможность сократить возможные случаи приема на службу без проведения конкурсных процедур. А именно: исключить из ст. ст. 22 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ положение, разрешающее не проводить конкурс при заключении срочного служебного контракта.

Отметим, что конституционно ничем не ограниченный принцип равного доступа, в действующем законодательстве находит ряд пределов и ограничений.

Все это обусловило актуальность и практическую значимость исследования, а также обозначило необходимость более глубокого изучения реализации конституционного принципа равенства граждан при поступлении и прохождении государственной гражданской службы, создания на этой основе действенного механизма его обеспечения.

Отметим, что современная Конституция РФ во многом регламентирует основы действующей государственной службы. Безусловно, конкретизацию мы найдем в специальном законодательстве. Но роль Конституции РФ подчеркнута отражением в ней не только фундаментальными принципами федерализма, законности, приоритета прав и свобод человека и гражданина, но и равного доступа граждан к государственной гражданской службе.

В ст. 4 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ указано: «Равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к гражданской службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами гражданского служащего»[1].

Именно конституционный принцип равенства, носящий универсальный характер, оказывает, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ, но и прав, приобретаемых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении государственной гражданской службы, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания[2].

Положения статьи 19 Конституции РФ, закрепляющие равенство всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (части 1 и 2) и наделяющие мужчину и женщину равными правами и свободами и равными возможностями для их реализации (часть 3)[3], в полной мере соотносятся с положениями международно-правовых актов.

Как верно отмечает Г.Н. Комкова: принцип равенства необходимо понимать не в аспекте беспрепятственного допуска любого гражданина к осуществлению деятельности государственного служащего, без применения каких-либо профессиональных и моральных критериев[4]. Именно с позиции конституционности, мы говорим о равенстве исключительно среди граждан, имеющих право претендовать на поступление и прохождение государственной гражданской службы. Мы говорим о равенстве принципа, как равном положении людей в обществе, обеспечивающим их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие.

В силу многообразия общественных отношений, особенностей сущности человеческой природы, можно отметить позитивное и негативное неравенство[5]. Например, для нас видится вполне логичным, что обязанность службы в Вооруженных силах РФ возложена на мужчин, а женщины освобождены от таковой службы (безусловно, найдутся и те, кто посчитает это дискриминацией) – указанное можно отнести к позитивной дискриминации. А вот отказ от приема на работу женщины на руководящие должности лишь потому, что она женщина или отказ в приеме на работу мужчину на должность воспитателя лишь потому, что это «женская работа» – уже негативное неравенство.

В качестве общих основных требований выделим: наличие гражданства Российской Федерации, достижение возраста 18 лет, владение государственным языком РФ.

Как при поступлении, так и при прохождении государственной гражданской службы не допускается установление ни косвенных, ни прямых ограничений и преимуществ в зависимости от национальной, религиозной, социальной или языковой принадлежности. В статье 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» мы найдем требования, ограничивающие поступление на государственную службу (наличия заболевания, препятствующего поступлению на гражданскую службу или ее прохождению и подтвержденного заключением медицинской организации,

---

[1] См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 24.03.2021) // СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215; 2021. № 14, ст. 1545.

[2] См. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2011 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 31, пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки В.Ю. Боровик».

[3] См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.03.2021).

[4] См.: *Комкова Г.Н.* Понятие равенства и неравенства в российском конституционном праве// Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3. С. 15.

[5] См. подробнее: *Пресняков М.В.* Ограничения, связанные с государственной гражданской службой: проблемы справедливости и обоснованности // Кадровик. Трудовое право для кадровика 2010. № 4.

наличие гражданства другого государства, отказа от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну и др.), но, на наш взгляд, они достаточно обоснованы и оправданы. Указанный вопрос подробнее будет рассмотрен в последующих параграфах нашей работы.

Специфика государственной гражданской службы в Российской Федерации как профессиональной служебной деятельности граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти предопределяет особый правовой статус гражданских служащих, который включает, в частности, обусловленные характером соответствующей деятельности права и обязанности гражданских служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной гражданской службой, а также предоставляемые гражданским служащим гарантии

Исходя из указанного, предлагаем понимать принцип равного доступа к государственной гражданской службе, как равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к государственной гражданской службе, а также равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами муниципального служащего, при условии соответствия основным квалификационным требованиям к уровню профессионального образовании, стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, и при условии отсутствия случаев ограничений, связанных с государственной гражданской службой.

Кроме того, анализируя принцип равенства при поступлении и прохождении государственной гражданской службы в современной России, позволим себе выделить некоторые необходимые элементы указанного принципа, которые необходимо соблюдать в обязательном порядке при реализации указанного принципа:

- гендерное равенство;
- расовое равенство;
- конфессиональное равенство;
- возрастное равенство;
- языковое равенство.

Отметим, что соблюдение указанных элементов, на наш взгляд, не предполагает введение обязательных квот, например, по религиозному аспекту для достижения равного доступа той или иной религиозной группы. Мы говорим о предоставлении равных возможностей, отсутствия дискриминации по указанным основаниям.

Считаем, что указанные критерии не являются исключительными, могут возникать и иные критерии, т.к. институт государственной гражданской службы является в постоянном движении и развитии.

Подводя итог вышеизложенным позициям, сделаем следующие выводы. Во-первых, современное построение государственной гражданской службы невозможно без применений конституционного принципа равенства как при приеме на службу, так и при ее прохождении. Принцип равенства, в какой-то мере, позволяет гражданам убедиться в открытости государственного аппарата, повысить авторитет государственного служащего. Во-вторых, при рассмотрении принципа равенства мы пришли к выводу, что указанный принцип, ввиду его уникальных особенностей, буквально пронизывает многие элементы и институты конституционного статуса, т.к. принцип равенства лежит в основе не только доступа к службе (как государственной, так и муниципальной), но и, главным образом, в вопросе равенства перед законом, равенства в свободе выборе вероисповедании, местожительства.

Е.С. Каткова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.С. Байкина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Аннотация: *налоги являются важной составляющей дохода бюджета страны, поэтому государство заинтересовано в создании удобного и эффективного механизма взаимодействия с налогоплательщиками, поддержании налоговой дисциплины и уменьшении уклонения от уплаты налогов.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, налоги, прозрачность налогообложения, международное взаимодействие.*

Одним из ключевых векторов деятельности в налоговой сфере является создание и применение всевозможных цифровых технологий, которые направлены на повышение прозрачности налогообложения, уровня доверия общества, что в свою очередь гарантирует стабильность поступления доходов в бюджет страны. Главным способом обеспечения эффективности цифровой экономики согласно Указу Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» становится внедрение технологии обработки данных, позволяющего уменьшить затраты при оказании услуг. Безусловно, это требует развития автоматизированных систем, ведь поставлен курс на переход к автоматическому бесконтактному налогообложению. На сайте ФНС России представлено более 50 электронных услуг, позволяющие налогоплательщикам в режиме онлайн решать большинство своих вопросов. Зафиксировано более 40 миллионов пользователей личного кабинета, которые оплатили 93 % начисленных им имущественных налогов онлайн. Современные технологии позволяют обмениваться налоговозначимой информацией о налогоплательщиках между различными государственными органами и ведомствами в режиме почти реального времени, что способствует

эффективности контрольно-надзорной деятельности органов.

Согласно проекту доклада руководителя ФНС России Д.В. Егорова проводимый реинжиниринг технологических процессов по взысканию дал положительные результаты, например увеличил на 17 % поступления в бюджет, при снижении почти в 2 раза количества блокировок счетов.[1] Поэтапно внедряется Система комплексного управления и администрирования долга (СКУАД), которая в автоматическом режиме объединяет и анализирует данные об активах и пассивах, включая скрытые активы должников. А достигнутые результаты и технологии, разработанные в ходе реформы ККТ (контрольно-кассовая техника) и проекта по самозанятым «Мой налог», позволили минимизировать административные нагрузки, издержки налогоплательщиков и обеспечить прозрачность, что в итоге создало предпосылки к созданию нового онлайн налогового режима – автоматизированная система налогообложения АУСН-онлайн. Также ФНС России стало с 1 января 2022 г. основным удостоверяющим центром, который выдает электронные цифровые подписи.

Зарекомендовала себя и система налогового мониторинга, которая является передовой практикой по выстраиванию онлайн-взаимодействия между бизнесом и государством. В основе инициативы регулятора по налоговому мониторингу находятся принципы риск-ориентированности и co-operative compliance (нормативы корпоративного соответствия), которые стимулируют налогоплательщиков к управлению рисками, наведению порядка в данных и в системе внутреннего контроля.

Актуальным является и курс на клиентоцентричность, которая стала одной из 42 стратегических инициатив, утверждённых Правительством в рамках социально-экономического развития России до 2030 г. К 2030 г. Россия должна войти в топ-10 стран по степени удовлетворенности качеством государственных услуг. В налоговой сфере ставится акцент на обеление конкурентной среды, уменьшение количества выездных проверок, лояльности пользователей за счет упрощения налогового администрирования, качественной обратной связи.

По результатам исследования, который проводил АНО «Диалог», Россия находится на 27 месте в мировом рейтинге по цифровизации. При этом одной из проблем является существующее цифровое неравенство регионов, для нивелирования которого необходимо развитие систем компьютеризации и программирования с учетом специфических особенностей цифрового развития отдельных регионов, развитие компьютерной грамотности населения. Для реализации национального проекта «Цифровая экономика» в соответствии с распределением бюджетных ассигнований на исполнение публичных нормативных обязательств Российской Федерации на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. планируется выделить: в 2022 г. в объеме 210 666,3 млн рублей, в 2023 г. – 190 525,0 млн рублей, в 2024 г. – 188 838,4 млн рублей. Выделены денежные средства на федеральные проекты, например: «Кадры для цифровой экономики», «Цифровое государственное управление», «Искусственный интеллект»[2].

Федеральная налоговая служба является одним из наиболее высокотехнологичных ведомств. Так, она будет оператором единого регистра населения (ЕРН), который объединит данные о гражданах из разных ведомств, согласно Приказу ФНС России от 12.08.2020 № ЕД7-6/573@ «О создании федеральной государственной информационной системы ведения единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации». Это разработка упростит взаимодействие с субъектами налоговых правоотношений, гражданам будет проще получать государственные услуги, скорость предоставления услуг увеличится.

Развитие цифровых технологий ведется и на международном уровне. Так, 17 февраля 2022 г., участники международной конференции по вопросам налоговой политики и устойчивому развитию экономики обсудили соглашение, которое достигнуто 8 октября 2021 г. 137 членами Инклюзивного органа ОЭСР/G20 по BEPS об имплементации глобальной налоговой реформы Two-Pillar Solution. Особое внимание было уделено цифровизации документооборота в предпринимательской деятельности, при внедрении реформы, что в свою очередь поможет сократить издержки бизнеса. Также было уделено внимание созданию удобной цифровой экосистемы для эффективного взаимодействия с субъектами налоговых отношений.

Важное значение для данной темы имеет Форум по налоговому администрированию ОЭСР «Налоговое администрирование 3.0: Цифровая трансформация налогового администрирования». По его итогу был создан отчет, в котором приняли участие налоговые администрации разных стран, в том числе и Россия. Были затронуты следующие темы:

- создание системы международной и национальной цифровой идентификации;
- применение инструментов взаимодействия с плательщиками налогов;
- обеспечение доступности информации для эффективного администрирования и совершенствование стандартов управления данными;
- развитие автоматизированных алгоритмов расчета налоговых обязательств, которые будут заранее уведомлять налогоплательщика о них;
- применение искусственного интеллекта, предсказательной аналитики для налогового администрирования, а также развитие необходимых компетенций у сотрудников налоговых органов;
- повышение эффективности международного взаимодействия между налоговыми администрациями[3].

[1] См.: Об итогах работы ФНС России за 2021 год и основных задачах на 2022 год, ценностях ФНС России как основы человекоцентричных изменений и новой служебной культуры. URL: Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/about_fts/docs/doc_egorov22022022.docx (дата обращения: 26.03.2022).

[2] См.: Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // СЗ РФ. 2021. № 50, ст. 8397.

[3] См.: Отчет «Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration» // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: https://www.oecd.org/tax/forum-on-tax-administration/publications-and-products/tax-administration-3-

При этом в процессе развития технологий им сопутствуют ряд налоговых рисков. Их существование обусловлено тем, что цифровизация повсеместно охватывает нашу жизнь. Появление различных видов криптовалюты и ее развитие, вызвали интерес у ряда граждан. Так как эта цифровая валюта имеет свою специфику, то возникают споры среди представителей банков, ученых-экономистов и других деятелей на предмет возможности ее регулирования или на ее полном запрете. Криптовалюту сравнивают, как и с «экономическим пузырем», так и со «средством отмывания денег». Другая же точка зрения заключается в том, что цифровая валюта имеет свои преимущества, например, децентрализация, защита сбережений от инфляции, обладание хорошими условиями для инвестирования. Тем не менее, налоги с дохода от криптовалют, как и сами цифровые валюты, остаются пока слабо отрегулированной областью. Законодательство порой не поспевает за быстротой развития отдельных сфер жизни. Еще одним видом риска является распространение модели ведения предпринимательской деятельности без фактического присутствия в стране, которая может вызвать сложности относительно контроля налоговыми органами.

Внедрение цифровых технологий в работу налоговых органов возлагает на них большую ответственность по обеспечению безопасности при применении технологий. Риски использования больших данных в налоговой сфере связаны с возможной утратой контроля за их использованием, что может привести к совершению ряда противоправных действий. Остается и риск обработки неточных или неполных данных налогоплательщика, что в итоге может привести к неверному начислению налога. Так, налоговые риски присущи и самим налоговым органам, так и налогоплательщикам.

Ключевым направлением также остается повышение уровня налоговой грамотности и осведомленности населения по вопросам цифрового налогообложения. Например, многие граждане не знают про налоговые вычеты, перечень которых с каждым годом пополняется. Вместе с тем необходимо продолжать работу над выявлением и анализом причин и условий, которые могут способствовать уклонению от уплаты налогов, т.е. сконцентрироваться на предупредительной функции. Если количество налоговых правонарушений не будет снижаться, то нарушится естественный процесс развития рыночных отношений, будет создана угроза экономической безопасности государства. Налоговые органы заинтересованы в создании партнерских взаимоотношений с налогоплательщиками, чтобы уплата налогов проходила без лишних временных затрат и усилий. Еще предстоит работа над повышением доверия населения и понимания экономической значимости деятельности налоговых органов.

Таким образом, цифровые технологии позволяют выйти на новый уровень развития, содействуют более эффективному пополнению государственной казны, удобству, быстроте получения услуг и возможности уплаты налогов. Для снижения налоговых рисков важно найти баланс интересов как государственных органов, так и налогоплательщиков.

0-the-digital-transformation-of-tax-administration.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

Ф.М. Качаев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Нечепурнов к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

О СУЩНОСТИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЁННЫЙ СРОК

Аннотация: *лишение свободы на определенный срок сосредоточивает в себе потенциал одной из наиболее строгих и распространенных мер уголовно-правового принуждения. Однако серьезные проблемы, возникающие в практике реализации срочного лишения свободы, показывают, что сущность данного вида наказания нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении.*

Ключевые слова: *уголовное наказание, лишение свободы на определённый срок, изоляция от общества.*

Центральным институтом и ключевой категорией уголовного права любого государства, наряду с преступлением, выступает уголовное наказание. Взаимосвязь и взаимозависимость преступления и наказания отчётливо прослеживается как на уровне уголовно-правовых понятий, так и на уровне явлений уголовно-правовой действительности. Иллюстрацией данному тезису могут служить высказывания известных мыслителей. Так, Карл Маркс справедливо писал: «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определённую меру наказания»[1].

Не менее убедительным является изречение Н.С. Таганцева, которое подчёркивает двуединство отрасли уголовного права, обусловленное связью категорий преступления и наказания: «Преступное деяние как юридическое отношение заключает в себе два отдельных момента: отношение преступника к охраняемому законом юридическому интересу – преступление и отношение государства к преступнику, вызываемое учиненным им преступным деянием, – наказание; поэтому и уголовное право может быть конструировано двояко: или на первый план ставится преступное деяние, по отношению к которому кара или наказание является более или менее неизбежным последствием, или же вперед выдвигается карательная деятельность государства и преступное деяние рассматривается только как основание этой деятельности»[2].

Опираясь на приведённую цитату крупнейшего дореволюционного учёного-криминалиста, отметим, что истории отечественного уголовного права известны разные

[1] Цит по: *Зубкова В.И.* Уголовное наказание и его социальная рол: теория и практика. М.: НОРМА, 2002. С. 3.

[2] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. Тула, 2001. С. 27.

периоды, когда определение государством задач отрасли выводило на первый план то наказание (карательную деятельность), то преступное деяние, от совершения которого уголовный закон под угрозой наказания удерживал уголовно-деликтоспособную часть общества.

Однако на современном этапе можно сказать, что институт уголовного наказания способствует воплощению в жизнь социально-превентивной функции уголовного права, а потому именно уголовное наказание выступает основной формой реализации уголовной ответственности. Будучи мерой государственного принуждения, наказание является мощным и эффективным средством воздействия на преступность, прерывающим антиобщественную деятельность лиц, совершающих преступления. Применяя к лицу уголовное наказание, государство принуждает его к законопослушному поведению. Наказание отражает отрицательную оценку поведения виновного через осуждение и порицание его поведения судом[1].

Наиболее ярко все приведённые черты, свойственные уголовному наказанию, представлены в лишении свободы на определённый срок, именуемом также срочным лишением свободы. Данный вид наказания обладает универсальным характером, поскольку применяется за все категории преступлений (ст. 15 УК РФ), присутствует в преобладающем большинстве санкций статей Особенной части УК РФ, ориентирован на всех без исключения лиц, совершивших преступления.

Лишение свободы на определённый срок прошло длительный эволюционный путь, едва ли не самый большой и убедительный среди всех известных отечественному уголовному праву видов уголовных наказаний. На его формирование и уголовно-правовое содержание оказали и продолжают оказывать важное влияние социальные, политические, экономические, культурные, нравственные факторы, уровень развития общества в целом и в значительной степени господствующая в нём идеология.

Понятие «свобода» имеет наивысшую ценность для любого человека. Если бы это было не так, то законодатель не стал бы включать в перечень уголовных наказаний данный вид наказания. Помимо изоляции от общества осуждённый лишается и многих других прав. Делается это для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Законодатель при определении наказаний для лиц, совершивших преступления, прежде всего должен видеть в них правовое средство борьбы с преступностью, оценивать результат применения такого наказания и правильно соизмерять тяжесть преступления и возможное за него уголовное наказание.

Однако следует признать, что термин «лишение свободы» не совсем однозначен. Во-первых, он означает не полное лишение всей имеющейся свободы у человека, а только лишь значительное её ограничение в разумных пределах, что говорит о его условном характере. Во-вторых, хотя наименование «лишение свободы» разительно отличается от наименований других мер правового воздействия, это не означает, что во всех других отраслях права не предусмотрено примерно такое же фактическое лишение некоторых прав и свобод лица, свойственных лишению свободы.

Примером может послужить применение административного ареста и меры пресечения в виде заключения под стражу. Здесь также присутствуют лишение свободы передвижения и возможности свободно и в полной мере распоряжаться своим временем и правами. Конечно, имеются и значительные отличия (к примеру, уголовное наказание назначается только по приговору суда лицам, признанным виновными в совершении преступления), но при этом некоторые характерные черты всё равно сходятся с лишением свободы[2].

Что же всё-таки означает понятие «лишение свободы» применительно к уголовному праву? Под лишением свободы необходимо понимать вид уголовного наказания, основанный на принудительной изоляции государственными органами преступника от общества. Сущность лишения свободы заключается, таким образом, в принудительной регламентации жизни осуждённого против его воли в связи с совершением им преступления и назначением наказания по решению суда. С момента начала его отбывания и по истечении установленного срока осуждённый обязан подчиняться установленным правилам и исполнять возложенные на него обязанности. Человек не может по своей воле прекратить назначенное наказание.

Если рассматривать включенный в ст. 44 УК РФ перечень видов наказаний как своеобразную «лестницу» строгости наказаний, начинающуюся с наименее строгого вида наказания (штрафа) и заканчивающуюся наиболее строгим и серьёзным (смертной казнью), то лишение свободы на определённый срок занимает 11 место в указанной «лестнице», уступая место лишь пожизненному лишению свободы и смертной казни. Не учитывая последнего вида наказания, лишение свободы зачастую рассматривается как наказание, обладающее наибольшим числом ограничений для осужденного, повышенной репрессивностью.

Основной особенностью лишения свободы является физическая изоляция преступника в исправительных учреждениях, специально созданных для возможности исполнения данного вида наказания, перечисленных в УК и УИК РФ. Действующие нормативно-правовые акты не содержат легального определения понятия «изоляция от общества». В переводе с французского «изоляция» (isolation) означает «физическое или эмоциональное одиночество». Социальная изоляция, в свою очередь, представляет собой общественное явление, при котором происходит отстранение индивида или социальной группы от иных индивидов или групп людей в результате резкого сокращения социальных контактов и взаимодействия[3]. Полагаем, что при изучении сущности срочного лишения свободы необходимо исходить именно из понятия социальной изоляции осужденных. При этом очевидно, что данный вид уголовного наказания предполагает

[1] См.: *Сверчков В.В.* Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. С. 158.

[2] См.: *Ким В.В.* Проблемы двойственного характера правового выражения изоляции осуждённых к лишению свободы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 102.

[3] См.: *Добреньков В.И.* Фундаментальная социология. М.: Инфра-М, 2005. С. 392.

не только физическое сдерживание человека, но также тяжело отражается на жизни и психологическом состоянии осуждённых.

Внимание заслуживает невозможность лица посещать традиционные общественные мероприятия, общаться с желаемым кругом лиц, заниматься любимым и привычным делом. Однако данные лишения вытекают из содержания лишения свободы, и законодатель не имел целью полностью прекратить отношения между преступником и обществом, потому что психологическое и нравственное состояние ума представляется не менее важным, чем физическое.

Система правил исполнения и отбывания лишения свободы полностью направлена на исправление осужденного, а не на его наказание и пытку, об этом можно говорить благодаря соответствующему стремлению законодателя давать возможность поддерживать духовную связь осужденного с родственниками и близкими друзьями, ограничивая его лишь от потенциально опасных взаимодействий с обществом[1].

Человек, приговорённый к лишению свободы, значительно ограничен во множестве своих основных прав, предоставленных всем остальным гражданам, не осужденным к данному виду наказания. Причём в УИК РФ включены положения о возможности применения к осужденному специальных дополнительных мер за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, например перевод в помещения камерного типа. Стоит отметить, что лишение свободы широко используется не только в отечественном уголовном законодательстве, за рубежом оно обладает не меньшей популярностью.

В ст. 56 УК РФ перечислены места отбывания лишения свободы, т.е. виды исправительных учреждений: колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительные колонии, тюрьма, следственный изолятор. Ст. 58 УК РФ определяет назначение осуждённым к лишению свободы вида исправительного учреждения. Итак, мере строгости наказания соответствуют определённые места лишения свободы и их режимы. Режимные требования, условия содержания и порядок исполнения наказания в виде лишения свободы применительно к каждому исправительному учреждению определяются уголовно-исполнительным законодательством. Например, различаются исправительные колонии, имеющие общий, строгий и особый режимы. При этом, исходя из содержания УИК РФ, осуждённый, попавший в один режим, в зависимости от многих факторов может быть переведен в другой режим или в другое исправительное учреждение (ст. 81)[2]. Степень строгости режима влияет на силу оказываемого на осуждённого воздействия. Также режим является мерой безопасности для общества: чем строже режим, тем меньше шансов у осуждённого на побег.

Для лиц женского пола предусмотрен только общий режим (п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ, ч. 4 ст. 74 УИК РФ), а для несовершеннолетних существуют воспитательные колонии, в которых устанавливаются обычные, облегченные, льготные или строгие условия отбывания наказания (ч. 6 ст. 88 УК РФ, ч. 9 ст. 74 и ст. 132 УИК РФ). То есть для лиц женского пола и лиц, не достигших совершеннолетия, законодатель определил режимы, носящие более мягкий характер.

Суд должен осторожно подходить к назначению наказания в виде лишения свободы, т.к. для некоторых незначительных по уровню общественной опасности преступных деяний УК РФ наряду с лишением свободы предусматривает и другие более мягкие виды наказаний. Лишение свободы как одно из более строгих наказаний среди предусмотренных за совершенное преступление назначается судом лишь в таких случаях, когда менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Это отражено в ч. 1 ст. 60 УК РФ и в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[3]. Выводы, по которым суд назначил лишение свободы, должны быть обоснованы и зафиксированы в приговоре.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что сущность лишения свободы, определяемая принудительной изоляцией осуждённого от общества, состоит в значительном влиянии, оказываемом на образ его жизни. Реализация данного вида наказания предполагает не только физическое стеснение осужденного в границах передвижения, но и безусловное психологическое давление, связанное с попаданием человека в условия, где он лишен возможности общаться с родными и близкими людьми, заниматься желаемым делом и, напротив, должен следовать определенным правилам поведения. Основываясь на таком понимании, важно в дальнейшем выстраивать уголовно-правовое содержание срочного лишения свободы, порядок и условия его исполнения/отбывания.

А.М. Кемов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Шиндина
к.ю.н, доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: *право на обращение граждан в органы государственной власти и местного самоуправления выступает наиболее частым реализуемым правом на защиту своих прав и законных интересов. Реализация права граждан на обращение тесно связана с реализацией*

[1] См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Плотникова. Оренбург: Университет, 2016. С. 71.

[2] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 26.05.2021 № 154-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 198; 2021. № 22, ст. 3689.

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп. от 18.12.2018) // Рос. газ. 2015. 29 дек.; 2018. 26 дек.

иных прав и свобод человека и гражданина в современной России, подчеркивает особую связь человека с органами государственной власти. Особое место в реализации указанного права в последнее время занимают коллективные обращения граждан. Считаем, что коллективное обращение граждан имеет особый конституционно-правовой статус.

Ключевые слова: *права граждан, право на обращение, коллективное обращение.*

Необходимость активного сотрудничества гражданского общества с государством возникла достаточно давно. Граждане могут влиять на публичную власть и осуществлять контроль за ее деятельностью посредством реализации различных прав и свобод: свободы слова, избирательного права, права на объединение.

Вместе с тем, для установления баланса во взаимоотношениях личности и государства порой необходимы более эффективные механизмы влияния граждан или их объединений на публичную власть. Одним из способов обратной связи является право граждан на обращение, предоставляющее им возможность воздействовать на органы власти[1]. Более того, именно право на обращение является наиболее часто реализуемым во взаимоотношениях граждан и государства. В связи с этим актуальность осуществления исследования сущности, содержания и функций института обращений граждан в государственные органы, органы местного самоуправления не только актуальна, но и имеет важное теоретическое и практическое значение.

Существующий на сегодняшний день подход к пониманию института «обращений граждан», как одного из элементов демократического государства, характеризующий уровень уважения прав и свобод человека, неограниченные возможности их защиты, повышенное внимание власти к проблемам общества, отдельной социальной группы, сформировался во многом благодаря всеобщему заблуждению, ассимилирующему понятие «обращения граждан» исключительно с демократической формой правления. Вместе с тем анализ истории международного и отечественного права, позволяет отметить, что институт права граждан на обращения как форма защиты собственных прав существовал независимо от политических реалий и формы правления, характеризуя признания легитимности власти обществом, степень доверия к ней со стороны отдельных граждан или их объединений, их социальную активность.

Провозглашая на конституционном уровне право граждан на коллективное обращение в органы государственной власти и местного самоуправления и оставляя его при этом без надлежащего правового регулирования, власть, автоматически придает ему декларативную роль, исключая из числа механизмов общественного воздействия, способов участия граждан в управлении делами государства. Примеров подобного рода в отечественной правоприменительной практики существует с избытком.

Во многом избранная законодателем позиция объяснима повышенным интересом исследователей исключительно к институту обращений граждан в органы власти и управлений, как одного из способов реализации, закрепленного на конституционном уровне права на защиту[2], оттеняя в то же время проблему правового регулирования коллективных обращений граждан, их роль и значение в деле общественного контроля за деятельностью государственного аппарата. В подтверждение сделанного вывода свидетельствует и то обстоятельство, что во многом институт коллективных обращений граждан не рассматривается в качестве самостоятельной формы общественного контроля, выступая в качестве одной из разновидностей обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления.

Право граждан на коллективные обращения – это не только реализуемое в коллективной форме конституционное право, но и эффективное средство общественного контроля в рамках государственно-правового механизма, способствующее установлению сбалансированных взаимоотношений между государственными институтами и гражданами.

Поскольку указанное право обеспечивает связь коллектива граждан (социальной группы) с органами государственной власти и должностными лицами, оно рассматривается в соотношении с такими правами, как свобода мысли и слова, право на информацию, право на объединение, право на собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, право на участие в управлении делами государства[3].

Связь свободы мысли и слова, права на информацию и права на коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления состоит в том, что сведения, содержащиеся в информационных материалах могут послужить основанием для коллективного обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления. Право на обращение является условием обеспечения траспарентности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Реализация гражданами указанного права, будучи «каналом» общественного воздействия на органы государственной власти и местного самоуправления, способствует совершенствованию их деятельности. В случае массовых нарушений прав и свобод, группа граждан может использовать институт коллективных обращений в письменной или электронной форме с целью обеспечения оперативного реагирования органов государственной власти на сложившуюся ситуацию.

Право на информацию и право на коллективные обращения выполняют в обществе и государстве сходные функции. Право на информацию обеспечивает откры-

[1] См.: *Загряцков М.Д.* Административная юстиция и право на жалобы в теории и законодательстве. М.: Кооперативное изд-во, 1924.

[2] См.: *Подъячев К.В.* Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия // Диссертация на соискание ученой степени кандидат политических наук. М., 2006; *Румянцев А.В.* Особенности внесудебной защиты конституционного права граждан на обращения в РФ // Диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук. М., 2007; *Кунаков П.А.* Участие субъектов гражданского общества в обеспечении правопорядка как форма проявления социально-правовой активности: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

[3] См.: *Кабашов С.* Челобитная, жалоба, обращение… // Республика Башкортостан. № 49. 2007.

тость механизмов государственной власти и местного самоуправления влиянию институтов и структур гражданского общества, повышает эффективность их деятельности, а право на коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления – выступает институтом прямой демократии, формой реализации народовластия в Российской Федерации.

Д.Е. Киселев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.И. Малыхина д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы о возможностях судебной экспертизы и помощи специалистов в процессе расследования легализации (отмывания) имущества, полученного преступным путем.*

Ключевые слова: *легализация имущества, полученного преступным путем, расследование, специальные знания.*

Борьба с преступной деятельностью в виде легализации (отмывания) имущества, полученного преступным путем, достаточно сложна. Некоторые преступления совершаются посредством достаточно простых схем «отмывания» денег, однако в некоторых из них применяются более изощренные способы, выявление и расследование которых представляет сложность для следствия[1]. Несомненно, это обуславливает потребность в применении правоохранительными органами специальных знаний.

Следует заметить, что и в уголовном процессе, и в криминалистике имеются противоречия в подходах к пониманию специальных знаний и формам их применения. Тем не менее, все имеющиеся точки зрения сходятся в том, что специальные знания характеризуются двумя существенными признаками: во-первых, не общедоступный, не общеизвестный характер; во-вторых, ими обладает ограниченный круг лиц, получивших соответствующую специальную подготовку и имеющих опыт работы в соответствующей сфере практической деятельности. В содержательном плане в сфере расследования уголовных дел ими являются не только криминалистические знания, но и любые другие, касающиеся определенной сферы деятельности[2].

Российское уголовное судопроизводство предусматривает множество форм использования специальных знаний, к структуре и содержанию которых предъявляются различные требования[3]. Наиболее распространенными формами использования специальных знаний при расследовании преступных деяний выступают: судебная экспертиза, заключение специалиста[4], показания эксперта, участие специалиста в производстве следственных действия и его показания[5]. И в теории, и в практической деятельности имеют место разногласия в подходе к основаниям для использования конкретной формы специальных знаний, структуры и содержания документов, обоснованности и оценки выводов.

Расследование экономических преступлений, в том числе преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) имущества, полученного преступным путем невозможно без прибегания к помощи экспертов в силу их специфики.

Зачастую легализация полученных преступным путем имущества связывается с изменениями исходного, т.е. оригинального содержания документа различными способами и вариантами: как посредством подделки подписи должностного лица, так и изменением отдельных реквизитов документа. Для доказывания внесения таких изменений в оригинальную редакцию документа применяются возможности криминалистического документоведения при проведении соответствующих почерковедческих и автороведческих экспертиз. Кроме того, в рамках расследования преступного «отмывания» имущества может появиться потребность в доказывании фактов использования подставных лиц, которые могут даже не иметь сведений об осуществляемой деятельности, что, в свою очередь, обуславливает необходимость назначения судебно-почерковедческой экспертизы. Она также может потребоваться и в целях предотвращения заявлений о недостаточности имеющейся по уголовному делу доказательственной базы. Следует заметить, что, к сожалению, сотрудники следственных органов не всегда с должным вниманием относятся к данному обстоятельству, особенно в случаях, если подозреваемым изначально не отрицалось выполнение подписи от имени другого лица или такие показания были получены от свидетелей.

---

[1] См.: *Жамбалов Д.Б.* Особенности выявления фактов легализации преступных доходов и типовые исходные ситуации // Вестник Сибирского юридического Института МВД России. 2019. № 4. (37). С. 41.

[2] См.: *Коконец О.А.* Особенности использования специальных знаний в расследовании легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем, с использованием кредитно-банковской системы // Наука и образование ONLINE. 2017. URL: https://student.eee-science.ru/listing/osobennosti-ispolzovaniya-spetsialnyh-znanij-v-rassledovanii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-dobytyh-prestupnym-putem-s-ispolzovaniem-kreditno-bankovskoj-sistemy/ (дата обращения: 15.04.2022).

[3] См.: *Шапиро Л.Г.* Правовое регулирование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве: проблемы и возможные пути их решения // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 36–39.

[4] См.: *Айвазова О.В.* Заключение специалиста как специфическая разновидность реализации специальных знаний при расследовании по уголовным делам: некоторые дискуссионные вопросы // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4 (83). С. 50–54.

[5] См.: *Шапиро Л.Г.* К вопросу о получении показаний специалиста при расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (118). С. 217–221.

Немаловажным видом экспертиз при расследовании преступлений, связанных с «отмыванием» имущества, полученного преступным путем, является судебно-бухгалтерская экспертиза. Назначение судебно-бухгалтерских экспертиз способствует исследованию первичных бухгалтерских документов, позволяющее выявить противоречия между качественными и количественными данными, выявить нерентабельность либо фиктивность тех или иных операций, позволившие придать видимость реальной сделки.

Кроме того, следует отметить происходящие в мировом сообществе процессы цифровизации, чье влияние нельзя отрицать и в рассматриваемой сфере. В результате появляются новые методы, заключающиеся в использовании компьютерных технологий, которые постоянно совершенствуются. С точки зрения исследования компьютерной техники целесообразно назначение компьютерно-технических экспертиз.[1] В рамках данной экспертизы решаются самые разнообразные задачи, способствующие расследованию преступлений, связанных с «отмыванием» имущества, полученного преступным путем. В первую очередь эксперт способен установить связь эксплуатируемого компьютерного оборудования лица или организации с обстоятельствами места, времени и иными обстоятельствами расследуемого преступного деяния. Данные действия способны подтвердить фиктивность создания и работы отдельных хозяйствующих субъектов, обнаружение взаимоотношений между такими субъектами, а также их дочерними организациями, а также установление фактического сговора, направленного непосредственно на преступную легализацию имущества, а также обнаружение создания специальных организаций, непосредственно направленных на запутывание хода расследования и усложнения получения сведений.

Считаем необходимым отметить, что в теории криминалистической науки имеется точка зрения касательно использования специального программного обеспечения, позволяющего обеспечить «взлом» защиты от несанкционированного доступа, имеющегося на современных устройствах и системах[2]. Однако мы согласны с той точкой зрения, что данные программные и технические утилиты лишь могут способствовать извлечению информации, сами же исследования должны производиться исключительно в лабораторных условиях.

В большинстве своем следователи нередко отказываются от назначения экспертиз, прибегая к помощи специалистов для оказания консультативной помощи.

Что касается консультаций, то знания специалиста используют, в частности, при определении круга бухгалтерских документов, сохранность которых необходимо обеспечить, при выборе способа изъятия учетной информации в условиях компьютерной обработки данных, для предварительной оценки возможного доказательственного значения материалов, организуемой оперативным работником или следователем документальной ревизии. Решение о привлечении специалиста к участию в деле следователь принимает на основе анализа и оценки сложившейся следственной ситуации. Выбор специалиста определяется характером требующихся специальных знаний. К основным категориям специалистов, привлекаемых к участию в расследовании легализации (отмывания) имущества, добытого преступным путем, с использованием кредитно-банковской системы следует относить: бухгалтеров; аудиторов; ревизоров; экспертов-криминалистов; специалистов по компьютерным технологиям; специалистов по банковскому делу; специалистов-экономистов и др.[3] Консультации специалистов помогают следователю разобраться в первичном материале в условиях нехватки фактических данных и дефицита информации, разъяснить специальные термины, содержащиеся в документах, наметить дальнейшие проверочные и следственно-оперативные мероприятия, дать правильную оценку исследуемого события.

Резюмируя изложенное, отметим, использование специальных знаний в расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) имущества, полученного преступным путем, является необходимым условием для формирования полной, качественной доказательственной базы. Следователю необходимо практически в каждом случае неочевидного характера совершения указанных противоправных деяний, попыток виновных лиц завуалировать преступный характер происхождения криминального имущества путем имитации финансово-хозяйственных операций прибегать к помощи сведущих лиц, способствующих эффективному расследованию.

Е.Н. Кожевникова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.Ю. Чмыхало к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ГОРОДСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ – РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ И НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: *развитие урбанизации способствует массовому процессу переселения жителей страны в города, где сосредоточенны административные и финансовые ресурсы страны. Это приводит к тому, что основной формой расселения населения страны и главными объектами городской социально-экономической политики становятся агломерации. Правовые нормы создания городских агломераций, проекты формирования и разви-*

[1] См.: *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах М.: Норма, 2018. С. 448–466.

[2] См.: *Антонов О.Ю., Себякин А.Г.* Особенности использования специальных знаний в области экономики и компьютерной техники при расследовании экономических преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика право. 2017. С. 100–109.

[3] См.: *Лавроненко Р.А.* Вопросы противодействия легализации преступных доходов в кредитно-банковской сфере: сб. матер. науч.-практич. семинара Университета Прокуратуры Российской Федерации. М., 2018. С. 70–74.

тия находятся в начальной стадии, яркий пример, когда теория отрабатывается на практических примерах.

Ключевые слова: *городская агломерация, комплексное развитие территории, самостоятельность территорий.*

В настоящее время на государственном уровне подчеркивается важное значение городских агломераций как точек роста и катализаторов регионального развития[1]. При всем при этом агломерация не что иное, как стратегический инструмент комплексного развития территории со своими явными плюсами и для городского центра и для небольших поселков вокруг.

Согласно главе 10 Градостроительного Кодекса РФ[2] (далее – ГрК РФ) комплексное развитие территории своими целями имеет создание необходимых условий для развития транспортной, социальной, инженерной инфраструктур, благоустройства территорий поселений, городских округов, повышения территориальной доступности таких инфраструктур, а также повышение эффективности использования территорий поселений, городских округов, в том числе формирование комфортной городской среды, создание мест обслуживания и мест приложения труда.

Как следствие высокой оценки особой роли городских агломераций в социально-экономическом развитии государственной властью предпринимаются меры и по специальному урегулированию функционирования городских агломераций.

Для решения проблем развития территорий, в том числе, и густонаселенных, руководству субъектов РФ ставят задачи модернизации и внесения конструктивных изменений в управление и экономику, путем взаимодействия основных направлений, таких как наука, производство, власть и бизнес.

Необходимость диверсификации экономики (расширение ассортимента выпускаемой продукции и переориентация рынков сбыта, освоение новых видов производств с целью повышения эффективности производства, получения экономической выгоды, предотвращения банкротства) стала основополагающей причиной для поддержки со стороны государства процесса урбанизации городов, как первому шагу к городской агломерации.

Среди ограничений при формировании агломераций в России можно обозначить следующие:

- отсутствие специального правового регулирования. Законодательно, понятия городская агломерация не существует. Имеется лишь проект закона[3];
- градостроительный кодекс ограничивает развитие города городской чертой. (ст. 11 ГрК РФ);
- отсутствие ясно обозначенных форм государственной поддержки формирования агломераций;
- практика создания агломераций значительно опережает ее базовую теорию.

Городская агломерация необходима в современных условиях развития государства и аккумуляции населения в муниципальных образованиях.

Развитие территории в комплексе, путем решения многопрофильных задач, в том числе правового характера, необходимы для достижения целей и задач таких как, создание комфортных условий проживания и работы для населения и бизнеса.

Городская агломерация и ее создание, можно представить как совокупность видов комплексного развития территории. Здесь и жилье, и использование земельных участков и развитие инфраструктур, таких как транспортная, социально-культурная, общественно-деловая.

Как указано в ст. 65 ГрК РФ комплексное развитие территории осуществляется самостоятельно Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями, юридическим лицом, определенным Российской Федерацией, юридическим лицом, определенным субъектом РФ и т.д. Реализация решения о комплексном развитии территории осуществляется в рамках приоритетного инвестиционного проекта субъекта РФ с привлечением средств федерального бюджета.

В России большая часть городов – это населенные пункты, где основная часть работоспособного населения работает на одном предприятии или в одной отрасли. Это – моногород. Таким городским образованиям необходима диверсификация. При этом возникают проблемы свободных земель, отсутствие иных производств, кроме обозначенного как градообразующее. Агломерация – это выход из создавшегося положения, путем кардинального изменения основной части производства, транспортной инфраструктуры, использования земель, т.е. необходимый процесс развития регионов, формирующий экономические точки роста, планомерное развитие территории и инфраструктуры .

Актуальность поддержки городских агломераций видна по значимым национальным проектам, которые решает данная многокомпонентная система: это и демография, и здравоохранение, и образование, и жилье с городской средой, и экология, а также безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости с наукой, и многое другое.

Последовательное решение каждого проекта в частности и в совокупности можно увидеть в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.[4], что лишь подчеркивает необходимость меняться и становиться лучше.

Для успешной реализации национальных проектов, в том числе на базе развития агломерации Правительством РФ внесен Проект федерального закона «О городских агломерациях». Основание для разработки проекта послужил План законопроектной деятельности Правительства РФ на 2020 год, утвержденный распоряжением

---

[1] См.: *Галиновская Е.А., Кичигин Н.В.* Городская агломерация как правовая категория: постановка проблемы // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 141–156.

[2] См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 16.

[3] См.: Проект Федерального закона 4 сентября 2020 г. «О городских агломерациях» (подготовлен Минэкономразвития России). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=199079 (дата обращения: 22.04.2022).

[4] См.: Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.» (в ред. от 14.03.2022) // СЗ РФ. 2021. № 41, ст. 7051.

Правительства РФ от 26 декабря 2019 г. № 3205-р (пункт 147 Плана)[1].

В проекте дано определение понятия городской агломерации. Что ранее не было прописано ни в одном документе, обозначены критерии и порядок, отнесения муниципальных образований к городским агломерациям, разграничиваются полномочия органов государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ. И что немаловажно, указаны особенности формирования городской агломерации и управления развитием городской агломерацией на территориях муниципальных образований, расположенных в двух и более граничащих между собой субъектах РФ.

В целом развитие законодательного регулирования агломераций не может ограничиться лишь закреплением правового понятия, комплексный характер этого социального явления с очевидностью должен предусматривать учет территориальных агломерационных процессов различными нормативными правовыми актами, разными отраслями права и законодательства. Существенное значение в данном случае должны иметь юридически оформленные признаки агломераций.

Необходимость подготовки данного закона является следствием быстрорастущих и развивающихся городов, «поглощающие» близлежащие мелкие населенные пункты или сливающиеся с равными по развитию и площади городами, и необходимостью комплексного регулирования общественных отношений в данной сфере и придания городским агломерациям самостоятельного статуса как объекта государственного и муниципального управления.

Городская агломерация, конурбация (от лат. agglomero – присоединяю) – компактное скопление населённых пунктов, объединённых в сложную многопрофильную, развивающуюся систему с быстро растущими транспортными производственными, научными и культурными связями.

Перечисляя основные признаки городских агломераций необходимо выделить следующие:

- концентрация промышленного производства и трудовых ресурсов
- наличие транспортных развязок и узлов, объединяющих воздушный, железнодорожный транспорт, наземный транспорт, обеспечивающий минимальное время для доставки людей и грузов в необходимую точку.
- тесные административно-политические, экономические, культурно-бытовые, трудовые и иные связи
- правовая самостоятельность территорий и муниципальных образований.

Указанные признаки обозначают развитие агломерации как многофункционального, многоотраслевого центра, со спецификацией в наиболее динамично развивающихся отраслях народного хозяйства.

Указанными признаками обладает и Саратов. Как город-миллионник он не только претендует, но имеет все необходимые предпосылки для создания Саратовской агломерации, где Саратов выступает городом – ядром.

«Саратовская агломерация складывается исторически как особое географическое, экономическое и социальное образование, объединенное общей целью и единым развитием территории[2] Для достижения этой цели требуется создание необходимой правовой базы, а также формирование управленческой модели.

Правительством Саратовской области был подготовлен ряд документов, отражающих как структуру, так и основные направления создания агломерации. Основополагающей задачей выделено обеспечение повышения эффективности муниципального образования за счет улучшения экономического профиля; концентрации качественного человеческого капитала, обладающего профессиональными компетенциями, создание экосистемы, создание единой системы принятия решений и управлений. Согласно концепции, которую запустил Фонд ДОМ.РФ совместно с Центром стратегических разработок Северо-Запад и Центром экономики инфраструктуры выделяются три стратегических приоритета при развитии Саратовской агломерации:

- перенаправление промышленности на основании приоритетных кластеров;
- создание единой транспортной инфраструктуры;
- «Привлекательная среда»: полуторамиллионный город с высоким качеством городской среды и рынка недвижимости, привлекающий таланты и молодежь.

Как обещают разработчики, при условии реализации вышеперечисленных проектов, производительность труда вырастет в 2,5 раза, а экономика – до 824 миллиардов рублей[3].

Для воплощения идеи Саратовской агломерации, скоординированности деятельности органов исполнительной власти области, органов местного самоуправления области, заинтересованных организаций, общественности и экспертов по развитию и повышению эффективности управления агломерациями в Саратовской области в декабре 2020 г. создана комиссия[4].

Основными функциями Комиссии являются:

- информационное взаимодействие в сфере градостроительной деятельности в рамках развития агломерации;
- разработка предложений и рекомендаций по развитию и повышению эффективности управления агломерацией для органов исполнительной власти области, органов местного самоуправления области и организаций, в том числе и по определению приоритетных мероприятий и проектов, направленных на развитие агломерации;
- участие в разработке программ, направленных на социально-экономическое развитие агломерации;

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 1, ч. 2, ст. 124.

[2] См.: Саратовская агломерация до 2030 г. войдет в топ-10 крупных агломераций. Министерство строительства и ЖКХ области. URL: https://saratov.gov.ru/news/saratovskaya_aglomeratsiya_do_2030_goda_voydet_v_top_10_krupnykh_aglomeratsiy/ (дата обращения: 22.04.2022).

[3] См. Постановление Правительства Саратовской области от 29 декабря 2018 г. № 773-П «О государственной программе Саратовской области «Развитие транспортной системы»» (в ред. от 22.03.2022) // Новости Саратовской губернии. www.g-64.ru URL: https://docs.cntd.ru/document/467720565/titles/5BI1K (дата обращения: 05.01.2019).

[4] См. Постановление Губернатора Саратовской области от 4 декабря 2020 г. № 431 «О создании Комиссии Правительства Саратовской области по развитию агломераций» // Новости Саратовской губернии. www.g-64.ru URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6400202012090002 (дата обращения: 22.04.2022).

- подготовка проектов нормативных правовых актов области в сфере развития городских агломераций;
- рассмотрение инициатив об отнесении территорий к категории городских агломераций, подготовка проектов решений Губернатора области об одобрении и направлении инициативы по отнесению территорий к городским агломерациям в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти;
- рассмотрение проекта комплексного плана развития городской агломерации, подготовка предложений Правительству области о согласовании проекта комплексного плана или необходимости его доработки.

В конечном итоге задачами и целями, стоящими перед необходимостью создания городской агломерации является улучшение качества жизни отдельно каждого человека, что согласуется с желанием человека и прописано в Основном Законе РФ – Конституции.

А.В. Колодкина
КФ ФГБОУ ВО «РГУП», г. Казань
Научный руководитель: Ф.Г. Хасаншина к.ю.н., доцент КФ ФГБОУВО «РГУП», г. Казань

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ТРУДОВЫМ СПОРАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация: *одной из самых насущных и повседневных проблем современного общества является решение трудовых споров, т.к. это проблемы, с которыми сталкивается каждый работающий гражданин. Несмотря на достаточно большое разнообразие юридической литературы по данному вопросу, ряд вопросов до сих пор не исследован в достаточной степени.*

Ключевые слова: *работодатель, работник, трудовой спор, суд, процессуальные особенности рассмотрения трудовых споров.*

В отечественном трудовом законодательстве даётся определение индивидуального трудового спора (далее – ИТС), под которым подразумевается – неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров (ст. 381 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)) [1].

В судебном порядке рассматриваются индивидуальные трудовые споры в случаях: 1) если работник обратился в суд, минуя комиссию по трудовым спорам; 2) работник, работодатель или профессиональный союз, защищающий интересы работника, не согласны с решением комиссии по трудовым спорам; 3) решение комиссии по трудовым спорам не соответствует трудовому законодательству.

Предметом индивидуального трудового спора считаются права и интересы сотрудника, нарушенные администрацией при использовании трудового законодательства, других нормативных правовых актов о труде, контракта, соглашения. Так же предметом спора является возмещение вреда организации, учреждению, предприятию неправомерным поведением сотрудника.

На сегодняшний день проблема доказывания по индивидуальным трудовым спорам всё ещё остается актуальной, в частности, вопрос распределения бремени доказывания между участниками спора. В правовой доктрине существует мнение, согласно которому принцип равенства сторон, закрепляющий обязанность каждой стороны доказать обстоятельства, на которые ссылается (ст. 56 ГПК РФ), не должен быть абсолютизирован[2]. Данное положение аргументируется тем, что у работодателя существует объективная возможность предоставить суду больший объем доказательств, а также ограничить доступ или создать препятствия к получению необходимых документов работнику. Вместе с тем, согласно трудовому законодательству, обязанность по документарному оформлению трудовых отношений возложена на работодателя.

Исходя из сложившейся судебной практики, для подтверждения незаконности действий работодателя необходима определённая совокупность доказательств. Так, в качестве примера можно рассмотреть индивидуальные трудовые споры о расторжении трудовых договоров в случае понуждения работника составить заявление об увольнении по собственному желанию. В таких трудовых спорах на работника возложено бремя доказать указанное обстоятельство согласно подп. «а» п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

Однако на практике суду для опровержения заявления работника достаточно того, что заявление об увольнении подписано работником собственноручно и не было отозвано. При этом доказательства вынужденности увольнения по собственному желанию признаются недостаточными[3]. Представляется очевидным, что наличие подписи работника в заявлении не должно исключать возможное давление работодателя, данный факт также нельзя признать достаточным доказательством законного увольнения работника.

Законодательство в сфере труда предусматривает в большинстве случаев письменное оформление трудо-

[1] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

[2] См.: *Хоцинская Д.А.* Проблемные вопросы доказывания по трудовым спорам // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 742.

[3] См.: Решение Советского районного суд г. Астрахани от 18 февраля 2020 г. по делу № 2-185/2020. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 17.04.2022).

вых отношений, в частности, путём заключения трудового договора, составления приказов работодателя, фиксирования сведений о работе в трудовой книжке и др. При этом работник располагает только оригиналом трудового договора и в немногих случаях оригиналом должностной инструкции. В получении других документов у работника могут возникнуть сложности, особенно если имеются разногласия с работодателем. В такой ситуации заверить копию у нотариуса работник также не может без соответствующих оригиналов[1].

Согласно положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 работник вправе использовать любые законные средства доказывания, в том числе и переписки работодателя и работника посредством электронной почты[2]. Однако судебная практика складывается таким образом, что такой вид доказательств признаётся недопустимым. Так, в деле о признании правоотношений между сторонами трудовыми суд, отказывая в удовлетворении искового заявления, руководствовался тем, что истец не доказал наличие трудовых отношений с ответчиком[3].

Существует правовая позиция, согласно которой к характерным признакам трудового правоотношения относятся: личный характер прав и обязанностей работника; обязанность работника выполнять определенную, заранее обусловленную трудовую функцию; подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда; возмездный характер (оплата производится за труд)[4]. Соответственно, работник несет бремя доказывания соответствия его деятельности указанным признакам. Очевидно, что работник обладает недостаточным кругом доказательств своей позиции в отличие от работодателя. Суд же, мотивируя отказ в удовлетворении исковых требований, указал, что за время работы истец с заявлением о приеме на работу не обращался, трудовой договор заключен не был, приказов о приеме на работу и об увольнении не издавалось также, как и различных кадровых решений, в трудовой книжке соответствующие записи отсутствуют. Свидетельские показания, а также электронная переписка не были признаны достаточными доказательствами, подтверждающими выполнение истцом трудовой функции[5]. Таким образом, при отсутствии оформления кадровых решений работодателем у работника практически нет возможности доказать наличие трудовых правоотношений с работодателем.

Для подтверждения своих доводов работник также может ходатайствовать о проведении судебной экспертизы документов, представленных работодателем. Однако на практике в удовлетворении такого ходатайства суд нередко отказывает в связи с небольшими сроками, предусмотренными для рассмотрения трудовых споров. Часто случается так, что суд выносит решение, исходя из имеющихся материалов дела, которые содержат в большей степени доказательства работодателя[6].

Следующая особенность доказывания в рамках гражданского судопроизводства по трудовым спорам возникает при неправильном толковании норм трудового права. М.А. Жильцовым приведен случай неверного толкования понятия «злоупотребление правом работником», когда, по мнению правоприменителя, любого работника, не сдавшего листок нетрудоспособности в первый день болезни, можно уволить за прогул, что нарушает конституционные права граждан на труд[7].

Следует констатировать наличие некоторых проблем противоречивости трудового и гражданского процессуального законодательства, регулирующего процессуальные особенности доказывания при рассмотрения индивидуальных трудовых споров.

Итак, доказывание по индивидуальным трудовым спорам имеет свою специфику в связи с определенными особенностями трудовых отношений. Это обусловлено механизмом правового регулирования; множественностью субъектов трудовых правоотношений; большим количеством источников; объемной нормативной базой, включая локальные нормативные акты. Проведенный анализ показал, что ряд законодательных положений, содержащихся в ТК РФ, не согласуется между собой, а также с положениями Гражданского процессуального кодекса РФ, а понятийный аппарат ТК РФ нуждается в уточнении. Мы считаем, что вопрос реформирования должен быть воспринят отечественным законодателем, поскольку он облегчает правоприменение, улучшает качество разрешения трудовых споров и, соответственно, повышает эффективность защиты трудовых прав граждан.

---

[1] См.: *Барышников П.С.* Некоторые процессуальные особенности судопроизводства по трудовым спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 18.

[2] См.: О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (с изм. от 24 ноября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

[3] См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 июня 2017 г. по делу № 33-18928/2017. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 17.04.2022).

[4] См.: О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (с изм. от 24 ноября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

[5] См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 июня 2017 г. по делу № 33-18928/2017. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 17.04.2022).

[6] См.: *Буянова М.* Проблемы доказательств и доказывания при рассмотрении индивидуальных трудовых споров // Трудовое право. 2014. № 3. С. 49.

[7] См.: *Жильцов М.А.* Дефекты правоприменительной практики при рассмотрении трудовых споров // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 163.

М.Н. Колоярцева
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина
филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Саратов
Научный руководитель: С.Е. Чаннов
д.ю.н., профессор Поволжского института
управления имени П.А. Столыпина
филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Саратов

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ РАЙОНОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы реализации органами местного самоуправления внутригородских районов полномочий по решению вопросов местного значения в сфере благоустройства в части ремонта и содержания внутриквартальных проездов; предлагается один из способов решения указанной проблемы.*

Ключевые слова: *органы местного самоуправления, полномочия, компетенция, вопросы местного значения.*

Проблема реализации полномочий по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов, расположенных на сформированных и поставленных на кадастровый учет придомовых территорий многоквартирных домов, является масштабной, в связи с чем возникают вопросы о правомерности использования бюджетных средств внутригородских районов при реализации мероприятий по благоустройству на участках, входящих в поставленные на кадастровый учет придомовые территории многоквартирных домов.

Проблематика реализации вышеуказанных полномочий рассмотрена на примере органов местного самоуправления внутригородских районов городского округа Самара.

Из анализа нормативно-правовых актов жилищного законодательства следует, что в состав общества имущества многоквартирного дома входит земельный участок, границы которого определены на основании государственного кадастрового учета.

Следовательно, для определения собственника земельного участка, который должен осуществлять мероприятия по благоустройству, важное значение имеет наличие государственного кадастрового учета земельного участка под многоквартирным жилым домом.

Таким образом, если земельный участок сформирован и поставлен на кадастровый учет, то собственниками указанного земельного участка являются собственники помещений многоквартирного дома. Если в состав сформированного земельного участка входит внутриквартальных проезд, состояние которого неудовлетворительно, то собственники помещений соответствующего многоквартирного дома несут обязанность по его содержанию. В случае если собственники помещений в многоквартирном доме выбрали такой способ управления как управление управляющей организацией, то ремонт и содержание внутриквартальных проездов обязана осуществить именно управляющая компания.

Необходимо обратить внимание на то, что единого определения понятия внутриквартального проезда не существует. В некоторых нормативно-правовых актах внутриквартальный проезд упоминается либо как «объект транспортной инфраструктуры» либо как «объект благоустройства».

По мнению законодателя, внутриквартальные проезды, находящиеся на сформированном земельном участке многоквартирного дома является зоной ответственности управляющей домом организации, поскольку являются частью общего имущества собственников, а это значит, что органы местного самоуправления не вправе проводить мероприятия по ремонту указанных объектов, т.к. не является собственником земельного участка, в связи с чем, действия будут являться незаконными и образуют нецелевое использование бюджетных средств.

Однако на практике управляющим организациям не хватает средств на ремонт и содержание внутриквартальных проездов. Ремонт одного внутриквартального проезда может обходится в несколько миллионов рублей, в связи с чем в администрации внутригородских районов поступает много жалоб на неудовлетворительное состояние внутриквартальных проездов. Не осуществление мероприятий по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов незамедлительно приведет к серьезному снижению уровня благоустройства территорий внутригородских районов и, как следствие, к ухудшению жизнедеятельности населения района.

Как же быть в такой ситуации, когда орган местного самоуправления наделен соответствующими полномочиями, но не может осуществить мероприятия по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов, поскольку они расположены на сформированном земельном участке многоквартирного дома, а управляющая организация, в свою очередь, не имеет достаточных денежных средств на реализацию вышеуказанных мероприятий.

В настоящее время, местные администрации осуществляют благоустройство на закрепленной за ними территориях либо на территориях, которые подпадают по действие федеральных и муниципальных программ. Единая правовая позиция по данному вопросу отсутствует. Проблема в указанной сфере не разрешается.

Судебная практика по данному вопросу неоднозначная. Суды приходят к выводу, что управляющая организация отвечает за ремонт и содержание внутриквартальных проездов только в том случае, если земельный участок поставлен на кадастр. Если же земельный участок не поставлен на кадастровый учет и внутриквартальный проезд подпадает под перечень автомобильных дорог местного значения, то обязанность по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов возлагается на органы местного самоуправления.

В настоящее время не существует нормативно-организационных механизмом разграничения зон ответственности при ремонте и содержании внутриквартальных проездов. Следовательно, возникает вопрос о выработке возможного правового механизма реали-

зации благоустройства сформированных и поставленных на кадастровый учет придомовых территорий многоквартирных домов за счет средств муниципального бюджета.

Законом Самарской области «О разграничении полномочий между органами местного самоуправления городского округа Самара и внутригородских районов городского округа Самара по решению вопросов местного значения внутригородских районов» установлено, что полномочия по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов находятся введении органов местного самоуправления внутригородских районов[1].

Правила благоустройства территории городского округа Самара и территорий внутригородских районов городского округа Самара, определяют, что мероприятия по содержанию и благоустройству на внутриквартальных проездах могут осуществлять либо физические лица, индивидуальные предприниматели, а также юридические лица, владеющие земельным участком, на котором расположен внутриквартальный проезд, на праве собственности, аренды или ином вещном праве, либо администрации внутригородских районов, в случае, если внутриквартальный проезд находится на незакрепленной территории.

На первый взгляд кажется, что из анализа вышеуказанных положений следует противоречие, которое заключается в том, что местные администрации осуществляют содержание только тех территорий, которые незакрепленные, в свою очередь, земельные участки поставлены на кадастр, следовательно, территория будет считаться закрепленной за юридическим лицом.

Однако, в данном случае, внутриквартальный проезд является отдельным самостоятельным объектом и правовая презумпция Правил благоустройства исходит из единства практического подхода в вопросе его содержания, в том числе в части лица его осуществляющего, каким на данный момент является орган местного самоуправления внутригородского района городского округа Самара.

Значительное число мероприятий по благоустройству проводится в рамках федерального проекта «Комфортная городская среда», в рамках муниципального проекта «Благоустройство территорий внутригородских районов», а также итогов конкурсов общественных инициатив «Твой конструктор двора», реализация которых возложена непосредственно на органы местного самоуправления внутригородских районов.

Необходимо отметить, что соответствующими решениями Советов депутатов внутригородских районов городского округа Самара утверждены основные характеристики бюджетов внутригородских районов на 2022 год. При этом, в ведомственных структурах расходов бюджетов прямо предусмотрен вид расходов на благоустройства.

В связи с тем, что полномочия по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов находятся в ведении органов местного самоуправления внутригородских районов, в целях недопущения социальной напряженности, местные администрации вправе осуществлять мероприятия по ремонту и содержанию внутриквартальных проездов, на территориях поставленные на государственный кадастровый учет.

В рассматриваемом случае, расходование средств муниципального бюджета внутригородского района производится в рамках полномочий по решению вопросов местного значения в области благоустройства, а также в соответствии с решениями о бюджете, принятыми представительными органами. Расходование на эти цели бюджетных средств не будет считаться нецелевым. Такой подход позволит избежать социальной напряженности.

Е.С. Колпаков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Д.В. Красиков к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕВОЗКИ МОРЕМ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация: *различные водоемы всегда были востребованным и удобным способом перемещения и перевозок. В мировой торговле морские перевозки фактически занимают главную роль – морским транспортом перевозится более 80 % всех мировых грузов. Перевозка опасных веществ по миру, как морскими путями, так и всеми другими видами транспорта, требует соблюдения на всех этапах множества международных норм. Статья посвящена обзору основных международно-правовых источников, регулирующих перевозку морем опасных веществ.*

Ключевые слова: *морская перевозка, опасные грузы, правовое регулирование, ООН.*

Одной из главных составляющих международных перевозок является морской транспорт, играющий роль стабилизатора внешнеторговых отношений, а также являющийся фактором укрепления межгосударственных связей и развития экономики всего мира. Перевозки по морю весьма привлекательны ввиду двух основных причин: экономическая целесообразность, возможность осуществлять перевозки грузов различных по своим параметрам на любые расстояния.

В мировой торговле морские перевозки фактически занимают главную роль – морским транспортом перевозится более 80 % всех мировых грузов, т.е. подавляющее большинство товаров, включая продукты первой необходимости, пищу, одежду, электронику, разнообразную бытовую технику и все остальное. Появление контейнеровозов и стандартизированных контейнеров, слу-

[1] См.: О разграничении полномочий между органами местного самоуправления городского округа Самара и внутригородских районов городского округа Самара по решению вопросов местного значения внутригородских районов: закон Самарской области от 06.07.2015 № 74-ГД (в ред. 23.03.2022) // Официальный сайт Правительства Самарской области. URL: https://www.samregion.ru/documents/laws/74-gd-ot-06-07-2015/ (дата обращения: 03.04.2022).

жащих для перевозки грузов на кораблях, существенно облегчающих их погрузку и разгрузку, стало революцией в международной торговле в середине XX в., поскольку стандартные контейнеры после морской перевозки также могли быть перегружены на другой транспорт и отправлены в любую точку мира[1].

Перевозка опасных веществ по миру, как морскими путями, так и всеми другими видами транспорта, требует соблюдения на всех этапах множества международных норм. Регламентированы порядок и процедура транспортировки опасных грузов по морю. При чем в международные нормативно-правовые акты, их содержащие, постоянно вносятся изменения и дополнения ввиду стремительного научно-технического развития в области транспортировки опасных веществ. Во-первых, существует общее международное правовое регулирование перевозки опасных веществ, касающееся всех видов транспорта. Во-вторых, частное, касающееся именно перевозки опасных веществ по морю. Все правила и стандарты обязательно учитываются и соблюдаются ответственными исполнителями каждой морской перевозки. Целями международно-правового регулирования морских перевозок опасных грузов является обеспечение безопасности в процессе транспортировки опасных грузов по морю, защита экипажей судов, предотвращение нанесения вреда экологии, защита юридических лиц и людей от ущерба, который может быть причинен перевозкой и др.

Главный международный документ, регулирующий вопросы перевозки опасных грузов – Международный морской кодекс по опасным грузам (IMDG Code), принятый Ассамблеей IMCO (ныне IMO) 27 сентября 1965 г. (далее – Международный морской кодекс)[2].

В данном международном акте устанавливается, что «опасный груз» – это груз, представляющий опасность (глава 2.0.1.5). Точнее, опасный груз – это груз, который в результате транспортного происшествия нанесёт вред здоровью или жизни людей и/или окружающей среде. Именно в Международном морском кодексе установлены шесть видов опасностей грузов и девять классов опасных грузов.

Международный морской кодекс регулярно изменяется, дополняется, что является реакцией чаще всего на изменения климата, новшества в технической и технологической составляющей судостроения, а также потребности судоходства. Основные положения кодекса базируются на «Рекомендациях ООН по перевозке опасных грузов»[3]. Международный морской кодекс включает важнейшие положения, касающиеся таких особенностей морской перевозки опасных грузов, как размещение и разделение опасных грузов на борту, последовательность действий в чрезвычайных ситуациях и многие другие.

Следующий важнейший международный документ, направленный на защиту окружающей среды от возможных загрязнений с судов – Международная конвенция по охране человеческой жизни на море от 1 ноября 1974 г.[4] (далее – Международная конвенция по охране человеческой жизни на море). Данная конвенция была принята в целях усиления охраны человеческой жизни на море. Она устанавливает требования к конструкции, оборудованию, снабжению судов и требования к эксплуатации. Правила перевозки опасных веществ устанавливаются в главе VII.

Важное значение имеет Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов от 2 ноября 1973 г.[5] В ней содержатся международные правила и стандарты, направленные на достижение сокращения загрязнений морской среды нефтью, нефтепродуктами и другими опасными веществами, и предотвращение таких загрязнений.

Рассматриваемая конвенция включает также ряд Протоколов к ней, в которых находят отражение общие положения об обязательствах государств-участников по предотвращению загрязнения моря с судов. А также шесть Приложений, в которых устанавливается порядок действий в случае загрязнения моря определенными загрязняющими веществами.

Среди дополнительных международно-правовых актов, регулирующих морские перевозки опасных грузов важно назвать следующие:

- Международная конвенция об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ 1996 г. (Лондон, 3 мая 1996 г.);
- Международная конвенция по безопасным контейнерам (КБК) от 2 декабря 1972 г. (с изменениям и дополнениями);
- Резолюция MSC.4(48) «Принятие Международного Кодекса постройки и оборудования судов, перевозящих опасные химические грузы наливом (МКХ)» (принята 17 июня 1983 г.);
- Международный кодекс постройки и оборудования судов, перевозящих сжиженные газы наливом (Кодекс МКГ), принятый ММО 17 июня 1983 г. (с изменениями на 1 января 2016 г.);
- Международный кодекс безопасной перевозки облученного ядерного топлива, плутония и радиоактивных отходов высокого уровня активности в упаковке на судах (Одобрен КБМ Резолюцией от 27 мая 1999 г. № MSC.88(71));

[1] См.: *Юстратова И.Л., Юстратов Д.В.* Мировая транспортная проблема: контейнерный кризис // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». № XVIII. Новосибирск: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы», 2021. С. 174.

[2] Международный морской кодекс по опасным грузам (IMDG Code) (принят Ассамблеей IMCO (ныне IMO) 27 сентября 1965 г. (Резолюция A.81(IV))). URL: https://maritimeforum.net/data/spravochnik/docs/imdg_code.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

[3] Типовые правила «Рекомендации ООН по перевозке опасных грузов» (Резолюция, принятая Экономическим и Социальным Советом ООН 1 января 2003 г.) (21 пересмотренное издание. ООН, Нью-Йорк и Женева, 2019). URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/danger/publi/unrec/rev21/ST-SG-AC10-1r21r_Vol1_WEB.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

[4] Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74) (Лондон, 1 ноября 1974 г.) (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень международных договоров. 2011. Приложение № 1 (часть 1).

[5] Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (МАРПОЛ) (Лондон, 2 ноября 1973 г.) (с изм. и доп. // МАРПОЛ 73/78, книга I. СПб.: ЦНИИМФ, 2012.

• Европейское соглашение о международной перевозке опасных грузов по внутренним водным путям (ВОПОГ) от 26 мая 2000 г.;

• Международный кодекс морской перевозки навалочных грузов (МКМПНГ) (Одобрен Резолюцией MSC.268(85)) от 4 декабря 2008 г.

Кроме того, разработаны международные акты, регулирующие в общем все виды перевозок опасных грузов, в частности распространяющиеся и на морские перевозки:

• Типовые правила «Рекомендации ООН по перевозке опасных грузов»;

• Базельская конвенция;

• Правила транспортировки радиоактивных веществ, разработанные Международным агентством атомной энергетики;

• Соглашение о межгосударственных перевозках разрядного и опасного груза, используемого странами СНГ.

Итак, интеграция экономик государств, развитие торговых отношений, и рынка транспортных услуг, привели к формированию развитой системы правового регулирования международных и внутренних перевозок грузов. Перевозка опасных веществ по миру, как морскими путями, так и всеми другими видами транспорта, требует соблюдения на всех этапах множества международных норм. В результате заключено значительное количество международных соглашений по отдельным видам транспорта, объединенных понятием «транспортные конвенции». Регламентированы порядок и процедура транспортировки опасных грузов по морю. Существует общее международное правовое регулирование перевозки опасных веществ, касающееся всех видов транспорта, и частное, касающееся именно морской перевозки опасных веществ.

М.А. Кондратов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.В. Несмачная
к.ю.н, доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: *в настоящей статье рассматривается понятие и историческое развитие прекращения уголовного дела на стадии предварительного следствия, в частности, различные подходы к пониманию данного института, условия, основания, последствия прекращения уголовного дела на стадии предварительного следствия, а также недостатки указанного института.*

Ключевые слова: *прекращение уголовного дела, уголовное преследование, предварительное расследование, преступление, уголовно-процессуальное законодательство, основания.*

Институт прекращения уголовного дела на стадии предварительного следствия играет важную роль в уголовно-процессуальном законодательстве, в теории и практике. Его важность и значимость для системы уголовного права обусловлена тем, что закон определяет рассматриваемый институт в качестве одного из возможных способов прекращения стадии предварительного следствия. Кроме того, согласно уголовно-процессуальному законодательству, существует всего три способа прекращения предварительного следствия, в том числе:

1. Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением и направление материалов уголовного дела прокурору.

На данном этапе фактически можно считать предварительное следствие оконченным, т.к. этап включает в себя окончательное формировании обвинения. Впоследствии рассмотрение материалов дела будет производиться уже органами судебной системы Российской Федерации.

2. Направление уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

В частности ст. 433 УПК РФ устанавливает, что принудительные меры медицинского характера применяются в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

3. Прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 24 и 27 настоящего Кодекса.

Указанный способ мы рассмотрим подробнее ниже.

Таким образом, институт прекращения уголовного дела на стадии предварительного следствия представляется нам, как один из ключевых исходов следствия.

До принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ 18 декабря 2001 г., как такового понятия прекращения уголовного дела не было. Рассматривались только основания прекращения уголовного преследования. Таким образом, указанные институты являлись тождественными.

Первые упоминания об институте прекращения уголовного преследования встречались с «Русской правды» (X в.). Впервые основания прекращения уголовного преследования были приведены в порядок в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовном уложении 1903 г.

В нормативно-правовых актах того периода терминологический аппарат регламентировался очень смутно, точных формулировок определений понятий «уголовное преследование», «прекращение уголовного дела», «освобождение от уголовной ответственности» не было. Определения были размыты и поверхностны[1].

Последующее развитие институт прекращения уголовного дела получил в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г.

Были впервые закреплены основания, по которым уголовное преследование нельзя возбудить, и оно подлежит прекращению, а именно:

[1] См.: *Лаура Г.К.* Развитие и современное состояние института прекращения уголовного дела и уголовного преследовании в России // Закон и право. 2019.

- смерть обвиняемого;
- примирение сторон по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего;
- факт отсутствия жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемым не иначе, как по таковым жалобам, за истечением давности;
- отсутствие состава преступления;
- наличие акта об амнистии;
- если виновный не был обнаружен;
- недостаточность собранных по делу доказательств для предания суду лица, привлеченного ранее к делу в качестве обвиняемого;
- рекращение уголовного дела, если оно до этого передавалось в товарищеский суд;
- прекращение уголовного дела, если оно передавалось в комиссию по делам несовершеннолетних;
- прекращение уголовного дела в случае передачи лица на поруки[1].

Далее, в процессе своего развития, институт прекращения уголовного дела на стадии предварительного следствия получил свое отражение в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. Произошло расширение данного понятия, на основе теоретических изысканий и практического опыта законодателем было принято решение дополнить перечень оснований прекращения уголовного преследования следующей формулировкой: «непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления» (п. 2 ст. 208)[2].

Но, несмотря на явное повышение внимания к рассматриваемому правовому явлению, приведенный нормативный акт не дает определение понятию «прекращение уголовного дела». Та же проблема сохраняется и по сей день в действующем уголовно-процессуальном кодексе.

Тем не менее, распространенность и нарастающая популярность института обуславливает множественность подходов к определению понятия «прекращение уголовного дела» с научной стороны:

- окончание производства по уголовному делу и решение этого дела по существу без вынесения приговора[3];
- прекращение дальнейшего производства по уголовному делу[4];
- решение об окончании процессуальной деятельности, завершающее производство по делу[5];
- решение органа дознания, следователя, прокурора либо суда об окончании процессуальной деятельности, завершающее производство по делу (кроме случаев постановления приговора)[6].

По мнению российских ученых Барабаша А.С., Володиной Л.М., термин «прекращение уголовного дела» нельзя назвать однозначным понятием. Данный термин может рассматриваться с разных сторон: 1. в значении процессуального акта (действия); 2. как одна из форм окончания расследования; 3. как юридический факт; 4. как процессуальная гарантия против необоснованного привлечения к уголовной ответственности; 5. в качестве самостоятельного правового института[7].

Жогин Н.В. и Фаткуллин Ф.Н. определяют понятие прекращение уголовного дела как процессуальный акт, выражающий решение уполномоченного на то должностного лица об отсутствии требуемых для уголовного судопроизводства предпосылок и об отказе от дальнейшего его ведения[8]. Таким образом, многообразие вариантов определения понятия «прекращение уголовного дела» дает возможность на основании присутствующих общих черт, таких как: «решение», «процессуальный акт», «завершение производства по делу», получить максимально полное и точное определение, которое отражало бы суть различий между рассматриваемым способом и прочими, а также давало понимание о его правовой природе и области применения.

Итак, прекращение уголовного дела – это решение должностного лица, выраженное процессуальным актов, которым производство по делу завершается.

В исследованных мной работах определения чаще всего представляются максимально обобщенными, понятие трактуется в общетеоретическом смысле. Вероятно, именно это обстоятельство послужило тому, что определение до сих пор не получило своего законодательного закрепления.

Рассматривая вопрос о включении определения в нормативный акт, о фактической его легитимации, необходимо проанализировать структуру уголовно-процессуального закона. Наиболее правильным решением предполагается включение определения в состав статьи 5 УПК РФ, тому есть несколько оснований, которые должны быть рассмотрены подробнее.

Так, в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ основания прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования сосредоточены в четвертой главе. Указанные основания законодателем были закреплены в ст. 24 УПК РФ.

В уголовно-процессуальной науке данные основания классифицируются на реабилитирующие и нереабилитирующие.

К реабилитирующим основаниям относятся, закрепленные в п. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в том числе: отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и т.д.

Стоит добавить, что основания, изложенные в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а именно: отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления, представляются наиболее часто применяемыми в уголовно-процессуальной практике.

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (принят постановлением 3-й сессии ВЦИК от 25.05.1922 г.) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 20–21, ст. 4. 206.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] См.: Энциклопедический словарь правовых знаний / под ред. Н.Л. Туманова. М, 1965. С. 360.

[4] См.: Юридический словарь / под ред. С.Н. Братусь, Н.Д. Казанцев и др. М., 1953. С. 350.

[5] См.: Юридическая энциклопедия / под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М, 2001. С. 846.

[6] См.: Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 690.

[7] См.: *Барабаш А.С., Володина Л.М.* Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования. Томск, 1986. С. 37.

[8] См.: *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие в уголовном процессе. М., 1965. С. 304.

Все основания для прекращения уголовного дела, которые не влекут со стороны государства обязанности возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием, считаются нереабилитирующими.

Кроме того, основания для прекращения уголовного дела были закреплены законодателем в ст. 27, ч. 1 ст. 239 УПК РФ. Однако в указанный перечень не включены основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренные ч. 7 ст. 246, ст. 427, 431, 439 УПК РФ.

По неизвестным для нас причинам также не упоминаются основания прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ).

Важно отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ, прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования.

И наоборот, когда уголовное преследование прекращается в отношении всех подозреваемых или обвиняемых, то уголовное дело подлежит прекращению, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ[1].

В контексте данной статьи очень важно не упустить вопрос разграничения понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Поверхностный анализ данных понятий дает одинаковые ответы на вопросы исследователя, т.к. и решение о прекращении уголовного дела, и решение о прекращении уголовного преследования принимаются одними и теми же субъектами права, по схожим процедурам, и самое основное – с учетом того, что требования к форме и содержанию правоприменительного акта закрепленные одних и тех же нормах[2].

Необходимо глубже изучить правовую природу, смысловую наполненность, юридическое значение и процессуальное положение понятий.

Вместе с тем, важно разграничивать понятия «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования».

Уголовно-процессуальное законодательство разграничивает эти два правовых института и посвящает им отдельные статьи гл. 4 УПК РФ.

Важно отметить, что основания, которые предусмотренны для прекращения уголовного дела, одновременно являются и основаниями для прекращения уголовного преследования.

Окончание уголовного преследования может иметь место в следующих формах:

- при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела,
- при вынесении дознавателем, следователем, судьей постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования,
- при вынесении и предъявлении нового постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого,
- при полном или частичном отказе государственного обвинителя от обвинения в стадиях подготовки и назначения судебного заседания, а также судебного разбирательства,
- не фиксируемый нигде отказ от дальнейшего осуществления деятельности по изобличению лица в совершении преступления.

Решение о прекращении уголовного дела принимается, когда полностью прекращено уголовное преследование в отношении всех подозреваемых, обвиняемых, или установлено, что совершенное ими деяние не является преступным. Иными словами, вообще нет лиц, подлежащих уголовному преследованию. Это обусловлено тем, что уголовное преследование как деятельность сторон обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) является частью производства по уголовному делу, и соответственно если производство прекращено, то это исключает возможность продолжения уголовного преследования. При этом если уголовное преследование прекращено в отношении определенного лица, но имеются иные подозреваемые, либо деяние признается преступным, то из этого не следует, что уголовное дело прекращается в целом.

Стоит отметить, что в научных кругах мнения о необходимости разделения этих понятий по настоящее время расходятся.

Подводя итог вышесказанному, мы считаем уместным утверждать, что институт прекращения уголовного дела, в том числе и на стадии предварительного расследования, все же является самостоятельным институтом уголовного процесса. Несмотря на это, указанный институт нуждается во внесении определенных коррективов, в особенности, законодателю следует ввести определение понятия «прекращение уголовного дела», создать окончательный, определенный перечень оснований, по которым уголовное дело подлежит прекращению и разграничить его с институтом «прекращения уголовного преследования».

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022).

[2] См.: *Сефикурбанов К.С. и Магомедов М.Ю.* Соотношение понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» // Закон и право. 2021.

Е.А. Кондрашова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: О.С. Мрастьева к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ АДВОКАТУРЫ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТОВ

Аннотация: *адвокатское сообщество сталкивается с различными проблемами при реализации прав граждан на юридическую помощь, в том числе «карманными адвокатами». Для решения данной проблемы в адвокатское делопроизводство была внедрена Комплексная информационная системы адвокатуры России. Автором анализируется динамика выявления недобросовестных*

адвокатов после внедрения указанной системы. Выявляется возможность фиксации иных нарушений со стороны адвокатов в манипуляции права на защиту прав доверителей. Делается вывод о необходимости популяризации данной системы во всех регионах Российской Федерации

Ключевые слова: *адвокатура, конституционное право на юридическую помощь, «карманные адвокаты», цифровизация адвокатуры.*

Юридическая работа, а в частности адвокатская деятельность как институт представления конституционного полномочия на приобретение грамотной адвокатской поддержки включает бескрайний диапазон концепций, навыков и точек зрения в адвокатском сообществе.

Это, без сомнения, искусство убеждения: способность выходить за рамки правовых, культурных, контекстуальных и даже языковых барьеров, чтобы обеспечить благоприятный результат для своего клиента.

Знания и умения адвоката, которые позволяют ему собирать доказательства и представлять их таким образом, чтобы направлять принятие решений судами. Но защита интересов в суде – это также искусство стратегии: умение создавать прецеденты, умение адаптировать процесс в соответствии со своей стратегией.

Опытный и успешный ведущий адвокат при защите интересов клиента не может переоценить важность обдумывания хорошей стратегии рассмотрения дела с самого начала. Можно сказать, что без надлежащего прецедента, стратегии и эффективной подготовки дела, адвокат вряд ли дойдет до той стадии, когда он может эффективно проводить устную и письменную защиту.

Адвокат с хорошо продуманной стратегией рассмотрения дела будет в лучшем положении, чтобы избежать любых ловушек или ловушек на пути к окончательному слушанию.

В то время как адвокатура сама по себе является неуловимым искусством, которое обычно присуще юристам, существуют способы со временем совершенствовать свои методы адвокатуры. Искусство стратегии еще более сложное, поскольку оно включает в себя ряд других навыков, включая необходимость овладения применимыми право в конкретных областях права, связанных со спором. Это требует глубокого аналитического и логические рассуждения, владение правилами процедуры и хорошее изложение дела – методология исследования, а также учет цифровых технологий в работе адвоката.

В то же время необходимо признать существования недобросовестных адвокатов, нарушающих основополагающие принципы оказания юридической помощи. Речь идет о так называемых «карманных адвокатов», которые действуют в интересах следователя. Они не придерживаются принципов адвокатской деятельности, не развиваются, не изучают изменения законодательства, а выполняют поручения следователя, предавая интересы клиента. Адвокатское сообщество всегда старалось выявлять такие проявления и бороться с ними. Однако долгое время эта проблема была латентной из-за отсутствия контроля со стороны адвокатского сообщества.

Цифровизация адвокатуры привела к введению Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР). Развитие цифровой среды в адвокатуре теперь происходит за счет последовательного включения в систему новых сервисов: ведение делопроизводства (для адвокатов, образований и палат), обучение, а также возможность искать доверителей в рамках КИС АР.

В 2021 г. КИС АР обеспечила возможность отслеживания назначения адвокатов по уголовным делам в различных субъектах РФ. Данная опция позволяет выявить карманных адвокатов, которые вступают в дело по просьбе следователя, отходя от интересов доверителя. Первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов (ФПА) РФ Михаил Толчеев подчеркнул, что обход правил назначения для адвоката является серьезным дисциплинарным проступком, поскольку ставит под сомнение его преданность интересам доверителя[1]. Иными словами, если робот назовет одного адвоката, а к обвиняемому придет другой – это будет нарушением. Защитника, решившего нарушить «волю» программы, коллеги могут привлечь к дисциплинарной ответственности. Нововведения позволили обеспечить контроль за осуществлением оказания квалифицированной юридической помощи со стороны адвокатов.

В 2022 г. на территории 50 субъектов РФ действует КИС АР. Сегодня, благодаря отлаженным алгоритмам, между адвокатами по назначению автоматически беспристрастно распределяются дела.

Помимо мнений о положительных сторонах КИС АР адвокатское сообщество сформировало ряд проблем и некого рода опасений о безопасности использования системы. Среди них особо выделяется вопрос финансирования КИС АР, о порядке распределения дел через систему и нормативном регулировании, возможность государства влиять на работу адвокатов, имея доступ к информационной системе.

Представляется, что необходимо популяризировать систему в других субъектах РФ для обеспечения защиты интересов клиентов. По статистике ФПА, число случаев использования карманных адвокатов сведено к минимуму[2]. В тех случаях, когда недобросовестные адвокаты пытались действовать в интересах следователя, система зафиксировала нарушения и обеспечило доказательства для привлечения к ответственности.

Помимо указанных нарушений, данная система позволяет фиксировать практически любые системные и даже единичные злоупотребления и манипуляции правом на защиту».

«Выявленные нарушения становятся основанием для принятия соответствующих мер в отношении адвокатов и следователей. Мы обобщаем информацию и представляем ее руководителям следственных органов, судов, а также в органы, осуществляющие надзор за надлежащим расходованием бюджетных средств», – говорит Михаил Толчеев[3].

---

[1] См.: Назначенные программой // Федеральная палата адвокатов. URL: https://fparf.ru/news/media/naznachennye-programmoy/ (дата обращения: 06.04.2022).

[2] См.: Там же.

[3] См.: Там же.

По его словам, руководство правоохранительных органов также должно реагировать на попытки следователей обойти правила.

«Так, например, в Московской области такому «неудобному» адвокату, назначенному системой, следователь сообщил, что его подзащитный отказался от него еще до первого свидания, – говорит он. – Обращение Совета Адвокатской палаты Московской области в адрес руководства следствия не привело ни к какому результату. И это далеко не единичный случай. Может, имеет смысл сконцентрироваться на изменении подходов в русле контроля за расследованием?»[1].

По словам Михаила Толчеева, там, где уже внедрена КИС АР, взяты под контроль как случаи необоснованных замен (когда вместо выбранного программой адвоката в дело вступает другой), так и «двойной защиты» (когда у человека уже есть свой адвокат, но следствие упорно навязывает обвиняемому еще «своего» защитника). Цель следствия – постепенно оттеснить «неудобного», т.е. выбранного самим человеком адвоката.

«Нормы УПК РФ не позволяют пользоваться помощью адвоката, работа которого оплачивается за счет бюджетных средств, при наличии у лица адвоката по соглашению, – сказал Михаил Толчеев. – Как разъяснил еще в 2014 г. Верховный Суд РФ, такая ситуация возможна только в исключительных случаях и только на основании специально мотивированного процессуального решения. При этом адвокат по соглашению должен быть уведомлен надлежащим образом о совершаемых следственных и процессуальных действиях в установленные законом сроки»[2].

Таким образом, возможности Комплексной информационной системы адвокатуры России позволяют выявить и зафиксировать практически любые злоупотребления и манипуляции правом на защиту, и могут искоренить проблему недобросовестных адвокатов. В то же время не во всех регионах Российской Федерации произошло внедрение указанной системы, что влечет невозможность выявления таких адвокатов, а значит и потенциальную возможность нарушения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Представляется, что обмен положительным опытом использования КИС РФ между региональными адвокатскими палатами ускорит распространения системы во всех регионах России.

[1] См.: *Куликов В.* Новая система не позволит следователям договариваться с «удобными» адвокатами // Российская газета. Столичный выпуск. № 43(8691).

[2] См.: Назначенные программой // Федеральная палата адвокатов. URL: https://fparf.ru/news/media/naznachennye-programmoy/ (дата обращения: 06.04.2022).

А.Д. Кострикина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.Н. Абанина
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация: *данное исследование особенно актуально, в рамках неофициального рейтинга государств по числу нарушений закона, связанных с нанесением вреда окружающей среде, наша страна едва ли не лидер. В статье рассматриваются актуальные аспекты развития ответственности за экологические правонарушения, автор обозначает виды ответственности за вред, причиненный экологическими правонарушениями, отграничивая при этом правонарушения и преступления между собой.*

Ключевые слова: *правонарушения, преступления, окружающая среда, экологический вред.*

Охрана окружающей среды в наши дни является темой, которая приобрела особенную актуальность. Процесс улучшения мероприятий, которые ориентированы на то, чтобы добиться безопасности в экологическом плане, на то, чтобы свести к минимуму или полностью локализовать негативное воздействие на окружающую среду, локализовать тот ущерб экологии, который уже причинен – основной интерес любой страны мира.

В настоящее время проблема того, как рационально и разумно использовать ресурсы природы стоит особенно остро, как и проблематика экологической безопасности в стране. Решить это можно лишь одним способом, строго соблюдать экологические нормы, которые приняты в нашей стране. По этой причине изучение и рассмотрение дел, которые касаются нарушения законов об охране окружающей среды, должны изучаться в полной мере, надо добиться того, чтобы виновные несли соответственное наказание, а не уходили от ответственности.

В соответствии с законодательством действует уголовная, административная, гражданская и дисциплинарная ответственность за то, что нарушается природоохранное законодательство. Тем не менее, важно уточнить, что сегодня используя меры ответственности уголовного и административного типа, можно оказать максимальное влияние на тех, кто нарушает законодательство, чтобы свести количество новых преступных деяний к минимуму. В УК РФ[3] прямо сказано, что его задачей наряду с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности и общественного порядка является охрана окружающей среды. От чистоты воды, воздуха, качества продуктов, которыми он питается, и соответственно от чистоты почвы в значительной степени зависит состояние здоровья человека, являющегося в соответствии с Конституцией РФ высшей ценностью. При этом эколо-

[3] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

гические преступления являются самыми малоизученными в теории уголовного права.

Общественная опасность экологических преступлений очень высока. Она определяется тем, что, являясь насильственным преступлением, посягает на конституционные права каждого человека. При этом опасна не только безнаказанность, но и минимальное наказание за экологические преступления. Например, санкция статьи 251 УК РФ просто мизерна – штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей и т. д. А ведь это нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха.

Конечно же проблема развития уголовного законодательства в сфере экологических преступлений малоизучена и имеет место быть большое количество пробелов и коллизий, однако с каждым годом в научной литературе появляется все больше и больше публикаций регулирующих уголовную ответственности за совершение преступлений в экологической сфере. По нашему мнению, наступление юридической ответственности за нарушения экологического законодательства должно подразумевать собой наступление разнообразных последствий негативного характера, что будет иметь форму санкций и использоваться в рамках процессуальной формы.

Стоит отметить и тот факт, что юридическая ответственность, которая следует за нарушение экологического законодательства, обладает неким функционалом: карательным, регулятивным, охранительным, воспитательным и компенсационным. Основой, на базе которой наступает юридическая ответственность – нарушения экологических законов. Тем не менее, сам термин «экологическое правонарушение» официально используется с 80-х годов прошлого столетия, он был введен уже в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы»[1]. Но не все так просто, в рамках данного документа было введено четкое разграничение преступления и правонарушения экологического типа, последними принято было считать исключительно экологические проступки административного характера. Получается, что нарушения экологического и административного типа можно классифицировать так:

- заключение незаконных сделок с объектами природы, куда относятся недра, вода, лесной массив и фауна;
- самовольное экологопользование; переуступка прав экологопользования, произведенная самовольно;
- использование объектов природы нецелевого типа;
- факт нарушения правил экологопользования;
- деятельность производственно-хозяйственного типа, что вредит объектам природы.

Первое определение, которое было дано термину экологическое правонарушение, появилось только в 1991 и означало деяние противоправного характера, которое нарушает экологическое законодательство и наносит вред окружающей среде и человеческому здоровью. Однако действующий ФЗ не содержит анализируемой дефиниции. Экологическим правонарушением считается разновидность самостоятельного правонарушения, это логичный вывод, отталкиваясь от главы, где есть пункт об ответственности за правонарушения экологического законодательства. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что термин экологическое правонарушение уже содержится в Конституции. Экологическое правонарушение представляет собой противоправные деяния, которые обладают рядом признаков, присущих только им: непосредственно деяние; факт противоправности; виновность, если преступление совершило физическое или юридическое лицо; предметная составляющая; ответственность. В итоге мы можем сформулировать определение экологического правонарушения: оно представляет собой социально значимое деяние с признаками виновного, общественного, противоправного и опасного типа, которое вредит не только природе и экологическому правопорядку, но и здоровью и имуществу человечества, что влечет за собой ответственность юридического типа, которая предусмотрена нормами экологического права.

Экологическое преступление можно считать действием виновного, общественно-опасного и противоправного типа, которое совершило физическое лицо. В итоге его действий имело место быть посягательство на экологический правопорядок, была реальная угроза вреда не только природе, но и жизни, здоровью и имуществу человека, природным ресурсам и окружающей среде, за что предусмотрена уголовная ответственность в рамках требований Уголовного кодекса. В последнее время отмечается тенденция ожесточения наказания за экологические преступления, например, часть 5 ст. 56 УК РФ, предусматривающая увеличение лишения срока за экоцид была введена в 2014 г. В 2019 г. была дополнена двумя пунктами ст. 255 УК РФ, а также был установлен крупный размер, применительно к данной статье. Ужесточилось наказание за преступление, предусмотренное пунктом «г» части 1 статьи 258 УК РФ, было введено лишение свободы, увеличен размер штрафа и отменили обязательные работы. В 2022 г. увеличилось все виды наказания за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 261 УК РФ, размер штрафа увеличился с «от 200 до 400» до «от 300 до 500», увеличились принудительные работы и лишение свободы с «до 3 лет» до «до 4 лет».

Это обусловлено тяжелым состоянием окружающей среды, огромным коэффициентом латентности в этой сфере преступлений (около 90 % латентности в сфере экологических преступлений). Ужесточая наказание в сфере данных преступлений, законодатель выполняет функцию предупреждения совершения преступления, защищая и охраняя окружающую среду от преступных посягательств.

Разрушительное воздействие, оказываемое этими преступлениями на природу, растительный и животные миры, человечество ведет к ужесточению уголовной ответственности в сфере экологических преступлений. На данном этапе человеческого развития защита и восстановление окружающей среды должны быть первостепенной задачей каждого государства.

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 07.07.1983 № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 4. Утратил силу.

Д.И. Кузина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.А. Отставнова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация: *основным законом страны транслируется незыблемость конституционных норм, их обязательность, гарантии их соблюдения и т.п. Но во всех ли случаях данные нормы так устойчивы и беспрецедентны? В рамках настоящей статьи мы постараемся найти ответ на данный вопрос.*

Ключевые слова: *конституционные права граждан, пандемия, самоограничение, QR-код.*

Современность сопровождается не только прогрессивными достижениями, изменениями законодательства, трансформацией общественных интересов и т.д., но, к сожалению, и такими негативными событиями, как пандемия COVID–19 (далее – пандемия). Казалось, что ничего не могло нарушить привычный ритм жизни, сложившиеся устои и привычки, но с прямым эфиром Владимира Владимировича Путина от 24 марта 2020 г. многим из нас стало известно, что такое «режим самоизоляции», объявление дней нерабочими, карантин и т.д. С этого момента жизнь многих граждан уже не была прежней, поскольку с каждым днем появлялось все больше и больше ограничений, запретов. Негодование россиян возрастало с каждым днем, однако послаблений мер ограничительного характера не было достаточно продолжительное время. Когда все ждали отмены ограничений, наоборот появлялись все новые и новые запреты.

И в подобных условиях возникает вопрос, а как данные ограничения отражаются на нормах действующей Конституции РФ[1], не нарушают ли они их? Дискуссии по данному вопросу велись с самого начала введения ограничительных мер и, как нам кажется, продляться еще очень долго, пока теоретики и практики не придут к единому мнению. Поскольку беспрецедентные меры, которые были приняты во многих странах мира для преодоления последствий пандемии, позволяют предположить, что данное событие окажет влияние на многие общественные отношения.

В результате пандемии было принято значительное количество ограничений и запретов, однако в рамках настоящей статьи мы рассмотрим наиболее «наболевшую» тему – это введение QR-кодов. По своей сути QR-код представляет собой подтверждение о проведении вакцинации, который позволял россиянам посещать многие общественные места, приобретать что-либо или же выезжать за пределы Российской Федерации.

Если формально обратиться к пониманию данной ситуации – QR-код разделяет общество на 2 лагеря, а именно: тех, на кого ограничения не действуют и, соответственно, ч. 1 ст. 27 Конституции РФ в отношении их продолжает «работать» и тех, кто не имея подтверждения о вакцинации в виде QR-кода не может свободно получать ряд услуг, приобретать определенные товары и беспрепятственно передвигаться по территории РФ.

Согласно рассматриваемой статьи каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ).

Подобные права также транслируются и международно-правовыми актами о правах человека и гражданина.

В связи с чем возникает вопрос: как сделать ограничение прав граждан, которые по своей сути затрагиваются основополагающие конституционные права, легальными? Ответ достаточно очевиден – изменение законодательства, либо введение в действие мер, которые относятся к категории «форс-мажорных», непредвиденных обстоятельств, состоянии крайней необходимости и т.п.[2], когда ограничивая передвижение граждан, составляющих потенциальную опасность для общества, сохраняется здоровье значительного числа граждан.

Так, ограничение права граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации допускается исключительно на основании действующего законодательства (абз. 1,2 ст. 1 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993[3]).

Следовательно, до момента принятия закона право на свободу передвижения и введения в действие QR-кодов будет считаться нарушенным. В то же время, после внесения соответствующих изменений в названный закон, введение QR-кодов становится легальным и по своей сути не противоречит нормам действующего Основного закона.

Вместе с тем, важно обратить внимание на положение ст. 55 Конституции РФ, согласно которой могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина федеральным законом непосредственно в той мере, в которой это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов иных лиц. Также после принятия закона о QR-кодах в общественных местах право на свободу передвижения было ограничено, т.к. гражданам не представлялось возможности без QR-кода беспрепятственно войти в здание авиа, ж/д, авто вокзалов, а также передвигаться по направлению к общественному транспортному средству (авиа, ж/д, авто и т.д.).

Отметим также, что изменения, которые были вызваны необходимостью борьбы с пандемией, повлекли за собой создание принципиально новых правовых институтов, а также послужили мощным толчком к развития зарождающихся конституционных правоотношений.

[1] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[2] См.: *Винокуров В.А.* Проблемы ограничения прав и свобод человека и гражданина в России в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) // Теория государства и права. 2020. № 3. С. 198–211.

[3] См.: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // Рос. газ. 1993. № 152; СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 1, ст. 507.

«Во-первых, появился новый вид конституционных правоотношений – самоограничение конституционных прав человека.

Во-вторых, получат дальнейшее развитие компенсационные конституционные правоотношения.

Опыт борьбы с пандемией показал, что если с последствиями краткосрочного ограничения права население способно справиться самостоятельно, то длительные карантинные меры приводят к существенному падению доходов населения и должны компенсироваться государством.

В-третьих, конституционные правоотношения в сфере здравоохранения в результате пандемии перейдут из категории индивидуального права на жизнь и здоровье, в категорию общественного международного интереса. Когда здоровье отдельного гражданина является гарантией экономической и общественной безопасности»[1].

Таким образом, вопрос ограничения конституционных норм остается актуальным на данный момент, поскольку даже несмотря на формальное урегулирование нормами законодательства данной ситуации, до настоящего времени нет единого отношения практиков и теоретиков права к рассматриваемой проблеме. Формально урегулированность присутствует, однако при детальном анализе норм действующего законодательства остается ряд вопросов, на которые не удается найти однозначного ответа.

Е.А. Кулакова
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Саратов
Научный руководитель: И.Н. Протопопова к.и.н, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Саратов

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *одним из условий построения правового государства является сформированная правовая культура граждан, а средство формирования правовой культуры – правовое воспитание. Воспитание правовой культуры, формирование законопослушного поведения у несовершеннолетних – сложный, многоступенчатый процесс.*

Ключевые слова: *девиантное поведение, правовое сознание, несовершеннолетние, подростковая преступность.*

Одним из условий построения правового государства является сформированная правовая культура граждан, а средство формирования правовой культуры – правовое воспитание. Воспитание правовой культуры, формирование законопослушного поведения у несовершеннолетних – сложный, многоступенчатый процесс. В этот процесс входит освоение системы правовых предписаний, законодательства в целом, уважительное отношение к законам и понимание необходимости их соблюдения, а также умение применять правовые знания. Должно быть достигнуто такое положение, когда уважение к праву становится непосредственным, личным убеждением.

Как сказал Николай Иванович Пирогов: «Молодежь – барометр общества». О перспективах развития государства нужно судить по процессам, которые развиваются в молодежной среде.

В своем исследовании я хочу рассмотреть деформацию правосознания несовершеннолетних, ее проявления и пути преодоления этой проблемы.

Правосознание, несовершеннолетних, находясь на стадии формирования, подвержено различного рода деформациям. В числе которых, в первую очередь, следует назвать правовой инфантилизм и правовой нигилизм, как следствие общего недостатка правовых знаний и опыта их применения, так и подвижности психоэмоциональной сферы. Все это связано с возрастными особенностями формирующейся личности. Порой, деформация правосознания имеет такое последствие, как девиантное поведение.

Девиантное поведение несовершеннолетних имеет свои причины. Бурное развитие их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желание самоутвердиться в мире взрослых вступает в противоречие с социальной незрелостью, с отсутствием профессионального и жизненного опыта.

Понятно, что у подростков может возникнуть желание стать равным взрослым. Потребность в самоутверждении приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве или спорте, но и в негативных формах активности – насилии, преступлениях или же приводит к зависимости от алкоголя или наркотиков.[2]

Антагонизм потребностей и возможностей несовершеннолетних в современном российском обществе выражен:

- расширением потребностей в квалифицированном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения;
- стремлением к богатству и ощущением невозможности его достижения легальными способами;
- необходимостью усиления социальной и правовой защиты несовершеннолетних и ограниченными материальными возможностями общества[3].

[1] Цит. по: *Астафичев П.А.* Проблемы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 42–53.

[2] См.: *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 78.

[3] См.: *Забрянский Г.И.* Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997. С. 77.

Для того чтобы предупреждать проявление неправомерного, девиантного поведения, нужно выявить его признаки.

Детерминантами отклонений в поведении несовершеннолетних могут выступать разные факторы. Как правило, склонность к совершению преступлений выявляется в детстве, когда закладываются психологические реакции на раздражители, на триггеры. Образцом реакции чаще всего выступают родители. Если ребенок наблюдает проявление жестокости в семье в отношении кого-то из родителей, то он будет воспринимать это как должное или как возможный вариант поведения в конфликтной ситуации.

Также важное место в формировании поведения занимает школа. Нужно, чтобы педагоги проявляли чуткость к ученикам, были способны предотвратить критическую ситуацию, проводили воспитательную работу.

В жизни несовершеннолетнего важны внеучебные занятия и хобби, т.к. они могут сформировать у него правильный круг интересов и минимизировать желание совершить преступление.

Важным признаком преступности несовершеннолетних является склонность совершать противоправные деяния в группе. Это обусловлено боязнью самостоятельно совершения преступления и ответственности, поэтому наличие группы, взаимной поддержки помогает преодолеть этот страх.

В предупреждении преступности несовершеннолетних участвуют множество субъектов. Они представляют собой единую систему, включающую комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы управления социальной защитой населения; органы опеки и попечительства, по делам молодежи, службы занятости, внутренних дел.

Профилактика асоциального поведения молодых людей, социальный контроль над проявлениями девиантности становится одной из важнейших проблем современного общества, и соответственно – теории и практики социальной педагогики и социальной работы. Мировой опыт свидетельствует о том, что для решения задач в области профилактики девиантного поведения необходимо привлечение не только профессионалов, но и добровольцев, методы, работы которых в окружающем социуме нередко оказываются более эффективными.

Но как обнаружить этих детей, которые имеют проблемы с законом? Для этого я предлагаю создать цифровую платформу. Это будет сообщество социальной сети «ВКонтакте» с тестом – опросником, выявляющим склонность к девиантному поведению, с возможными вариантами решения этой проблемы, с форумом для обсуждения правовых трудностей. Идея создания сообщества пока в разработке.

Подводя итог всему исследованию, отмечу, что правовое образование может стать главным звеном в решении задач воспитания правовой культуры несовершеннолетнего подростка.

Ю.С. Куличкова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Т.Г. Тимакова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация: *налог на профессиональный доход, действует на всей территории Российской Федерации согласно Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ. Период пандемии показал, что правительство готово уравнять самозанятых в правах с малым бизнесом. В настоящее время спецрежим имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Рассмотрим их более подробно.*

Ключевые слова: *самозанятые, специальный режим, налог на профессиональный доход.*

Ни для кого не секрет, что количество самозанятых в России стремительно растет, хотя новая налоговая система введена у нас сравнительно недавно. Только на конец 2021 г. их число достигло 3,5 миллионов человек.

Итак, с середины октября 2020 г. льготный налоговый режим для самозанятых, более известный как налог на профессиональный доход, действует по всей стране (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ)[1]. Любой желающий может принять в нем участие, но с определенными условиями.

Самозанятость – это льготный налоговый режим для россиян, которые работают на себя. Его ввели в 2019 г. в качестве государственного эксперимента, который продлится до 2028 г.

Под профессиональным доходом понимается доход физлиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также не получают доход от использования имущества.

Перейти на спецрежим могут физические лица и ИП, которые ведут деятельность на территории России. Также самозанятыми вправе стать некоторые иностранные граждане, а именно граждане Беларуси, Армении, Казахстана и Киргизии. Налоговый режим они могут применять на тех же условиях, что и граждане России.

Выбирая спецрежим для самозанятых, можно заниматься теми видами деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, но без необходимости регистрации в качестве ИП.

В числе таких видов деятельности:

- оказание косметических услуг на дому;
- фото- и видеосъемка на заказ;
- реализация продукции собственного производства;
- проведение мероприятий и праздников;
- юридические консультации и ведение бухгалтерии;

[1] См.: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”».

- удаленная работа через электронные площадки;
- сдача квартиры в аренду посуточно или на долгий срок;
- услуги по перевозке пассажиров и грузов;
- строительные работы и ремонт помещений.

С полученного дохода самозанятые уплачивают НПД (налог на профессиональный доход):

- 4 % – с доходов от частных клиентов;
- 6 % – с доходов от организаций.

В отличие от индивидуальных предпринимателей, самозанятым не нужно сдавать отчеты, покупать кассу и уплачивать страховые взносы. Плательщику НПД достаточно задекларировать доход в приложении «Мой налог». К нему можно привязать карту и настроить автоплатеж. Сумма налога в приложении рассчитывается автоматически.

Плательщики налога на профессиональный доход имеют право на уменьшение суммы налога на сумму налогового вычета в размере не более 10 00 руб., рассчитанную нарастающим итогом.

Сумма налогового вычета, на которую может быть уменьшена сумма налога, определяется:

- в отношении налога, исчисленного по налоговой ставке, указанной в п. 1 ст. 10 Закона о самозанятых, сумма налогового вычета определяется как соответствующая налоговой ставке в размере 1 % от дохода;
- в отношении налога, исчисленного по налоговой ставке, указанной в п. 2 ст. 10 Закона о самозанятых, сумма налогового вычета определяется как соответствующая налоговой ставке в размере 2 % от дохода.

Уменьшение суммы налога на сумму налогового вычета осуществляется налоговым органом самостоятельно.

Помимо льгот, у самозанятых есть ограничения, например, у них не должно быть работодателя и наемных работников. К этой категории относятся граждане, получающие доход от своей личной трудовой деятельности.

Максимальный доход не должен превышать 2,4 млн руб. в год (суммы доходов в месяц могут варьироваться в большую или меньшую сторону, главное – чтобы итоговая сумма за год не превышала 2,4 млн руб.).

Спецрежимом не могут воспользоваться те, кто торгует подакцизными товарами, например, алкоголем или бензином. Также его нельзя применять:

- лицам, осуществляющим перепродажу товаров, имущественных прав, за исключением продажи имущества, использовавшегося ими для личных, домашних и (или) иных подобных нужд;
- лицам, занимающимся добычей и (или) реализацией полезных ископаемых;
- лицам, имеющие работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях;
- лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность в интересах другого лица на основе договоров поручения, договоров комиссии либо агентских договоров, за исключением лиц, оказывающих услуги по доставке товаров и приему (передаче) платежей за указанные товары (работы, услуги) в интересах других лиц;
- лицам, применяющие иные режимы налогообложения, предусмотренные ч. 1 НК РФ[1], или осуществляющие предпринимательскую деятельность, доходы от которой облагаются НДФЛ, за исключением случаев применения иных режимов налогообложения и исчисления НДФЛ с доходов от предпринимательской деятельности до перехода на указанный специальный налоговый режим.

Итак, подведем итоги рассмотрения и представим положительные и отрицательные стороны самозанятости:

Плюсы самозанятости:

- Простота оформления – можно зарегистрироваться через сайт ФНС или приложение «Мой налог»;
- Низкая налоговая ставка: 4 % при работе с физическими лицами, 6 % – при работе с юридическими лицами, никаких дополнительных взносов в ПФР и ФОМС как при оформлении ИП;
- Возможность совмещения статусов – можно работать официально по трудовому договору и подрабатывать как самозанятый;
- Отсутствие отчетности – не нужно заполнять декларацию и собирать документы, достаточно отправить покупателю чек, который учтется в приложении «Мой налог» автоматически;
- Сумма налога рассчитывается автоматически на основе сформированных чеков;
- Возможность работать с юридическими лицами – теперь не нужно оформлять ИП и платить взносы, чек самозанятого организация может принять к учету, оплату может произвести с расчетного счета.

Минусы самозанятости:

- Ограничения по сфере деятельности – нельзя заниматься перепродажей товаров, можно продавать только созданное своими руками, нельзя работать по агентскому договору;
- Ограничения по доходу – за год самозанятый может заработать не более 2,4 млн рублей, если доход выше – нужно перейти на другой налоговый режим, а значит стать ИП, если этого не сделать, налоговый орган автоматически переведет самозанятого на общую систему налогообложения (это НДС, Налог на прибыль);
- Не начисляется трудовой стаж – это не официальное оформления по трудовому договору, нет отчислений в государственные внебюджетные фонды РФ, а значит самозанятому нельзя воспользоваться больничным, декретным отпуском;
- Нельзя нанимать сотрудников – самозанятость предполагает работу только в единственном числе.

Таким образом, самозанятость выгодна как подработка, если есть официальная работа с соцпакетом. Но вот заменить основную работу самозанятостью не выгодно, у таких «сотрудников» нет отпуска, больничного, пенсии. Поэтому необходимо разработать ряд законодательных актов для решения данных проблем.

Для развития самозанятости при легализации профессиональной деятельности в России необходимо обеспечить данную категорию лиц рядом социальных гаран-

[1] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 01.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc

тий, в том числе пенсионным и медицинским обеспечением. В качестве одного из вариантов предлагается дифференцированно подойти к социальным выплатам самозанятыми, т.к. многие самозанятые используют данный вид деятельности в качестве дополнительной работы, т.е. кроме работы по трудовому соглашению, где социальные взносы за них уже выплачивает работодатель. Так же дифференцировано можно подойти и к налогообложению самозанятых. Поскольку доходы части самозанятых (в отдельных видах профессиональной деятельности) невысокие, целесообразно введение прогрессивного налога с доходов самозанятых.

А.Д. Кусмарцева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.А. Кирдина к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ДОПУСТИМОСТЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ГАРАНТИЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: *в настоящей статье рассматривается один из проблемных вопросов в теории уголовного процесса об оценке допустимости вещественных доказательств с позиции существенных и малозначительных нарушений.*

Ключевые слова: *вещественные доказательства, допустимость доказательств, оценка допустимости*

Допустимость – одно из свойств доказательств, делающих их пригодными для использования в доказывании. При оценке допустимости каждого доказательства учитывается не только законность его источника, но и соблюдение процедуры формирования доказательства. По общему правилу ст. 75 УПК РФ устанавливает, что недопустимыми признаются доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, и выделяет отдельные конкретные случаи. Однако, что более важно, сюда же относят «иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК», перечень которых не установлен и не обозначен в статье. Пленум ВС в своем постановлении "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ" также не раскрыл данный момент, указав лишь, что «решая вопрос о том, является ли доказательство по уголовному делу недопустимым по основаниям, указанным в пункте 3 части 2 статьи 75 УПК РФ, суд должен в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение». Проблема состоит в том, что четкие критерии недопустимости доказательства в законе не определены, что является предпосылкой для выводов многих авторов о том, что любое нарушение – основание для признания доказательств недопустимыми[1]. Между тем, судебная практика говорит о том, что нарушения закона должны быть именно существенными для процесса доказывания. Иной, формальный, подход к основаниям признания доказательств недопустимыми привёл бы скорее не к улучшению качества расследования, а к увеличению числа нераскрытых преступлений. В частности, "потеря" вещественного доказательства часто невосполнима, ведёт к сокращению объёма обвинения или к полному прекращению уголовного дела. Этот факт побуждает автора подробнее рассмотреть вопрос о существенных нарушениях следователями уголовно-процессуального закона, позволяющих стороне защиты ставить вопрос о признании вещественных доказательств недопустимыми.

В первую очередь стоит вспомнить теорию «плодов отравленного дерева». Суть этой концепции в том, что, если источник доказательств («дерево») является ненадлежащим («отравленным»), все доказательства, полученные с его помощью («плоды»), также ненадлежащие, т.е. не могут применяться при доказывании имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Так, недопустимость протокола следственного действия, в ходе которого был изъят предмет или документ, признанный впоследствии вещественным доказательством, всегда закономерно влечёт недопустимость такого доказательства. В литературе приводится случай признания показаний подозреваемого, данных без участия защитника, повлекшего за собой недопустимость и протокола проверки показаний на месте, и обнаруженных там вещественных доказательств[2].

Также бесспорным основанием к признанию вещественного доказательства недопустимым является его изъятие ненадлежащим субъектом. В круг надлежащих субъектов входят следователь, в чьем производстве находится уголовное дело (то есть оно должно быть официально принято им к производству), лица, входящие в следственную группу, орган дознания при наличии отдельного поручения следователя на производство конкретного следственного действия. Примером, относящимся к последней ситуации, можно признать Апелляционное определение от 7 ноября 2019 г. по уголовному делу № 10-9292/2019, исходя из которого суд и следователь незаконно уклонились от проведения проверки в соответствии со ст. 87 УПК РФ вещественного доказательства флеш-карты, т.е. не установили источник получения такого доказательства. В данном случае оно было получено оперуполномоченным без поручения следователя и ненадлежащим образом приобщено к делу. В силу положений ст. 75 УПК РФ, вещественное доказательство и производный от неё протокол осмотра документов от 01 июня 2016 г. являются недопустимыми доказательствами и не могут служить доказательствами вины в инкриминируемых лицу преступлениях[3].

[1] См.: *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 312.

[2] См.: *Некрасов С.В.* Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2004. С. 29.

[3] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 7 ноября 2019 г. № 10-9292/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/appeal-criminal (дата обращения: 16.04.2022).

Полина Абрамовна Лупинская справедливо отмечает, что «недопустимость доказательств может зависеть от того, повлияло ли допущенное нарушение на достоверность указанных в процессуальном документе сведений и возможно ли выяснить причины данного нарушения, а также узнать о существе проведенного следственного действия и достоверности его закрепления в процессуальном документе»[1]. Она указывает, что причины допущенных нарушений могут быть без труда установлены в суде, например, с помощью допроса данных лиц. Примером может служить дело о групповом изнасиловании, где в качестве вещественного доказательства было представлено платье потерпевшей Т. В ходе очной ставки она показала, что одежда цела и не имеет повреждений. Тем не менее, в ходе судебного следствия при обследовании одежды был обнаружен разрыв платья по шву, и позже потерпевшая решила, что он образовался, по всей вероятности, тогда, когда обвиняемые силой ее раздевали. Органами предварительного следствия не были выявлены персональные признаки в виде разрыва по шву и не были обрисованы в протоколе осмотра, тем не менее платье признано по делу вещественным доказательством. Суд, отказывая в признании предоставленного доказательства недопустимым, и аргументируя его, сослался на то, что потерпевшая под влиянием ситуации насилия могла забыть о поврежденном платье, и вспомнила о повреждении лишь в суде в процессе исследования[2].

Таким образом, следователь не собирает уже готовые доказательства. Путь формирования допустимого вещественного доказательства является долгим и сложным. Зачастую он начинается с процессуального оформления решения о производстве следственного действия и завершается вынесением постановления о признании предмета или документа вещественным доказательством и приобщении его к уголовному делу. И на каждом этапе возможны нарушения, однако в каждом конкретном случае необходимо рассматривать, являются ли нарушения данного свойства существенными или малозначительными, не повлиявшими на достоверность оцениваемого доказательства.

[1] См.: *Лупинская П.А.* Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 4.

[2] См.: Приговор № 2-12/2019 2-3/2020 от 30 июня 2019 г. по делу № 2-12/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mosgorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/appeal-criminal (дата обращения: 16.04.2022).

Н.С. Кушнерев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.А. Акимова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОБРАЩЕНИЙ В СУД ЕАЭС ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ

Аннотация: *евразийский экономический союз является активно развивающимся интеграционным объединением. Ежегодно количество обращений в Суд Евразийского экономического союза возрастает. Субъектам, планирующим подачу обращения, необходимо учитывать ряд требований при его подготовке. Данная статья посвящена анализу некоторых обязательных условий, соблюдение которых необходимо для успешной подачи хозяйствующими субъектами заявления в Суд ЕАЭС.*

Ключевые слова: *Суд ЕАЭС, Статут Суда Евразийского экономического союза, Договор о Евразийском экономическом союзе.*

Создание Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) являлось важной целью внешне-экономической политики Российской Федерации, в связи с чем 29 мая 2014 г. подписан Договор о создании ЕАЭС (далее – Договор). Для успешного развития экономического сотрудничества в рамках данного Договора необходим наднациональный судебный орган, задачей которого является обеспечение единообразного применения государствами-членами Союза (далее – государства-члены) и органами ЕАЭС актов, составляющих право Союза. Так, с 1 января 2015 г. начал своё функционирование Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд).

Организация деятельности Суда ЕАЭС осуществляется на основе Приложения № 2 к Договору о ЕАЭС. Как известно, Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза. Пункт 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (далее – Статут) определяет субъектов, обладающих правом обращения в Суд ЕАЭС[3]. Данными субъектами являются государства-члены, подписавшие Договор, и хозяйствующие субъекты, которые являются юридическими лицами, зарегистрированными в соответствии с законодательством государства члена или третьего государства, либо физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства члена или третьего государства.

От имени государств-членов правом обращения в суд с заявлением о рассмотрении спора или с заявлением о разъяснении обладают уполномоченные органы и ор-

[3] См.: Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://courteurasian.org/page-22671

ганизации, перечень которых определяется самим государством членом.

Согласно подпункту 1 пункта 39 Статута государства-члены могут инициировать споры:

- о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;
- о соблюдении другим государством-членом Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;
- о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;
- об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

Дела о разъяснении инициирует государство-член или орган Союза в соответствии с пунктом 46 Статута. В данной категории дел Суд разъясняет положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза[1]. С заявлениями о разъяснении положений права Союза, связанного с трудовыми правоотношениями, могут обращаться сотрудники и должностные лица органов Союза и Суда.

В подпункте 2 пункта 39 Статута Суда указано, что по заявлению хозяйствующих субъектов Суд рассматривает споры:

- о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;
- об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Порядок подачи заявлений в Суд регулируется Решением от 23 декабря 2014 г. № 10 Высшего Евразийского экономического совета (далее – Решение). Хозяйствующий субъект, исходя и содержания пункта 9 Решения, в заявлении должен указать информацию о заявителе, его месте жительства, если это физическое лицо и место нахождения, если юридическое. В заявлении указываются права и законные интересы, которые по мнению заявителя нарушены, а так же информация об оспариваемом решении Комиссии, сведения о соблюдении досудебного порядка и дата подачи заявления. К самому заявлению хозяйствующие субъекты должны прилагать копию оспариваемого решения Комиссии, копию свидетельства о регистрации юридического лица или физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, документы, которые подтверждают попытку досудебного урегулирования спора, документ подтверждающий полномочия и документы о направлении копии заявления ответчику.

Таким образом, для успешной реализации права на обращение в Суд хозяйствующий субъект должен конкретно определить, в чём несоответствие оспариваемого решения Комиссии или его отдельных положений Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. В заявлении должно быть отражено, в какой части и каким именно положениям Договора и (или) международных договоров в рамках Союза оспариваемый акт Комиссии противоречит.

Кроме того, до обращения в Суд с заявлением об обжаловании решения, действия или бездействия Комиссии хозяйствующие субъекты должны чётко сформулировать правовую позицию относительно того, какие их права и законные интересы в сфере предпринимательства и (или) иной экономической деятельности и каким именно образом затрагиваются, а также ясно обосновать как нарушаются их права или законные интересы, предоставленные им Договором о Союзе или международными договорами.

Обязательным условием для хозяйствующих субъектов реализации права на обращение в Суд является соблюдение досудебного порядка. Хозяйствующим субъектам необходимо учитывать тот факт, что до обращения в Суд необходимо предварительно обращаться к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке способами, предусмотренными Договором о ЕАЭС и иными международными договорами в рамках Союза[2]. Для эффективной работы данной процедуры была создана четкая регламентация, которая отражена в Решении Коллегии Комиссии № 46 от 19.03.2014 «О порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов с заявлением об оспаривании решений Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии». В соответсвии с п. 44 Статута государству-члену или Комиссии даётся трёхмесячный срок, в рамках которого спор может быть урегулирован в досудебном порядке. Если же в течение этого срока государство-член или Комиссия не смогли урегулировать спор, то заявление может быть отправлено в Суд.

Несоблюдение досудебного порядка является основанием для отказа в принятии заявления к рассмотрению. Данная норма позволяет в более короткие сроки урегулировать конфликт сторон, снизить количество дел в судопроизводстве, а также избежать судебных расходов (в соответствии п. 62 и 63 Статута Суда ЕАЭС обращение хозяйствующего субъекта в Суд облагается пошлиной, которая уплачивается до подачи заявления в Суд ЕАЭС).

[1] См.: *Дьяченко Е.Б., Энтин К.В.* Компетенция Суда Евразийского Экономического союза: Мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsiya-suda-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-mify-i-realnost (дата обращения: 25.04.2022).

[2] См.: *Бортников С.П. Киселева Н.С.* Система разрешения споров в Суде ЕАЭС // Colloquium-journal. 2020. № 15 (67). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-razresheniya-sporov-v-sude-eaes (дата обращения: 25.04.2022).

Для понимания важности процедуры досудебного урегулирования спора важно рассмотреть практику Суда. Как пример рассмотрим дело ООО «Вичюнай-Русь» (далее – Общество). Общество обратилось с заявлением об оспаривании действия Комиссии в связи с отказом в направлении запроса в Суд о толковании и разъяснении применения норм международных договоров Таможенного союза. Комиссия в заявлении указывала факт того, что Общество не воспользовалось процедурой досудебного урегулирования спора, в связи с чем нарушило порядок обращения в Суд.

Общество в свою защиту ссылалось на обращение в Комиссию от 9 сентября 2013 г., в котором просило Комиссию обратиться в Суд для установления наличия правовой неопределенности в применении норм международных договоров Таможенного союза и экономического пространства. 16 октября 2013 г. Комиссия оповестила общество о том, что в указанных им нормативных актах отсутствует правовая неопределенность.

Далее общество обратилось в Суд, считая, что ответ Комиссии является доказательством досудебного урегулирования спора. В Суде Комиссия не отрицала факт досудебного обращения Общества, но, по мнению Комиссии, заявление, поданное в Суд, и запрос о толковании, поданный в Комиссию, являются разными по предъявляемым требованиям. В связи с этим Комиссия просила Суд отменить Постановление Суда и прекратить производство по данному делу. Решением Апелляционной палаты Суда от 31 марта 2014 г. апелляционная жалоба Коллегии была оставлена без удовлетворения. Суд констатировал, что из ответа Комиссии усматривается, что ею «проведен анализ сложившейся ситуации, определена собственная позиция в отношении поставленных перед ней заявителем вопросов, тем самым Комиссией реализовано право досудебного урегулирования спора»[1].

Вывод: При обращении в Суд ЕАЭС необходимо учитывать компетенцию Суда, а также убедиться, что инициатор обращения входит в круг уполномоченных на это субъектов. Хозяйствующие субъекты должны соблюдать процедуру досудебного урегулирования; конкретно определить, в чём несоответствие оспариваемого решения Комиссии или его отдельных положений Договору и (или) международным договорам в рамках Союза; сформулировать обоснованную правовую позицию относительно того, как нарушаются их законные права и интересы в предпринимательской и экономической деятельности, а также ясно обосновать как нарушаются их права или законные интересы, предоставленные Договором о Союзе или международными договорами.

Соблюдение этих требований обеспечит эффективность реализации права на защиту в Суде ЕАЭС.

[1] См.: Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 30 мая 2014 г. по заявлению ООО «Вичюнай-Русь» Об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии по отказу в направлении запроса в Суд Евразийского экономического сообщества о толковании и разъяснении применения международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/2-4.6-2014/?

М.Н. Ломаченко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: В.Ф. Борисова
к.ю.н, доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛАХ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ

Аннотация: *в статье анализируется использование в гражданском судопроизводстве электронных доказательств (электронных переписок) в трудовых отношениях и их оценка и исследование в гражданском судопроизводстве. В настоящее время количество электронных документов, увеличивается с развитием технологий. Поэтому в случае возникновения спора необходимо установить, можно ли использовать такие документы в качестве доказательств.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, электронный документ, электронный образ документа, электронная переписка, доказательство.*

Информатизация распространилась на различные сферы материальных правоотношений, из которых возникают споры, рассматриваемые судами. Так, например, в связи с развитием пандемии коронавирусной инфекции большая часть работников перешла на дистанционный формат работы. Соответственно, взаимодействовать как работнику, так и работодателю, гораздо проще и эффективнее посредством ведения электронного документооборота. Достаточно часто имеют место ситуации, когда стороны трудового спора в обоснование своих позиций в суде ссылаются на переписку по электронной почте или в мессенджерах (WhatsApp, Viber) а также социальных сетях (Instagram, «Вконтакте»). В связи с этим принципиально важно выяснить, все ли сведения, имеющие электронную форму, принимаются судом как доказательства при рассмотрении трудовых споров.

Вопрос об отнесении электронных документов к надлежащим доказательствам по гражданскому делу – дискуссионный. К доказательствам Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее-ГПК РФ) относит объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов[2].

С 1 января 2017 г. вступили в силу изменения в ст. 71 ГПК РФ, в соответствии с которыми в числе письменных доказательств выделяется такое доказательство, как документы, подписанные электронной подписью.[3]

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. №о 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» содержится

[2] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Рос. газ. 2002. № 220.

[3] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Рос. газ. 2002. № 220.

общее понятие – «документ в электронном виде». Оно включает в себя электронный документ или электронный образ документа. Электронный документ – это документ, изначально созданный в электронной форме без фиксации на бумажном носителе. Его признаком является удостоверение посредством электронной подписи. В отличие от него электронный образ документа – это копия «бумажного» документа, переведенная в электронную форму при помощи сканирования, заверенная усиленной или обычной электронной подписью в установленном порядке[1].

Однако помимо электронных документов, содержащих электронную подпись, существуют электронные письма, а также сообщения, не содержащие электронной подписи, которые чаще всего и используются в электронной переписке между работником и работодателем. Следовательно, все документы, полученные с помощью глобальной сети Интернет, которая осуществляет работу всех мессенджеров, социальных сетей, а также электронной почты делятся на: электронные документы и электронные сообщения.

С помощью электронной переписки стороны доказывают направление юридически значимых сообщений, а также конкретные обстоятельства дела.

Текущая судебная практика неоднозначно подходит к решению проблемы использования электронных переписок в качестве доказательств по трудовым спорам и необходимо разобраться, каким образом суды реагируют на электронные доказательства и принимают ли во внимание электронные документы. Проанализировав судебную практику, изучив судебные постановления и обзоры судебной практики, выделим следующие особенности использования электронных документов в трудовых спорах.

На взаимодействие работника и работодателя между собой по рабочим/трудовым вопросам может указывать обсуждение таких вопросов в мессенджерах. В случае, если в отношении работника не оформлен трудовой договор, переписка по электронной почте может стать одним из показателей наличия трудовых отношений (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»). В данном случае сторонам позволили ссылаться на электронную переписку в процессе доказывания своей позиции, при условии, что она позволяет установить получателя, отправителя и содержание письма, а также получена законными способами, не противоречит основам ГПК.

В соответствии с п. 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Также работодатель не может уволить работника, который прислал заявление по электронной почте. Расторгнуть трудовой договор можно только на основании заявления в письменной форме и на бумажном носителе[3]. Обратная ситуация происходит с отзывом заявления об увольнении. Мосгорсуд[4], Президиум Кемеровского областного суда[5] указывают на то, что работник может любым способом сообщить о том, что передумал уходить, в том числе по электронной почте. Кроме того, в качестве оправдания своего прогула он может сослаться на то, что согласовал отсутствие в электронном виде. Так, Челябинский областной суд признал переписку с начальником в мессенджере достаточным доказательством договоренности с руководителем о днях отгула[6]. А Саратовский областной суд признал увольнение незаконным из-за отказа организации принять заявление об отгуле по электронной почте. Работнику полагался отпуск как инвалиду. Получив электронное письмо, работодатель обязан был предоставить дни отдыха[7].

Также во многих современных организациях активно используется система «1С» или «CRM» системы, через которые проходят практически все документы, приказы, распоряжения, служебные записки и проч. В данных системах работникам предоставляется личные пароль и логин, доступ к которым имеют только сами работники. В связи с этим заявление об увольнении работника, отзыв заявления об увольнении можно направлять по средством электронного образа документа, внутри данной системы, в связи с этим данные электронные образы документов должны приравниваться к допустимым доказательствам в суде.

На наш взгляд необходимо унифицировать увольнение и отказ от увольнения в электронной форме, в письме отправленном работодателю, должен содержаться электронный образ документа работника с реквизитами, позволяющими его идентифицировать. Также чтобы электронная переписка имела юридические последствия и признавалась допустимой в суде, стороне могут сделать в договоре специальную оговорку о том, что любые договоренности между сторонами, которые в дальнейшем будут порождать для них взаимные права и обязанности,

---

[1] См.: О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

[2] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 29.03.2018 по делу № 33-1853/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2022).

[4] См. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.05.2019 № 33-22466/2019. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/37a98e38-e80c-40ab-b0ed-8f42379d50dd (дата обращения: 30.03.2022).

[5] См. Постановление Президиума Кемеровского областного суда от 18.06.2018 № 44г-40/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2022).

[6] См.: Определение Челябинского областного суда от 08.04.2019 по делу № 11-4171/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] См. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 28.06.2018 по делу № 33-4712/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

могут быть достигнуты, в частности, путем обмена электронными сообщениями по адресам электронной почты или мгновенными сообщениями через аккаунты в социальных сетях (например, Facebook, Instagram) и/или электронных мессенджерах (например, WhatsApp, Viber) с обязательным указанием в договоре точных адресов и наименований таких каналов связи.[1]

Таким образом, использование электронных доказательств в гражданском процессе является перспективным направлением развития института доказательств и доказывания, о чем свидетельствует участившееся их использование в судебной практике, как указывалось выше, суды неоднозначно относятся к электронным доказательствам, но в большинстве случаев, при рассмотрение трудовых споров принимают их в качестве относимых и допустимых, в пользу слабой стороны, а именно – работника, поскольку понимают, что процесс информатизации общества не обратим и поглотил уже многие его сферы общественной жизни.

А.Д. Ляткина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.А. Киримова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности этнологических экспертиз правовых актов в РФ, их законодательное закрепление. Изучен опыт проведения этнологических экспертиз в России, а также предложены рекомендации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, демографического благополучия, сохранения национально-культурной самобытности коренных малочисленных народов Российской Федерации.*

Ключевые слова: *этнологическая экспертиза, этнос, коренные народы, правовые акты.*

Особое значение при обеспечении и защите прав и свобод человека и гражданина имеют правовые гарантии сохранения среды обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации. С этой целью используются этнологические экспертизы правовых актов. Определение этнологической экспертизы дано в Федеральном Законе 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».[2] Под этнологической экспертизой понимают научное исследование воздействия изменений изначальной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса. В настоящее время отсутствует законодательное закрепление обязательного проведения этнологической экспертизы при создании правовых актов различной юридической природы в вопросах, касающихся недопущения неблагоприятного воздействия на социокультурную и хозяйственную стороны жизни коренных народов.

Статья 8 названного закона содержит перечень прав малочисленных коренных народов. К ним относятся участие в проведении этнологических и экологических экспертиз в ходе разработки государственных программ по охране окружающей природной среды и освоению природных ресурсов; участие в исполнении контроля над процессом использования традиционно принадлежащих им земель; участие в контроле над соблюдением законодательства об охране окружающей природной среды при промышленном использовании земель и другие. Однако, в законе не предусмотрен механизм осуществления данных правомочий. Известно, что малочисленные коренные народы имеют разный численный состав, отсутствуют постоянно действующие представительные органы, которые могли бы осуществлять защиту их интересов. Они могу рассчитывать только на государственные органы. Проблему усугубляет тот факт, что среди представителей малых этносов отсутствуют такие специалисты, как экологи, экономисты, юристы и т.д.

В Российской Федерации началась разработка методологий этнографических экспертиз. В частности, в 1999 г. Институт этнографии и антропологии Российской академии наук выпустил книгу «Методы этноэкологической экспертизы».[3] Разработаны методики экспресс-анализа демографической стабильности, социально-психологические критерии постоянство этнокультурных групп, этномедицинской оценки устойчивости населения и другие. Мы понимаем, что все названные аспекты напрямую связаны с исторической средой обитания.

Можно использовать международный опыт защиты прав коренных народов. В частности, Всемирный банк разработал руководящие принципы и операционные директивы «Коренные народы». Для получения кредитов организации обязаны проводить оценку влияния социально-экномических и культурных последствий осуществления изыскательских и хозяйственных видов деятельности на территории проживания малочисленных народов.

В России имеется опыт проведения этнологических экспертиз. К примеру, в 2002 г. была проведена экспертиза двух проектов по программе работ ОАО «Газпром» в акватории Обской и Тазовской губернии.[4] Были проведены такие исследования, как анализ демографической устойчивости и социально-экономического положения этносов, проживающих на соответствующих территориях, устойчивости этнокультурной среды, перспектив осуществления традиционной хозяйственной деятельности и традиционного природопользования этнических групп и другие. Экспертиза включала в себя юридический ана-

[1] См. *Журавлева М.Д.* Электронная переписка как доказательство в гражданском судопроизводстве // Право и политика. № 25 (192). 2020. С. 154–160.

[2] См.: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Степанов В.В.* Методы этноэкологической экспертизы // Социология. Национальные и расовые отношения. 1999 № 1. С. 63–70.

[4] См.: *Журавлёв А.А.* Этнологическая экспертиза и примеры её проведения. 2015.

лиз соблюдения требований действующего законодательства. К сожалению, экспертные заключения, даваемые научными учреждениями, не обладают юридической силой и не обязательны к исполнению. Соответственно, в России отсутствует государственный контроль за осуществлением работ, обладающих потенциальной опасностью для коренных малочисленных народов.

Для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, демографического благополучия, сохранения национально-культурной самобытности коренных малочисленных народов Российской Федерации предлагаем:

- при создании правовых актов, в том числе нормативно-правовых, законодательно закрепить проведение этнологической экспертизы, в случаях, если могут быть затронуты интересы малых народностей;
- выработать и законодательно закрепить механизм проведения этнологических экспертиз;
- сделать юридически-обязательными выводы экспертных заключений для всех заинтересованных лиц;
- надзор за выполнением рекомендаций, даваемых в экспертных заключениях, возложить на органы прокуратуры.

А.Л. Магамаалиева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Б.Т. Разгильдиев
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация: *на сегодняшний день вопросы касающиеся понятия информационного терроризма остаются нерешёнными, несмотря на большое количество проведённых исследований. Вместе с тем стоит отметить, что при анализе вопроса понятия необходимо раскрыть присущие ему признаки, что поспособствует выработке наиболее полно описывающего понятия настоящего исследования.*

Ключевые слова: *информационный терроризм, понятие кибертерроризма.*

Необходимо начать с того, что такое явление как терроризм является социально-негативным и с каждым годом получает новые формы своего выражения. Вместе с этим, отметим, что в связи с возникшими на современном этапе потенциальными возможностями использования при совершении преступлений новейших информационных технологий, телекоммуникационных систем и средств, киберпространства, появился новый наиболее опасный вид терроризма, которого одни называют кибертерроризмом либо электронным терроризмом, другие – информационным терроризмом.

В свою очередь, информационный терроризм представляет собой серьёзную угрозу для человечества, сравнимую с ядерным, бактериологическим и химическим оружием, причем степень этой угрозы в силу своей новизны не до конца ещё осознана и изучена. Опыт мирового сообщества в этой области со всей очевидностью свидетельствует о несомненной уязвимости любого государства, тем более что информационный не имеет государственных границ, информационный терроризм способен в равной степени угрожать информационным системам, расположенным практически в любой точке земного шара[1].

В особенности стоит отметить работу относительно недавно созданного национального антитеррористического комитета за 2018 год. В этот период особое внимание получило исследуемое нами явление, что в последствии привело к выявлению более 47 тыс. интернет-ресурсов, которые содержали материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций. Это дало возможность пресечь деятельность по распространению противоправной информации более чем 64 тыс. интернет-ресурсов, из которых свыше 47 тыс. содержали материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций[2].

Нередко, формулируя определение современного информационного терроризма, многие учёные и практики связывают его с такими киберугрозами, как взлом компьютеров, кибервойна и киберпреступность. Однако, несмотря на то, что все эти угрозы реализуются на виртуальном пространстве по конкретным мотивам и целям, они, как и другие террористические проявления, должны характеризоваться созданием реальной угрозы общественной безопасности, опасности для жизни или здоровья людей, нанесением ущерба жизненно важной инфраструктуре либо наступлением других тяжких последствий; направлены на запугивание населения, дестабилизацию общественно политической или социально-экономической обстановки, саботаж, реализацию сепаратистских устремлений террористических формирований.

Дороти Деннинг (Dorothy Denning), профессор компьютерных наук Джорджтаунского университета и один из самых авторитетных экспертов в области компьютерной преступности и кибербезопасности, в своей книге «Активность, хактивизм и кибертерроризм: Интернет как средство воздействия на внешнюю политику» говорит о кибертерроризме как о «противоправной атаке или угрозе атаки на компьютеры, сети или информацию, находящуюся в них, совершенной с целью принудить органы власти к содействию в достижении политических или социальных целей»[3].

По мнению Е.А. Роговского, следуя этим определениям, можно выделить два вида кибертерроризма[4]:

[1] См.: *Голубев В.* Электронный терроризм – новое лицо терроризма. // Всемирный антикриминальный антитеррористический форум: Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма: 2-я междунар. конф. М.: Экономика, 2004. С. 146.

[2] См.: «Обстановка сложная, но контролируемая»: в НАК подвели итоги борьбы с терроризмом в 2018 году. URL: https://russian.rt.com/russia/article/581846-nak-protivodeistvie-terrorizm-itogi-2018 (дата обращения: 20.04.2022).

[3] См.: Википедия. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Компьютерный_терроризм (дата обращения: 20.04.2022).

[4] См.: *Роговский Е.А.* Россия в борьбе с международным терроризмом грани повышения позитивного образа страны // Россия и Америка в XXI веке. 2007. № 3. URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=66 (дата обращения: 21.04.2022).

1) непосредственное совершение террористических действий с помощью компьютеров и компьютерных сетей;

2) использование киберпространства террористическими группами в организационно коммуникационных целях и с целью шантажа, но не для непосредственного совершения терактов.

В свою очередь Е.Старостина справедливо отмечает, что «кибертерроризм» отличается от других форм воздействия на киберпространство, прежде всего, своими целями, которые остаются свойственными политическому терроризму вообще. Средства осуществления информационно-террористических действий могут варьироваться в широких пределах и включать все виды современного информационного оружия. В то же время тактика и приемы его применения существенно отличаются от тактики информационной войны и приемов информационного криминала.

Такое явление как информационный терроризм необходимо отличать от мелкого интернет «хулиганства» или же «хакеров», т.к. они преследуют исключительно корыстную или хулиганскую цель. В свою очередь информационный терроризм, прежде всего характеризуется весьма опасными общественно опасными последствиями. Что немало важно отметить, такое явление зачастую имеет многоразовый характер[1].

Таким образом, взяв во внимание вышеназванные позиции, относительно понятия информационного терроризма, необходимо выработать собственное, которое в последствии может поспособствовать научному развитию исследуемого явления.

При этом мы придерживаемся позиции определения данного понятия в узком смысле.

Следовательно, информационный терроризм – это преднамеренные атаки на информационные системы, информационно телекоммуникационные сети или компоненты этих систем или сетей, на компьютерные сети, аппаратно-программные комплексы государственных, оборонных учреждений, важных, особо важных и других объектов, в том числе физических лиц, в целях дезорганизации их работы и саботажа, совершение с использованием информационных средств действий, устрашающих население, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях, если эти деяния создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

В данном определении учтены оба вида совершения кибертерроризма: во-первых, непосредственное совершение террористических действий с помощью информационных средств и, во-вторых, использование киберпространства террористическими группами для непосредственного совершения атак на информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети или компоненты этих систем или сетей в террористических целях.

Отметим, что вышеназванное понятие непосредственно связано с общим определением терроризма, которое получило своё закрепление в ст. 205 УК РФ.

[1] См.: *Старостина Е.* Терроризм и кибертерроризм – новая угроза международной безопасности // Центр исследования компьютерной преступности. URL: http://www.crimeresearch.ru/articles/starostina (дата обращения: 21.04.2022).

И.И. Магомадов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: А.В. Голикова
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ДОКТРИНА КРЕПОСТИ В РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена актуальности законодательной инициативы «Мой дом – моя крепость!», внесенной в Государственную Думу РФ, предлагающей расширить права граждан на активную защиту жизни, здоровья и собственности в стенах своего жилья с помощью института необходимой обороны и допускающей правомерное причинение вреда.*

Ключевые слова: *необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; соразмерность.*

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., затем в УК РСФСР, а после и УК РФ под состоянием необходимой обороны понимали защиту от общественно опасного посягательства.

Новый этап развития данного института, произошел 19 марта 2002 г. Новая редакция предусматривает «беспредельную оборону» при посягательстве сопряженного с насилием опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Законодатель тем самым, подтвердил, жизнь человека высшая ценность и при защите от посягательства на жизнь, нет ответственности за умышленные действия по лишению жизни.

При защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, законодатель предусмотрел превышение пределов необходимой обороны, т.е., умышленных действий явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. За превышение предусмотрена уголовная ответственность (ст. 114 УК РФ и ст. 108 УК РФ).

Статьи, предусматривающие уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны, нельзя назвать часто используемыми правоприменителем, т.к. за последние годы наблюдается тенденция снижения числа приговоров[2].

Однако, несмотря на такую тенденцию, из г. в год, общество будоражат случаи, связанные с состоянием необходимой обороны. Сам факт выдвижения обвинения, когда сторона защиты заявляет о состоянии необ-

[2] См.: Уголовное судопроизводство // Судебная статистика РФ. URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 15.03.2022).

ходимой обороны, приводит к дискуссиям в обществе[1]. Граждане реагируют на такие случаи, заключением о несовершенстве института необходимой обороны. Опрос проведенный порталом Гарант.ру показал, что право на беспредельную оборону за факт нарушения неприкосновенности жилища поддерживает 80 процентов читателей[2].

Представители законодательного органа страны реагируют на такие ситуации новыми законодательными инициативами. Только за последние два г. было выдвинуты две законодательные инициативы[3], изменяющие институт необходимой обороны.

В феврале 2022 г., Депутаты Государственной Думы Лебедев И.В. и Нилов Я.Е. выдвинули инициативу с предложением реализации доктрины «мой дом – моя крепость». Суть доктрины, разрешить беспредельную оборону, если есть факт нарушения неприкосновенности жилища. В предлагаемой законодательной инициативе содержится пункт, «Не является преступлением причинение вреда лицу, посягающему на неприкосновенность жилища путем незаконного проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица.». То есть, речь идет о беспредельной обороне за сам факт нарушения неприкосновенности жилища[4].

По мнению авторов законопроекта, расширение реальных возможностей состояния необходимой обороны призвано выступить действенным средством противодействия преступности в современном обществе.

Связи с этим возникает вопрос обоснованности сужения превышения пределов необходимой обороны, исключив уголовную ответственность в отдельных случаях.

Прежде чем рассматривать актуальность введения беспредельной обороны за нарушение неприкосновенности жилища в России, на наш взгляд, разумно посмотреть историю беспредельной обороны за факт нарушения неприкосновенности жилища, а так же провести анализ законодательства зарубежных стран, на наличие данной нормы.

Зачатки идеи мой дом – моя крепость идет еще с Римского права в виде защиты частной собственности. Выражена она была в концепции неприкосновенности жилища. «Войти в этот дом с каким-либо злонамеренным намерением было святотатством. Домициль была неприкосновенна[5].»

В XVI в. уже в Англии термин «дом англичанина – его замок» использовался в Англии для обозначения абсолютного права человека исключать кого-либо из своего дома.

Из Англии данная концепция вместе с колонистами попала в Новый Свет, где получила дальнейшее развитие и новое понимание. Освоение нового края, для колонистов было опасным делом и часто вновь прибывшим приходилось с оружием в руках защищать свою жизнь и имущество от местного населения. Об отступлении не могло быть и речи, поскольку это означало выход из защищенной зоны и вероятную смерть[6].

В первоначальный период развития США военную опору государства составляли вооруженные граждане, которые добровольно участвовали в войнах. По мнению одного из отцов основателей США, Александра Гамильтона, для данного вооруженного ополчения, право на ношения оружия закреплено второй поправкой в Конституцию США[7].

Вышеизложенное положило начало доктрине «мой дом – моя крепость», а судебная практика конкретизировала отдельные моменты.

Основания обороны меняются в зависимости от штата, к примеру, в Техасе[8] и Нью-Йорке[9] достаточно факта нарушения частной собственности, для реализации беспредельной обороны, в то время как в Западной Вирджинии[10] обязательно, чтобы обороняющийся имел основание считать, что нарушитель неприкосновенности жилища несет угрозу жизни.

Анализ законодательства зарубежных стран показывает, что у некоторых государств отсутствует норма, предусматривающая беспредельную оборону за факт нарушения неприкосновенности жилища.

Австралийский закон о самообороне допускает беспредельную оборону в жилище, если лицо сможет доказать, что он искренне верил, что это необходимо сделать, чтобы защитить себя или свою семью[11].

Итальянский закон позволяет владельцам недвижимости защищаться силой, но требует доказательств того, что злоумышленник представлял непосредственную физическую угрозу[12].

Уголовный закон Ирландии допускает беспредельную оборону, если обороняющийся искренне считает, что есть посягательство на жизнь. Однако существует еще одно положение, которое требует, чтобы реакция на на-

[1] См.: Трагедия в Тульской области возобновила дискуссию о праве человека на защиту своего дома // Первый канал. URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2012-04-15/99757-tragediya_v_tulskoy_oblasti_vozobnovila_diskussiyu_o_prave_cheloveka_na_zaschitu_svoego_doma (дата обращения: 15.04.2022).

[2] См.: Самооборона без ответственности // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/article/549827/ (дата обращения: 09.04.2022).

[3] См.: «Мой дом – моя крепость»: в Госдуме предложили резко расширить пределы необходимой обороны, но согласны не все // Первый мультипортал km.ru URL: https://www.km.ru/v-rossii/2022/02/10/gosudarstvennaya-duma-rf/895148-moi-dom-moya-krepost-v-gosdume-predlozhili-rezko (дата обращения: 15.04.2022).

[4] См.: О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/265537-6 (дата обращения: 09.04.2022).

[5] См.: Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2010. С. 414.

[6] См.: *Браум М.Б.* Напряжение насилия: исторические исследования американского насилия и бдительности. 1 изд. Оксфорд: Oxford University Press, 1975.

[7] См.: *Гамильтон А.К.* О милиции // Федералист. 1788. № 29. С. 15.

[8] См.: Уголовный кодекс Штата Техас // Картаслов. URL: https://kartaslov.ru/книги/Уголовный_кодекс_штата_Техас/2 (дата обращения: 15.04.2022).

[9] См.: Законодательство. // Сенат Штата Нью-Йорка URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.97ad3dfd-625d4ea7-f88c1e6c-74722d776562/https/www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/35.20 (дата обращения: 15.04.2022).

[10] См.: Код Западной Вирджинии // West virginia legislature URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.273d7e6f-625d5153-9f8e9852-74722d776562/www.wvlegislature.gov/wvcode/Code.cfm?chap=61&art=1 (дата обращения: 15.04.2022).

[11] См.: Уголовный закон Австралии // Право. URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/uk-avstralii.html (дата обращения: 15.04.2022).

[12] См.: Девять граммов в сердце // Известие. URL: https://iz.ru/873657/vladimir-dobrynin/deviat-grammov-v-serdtce-italiantcam-razreshili-samooboronu-ognestrelom (дата обращения: 15.04.2022).

рушителя была такой, что другой разумный человек в тех же обстоятельствах, вероятно, использовал бы[1].

Так образом, можно сделать вывод. Право на беспредельную оборону за неприкосновенность жилища не очень распространено. В то время как законодательство других стран предусматривают угрозу владельцу частной собственности как основание для обороны, а не сам факт нарушения границы дома. Беспредельная оборона за нарушение неприкосновенности жилища, это опыт США, необходимость такой доктрины сложилось историческими причинами вышеуказанных в работе историка запада Ричарда М. Брауна. Актуальность данной доктрины сохраняется связи с наличием большого числа оружия у граждан. Риск, что нарушитель неприкосновенности жилища будет вооружен, очень велик, учитывая, что в США на 100 человек приходится 120 единиц оружия. А число незарегистрированных единиц оружия составляет 392 273 297 единиц. Эти данные приведены исследовательской службы Конгресса, в 2009 г. в США на душу населения приходилось примерно вдвое больше оружия, чем в 1968 г.: всего более 300 миллионов единиц[2].

В России число оружия на 100 человек составляет 12 единиц, это 7, 3 млн единиц оружия[3]. Число незарегистрированного оружия по приблизительным данным составляет 5 миллионов единиц стволов[4].

Предлагая беспредельную оборону за неприкосновенность жилища, авторы законодательной инициативы в пояснительной записке указали: «Предлагаемая часть 2.2 статьи 37 Уголовного кодекса РФ направлена на надлежащую самозащиту граждан от посягательств на неприкосновенность жилища. При совершении преступлений, связанных с проникновением в жилище, граждане, проживающие в данном жилище, не имеют возможности объективно оценить степень опасности посягательства. Выяснение же такой степени посягательства существенно увеличивает риск, которому подвергается обороняющийся, в том числе за счет повышения готовности посягающего к применению насилия при контакте с обороняющемся (подготовка оружия и т.п.), установления посягающим факта присутствия и места нахождения обороняющегося[5]».

На наш взгляд, введение беспредельной обороны за нарушение неприкосновенности жилища необоснованно, существующая редакция УК в состоянии справедливо квалифицировать состояние необходимой обороны. Если нарушение неприкосновенности жилища сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия то право на беспредельную оборону закреплено в ч. 1 ст. 37 УК РФ. В случае посягательства не сопряженного с насилием опасным для жизни, оборона должна быть в рамках соразмерности.

Аргумент, авторов законодательной инициативы, в виде не возможности объективно оценить степень опасности посягательства, никак не привязан к месту совершения преступления. Ситуации не возможности объективно оценить степень опасности посягательства могут наступить и без нарушения неприкосновенности жилища.

К гражданке С. после выхода из электрички столкнулась с преследование. Гражданин Н. приблизился к ней, пытался обнять ее и приближал свое лицо к ней. После отпора со стороны гражданки С. нападающий отпустил ее. Спустя время гражданин Н. догнал ее и схватил за запястья обеих рук и стал перемещать в сторону леса. В процессе борьбы ей удалось высвободить правую руку и взять в руки нож, которым она ранее резала грибы. Гражданка нанесла удар ножом, что послужило причиной смерти[6].

В данном случае фактор неожиданности помещал объективно оценить степень опасности посягательства, а не место совершение посягательства.

Гражданка была освобождена от ответственности, поскольку при посягательстве не сопряженным с насилием, опасным для жизни, ответственности не будет, если посягательство было неожиданным. Это закреплено в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ.

Второй аргумент, авторов законодательной инициативы, в виде повышенного риска которому подвергается обороняющийся при посягательстве, в том числе за счет повышения готовности посягающего к применению насилия при контакте с обороняющимся (подготовка оружия), на наш взгляд, применим к любому посягательству при необходимой обороне. И без проникновения в жилище, лицо может подготовиться к преступлению, например, выяснить маршрут движения. Однако законодатели в своей инициативе акцентируют внимание только на нарушении неприкосновенности жилища.

Так же надо учитывать, что сам факт проникновения в жилище не говорит о готовности применить насилие, опасное для жизни. Так согласно данным за 2021 год, около 5197 случаев проникновения в жилище, были связаны с кражей, 1228 случаев грабежа и 484 случаев проникновения в жилище были связаны с разбойным нападением[7].

То есть, из всех случаев проникновения в жилище, только 1/14 число совершены с применением насилия опасным для жизни, так что на наш взгляд, можно утверждать, наиболее частая причина нарушения неприкосновенности жилища это материальное обогащение без намерения причинить насилие, опасное для жизни.

Так, ветеран застрелил грабителя, который через форточку пытался попасть в дом. Позднее оказалось,

---

[1] См.: *O'Higgins P.* International En-cyclopedia of Comparative Law. 1 изд. Ireland: University Press, 1972.

[2] См.: Guns In America // National Public Radio URL: https://www.npr.org/2016/01/05/462017461/guns-in-america-by-the-numbers (дата обращения: 15.04.2022).

[3] См.: Количество оружия на руках у россиян увеличилось на 700 тыс. единиц // Российский бизнес-телеканал URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58de07119a7947aef5402b04 (дата обращения: 15.04.2022).

[4] См.: Сдать оружие! // Рос. газ. URL: https://rg.ru/2015/07/23/oruzhie.html (дата обращения: 15.04.2022).

[5] См.: Законопроект № 484589-6 // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/484589-6 (дата обращения: 15.03.2022).

[6] См.: Постановление о прекращении уголовного дела // Материалы уголовного дела URL: http://parshin.org/wp-content/uploads/2019/09/Постановление-о-прекращении-уголовного-преследования-Кудрявцева.pdf/ (дата обращения: 15.03.2022).

[7] См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 г. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 30.02.2022).

что вором был его внук. Действия ветераны были квалифицированы как убийство[1]. Признав беспредельную оборону за нарушение неприкосновенности жилища, мы признаем правомерными вышеизложенные случаи, т.е. соразмерность ценности жизни и имущества, что на наш взгляд недопустимо.

Попов К.И., аргументировал введение беспредельной обороны при обороне в жилище такими моментами:

– учитывая наличие в стране большого количества удаленных поселений и отдельно стоящих жилых домов, оборона в жилище это единственный способ защиты от преступников;

– сократит количество ошибок по судебным делам о необходимой обороне, повысив, таким образом, легитимность всей правоохранительной системы;

– преступники будут задумываться, прежде чем врываться в чужой дом[2].

Аргумент Попова К.И. в виде большого количества удаленных поселения и отдельно стоящих жилых домов, где необходимая оборона естественный способ защиты от преступников применим, на наш взгляд, ко всем преступлениям при состоянии необходимой обороны. Наличие института необходимой обороны, это реакция законодателя, на факт невозможности правоохранительных органов постоянно защищать население от посягательства, поскольку у граждан во всех случаях отсутствует круглосуточная охрана из полиции. Посягательство с нарушением неприкосновенности жилища в отдаленных районах, ни чем не выделяется из остальной массы посягательств, где так же лицо прибегает к необходимой обороне, поскольку рядом нет полиции.

Мнение Попова К.И., что сам факт беспредельной обороны будет воздействовать на преступников, на наш взгляд не обоснован. В качестве подтверждения, можно обратиться к статистке в США, где данное право уже реализовано. Согласно данным американского портала GVA (The Gun Violence Archive) за 2019 год в рамках самообороны, оружие применялось 1079 раза связи с инцидентом, связанных с вторжением в дома и квартиры. За 2020 год, оружие применялась 1197 раз[3]. На наш взгляд, если бы беспредельная оборона, за нарушение неприкосновенности жилища, действовала на преступников, то оснований для применения самообороны в жилище не было бы.

Таким образом, хотелось бы сделать вывод о том, что, в России нет предпосылок, для беспредельной обороны за сам факт нарушения неприкосновенности жилища.

[1] См.: Ветеран застрелил правнука, воровавшего из его дома // Вести. URL: https://topwar.ru/14628-87-letniy-veteran-velikoy-otechestvennoy-zarezal-grabitelya-recidivista-vorvavshegosya-k-nemu-s-nozhom.html (дата обращения: 15.03.2022).

[2] См.: Мой дом – моя крепость! // Российская библиотека научных журналов и статей академии (РАН). URL: https://naukarus.com/moy-dom-moya-krepost (дата обращения: 15.03.2022).

[3] См.: Статистика применения «огнестрела» в США // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/143773-statistika-primeneniya-ognestrelnogo-oruzhiya-v-ssha-za-shest-mesyacev-2018-goda-dannye-realnogo-vremeni-na-1-iyulya.html (дата обращения: 15.03.2022).

К.К. Макаров
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Троицкая Т.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *соматические права являются неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса личности, совмещая в себе нормы права и нормы морали. Стремительное развитие науки и техники предопределило огромный рывок в области медицины, генной инженерии, биомедицины, привело к формированию прав нового поколения, которые предоставляют человеку возможность распоряжаться своим телом. В связи с этим существует необходимость рассмотрение правового регулирования соматических прав в России.*

Ключевые слова: *соматические права, правовое регулирование, эвтаназия.*

Обозначение в юридической литературе соматических прав как самостоятельной группы прав и свобод произошло в начале XXI в. Термин «соматический» происходит от древнегреческого слова «soma» – тело, в самом общем виде определяя «соматический» как связанный с телом, телесный, часто используемый в первую очередь в биологической и медицинской науках.

Профессор В.И. Крусс определяет соматические права как личностные, и указывает, что они представляют собой группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами[4].

К данным правам в настоящее время относят: право на смерть (эвтаназия), изменение пола, половая свобода, трансплантация органов, клонирование, генетическая и половая самоидентификация, употребление психотропных средств, право на искусственное репродуктирование, стерилизацию, аборт. А.И. Ковлер отмечает, что речь чаще всего идет о правах на манипуляции с телесной субстанцией[5].

Но главным вопросом исследования является правовое регулирование соматических прав в Российской Федерации. Нормы современного конституционного права России сформировались в начале 90-х гг. прошлого века, они вобрали в себя наиболее передовые идеи и устоявшиеся конституционные конструкции того времени.

Так, право на жизнь в Конституции РФ закрепляется в ст. 20, которое уберегает нас от произвольного лишения

[4] См.: *Крусс В.И.* Личностные (соматические) права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 1. С. 43.

[5] См.: *Ковлер А.И.* Антропология права. М.: НОРМА, 2002. С. 425.

жизни посредством смертной казни[1]. Такая норма закреплена всеми международно-правовыми актами о правах человека (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод и т.д.).

Смертная казнь – это высшая мера уголовного наказания, заключающаяся в лишении жизни человек. В подавляющем большинстве демократических стран смертная казнь не применяется, иногда смертная казнь допускается исключительно конституциями при определенных обстоятельствах и по приговору суда.

Международные конвенции допускают лишение жизни в результате абсолютно необходимого применения силы в целях защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта и мятежа[2].

В 90-х годах во время разработки Конституции вопрос конституционного запрета или же наоборот закрепления стал особенно дискуссионным. Ряд религиозных и общественных организаций выступали за конституционный запрет смертной казни, ссылаясь на пример некоторых Европейских стран. Исторически, религиозные организации пользуются аргументом: «жизнь человека это исключительная компетенция Бога как в части давать жизнь, так и отбирать ее у человека». Наше мнение состоит в том, что именно это и оказало влияние на закрепление в Конституции РФ таких слов – («впредь до ее отмены»). Таким образом, правотворцы попытались найти компромисс с данными религиозными и общественными организациями.

Стоит перечислить и Конституционные гарантии, призванные минимизировать применение данной меры наказаний: 1. смертная казнь должна рассматриваться как исключительная мера наказания, т.е. иметь альтернативу в виде лишения свободы на определенный срок, с тем чтобы суд всегда имел возможность выбора меры наказания; 2. смертная казнь должна устанавливаться только федеральным законом; 3. при угрозе применения смертной казни обвиняемый имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей; 4. смертная казнь может применяться только за особо тяжкие преступления против жизни (т.е. в отношении лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, за террористические акции и бандитизм, если они привели к гибели людей)[3].

На состояние апреля 2022 г. в РФ не применяется смертная казнь на основании протокола № 6 Конвенции о правах человека, постановлении Конституционного суда РФ от 02.02.1999 № 3-П и определения Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р. Однако именно в 2022 г. в связи в произошедшими событиями, а в частности с выходом России из Совета Европы 15 марта 2022 г., вероятность пересмотра данной нормы значительно увеличилась.

Актуальным вопросом в правозащитной системе является эвтаназия. Данное явление с самого зарождения было спорным, однако после окончания второй мировой войны и гуманным веяниям было запрещено или нерегламентированно в большинстве стран мира. Относительно недавно, к концу XX в. многие страны снова решили рассмотреть этот вопрос.

Чтобы привести в пример страны в которых эвтаназия разрешена, стоит разобраться в её видах, т.к. понимают её правотворцы. Эвтаназию можно подразделить на активную и пассивную. Активная эвтаназия это искусственные, целенаправленные действия компетентного субъекта (например врача или медицинского консилиума), результатом которых является биологическая смерть человека. Пассивная эвтаназия заключается в отказе больного от помощи врачей или же самоустранение врача от жизнеподдерживающих процедур, которые не дают человеку умереть. Как правило, условием при этом является то, что: 1. У человека нет шансов или они очень малы, вернуться к полноценной жизни. 2. Человек испытывает сильные или продолжительные мучения от боли, которые в перспективе тоже невозможно вылечить. В законодательствах это различие часто упускается и не учитывается. Сейчас страны-сторонники эвтаназии рассматривают её как возможность избавить человека от физических или душевных мучений.

На состояние 2022 г. пассивная эвтаназия в том или ином виде законодательно разрешена более чем в 20 странах, как пример Израиль, Германия, Южная Корея и пр., а активная эвтаназия допускается, только в Люксембурге, Нидерландах, Колумбии, Бельгии, Канаде, Испании, Швейцарии, Новой Зеландии.

В Российской Федерации существует прямой запрет на эвтаназию, который закреплен в ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Указано следующее: медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, т.е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента[4].

Против эвтаназии в РФ активно выступает церковь. Представители различных конфессий утверждают, что жизнь, какой бы тяжелой она ни была, дается человеку свыше и не может быть насильственно прервана, а сознательный уход из жизни просто недопустим[5].

Пассивная эвтаназия в законодательстве РФ пряма не указана, что приводит к её латентности. Так как за пациентом закрепляется право отказаться от дальнейшего лечения или иного медицинского вмешательства, что указано в ст. 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», то смерть может наступить по его желанию, т.к.

---

[1] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 2020. № 31, ст. 4398.

[2] См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. 1998.

[3] См.: *Пирвелиева А.С.* Соматические права как аспект конституционного права на жизнь // Проблемы совершенствования законодательства: сб. науч. статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). Махачкала, 2019. С. 322–325.

[4] См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[5] См.: *Смолькова И.В., Исаев Ю.С., Ободенко Н.П.* Эвтаназия в Российском правовом поле: вопросы теории и практики // Криминалистический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 86–94.

здоровье человека не будет поддерживаться препаратами и необходимыми медицинскими вмешательствами.

Многие в рамках этого вопроса говорят о перекладывании ответственности за свою смерть в руки врача, который согласился с отказом от лечения или осуществил процесс умерщвления человека. Вопрос дискуссионный и во многом зависит не только от правовой системы страны, но и от мировоззрения и морали на которых стоится общество конкретного государства.

Третьей проблемой в соматических правах, которая стоит наиболее остро – аборт. При рассмотрении права женщины на совершение аборта неизбежно будут затрагиваться как моральные, так и нравственно-этические аспекты данной проблемы. Общеизвестный факт заключается в том, что в большинстве случаев решение о прерывании беременности принимается только самой женщиной, т.к. это «сугубо личная, интимная проблема, которая никого, кроме самой женщины, не должна касаться, и в которую никто не должен вмешиваться»[1].

Аборт – искусственное прерывание беременности. В соответствии с российским законодательством, искусственное прерывание беременности по желанию женщины проводится при сроке беременности до 12 недель, а при наличии медицинских показаний до 22 недель. Современное российское законодательство одно из самых либеральных законодательств в мире в отношении абортов, оно базируется на ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой, основные права и свободы человеку принадлежат от рождения.

В противовес закрепленному положению в США, Ирландии и Словакии признают и гарантируют право на жизнь человека до его рождения и «на сколько это возможно защищают и поддерживают своими законами это право». Это связано с абсолютистской теории в рамках естественно-научной доктрины, в которой эмбриону предоставляется государственная защита его прав.

В Российской Федерации на законодательном уровне дано право женщине самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия[2]. Законодатель закрепляет, что аборт это в первую очередь желание женщины, ее непосредственное и личное волеизъявление. Согласие третьих лиц роли не имеет. Странным выглядит то, что при законодательном закреплении права на аборт, женщины продолжают делать эту процедуру незаконными способами. Под незаконными способами понимается: «искусственное прерывание беременности, производимым лицом, не имеющим медицинский сертификат по специальности врач акушер-гинеколог[3]».

Соматические права имеют огромное значение в юридической сфере, правовые системы различных государств в зависимости от морально-нравственных основ учитывают и регулируют права человека на эвтаназию, аборт, смену пола и многое другое.

Право человека на жизнь, которая появляется согласно российскому законодательству от рождения, самое важное и ценное соматическое право. Смертная казнь, как исключительная мера уголовного наказания, запрещена в большинстве стран, и этот запрет закреплен на международном уровне в ряде конвенций и деклараций. В Российской Федерации закреплены гарантии против произвольного применения смертной казни, но предусмотрена возможность ее применения по решению суда.

Эвтаназия также непосредственно затрагивает право на жизнь, или с другой точки зрения на смерть. В ряде стран человек волен выбрать момент ухода из жизни посредством медикаментозной эвтаназии. В Российской Федерации. в связи выстроенной системой моральных принципов, эвтаназия запрещена. Но если рассматривать возможное использование так называемой пассивной эвтаназии, человек волен сознательно отказаться от оказания медицинской помощи или иного медицинского вмешательства, которое поддерживает его жизнь. При этом человек может желать наступления смерти в связи с причиняемыми ему мучениями в ходе болезни.

Аборт наиболее распространенная и дискуссионная проблема в системе соматических прав. В РФ он легализован. Федеральное законодательство закрепляет право женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится также по желанию женщины. Правительством РФ устанавливаются социальные и медицинские показания для искусственного прерывания беременности.

Таким образом, соматические права являются неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса личности, совмещая в себе нормы права и нормы морали. Стремительное развитие науки и техники предопределило огромный рывок в области медицины, генной инженерии, биомедицины, привело к формированию прав нового поколения.

[1] См.: *Антипова Н.Д.* Аборт как этическая проблема: дис. … канд. филос. наук. М., 2005. С. 3.

[2] См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[3] См.: *Кондрашова М.А., Ламихова О.К.* Юридический аборт или право мужчины на аборт / Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях. сб. науч. ст. / науч. ред. Т.А. Колесникова. М., 2020. С. 62–66.

Т.В. Маремшаов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Пресняков М.В.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПЕТИЦИЯ – КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СПРАВЕДЛИВЫХ ТРЕБОВАНИЙ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ВЛАСТИ

Аннотация: *в статье исследуется правовая природа петиции и ее содержание как одной из форм коллективного обращения граждан, адресованного органам государственной власти и местного самоуправления. Проводится разграничение с другими традиционными обращениями граждан.*

Ключевые слова: *петиция, коллективное обращение, обращение граждан.*

В числе основ отечественного конституционализма, декларируемых Основным законом страны, называется принцип народовластия. По смыслу Конституции РФ его практическое воплощение осуществляется посредством различных форм, как самостоятельных, так и объединенных в отдельные институты, обладающих уникальными механизмами реализации, в числе которых в последнее время многими исследователями особое внимание акцентируется на петициях – самостоятельной разновидности коллективных обращений граждан[1]. Актуальность данному вопросу и необходимость привнесения права петиций, как самостоятельной разновидности обращений граждан, на почву отечественного законодательства, придала проводимая административная реформа, одним из вопросов которой является формирование надежных механизмов досудебной защиты прав граждан и их объединений. Кроме того, столь повышенное внимание к петиции может быть объяснимо происходящими на международной арене геополитическими процессами, активной участницей которых, в том числе, является и Россия, все большей интеграцией нашей страны в мировое сообщество.

Признание Россией общепризнанных норм и принципов международного права, требует не только их соблюдение, но и отражение в национальном законодательстве для целей практического применения. О правильности сделанного вывода косвенно свидетельствует и конституционное положение о включение соответствующих международно-правовых норм в отечественную правовую систему с наделением их приоритетом над действующим законодательством (ст. 15 Конституции РФ). Однако этому предшествует достаточно длительный процесс их внедрения, связанный, в том числе, и с научным изучением соответствующей проблематики. Нечто подобное сейчас происходит и с институтом петиций.

Петиция как одна из форм коллективного обращения граждан, достаточно широко представлена в нормах международного права и национальном законодательстве большинства зарубежных государств, в отечественном праве практически не раскрыта. Действующее законодательство, регулирующее вопросы обращений граждан в органы власти и управления, не упоминает ее ни в числе разновидностей обращений в целом, ни в качестве формы коллективных обращений в частности. Единственное упоминание о петициях – как о форме реализации конституционных прав граждан, включая право на обращение, содержится в ФЗ от 10 января 2002 № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды"[2], и некоторых нормативных правовых актах субъектов РФ[3].

Однако это не является препятствием на пути исследования ее правовой природы и содержания, возможности включения в отечественное правовое пространство. Основываясь на практике применения международно-правовых норм, законодательстве зарубежных стран и проекте ФЗ «О петициях в Российской Федерации», абсолютное большинство исследователей данного вопроса склоняется к мысли, что петиция является одной из форм коллективного обращения граждан, адресованного органам государственной власти и местного самоуправления[4].

Соглашаясь со сделанным выводом о том, что петиция является разновидностью коллективного обращения граждан, его своеобразной формой, остается уяснить, ее особенности, позволяющие выделить ее из общей массы обращений.

В самом общем виде под петицию определяют как коллективное обращение граждан к органам государственной власти и местного самоуправления с целью принятия ими решения по какому-либо вопросу, имеющему значение для всего или части населения муниципального образования или региона. Представленная формулировка в свою очередь породила множество разногласий во взглядах на роль и место петиций в системе обращений граждан в органы власти и управления. Практически единогласно признавалась, что петицию было бы неверно приравнивать и к обычным коллективным обращениям. Будучи их разновидностью, она вместе с тем отличается от коллективных обращений граждан по своему предмету и процедуре оформления.

По достаточно устоявшемуся в теории и закрепленному в законодательстве ряда субъектов РФ представлению отличие петиции от обычных коллективных обращений состоит в том, что, во-первых, петиции направляются по вопросам, затрагивающим интересы всего государства и общества, во-вторых, подлежат рассмотрению не сотрудниками органов-адресатов, а этими органами в целом. Кроме того, в петициях в большей степени выражена политическая направленность коллективной воли граждан.

Предмет петиции – один из существенных моментов, определяющих возможность ее существования как самостоятельной формы коллективного обращения граждан к органам власти и управления. Предположительно это должны быть наиболее важные для общества проблемы, разрешение которых должно осуществляться исключительно сверху, посредством принятия отдельных мер или комплекса, являющихся частью внутренней политики государства.

Так, если предмет обращений (предложений, заявлений, жалоб) практически неограничен, к нему относятся любые вопросы, волнующие граждан, то предмет петиций

---

[1] См., например: *Нудненко Л.А.* Концепция Федерального закона «О петициях граждан Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6; *Фролов Е.С.* Обращения граждан как форма их участия в управлении делами государства // Гражданин и право. 2000. № 6.

[2] См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133

[3] См, например: Устав (Основной закон) Алтайского края, принят Алтайским краевым Законодательным Собранием 26 мая 1995 г. № 3-ЗС; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // СЗ РФ. 1996. № 4, ст. 409.

[4] См.: *Подъячев К.В.* Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия : дис. … канд. полит. наук. М., 2007; *Подъячев К.В.* Обращения граждан во власть: функциональные особенности // Социологические исследования. 2007. № 5; *Курманов Э.Р.* Право граждан на обращение как форма реализации права на участие в местном самоуправлении // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 2; *Булаков О.* Нормативно-правовое регулирование реализации гражданами конституционного права на обращения // Независимый научно популярный журнал. № 135 (9). 2009; *Миронов М.А.* Обращения граждан в системе защиты прав человека // Журнал российского права. 2001. № 11.

должен быть определен законом. Им являются вопросы, имеющие значение для всего или части населения муниципального образования, региона[1]. К их числу потенциально относят, затрагивающие проблемы улучшения функционирования системы государственной власти и местного самоуправления, совершенствования правового регулирования, иные вопросы в экономической, политической, социальной, духовно-культурной и других сферах жизни общества. В таком виде предмет петиций был представлен в определении последней проектом Федерального закона «О петициях в Российской Федерации».

Стоит отметить, что подача петиции не должна преследовать своей целью получение разъяснений о нарушенных, по мнению обратившихся, их прав и законных интересах, а равно оспаривать принятые на этот счет решения органов власти и управления. В тексте петиции должны содержаться предложения, выражающие мнение по определенному вопросу, имеющему общественное значение, одновременно, преследующие цель оказать воздействие на деятельность государственных органов по поводу данного явления общественной жизни. По мнению ряда авторов, петиции не только в обязательном порядке подлежат рассмотрению, но и удовлетворению, если не содержат в себе неустранимых противоречий с действующим законодательством[2].

В таком случае, петиция имеет двоякое содержание, направленное на защиту как сугубо частных интересов, так и интересов объединенной общности лиц. В последнем случае, текст петиции несет некий политический подтекст, затрагивающей сложившиеся основы и порядок управления. В представленной конструкции имеются и рациональные доводы. В праве петиций, рассматриваемом, как право обращаться к законодательной власти с просьбой об изменении законов, несомненно, имеется политический элемент. Значение его может быть совершенно различно в зависимости от окружающей обстановки.

Наряду с этим в юридической литературе было высказано мнение, что петицию, которая может быть лишь частью, элементом состава референдума, выборов, отзыва, плебисцита и общего собрания населения, нельзя относить к самостоятельным формам прямого правления[3].

Однако, представленные доводы идут вразрез с практикой отечественного нормотворчества. Примером тому, служат положения законопроекта «О петициях в Российской Федерации», внесенного на рассмотрение Государственной Думы Совета Федерации РФ Государственно-правовым управлением Администрации Президента РФ.

В традиционном представлении петиция является результатом, оформляющим, принятое на митинге, собрании или сходе граждан, решение, выражающее волю большинства его участников. Принципиальным отличием петиции от коллективного обращения, поданного по результатам митинга (собрания) наряду с ее содержанием, является количество участников, ее подписавших. Количественный критерий одновременно проводит разграничения между подписным листом для сбора подписей в поддержку инициативы проведения референдума.

Законопроектом «О петициях в Российской Федерации» предусматривается, что в поддержку петиций должно быть собрано от 2000 до 50000 подписей, в зависимости от занимаемого получателем петиции уровня в сложившейся системе власти. Для субъектов федерации количество подписей должно быть определено соответствующим законодательным актом, но не более половины процента от общей численности избирателей в данном субъекте РФ. Если законом субъекта РФ требуемое количество подписей не определено, оно составляет две десятых процента от общего числа избирателей в данном субъекте РФ.

Подобный подход позволяет вести речь о петиции как самостоятельной форме народного участия в управлении делами государства, наравне с такими его проявлениями как референдум, подготовка к проведению выборов, коллективные обращения. Таким образом, петиции могут выступать как один из рычагов влияния на власть, в принятии того или иного социально-необходимого решения. Выражая волю достаточно широкого круга лиц, она фактически отражает общественное мнение на принимаемые властью решения, давая им оценку, с точки зрения справедливости для населения страны.

В связи с тем, что право на подачу петиции по своей правовой природе отличается от традиционных обращений граждан, процедура подачи петиции должна быть выделена в отдельное производство. Окончательную ясность в решение вопроса о месте петиции в системе обращений граждан принятие соответствующего закона и разработки на его основе механизма реализации права граждан на обращение с петициями в органы государственной власти.

[1] См.: *Нудненко Л.А.* Концепция Федерального закона «О петициях граждан Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6.

[2] См.: *Любимов А.П.* Лоббизм как конституционно-правовой институт. М., 1998. С. 103.

[3] См.: *Нудненко Л.А.* Концепция Федерального закона «О петициях граждан Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6.

А.И. Марцоха
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Кобзева Е.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов

КОНТРАБАНДА НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: *в настоящей работе подвергается осмыслению преступление, закреплённое ст. 2001 УК РФ. На основе материалов судебной практики анализируются признаки состава контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов и определяется соответствие уголовно-правового содержания данного общественно опасного деяния реальным целям его криминализации.*

Ключевые слова: *контрабанда, денежные средства, денежные инструменты, судебная практика.*

Современные геополитическая и экономическая ситуации в стране свидетельствует о том, что валютное регулирование и валютный контроль приобретают особый статус в качестве важнейших элементов механизма финансовой стабилизации и экономической безопасности государства. Этот факт подтверждается, в том числе, указом Президента РФ, запрещающим вывоз из РФ наличной иностранной валюты и денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долларов США и рассчитанной по официальному курсу ЦБ РФ, установленному на дату вывоза.

Согласно данным Центрального Банка РФ, последние 4 г. наблюдается рост чистого оттока капитала из нашей страны. Так, только за первые три месяца 2022 г. из страны вывезено 64,2 млрд долларов, для сравнения за весь 2021 г. данная цифра составила 72 млрд долларов[1].

Еще в 2013 г. законодателем предприняты меры по введению уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, однако разработка и принятие закона были связаны с необходимостью имплементации в национальное законодательство рекомендаций ФАТФ[2], а также противодействия легализации денежных средств, добытых преступным путем, использующихся для финансирования терроризма и в иных целях, подрывающих экономические и социально-политические основы государства.

Следует отметить, что данный состав преступления не является нововведением, ранее он входил в состав преступления, предусмотренный ст. 188 «Контрабанда» УК РФ, однако в 2011 г. контрабанда была декриминализирована[3]. Интересным является тот факт, что первоначально законодатель хотел включить данную норму в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ, но против данной инициативы выступил Верховный Суд РФ, отметив, что в диспозиции данной статьи отсутствуют какие-либо признаки деяния, которые бы свидетельствовали о посягательстве на общественную безопасность[4].

За относительно небольшой промежуток времени, истекший с момента повторной криминализации данного деяния, состоялось научное осмысление анализируемого общественно опасного деяния, стала нарабатываться практика применения данной нормы.

Деяние, за которое предусмотрена ответственность ч. 1 ст. 200[1] УК РФ[5], заключается в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, совершенном в крупном размере.

По нашему мнению, исследуемое преступление посягает не только на общественные отношения, обеспечивающие стабильность и устойчивость внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля, но и на отношения, складывающиеся в обществе по поводу противодействия финансированию терроризма и легализации денежных средств, добытых преступным путем. По справедливым оценкам специалистов, перевозка наличных, как правило, связана с отмыванием преступных доходов, финансированием терроризма, нелегальными внешнеторговыми операциями.

Исходя из анализа материалов судебной практики, доводы осужденных о том, что данное деяние не причиняет реального ущерба экономике России, а влечет убытки и причиняет вред лишь законным владельцам денежных средств, не находят поддержки у судей. Так, в апелляционном постановлении от 10.06.2014 по делу № 22-3424/2014 сторона защиты в обоснование своих доводов заявила, что подсудимый совершил данное преступление по небрежности, его деяние состояло лишь в неуведомлении таможенных органов о ввозе денежных средств, которое не наносило никакого реального экономического ущерба России[6].

Под предметом контрабанды понимают наличные денежные средства и денежные инструменты, в качестве которых выступают дорожные чеки, векселя, банковские чеки, а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата.

При этом в абсолютном большинстве случаев предметом анализируемого преступления выступают именно наличные денежные средства. Во многом это объяснимо проблемами идентификации денежных инструментов, возникающими в деятельности сотрудников правоохранительных органов ввиду отсутствия у них необходимых профессиональных знаний о денежных инструментах и об их внешних признаках. Косвенным подтверждением этому является проведенный исследователями опрос сотрудников Дальневосточного таможенного управления[7]. Помимо этого, в нашей стране не установлена правовая природа дорожных чеков, отсутствует легальная их дефиниция, в отличие от США, где дорожные чеки являются средством платежа за товары и услуги[8].

Сложным и дискуссионным вопросом является признание предметом преступления ценных бумаг, которые одновременно должны иметь документарную форму

---

[1] См.: Отток капитала из России по годам: 1994–2022 // iFinance. URL: http://global-finances.ru/ottok-kapitala-iz-rossii-po-godam/ (дата обращения: 20.04.2022).

[2] См.: ФАТФ – Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF), учреждена «семеркой» при участии Европейской комиссии в ходе Парижской встречи G7 в июле 1989 г. URL: http://www.fedsfm.ru/ activity/fatf (дата обращения: 20.04.2022).

[3] См.: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2011. 9 дек.

[4] См.: *Красник С.В.* Контрабанда денежных средств и денежных инструментов как новелла уголовного законодательства // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых / отв. ред. М.Г. Янин. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014. С. 352–354.

[5] См.: Уголовный кодекс РФ (с изм. и доп. от 25.03.2022 № 63-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 13, ст. 1952.

[6] См.: Апелляционное постановление Московского областного суда от 10.06.2014 по делу № 22-3424 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] См.: *Ершов Н.А.* Объект контрабанды по российскому законодательству // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 208–210.

[8] См.: § 3-104. NEGOTIABLE INSTRUMENT. | UCC – Uniform Commercial Code | LII / Legal Information Institute. URL: http://www.law.cornell.edu/ucc/3/3-104 (дата обращения: 24.04.2022).

(бездокументарные ценные бумаги предметом рассматриваемого преступления не являются), удостоверять обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств и в них не должно быть указано лицо, уполномоченное требовать по ним исполнения.

Исходя из изложенного, в качестве ценных бумаг предметом преступления может быть облигация на предъявителя, сберегательные книжки на предъявителя и сберегательный (депозитный) сертификат на предъявителя, остальные виды ценных бумаг не соответствуют указанным условиям. Однако некоторые авторы высказывают точку зрения о том, что ценными бумагами в данном случае следует признавать только облигации[1]. Некоторые авторы считают необходимым расширить круг ценных бумаг и отнести к ним сертификаты, предоставляющие право на государственные облигации, или акции, денежные сертификаты и купоны независимо от их использования[2], как это сделано в Законе Японии «Об иностранной валюте и внешней торговле» 1949 г. № 228[3].

Таким образом, представляется, что в соответствии с действующим законодательством РФ предметом преступления, предусмотренного ст. 200[1] УК РФ, помимо наличных денежных средств, являются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), облигации на предъявителя, банковские книжки на предъявителя и сберегательные (депозитные) сертификаты на предъявителя, а для более эффективного применения нормы необходимо расширить данный перечень сертификатами и купонами, выданными на такие ценные бумаги, что позволит обеспечить наибольшую прозрачность трансграничных валютных операций, усилит эффективность мер по противодействию легализации денежных средств, добытых преступным путем, и финансированию терроризма.

Важным фактором квалификации совершенного деяния в качестве преступления является крупный размер, под которым понимается сумма, которая в два раза превышает размер, разрешенный таможенным законодательством для перевозки без письменного декларирования (10 тыс. долларов США), т.е. при превышении суммы, эквивалентной 20 тыс. долларов США. Необходимо отметить, что перерасчет валюты происходит по курсу Банка России на день совершения преступления.

По результатам проведения анализа судебной практики по данной категории дел можно сделать вывод, что более половины осужденных по ч. 1 ст. 200[1] УК РФ незаконно перемещали через Таможенную границу денежную сумму от 20 тыс. до 30 тыс. долларов США, 33 % – от 30 тыс. до 40 тыс. долларов США, 13 % – свыше 40 тыс. долларов США.

Объективная сторона преступления состоит в незаконном перемещении предмета контрабанды через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС либо государственную границу РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС. В УК РФ не раскрывается понятие «незаконное перемещение», в связи с чем необходимо обратиться к положениям отраслевого законодательства.

Согласно п. 25 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС, незаконное перемещение представляет собой «перемещение товаров через перемещение товаров через таможенную границу Союза вне предусмотренных таможенным законодательством мест, или вне времени работы таможенных органов, находящихся в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным таможенным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации»[4].

Итак, с учётом приведённого нормативно-правового определения, незаконное перемещение следует усматривать не только в случаях перемещения товаров вне установленных мест, но и в предусмотренных законодательством местах, однако вне времени работы таможенных органов, с сокрытием предмета контрабанды от различных форм таможенного контроля, которое может выражаться как в недекларировании товара, так и в указании в таможенной декларации недостоверных сведений о товаре, в том числе с использованием поддельных документов, которые обязательны для предъявления при перемещении денежных средств свыше 100 тыс. долларов США. В последнем случае, согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ[5], при использовании поддельных документов (справок о снятии денежных средств, договора банковского займа и т.д.), изготовленных другим лицом, дополнительная квалификация по ст. 327 УК РФ не требуется, а в случае использования официального документа, подделанного самим субъектом преступления, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 200[1] и 327 УК РФ.

В ходе анализа судебной практики по ст. 200[1] УК РФ установлено, что незаконность перемещения денежных средств выражается именно в недекларировании денежных средств и (или) денежных инструментов.

Контрабанда относится к числу преступлений с формальным составом, в связи с чем преступление считается оконченным независимо от наступления каких-либо последствий. Однако момент окончания зависит от ряда аспектов: если контрабанда осуществляется при ввозе или вне установленных мест, в неустановленное время, то преступление окончено с момента фактического перемещения, а при недостоверном декларировании – с момента, когда виновный предоставил таможенному органу таможенную декларацию либо иной документ, допуска-

[1] См.: *Урда М.Н.* О проблемах применения нормы об ответственности за контрабанду денежных средств и (или) денежных инструментов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 139–143.

[2] См.: *Марковский М.С.* Проблемы определения предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 160, 161.

[3] См.: Foreign Exchange and Foreign Trade Act 1949 – Act No. 228 of December 1. 1949. URL: http://www.asianlii.org/jp/legis/ (дата обращения: 20.04.2022).

[4] См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата публикации: 09.01.2018).

[5] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (с изм. и доп. от 11.06.2020 № 7) «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6; 2020. № 8.

ющий ввоз на таможенную территорию Союза или вывоз с этой территории товаров или иных предметов в целях их незаконного перемещения через таможенную границу.

Местом совершения анализируемого преступления является таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственная граница РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Подавляющее большинство преступлений рассматриваемой категории выявляется в пунктах пропуска в международных аэропортах, международных автомобильных пунктах пропуска, и выявляются в ходе применения таких форм таможенного контроля как устный опрос или при проведении личного досмотра. В подавляющем большинстве денежные средства перемещаются в дорожной сумке, ручной клади или портфеле либо в верхней одежде, под водительским сидением. Так, самую крупную контрабанду наличных денежных средств за 2020 г. в размере 161,5 тыс. евро и 3 кг золота стоимостью около 19 млн руб. обнаружили под водительским сидением автомобиля, который следовал в Латвию[1].

Субъект анализируемого состава преступления – общий, т.е. уголовной ответственности подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Исходя из анализа судебной практики, портрет преступника можно дополнить такими чертами, как наличие постоянной работы, отсутствие судимости, положительная характеристика по месту работы и жительства, наличие на иждивении детей.

Важным аспектом анализируемого состава преступления является субъективная сторона, которая может быть выражена только прямым умыслом. Именно с доказыванием субъективной стороны преступления на практике возникают проблемы, поскольку большинство доводов осужденных и их защитников сводится к незнанию правил перемещения денежных средств. Однако судьи справедливо не принимают данный довод во внимание, отмечая, что у лица имелись возможности для получения необходимой информации о порядке их перемещения.

Подводя итог, следует отметить, что факты незаконного перемещения денежных средств через таможенную границу достаточно распространены. Однако цели криминализации данного общественного деяния, связанные с противодействием финансированию терроризма и легализации денежных средств, практически не достигаются. Это свидетельствует о том, что в условиях значительного объема вывода денежных средств за границу правоохранительная система страны, вероятно, не готова к борьбе с наиболее опасными видами контрабанды.

[1] См.: ФТС раскрыла самые крупные и необычные случаи контрабанды валюты // banki.ru. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10916727 (дата обращения: 18.04.2022).

А.В. Мельников
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Разгильдиев Б.Т.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОРЯДОК ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье в ходе оценки системы исполнения наказания в виде ограничения свободы сделан ряд заключений, в частности, о том, что она не лишена проблем как умозрительного, так и практического свойства. Автор представил свои суждения по поводу определения базовых проблем данной системы и сделал ряд предложений по их устранению.*

Ключевые слова: *ограничение свободы, система наказаний, назначение наказания, исполнение наказания.*

Как известно, любой вид уголовного наказания сам по себе позитива не представляет. Наказание приобретает его при установлении порядка его отбывания и исполнения. Уголовно-исполнительное право и регламентирует строго определенный порядок исполнения соответствующего вида наказания. При этом, надо понимать, что суть порядка заключается в обеспечении целей наказания: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждение преступлений. Важно подчеркнуть, что названные цели достигаются особенностями порядка, характеризующими каждый вид наказания.

В ходе оценки системы исполнения наказания в виде ограничения свободы становится очевидным, что его применение выявило многочисленные значимые проблемы умозрительного и фактического свойства. Проведенное исследование показало, что судебными ведомствами допускаются значимые просчеты в процессе вынесения приговора об этом наказании, которые, в свою очередь, обусловливают сложности его последующего осуществления. Допущенные накладки и упущения вызваны не столько некомпетентностью или халатностью тех или иных судей, сколько наличием ряда недостатков в юридическом регулировании этого наказания.

Считаем значимым и актуальным проведение научного анализа ограничения свободы как уголовного наказания, исторического процесса его формирования и эволюционирования, содержательного наполнения, правоприменительного опыта его отбывания, сравнительного анализа его и прочих институтов как отечественного, так и западного права, создания теоретически-аргументированных подходов к разрешению проблем его назначения и реализации, улучшения продуктивности.

Суть уголовной ответственности не ограничивается лишь тем, что любые социально опасные действия и, разумеется, лица, их совершившие, осуждаются и порицаются государством. Она заключается также в том, что данные лица должны претерпеть определенные лишения, и их права и свободы должны быть ограничены в установленных законодательством рамках. Но при этом то,

что преступник должен страдать, не есть видов и мера наказания.

Одним из направлений нынешнего противодействия преступности, осуществляемого большей частью цивилизованных государств планеты, выступает действенное использование наказаний, которые не имеют ничего общего с заключением правонарушителя под стражу. Россия числится третьей по списку среди держав, правонарушители которых пребывают в тюрьмах. По этой причине для нее вопрос ограничения практики подобных способов наказания в ходе противодействия преступности представляет собой злободневную проблему.

В государственной деятельности Российской империи и Советского Союза по защите сограждан от преступных проступков ограничение свободы не использовалось. Не возник этот вид наказания и вследствие развития всего лишь одного, применяющегося в данной сфере наказания или какого-либо другого юридического института. На процесс его формирования повлияли разные юридические институты административного, уголовно-исправительного и уголовного права, функционировавшие в эти исторические периоды. Он сформирован из их составляющих:

а) административного надзора;

б) мер общественной защиты в форме лишения права проживания в той или иной местности, лишения права проживания на территории Советского Союза в течение того или иного временного промежутка, лишения права проживания на территории РСФСР или той или иной местности с принуждением проживания в другой местности или без этого;

в) практики ухода от наказания посредством условного освобождения из заключения с непременным отбыванием трудовой повинности;

г) меры уголовно-юридического свойства в форме условного срока с непременным отбыванием трудовой повинности;

д) уголовных наказаний в форме ссылки, высылки, милицейского надзора[1].

Включение в уголовное право России ограничения свободы как одной из разновидностей уголовного наказания было предопределено наличием перечисленных ниже аспектов внутригосударственного и глобального характера:

1) объективным развитием во всем мире системы мер, не состоящих из заключения осужденных под стражу, предопределившим актуальность изменения отечественного уголовного права, его коррелированности принципу достаточного основания и завершенности других вариантов уголовного наказания, установленному международным законодательством;

2) отстаиванием со стороны международных организаций позиции, что в нынешней России необходимо обязательно ввести в обиход использование технологических инноваций, предназначенных для присмотра надзорными службами за осужденными;

3) насущной внутренней необходимостью отечественной правовой системы в ликвидации состояния, характеризующегося отрывом свойства и размера ограничений наказания в виде отбывания срока в тюрьме от иных, более прогрессивных способов, не имеющих отношения к изоляции преступника от социума[2].

Под словосочетанием «ограничение свободы» подразумеваются указанные судебным ведомством запреты и обязанности для осужденного, требующие от него соблюдения и осуществления на протяжении предписанного судебным органом срока под контролем уголовно-исполнительной инспекции (УИИ) с осознанием того, что если он не будет соблюдать эти запреты и не будет выполнять эти обязанности, то ему придется ответить по закону.

Наблюдение за лицом, совершившим преступление и приговоренным к ограничению свободы, состоит в осуществлении определенной работы (соразмеряющейся с Уголовно-исполнительным кодексом и принятыми органами государственного управления, выполняющими исполнительные функции, законодательными актами) УИИ по мониторингу в продолжение определенного судебным ведомством временного промежутка поведения осужденного, соблюдения и выполнения им предписаний ведомства в виде запретов и обязанностей и при необходимости в реагировании посредством осуществления установленных законом мер влияния[3].

В список указанных судебным ведомством обязательных запретов для человека, приговоренного к ограничению свободы, входит:

1) лишение права покидать территориальные рамки, относящиеся к муниципальному району, в котором живет лицо, преступившее закон;

2) лишение права смены места жительства без согласования этого вопроса с соответствующим госорганом (УИИ).

Также судебным ведомством могут быть установлены дополнительные запреты:

1) лишение права покидать место жительства (квартиру, дом, другой вид жилья, в котором проживает лицо, преступившее закон) в то или иное время дня или ночи. Исключением может быть выход на работу или посещение учебного учреждения;

2) лишение права посещать те или иные места, размещенные в территориальных рамках муниципального района, в котором проживает лицо, преступившее закон;

3) лишение права участия в мероприятиях с большим скоплением людей и других подобных акциях;

4) лишение права на смену места работы и/ или учебы без согласования этого вопроса с УИИ;

5) лишение права общения с теми или иными людьми, или сообществами;

6) лишение права на владение и пользование некой собственностью;

7) лишение права на употребление алкоголя, наркотиков, психоактивных препаратов и отравляющих веществ или иных средств, воздействующих на нервную систему[4].

---

[1] См.: *Баранов Ю.В.* Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 67.

[2] См.: *Головко Л.В.* Альтернатива лишению свободы – очередная химера? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 3. С. 44–46.

[3] См.: *Ходжалиев С.А.* Современное состояние практики назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 387.

[4] См.: *Звонов А.В.* Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества // Юрид. наука и правоохрани-

Д.О. Мельников
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Бытко С.Ю.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация: *организованная преступность представляет собой устойчивую преступную деятельность, которая осуществляется различными преступными формированиями. Борьба и предупреждение организованной преступности должно носить системный характер, основываясь на единстве организационной, предупредительной и правоохранительной деятельности. Органы прокуратуры РФ осуществляют координационную деятельность правоохранительных органов по противодействию организованной преступности.*

Ключевые слова: *предупреждение, организованная преступность, прокуратура, координация деятельности.*

Организованная преступность представляет собой устойчивую преступную деятельность, которая осуществляется различными преступными формированиями (организованными группами, преступными организациями, преступными сообществами), имеющими четкую структуру и иерархию её членов, распределение ролей, преступный источник дохода, связи с коррумпированными должностными лицами. Это сложное социальное явление, возникшее в 20-х гг. XX в., является исключительно общественным, социальным феноменом, отражающим глубинные экономические и социально-политические проблемы общества и государства. Являясь сугубо системным явлением, имеющим собственную структуру, элементы и их взаимосвязи, организованная преступность может самостоятельно развиваться.

Следовательно, предупреждение организованной преступности должно основываться на единстве общеорганизационной, предупредительной и правоохранительной деятельности. Достижение данной цели невозможно без согласования и объединения совместных усилий правоохранительных органов, государства и общества[1].

Другими словами, организованной преступности должна быть противопоставлена такая же сложная система целенаправленного социально-правового контроля, в основу которого должна быть положена системная предупредительная деятельность, в первую очередь определяемая целями, задачами и функциями субъектов предупреждения организованной преступности[2]. Борьба с организованной преступностью и её предупреждение несомненно сложный процесс, требующий взаимодействия правоохранительных и иных органов власти, а также общественности.

На сегодняшний день одним из основных правоохранительных органов, осуществляющим деятельность по борьбе и предупреждению организованной преступности является прокуратура РФ. Роль органов прокуратуры в борьбе с организованной преступностью можно вывести из анализа её целей, задач и функций, закрепленных в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1.

Основной функцией прокуратуры является надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнение всего федерального законодательства[3]. С помощью мер прокурорского реагирования обеспечивается уголовное преследование, разграничиваются административные, гражданские правонарушение от уголовных преступлений, выявляются скрытые от учета преступления, отменяются незаконные правовые акты и т.д. Собственно предупредительные функции состоят в том, что прокуратура осуществляет свою деятельность по предупреждению преступлений на специально-криминологическом уровне, а также участвует в осуществлении организационно-управленческих мер предупреждения преступлений, что в первую очередь связано с координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. По результатам расследования уголовных дел и процессуальных проверок, прокурор может принять меры для принятия экономических, правовых и иных мер предупреждения преступлений.

Однако, исходя из анализа Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 следует, что предупредительная деятельность органов прокуратуры не закреплена соответствующим образом, а лишь вытекает из её целей, задач и функций. В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. В целях обеспечения координации деятельности органов, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом РФ.

Таким образом, законом на органы прокуратуры возложены только функции по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью. В данном случае, органы прокуратуры и её должностные лица не могут самостоятельно осуществлять деятельность по предупреждению организованной преступности, а лишь координирует

тельная практика. 2016. № 4 (36). С. 108.

[1] См.: *Авдийский В.И.* Криминология и предупреждение преступлений // Электронный ресурс: https://studme.org/ (дата обращения: 21.04.2022).

[2] См.: *Иванцов С.В.* Актуальные вопросы развития системы субъектов предупреждения организованной преступности: состояние и перспективы совершенствования // Вопросы управления. 2014. № 5(11). С. 229–235.

[3] См: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 22.04.2022).

деятельность правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью, путем проведения координационных совещаний, организации рабочих групп, истребования статистической и иной информации и т.д. Полномочия прокуратуры по координации деятельности отражены также в Положении о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденном Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567[1]. Согласно данному положению, координация может осуществляться в следующих формах: проведение координационных совещаний, обмен информацией, проведение совместных целевых мероприятий.

Координационные функции прокуратуры обусловлены положением прокуратуры в системе государственных органов власти, обладанием информации о состоянии преступности, наличием надзорных полномочий. При этом немало важно разрабатывать и реализовывать меры по обеспечению противодействия преступности в тесном сотрудничестве всех правоохранительных органов, что закреплено в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2021 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»[2].

Как считает Е.Г. Лиходаев, что было бы целесообразным закрепить и непосредственное участие органов прокуратуры в предупреждении преступности, в том числе и организованной[3], с чем нельзя не согласиться. Для реализации этой цели необходимо законодательно закрепить в законах и подзаконных актах, регламентирующим деятельность органов прокуратуры полномочия по предупреждению преступности в целом.

Однако, как мы уже отметили ранее, достичь положительных результатов в борьбе с организованной преступностью невозможно без взаимодействия с другими правоохранительными органами, общественными и международными организациями. Поэтому необходимо совершенствовать организационное взаимодействие в целях улучшения результатов совместной работы.

Формы координации правоохранительных органов зависят от конкретных обстоятельств, криминологической обстановки, но структурно состоит из постоянно действующих совещаний руководителей правоохранительных органов, функционирующем на разных уровнях. Организация деятельности координационных совещаний возложена на сотрудников органов прокуратуры, а на федеральном уровне на Главное организационно-аналитическое управление Генпрокуратуры РФ. Прокурор определяет направление координационной деятельности, производит обмен информацией между правоохранительными органами и организациями.

С этой целью проводится информационно-аналитическая работа, по результатам которой оценивается состояние законности и правопорядке в стране или субъекте, после чего проводится прогнозирование и планирование, определяется основное направление, цели и задачи координации. При этом прокуроры не должны основываться только лишь на данных полученных из одного правоохранительного органа, а необходимо проанализировать информацию в целом. По результатам координационных совещаний, согласно направлению, целям и задачам координации, проводятся мероприятия. Контроль за исполнением возложенных мероприятий возлагается на ответственного прокурора-председателя.

Организованная преступность характеризуется созданием преступного источника дохода, вовлечение в преступные схемы коррумпированных должностных лиц и дальнейшая легализация полученных доходов при помощи должностных лиц. Координационные совещания по борьбе и предупреждению организованной преступности стоит проводить в первую очередь с сотрудниками ФСБ России, ОРЧ СБ МВД России и СК России, потому что они играют основную роль по раскрытию и расследованию должностных и коррупционных преступлений, имея для этого необходимые правовые, технические и экономические ресурсы. С целью профилактики организованной преступности прокурорами должны чаще проводиться координационные совещания, на которых требовать необходимую информацию, контролировать разработанные мероприятия и при необходимости принимать меры к привлечению должностных лиц, ответственных за мероприятия по борьбе с организованной преступностью, к дисциплинарной и иной ответственности. Необходимо своевременно истребовать для проверки в порядке надзора уголовные дела и материалы проверок, для того, чтобы контролировать ход расследования и процессуальной проверки, не допускать волокиты.

Таким образом, для борьбы и предупреждения организованной преступности необходимо постоянно преобразовывать законы, вносить новые методы по профилактике преступлений. Для достижения этой цели необходимо создание системы борьбы и предупреждения организованной преступности. Субъектом же борьбы должны являться государство и общество в целом, которые при помощи специализированных подразделений будут осуществлять противодействие организованной преступности[4]. Такие подразделения у нас есть в виде правоохранительных органов МВД, ФСБ, СК и др., причем координирующую роль по взаимодействию всех органов занимают органы прокуратуры.

При этом рекомендуется законодательно закрепить отдельным положением в законе функцию по предупреждению преступности органами прокуратуры, для устранения правового пробела. Кроме того, необходимо совершенствовать взаимодействие между правоохранительными органами для улучшения результатов совместной деятельности по противодействию организованной преступности и другим преступлениям.

---

[1] См.: Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (в ред. от 31.12.2019) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью] (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»). URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.04.2022).

[2] См.: Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности».

[3] См.: *Лиходаев Е.Г.* Координация органами прокуратуры предупреждения организованной преступности. URL: https://bstudy.net/ (дата обращения: 22.04.2022).

[4] См.: *Долгова А.И.* Криминология. 3-изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 340–344.

С.А. Милютин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
*Научный руководитель: Григорьева Л.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Аннотация: *в статье рассматривается институт освобождения от наказания, содержание и особенности реализации видов освобождения от наказания, предусмотренных в российском законодательстве. Автор приходит к выводу, что данный вопрос, требует совершенствования и на законодательном, и на правоприменительном уровнях.*

Ключевые слова: *освобождение от наказания, Уголовный кодекс РФ, уголовная ответственность.*

Часть 3 статьи 50 Конституции РФ устанавливает право каждого осужденного ходатайствовать о смягчении наказания. В свою очередь Конституционный Суд РФ, разъясняя это распоряжение, предполагает, что любой осужденный может добиваться смягчения своей участи независимо от характера наказуемого действия, назначенного наказания и условий его исполнения .

Согласно ст. 6 УК РФ, наказание должно быть справедливым, т.е. назначаться лицу в соответствии с характером и уровнем общественной угрозы преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного. Применяя наказание к преступнику, государство пытается достичь целей, поставленных перед ним уголовным законодательством. Но в некоторых случаях эти цели могут быть достигнуты без фактического исполнения наказания или при его частичном исполнении. В связи с этим закон оговаривает вероятность освобождения от наказания, что стимулирует исправление лица, совершившего преступление.

Институт освобождения от наказания связан с нейтрализацией своего рода уголовно-правовых последствий совершенного преступления и, в частности, со смягчением либо полным исключением применения дальнейшего наказания к лицу, которое не нуждается в исправлении. По своей юридической природе освобождение от наказания связано с обязательным признанием вины лица, совершившего преступление и его осуждением. Для наиболее полного исследования данной темы необходимо обратиться к: гл. 12–13 УК РФ, а также к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Само по себе понятие «освобождение от наказания» в отечественном законодательстве впервые появилось в Уголовном кодексе РСФСР в 1960 г. В предыдущем Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. вместо определения «наказание» использовался термин «судебно-исправительные меры социальной защиты». В дальнейшем переход к определению «уголовного наказания» был введен постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении положения о государственных преступлениях (контрреволюционных и особо опасных для СССР преступлениях против порядка управления»[1].

Институт освобождения от наказания носит межотраслевой характер, поскольку законодатель после принятия Уголовного кодекса РФ в 1996 г. объединил в одном уголовно-правовом институте существующие нормы уголовного, уголовно-процессуального и, конечно же, уголовно-исполнительного права, как следствие, придав самостоятельный правовой характер анализируемому институту.

В науке уголовного и уголовно-исполнительного права институт освобождения от наказания представляет «живой» интерес для изучения наиболее актуальных вопросов в этой области, что впоследствии становится концептуальной основой для дальнейшего изучения в научных работах. Необходимо отметить огромный вклад в развитие этого проблемного института таких ученых-юристов, как: Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Д. Дурманов, А.С. Михлин, Ю.М. Ткачевский, И.Я. Фойницкий и многих других. Но даже с учетом важности работ представителей юридического сообщества, ряд прикладных вопросов, к которым относится не только совершенствование структуры уголовно-правовых норм, но и правоприменительная практика, остаются дискуссионными. Именно поэтому даже сейчас ведется полемика о том, допустим ли разумный компромисс с осужденным в качестве его освобождения в обмен на позитивное посткриминальное поведение.

Институт освобождения от отбывания наказания включает в себя несколько видов досрочного прекращения процесса отбывания наказания, которые в свою очередь являются отдельными уголовно-правовыми институтами. Общность их социального назначения и правовых последствий, которые наступают для виновного, позволяет объединить их в две названные группы. Не отрицая необходимость рассматриваемой уголовно-правовой области, законодатель отнес нормы, касающиеся освобождения от наказания, в самостоятельную главу, разграничив их от норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности. Этот выбор является неоспоримым преимуществом Уголовного кодекса РФ. Большое значение также имеет сосредоточение этих норм в рамках одного законодательного акта (УК), а не в разных; как это было раньше (УК, УПК). Но следует также отметить, что виды освобождения, перечисленные в главе 12 Уголовного кодекса РФ («Освобождение от наказания»), и их перечень не являются исчерпывающими.

Статьями 79–83 главы 12 Уголовного кодекса РФ установлено несколько видов освобождения лица от отбывания наказания: замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; отсрочка отбывания наказания; освобождение от наказания в связи с болезнью; освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности судебного приговора; отсрочка отбывания наказания для наркозависимых. Нецелесоо-

[1] См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). 1934. № 33, ст. 255.

бразность фактического исполнения в связи с потерей индивидом уровня общественной опасности или в связи с ухудшением здоровья является общим основанием для его освобождения от наказания. То есть, рассматривая перечисленные выше виды освобождения от наказания, можно сказать, что при разработке действующего Уголовного кодекса РФ в вопросах, касающихся освобождения от наказания, была сохранена преемственность Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Да, основания и условия освобождения во многом различаются, но это не существенно.

Отсрочка отбывания наказания для лиц, признанных наркоманами, является относительно новым специфичным видом освобождения от наказания. Эта норма была введена Федеральным законом № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации[1]», но даже сейчас возникают юридические вопросы о применении отдельных частей статьи 82.1 Уголовного кодекса РФ. Федерации к человеку. Например, суд может в соответствии с положениями статьи 82.1 части 1 Уголовного кодекса РФ, может оставить в силе примененную к лицу отсрочку, если после применения к лицу наказания он установит, что это лицо виновно в ином противоправном деянии предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 или статьей 233 Уголовного кодекса РФ и совершенных им до вынесения приговора по первому делу.

Анализируя международный опыт в области освобождения от наказания, можно сделать вывод, что он основан на так называемых «многовариантных мерах» освобождения от наказания. Из этого следует, что современное зарубежное уголовное право характеризуется назначением возмещения в денежном эквиваленте потерпевшему, что может быть фактом для прекращения уголовного преследования, т.е. для освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, если резюмировать данные, полученные в ходе анализа, хотелось бы отметить, что справедливое и аргументированное освобождение от наказания имеет юридическое, социальное и профилактическое значение. В современных реалиях российской действительности институт освобождения от наказания наделяется своеобразным, гуманистическим смыслом. Это один из эффективных методов воздействия на психическое отношение осужденных к одобренному социумом посткриминальному поведению. Действующее законодательное регулирование его постулатов является призмой изменений в уголовной и уголовно-исполнительной политики нашего государства, которые направлены на предотвращение применения необоснованных правовых ограничений к осужденным.

[1] См.: п. 20 ст. 1 Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

А.В. Михайлова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Сухова Е.А.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О МУНИЦИПАЛЬНОМ ЗЕМЕЛЬНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗЕМЕЛЬ

Аннотация: *на сегодняшний день существуют определенные проблемы правоприменительной практики относительно осуществления муниципального земельного контроля на территориях поселений нашей страны. Положения настоящей научной статьи направлены на усовершенствование системы муниципального земельного контроля.*

Ключевые слова: *земельный контроль, земли городских поселений.*

В рамках осуществления муниципального земельного контроля, уполномоченные органы неоднократно обращают внимание на проблемы, возникающие при практическом применении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения[2]. Указанные проблемы выражаются в невозможности их применения в большинстве случаев по причине крайне редкого выявления одновременно не менее 3 критериев. При выявлении таких случаев целесообразно относить земельные участки сельскохозяйственного назначения к участкам, утратившим плодородие и требующим оперативной реабилитации и практически полного восстановления плодородия. На практике, при проведении контрольных мероприятий в отношении правообладателей земельных участков, осуществляющих деятельность на землях сельскохозяйственного назначения, повсеместно отмечаются факты отсутствия, как у правообладателей, так и уполномоченных органов (учреждений) сведений о результатах агрохимического обследования почв. Зачастую правообладателями земельных участков агрохимическое обследование почв в силу ряда субъективных и объективных причин не проводится или проводится в отношении малой части земель, находящихся в пользовании. Также необходимо учитывать периодичность проведения (раз в пять-семь лет) агрохимических обследований в целях установления состояния плодородия почв. За указанный период право пользования земельными участками сельскохозяйственного назначения может неоднократно переходить от одного субъекта пользования к другому, с учетом существующей возможности заключения краткосрочных (например, на месяцев) договоров аренды, не подлежащих государственной регистрации. Как следствие, объективно установить изменение показателей плодородия почв и лиц, не предпринимавших мер по восстановлению плодородия, крайне затруднительно. В качестве примера приведем один из них «снижение содержания

[2] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2011 г. № 612 «Об утверждении критериев снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 2011. № 30, ст. 4655.

органического вещества в пахотном горизонте на 15 процентов или более». Не установлено в какой период должно произойти указанное снижение и к каким видам сельскохозяйственных угодий применим данный критерий, либо для всех. либо только для пашни. Исходя из вышеуказанной периодичности проведения регулярных агрохимических обследований, следует предположить, что выявить снижение содержания можно при сравнении результатов последнего и предпоследнего тура агрохимических обследований. Но вместе с тем, как уже указано выше, земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения могут сменить правообладателя. Учитывая изложенное, полагаем, что необходима более детальная конкретизация критериев для их практического применения.

Необходимо отметить наличие проблем возникающих при применении критериев значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли[1]. Например. при загрязнении почв химическими веществами достаточно просто установить факт загрязнения, без учета площади загрязнения и площади земельного участка, на котором произошло загрязнение. На наш взгляд для полной объективности установления факта значительного ухудшения экологической обстановки необходимо принимать во внимание площадь, на которой произошли такие ухудшения.

Ряд проблем возникает при практическом применении признаков неиспользования земельных участков[2].

Существующие требования действующего законодательства не предусматривают закрепления в правоустанавливающих документах на земельные участки и кадастре недвижимости информации о виде угодья. При выявлении признаков неиспользования земельных участков и отсутствии в указанных документах сведений о виде угодья на практике невозможно применить данные признаки.

С учетом нахождения земельных участков сельскохозяйственного назначения в коллективно-долевой собственности в подавляющем большинстве случаев границы земельных участков на местности не определены, что в свою очередь не позволяет применять при осуществлении муниципального земельного контроля признаков неиспользования.

Действующим законодательством не установлены однозначные определения заселённости и закустаренности, что на практике создает предпосылки к вольному толкованию данных терминов и как следствие затрудняет применение данного критерия.

В рамках осуществления муниципального земельного контроля отмечаются факты частичного неиспользования земельного участка в силу ряда обстоятельств (подтопление, заболачивание и пр.), но вместе с тем отсутствует законодательная возможность принудительного изъятия ненадлежащее используемой части земельного участка.

Также необходимо отметить существующую проблему. когда лица, использующие земельные участки сельскохозяйственного назначения с нарушениями требований земельного законодательства используют возможность заключения договоров аренды на срок 11 месяцев, не подлежащих государственной регистрации, с целью ухода от ответственности и продления сроков освоения участка.

С учетом вышеизложенного, необходимо внести изменения в указанные нормативные акты для обеспечения соответствующих органов, осуществляющих муниципальный земельный контроль, инструментарием для выявления фактов ненадлежащего использования земельных участков и применения мер воздействия на правонарушителей.

[1] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июля 2012 г. № 736 «О критериях значительного улучшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земель» // СЗ РФ. 2012. № 30, ст. 4290.

[2] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18, ст. 2230.

М.В. Мокреев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Седова Г.И.
доцент, к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ СУДОМ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация: *в современном уголовно-процессуальном законодательстве провозглашен принцип свободной оценки доказательств, осуществляемой субъектам доказывания, по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. Однако теория свободной оценки доказательств не позволяет суду и иным субъектам этой деятельности осуществлять ее произвольно. В доктрине и судебной практике выработаны критерии, в соответствии с которыми необходимо оценивать те или иные доказательства исходя из их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.*

Ключевые слова: *доказательства, суд, прекращение, свобода оценки.*

Показания свидетелей и потерпевших превалировали над иными видами доказательств со времен истоков развития права, что нашло отражение в древнейших правовых памятниках (например, Русская Правда, Псковская судная грамота). С развитием судебной экспертизы и возможностей, появляющихся при активном применении современных технологий, показания свидетелей и потерпевших не утратили свое важнейшее значение для

уголовно-процессуального доказывания. Как отмечают Бедризов А.Г. и Волчецкая Т.С., сложно найти уголовное дело, по которому не допрашивались бы свидетели, при этом в структуре доказательственной информации по уголовным делам показания свидетелей в среднем занимают не менее 23 %[1].

Данную проблему также подтверждает значительное количество жалоб, подаваемых заявителями в Европейский суд по правам человека и сформированная на основе их рассмотрения прецедентная практика Суда, в которой выработаны критерии по оценке показаний свидетелей и потерпевших, в том числе и в случаях, когда эти показания заслуживают меньшего доверия и нуждаются в использовании исчерпывающих средств для проверки их достоверности. Уверенно говорить об актуальности выбранной темы также позволяют законодательные новеллы в уголовно-процессуальный кодекс РФ: в 2016 г. в ст. 281 УПК РФ введена часть 2.1; в конце 2021 г. введена ст. 189.1 УПК РФ; в 2022 г. внесены изменения в ч. 1–3 ст. 280 УПК РФ. Указанные нормы закона регулируют особенности допроса свидетелей и потерпевших, а также вопросы оглашения их показаний, и несомненно оказывают влияние на оценку показаний указанных лиц.

Провозглашение принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи влечет за собой минимальное правовое регулирование этого процесса, и, как следствие, появление огромного пласта проблем, разрешение которых возлагается на плечи суда при рассмотрении и разрешении каждого конкретного уголовного дела.

Одной из подобных проблем является оценка показаний сотрудников правоохранительных органов (следователей, дознавателей, оперативных уполномоченных), содержащих информацию о сведениях, сообщаемых обвиняемым в ходе допроса.

Закон прямо не содержит каких-либо ограничений, сковывающих суд при допросе сотрудников правоохранительных органов и оценке их показаний. Поскольку следователь или дознаватель могут обладать сведениями, имеющими значение для расследования и разрешения уголовного дела, суд может вызвать их для допроса и впоследствии включить показания указанных лиц в доказательственную базу, закрепляющую вину либо наоборот – подтверждающую невиновность подсудимого. По общему правилу, прямые запреты распространяются только на допрос лиц, обладающих свидетельским иммунитетом: судей и присяжных заседателей, адвокатов и защитников подозреваемого и обвиняемого, иных лиц, указанных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Таким образом, действующее правовое регулирование оценки показаний сотрудников правоохранительных органов, допрашиваемых в качестве свидетелей, порождает возможность разного рода злоупотреблений для стороны обвинения и суда. Во-первых, следователь в своих показаниях может фактически пересказать содержание признательных показаний подсудимого в случае невозможности использования его первоначальных показаний по причине их недопустимости (например, при даче подсудимым признательных показаний в отсутствии защитника в случае дальнейшего отказа от них в суде первой инстанции, а также когда признание подсудимого добыто в нарушение закона).

Во-вторых, допрос следователя или дознавателя может послужить средством обхода положений ст. 77 УПК РФ, фактически закрепляющих невозможность обоснования предъявленного обвинения исключительно показаниями обвиняемого. Например, вина подсудимого, обвиняемого в сбыте оружия, может подтверждаться исключительно его показаниями, а иные доказательства, например, протокол оперативного эксперимента, признаны недопустимыми. В таком случае суд может прибегнуть к допросу следователя, который перескажет содержание показаний обвиняемого и, таким образом, обвинительный приговор будет построен не только на признании обвиняемого, но еще и на свидетельских показаниях следователя.

Более того, во многих уголовных делах, которые, казалось бы, могли быть прекращены по реабилитирующим основаниям, например, в связи с отсутствием события преступления, обвинение может вкладывать в основу доказательственной базы сведения, представленные органом дознания. В свою очередь, суды при стадии судебного следствия могут допрашивать в качестве свидетелей сотрудников органа дознания, например, оперативников, с целью получения сведений, полученных ими в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. По нашему мнению, использование таких показаний крайне недопустимо, а доказательства, полученные таким образом никоем образом не должны быть приняты судом как допустимые доказательства.

Так, ст. 75 УПК РФ гласит, что к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде[2].

В свою очередь, Конституционный суд РФ в своем Определении отметил, что недопустимо допрос следователя или дознавателя по обстоятельствам, ставшим им известными в ходе досудебного производства[3]. Из данного запрета мы можем сделать вывод, что к наряду с этими лицами также недопустим допрос сотрудников органа дознания, т.к. их показания не будут соответствовать критерию допустимости.

Данный вывод также подтверждена актуальной судебной практикой. Так, Апелляционным определением Московского городского суда от 11 октября 2018 г. по делу № 10-17228 были признаны показания оперативного сотрудника, полученные на стадии судебного следствия, недопустимыми.

Судебная практика идет по пути активного применения правовой позиции Конституционного суда РФ при обосновании необходимости исключения показаний

[1] См.: Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. С. 196.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5002.

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О// СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.04.2022).

дознавателей и следователей, данных ими в качестве свидетелей. При этом суды не отказываются от вызовов на допрос для дачи показаний в качестве свидетеля следователей, по обстоятельствам проведения следственных действий и имевших место возможных нарушений закона при их производстве. Однако Конституционный суд прямо распространяет указанное ограничение только на допрос следователя и дознавателя, однако суды первой инстанции часто допрашивают сотрудников полиции, которые беседовали с обвиняемым в ходе задержания, а также непосредственно после него.

В таких случаях суды зачастую применяют расширительное толкование правовой позиции Конституционного суда. Девятый кассационный суд общей юрисдикции отменил приговор суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение, в том числе обратив внимание на то, что суд в качестве обоснования виновности Г. сослался на показания оперуполномоченных ОУР ОМВД России по Николаевскому району, проводивших осмотры места происшествия и участвовавших при производстве обыска, которые воспроизвели сведения, сообщенные ими Г. в ходе проведения следственных действий, что противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства[1]. Первый кассационный суд общей юрисдикции, в свою очередь, счел подлежащим исключению из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания сотрудников полиции об обстоятельствах совершения осужденным преступления, которые стали ему известны в ходе беседы с осужденным Т. При проведении его личного досмотра[2]. Кроме того, Пятый апелляционный суд общей юрисдикции исключил из приговора ссылку на показания сотрудников полиции, который непосредственно после задержания подозреваемой провел с ней беседу и изложил ее содержание суду[3].

Консолидированная позиция судов, выработанная многолетней правоприменительной практикой, в основу которой положено определение Конституционного суда, состоит в том, что по смыслу закона следователь, дознаватель (а также, как мы видим, и сотрудники органа дознания), могут быть допрошены в качестве свидетеля только по обстоятельствам проведения того или иного следственного действия при решении вопроса о недопустимости доказательства, а не в целях выяснения содержаний показаний допрошенного лица. Помимо этого, сотрудники полиции также не могут быть допрошены об обстоятельствах, которые сообщены им конкретным лицом, в ходе бесед, а также любых следственных и процессуальных действий.

Таким образом, в настоящий момент требуется законодательные изменения статьи 75 УПК РФ, закрепляющих недопустимость использования в качестве доказательства показаний сотрудников органа дознания, данных ими в качестве свидетелей, по обстоятельствам содержания показаний и объяснений обвиняемого и подозреваемого с момента их фактического задержания.

[1] См.: Кассационное определение Девятого кассационного суда обще юрисдикции от 19.07.2021 № 77-1130/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).

[2] См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2022 № 77-1116/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).

[3] См.: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 21.09.2020 по делу № 55-495/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).

К.П. Моссур
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Садчиков М.Н. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОЛЬ СТРАХОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ НАЛОГОВО-ПРАВОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Аннотация: *автором обозначается недостаточная научная разработка рассматриваемого вопроса. Выделяются две модели («прямая» и «косвенная») задействования страхования и связанных с ним явлений в механизме налогового-правового стимулирования развития МСБ с приведением примеров проявления таковых. Предлагается классификация подобных методов на общие и специальные.*

Ключевые слова: *страхование, налогово-правовое стимулирование, малый и средний бизнес.*

Значение малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) на современном этапе существования и развития российских общества и государства довольно трудно переоценить. Так, В.Т. Борисович и А.В. Костров справедливо обратили внимание на осуществление таковыми ряда важных социально-экономических функций, среди которых: обеспечение занятости населения, поддержание инновационной активности, формирование конкурентной среды[4]. В литературе также отмечается, что МСБ порождают структурные изменения в общественной и экономической сферах, способствуют решению острых социальных проблем, таких как занятость, безработица, качество жизни населения[5]. В связи с обозначенным видится заслуживающим поддержки тезис А.В. Шиянова о рассмотрении создания благоприятной среды для МСБ в качестве традиционной, однако, не теряющей своей актуальности задачи, стоящей перед отечественной юридической наукой[6].

[4] См.: *Борисович В.Т., Костров А.В.* Анализ состояния страхования в сфере малого предпринимательства и возможные направления государственной политики по стимулированию его развития в современных экономических условиях // Горный информационно-аналитический бюллетень. 1999. № 4. С. 121.

[5] См.: Основные тенденции развития малого и среднего бизнеса и предпринимательства в странах ОЭСР (с. 14) // Официальный сайт Центра компетенций по взаимодействию с международными организациями globalcentre.hse.ru URL: https://globalcentre.hse.ru/data/2010/03/05/1231451005/sa_business.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

[6] См.: *Шиянов А.В.* О международных стандартах правового регулирования малого и среднего предпринимательства (с. 1) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?

Актуальность рассмотрения обозначенного вопроса обусловлена тем, что проблематика роли страхования в механизме стимулирования развития МСБ, как нам видится, проработана в современной российской науке недостаточно полно. Бесспорно, специализированные исследования в данной области проводятся, однако в таковых основное внимание акцентируется на рассмотрении страхования как механизма управления рисками[1], минимизации таковых[2], способа обеспечения бесперебойной деятельности субъектов МСБ[8][19], обеспечения безопасности ведения предпринимательской деятельности[3]. В то же время, роль страхования именно в механизме налогово-правового стимулирования развития МСБ нуждается в более детальном рассмотрении.

Вместе с тем, нельзя говорить о полном отсутствии наработок в данной области. Так, В.Т. Борисович, А.В. Костров приводят в качестве меры, стимулирующей использование страхования, льготные тарифы[4]. К.В. Нецымайло к факторам, стимулирующим развитие страхования в сфере МСБ, относит положения гл. 25 НК РФ (особенно п. 16 ст. 255 НК РФ), предусматривающие отнесение страховых взносов к расходам на оплату труда работников и уменьшение за счёт таковых налоговой базы по налогу на прибыль организаций[5].

Выражая солидарность позиции Е.И. Беляковой и А.К. Моденова, отметим, что методы налогово-правового стимулирования, с нашей точки зрения, позволяют создать такие условия деятельности, в рамках которых субъектам МСБ было бы комфортно осуществлять таковую, а равно, чтобы их деятельность одновременно способствовала повышению уровня жизни, благосостояния и защищённости людей[6]. Отдельно обозначим, что любые расходы на страхование – это дополнительная экономическая нагрузка на субъектов МСБ. На данном этапе развития мысли важно принять во внимание выделяемую в теории особенность МСБ – существенную ограниченность ресурсной базы, которой они располагают[7]. В силу этого для МСБ существенной, способной повлиять на функционирование и темпы роста бизнеса, оказывается практически любая дополнительная экономическая нагрузка. Следовательно, к числу налогово-правовых методов стимулирования развития МСБ будут относиться способы снижения этой нагрузки.

По нашему мнению, можно выделить два вида способов, посредством которых страхование задействуется в налогово-правовом стимулировании развития МСБ. Выделение таковых и, соответственно, подразделение конкретных методов видится разумным осуществлять на основании общего подхода к пониманию налогово-правового стимулирования. Первый подход базируется на «широкой» трактовке налогово-правового стимулирования, основанной на положениях п. 1 ст. 2 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) о распространении регулятивного воздействия НК РФ не только на налоги, но также на сборы и страховые взносы[8]. Исходя из обозначенного, считаем допустимым говорить о том, что в рамках налогово-правового стимулирования могут использоваться инструменты, непосредственно построенные как на основании самих налогов, так и на основании сборов и страховых взносов. Подобная трактовка позволяет нам выделить группу методов налогово-правового стимулирования, в которых страхование либо отдельные элементы такового «напрямую» влияют на размер сумм, уплачиваемых субъектом МСБ, т.е. играют самостоятельную, основную, а не второстепенную роль. В силу указанного методы, входящие в состав данной группы, именуются нами «прямыми».

В качестве примера метода налогово-правового стимулирования, в котором страхование задействовано напрямую, представляется возможным привести положения ст. 61 НК РФ, а также положения Приказа ФНС России от 16.12.2016 г. № ММВ-7-8/683@[9], регламентирующие вопросы изменения сроков уплаты страховых взносов. Небезосновательно могут возникнуть сомнения в допустимости отнесения данного механизма к методам стимулирования, ведь при изменении срока уплаты страхового взноса уже существующая обязанность сохраняется, а новая не возникает, т.е. количественно экономическая нагрузка на МСБ не снижается. По нашему мнению, перенос уплаты страхового взноса на более поздний срок позволяет снизить нагрузку на субъект МСБ в данный момент времени, что даёт возможность высвободить часть средств и направить таковые на решение более приоритетных в текущих условиях задач, от которых может зависеть не только развитие, но и сохранение предприятия. Указанное выше позволяет говорить о значимости приведенного метода для стимулирования развития МСБ.

Интересным примером являются пониженные тарифы страховых взносов для плательщиков, признаваемых субъектами МСБ. Первоначально таковые были введены на временной основе в связи с распространением коронавирусной инфекции ст. 6 Федерального закона от 01.04.2020 г. № 102-ФЗ[10]. Вместе с тем, п. 9 ст. 2 данного федерального закона были внесены соответствующие изменения в НК РФ. На данный момент подп. 17 п. 1 ст. 427 НК РФ предусмотрено применение для плательщиков-субъектов МСБ пониженных тарифов страховых взносов в части выплат в пользу физического лица, превышающих величину

req=doc&base=CJI&n=116748#wv0pg2T6wYyP92bz (дата обращения: 10.04.2022).

[1] См.: *Борисович В.Т., Костров А.В.* Указ. соч. С. 121.

[2] См.: *Нецымайло К.В.* Особенности страхования субъектов малого предпринимательства // Молодой учёный. 2010. № 5 (16). С. 194.

[3] См.: *Насонов В.В.* Страховые услуги как фактор поддержки малого и среднего предпринимательства в регионе, модель управления рисками // Молодой учёный. 2014. № 2 (61). С. 504.

[4] См.: *Борисович В.Т., Костров А.В.* Указ. соч. С. 122–123.

[5] См.: *Нецымайло К.В.* Указ. соч. С. 196.

[6] См.: *Белякова Е.И., Моденов А.К.* Налоговое стимулирование как инструмент реализации налоговой политики // Петербургский экономический журнал. 2019. № 2. С. 135.

[7] См.: *Нецымайло К.В.* Указ. соч. С. 194.

[8] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 26 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3824.

[9] См.: Приказ ФНС России от 16 декабря 2016 г. № ММВ-7-8/683@ «Об утверждении Порядка изменения срока уплаты налога, сбора, страховых взносов, а также пени и штрафа налоговыми органами» (с изм. и доп. от 18 января 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213100/ (дата обращения: 10.04.2022).

[10] См.: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 1 апреля 2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 14, ч. 1, ст. 2032.

МРОТ[1]. Дополнительно п. 2.1 ст. 427 НК РФ конкретизируются размеры сниженных тарифов страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, а также на обязательное медицинское страхование. При этом, согласно разъяснениям, представленным Департаментом налоговой политики Минфина России установление пониженных тарифов действует на бессрочной основе[2].

Второй подход исходит из «узкой» интерпретации налогово-правового стимулирования и базируется на представленном в ст. 8 НК РФ понятийном разграничении налогов, сборов и страховых взносов, указывающем на некоторые значимые отличия в правовой природе и ключевых характеристиках таковых. В рамках данного подхода методы стимулирования, в которых самостоятельную и основную роль играют страхование или его элементы, видится верным именовать не «налогово-правовыми», а «основанными на страховании», «страховыми». Чисто налогово-правовые методы должны иметь своим основным элементом именно налоги или связанные с ними финансово-правовые явления, а страхование, его элементы или связанные со страхованием финансово-правовые явления, должны играть в таковых несамостоятельную, второстепенную роль. По указанной причине методы налогово-правового стимулирования, в которых страховые явления задействованы по описанной модели, именуются нами «косвенными».

Примером метода налогово-правового стимулирования, в котором страхование задействовано косвенно, могут послужить положения подп. 3–5 п. 1 ст. 219 НК РФ, предусматривающие возможность получения индивидуальными предпринимателями (далее – ИП) социального налогового вычета при определении размера налоговой базы по налогу на доходы физических лиц (далее – НДФЛ). К вычету допускаются суммы страховых взносов на добровольное личное страхование и добровольное страхование, взносов на негосударственное пенсионное обеспечение, на добровольное пенсионное страхование, на добровольное страхование жизни, дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию. Ст. 219 НК РФ предусмотрены условия, которые также должны быть соблюдены для получения вычета по приведенным видам страхования. Данная мера позволяет уменьшить налоговую базу, а значит, и конечную сумму подлежащего уплате налога, что приводит к снижению экономической нагрузки на субъект МСБ.

Другим примером являются положения ст. 247, п. 1 ст. 252 и п. 16 ст. 255 НК РФ, указывающие, что при определении объекта налогообложения по налогу на прибыль организаций доходы уменьшаются на сумму произведенных расходов, в том числе расходов на оплату труда. К последним относятся суммы платежей (взносов) работодателей на обязательное страхование, дополнительные страховые взносы на накопительную пенсию, платежи (взносы) работодателей на добровольное страхование (негосударственное пенсионное обеспечение) в пользу работников. При этом специально оговаривается, что к расходам на добровольное страхование (негосударственное пенсионное обеспечение) относятся расходы на страхование жизни, негосударственное пенсионное обеспечение, добровольное личное страхование работников, добровольное личное страхование на случай смерти и (или) причинения вреда здоровью застрахованного. При этом в п. 16 ст. 255 НК РФ содержатся отдельные оговорки по каждому виду страхования применительно к срокам, максимальному проценту учёта в составе расходов на оплату труда и иным аспектам.

Особый интерес представляют проявления косвенной модели в рамках построения и функционирования специальных налоговых режимов (далее – СНР), поскольку, как отмечает В.В. Былинкин, СНР играют основную роль в механизме защиты и поддержки МСБ, т.к. предоставляют более выгодные ставки и иные привилегии[3].

В пп. 7 п. 2 ст. 346.5 НК РФ при определении объекта налогообложения по единому сельскохозяйственному налогу (далее – ЕСХН) предусмотрен вычет из доходов расходов на все виды обязательного страхования и на 8 видов добровольного страхования.

Аналогичным образом, в пп. 7 п. 1 ст. 346.16 НК РФ предусматривается уменьшение при определении объекта налогообложения по упрощённой системе налогообложения (далее – УСН) полученных доходов на расходы по всем видам обязательного страхования работников, имущества и ответственности.

Для налогоплательщиков по УСН, выбравших объектом налогообложения доходы, п. 3.1 ст. 346.21 НК РФ предусмотрено уменьшение суммы налога на сумму уплаченных в данном периоде взносов на некоторые виды обязательного страхования, платежей по договорам добровольного личного страхования на случай временной нетрудоспособности работника (за исключением несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (далее – за отдельными исключениями)), если сумма страховой выплаты по последним не превышает размера пособия по временной нетрудоспособности (за отдельными исключениями), пособий по временной нетрудоспособности (за отдельными исключениями) в части, не покрытой страховыми выплатами. В качестве верхнего предела подобного уменьшения устанавливается отметка в 50 %. ИП, выбравшие такой же объект обложения, но не производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, уменьшают сумму налога на уплаченные страховые взносы по обязательному пенсионному страхованию, обязательному медицинскому страхованию в размере, определяемом НК РФ.

В рамках патентной системы налогообложения (далее – ПСН) сумма налога, уменьшается на те же суммы, что и при УСН. Аналогично, максимально сумму налога можно уменьшить на 50 %. Однако, подп. 1–3 п. 1.2 ст. 346.51

[1] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2020 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 26 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

[2] См.: Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 3 июня 2021 г. № 03-15-06/43307 «О сроке действия пониженных тарифов страховых взносов для субъектов малого и среднего предпринимательства» // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/402111986/ (дата обращения: 10.04.2022).

[3] См.: *Былинкин В.В.* Налогово-правовое обеспечение деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства // Молодой учёный. 2018. № 46 (232). С. 104, 107.

НК РФ установлена определенная специфика. Так, например, уменьшать сумму налога можно лишь на суммы страховых платежей (взносов), которые уплачиваются в пользу работников, занятых в тех сферах деятельности, по которым применяется ПСН. Налогоплательщики, не производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, вправе уменьшить сумму налога на страховые взносы по обязательному пенсионному страхованию и обязательному медицинскому страхованию в размере, определяемом НК РФ.

Определенный интерес представляют положения подп. 3 п. 3 ст. 346.12 НК РФ, налагающие запрет на применение УСН страховщиками. Приведенное положение позволяет нам сделать вывод о том, что задействование страхования в рассматриваемом механизме не ограничивается только таким элементом страхования как страховые взносы. Более того, приведенный пример показывает, что страхование может играть в рассматриваемом механизме и, своего рода, «негативную» роль, блокируя возможность получения привилегий для отдельных групп субъектов МСБ.

К обозначенным выше методам стимулирования развития МСБ вполне возможно применить классификацию на общие и специальные. Общие методы, доступны к применению сравнительно широкому кругу налогоплательщиков, плательщиков страховых взносов, в том числе плательщикам-субъектам МСБ. Примерами таковых можно считать методы, предусмотренные ст. 61 НК РФ, подп. 3–5 п. 1 ст. 219, совокупностью ст. 247, п. 1 ст. 252, п. 16 ст. 255 НК РФ. Специальные же методы разработаны именно для субъектов МСБ, и никем другим применяться не могут. Наиболее ярким примером таковых может послужить метод, предусмотренный подп. 17 п. 1 и п. 2.1 ст. 427 НК РФ. Несколько спорным можно считать отнесение к числу специальных методов, предусмотренных подп. 7 п. 2 ст. 346.5, подп. 3 п. 3 ст. 346.12, подп. 7 п. 1 ст. 346.16, п. 3.1 ст. 346.21, подп. 1–3 п. 1.2 ст. 346.51 НК РФ, поскольку в таковых напрямую не оговаривается, что они рассчитаны только на плательщиков-субъектов МСБ. О специальном характере представляется допустимым говорить в отношении методов, существующих в рамках УСН и ПСН, поскольку отдельные требования к субъектам, применяющим таковые, закреплённые соответственно в п. 2 ст. 346.12, подп. 15 п. 3 ст. 346.12 и в п. 5 ст. 346.43, п. 1 ст. 346.44 НК РФ, указывают на возможность их использования только ограниченным числом субъектов МСБ. В отношении методов, существующих в рамках ЕСХН, таких ограничений не наблюдается, из чего следует вывод о, скорее, общем характере данных методов.

Вместе с тем, существует и обратная связь между налоговым-правовым стимулированием и страхованием в сфере МСБ, которая, по нашему мнению, заключается в том, что методы налогово-правового стимулирования выполняют ту функцию, которую выделял для них М.В. Ушатов[1], – функцию побуждения налогоплательщика к общественно полезной, экономически значимой деятельности (в нашем случае польза состоит в способствовании более широкому использованию различных видов страхования, а следовательно, в движении к всё большей степени защищённости интересов физических и юридических лиц от неблагоприятных последствий).

Таким образом, нам, как видится, удалось базово обозначить роль страхования в механизме налогово-правового стимулирования развития МСБ на примере ряда методов подобного стимулирования. Нами были предложены и обоснованы две модели задействования страхования или связанных с ним финансово-правовых явлений в методах налогово-правового стимулирования развития МСБ. Дополнительно, была представлена и подкреплена примерами классификация рассмотренных методов на общие и специальные. Вместе с тем, приведенные в настоящей статье методы налогово-правового стимулирования развития МСБ с задействованием страховых явлений не исчерпывают всего многообразия таковых в рамках действующего налогового законодательства Российской Федерации и олицетворяют собой лишь часть данного механизма.

[1] См.: *Ушатов М.В.* Стимулы в налоговом праве: понятие и признаки // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 1 (43). С. 187–189.

А.А. Набиева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Донченко А.Г.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТЯЖКОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: *уголовный закон РФ не содержит дефиницию понятия «тяжкое оскорбление», поэтому следует обратить внимание на доктринальное и судебное толкование, в которых оно получило свое закрепление. Существует три подхода к понимаю оскорбления, каждый из которых имеет свою особенность. В данной работе рассматривается уголовно-правовая природа «тяжкого оскорбления», уместность использования данного словосочетания в уголовном законе России.*

Ключевые слова: *тяжкое оскорбление, честь и достоинство, глубокое, грубое унижение чести и достоинства, неприличная форма.*

Категория «оскорбление» неновая для уголовного закона, свое распространение оно получило ещё с древних времен, причем нередко ценилась дороже жизни. В настоящее время оскорбление является только административным правонарушением, а уголовный закон охраняет лишь его специальные нормы. До 2011 г. в уголовном законе России под оскорблением понималось унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Сегодняшняя редакция административного законодательства расширила представление об оскорблении. Теперь не только неприличная форма, но и иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма будет являться оскорблени-

ем. Но ключевым моментом служит то, что аналогия в уголовном законе запрещена соответственно использовать такое понимание нельзя. Также следует пояснить, что после декриминализации оскорбления никакие разъяснения в оставшихся составах оскорбления не были указаны законодателем. Не говоря еще о том, что сами оценочные понятия, такие как: честь, достоинство, неприличная форма нуждаются в единообразной трактовке, законодатель не остановился на этом и ввел в действующее уголовное законодательство «тяжкое оскорбление». Дефиниция, которого на уровне закона отсутствует, на помощь приходит судебная практика и доктрина.

В доктрине существует как минимум три подхода применительно к тяжкому оскорблению. Первые авторы солидарны с тем, что предыдущая диспозиция ст. 130 УК РФ является фундаментом для понимания тяжкого оскорбления и именно особо унизительна форма будет считаться тяжкой. Фактически авторы представляют одно прилагательное через другое путем синонимичного подбора. Так, для Н.И. Загородникова[1], В.В. Ераксина[2], И.Я. Козаченко[3] тяжким оскорблением являются глубокое и грубое или исключительно циничное унижение чести и достоинства личности.

Авторы второго подхода с точностью повторяют ст. 130 УК РФ, декриминализированную в 2011 г.

Сторонники третьего подхода имеют противоположную позицию, чем первые и вторые представители, тем самым ссылаются на необязательность выражения тяжкого оскорбления диспозицией ст. 130 УК РФ.

Для А.Н. Красикова тяжесть оскорбления определяется в каждом конкретном случае, оно может быть выражено в том числе не только словом, но и жестами, действиями, карикатурой и др[4].

Н.И. Загородников к тяжкому оскорблению относит: «обвинение в тяжком преступлении, унижение национального чувства, подчеркивание в неприличной форме физических недостатков человека, надругательство над родительской любовью и т. п.»[5]. Несмотря на это считает, что оскорбительные действия могут не содержать юридические признаки состава оскорбления.

«Тяжкое оскорбление сопровождает противозаконное насилие со стороны потерпевшего» – данное положение подтверждают В.В. Сташис и М.И. Бажанов[6].

Иные ученые относят к тяжкому оскорблению циничные насмешки над внешним обликом, физические недостатки, принуждение к сексуальным извращениям, оскорбление расового, национального, религиозного, патриотического чувства, демонстративное нарушение супружеской верности в присутствии супруга.

Согласно судебной статистике за 2021 г. на ст. 107 УК РФ приходится 34 осужденных, а на ст. 113 УК РФ – 6. Видно, что преступления такого рода не распространены и тем не менее способы совершения преступления в таких составах выделены, один из которых тяжкое оскорбление. В судебной практике послужить совершению преступления наравне с тяжким оскорблением может аморальное поведение, например, Зыков увидел, как его жена Зыкова вступила в интимную связь с Петровым, Зыков для предотвращения аморального поведения супруги выстрельнул в них. Тяжкое оскорбление чаще всего встречается с издевательством. Например, К. подчинилась выполнить все требования сексуального характера гражданина П., с целью прекращения издевательства и насилия над собой К. взяла нож и нанесла П. несколько ударов[7].

Таким образом, чаще всего в правоприменительной деятельности тяжкое оскорбление встречается с каким-либо другим способом: издевательством, аморальным поведением. На наш взгляд, нельзя, чтобы оскорбление зависело от других поводов, т.к. смысл использовать самостоятельно такой способ отпадает.

В конце концов только суд может решить является ли оскорбление тяжким или нет. В качестве критерия определяют помимо объективной оценки самого оскорбления также субъективные свойства. И Верховный Суд РФ, и разные авторы считают, что оскорбление может быть признано тяжким при учете всех обстоятельств дела.

Следует пояснить, что кроме двух привилегированных составов – ст. ст. 107 и 113 УК РФ никакие иные составы не включают в себя тяжкое оскорбление.

Проанализировав действующий уголовный закон можно указать, что слово «тяжкое» используют: в категориях преступления, в составах преступления, характеризующих вред здоровья, в качестве тяжких последствий. Возьмем в качестве примера вред здоровья. Он может быть трех видов: легкий, средний и тяжкий применительно к оскорблению нельзя сказать, что оно бывает легким или средним, оно либо тяжкое, либо нет. При этом существует перечень критериев, при которых

Таким образом, на наш взгляд, слово «тяжкое» в тяжком оскорблении употреблено в избыточном количестве, т.к. не выражает суть оскорбления и никак его не усиливает. Все попытки ученых выделить один подход к пониманию тяжкого оскорбления оказались безрезультатны. Объяснение такого вида оскорбления выглядят не очень убедительно, т.к. авторы в качестве дефиниции используют синонимичные замены, а никак не объясняют критерии при которых признается оскорбление тяжким. Законодатель опять ввел оценочный признак, не носящий смысловой нагрузки, поэтому ст. 107 и ст. 113 УК РФ необходимо внести изменения: после «вызванного насилием, издевательством или…» указать следующее: «вызванного насилием, издевательством или оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего».

---

[1] См.: *Загородников Н.И.* Преступления против жизни. М., 2013. С. 191.

[2] См.: *Радченко В.И.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: НОРМА, 2016. С. 203.

[3] См.: *Кругликова Л.Л., Тенчова Э.С.* Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Ярославль, 2018. С. 319.

[4] См.: *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 2019. С. 110–111.

[5] См.: *Загородников Н.И.* Преступления против жизни. М., 2013. С. 191–192.

[6] См.: *Сташис В.В., Бажанов М.И.* Преступления против личности в УК УССР и судебной практике. Харьков: Вища школа, 1981. С. 54.

[7] См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 9. С. 13.

Н.А. Набиева
ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, г. Саратов
Научный руководитель: Велиева Д.С. д.ю.н., профессор – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, г. Саратов

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *конституционная юстиция играет большую роль в формировании и развитии каждого государства. В данной статье рассмотрены этапы становления конституционной юстиции Российской Федерации, а также региональной конституционной юстиции. Автором дана краткая характеристика каждого из этапов.*

Ключевые слова: *конституционная юстиция, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, конституционные (уставные) суды, конституционный контроль, конституционное правосудие.*

Необходимо наличие конституционной юстиции в любом государстве. Ее целью является обеспечение соответствия всех законов и подзаконных актов Конституции, охраны прав и свобод человека и гражданина, защиты основ конституционного строя. Высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации является Конституционный Суд РФ[1].

Конституционное правосудие в РФ прошло достаточно длительный путь, рассмотрим этапы его становления.

Впервые о создании органов конституционного контроля заговорили после образования СССР, т.к. требовалось преодолеть разногласия между нормативно-правовыми актами союзных республик. Но в 1924 г. не стали создавать конституционный орган, функции по охране Конституции СССР были переданы Верховному суду СССР. У Верховного суда были следующие полномочия: разрешение споров между союзными республиками, проверка законности решений судов в союзных республиках, дача разъяснений таким судам, а самое основное – конституционный контроль[2]. Однако Верховный суд СССР не мог осуществлять надзор за деятельностью высших органов власти, и его решения относительно противоречия Конституции СССР не носили окончательный характер. Этому есть объяснения – во-первых, 20-е гг. XX в. являлись только началом становления российской конституционной юстиции, во-вторых, в то время действовал тоталитарный режим, который существенно ограничивал полномочия органов государственной власти, в том числе и судебных. Это был первый этап становления конституционной юстиции в РФ.

Второй этап берет свое начало в 30-е годы, когда положение Верховного суда СССР в данной области изменилось, он был лишен полномочий по конституционному контролю. В 1938 г. был создан новый орган – Верховный совет СССР. На него был возложены проверка соответствия законодательства союзных республик Конституции СССР, весь контроль за соблюдением Основного закона страны. Верховный совет был высшим органом государственной власти в стране. Уже впоследствии будет обсуждаться вопрос о создании органа конституционного контроля, который бы не сочетал в себе несколько функций (то есть не был одновременно и высшим органом власти, и конституционным органом). После таких изменений началась Великая Отечественная война, которая приостановила на достаточно длительный период процесс формирования конституционной юстиции.

Обсуждения о необходимости органов конституционного правосудия возобновились в 1960-х гг. В это время начинаются дискуссии о создании конституционного органа не только на уровне союза, но и в каждой республике[3]. Ученые хотели сформировать особый конституционный орган в лице постоянного комитета или объединенной комиссии, образуемой палатами представительного органа, либо конституционных советов как органов верховного надзора за соблюдением Конституции в СССР и в каждой из союзных и автономных республик[4]. На этом обсуждения закончились – это был 3 этап.

Четвертый этап берет свое начало с конца 1970-х годов, когда происходит подготовка Конституции СССР 1977 г. и соответственно конституций союзных республик 1978 г. Именно в это время ученые возвращаются к вопросу создания конституционного органа, однако к единому мнению не приходят. Предлагались и названия для органа охраны конституции: Конституционный комитет, Конституционный совет, Конституционная комиссия. Отметим, что уже в данный временной промежуток главенствующей гарантией соблюдения Конституции являлась норма о ее высшей юридической силе[5].

Последний этап становления конституционной юстиции берет свое начало в 1988 г., когда учреждается основной орган надзора СССР – Комитет конституционного надзора в СССР, разрешающий споры о соответствии-несоответствии нормативно-правовых актов союзных республик Конституции Союза, споры между самим Союзом и республиками, входящими в его состав, между республиками и национально-территориальными образованиями. Недостатком данного органа являлось то, что его решения не носили окончательный характер. Право вынесения окончательного решения принадлежало представительному органу, в определенных случаях – высше-

[1] См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

[2] См.: *Таскаев Н.Н., Олейник А.Д.* Конституционная юстиция в России: история и современность // Baikal Research Journal. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 20.04.2022).

[3] См.: *Пастернак С.Н.* Конституционная юстиция в субъектах РФ: становление и перспективы развития // Контентус. 2020. № 4. С. 97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-subektah-rf-stanovlenie-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 20.04.2022).

[4] См.: *Шафир М.А.* Компетенция СССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968. С. 217.

[5] См.: *Таскаев Н.Н., Олейник А.Д.* Конституционная юстиция в России: история и современность // Baikal Research Journal. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 20.04.2022).

му органу исполнительной власти[1]. Одновременно, после учреждения указанного Комитета начинают действовать и власти республик. К примеру, Дагестан, Татарстан и ряд иных республик предложили создать комиссии конституционного надзора при представительных органах власти автономных республик РСФСР[2]. В 1989 г. был принят Закон СССР «О конституционном надзоре в СССР», где закреплено положение, что конституционный надзор в стране осуществляют Комитет конституционного надзора СССР и органы конституционного надзора союзных и автономных республик[3]. Весной 1990 г. такие комитеты образовываются в таких республиках, как Северная Осетия-Алания, Татарстан, Республике Коми и др.

В 1991 г. принимается Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР»[4], именно с этого времени начинается эпоха конституционного правосудия. В 1994 г. был принят ФКЗ «О Конституционном Суде», который с изменениями действует и сейчас.

Если говорить о региональной конституционной юстиции, то с 1992 г. начинают действовать конституционные суды в Якутии, Кабардино-Балкарии, Дагестане. С 1993 г. к данному списку добавляются Адыгея, Бурятия, Карелия, Коми. Уставные суды в данный период ни в одном регионе созданы не были, хотя в ряде субъектов возможность их создания была закреплена в Уставе (Московская область, Томская область, Тюменская область и др.).

В 1996 г. был принят ФКЗ «О судебной системе РФ»[5], где закреплялось положение конституционных (уставных) судов (в Конституции РФ упоминания о данных судах не содержалось). Отметим, что после принятия данного закона активного создания конституционных (уставных) судов российская практика не заметила.

Таким образом, были проанализированы этапы формирования конституционной юстиции в Российской Федерации. Краткая характеристика каждого из этапов дает понять, что конституционное правосудие прошло долгий путь становления и еще не пришла к своему совершенству.

[1] См.: *Митюков М.А.* Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М.: Формула права. 2006. С. 35.

[2] См.: Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: учебное пособие по спецкурсу «Конституционное правосудие». В 3 ч. Ч.1 / отв. ред. М.А. Митюков. М.: Академия труда и социальных отношений, 2003. С. 9.

[3] См.: Закон СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 44-3; Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 29, ст. 572.

[4] См.: Закон РСФСР от 12 июля 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета Российской Федерации. 1991. № 30, ст. 1017.

[5] См.: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

Е.С. Нестеренко
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ», г. Саратов
Научный руководитель: Протопопова И.Н. к.и.н., доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ», г. Саратов

ПРАВО НА ИЗОБРАЖЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

Аннотация: *из-за пришедшей эпохи цифровизации, люди каждый день активно бороздят по просторам Интернета, читают газеты и журналы, видят множество изображений обычных пользователей в социальных сетях, профессиональных фотографов, различные постеры на улице с изображением лиц. Право на неприкосновенность изображения-это личное неимущественное право. Некоторые люди забывают, что изображение может стать объектом покушения иных лиц на него, они могут пренебрегать как собственным, так и чужим изображением, не относясь к данному вопросу достаточно серьёзно. И в силу плохо развитого правосознания люди не могут понять, как им можно защитить себя в данной ситуации.*

Ключевые слова: *изображение, защита прав, съёмка, правовое регулирование.*

Институт изображения гражданина малоисследован и нуждается в более детальном рассмотрении. Прежде чем приступить к исследованию, следует рассмотреть вопрос о самом понятии «изображения гражданина». По мнению Эрделевского А.М. изображение любого объекта – это то, что создается из образа такого объекта[6]. Определённые положения об охране изображения гражданина излагаются в Гражданском кодексе Российский Федерации статье 152.1., а также в отдельных пунктах Постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами некоторых положений первой части Гражданского Кодекса РФ». Следует отметить, что ранее, согласно Гражданскому кодексу РСФСР 1964 г., охрана изображения гражданина относилась к нормам авторского права, которые разграничивали узкий круг правоотношений. И в настоящее время охрану изображения гражданина можно считать одним из институтов охраны нематериальных благ.

Согласно статье 152.1 Гражданского кодекса РФ обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображён) допускается только с согласия гражданина. Однако имеются исключения, если использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах, если изображение гражданина получено при съемке, кото-

[6] См.: *Эрделевский А.М.* Об охране изображения гражданина // Законодательство. М., 2007. № 7. С. 9–13.

рая производилась в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях и других), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования и, если гражданин позировал за определённую плату.

Постановление Пленума ВС РФ п. 43. устанавливает под обнародованием изображения гражданина необходимость понимания осуществления действий, которые делают изображение публичным путем его опубликования, либо показа любым другим способом, включая размещение его в сети «Интернет». За исключением случаев, предусмотренных подпунктами 1 и 3 пункта статьи 152.1 ГК РФ, использование публично изображения гражданина, в том числе размещение его самим гражданином в сети «Интернет», и общедоступность такого изображения не дают права третьим лицам на свободное пользование такого изображением без получения согласия лица изображённого на нём. [1] Вместе с тем, обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети «Интернет» могут свидетельствовать о выражении таким лицом согласия на дальнейшее использование данного изображения, например, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором гражданином размещено такое изображение.

Согласно пункту 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ранее данное согласие гражданина на использование его изображения может быть отозвано в любое время. При этом лицо, которое обладало правом на использование данного изображения, может потребовать возмещения причиненных ему таким отзывом убытков (статья 15 ГК РФ).[2]

Право на изображение гражданина во многих странах является одной из главных составляющих права на неприкосновенность частной жизни. Поскольку конфиденциальность личных изображений является нематериальным объектом, основным средством защиты в соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса РФ будет являться компенсацией морального вреда. Законодательство определяет моральный вред как физические или нравственные страдания, испытываемые гражданином при нарушении или ущемлении его личных неимущественных прав. Эту травму компенсируют в денежной форме. Для определения суммы законодатель принимает во внимание степень виновности виновного и другие обстоятельства, связанные с этим.

В некоторых иностранных государствах введена уголовная ответственность за незаконное использование изображений других лиц. Например, раздел 264 Уголовного кодекса Дании гласит, что любое лицо, нарушившее и распространяющее информацию или изображение, касающиеся частной жизни других лиц, наказывается штрафом или простым тюремным заключением на срок не более шести месяцев. В Уголовном кодексе Испании в статье 202 указывается на то, что любой человек, публично использующий изображение других людей без его согласия, совершает преступление в отношении частной жизни, его наказывают штрафом от 6 до 12 месяцев заработной платы. Л.А Букалерова и А.В Остроушко отмечают, что «аналогичные меры российских законодателей помогли бы бороться с незаконной торговлей изображениями людей»[3].

Также хотелось бы акцентировать внимание на примерах из судебной практики. Итак, граждане Л. и К., работающие в Управление МВД России обратились в суд с иском к гражданину Г. об охране изображения и компенсации морального вреда.

В дежурную часть отдела полиции Управления МВД России по поступило сообщение о том, что на площади общественных мероприятий в районе ТРЦ «Сити Молл» проводится одиночный пикет.

По центру площади находился ответчик Г., рядом с ним стояла туристическая палатка. В руках Г. находился мобильный телефон, при помощи которого, как пояснял сам Г., велась прямая трансляция в информационно телекоммуникационную сеть «Интернет» на сайт «ВКонтакте» на его страницу «И. Г.».

С целью пресечения административного правонарушения, они обратились к Г., представились, предъявили служебные удостоверения, при этом они находились при исполнении служебных обязанностей в форменном обмундировании со знаками отличия, потребовали от Г. прекратить совершение административного правонарушения. При предъявлении служебного удостоверения, Г. вслух на камеру своего мобильного телефона зачитал персональные данные: звание, должность и фамилию Л. Ими до сведения Г. было доведено, что они не дают согласие на видеосъемку с их участием, на размещение данных видеозаписей с их изображением в сети Интернет и социальных сетях. Однако, Г., будучи предупрежденным об их несогласии на обнародование видеозаписей с их изображением в сети Интернет, продолжал видеосъемку на свой мобильный телефон.

Г. снимал их, их служебные удостоверения «крупным планом», их изображения и документы были основным объектом видеосъемки. На размещенных Г. видеороликах четко видны их изображения и персональные данные, призывал пользователей сети оставлять свои комментарии, отзывы, чтобы пользователи приняли участие, высказали свое мнение по поводу «неправомерного» поведения сотрудников полиции, комментировал снимаемое им видео, оставлял некорректные, оскорбительные комментарии в их адрес и всех сотрудников полиции. При помощи имеющихся у них при себе мобильных телефонов, сотрудники полиции вошли в социальную сеть «ВКонтакте» на страницу пользователя «И. Г.» Были обнаружены также негативные комментарии пользователей к данным видеороликам.

---

[1] См.: *Букалерова Л.А., Остроушко А.В.* Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1. С. 42–44.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Букалерова Л.А., Остроушко А.В., Криез О.* Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 1. С. 17–19.

Видеороликов всего в этот день при участии сотрудников полиции было отснято 6 штук, под названием «Протест палатка» длительностью 2 часа 03 мин. 35 сек., «Суд» длительностью 2 часа 26 мин. 42 сек. размещены в сети Интернет на странице пользователя Г. В связи с совершением Г. административного правонарушения, палатка была изъята, Г. был доставлен в суд. Постановлением суда признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч.№ КРФобАП, ему назначено наказание в виде административного ареста, которое было исполнено.

В суде Г. продолжал видеосъемку, негативно комментируя также действия судьи, рассматривающей дело, и работников суда. Факт прямой трансляции видеосъемки в сеть Интернет подтверждается также тем, что в служебном автомобиле по пути следования в отдел полиции и в суд находились только сотрудники полиции и Г., последний, игнорируя требования сотрудников полиции прекратить съемку в служебном автомобиле в связи с тем, что она запрещена, продолжал съемку на находящийся в его руках мобильный телефон, снятое видео из автомобиля спустя некоторое время, появлялось на странице Г.

Суд считает, что компенсация морального вреда в размере по 5000 руб. каждому в пользу К. и Л., подлежит взысканию госпошлина в размере 3300 руб., а также гражданин Г. обязан удалить видеозаписи под названием «Протест палатка», «Суд» с изображением Л. и К., размещенные в социальной сети на странице пользователя «И. Г.» и запретить дальнейшее распространение этих видеозаписей.

Второй случай: Максимова Е.В. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю Глотовой А.В. о защите права на охрану своего изображения. Свои требования мотивировала тем, что ответчик активно использует ее изображение на сайте студии волос, а также в каталоге продукции. Поскольку своего согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения она не давала, никакой договор между ней и студией не заключался; действиями ответчика нарушены ее личные неимущественные права. В связи с этим она просила суд обязать ответчика удалить свое фотографическое изображение с сайта запретить распространение своего фотографического изображения, взыскать с ИП Глотовой А.В. в ее пользу в качестве компенсации морального вреда 1 500 000 руб., судебные расходы на сумму 34 400 руб.

Инстанцией ранее, районный суд г. Красноярска от 01 июля 2011 г., постановил: «Исковые требования Максимовой Е.В. удовлетворить. Обязать Глотову Аллу Викторовну удалить фотографические изображения Максимовой Е.В. с сайта. Запретить ИП Глотовой А.В. распространение фотографических изображений Максимовой Е.В. Взыскать с Глотовой А.В. в пользу Максимовой Е.В. компенсацию морального вреда на сумму 40 000 руб., судебные расходы на общую сумму 35000 руб., всего: 75 000 руб.».

Судебная коллегия определила: решение Советского районного суда г. Красноярска от 01.07.2011 г. изменить. Снизить размер подлежащей взысканию с Глотовой А.В. в пользу Максимовой Е.В. компенсации морального вреда до суммы 15000 рублей, размер судебных расходов до 25 000 рублей, а всего взыскать 40000 рублей. В остальной части решение суда оставить без изменения, а кассационную жалобу Глотовой А.В. без удовлетворения.

Следует сделать вывод, что в современной действительности право граждан на изображение и особенности его охраны, защиты изучены недостаточно, а правовые нормы в этой области отстают от темпов развития общественных отношений. К сожалению, сама ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ не содержит никакой конкретной защиты права на изображение гражданина. Я считаю, что государство обязано защищать права изображения своих граждан и в Уголовном кодексе РФ стоит ввести отдельную статью, которая будет регулировать вопросы, связанные с охраной изображения, а также определять меру ответственности за правонарушения данного характера, потому что закрепление способов защиты в законе значительно упростило бы будущую защиту граждан.

К.С. Новиков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Проводина Е.В. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С БЛАНКЕТНОЙ ДИСПОЗИЦИЕЙ

Аннотация: *настоящая работа посвящена исследованию уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией через призму межотраслевого взаимодействия, предлагаются законодательные изменения, которые позволят повысить качество уголовного закона при конструировании бланкетных норм.*

Ключевые слова: *межотраслевые связи, бланкетные нормы, нормы иной отраслевой принадлежности.*

Цель настоящего исследования, его итоговым результатом является выработка конструктивных предложений по решению некоторых проблем, возникающих при применении бланкетных норм. Для достижения данной цели автор ставит задачу проанализировать бланкетные нормы в контексте их межотраслевого взаимодействия, выявить некоторые проблемы, являющиеся результатом такого взаимодействия, а также дать им свою оценку.

Следует начать с того, что в юридической науке вопрос о межотраслевых связях не является новым и достаточно хорошо изучен как в рамках общей теории права, так и на отраслевом уровне[1]. Под связью принято понимать отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-либо[2]. В уголовном праве эта за-

[1] См.: *Пикуров Н. И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук, Волгоград, 1998.

[2] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.

висимость проявляется по-разному – это и так называемые нормы с административной (судебной) преюдицией, и нормы с бланкетной формой изложения диспозиции. Надо заметить, что последние наиболее часто встречаются в действующем уголовном законодательстве. Стоит только обратить внимание на главу 22 Уголовного кодекса РФ, которая полностью состоит из бланкетных норм[1].

Касаясь немного сущности бланкетных норм[2], необходимо отметить, что в содержании бланкетной диспозиции условно можно выделить две величины – постоянную и переменную. Постоянная величина – это совокупность криминообразующих признаков, лежащих в основе состава преступления. К примеру, в рамках нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ), постоянными являются признаки субъекта преступления, т.е. это лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда, а также признаки объективной стороны – последствия в виде неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью человека. Сущность постоянных признаков заключается в том, что они не могут быть изменены нормами иной отраслевой принадлежности в силу действия принципа законности. Переменная же часть – это регулятивные нормы, несоблюдение которых, при наличии криминообразующих признаков, влечет уголовную ответственность. Применительно к нарушению требований охраны труда таковыми являются правила, установленные трудовым законодательством. Изменение требований в области охраны труда не влечет изменения уголовно-правовой нормы, поскольку не затрагивает криминообразующих признаков. Такая законодательная конструкция позволяет сочетать присущую охранительным нормам стабильность с динамичностью регулятивного законодательства, что в конечном итоге повышает эффективность механизма уголовно-правового воздействия.

В силу динамичности правотворческого процесса в регулятивных отраслях права, происходит усложнение межотраслевых связей. Такое усложнение оказывает значительное влияние на процесс квалификации преступлений, признаки которых отражены в бланкетных нормах. В связи с этим возникают вопросы, связанные с возможностью применения к уголовным правоотношениям отраслевых актов меньшей юридической силы, чем федеральные законы, правилами действия юридических актов иной отраслевой принадлежности во времени и в пространстве, их обратной силы и влияния этих правил на процессы квалификации преступлений.

Решая вопросы квалификации, как верно отметил Н.И. Пикуров, правоприменителю приходится решать задачи установления двух границ нормативного материала: горизонтальной и вертикальной[3]. Горизонтальная граница позволяет определить группу нормативных актов, которые непосредственно регулируют вопросы юридического факта, лежащего в основе совершения преступления или являющегося предпосылкой (условием) совершения преступления. Вертикальная граница определяет конкретный юридический акт, позволяющий конкретизировать признаки состава преступления, исходя из общих правил юридической силы нормативно-правовых актов. Приведем пример. Статья 226[1] УК РФ устанавливает уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, стратегически важных товаров и ресурсов, культурных ценностей, особо ценных диких животных, а также ряда других товаров. Для конкретизации данного перечня товаров необходимо обращаться к российскому таможенному законодательству, а также к соответствующему законодательству Таможенного союза. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии утвержден Единый перечень товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз или вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами[4]. Применительно к стратегически важным товарам и ресурсам существует Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ[5]. Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 УК России включает в себя товары и ресурсы, как подпадающие под установленные таможенным законодательством Таможенного союза и нормативными правовыми актами Российской Федерации запреты и ограничения на ввоз товаров на таможенную территорию Таможенного союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Таможенного союза или из Российской Федерации, так и не подпадающие под эти запреты и ограничения. Кроме того, некоторые товары, содержащиеся в Перечне, утвержденном Постановлением Правительства, отсутствуют в Перечне Таможенного союза. Правоприменитель, решая вопрос о том, каким из перечней необходимо руководствоваться при спорном вопросе квалификации преступления, прежде всего должен исходить из общих правил о юридической силе нормативно-правовых актов. В силу положений статьи 79 Конституции РФ, Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения Евразийской экономической комиссии составляют право Таможенного союза и в сферах, относящихся к исключительной компе-

[1] См.: *Коренная А.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: учебник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. С. 23.

[2] См.: Автор использует в данной работе термины «бланкетная норма» и «норма с бланкетной диспозицией» в едином значении, несмотря на то, что некоторые исследователи признают наличие бланкетных гипотез (См.: *Сельский А.В.* Место бланкетности в определении понятия и структуры уголовно-правовой нормы // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 159).

[3] См.: *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М.: Российская академия правосудия, 2009. С. 75.

[4] См.: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» (в ред. от 09.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» (в ред. от 08.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

тенции Союза, должен обеспечиваться приоритет права Союза над национальными правовыми актами[1]. Следовательно, определив сферу исключительной компетенции Союза, правоприменитель может решить вопрос о вертикальных границах нормативного материала. Данный пример наглядно демонстрирует необходимость правоприменителя ориентироваться в обширном пласте отраслевого законодательства при квалификации преступлений.

Особенностью норм с бланкетной диспозицией является то, что термины и понятия, используемые в них, уголовному праву и законодательству неизвестны. Они либо раскрываются в гражданском, налоговом, финансовом и иных отраслях права, либо вообще отсутствуют, как, например, понятие незарегистрированного лекарственного средства в статье 238[1] УК РФ. В целях единообразного понимания правоприменителем одних и тех же понятий, мы считаем возможным в рамках раздела 1 Общей части УК выделение отдельной главы «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», которая будет содержать понятия иной отраслевой принадлежности, прямо названные в нормах с бланкетными диспозициями, а также отсутствующие в нормах уголовного закона, но вытекающие из обращения к другим отраслям права и вследствие этого имеющие значение для квалификации преступлений. Дополнительно следует оговорить, что «понятия, отсутствующие в настоящей статье, необходимо толковать в соответствии с их общепринятым значением в гражданском, налоговом, банковском, таможенном, административном и ином законодательстве».

Подытоживая существующие проблемы в применении бланкетных норм, часть из которых являются неизбежными, а часть требует дальнейшего законодательного совершенствования, еще раз отметим, что наличие отраслевых коллизий и пробелов в регулятивном законодательстве негативно влияет на применение бланкетных норм, бланкетные нормы часто становятся предмет проверки на их соответствие Конституции РФ, что подчеркивает спорный характер такого законодательного приема. В то же время, бланкетные нормы, являясь точкой соприкосновения уголовного права с другими материальными отраслями права, выступают в качестве результата реализации принципа системности права. Здесь очень точно подойдет высказывание Н.И. Пикурова: «Бланкетную диспозицию, обращаясь к технической терминологии, можно сравнить с рессорой, которая позволяет жесткой в целом структуре уголовного закона выдержать колебания – перманентные изменения содержания охраняемого им объекта, посредством сочетания стабильности уголовного закона с гибкостью и подвижностью подзаконных нормативных актов»[2]. Таким образом, цель нашего исследования достигнута, задачи, поставленные вначале, выполнены в полном объеме.

[1] См.: Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10.07.2018 «По заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Пикуров Н.И.* Действительные и мнимые проблемы бланкетной диспозиции уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2005. С. 74.

К.Ю. Орехов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Садчиков М.Н. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов

СТРАХОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОРГАНИЗАЦИЙ ОТ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ

Аннотация: *страхование ответственности – это институт, который помогает обеспечить возмещение ущерба в случае наступлении страхового случая. В данной статье будет рассмотрена проблема внедрения института страхования ответственности должностных лиц и организаций как способа борьбы с образованием задолженностей по уплате налогов.*

Ключевые слова: *страхование, юридические лица, должностные лица.*

В данной статье будет рассмотрена проблема страхования ответственности должностных лиц организаций и проблема страхования ответственности организаций налогоплательщиков. Прежде чем приступить к раскрытию темы следует отметить, что страхование можно разделить на страхование публичных интересов и страхование частных интересов. Страхование ответственности организаций следует отнести к страхованию публичных интересов. Институт страхования ответственности должностных лиц относится к институту страхования частных интересов. Следует отметить, что договор страхования ответственности должностных лиц в предлагаемой в данной статье конструкции можно отнести к страхованию частно-публичных интересов. Данный подвид классификации в науке не предлагается и поэтому обладает научной новизной. Обоснование данной позиции будет представлено в данной работе.

Актуальность исследования проблемы страхования ответственности налогоплательщиков организаций связана с тем, что в настоящее время неуплата налогов и сборов приводит к непоступлению значительных финансовых средств в бюджетную систему страны. Так согласно статистическим данным, выложенным на сайте Федеральной службы государственной статистики размер задолженности по федеральным налогам сборам, пени составляет 1830 миллиардов 4 миллиона рублей.[3]

[3] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/720177907/?page=1&*=wzQLnlwiW6bC60QiaakiKocWFU17InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVITWFIYmVQcFl0QTB4Vlo0eFpTQ0UyN002Vk41OXdPa3oyZk9mTDByVTJwMjc2TDhVYlBvejRMV1ZBa0h3T2hwNGduMzhfcVRwYllYYkVRQnd2OWlKRTF1RXdDczB4eVdIckpvVkh4aXNkVHhoVDFyWURERlQtOHpHa0tWWjZVcnc9PT9zaWduPU1tX0Y4VDM1T2JZWTNuY2hQQUx5SU84SGx4aThZSVhCOHBTWWpsazFfT2c9IiwidGl0bGUiOiJmaW4yNC5kb2N4Iiwibm9pZnJhbWUiOmZhbHNlLCJ1aWQiOiI3MjAxNzc5MDciLCJ0cyI6MTYzNzIyM

В связи с эпидемией размер задолженности значительно вырос, за счёт банкротства организаций, что причинило ущерб бюджетной системе. В целях противодействия неуплате налогов и сборов со стороны организаций вследствие их недобросовестных действий, а также возникновения чрезвычайных ситуаций, приводящих к невозможности организаций уплачивать налоги, представляется необходимым рассмотреть перспективы введения обязательного страхования налоговой ответственности организаций. Следует отметить, что в мировой практике не наблюдались попытки создания подобного вида страхования. Однако, в научной литературе существуют позиции по поводу рассмотрения данного вопроса. В целях раскрытия темы представляется необходимым рассмотрение различных точек зрения, направленных на решение данной проблемы. Л.В. Крючкова отмечает, что введение данного правового института позволило бы сократить расходы на налоговое администрирование, обеспечить гарантированность поступления налоговых средств в бюджетную систему. Однако в целях введения данного вида страхования потребуется преобразование системы государственных органов в области регулирования данных отношений. В частности, потребуется создание Федерального налогового агентства. Необходимость создания данного института вызвана необходимостью защиты охраняемой законом тайны организаций, и проведением налоговыми органами мероприятий в части урегулирования налоговой задолженности. Федеральное налоговое агентство будет выполнять функции по аккумуляции страховых премий и формированию резервного фонда, а также по анализу статистических данных необходимых для определения стоимости страхового полиса. В дальнейшем данная информация будет направляться в Правительство РФ для принятия решения об определении стоимости страхового полиса. Также агентство будет собирать информацию о задолженностях по уплате налогов со стороны юридических лиц. Данная служба будет подведомственна Федеральной налоговой службе, в функции которой добавиться мониторинг налоговой задолженности.[1] Представляется необходимым отметить, что введение института обязательного страхования налоговой ответственности требует проведение определённых законодательных изменений в целях приспособления данного института к российской правовой системе. Представляется необходимым поддержать позицию Р.И. Шумяцкого по принятию комплекса правовых мер в целях приспособления данного правового института к российской правовой системе. По мнению государственного служащего, представляется необходимым внести следующие изменения:

- необходимо найти оптимальное соотношение между стоимостью налогового полиса и величиной предоставляемых, в связи с этим гарантированных компенсационных выплат в государственный бюджет, основывая данную методику на описании средних характеристик налогоплательщиков, таких как рентабельность, размер уплачиваемых налогов, число работающих лиц, организационно-правовая форма, число активов;
- в целях образования фонда, из которого будут производится компенсационные выплаты необходимо на первом этапе ввести налогообложение только крупных налогоплательщиков;
- необходимо установление единых страховых тарифов на всей территории России;
- должна применяться система повышающих и понижающих коэффициентов, которая обеспечивает соответствие между стоимостью приобретаемого налогового полиса и степенью налогового риска, так в случае добросовестного исполнения юридическим лицом обязанностей по добросовестной уплате налогов размер уплачиваемых страховых премий будет понижаться;
- данный институт должен также предусматривать компенсацию ущерба, причинённого действиями юридического лица, уклоняющегося от постановки на налоговый учёт».[2] Представляется необходимым согласиться с позицией данного учёного о поэтапном внедрении института обязательного страхования налоговой ответственности, в основе которой должны лежать статистические данные анализа хозяйственной деятельности юридических лиц, т.к. это позволит усовершенствовать систему налогового контроля, т.к. в проведении налогового мониторинга будут также заинтересованы страховые организации, что позволит усовершенствовать меру противодействия неуплате налогов и сборов, а также поможет защитить интересы государства в случае, если массовая неуплата налогов произошла в результате чрезвычайных ситуаций. В случае чрезвычайных ситуаций налоговая служба не всегда имеет возможность по проведению качественного налогового контроля из-за большого количества обанкротившихся организаций не способных уплачивать налоги, возможного коррупционного фактора со стороны должностных лиц налоговых органов, при которых во внимание могут быть не приняты определённые обстоятельства, влияющие на определение налоговой базы. В данной ситуации страховые организации будут иметь значительную роль при проведении налогового контроля, т.к. налоговые правонарушения затрагивают интересы также страховых организаций как юридических лиц.

На основе представленных выше точек зрения представляется необходимым внедрить институт страхования ответственности юридических лиц в российскую правовую систему. Механизм страхования будет из себя представлять следующее. Так страховым случаем в данном виде страхования будет выступать невозможность уплаты организацией денежных средств, страхователем будет являться организация налогоплательщик, страховщиком будет выступать Федеральное налоговое агентство, выгодоприобретателем будет выступать государство. Следует отметить, что неуплата налогов организацией может являться следствием действий должностного лица поэтому представляется необходимым установить, что в случае установления вины должностного лица страховая премия

jY0NDA2OSwieXUiOiIzNjIxOTAzNjQxNjI3ODQyMzQ0In0 %3D (дата обращения: 27.11.2021).

[1] См.: Крючкова, Л.В. Перспективы введения обязательного страхования налоговой ответственности юридических лиц // Современное состояние и перспективы развития рынка страхования : материалы III Международной научно-практической конференции, приуроченной ко Дню страховщика. Воронеж, 2018. С. 83–86.

[2] См.: *Шумяцкий Р.И.* Налоговый полис: новые гарантии для государства // Сибирская финансовая школа. 2004. № 2(51). С. 52–56.

должна в себя включать 50 процентов от общего объёма ущерба, возмещение остальной части ущерба представляется необходимым обеспечить с помощью фондов страхования ответственности должностных лиц, которые будут описаны ниже после рассмотрения ответственности организаций. Необходимо согласиться с позицией Шумяцкого Р.И. о поэтапном внедрении данного института в российскую правовую систему. Необходимо в начале внедрение страхования в отношении организаций крупнейших налогоплательщиков.

Представляется необходимым также внедрение фонда страхования ответственности должностных лиц. Актуальность страхования ответственности должностных лиц организаций налогоплательщиков связана с тем, что согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»[1] в случае, если неуплата налогов произошла в результате неправомерных действий должностного лица организации, организация-налогоплательщик может привлечь должностное лицо к субсидиарной гражданской ответственности. В современной судебной практике имеют место судебные споры, связанные с привлечением к субсидиарной ответственности должностных лиц организаций. Так Арбитражным судом Уральского округа была признана недобросовестность действий должностных лиц на основании акта налоговой проверки. В частности при проведении выездной налоговой проверки было установлено, что получение ООО «Борщевик» налогового вычета связано с недобросовестными действиями А.Б. Меньшенина, которые заключались в применении схемы расчётов, при которой денежные средства перечисленные обществу «Юг-сервис» в пользу общества «Профнастил-юг», возвращались обществу «Юг-сервис»-взаимозависимому лицу общества «УЗГЦ», а конечным получателем денежных средств выведенных из общества «УЗГХ», являлось общество «Юг-сервис», в котором А.Б. Меньшенину принадлежала доля в размере 50 % уставного капитала, а его жена имела долю капитала 25 %.[2] Следует отметить, что размер убытков, устанавливаемых для взыскания судом составляет крупные суммы и не всегда должностное лицо может возместить их в порядке субсидиарной ответственности. Невозможность взыскания убытков может привести к неплатёжеспособности предприятия и невозможности у государства взыскать с предприятия денежные средства для погашения налоговой задолженности. В связи с чем необходимо внедрение института страхования ответственности должностных лиц и введение специального фонда, который будет заниматься данными вопросами. Следует отметить, что институт страхования ответственности руководителей с точки зрения состава данного договора, который будет рассмотрен в настоящей работе носит уникальный характер и не имеет аналогов в мировой практике. Фонд страхования ответственности должностных лиц будет преследовать две цели:

1. В случае установления умышленной вины должностного лица в привлечении организации к налоговой ответственности данный фонд будет выплачивать страховую премию, которая должна в себя включать 50 % размера выплачиваемой страховой премии, в случае если вины должностного лица не доказана страховую премию будет уплачивать фонд страхования ответственности организаций, а также определённый размер выплаты необходимый для восстановления платёжеспособности организации.

2. В случае невозможности получения средств из фонда страхования ответственности организаций фонд страхования ответственности должностных лиц будет обязан выплатить страховую премию полностью. При этом в обоих случаях в случае привлечения должника к субсидиарной ответственности и уплаты страховщиками страховой премии страховые фонды становятся по отношению к страхователю кредиторами и могут взыскать с него средства в пределах выделенных сумм в целях погашения задолженности. Следует отметить, что для реализации обоих целей потребуется внесение изменений в статью 963 Гражданского Кодекса РФ, т.к. в настоящее время согласно статье 963 страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица. Данные изменения будут способствовать реализации механизма страхования. Страховым случаем по данному виду страхования будет являться неплатёжеспособность предприятия, вызванная взысканием налогов, при этом обязательным условием наступления ответственности будет являться неуплата организацией налогов в результате неправомерных действий должностных лиц. Страхователем по данному виду страхования будут выступать должностные лица, которые будут за счёт собственных средств вносить страховые взносы. Страховщиком по данному виду страхования будет выступать фонд страхования ответственности должностных лиц. При этом данный институт будет применяться в качестве вспомогательного по отношению к основному институту страхования, а именно страхованию ответственности организаций. Страховой случай будет наступать в случае невозможности за счёт основного фонда, а именно фонда страхования ответственности организаций, обеспечить возмещение средств необходимых для покрытия ущерба бюджетной системе, а также в случае установления вины лица в неуплате организацией налогов. Выгодоприобретателем по данному виду страхования будет выступать организация. Плательщиком страховых взносов будет выступать должностное лицо организации. Размер премии должен будет носить строго фиксированный характер, а именно 50 процентов суммы страховой премии, исчисляемой от объёма ущерба в случае установления вины должностного лица. Получив страховую премию, организация сможет потратить часть премии на уплату налоговой задолженности, а другую часть на поддержание

[1] Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. 2013. 30 авг.

[2] Постановление Арбитражного суда Уральского округа г. Екатеринбурга № Ф09-5061/16 от 10 декабря 2018 г. по делу № А60-56055/2014. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6b65e81d-f7ff-4f01-907e-1463abcdd6d2/c780f439-e755-479e-8a9f-eb30773e95fb/A60-56055-2014_20181210_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.01.2022).

собственной платёжеспособности. Следует отметить, что использование средств страховых выплат должно иметь строго целевое назначение. Использование средств должно быть направлено на достижение организацией минимальных показателей необходимых для уплаты налоговой задолженности, пени, штрафов, а также обеспечение способности организации в дальнейшем нести налоговое бремя. Страховой фонд будет образовываться за счёт взносов должностных лиц всех организаций страны. Данный вид страхования будет защищать как частные, так и публичные интересы: частные интересы данный вид страхования будет защищать посредством защиты предприятия от банкротства, публичные-путём обеспечения взыскания налоговой задолженности. Следовательно, данный вид страхования можно отнести к частно-публичным видам страхования.

В целях адаптации данного института к правовой системе представляется необходимым в начале ввести страхование ответственности должностных лиц организаций исключительно в отношении работников коммерческих предприятий, имеющих существенное хозяйственное и экономическое значение для развития страны. Данные меры будут способствовать обеспечению защиты бюджетных интересов в случае, если основной фонд страхования ответственности юридических лиц не сможет предоставить необходимые средства для покрытия страхового ущерба. Предложенные меры будут способствовать поддержанию хозяйственной деятельности экономически значимых предприятий, а также обеспечат взыскание налогов при чрезвычайных ситуациях.

На основе вышеизложенного сделаем вывод, что необходимо введение института страхования ответственности организаций, а также необходимо введение института страхования ответственности должностных лиц. Данные меры позволят бюджету страны предотвратить дефицит бюджета, вызванный неуплатой налогов. При этом внедрение обоих налоговых институтов должно носить последовательный характер. Первоначально необходимо введение данного института в отношении должностных лиц организаций налогоплательщиков, а также должностных лиц организаций, которые имеют существенное хозяйственное и экономическое значение для экономики страны в целях предотвращения их банкротства. При этом страхование ответственности организаций будет носить исключительно публичный характер и защищать публичные интересы, а институт страхования ответственности должностных лиц будет носить частно-публичный характер, т.к. будет защищать как интересы организации, так и интересы государства. Также необходимо внесение изменений в статью 963 ГК РФ в целях обеспечения внедрения вышеуказанных институтов страхования в правовую систему.

Е.Ю. Павлов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Насиров Н.И.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ ОСОБОГО РЕЖИМА И ЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: *в работе на основе анализа целей уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства предпринята попытка определения предназначения исправительной колонии особого режима. Установлено, что предназначение данного исправительного учреждения проявляется в двух направлениях: а) изоляция осужденных к лишению свободы от общества, т.е. лишение их объективной возможности совершения новых преступлений в период отбывания наказания либо ограничение такой возможности; б) создание условий для исправления осужденных к лишению свободы посредством закрепленных стимулов и дисциплинирующих психолого-педагогических и воспитательных мер, нацеленных формирование положительных изменений личности осужденного.*

Ключевые слова: *наказание, осужденный, исправительная колония особого режима, изоляция, исправление осужденных.*

В условиях продолжающейся гуманизации уголовно-исполнительной системы требуется переосмысление и дополнение сложившихся в доктрине идей относительно предназначения исправительных учреждений, включая колонии особого режима. Для того, чтобы определить предназначения исправительных колоний особого режима необходимо обратиться к вопросу о соотношении целей уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства. Представляется, что именно названные цели определяют полноценное функционирование институтов уголовно-исполнительной системы.

С развитием уголовного права происходила закономерная эволюция целей наказания, отражающая социальные процессы гуманизации. Сегодня, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений[1]. Как справедливо отмечает С.Ю. Скобелин, имеющийся подход к целям наказания, который отражен в современном российском уголовном законодательстве, вытекает из особого отношения к индивиду, как представителю человеческого рода[2].

Если в уголовном праве наказание, главным образом, рассматривается как юридический инструментарий в связи с формулированием условий действия и назначения, то в уголовно-исполнительном праве, наказание анализируется в контексте его непосредственного исполнения. Так, конкретизируя предмет уголовно-исполнительного

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] См.: *Скобелин С.Ю.* Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века // Lex russica. 2016. № 4. С. 124.

права и отграничивая его от предмета уголовного права, Н.И. Насиров справедливо указывает на конкретно осужденного в части формирования у его личности социально ориентированных ценностей, позволяющих ей вести сознательно-законопослушный образ жизни, как в период отбывания наказания, так и после освобождения от его отбывания[1]. Согласно ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее по тексту – УИК РФ), уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами[2].

Цели, стоящие перед уголовным наказанием и уголовно-исполнительным законодательством, предопределяют социальную направленность всех органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Как отмечает А.К. Теохаров, цели уголовно-исполнительного законодательства направляют на эффективное функционирование уголовно-исполнительной системы и упорядочение уголовно-исполнительных отношений[3]. Представляется, что названный автор не случайно соотносит цели уголовно-исполнительного законодательства с организационными аспектами деятельности пенитенциарной системы. Ведь исправление осужденных, осуществляемое в рамках исправительных учреждений, предполагает обеспечение достижения будущего социально-полезного результата.

В ч. 2 ст. 74 УИК РФ встречается термин «предназначение» применительно к указанию на функциональную роль исправительных колоний: отбывание наказания в виде лишения свободы, сутью которого выступает изоляция осужденных. Поэтому, в первую очередь, исправительные колонии особого режима реализуют специальную превенцию и нацелены на изоляцию особо опасных преступников. Как отмечается в научной литературе, такие исправительные учреждения призваны обеспечить надежную уголовно-правовую защиту личности, общества и государства, а потому предполагают особые условия отбывания наказания в виде лишения свободы[4]. Это подтверждается также исследованием социального назначения исправительных учреждений, проведенного Н.И. Нарышкиной, по мнению которой, такое предназначение сводится к созданию режима изоляции преступников[5]. С.Н. Бычков справедливо указывает, что основной критерий определения места колоний особого режима в системе исправительных учреждений заключается в изоляции наиболее опасной категории преступников, т.е. лиц, совершивших особо опасный рецидив преступлений, и их исправления[6]. Тем самым, путем изоляции от общества реализуется цель уголовно-исполнительного законодательства – предупреждение совершения преступлений, т.к. осужденный, находясь в изоляции, может нанести минимум вреда (потенциально лишь в отношении сокамерников и сотрудников исправительных учреждений). В исправительных колониях особого режима отбывают наказания осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы. Например, Н.В. Желоков отмечает, что исключительный характер пожизненного лишения свободы обусловливается своеобразием стоящей перед ним доминирующей цели – надежная уголовно-правовая защита личности, общества и государства, что выражается в особых условиях отбывания наказания. Следует отметить, что подобная цель защиты общества в случаях назначения наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления характерна и для зарубежных стран[7].

В свою очередь, воспитательное предназначение исправительных колоний общего режима (в контексте исправления преступников) ставится многими авторами под сомнение. С.Н. Бычков полагает, что в исправительных колониях особого режима содержатся не только опасные, но и педагогически запущенные лица, применение к которым воспитательных мер бесперспективно. М.С. Рыбак отмечал, что ресоциализация осужденных на длительные сроки, а, тем более, осужденных пожизненно также малоэффективно[8]. На этом основании М.А. Тулиглович указывает, что преступник в исправительных колониях особого режима находится лишь для «обезвреживания и исключения его дальнейшей опасности для общества»[9]. Позволим себе не согласиться с таким подходом, полностью исключающим воспитание и исправление из предназначений колоний особого режима.

Видный французский философ Мишель Фуко в своей известной работе «Надзирать и наказывать» называет «тюрьмы» в широком смысле (как любые учреждения, предназначенные для отбывания наказания в виде лишения свободы) особым дисциплинарным пространством, где каждому осужденному в воспитательных целях отведено конкретное место, а его жизнь четко регламентирована[10]. В.М. Анисимков подчеркивал, что по сравнению с тюрьмами в исправительных колониях особого режима к осужденным применяются императивные меры

---

[1] См.: *Насиров Н.И.* Предмет и метод уголовно-исполнительного права и их содержание // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: матер. IX междунар. научно-практ. конф. ; ред.: Э.Ю. Кузьменко и др. Саратов, 2020. С. 371.

[2] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 1997. № 2, ст. 198.

[3] См.: *Теохаров А.К.* О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 153–154.

[4] См.: *Желоков Н.В.* Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 6.

[5] См.: *Нарышкина Н.И.* Функционирование тюрем в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: Организационный и правовой аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2006.

[6] См.: *Бычков С.Н.* Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях особого режима: организационно-правовые вопросы и характерные особенности: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 5–6.

[7] *Малешина А.В.* Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017. С. 144.

[8] *Рыбак М.С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практик: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. С. 30–31.

[9] *Тулиглович М.А.* Цели наказания через призму пожизненного лишения свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 4. С. 39.

[10] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

воспитательного воздействия[1]. Б.З. Маликов, на наш взгляд, справедливо полагает, что в число задач исправительных колоний особого режима, наряду с изоляцией особо опасных преступников, входит и формирование у осужденных ориентации на исправление[2]. Формально в пользу воспитательного предназначения исправительных колоний особого режима указывает сама возможность изменения вида исправительного учреждения в силу поведения осужденного. Также при пожизненном лишении свободы существует такая возможность льгот, как условно-досрочное освобождение не ранее чем через 25 лет при условии не совершения за это время нового тяжкого или особо тяжкого преступления, а также отсутствие каких бы то ни было взысканий за последние 3 г. Названные стимулы призваны направить поведение осужденного в нужное русло исправления.

В связи с изложенным, можно отметить, что предназначение исправительной колонии особого режима следует оценивать с позиций целей наказания и уголовно-исполнительного законодательства. Нашим основным тезисом является то, что все исправительные учреждения, в том числе и колонии особого режима, преследуют цели, которые выделяет современное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Поэтому предназначение исправительных колоний особого режима сводится к тому, чтобы, во-первых, изолировать осужденных к лишению свободы от общества, лишив их объективной возможности совершения новых преступлений в период отбывания наказания либо ограничение такой возможности; во-вторых, создать условия для исправления осужденных к лишению свободы посредством закрепленных стимулов и дисциплинирующих психолого-педагогических и воспитательных мер, нацеленных на формирование положительных изменений личности осужденного.

Н.С. Павлычев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Быстрова Е.Ф. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ БАНКА РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Аннотация: *ключевая ставка Банка России является важнейшим инструментом регулирования денежно-кредитной политики в Российской Федерации. В условиях тяжёлой экономической ситуации ключевая ставка направлена на стабилизацию финансового рынка и банковского сектора в частности.*

Ключевые слова: *Банк России, ключевая ставка, регулирование банковского сектора.*

В нынешних условиях тяжёлой экономической ситуации для Российской Федерации, которые, на мой взгляд, можно назвать кризисом или, по крайней мере, его началом, контроль Банка России за финансовыми рынками, в том числе и за банковским сектором является одним из немногих барьеров, позволяющих сдерживать дальнейшую эскалацию возможных негативных экономических последствий.

На данный момент, Центральный банк РФ является главным регулятором финансового рынка. Банковский сектор, в свою очередь, является неотъемлемой частью финансового рынка, можно даже сказать, одной из крупнейших частей финансового рынка.

Учитывая важность банковского сектора для экономики страны, Банк России наделён соответствующими контрольно-надзорными полномочиями, которые установлены в ст. 4, а также ст. 56 ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации".[3]

Одним из инструментов регулирования банковского сектора является ключевая ставка Банка России. До 2013 г. существовала только процентная ставка рефинансирования, а с 2016 г. ключевая ставка стала ориентиром для неё, а точнее значения ставки рефинансирования с того момента начало приравниваться к значению ключевой ставки. Хоть процентная ставка рефинансирования и не была упразднена, фактически, как в теории, так и на практике используют именно обозначение "Ключевая ставка", наделяя это понятие свойствами как ключевой ставки, так и процентной ставки рефинансирования. Поэтому, в данной статье мы будем говорить о ключевой ставке как об общем понятии.

Ключевая ставка представляет собой процентную ставку по основным операциям Банка России с целью регулирования ликвидности банковского сектора, кроме того, она является минимальной процентной ставкой, по которой банки берут деньги в кредит у Банка России. Таким образом, она напрямую влияет на процентную ставку банков по депозитам и займам: Чем больше будет ключевая ставка, тем дороже будут обходиться кредиты для банков, которые они будут брать у Центрального Банка, следовательно, тем большие процентные ставки они будут устанавливать на свои операции[4]. Это также действует и в обратную сторону с уменьшением ключевой ставки.

Не стоит забывать также о том, что ключевая ставка является ещё и инструментом регулирования уровня инфляции. Инфляция сама по себе также влияет на деятельность банков. При росте инфляции номинальные денежные активы и пассивы начинают расти, однако,

[1] Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / под ред. В.М. Анисимкова. Краснодар, 2008. С. 65.

[2] *Маликов Б.З.* Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 7.

[3] См.: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 31.12.2021) // Рос. газ. 2002. № 127; 2022. № 2–3.

[4] См.: *Геворкян М.Г., Павлова К.Н.* Влияние ключевой ставки на темпы инфляции // Вопросы науки и образования. 2018. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-klyuchevoy-stavki-na-tempy-inflyatsii (дата обращения: 15.04.2022).

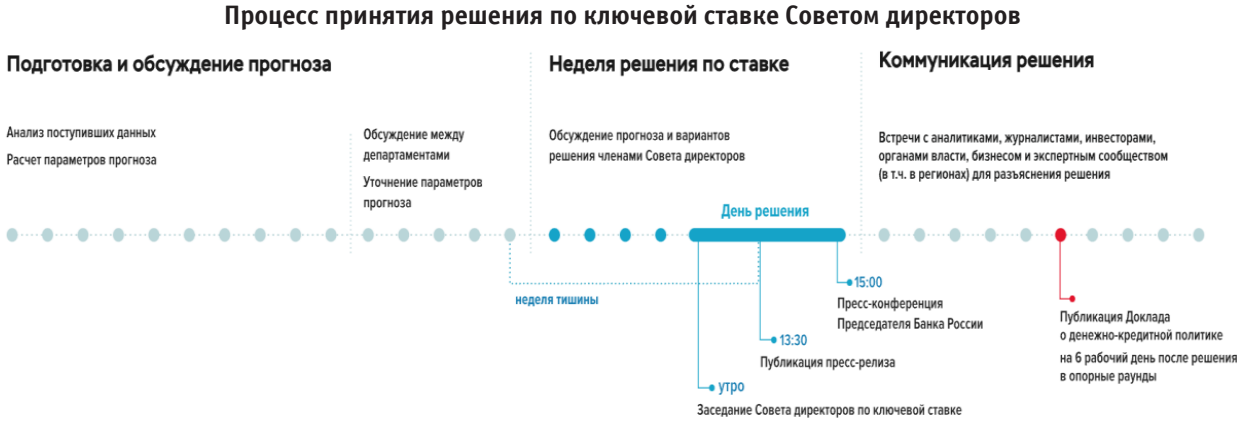

Рисунок 1.

фактически, реальные капиталы банков снижаются ил-за обесценивания самих денежных средств.[1] А поскольку сами банки могут выступать как двигатели инфляционных процессов, Банк России, в целях стабилизации экономики, обязан осуществлять своеобразный контроль за процессами, которые могут привести к росту инфляции. Таким образом, ключевая ставка на двух разных уровнях влияет на деятельность банков: в области установки процентной ставки потребительского кредитования и в области сдерживания темпов роста инфляции, которая бы привела к обесцениванию денежных активов банков.

Каким же образом и где закрепляется ключевая ставка? Процесс установления ключевой ставки Банка России установлен в Письме Банка России от 19.07.2017 № 20-ОЭ/15938 «О рассмотрении обращения»[2]. Ключевая ставка устанавливается Советом директоров Банка России на четырех опорных заседаниях, которые проводятся один раз в квартал, и на четырех промежуточных, которые проводятся между опорными. После каждого заседания публикуется пресс-релиз о ключевой ставке, а на 6 рабочий день после опорного заседания Банк России публикует Доклад о денежно-кредитной политике. Весь процесс достаточно точно отражён в схеме на сайте Банка России[3] (см. рис. 1).

Можно долго описывать процесс принятия решения по изменению ключевой ставки, однако это не является предметом исследования в этой статье. Что нас больше интересует, так это финальный документ, который устанавливает ключевую ставку на определённый промежуток времени. Если проанализировать сайт Банка России, на котором нам предоставляют доступ к различным правовым актам, нормативным актам и иным документам, то можно сделать вывод, что пресс-релизы, а также Доклад о денежно-кредитной политике, не занесены на сайте в разделы правовых или нормативных документов. Это означает, что ключевая ставка фактически не закрепляется ни в каких нормативных или правовых документах. На мой взгляд, это связано с тем, что Банк России до сих пор вызывает споры по поводу своего правового статуса.[4] Является ли это критическим фактором, подвергающим интересы банков и клиентов этих самых банков угрозе? На мой взгляд – нет. По крайней мере, этому свидетельствует сложившаяся практика, при которой никаких спорных моментов на счёт закрепления ключевой ставки не в правовых актах не наблюдается.

Острым вопросом также является качество регулирования банковского сектора с помощью ключевой ставки. Если быть точнее, нас интересует не экономический результат, а фактическое влияние на изменение различных ставок в банках, поскольку это послужит индикатором эффективности контроля со стороны Банка России за банковским сектором. Для этого нам следует обратиться за статистикой, которая размещена также на сайте Банка России (см. рис. 2).

На данной диаграмме мы можем наблюдать Динамику изменения максимальной процентной ставки (по вкладам в российских рублях) десяти кредитный организаций, привлекающих наибольший объём депозитов физических лиц с июня 2020 по апрель 2022 г.[5] (см. рис. 3).

На рисунке 3 мы наблюдаем изменение ключевой ставки за аналогичный период (С июня 2020 по апрель 2022 г.)[6]. Как можно заметить, процентная ставка у банков реагирует на изменение ключевой ставки, при чём, достаточно оперативно. Кроме того, реакция банковского сектора может происходить ещё до установления новой ключевой ставки, о чём говорится в “Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов”, а именно в разделе, посвящённому влиянию ключевой

[1] См.: *Кобзева О.А.* Влияние инфляции на деятельность коммерческих банков. URL: http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/29010/1/TPU206991.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

[2] См.: Письмо Банка России от 19.07.2017 № 20-ОЭ/15938 «О рассмотрении обращения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314777/ (дата обращения: 17.04.2022).

[3] См.: Как принимаются решения по ключевой ставке // Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/dkp/how_dec/ (дата обращения: 15.04.2022).

[4] См.: *Керамова С.Н., Магомедова М.Х.* Особенности правового статуса Центрального Банка России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-tsentralnogo-banka-rossii (дата обращения: 16.04.2022).

[5] См.: Динамика максимальной процентной ставки (по вкладам в российских рублях) десяти кредитных организаций, привлекающих наибольший объём депозитов физических лиц // Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/avgprocstav/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=1.06.2020&UniDbQuery.To=1.04.2022 (дата обращения: 16.04.2022).

[6] См.: Ключевая ставка Банка России и инфляция // Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 16.04.2022).

Динамика изменения максимальной процентной ставки кредитных организаций

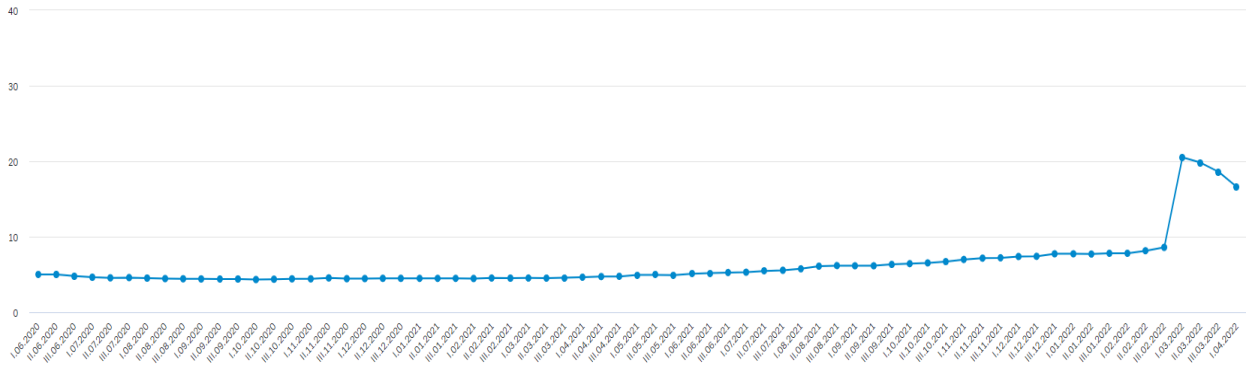

Рисунок 2.

Изменение ключевой ставки с июня 2020г. по апрель 2022г.

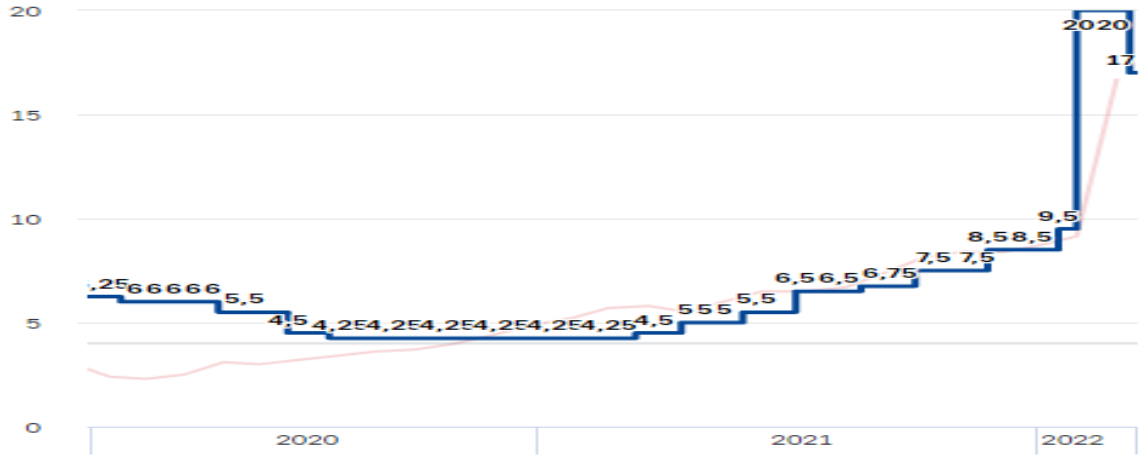

Рисунок 3.

ставки на процентные ставки в экономике. Следовательно, можно сделать вывод о том, что ключевая ставка напрямую оказывает воздействие на процентные ставки банков.

Что же касается изменения темпов роса инфляции и эффективности её сдерживания путём изменения ключевой ставки? В этом случае нам также следует обратиться к официальной статистике, публикуемой на официальном сайте Банка Росси (см. рис. 4).

Как можно увидеть на рисунке 4, в 2014 в связи с происходящими на тот момент событиями, на основании макроэкономического прогноза, Банк России повысил ключевую ставку с целью предотвратить рост инфляции.[1] Проанализировав график, можно сделать вывод, что сдерживание инфляции оказалось успешным. Очевидно, что инфляция не будет покорно следовать ключевой ставке, поскольку это комплексное экономическое явление, однако тяжело отрицать влияние ключевой ставки на неё. В связи со сложившейся экономической ситуацией в Российской Федерации на данный момент, Банк России также оперативно отреагировал и 28 февраля повысил ключевую ставку до 20 % годовых. Как говорится в пресс-релизе: "Повышение ключевой ставки позволит обеспечить увеличение депозитных ставок до уровней, необходимых, чтобы компенсировать возросшие девальвационные и инфляционные риски. Это позволит поддержать финансовую и ценовую стабильность и защитить сбережения граждан от обесценивания".[2] И это действительно сыграло свою роль: 8 апреля Банк России в новом пресс-релизе снизил ключевую ставу до 17 %, ссылаясь на то, что риски финансовой нестабильности перестали нарастать и некоторые поставленные цели прошлого повышения ключевой ставки были выполнены.[3]

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что ключевая ставка Банка России путём регулирования процентных ставок, замедления темпов роста инфляции, играет важную роль по регулированию банковского сектора в условиях экономической нестабильности. Она предотвращает обесценивание капиталов банков, что также неминуемо навредило бы не только банкам, но и потребителям банковских услуг.

[1] См.: Там же.

[2] См.: Банк России принял решение повысить ключевую ставку до 20 % годовых // Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=28022022_094500Key.htm (дата обращения: 18.04.2022).

[3] См.: Банк России принял решение снизить ключевую ставку на 300 б.п., до 17,00 % годовых // Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=08042022_114000key.htm (дата обращения: 18.04.2022).

Соотношение ключевой ставки Банка России, инфляции и целей по инфляции

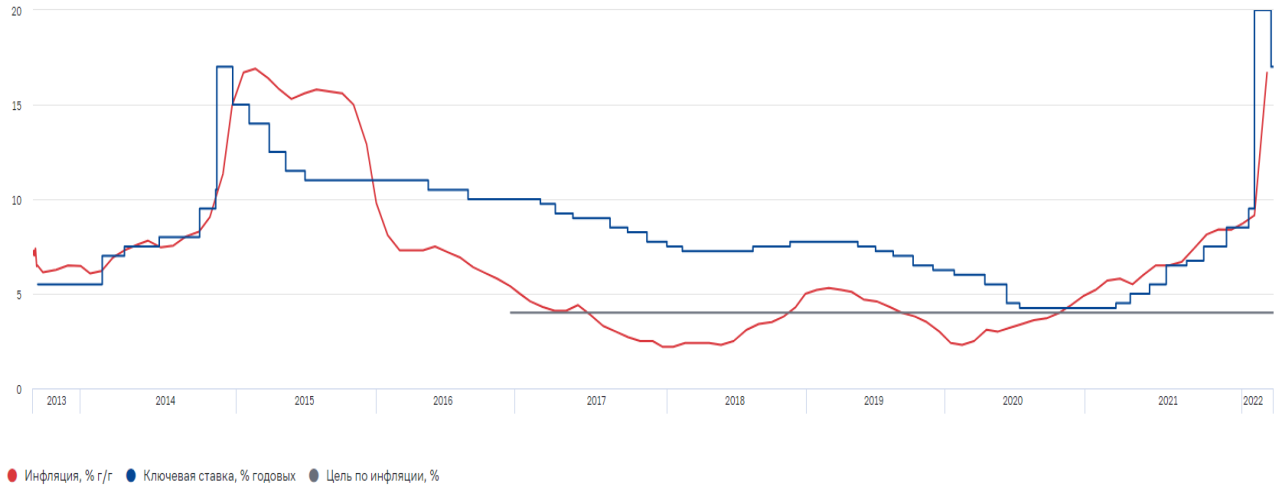

Рисунок 4.

К.А. Палагина
ФГБОУ ВО «ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк
Научный руководитель: Жуковская Н.Ю. к.и.н., доцент ФГБОУ ВО «ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

ФИКТИВНЫЙ БРАК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемные моменты определения понятия и сущности, а также правового регулирования фиктивных браков в Российской Федерации. Рассматриваются признаки данного семейно-правового состояния. Предлагаются некоторые способы разрешения правовых проблем, возникающих в юридической практике при разрешении споров, связанных с заключением фиктивных браков.*

Ключевые слова: *брак, фиктивный брак, семья, Семейный кодекс, семейное законодательство.*

В российском законодательстве на сегодняшний день четкая формулировка понятия «брак» как семейно-правового состояния отсутствует. Однако, исходя из норм действующего права, браком следует считать союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста, основанный на их взаимном и добровольном согласии, созданный в соответствии с условиями и в порядке, предусмотренными семейным законодательством Российской Федерации и предполагающий среди прочего дальнейшее совместное ведение хозяйства[1]. Целью вступления в брак является создание семьи. Если хотя бы один из брачующихся преследует иную цель, то такой брак считается фиктивным[2].

Проблема, однако, заключается в том, что число фиктивных браков в России с каждым годом только увеличивается. В научной литературе и СМИ тема причин и мотивов заключения фиктивных браков обсуждается весьма активно. Характерно, что если в советское время основным поводом для заключения фиктивных браков было стремление получить прописку в том или ином городе (прежде всего, в Москве), поскольку без таковой трудоустройство в этом городе было невозможно, то в наше время в числе причин вступления в фиктивный брак чаще всего присутствуют корыстные мотивы (желание получить те или иные льготы, доступ к доходам супруга) или стремление получить гражданство (вид на жительство) в упрощенном порядке. В последние годы большинство дел из судебной практики о признании брака недействительным ввиду его фиктивности свидетельствуют о том, что причиной его заключения является стремление одной из сторон (иностранным гражданином) получить российское гражданство в упрощенном порядке, а другой стороной (гражданином РФ) – денежного вознаграждения. Об этом свидетельствует, например, решение по делу № 2-2343/2020 Выборгского городского суда Ленинградской области[3]. В большинстве подобных судебных процессов истцом является прокурор.

В любом случае тема фиктивных браков остаётся крайне актуальной.

На основании семейного законодательства России о фиктивном браке можно получить лишь самые общие представления: это брак, созданный без серьезного намерения супругов или одного из них создать семью. Та-

[1] См.: Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

[2] См.: Семейное право / под ред. Е.А. Чефрановой. М.: Юрайт, 2021. С. 80.

[3] См.: Решение по делу № 2-2343/2020 Выборгского городского суда Ленинградской области от 17 июля 2020 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 03.01.2022).

кой брак, как уже отмечалось ранее, заключается для извлечения какой-либо выгоды, причем зачастую та сторона, которая стремится создать реальный брачный союз, оказывается жертвой мошеннических действий. При разрешении судебных споров, которые с неизбежностью возникают в подобных случаях, суды, однако, зачастую оказываются в затруднительной ситуации по причине отсутствия в законе применимых способов защиты.

Рассмотрим вопрос об определении сущности и признаков фиктивного брака более подробно.

Согласно семейному законодательству Российской Федерации, брак может быть действительным и недействительным. Действительным признается тот брак, который заключается в установленном законом порядке и имеет государственную регистрацию. Брак считается недействительным, если не соблюдены предусмотренные законом условия вступления в брак, если жених или невеста скрыли наличие венерического заболевания или ВИЧ-инфекции (п. 3 ст. 5 СК РФ), а также в случае заключения фиктивного брака.

Фиктивный брак – это зарегистрированный брак, заключенный, как правило, с целью извлечения какой-либо выгоды. Фиктивный брак признается недействительным, поскольку противоречит целям и принципам создания реального брачного союза. На основании п. 1 ст. 27 СК РФ фиктивный брак признается недействительным, если «супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью». Следовательно, отсутствие намерения создать семью – это единственный легальный признак фиктивного брака. А.И. Фролов и М.В. Агуреева добавляют к сказанному и иные признаки такого акта: согласие фиктивных супругов на регистрацию брака и состоявшийся факт регистрации этого брака в ЗАГСе. Однако и в этом случае наиболее «существенным, квалифицирующим» признаком признается отсутствие намерения создать семью[1]. Но и тут появляется определенное затруднение: поскольку семейное законодательство не содержит понятия «семья» и не дает ее четких признаков, представления о «намерении создать семью» с правовой точки зрения тоже оказываются расплывчатыми. Поскольку супруги далеко не всегда проживают вместе и по закону не обязаны этого делать, задача установления подлинности их семейных отношений осложняется. Это подтверждает ст. 27 Конституции РФ: «Каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» и п. 1 ст. 31 СК РФ: «Каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства».

Наряду с изложенным А.И. Фролов и М.В. Агуреева называют ряд дополнительных признаков, которые могут свидетельствовать об отсутствии намерения создать семью. В их числе: «отсутствие интереса к жизни супруга», «незнание очевидных фактов из его жизни», отсутствие общих вещей, совместного бюджета; наличие иных целей у одного из супругов при заключении брака и др.[2].

Выделенные признаки не могут рассматриваться в качестве обособленных признаков фиктивного брака, поскольку они характеризуют лишь отсутствие намерения создать семью – т.е. только одно из составляющих фиктивного брака. Чтобы подтвердить отсутствие намерения создать семью, следует учитывать совокупность многих обстоятельств.

Определение термина «семья» зависит от того, с точки зрения какого подхода рассматривается данное явление: социологического или юридического. Семья в социологическом смысле – это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или кровными узами, общностью быта, взаимной моральной ответственностью и др.[3] Семья с точки зрения права – это определенный круг лиц, как правило, совместно проживающих и связанных взаимными правами и обязанностями, возникающими из брака, родства, усыновления или другой формы принятия детей на воспитание в семью. Социологическая трактовка отличается от юридической тем, что в ее рамках понятие «семья» воспринимается прежде всего с морально-нравственной точки зрения. Этот подход не оперирует категориями прав и обязанностей (предусмотренных семейным законодательством).

К признакам семьи следует относить: совместное проживание членов семьи, общность быта, взаимную поддержку и сопереживание, воспитание детей и т.д.

С юридической точки зрения, семья – это коллектив, члены которого связаны правами и обязанностями, закрепленными в СК РФ. Такой брак государством официально зарегистрирован и взят под свою защиту. Законодательство Российской Федерации признает юридически значимыми только те браки, которые официально оформлены в ЗАГСе.

Действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает ответственности за заключение фиктивного брака. Установлена лишь материальная ответственность в виде права пострадавшего супруга требовать от «виновной» второй стороны полного возмещения реального ущерба, понесенного в фиктивном браке, а также компенсации морального ущерба в соответствии со статьями 150, 151 ГК РФ.

При рассмотрении дел данной категории суд устанавливает следующие обстоятельства: проживают ли супруги совместно, ведут ли совместное хозяйство, поддерживают ли связь, известно ли местонахождение другого супруга и др. Так, по делу № 2-2343/2020 в ходе проведенной судом проверки было установлено, что супругов не связывал совместный быт, общение и чувства. Более того, супруга видела в последний раз мужа в день регистрации брака, а до этого не была с ним знакома. Стороны не предоставили доказательств, подтверждающих действительность брака. При этом ответчик – муж, являлся гражданином Республики Таджикистан, оформление брака с гражданкой Российской Федерации ему было необходимо для оформления разрешения на временное проживание на территории РФ без учета квоты. Ответчица – жена подтвердила факт сознательного заключе-

[1] См.: *Фролов А.И., Агуреева М.В.* Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения // Юридическая наука и практика. 2020. № 1. С. 30.

[2] См.: Там же. С. 19.

[3] См.: *Корнеева И.Л.* Семейное право. М.: Юрайт, 2021. С. 13.

ния фиктивного брака за денежное вознаграждение. Эти факты позволили суду признать брак фиктивным.

В целях устранения пробелов в семейном законодательстве в части противодействия фиктивным бракам Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. (Концепция), а Распоряжением Правительства от 29 мая 2015 г. № 996-р – Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. (Стратегия). Оба акта разработаны во исполнение положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 1 мая 2012 г. № 76117. Названные нормативно-правовые акты определяют принципы, цели и задачи внутренней политики государства в сфере брачно-семейных отношений, обновляют методы, используемые для их реализации, а также прогнозируют возможные результаты.

Для того, чтобы сократить число фиктивных браков, как представляется, в законодательстве Российской Федерации должны быть установлены нормы, пресекающие использование «выгод» от такого союза. Например, разрешение на занятие определенной должности, требующей наличие российского гражданства, следует выдавать только по истечении г. после заключения брака, если он был зарегистрирован между иностранным гражданином и лицом, имеющим гражданство России. Можно также аннулировать вид на жительство, выданный иностранцу, если он получен в результате брака, который расторгается в течение г. после даты, указанной в свидетельстве.

В литературе проводится также анализ зарубежного опыта профилактики фиктивных браков и выделяется ряд вариантов решения данной проблемы[1]:

1) Публикация объявлений о предстоящем бракосочетании (которая весьма популярна во многих зарубежных странах). Публикация, действительно, может поспособствовать уменьшению числа заключаемых фиктивных браков, поскольку недобросовестные брачующиеся будут опасаться предания их намерений публичной огласке. (Однако, стоит отметить, что подобная мера противоречит конституционному праву на невмешательство в частную жизнь).

2) Наделение должностных лиц органов ЗАГС полномочиями по оценке намерений брачующихся. Предполагается, что сотрудник ЗАГСа получит право отказать в регистрации брака, если у него возникнут сомнения в искренности вступающих в брак. Но и в таком решении имеется определенный риск: с одной стороны, действительно, компетентность сотрудника брачного органа, возможность учесть специфические обстоятельства конкретного союза позволит выявить потенциальных недобросовестных супругов, но с другой стороны, такой шаг повысит риски самоуправства и коррупции, которых в нашей стране и без того достаточно много там, где решаются вопросы предоставления гражданства.

3) Проверка намерения создания семьи по общим для всех, заранее известным критериям, определяемым государством.

4) Введение публично-правовой ответственности за вступление в фиктивный брак.

Таким образом, фиктивный брак – это юридически оформленный брак, основанный на волеизъявлении брачующихся, но при наличии нечистоплотного мотива у одного из них или у обоих. Этот мотив, как правило, связан не с желанием создать семью, а с намерением получить какую-либо иную выгоду. Признаками фиктивного брака выступают: формальная регистрация брака в органе ЗАГС с изданием соответствующего акта; изъявление воли, вступающих в брак, на его регистрацию; отсутствие намерения создать семью.

Проблема распространения фиктивных браков, безусловно, требует законодательного решения. Необходимо, в частности, конкретизировать и дополнить некоторые положения СК РФ в части определения понятий «семья» и «намерение создать семью». Требуется также легальное определение самого термина «фиктивный брак». Наконец, необходимо ввести меры ответственности за заключение фиктивного брака как акта, противоречащего нормам морали и порочащего саму идею семьи. Положительную роль в деле минимизации фиктивных браков могли бы сыграть, как представляется, и просветительские мероприятия, направленные на повышение правовой культуры граждан, на расширение осведомленности в вопросах брачных мошенничеств.

[1] См.: *Фролов А.И., Агуреева М.В.* Указ. соч. С. 23–24.

К.И. Пашинина
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», г. Тамбов
Научный руководитель: Кокорев В.Г. старший преподаватель ТГУ им. Г.Р. Державина, г. Тамбов

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЁННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ГИПНОЗА

Аннотация: *статья посвящена проблемным аспектам совершения мошеннических действий с применением гипноза, особенностям квалификации этого преступления, а также возможности применения гипноза в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Кроме того, в статье поднимается вопрос о том, что следует понимать под термином «криминальный гипноз».*

Ключевые слова: *квалификация преступления, криминальный гипноз, преступление.*

Изначально гипноз изучали только в таких науках, как психология, психиатрия. Его относили к чему-то мистическому. Но в XXI в. возросло число преступлений с применением гипноза, который использовали для завладения чужим имуществом. Именно так гипноз стали относить и к науке юриспруденции. На сегодняшний день нигде

нет запрета на применение гипноза, его часто применяют в медицине.

На наш взгляд, дать определение «криминального гипноза» весьма затруднительно, т.к. не существует четкого мнения о том, к чему относить состояние гипноза: к способу совершения преступления или же к форме психического принуждения.

Можно выделить несколько определений гипноза:

1) Состояние измененного сознания путем особого воздействия;

2) Форма управления психическим сознанием человека;

3) Условие, при котором возрастает возможность управления сознанием человека путем словесного внушения ему определенного поведения;

4) Состояние сна или же зауженного осознания реальности, при котором индивид не может руководить своими действиями, потому что его восприятие к внешнему миру отключается.[1]

Самым точным и верным, на наш взгляд, является это определение: криминальный гипноз – это изменение состояния сознания путем целенаправленного психологического воздействия на индивида, которое сопровождается искажением восприятия реальности и используется гипнотизером для совершения противоправных действия, как в отношении загипнотизированного лица, так и для достижения цели с помощью него.

В уголовном законодательстве существует ряд проблем, которые возникают при квалификации преступления против собственности, совершенного с применением гипноза:

Во-первых, в российском уголовном законодательстве понятию «гипноз» не уделяется внимание[2], оно используется только в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»[3]

Во-вторых, если ввести такой квалифицирующий признак, как состояние гипноза, в состав мошенничества, то у правоприменителей может возникнуть трудность при квалификации деяний и отграничении мошенничества от грабежа или разбоя, совершенного с применением насилия.

В-третьих, необходимо разобраться, относится гипноз к психическому принуждению или к способу совершения преступления. От того, к чему все-таки относится гипноз, будет зависеть и его квалификация: если это способ совершения преступления, то тогда ст. 159 УК РФ следует дополнить пунктом «мошенничество, совершенное с применением гипноза»[4]. Если это способ психического принуждения, то тогда, по нашему мнению, следует включить его в статью 61 УК РФ, потому что лицо, которое подверглось гипнотическому воздействию, находится в беспомощном состоянии.

В-четвертых, мошенничество или иное преступление, совершенное лицом в состоянии гипноза, является латентным преступлением, потому что его весьма затруднительно доказать.

В-пятых, между учеными происходят споры о привлечении лица к ответственности либо с учетом положений ст. 21 УК РФ, либо ст. 40 УК РФ. На наш взгляд, квалифицировать преступление, совершенное загипнотизированным лицом с учетом положений ст. 21 УК РФ, не может представляться возможным, т.к. такое состояние подпадает под юридический критерий, потому что в данном состоянии лицо не может осознавать фактический и социальный характер своих действий, их общественную опасность[5]. Медицинский же критерий исключает состояние гипноза, потому что это не заболевание, а особое психофизиологическое состояние. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что преступление, совершенное загипнотизированным лицом, не может быть квалифицировано с использованием ст. 21 УК РФ.

Здесь также стоит отметить, что дискуссионным аспектом, является и то, можно ли отнести состояние гипноза к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Полагаем, следует согласиться с мнением Л.И. Шабалина в части того, что гипноз – это изменение состояния индивида, при котором он не может руководить своими действиями. Он находится в полной власти гипнотизера. При этом данное состояние является временным[6]. Мы считаем, что следует внести изменения в ст. 40 УК РФ и выделить гипноз, как вид психического принуждения и которое будет считаться обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Кроме того, актуальным остается вопрос о том, можно ли относить к мошенническим действиям завладение имуществом путем применения гипноза? На наш взгляд, данное обстоятельство можно квалифицировать как мошенничество, потому что лицо передает имущество другому лицу не по своей воле, истина для него искажается[7]. При обычном обмане истина тоже искажается, только другими методами. Гипноз же – это специфический метод воздействия. Лицу внушается то, что он должен передать свое имущество гипнотизеру. Таким образом, оно попадает в беспомощное состояние. Аргументацию выбранной позиции дополним тем, что состояние гипноза – это все же специфическая форма злоупотребления доверием. Зачастую люди сами обращаются к гадалкам, знахаркам, психологам и др. за помощью или лечением. При этом вышеуказанные лица сами могут предложить загипнотизировать субъекта для того, чтобы он узнал какую-то информацию или же в целях лечения. Здесь лицо само желает быть загипнотизированным. В таком случае, это уже не насилие, а злоупотребелние доверием. Если

[1] См.: *Шмыгина О.В.* Применение гипноза при совершении преступлений против собственности // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2020. № 3 (33). С. 65–68.

[2] См.: *Толстопятова Е.А., Коруненко Е.Ю.* Проблемы квалификации применения гипноза при завладении чужим имуществом // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. М.: Интернаука, 2018. С. 180–183.

[3] См.: Федеральный закон от 26.сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

[4] См.: *Шмыгина О.В.* Применение гипноза при совершении преступлений против собственности // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2020. № 3 (33). С. 65–68.

[5] См.: Там же.

[6] См.: *Шабалин Л.И.* Можно ли относить к мошенническим действия по завладению имуществом с применением гипноза? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 1. С. 58–69.

[7] См.: Там же.

говорить о таких случаях, когда лицо попадает под действие гипнотизера, как ему кажется, не по своей воле (это случается на вокзалах, рынках, в парках и других общественных местах), то здесь отметим, что лицо не может быть загипнотизировано против воли. В любом случае, для погружения в транс необходим контакт с гипнотизёром. Лицо подсознательно желает наступления такого состояния. Поэтому в местах скопления большого количества людей следует избегать разговоров с цыганами и иными сомнительными личностями.

Таким образом, состояние гипноза – это метод воздействия на психику человека, при котором его сознание находится в угнетенном состоянии и он не может руководить своими действиями. Квалифицировать деяния лица, который находится в состоянии гипноза, следует как мошенничество, потому что человеку внушается (путем злоупотребления доверием), что он хочет передать своё имущество другому лицу. От стадии гипноза будет зависеть и то, насколько сильным был гипноз. Если это первая стадия, то лицо вспомнит о том, что его доверием воспользовались и просто не поймёт, как такое произошло. Если говорить о третьей стадии, то здесь лицо вообще может не вспомнить, что с ним произошло. Тогда уже понадобится помощь специалистов. Кроме того, при квалификации преступления, совершенного с применением гипноза, существует ряд проблем, которые еще остаются нерешенными и требуют урегулирования на законодательном уровне.

В.В. Помпа
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Щербакова Л.Г. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КРАУДФАНДИНГ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *в статье рассматривается возможность применения краудфандинга как альтернативного источника финансирования адвокатской деятельности. Рассматриваются нравственно-правовой, морально-этический аспекты такого вида финансирования.*

Ключевые слова: *адвокатская деятельность, краудфандинг, альтернативные источники финансирования.*

В Российской Федерации, как и во всём мире набирает популярность краудфандинг – сотрудничество людей, добровольно объединяющих свои средства и другие ресурсы вместе, как правило, через специализированные платформы, чтобы поддержать усилия других людей или организаций. Так лица, принимающие участие в кампаниях по сбору средств, выражают свою заинтересованность в том продукте или услуге, на которую и ушли их деньги.

И, прежде чем говорить о влиянии такого способа финансирования на непосредственно юридическую сферу, необходимо выяснить, на каком этапе находится такой вид «коллективного инвестирования»[1] в Российской Федерации.

До 2019 г. в России краудфандинг как альтернативный способ финансирования деятельности существовал сугубо условно. Тем не менее и до 2019 г. в РФ появлялись полноценные краудфандинговые площадки. Опубликованный Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввёл в оборот сразу несколько понятий для данного вида деятельности[2].

Однако исходя из текста Федерального закона, «прямой краудфандинг» – когда финансирование осуществляется именно за счет реальных денежных средств всё ещё остаётся за пределами регулирования. А само финансирование, согласно Федеральному закону, должно осуществляться путём предоставления займов, приобретения ценных бумаг или приобретения токенов. К тому же все операции, деятельность операторов инвестиционных платформ (площадок) должны контролироваться Банком России. В свою очередь всё это противоречит самой природе краудфандинга, и как следствие, описанное в законе, краудфандингом, по большей части, не является[3].

После всего вышеописанного, становится очевидно, что «прямой краудфандинг», более привлекательная и распространённая форма инвестирования на данный момент ввиду своей простоты. Пользователя и автора проекта разделяет только ввод данных банковской карты. Без необходимости вдаваться в подробности покупки ценных бумаг, токенов, и т.д.. И именно площадки с такими принципами сбора средств более популярны и востребованы у людей, ввиду их удобства и кажущейся прозрачности. Самая главная проблема прямого краудфандинга – это отсутствие контроля как со стороны инвестора, так и со стороны профильных органов. Инвестору остаётся надеяться только на сознательность лица, привлёкшего его инвестиции. То есть, можно сказать, слепое инвестирование. Другая проблема безусловно, отсутствие налогового контроля со стороны государства. Происходит просто так называемое дарение, что конечно же недопустимо, например, для юридических лиц. И конечно же, стоит вопрос и безопасности самих платежей и хранения средств. Существует множество вопросов к безопасности отчислений средств на данные площадки. Хранение

[1] См.: *Папаскуа Г.Т.* Краудфандинг: понятие, виды и риски // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-ponyatie-vidy-i-riski (дата обращения: 03.04.2022).

[2] См.: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (в ред. от 20.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4418.

[3] См.: *Габов А.В., Хаванова И.А.* Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-zakonodatelnoe-oformlenie-web-modeli-finansirovaniya-v-kontekste-pravovoy-doktriny-i-zarubezhnogo-opyta (дата обращения: 03.04.2022).

средств зачастую осуществляется не на счетах юридического лица, а хранится на счетах самой площадки[1].

Стоит также отметить, что в законе самого понятия «краудфандинг» нет. По всей видимости, законодатель решил ограничить использование данного понятия в силу его многозначности. Им может обозначаться огромное множество экономических взаимоотношений, и для этого в тексте закона используется заменяющее понятие «инвестирование и привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ», что конечно же вносит некоторое непонимание.

Переходя к понятию юридического краудфандинга, стоит отметить, что все вышеописанные проблемы могут быть устранены, однако для этого требуется пересмотр положений многих законодательных актов. Что, конечно не представляется возможным и хоть сколько-то целесообразным, ввиду неустойчивой природы самого явления краудфандинга на данный период времени.

Смотря же на морально-этический аспект разбираемого вопроса, то стоит уточнить, что инициатором отношений в краудфандинге всегда выступает автор такого проекта, а не сами спонсоры. Из разъяснений комиссии по этике ФПА РФ от 13 сентября 2018 г. № 04/18 «По вопросу использования адвокатом механизма краудфандинга», адвокат не может выступать в качестве инициатора сбора средств на краудфандинговых площадках. Сбор средств может осуществлять либо сам доверитель, либо близкие лица доверителя с дальнейшим заключением ими соглашения с адвокатом об оказании помощи в пользу третьего лица. Что конечно же, уже не является теоретическим «юридическим краудфандингом». И даже если взять за пример сбор средств доверителем для дальнейшего обращения за помощью к конкретному адвокату, вопрос становится ещё более острым. Указание конкретного адвоката на странице со сбором средств может нанести ущерб деловой репутации как самому адвокату, так и институту адвокатуры в целом. Сумма необходимого пожертвования указывается сразу, т.е. отдается на откуп честности конкретного адвоката. А если брать в расчёт то, что пользователи таких площадок не только юристы, но и представители абсолютно разных социальных слоёв и профессий, из-за этого могут сложиться неверные представления о работе адвокатов по примеру одного конкретно взятого представителя.

Не стоит также забывать о страдающем при такой форме финансирования институте адвокатской тайны. На инвестиционной площадке может быть размещена любая информация о клиенте, что в конечном итоге может привести к утечке персональных данных, и даже материалов дела. Что в конечном итоге может быть использовано любыми третьими лицами в любых целях.

Стоит также отметить, что за инвестирование денег в краудфандинговый проект, спонсоры обычно получают вознаграждение, размер которого прямо пропорционален размеру вложенных средств. И это не вызывает вопросов если цель сбора, например, какой-то продукт. Но тогда чем в таком случае краудфандинг-кампания, запущенная адвокатом, отличается от простого пожертвования, если результатом для инвестора станет не его личная заинтересованность в конкретном продукте материального мира, а просто моральная удовлетворённость?

Подводя итог, краудфандинг – безусловно очень глубокая и интересная тема для дискуссии. Новейший метод финансирования, позволяющий через СМИ и сети «Интернет» привлечь средства в свой проект за счет частных инвесторов. Однако данный вид финансирования в юридической сфере пока абсолютно не применим ввиду приведенных выше аргументов. Также, тотальная «открытость» может нанести ущерб как адвокатуре, так и самим инвесторам. Публикация доказательств по своевременному и верному использованию собранных средств ложится на плечи именно адвоката, что может поставить под удар как его клиента, ввиду возможности нарушения адвокатской тайны, так и деловую репутацию адвоката. В эпоху повсеместной цифровизации документооборота, альтернативные источники финансирования, такие как краудфандинг, всё чаще попадают под внимание регулирующих и законодательных органов. Но становится очевидно, что система взаимоотношений, складывающаяся в адвокатской среде не один десяток лет, просто не готова к уходу от привычных способов финансирования свой деятельности. И это вполне закономерно, учитывая сырость законодательной базы в этом вопросе. Заглядывая в будущее, сложно сказать, к чему приведут изыскания в сфере финансирования адвокатской деятельности. Однако, можно с уверенностью сказать, что неопределенность в этом направлении, наблюдаемая в данный момент, в перспективе не приведет к каким-либо значимым результатам. Нужно продолжать работать в этом направлении.

[1] См.: *Булатова В.Б.* Краудфинансы: особенности, тенденции и пути развития в современной России // Вестник ГУУ. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfinansy-osobennosti-tendentsii-i-puti-razvitiya-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 18.04.2022).

И.И. Пономарев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов.
Научный руководитель: Разгильдиева М.Б.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

БАНКОВСКИЕ КОРПОРАЦИИ В РОССИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в связи с частыми кризисными ситуациями необходимо на уровне закона ввести понятие «Банковская корпорация» в России которое можно обозначить как юридическое лицо, учредителями и акционерами которого могут быть исключительно банки.*

Ключевые слова: *банковская корпорация, банковская система, корпоративный аудит.*

Корпорации возникли в России, как форма бизнеса с развитием рыночной экономики. Согласно БРЭ[2], корпорация представляет собой форма организации бизнеса в условиях рыночной экономики, основанная на долевой

[2] См.: *Миженская Э.Ф.* Корпорация // Большая российская энциклопедия. Том 15. М.: 2010. С. 365.

собственности, характеризуется разделением функций собственника и управления. В России есть четкий перечень тех организаций, которые, согласно статье 65.1 Гражданского кодекса РФ[1] относятся к корпоративным организациям. Можно заметить, что среди этого перечня отсутствуют банковские организации. На данный момент, корпоративные отношения становятся все более преобладающей формой взаимодействия между бизнесом и банковской системой. Данный фактор оказывает все большее влияние на саму систему управления банками, на взаимодействие с клиентами, а также контрольными органами.

Две трети нынешних операций на финансовом рынке проводятся коммерческими банками, и их зависимыми структурами и дочерними организациями и, де-факто они представляют собой крупные корпоративные структуры.

Система развития банковской отрасли в России должна быть рассмотрена с точки зрения межбанковской конкуренции, а также изменения корпоративных отношений банков, что и подтверждает проблематику исследования банковских корпораций в России. Изучение их теорий управления и практической деятельности, доказывает, что современные банки в России, функционируют как корпоративные структуры.

Но в данный момент развитие банковских корпораций сталкивается с рядом проблем, связанных в первую очередь с отсутствием понятия «Банковская корпорация» в Российском законодательстве, хотя на практике очевидна необходимость его использования. Следствием этого является неразвитость корпоративной инфраструктуры и качества стратегического управления.

Таким образом, актуальность темы заключается в том, что на фоне кризисных явлений банки сталкиваются с рядом проблем и для того, чтобы преодолеть данные проблемы, банки должны создавать юридические лица с целью концентрации капиталов банков-участников корпорации, так это повысит общую ликвидность банков и их устойчивость в кризисный период, а также даст возможность упростить контрольно-надзорные функции за их деятельностью, что будет способствовать развитию экономики в России и минимизирует риск потерь банковский сбережений граждан в случае кризисных ситуаций.

На данный момент можно выделить следующие признаки банковских корпораций:

1) Юридическое лицо функционирует в пределах реально имеющихся ресурсов

2) Экономическая самостоятельность, заключающаяся в независимом функционировании от собственников, что является признаком корпорации и экономическую ответственность за результаты своей деятельности.

3) Собственники отделены от управления и передают права оперативного управления наёмным менеджерам, которые являются их представителями как во внутрикорпоративных, так и во внешних отношениях.

Поскольку основной причиной создания банковских корпораций является высокая степень рисков в банковском секторе. При создании корпорации происходит диверсификация рисков среди банков-участников и позволяет более гибко управлять данными рисками. Банковская корпорация отражает саму суть финансового капитала и позволяет стимулировать этот самый капитал, что позволяет и развивать конкуренцию в банковской сфере.

В России можно выделить следующие виды условных банковских корпораций:

- однобанковские включают в себя банковские холдинги;
- многобанковские – банковские группы;
- однопрофильные состоят только из банков или банковский сектор которых превалирует над остальными;
- многопрофильные – диверсифицированные корпорации в которых банковский профиль является лишь одним из профильных направлений.

Однако, согласно ст. 4 Федерального закона[2] от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 02.07.2021) «О банках и банковской деятельности» Банковской группой признаётся не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно юридическое лицо или несколько юридических лиц находятся под контролем либо значительным влиянием одной кредитной организации.

Как можно заметить, одним из ключевых пунктов данной статьи является то, что банковская группа не является юридическим лицом. Соответственно, они не имеют обособленного имущества, что не позволит банкам диверсифицировать риски между банками-участниками.

Еще можно выделить тот факт, что если ввести законодательство понятие и конкретные функции банковских корпораций, то существенно снизится проблема подготовки кадров в сфере корпоративных отношений, к которым относятся независимые директоры, аудиторы качества корпоративного управления, преподаватели и ведущие тренинговых программ, специализированные методисты и аналитики. Это позволит новым кадрам более чётко осваивать систему корпоративного управления в банках, что повысит их профессионализм.

Также плюсом законодательного закрепления банковских корпораций можно отметить введение аудита корпоративного управления, который представляет собой[3] выявление сильных и слабых сторон существующей в компании практики корпоративного управления в сравнении со стратегическими целями компании; выявление задач, которые необходимо решить в области корпоративного управления для достижения этих целей; подготовка конкретных рекомендаций комплексного плана по совершенствованию системы корпоративного управления компании и ее основных компонентов. Аудит корпоративного управления может помочь преодолеть кризисные ситуации в банках и установит наиболее оптимальную модель корпоративного управления для конкретной банковской корпорации. Помимо этого, важным фактором для проведения корпоративного ау-

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Шихвердиев А.П.* Корпоративное управление: учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015.

дита, будет являться появление в данной системе национального рейтинга корпоративного управления (НРКУ), который станет индикатором качества корпоративного управления, что в свою очередь повысит рейтинг банков не только внутри государства, но и на международной площадке.

Подведя итог можно сказать, что современное влияние банковского сектора на экономику России огромно. Он оказывает влияние не только на экономику, но и на социальную, культурную и политическую жизнь. Введение в законодательство Российской Федерации понятия «Банковская корпорация» не только поможет установить их конкретные функции, но и создаст платформу для преодоления кризисных ситуаций в стране, уменьшит вероятность отзыва лицензий у банков и повысит уровень доверия среди граждан.

Д.В. Попов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Абанина Е.Н.
к.ю.н. доцент, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХОТЕ И О СОХРАНЕНИИ ОХОТНИЧЬИХ РЕСУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *настоящая статья посвящена анализу проблем, связанных с охотничьим хозяйствами, браконьерством и отсутствием культуры охоты у населения. Рассматриваются вопросы по выводу охотничьих хозяйств из кризисного положения. Определяется значение охотничьего минимума в действующем правовом механизме предоставления права на охоту. Предлагается закрепление на законодательном уровне статусов охотников-профессионалов и охотников-любителей.*

Ключевые слова: *охота, охотничье хозяйство, охотничий минимум.*

Российская Федерация на протяжении уже длительного времени изменяет и совершенствует национальное законодательство в области охраны окружающей среды. Её состояние во многом влияет на благополучие как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Одной из проблем, на данном этапе, является сохранение биологических ресурсов. Они представляют собой совокупность животного и растительного мира, распространяющегося в ореолах своего обитания по всей территории РФ[1].

Принимая во внимание большую протяженность границ Российской Федерации, можно наблюдать значительное многообразие растительных и животных комплексов. Особое влияние на развитие и сохранение животного мира оказывают граждане, связанные с охот пользованием. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» оставляет еще нерешёнными ряд проблем, связанных с браконьерством и отсутствием культуры охоты у населения[2].

В связи с этим особая роль отводится охотничьим хозяйствам, которые в последние годы оказались в кризисном состоянии. Что, в свою очередь приводит к снижению не только численного и качественного потенциала охотников-профессионалов, но и продукции охотничьего и природного плодово-ягодного хозяйства. Ежегодно сокращается поголовье промысловых животных. По статистическим данным оценочная стоимость ущерба от незаконной добычи охотничьих ресурсов составляет более 18 млрд. рублей в год[3]. И уже становится очевидным тот факт, что необходимо принимать меры по выводу отрасли из кризиса.

Существует множество решений указанной проблемы, и в первую очередь предложения поступают от самих охотников. Например, не вносить изменения в закон об охоте, а издать новый[4].

На наш взгляд, для решения обозначенных проблем, следует внести изменения в ныне действующий федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а не отменять его. Представляется необходимым закрепление на законодательном уровне статусов охотников-профессионалов и охотников-любителей. Это позволит развивать охотничьи хозяйства в двух ключевых направлениях.

Такие действия будут способствовать привлечению денежных средств для поддержания и увеличения численности объектов животного мира. Следовательно, охотники-профессионалы и охотники-любители должны иметь различные права и обязанности в охотничьей деятельности. Например, охотники-любители должны осуществлять свою деятельность под контролем егерей. Такая система уже давно практикуется в зарубежных странах (Германия, Венгрия)[5].

Второй аспект мы связываем с повышением экономической эффективности охотничьих хозяйств. Так как одной из проблем развития охотничьего хозяйства является отсутствие объективной системы оценки эффектив-

[1] См.: URL: http://sci-book.com/ekonomika-prirodopolzovaniya/resursyi-rastitelnogo-jivotnogo-mira-37421.html (дата обращения: 23.03.2022).

[2] См.: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (в ред. от 01.02.2022) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 30, ст. 3735; 2017. № 31, ст. 4773.

[3] См.: URL: https://www.gazeta.ru/social/2013/07/10/5420745.shtml (дата обращения: 23.03.2022).

[4] См.: *Согомонян А.* Эксперты: закон об охоте нуждается в доработке 2020 г. URL: https://www.garant.ru/news/1188178/ (дата обращения: 23.03.2022).

[5] См.: URL: https://www.tour52.ru/Vidy-otdyha/ohota-i-rybalka/ohota_v_germanii.html; https://www.bsigroup.ru/country/hun/info/hun_hunting/ (дата обращения: 23.03.2022).

ности охот хозяйственной деятельности. Например, в Республике Беларусь для расчета экономической эффективности ведения охотничьего хозяйства по нынешней методике к затратам относятся такие виды деятельности, как биотехнические мероприятия, проведение учетов численности диких животных, охотничье устройство, охрана охотничьих угодий и борьба с браконьерством, оплата труда, оплата за аренду охотничьих угодий, затраты на техническое обеспечение охотничьего хозяйства, прочие затраты[1].

Таким образом, зарубежный опыт экономической оценки значения охоты и охотничьего хозяйства демонстрирует, что не только добытая дичь становится материальной ценностью, но и сама стоимость услуг, реализуемых в ходе охоты.

Охота для любителей – это роскошь, а, следовательно, и значительный расход. В результате чего выделим две категории:

– Расходы на легализацию возможности заниматься охотой. В большинстве европейских стран доступ к охоте контролируется властями, которые могут установить экзамены, охотничьи лицензии, разрешения на оружие, обязательную страховку. В зависимости от страны, эти расходы составляют от 6 до 10 %[2].

– Расходы на право охоты. Большинство охотников охотятся на территориях, которые им не принадлежат. Доступ в угодья означает плату за него, или аренду. Эти расходы больше в странах с большей плотностью населения. Платежи идут владельцам земли, а также лицам, которые отвечают за качество охотничьих территорий. Доля платежей за право охоты различна от страны к стране и составляет от 0 до 25 %, в среднем от 15 до 18 %.

Таким образом, при экономической оценке значения охоты и охотничьего хозяйства необходимо разработать новую методику, которая бы позволяла более полно оценивать не только прямые затраты и доходы на охоту, но и суммарную эколого-экономическую и социальную роль этого важного направления природопользования.

Не знакомиться с требованиями охотничьего минимума, как это указано в федеральном законе от 24.07.2009 № 209, а проходить обучение, итогом которого будет являться сдача экзамена. По данным 2019 г., в России было зарегистрировано более 4,5 млн охотников. Процедура получения охотничьего билета в настоящий момент очень проста, гражданин должен обладать гражданской дееспособностью, не иметь непогашенной судимости за совершение умышленного преступления и быть ознакомленным с требованиями охотничьего минимума. Заявление на получение билета подается через МФЦ или портал «Госуслуги». Таким образом, бедующему охотнику необходимо лишь расписаться, что с требованиями охотничьего минимума он ознакомился. Незнание установленных правил об охоте, как показывает практика, приводит к печальным последствиям.

Например, в 2021 г. выявлено около 52 тыс. нарушений, большую часть которых связывают с несоблюдением правил охоты. Важно отметить, что количество несчастных случаев при проведении охоты с 2015 г. не опускалось ниже 35–40 в год[3].

Стоит обратить внимание на то, что до принятия в 2009 г. Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» требования охотничьего минимума обязательно сдавались гражданами желающими стать охотниками и охотничий билет выдавался сроком на пять лет.

На данный момент правительственная комиссия по законопроектной деятельности одобрила поправки, касающиеся механизма получения охотничьего билета и оружия. Речь идет о том, чтобы с 1 сентября 2022 г. граждане желающие стать охотниками проходили обучение и сдачу экзамена на знание требований охотничьего минимума. Будущий охотник должен продемонстрировать знания техники безопасности, правил охоты, а также основ биологии диких животных.

Например, раздел по основам биологии включает перечень из более ста диких животных, о которых охотник должен знать: название вида животного, семейство, отряд, класс, длину тела, вес, период размножения, количество особей в потомстве, распространение и типичные места обитания на территории России, особенности внешнего вида в разное время г., отличительные черты самцов и самок, молодых и взрослых животных, полевые признаки и особенности их анатомии[4].

Наличие набора знаний будет способствовать соблюдению гражданином установленных требований при осуществлении охоты, позволит уменьшить количество и тяжесть несчастных случаев на охоте, сократит ущерб, наносимый охотничьим ресурсам и среде их обитания.

Проведение указанных мероприятий должно будет способствовать повышению культуры охоты и уже окончательным результатом станет снижение уровня браконьерства в Российской Федерации.

[1] См.: О Концепции развития охотничьего хозяйства в Республике Беларусь: постановление Совета министров Респ. Беларусь, 31 окт. 2014 г. № 1029. URL: http://kodeksyby.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type-Постановление/1029-31.10.2014.htm (дата обращения: 23.03.2021).

[2] См.: *Юшкевич Н.Т.* Зарубежный опыт экономической оценки значения охоты и охотничьего хозяйства // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2016. № 7 (189). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-ekonomicheskoy-otsenki-znacheniya-ohoty-i-ohotnichiego-hozyaystva (дата обращения: 24.03.2022).

[3] См.: URL: https://huntportal.ru/blogs/krechmar-po-chetvergam/oxotminimum-komu-on-nuzhen (дата обращения: 23.03.2022).

[4] См.: URL: https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2016/02/29/645629-ege-dlya-ohotnikov.html (дата обращения: 23.03.2022).

Е.С. Попова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ткаченко Е.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ АДВОКАТОМ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Аннотация: *в данной статье конкретизируются и выявляются проблемы при оказании квалифицированной юридической помощи адвокатом по назначению. Предлагаются пути решения выявленных проблем.*

Ключевые слова: *адвокатура, адвокатская деятельность, защитник, карманные адвокаты, адвокат по назначению.*

В соответствии со статьей 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, такая помощь оказывается бесплатно[1].Получение квалифицированной юридической помощи является важнейшей гарантией соблюдения прав и свобод, в том числе права на доступ к правосудию. Каждый гражданин кто проходит по делу как подозреваемый или обвиняемый имеет право на обеспечение защитника с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Но ни каждый обвиняемый, подозреваемый может и не обладать достаточными средствами, чтобы воспользоваться платными услугами адвоката. Поэтому, государство предоставляет защитника, финансируемого из федерального бюджета.

С 2021 г. размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, за один день участия в зависимости от подсудности дела, уровня суда, от времени суток, рабочих/нерабочих/праздничных дней колеблется от 1500 до 3350 рублей[2].

Сумма не слишком выходит большая и не каждый адвокат согласится работать за такие деньги, при этом нужно учитывать, что рабочий день может занять 30 минут фактического времени, а может и весь день.

Таким образом, существует незаинтересованность адвокатов исполнять свои профессиональные обязанности, несмотря на то, что государство повышает с каждым годом суммы вознаграждений, которые оказываются все равно недостаточными.

Счетная палата 25.02.2020 г. в своем отчете о результатах использования средств федерального бюджета, затраченных на оплату вознаграждения защитника в уголовном процессе в 2016–2019 гг., пришла к следующим выводам о существующих проблемах[3]:

- отсутствует оценка деятельности адвоката;
- отсутствует перечень документов, которые подтверждали фактическое время, затраченное на осуществление защиты, кроме участия в следственных действиях и судебных заседаниях;
- нарушен порядок выплаты вознаграждений.

Таким образом, средства из федерального бюджета на оплату услуг адвокатов выделялись в достаточном объеме, но имеется проблема и даже есть случаи несвоевременности оплаты вознаграждений адвокатам. Также можно сказать, что отсутствуют требования к уровню предоставления квалифицированной юридической помощи адвокатом и требований к судам по обязанности по опубликованию и размещению судебных актов о выплате процессуальных издержек в Государственной автоматизированной системе «Правосудие». Выходом из данной проблемы является не только увеличение сумм вознаграждений, но и ужесточение оценки качества услуг, а также ведение дисциплинарных взысканий за некачественно оказанную квалифицированную юридическую помощь. Если на адвоката поступит жалоба от подзащитного, то следует созвать квалификационную коллегию, которая будет рассматривать ситуацию и вынесет соответствующее решение. Санкции следует ужесточить, например, за одну жалобу – обязанность вернуть двойную сумму вознаграждения, за вторую жалобу – приостановление статуса адвоката на определенный срок.

В адвокатском сообществе существует проблема так называемых карманных адвокатов. Это те лица, которые нарушают Кодекс профессиональной этики, заключают неформальную сделку с органами дознания и следствия. Данный адвокат удобен следователю тем, что может оказать услуги своим формальным присутствием, а также не будет мешать следствию. Карманный адвокат не подскажет, как подзащитному действовать, что говорить, с чем соглашаться. Адвокат формально подпишет документы и не окажет квалифицированной юридической помощи. При этом выигрывает следователь, который сможет в короткий срок закончить следствие и адвокат, который получит вознаграждение, не прилагая особых усилий.

Выходом из данной ситуации является автоматизированная система распределения адвокатов по назначению органов дознания, следствия или суда, которая уже действует в некоторых субъектах нашей страны, как Санкт-Петербурге с октября 2018 г., г. Москве с июля 2020 г. С внедрением адвокатской палатами автоматизированных систем назначения адвокатов в качестве

[1] См: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 1, ст. 1416.

[2] См: Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» // Рос. газ. 2012. № 283.

[3] См: Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ использования средств федерального бюджета, предусматриваемых на оплату труда адвокатов, участвующих в качестве защитника в уголовном процессе по назначению суда, в 2016–2018 гг. и текущем периоде 2019 г.» // Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/c19/c19af1dd05de4b09dd0e 72e2999c186f.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

защитников такие задачи, как равноправное и справедливое распределение дел по назначению между адвокатами, прозрачность, оперативность обеспечения защитника на любой стадии судопроизводства под контролем адвокатского сообщества. Есть плюсы автоматизированной системы распределения дел, так и проблемы которые с этим возникают.

К преимуществам можно отнести:

- исключение карманных адвокатов;
- к участию в делах по назначению допускаются адвокаты, осуществляющие деятельность в адвокатских кабинетах;
- принцип непрерывности защиты позволяет говорить об оказании качественной квалифицированной юридической помощи в полном объеме

Проблемными вопросами остаются:

- так называемая «двойная защита»;
- притворное соглашение;
- попытки стороны обвинения (следствия, дознания) с помощью автоматизированной системы получить удобного адвоката.

Существует проблема «двойной защиты», которая представляет собой осуществление защиты одного лица одновременно адвокатом по соглашению, а так же, вопреки воле этого лица, адвокатом по назначению, равно как и двумя адвокатами по назначению одновременно. Нередко единовременно с адвокатами, участвующими в процессе по соглашению с доверителями, следователи, дознаватели, суды, вопреки воле последних, назначают еще и защитников за счет государства. Это делается потому, что адвокаты по соглашению часто из тактических соображений стараются затянуть процесс.

Существует правило, запрещающее адвокату по назначению принимать поручение на защиту против воли подсудимого, если в процессе уже участвует приглашенный им защитник, в противном случае ему грозит дисциплинарное взыскание. При этом этот данный запрет исполнить нелегко. Во-первых, получивший назначение адвокат не всегда знает заранее, участвует ли в этом деле кто-то еще, а также нет однозначной позиции по вопросу о том, с какого момента он считается вступившим в дело. Во-вторых, совершенно не ясно, как быть, если адвокат по соглашению появляется уже в ходе процесса: по закону на этой стадии освободить адвоката по назначению от участия в деле может только следователь. дознаватель или судья.

Рассматривая данную проблему М.Н. Толкачев, обращает внимание на то, что существующий подход адвокатов – дублеров превращает систему в лишь имитацию судопроизводства, в котором право на защиту реализуется формально[1]. А с внедрением автоматизированной системы распределения поручений по назначению, с данной проблемой сталкиваются больше молодых, добросовестных адвокатов. Данная проблема, полагаю, может быть решена следующим способом. В автоматизированной системе предусмотреть функцию, которая будет обязывать дознавателей, следователей, суд при заполнении заявки вносить дополнительные сведения об адвокате по соглашению или об участвующих ранее адвокатов, и в дополнении указывать информацию об уважительных причинах составления этой заявки.

Существует проблема притворного соглашения, которая нередко выявляется в практике работы автоматизированной системы распределения адвокатов. В качестве примера можно привести случай из дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга[2]. Защитник по назначению, который получил и принял заявку через автоматизированную систему, был не допущен следователем под разными отговорками, но через 2 дня был вызван на другое следственное действие. Выяснилось, что при ознакомлении с материалами уголовного дела, когда защитник по назначению не допускали, в данном следственном действии фигурировал другой адвокат приглашенным следователем. В итоге участие адвоката по соглашению в одном важном следственном действии повернуло весь ход уголовного дела, а именно отказ от адвоката и признание вины подзащитным. Адвокатская палата рассматривала жалобу адвоката по назначению и пришла к выводу, что соглашение об оказании юридической помощи носит притворный характер, содержит безнадежность соглашения, нет данных об регистрации соглашения, цель данного соглашения состояла в обходе Порядка назначения защитников, который установлен Адвокатской Палатой. Выход из указанной проблемы состоит в тщательном мониторинге работы автоматизированной системы распределения адвокатов, также нужно постоянно анализировать работу адвокатов, принявших заявку на защиту подсудимого, характер и содержание заявки поступающих от должностных лиц органов дознания, следствия, суда.

Следующей немаловажной проблемой является получение удобного формального адвоката следователем при использовании автоматизированной системы распределения.

Например, в Вологодской области должностные лица органов предварительного следствия стали злоупотреблять правом на свободный выбор адвоката.

Были зафиксированы случаи приглашения в дело более «удобных» адвокатов, в том числе из числа бывших коллег, которые, уволившись из органов дознания, следствия и приобрели статус адвоката-защитника[3]. Такие адвокаты не оказывали должную квалифицированную юридическую помощь, а были номинальной фигурой, которая лишь имитирует защиту.

Чтобы искоренить данные случаи Совет Адвокатской палаты г. Вологды, например, внес изменения в действующий Порядок назначения защитников, а именно были назначены по пять дежурных координаторов и за каждым из них закреплены группы адвокатов, примерно равные

[1] См: Проблемы двойной защиты в дисциплинарной практике адвокатских палат: материалы научно-практической конференции. URL: https://fparf.ru/news/fpa/dvoynaya-zashchita-vkontekste-obshchikh-problem-pravosudiya/ (дата обращения: 05.03.2022).

[2] См: Притворное соглашение: адвокат по назначению пожаловался на защитника по соглашению // Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за вторую половину 2019 г. URL: https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/the-review-of-the-disciplinary-practice-of-lawyer-chamber-of-saint-petersburg-for-the-second-half-of / (дата обращения: 05.03.2022).

[3] См: В АП Вологодской области готовятся к внедрению автоматизированной системы распределения дел по назначению. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/testirovanie-i-podgotovka-k-rabote (дата обращения: 05.03.2022).

по численности. До дознавателей и следователей доводился лишь график дежурства координаторов с указанием их контактной информации. Координаторы, принимая заявки от дознавателей, следователей равномерно распределяли их среди адвокатов и вели учет распределенных дел. Организация и контроль работы дежурных координаторов были возложены на территориальных (старших) координаторов. Данное изменение, благоприятно повлияло на ситуацию и исключило массовые нарушения порядка, как со стороны должностных лиц органов предварительного следствия, так и, соответственно, со стороны дежурных адвокатов.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что в будущем внедрение системы автоматизированного назначения адвокатов позволит исключить появление злоупотреблений в действиях органов дознания и суда и повысит эффективность функционирования всей системы оказания квалифицированной юридической помощи в целом.

А.А. Потапов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Бытко С.Ю.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПРЕСТУПНИКА РОССИИ

Аннотация: *в данной статье рассматриваются и анализируются статистические данные представленные правоохранительными органами о динамике и состоянии преступности в России за 2021 год. Данная тема актуальна в наше время, т.к. в уровень преступности в России остаётся высоким, но, не смотря на это с каждым годом общий уровень преступности постепенно снижается, однако, растет уровень рецидивной преступности, что свидетельствует о том, что цель специальной превенции преступлений и исправления преступников не достигается в полной мере. Рецидивисты являются носителями традиций преступного мира и способствуют вовлечению в совершение преступлений лиц ранее несудимых.*

Ключевые слова: *преступность, уровень, лицо, статистика, причина, условия.*

«Преступность – это не механическое множество, а целостная совокупность, система преступлений. Она имеет определенные системные свойства, т.е. устойчивые взаимозависимости преступлений внутри целостности и между ней и другими социальными явлениями[1]; …под преступностью понимается исторически изменчивое, негативное социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений…»[2].

Анализ статистических сведений о состоянии преступности в 2021 г. свидетельствует о том, что оперативная обстановка в стране продолжает оставаться стабильной и контролируемой. Снижение количества зарегистрированных преступлений по сравнению с 2020 годом составило 1,9 %.

Отмечается сокращение числа противоправных деяний по ряду составов, в том числе убийств и покушений на убийство – на 4,7 %, умышленного причинения тяжкого вреда здоровья – на 10,6 %, разбоев – на 16 %, грабежей – на 18,1 %, краж – на 2,4 %.

Четыре преступления (81,0 %) из пяти регистрируются в городах и поселках городского типа – всего 1,6 млн, почти пятая часть (18,5 %) – в сельской местности, где зарегистрировано 371,7 тыс. преступлений.

Больше половины преступлений (55,7 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; +7,7 %).

Выявлено 848,3 тыс. лиц, совершивших преступления (-0,5 %), удельный вес лиц без постоянного источника дохода увеличился с 63,9 % до 64,1 %, а удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 29,9 % до 30,1 %. Больше половины (60,0 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое четвертое (28,1 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое тридцать второе (3,1 %) – несовершеннолетними или при их соучастии. Больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 733,1 тыс. (-2,4 %), мошенничества – 339,6 тыс. (+1,2 %), грабежа – 31,5 тыс. (-18,1 %), разбоя – 4,4 тыс. (-16,0 %).

В структуре преступности деяния небольшой и средней тяжести занимают свыше 70 %.

Иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ совершено 36,4 тыс. преступлений, что на 5,9 % больше, чем за январь – декабрь 2020 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ – 28,5 тыс.2 преступлений, их удельный вес составил 78,3 %

Согласно сведениям представленными правоохранительными органами регионы с наибольшим темпом роста преступности в процентах в сравнении с 2020 годом являются 1 – Тульская область – 19,4 %; 2 – Ямало-Ненецкий автономный округ – 16,4 %; 3 – Республика Ингушетия – 10,2 %; 4 – Республика Адыгея – 9,0 %; 5 – Приморский край – 8,5 %; 6 – Республика Саха (Якутия) – 7,1 %; 7 – Краснодарский край – 6,3 %; 8 – Республика Дагестан – 5,0 %; 9 – Республика Мордовия – 3,3 %; 10 – Челябинская область – 3,1 %. В данных субъектах РФ остаётся высокий рост преступности из-за низкого уровня жизни в данных регионах, а так же высокого уровня безработицы (см. таблицы).

Подводя итог анализа статистических данных о состоянии преступности за январь 2021 по декабрь 2021 представленных органам Министерства внутренних дел России и Генеральной прокуратуры России можно составить портрет современного преступника. Современный преступник в России в 2021 г. – это гражданина Российской Федерации, лицо мужского пола, достигшее совершеннолетнего возраста, не имеющий постоянного

[1] См.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 63.
[2] См.: *Михайлова А.В.* Криминология : курс лекций. Рязань, 2008. С. 19.

СВЕДЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ВЫЯВЛЕННЫХ СУБЪЕКТАМИ УЧЕТА

	Всего	Из них выявлено преступлений сотрудниками					
		следственных органов Следственного комитета РФ		органов внутренних дел		органов прокуратуры	
		всего	динамика, %	всего	динамика, %	всего	динамика, %
Всего	2 004 404	21 860	1,6	1 868 386	-2,7	24 788	-0,4
в том числе:							
особо тяжких	114 066	4 260	11,1	105 618	3,3	494	25,7
тяжких	446 013	4 267	-2,2	427 426	-1,8	5 443	-6,1
средней тяжести	604 403	4 538	0,5	586 895	-5,0	3 492	-2,0
небольшой тяжести	839 921	8 794	-0,1	748 447	-2,2	15 359	1,5
экономической направленности	117 707	2 821	35,0	96 532	9,0	8 548	32,3

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

	ВСЕГО	+,- в %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, в %	в том числе несовершеннолетних		
				ВСЕГО	+, - в %	уд.вес в %****
ВЫЯВЛЕНО ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	**848320**	**-0,5**	**100,0**	**29126**	**-13,3**	**100,0**
в том числе						
несовершеннолетних	29126	-13,3	3,4			
женщин	137724	1,0	16,2			
учащихся, студентов	31153	-10,4	3,7	20743	-13,5	71,2
лиц, не имеющих постоянного источника дохода	543965	-0,2	64,1	35	-81,1	0,1
безработных	8628	13,0	1,0	28	-28,2	0,1
ранее совершавших преступления	493813	0,3	58,2	7213	-16,5	24,8
из них						
ранее судимых за преступления*	255502	0,1	51,7	2571	-14,9	8,8
совершивших преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом*	18681	-2,0	3,8	-	-	-
иностранных граждан и лиц без гражданства	31321	7,2	3,7	213	-	0,7
из них						
граждан государств - участников СНГ**	25322	-3,9	80,8	168	-	0,6
Из общего числа выявленных лиц совершили преступления в составе группы (всего)	**104828**	**-3,8**	**12,4**	**13151**	**-16,2**	**45,2**
в том числе						
организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации)***	11910	22,0	11,4	122	52,5	0,4
в состоянии опьянения						
алкогольного	262452	-9,0	30,9	3402	-16,6	11,7
наркотического	6620	-2,5	0,8	83	-8,8	0,3

источника дохода, ранее уже совершавший преступления, посягающий на преступление небольшой и средней тяжести, чащей действующий в группе лиц. Лицо, совершившее преступление в 2021 г. проживал преимущественно в Сибирских субъектах РФ, а так же субъектах Южно-Федерального округа.

Г.В. Протасов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Грачева О.А.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *в работе рассматриваются этапы уголовного процесса, отличия их друг от друга, процессуальные формы, участие прокурора на различных стадиях судебного уголовного процесса, правовые основания и формы участия прокурора, полномочия прокурора в судебном разбирательстве.*

Ключевые слова: *прокурор, судебный уголовный процесс, государственный обвинитель, стадии уголовного процесса, уголовное преследование.*

Правовые основания и формы участия государственного обвинителя в судебном уголовном процессе устанавливаются в соответствии с законом.

Правовыми основаниями для участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел регламентируется УПК РФ, Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» ст. 35–39, Приказом Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». На основании этого, наиболее важным направлением в работе прокуратуры заместителям Генерального прокурора РФ, прокурорам субъектов РФ, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур, прокурорам городов и районов, иных территориальных, военных и специализированных прокуратур необходимо считать участие в рассмотрении уголовных дел в суде.

Уголовный процесс можно поделить на досудебное производство и судебное производство, которые имеют некоторые отличия друг от друга в задачах, процессуальной форме, участниках и решениях. Досудебное производство по уголовным делам, к которому относятся возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. К судебному производству относится подготовка дела к судебному разбирательству, производство дела в суде первой инстанции; апелляционное производство по уголовному делу, исполнение приговора, производство в суде кассационной инстанции, производство в надзорной инстанции, возобновление уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

При осуществлении прокурором основной функции надзора за исполнением закона предусматривается возможность установления признаков для возбуждения уголовного дела. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ это потребует от прокурора принятия решения о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по факту обнаружения прокурором нарушения уголовного законодательства. Таким образом, прокурор, выносящий соответствующее постановление реализует функцию уголовного преследования, которая является процессуальной деятельностью стороны обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Исходя из п. 22 ст. 5 УПК РФ под государственным обвинением понимается такой процесс, в котором прокурор обосновывает свою позицию в отношении виновного лица в установленном уголовно-процессуальным Кодексом порядке. Исходя из вышесказанного, поддержание государственного обвинения в суде будет являться формой осуществления уголовного преследования.

Государственный обвинитель, руководствуясь особенностями подготовительной части в судебном заседании, в судебном следствии, спорах и решениях, может определиться с тактикой ведения судебного разбирательства. Для этого он должен правильно и в полном объеме использовать полномочия, возложенные на него уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст. 37, 246). Реализация полномочий прокурора в судебном разбирательстве может выражаться в нескольких формах. К ним относятся:

Мнение прокурора – сформулировать свою позицию по вопросам, представляющим интерес для суда. Оно описывается по существу обвинения, в том числе и по другим вопросам, которые могут возникнуть на заседании суда в рамках подготовительного этапа. Это выясняется при решении судом вопроса об удовлетворении требований допрашиваемых свидетелей и отводе их из суда до окончания судебного следствия. Мнение прокурора требуется при определении проблем экспертов при проведении экспертиз, например, судебных.

Заключение прокурора – является процессуальным документом, в котором отражается вывод, констатирующий о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. При этом данные обстоятельства должны были существовать на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не быть известны суду.

По заключению прокурора суд может принять следующие решения: об отмене приговора, определения или постановления суда и о передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства; об отмене приговора, определения или постановления суда и о прекращении уголовного дела; об отклонении заключения прокурора.

Государственный обвинитель, обращаясь к суду на разных стадиях (предварительного расследования, подготовки к судебному разбирательству и непосредственно в стадиях судебного разбирательства) может ходатайствовать с просьбами о выполнении следственных действий, прекращении уголовного дела, проведении предварительного слушания, отложении рассмотрения уголовного дела и о выполнении иных процессуальных действий, которые способствуют принятию законного, обоснованного и справедливого решения. Такие ходатайства способствуют устранению ошибок со стороны следствия и суда, обеспечивают защиту прав и свобод участников судопроизводства. Каждое ходатайство должно быть обоснованным. Ходатайство может быть заявлено как в устной, так и в письменной форме. Заявленное ходатайство в устной форме заносится в про-

токол судебного заседания, а письменное приобщается к уголовному делу. Ходатайство прокурор может заявить на любом этапе судебного заседания по уголовному делу. В случае если заявленное ходатайство было отклонено, прокурор может снова его заявить.

Представление – обоснованное обращение прокурора в вышестоящий суд об отмене или изменении решения, определения или постановления нижестоящего суда. Прокурор, являясь стороной обвинения, озвучивает первым предложение в отношении порядка исследования доказательств и о последовательности их представления в ходе судебного следствия. Вносит предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. В судебных действиях обязательное участие принимает прокурор, осуществляя контроль действий дознавателей и следователей, поддерживает обвинение, представляет доказательную базу, изучает доказательства защиты, предлагает конкретное наказание. По его инициативе, в любое время судебного следствия должны быть оглашены все необходимые документы, которые приобщены к делу.

В случае если вина подсудимого не подтверждается предъявленными доказательствами, то прокурор отказывается от обвинения. Отказ может быть полным или частичным. В случае полного отказа, прокурор делает обоснованный вывод о недосказанности обвинения, а когда обвинение оказалось неподтвержденным в какой-либо его части, происходит частичный отказ. Отказ от обвинения заявляется государственным обвинителем только после всестороннего исследования в суде доказательств.

Обвинительная речь – выступление прокурора в прениях с тем, чтобы склонить суд и участников сторон процесса к принятию своего мнения, доказывая виновность преступника. В ней дается краткое описание обстоятельств дела, общественной опасности преступления, фиксируются важнейшие выводы, основанные на анализе доказательств, рассмотренных судом, выдержки из показаний лиц, допрошенных в ходе судебного следствия, соглашения и другие документы из опубликованного следственного действия. В нем также излагаются характеристики доказательств и даются рекомендации по вопросам, по которым прокурор обязан предложить решения в своем заявлении. Заявление прокурора состоит из трех частей: вводной, основной и заключительной. Вводная часть-описание обстоятельств преступления. В основной части анализируются доказательства виновности подсудимого в инкриминируемом деянии и дается характеристика его правовой оценки. В этом разделе описывается подсудимый и приводятся смягчающие и отягчающие обстоятельства.

В заключительной части прокурор представляет рекомендации о наказаниях для обвиняемого, размере компенсации за материальный ущерб и судьбе материальных доказательств.

Реплика прокурора – реакция участников дискуссии сторон на выступления, услышанные другими участниками (ст. 5 УПК РФ). Для того чтобы обеспечить состязательность сторон, государственный обвинитель должен принимать непосредственное участие в судебном процессе. По делам частного обвинения, обвинение поддерживает потерпевший (ст. 246 УПК РФ).

УПК РФ гласит, что в случае совершения уголовных преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116 настоящего Закона, которые не были совершены при очевидных обстоятельствах (неизвестные данные о личности преступника), частные обвинения преобразуются в публичные. Прокурор имеет право отказаться от уголовного преследования на основании процедур и оснований, установленных уголовно-процессуальным кодексом, и указать основания своего решения[1].

Специфика закрепления статуса независимости прокурора, является одной из проблем в поддержании государственного обвинения. Целесообразно дополнить статью 246 Уголовно-процессуального кодекса РФ, тем что необходимо согласовать с прокурором, который возложил ответственность за поддержание государственного обвинения (вышестоящий прокурор), отказ прокурора от обвинения, однако в приказе Генерального прокурора РФ этот вопрос полностью урегулирован.

В юридической литературе предлагались и другие модели взаимоотношений суда, вышестоящего прокурора и государственного обвинителя при отказе последнего от государственного обвинения. В силу принципа единства и централизации прокуратуры, закрепленного в ст. 4 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», приказы Генерального прокурора РФ обязательны для исполнения всеми подчиненными прокурорами. Таким образом, позиция государственного обвинителя об отказе от обвинения должна быть предварительно согласована с вышестоящим прокурором, и только в связи с тем, что вышестоящий прокурор признал позицию государственного обвинителя обоснованной, она оглашается государственным обвинителем в суде. Отказ государственного обвинителя от обвинения, как считает Т.А. Ермакова, – «это взвешенная точка зрения не только отдельного государственного обвинителя, но и прокурора, направившего уголовное дело в суд, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт), т.е. прокуратуры в целом»[2].

В случае отказа от предъявления обвинения, процессуальная деятельность прокурора будет иметь следующие характеристики: психологический, субъективный отказ от предъявления обвинения при наличии достаточных оснований, которые возникают у прокурора в ходе судебного разбирательства дела и составляют содержание отказа от предъявления обвинения. Прокурор, вынося публичные заявления в суде перед участниками процесса, выражает тем самым отказ от обвинения. В случае прекращения обвинительной деятельности прокурора, появляется основание для вынесения решения о прекращении уголовного преследования полностью или частично.

Правозащитная функция прокуратуры означает, что если обвинения не подтверждаются в суде, то прокурор должен их отклонить. Точно так же принцип состязатель-

[1] См.: *Гаврилова М.Н.* Роль прокурора в прекращении уголовного дела (уголовного преследования) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 90.

[2] См.: *Ермакова Т.А.* Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. 2015. № 6. С. 92.

ности не основан на поддержании публичного обвинения любой ценой[1]. Несмотря на довольно большое количество научных работ, до настоящего времени в юридической литературе нет единого мнения о направлениях деятельности, функциях, полномочиях прокуратуры и отраслях прокурорского надзора. Нет четкого определения этих понятий и в законодательстве. [2]

В приказе «Об участии прокуроров в судебной стадии уголовного судопроизводства» № 376 отражено, что не привлечение невиновных к уголовной ответственности соответствует цели уголовного судопроизводства. Так же недопустимо оказание давления на прокурора в вопросах поддержания выводов органов следствия. Если прокурор вынужден снять обвинение, то уголовное преследование обвиняемого прекращается.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» регулируется порядок отказа государственным обвинителем в предъявлении обвинения и изменение его в сторону смягчения. А.В. Федулов разграничивает уголовное преследование на несколько форм, которые зависят от этапов уголовного судопроизводства. По его мнению на досудебной стадии уголовное преследование осуществляется в форме предварительного расследования, а в судебной стадии – в форме поддержания государственного обвинения[3]. В данном случае отсутствуют различия между направлениями деятельности прокуратуры с ее функциями и с отраслями прокурорского надзора.

Каждая стадия уголовного процесса завершается принятием итоговых решений, которые являются необходимой предпосылкой для перехода уголовного дела в следующую стадию либо завершают ее. В ст. 221, 225 УПК РФ содержатся решения, принимаемые прокурором по итогам стадии предварительного расследования.

В.М. Савицкий в свое время обосновал свою точку зрения высказав, что «государственное обвинение – это осуществляемая в установленных законом процессуальных формах деятельность прокурора в стадии судебного разбирательства дела, вытекающая из его государственно-правовой функции надзора за точным исполнением законов, состоящая в доказывании виновности подсудимого и обосновании связанных с этим правовых последствий и направленная на создание условий, обеспечивающих вынесение законного и обоснованного приговора, а также выполнение всех других задач советского уголовного судопроизводства» [4]. В данном случае обвинение представляется элементом уголовного преследования.

Можно сказать, что прокурор обретает статус государственного обвинителя задолго до начала судебного разбирательства. Для успешного поддержания обвинения прокурор должен утвердить окончательное обвинение в отношении конкретного лица, а затем сам вступать в процесс для его поддержания.

Однако здесь может быть подмена понятий «функция обвинения» как функции уголовного процесса, которое заменятся новым понятием – «функция уголовного преследования». На это указал В.Ф. Крюков, который разделяет государственное обвинение на три различные формы: рассмотрение уголовных дел в общем порядке; в особом порядке; рассмотрение уголовных дел с участием присяжных[5].

Признавая право на существование данной классификации, тем не менее необходимо обратить внимание, что УПК РФ устанавливает общие правила судебного разбирательства (гл. 33 – 39 УПК РФ). Главная роль прокурора в уголовном преследовании закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и независимо от форм участия в процессе, прокурор всегда выступает в защиту прав и законных интересов граждан и государства.

Таким образом, правовые основания участия прокурора в судебном уголовном процессе и оценка деятельности прокуроров по участию в уголовном процессе происходит из качества поддержания в суде предъявленных прокурором обвинений; эффективности апелляционного и кассационного обжалования судебных постановлений по уголовным делам; обоснованности представлений о пересмотре в порядке надзора судебных актов.

К факторам, оказывающим влияние на эффективность реализации прокурорами своих полномочий при участии в уголовном судопроизводстве, относятся: уровень профессиональной подготовки прокурора; степень готовности прокурора к судебному заседанию; квалифицированное выполнение прокурором возложенных на него обязанностей; организация информационно-аналитической работы в прокуратуре. Кроме этого, повышение эффективности деятельности прокуроров возможно при налаженной организации методической работы отделов по обеспечению участия прокуроров в уголовном процессе прокуратур субъектов РФ.

Подводя итог, как видится, можно сделать следующие выводы.

Формы участия прокурора в уголовном процессе определены его процессуальными функциями поддержания государственного обвинения и надзором за законностью.

Прокурор является главным судебным представителем обвинения и вступает в уголовный процесс на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела, а прекращает – при вынесении приговора судебной инстанцией.

Поэтому участие прокурора в уголовном процессе можно определить, как обеспечение законности действий всех участников процесса, устранения нарушений закона, оказание помощи суду в осуществлении правосудия.

---

[1] См.: *Ватутина О.Ю.* Процессуальный статус специалиста и его правовая регламентация в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский судья. 2020. № 11. С. 22–26.

[2] См.: *Тушев А.А.* Направления деятельности, функции, полномочия прокуратуры и отрасли прокурорского надзора // Законность. 2021. № 4. С. 20–25.

[3] См.: *Поляков М.П., Федулов А.В., Власова С.В. и др.* Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. М.П. Полякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 27–28.

[4] Цит. по: *Мамонтова Д.О.* К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 11. С. 32.

[5] См.: *Крюков В.Ф.* Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность): монография. Курск, 2012.

Е.С. Прохорова
ФГБОУ ВО «РГУП», г. Москва
Научный руководитель: Антонов Ю.И.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «РГУП», г. Москва

КОНТРАБАНДА АНАБОЛИЧЕСКИХ СТЕРОИДОВ (СТАТЬЯ 226.1 УК РФ)

Аннотация: *статья посвящена вопросу уголовной ответственности за контрабанду сильнодействующих веществ группы анаболических андрогенных стероидов (ААС). По итогам изучения материалов судебной практики отмечены ключевые особенности данного преступления.*

Ключевые слова: *контрабанда, сильнодействующие вещества, анаболические стероиды, препараты, спортсмены.*

За последние несколько лет участились случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих заказы в интернет-магазинах спортивной фармакологии препаратов, предназначенных для увеличения мышечной массы, более известных как анаболические стероиды. Общее число осужденных по ч. 1 ст. 226.1 Уголовного кодекса РФ[1] (далее – УК РФ), речь о которой пойдёт в статье, за 1 полугодие 2021 г.[2] составило 173 человека. Из них 33 человека – женщины.

Диспозиция ч. 1 ст. 226.1 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ (наряду с иными предметами). Именно такие вещества входят в состав препаратов, предназначенных для набора мышечной массы спортсменами, являясь анаболическими стероидами.

Предмет преступления.

Анаболические стероиды или анаболико-андрогенные стероиды (ААС) представляют собой группу препаратов, заменяющих искусственным образом гормон тестостерон. Указанные вещества относятся к категории сильнодействующих, их оборот в Российской Федерации ограничен. Спортсмены используют стероиды, в частности, для увеличения мышечной массы и силы, продолжительности и интенсивности тренировок, сокращения восстановительного периода после нагрузок[3].

Наиболее распространенными сильнодействующими веществами в ряду анаболических стероидов для указанных целей являются: тестостерон-1, метандиенон, нандролон, станозолол. Эти и иные вещества входят в список сильнодействующих веществ, утвержденный постановлением Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса РФ, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации»[4]. Список веществ является исчерпывающим.

Стоит отметить, что анаболики могут применяться и в лечебных целях (недостаток собственного тестостерона, истощение организма, вызванное СПИДом и др.). Так, например, допускается ввоз лекарственных препаратов, содержащих в составе сильнодействующие вещества. При этом ввоз возможен только для личного использования физическими лицами, прибывшими в Российскую Федерацию, при наличии документов, подтверждающих их назначение физическому лицу, с указанием наименования препарата и его количества[5]. Обязательным условием является составление таможенной декларации. В свою очередь незаконный ввоз лекарственных препаратов, имеющих в своем составе сильнодействующие вещества, вне зависимости от количества будет являться ничем иным как контрабандой сильнодействующих веществ, ответственность за которую предусмотрена статьей 226.1 УК РФ, относящейся к категории тяжких преступлений, т.к. санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет.

Уголовная ответственность наступает именно за «незаконное» перемещение (ввоз, вывоз). Напрашивается вопрос: возможно ли законно перевезти через государственную или таможенную границу такие сильнодействующие вещества?

Ввоз на таможенную территорию Союза или территорию РФ или вывоз с указанных территорий сильнодействующих веществ любым способом считается перемещением через таможенную или государственную границу. Такое перемещение осуществляется вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации[6].

Исходя из материалов судебной практики, граждане, непосредственно осуществляющие незаконное перемещение сильнодействующих веществ из одного государства в другое самостоятельно, стремясь устранить факты их обнаружения сотрудниками таможенного контроля,

---

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2022)

[2] См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2021 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895 (дата обращения: 08.04.2022).

[3] См.: *Иконникова Е., Хорькин П.* Комментарии к Запрещенному списку / под ред. А. Деревоедова. М.: Транслит, 2010. С. 32.

[4] См.: Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74146/ (дата обращения: 10.04.2022).

[5] См.: Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 10.04.2022)

[6] См.: Там же.

чаще используют способ сокрытия. Так, например, сильнодействующие вещества обнаруживались в ёмкостях из-под спортивного питания[1], либо были спрятаны в одежде и полостях человеческого тела.

В апреле 2021 г. Белгородский районный суд признал К. (тренера с 20-летним стажем)[2] виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. К. приобрел в аптеке г. Харькова анаболические стероиды для личного потребления, из расчета на один курс. Провоз сильнодействующих веществ в Российскую Федерацию, в частности, – тестостерона, осуществлялся К. на личном автомобиле, а сами стероиды были упакованы в кроссовки. На таможенном контроле К. был задержан. Судом назначено наказание в виде штрафа в размере 200 тысяч рублей с применением ст. 64 УК РФ.

В тех случаях, когда сильнодействующие вещества, как предмет контрабанды, незаконно перемещаются лицом, использующим поддельный официальный документ или печать, которые являются необходимым условием его законного перемещения через границу, дополнительная квалификация по ст. 327 УК РФ, предусматривающей ответственность за подделку, изготовление или оборот документов отсутствует. При этом важно, чтобы документ или печать были подделаны другим лицом. Однако, если лицо использует подделанный им самим официальный документ или печать, содеянное должно квалифицироваться уже как совокупность преступлений, предусмотренных статьями 327 УК РФ и 226.1 УК РФ.

Важно также отметить, что в соответствии с положениями Всемирной почтовой конвенции[3] пересылка в международных почтовых отправлениях сильнодействующих веществ запрещена. По мнению Е.В. Федоткина и Х.Б. Таги-заде большинство сильнодействующих веществ, приобретенных посредством заказа в зарубежных интернет-магазинах, перемещается в Российскую Федерацию путем международных почтовых отправлений, поэтому ужесточение контроля за такими отправлениями является важнейшим шагом на пути противодействия контрабанде сильнодействующих веществ, приобретенных в интернет-магазинах спортивного питания[4].

С данным выводом трудно не согласиться, ведь он находит своё подтверждение в материалах судебной практики. Так, например, в июне 2021 г. Щербинским районным судом[5] г. Москвы был вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ в отношении гражданина В.Г., который осуществил заказ препарата, содержащего сильнодействующее вещество прегабалин, массой 999,95 гр., для личного употребления, указав вымышленные данные и осуществив оплату поставки из Нидерландов данного сильнодействующего вещества путем перевода денежных средств через терминал «Киви Кошелек». Суд назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 3 г. в исправительной колонии общего режима.

Субъект преступления. Субъектом контрабанды выступает вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста 16 лет. На практике им чаще всего являются непрофессиональные спортсмены, стремящиеся в быстрый срок набрать мышечную массу или тренеры, приобретающие анаболические стероиды для своего личного потребления, либо в интересах лиц, которых они готовят к выступлению на соревнованиях. При этом, часть из них достоверно знают о том, что данные препараты ограничены в обороте. Так, гражданин С.В. (фитнес-инструктор) занимаясь непрофессионально спортом у себя дома, заведомо зная, что анаболические стероиды содержат в своем составе сильнодействующие вещества, которые используют в спорте для улучшения спортивных результатов и увеличения мышечной массы, вступил в переписку с продавцом, в ходе которой были оговорены условия приобретения и получения препаратов, содержащих станозолол, метандиенон и тестостерон путем пересылки из Республики Беларусь. Суд назначил С.В. наказание в виде лишения свободы сроком на 3 г. и 2 месяца в исправительной колонии строгого режима (ранее судим по ст. 158, 159 УК РФ)[6].

При осуществлении заказа покупатели чаще всего предоставляют свои персональные данные и адрес. Гражданин М.Р. занимается спортом и знает о существовании препаратов «Данабол» и «Декандрол», которые принимаются для ускорения наращивания мышечной массы. Через сайт в интернете им был осуществлен заказ препаратов, содержащих в своём составе метандиенон (метанд-ростенолон) общей массой 8,0 г., нандролона деканоат общей массой 4,75 г. При оформлении заказа М.Р. использовал данные своего паспорта, а оплату производил путем перевода денежных средств с банковской карты, оформленной на своё имя. О том, что указанные препараты запрещены на территории РФ М.Р. не знал. Ему было известно лишь, что они запрещены для профессиональных спортсменов[7].

Другая категория лиц приобретает сильнодействующие вещества основываясь на своём же внутреннем убеждении в их легальности, ведь сайты большинства интернет-магазинов спортивной фармакологии находятся в открытом доступе и не подверглись блокировке, а значит, нет никаких препятствий и запретов. Встречаются и те, кто напрямую спрашивают продавца о законности продажи и приобретения препаратов, однако, последний вводит в заблуждение, уверяя покупателя в том, что находящиеся в продаже фармакологические препараты для увеличения мышечной массы легальны и их оборот не охраняется законом.

---

[1] См.: Приговор Дмитровского городского суда Московской области от 24.10.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Приговор Белгородского районного суда от 16.04.2021. // СПС «Консультант Плюс».

[3] См.: Всемирная почтовая конвенция от 06.10.2016 (Стамбул) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/566249694 (дата обращения: 10.04.2022)

[4] См.: *Таги-заде Х.Б., Федоткин Е.В.* Контрабанда сильнодействующих веществ через интернет-магазины спортивного питания // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (ЮГУ) под научной редакцией В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск. 2019. С. 151–165.

[5] См.: Приговор Щербинского районного суда г. Москвы от 21.06.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] См.: Приговор Домодедовского городского суда Московской области № 1-228/2018 1-4/2019 от 27.06.2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SZ4ou5YdbRrp/?regular (дата обращения: 12.04.2022).

[7] См.: Приговор Адлерского районного суда Краснодарского края от 12.06.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно данным судебной статистики за 1 полугодие 2021 г.[1] контрабанда сильнодействующих веществ несовершеннолетними не совершалась, а число лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 29 лет составило – 22 человека. В основном преступление совершается мужчинами в возрасте от 30 до 49 лет, являющимися гражданами Российской Федерации, которые постоянно проживают в месте своего жительства, имеют среднее или высшее образование и являются трудоспособными лицами без постоянного источника дохода, представителями рабочих профессий или предпринимателями.

Анаболические стероиды продолжают в большей степени пользоваться спросом среди лиц, стремящихся добиться «быстрых» результатов в спорте, нежели теми, кому данные сильнодействующие вещества необходимо принимать по медицинским показаниям. Подобные действия могут привести не только к серьёзным проблемам со здоровьем, но и к уголовной ответственности. Решения данной проблемы можно добиться лишь при ещё более строгом контроле за оборотом сильнодействующих веществ, а также за деятельностью магазинов спортивной фармакологии.

А.А. Пугачева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Радченко В.И.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ КАК ОСОБЫЙ МЕХАНИЗМ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Аннотация: *международный арбитраж является одним из самых перспективных механизмов мирного разрешения международных споров. Данная тема актуальна ввиду увеличивающейся конфликтности на современной геополитической арене. Система международного права, созданная после Второй мировой войны, стоит на принципах, одним из которых является принцип мирного разрешения международных споров. Появившись еще в древности, международный арбитраж стремительно развивается благодаря своим преимуществам над другими способами мирного разрешения международных споров.*

Ключевые слова: *принцип мирного разрешения споров, международный арбитраж, посредничество, арбитражная оговорка, компромисс.*

Сегодня мы наблюдаем обострение конфронтаций между государствами мира по различным вопросам геополитики. Мир претерпевает негативные последствия пандемии коронавируса, во многих точках планеты назревают локальные столкновения. В связи с этим, страны должны предельно тактично и внимательно относиться к каждому международному спору, поскольку тот может повлечь за собой начало локальной или большой войны, нарушить стабильный рост стран, участвующих в конфликте, или международный мир и безопасность.

Что касается России, для нее обеспечивать мирное разрешение межгосударственных споров представляется особо важной задачей. По мнению В.В. Путина, «выстраивать отношения с нами – значит находить совместные развязки, причем самых сложных вопросов, а не пытаться диктовать условия.[2]

Несмотря на то, что принцип мирного разрешения международных споров признан большинством государств мира, в современности остаются ситуации, при которых стороны прибегают к силовому разрешению споров. Это приводит к еще большему обострению разногласий. Как следствие, международный мир и безопасность полностью не устанавливаются.

Необходимо отметить, что существование конфликтов между странами (так же, как и конфликты между частными лицами) обусловлено наличием у таковых противоречащих интересов. Две страны могут претендовать на одну и ту же территорию, полагая ее своей ввиду тех или иных аргументов. Как следствие, возникает международный территориальный спор, ситуация или конфликт.

Устав ООН определяет следующие способы разрешения международных споров:

1. переговоры;
2. добрые услуги;
3. согласительные процедуры;
4. суд;
5. арбитраж.

Все эти способы составляют систему, к которой могут прибегать государства для обеспечения мирного разрешения спора. Решения международного арбитража, как и решение МС ООН, других судебных инстанций, являются обязательными для сторон по конкретному спору, что является безусловным преимуществом данного метода. Вместе с тем, вынуждены констатировать, что страны до сих пор используют арбитраж крайне редко, однако нельзя сказать, что данный инструмент является вовсе не популярным. Из материалов статистики следует, что с 1794 по 1989 г. между государствами состоялось более 450 международных арбитражей.[3] Как видим, международный арбитраж используется уже достаточно давно.

Проблематика международного арбитража затрагивалась российскими дореволюционными правоведами: В.В. Кипарским, А.Н. Стояновым и др. Все они внесли серьезный вклад в распространение идей о преимуществе международного арбитража над другими способами мирного разрешения международных споров.

Некоторые исследователи полагают, что прототипы современного международного арбитража можно найти во времена первых цивилизаций Востока, Античную

[1] См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2021 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895 (дата обращения: 08.04.2022).

[2] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 15.02.2022).

[3] См.: *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Международное право. Мирное разрешение споров: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2018. С. 43.

эпоху. Однако скорее институты того времени могут быть отнесены к посредничеству. Например, один из знаменитых царей Персии Дарий использовал посредников для решения конфликтов. Но необходимо понимать, что в то время мирное разрешение международного спора было скорее исключением, а развитого международного права не существовало. Запрет на разрешение международных споров через вооруженный конфликт был установлен лишь после Второй мировой войны.

Другие исследователи связывают появление международного арбитража с распространением христианства. Как писал Гуго Гроций, «особенно обязаны вступать на путь третейского разрешения споров христианские государи и государства, ибо иудеями и христианами во избежание решений судей, чуждых истинной религии, избирались третейские посредники, как это предписано апостолом Павлом…».[1]

Вместе с развитием общества, посредничество (как прототип международного арбитража) играло все более важную роль в международных отношениях. В Средневековье данная практика становится постоянной. Историки указывают на третейские разбирательства между немецкими городами, итальянскими городами-государствами. В XV в. было вынесено первое арбитражное решение по экологическому спору между Польшей и Литвой.[2]

В ходе реального использования третейского разбирательства в спорах между публичными субъектами возникали и изменялись различные параметры такого разбирательства:

1. полномочия арбитров и их количество;
2. высокий правовой статус привлекаемых арбитров;
3. порядок замены судей;
4. регламент формулировки решения и его осуществления и пр.

Сформировалось правило о том, что государства должны исполнять решение, принятое посредником в рамках третейского разбирательства. Основанием необходимости выполнения являлось обращение сторон к посреднику, из чего следует согласие сторон с его решением, которое будет принято по итогам процедуры.

Учеными принято выделять следующие виды международного арбитража:

1. Общий

Арбитраж, который используется для разрешения международных споров, имеющих политическую составляющую. К таковым следует отнести споры о границах, территориях.

2. Специализированный

Специализированные арбитражи осуществляют разрешение споров только в рамках той или иной области правоотношений (торговля, воздушное и водное сообщение, инвестиционная деятельность и т.д.).

3. Специальный

В рамках данного вида арбитража необходимо привлечение технических экспертов, что и составляет его особенность. Например, в 1982 г. был создан специальный арбитраж для споров, связанных с добычей рыбы.

4. Смешанный

В смешанном международном арбитраже в спор вступают физические лица, с одной стороны, и публичные, с другой.

Однако более популярной является разделение международного арбитража на постоянные и арбитражи ad hoc. Под последним следует понимать такой, который создается специально для разрешения того или иного спора и будет упразднен после его разрешения.

Появление постоянных международных арбитражей является достижением XX в. Наиболее известным из первых международных арбитражей является Постоянная палата международного правосудия, которая действовала с 1920 по 1946 г. Данный институт показал свою высокую эффективность. В данный период было урегулировано 29 межгосударственных споров[3].

Для того, чтобы спор был передан в международный арбитраж, необходимо заключение между сторонами спора специального соглашения об этом. Также отметим, что стороны могут предусмотреть обязательное обращение в международный арбитраж при возникновении споров в будущем. В таком случае в текст соглашения между сторонами вносится арбитражная оговорка.

Арбитраж состоит из пяти судей, которые назначаются самими спорящими государствами. Кандидатуры двух судей предлагают спорящие стороны из числа своих граждан. Эти последние (третейские судьи и суперарбитр) должны быть различного гражданства, не иметь постоянного местожительства на территории заинтересованных сторон и не состоять на их службе. Такая норма значительно облегчает саму арбитражную процедуру, ибо в ходе разбирательства могут возникнуть вопросы, не предусмотренные в компромиссе (соглашении между сторонами спора об обращении в международный арбитраж).

После получения компромисса начинается процесс. Стороны предоставляют в арбитраж «третейскую запись». В это документе должны содержаться следующие сведения:

1. предмет спора;
2. срок деятельности третейского суда;
3. процедура подачи иска и других официальных материалов, могущих учитываться в деле.

Само арбитражное разбирательство может быть разделено на письменное следствие и прения.

Основным отличием международного арбитража как способа урегулирования международных споров является его двойственная природа: с одной стороны, его можно отнести к неюридическим средствам урегулирования, с другой, международный арбитраж крайне походит на традиционное судебное разбирательство. От судебного разбирательства арбитраж отличается тем, что предусматривает больше возможностей для прений. Также немаловажным преимуществом международного арбитража является то, что стороны могут самостоятельно избрать состав арбитров, что, в свою очередь, суще-

[1] См.: *Гроций Г.* О праве войны и мира / вступ. ст. А.Л. Саккетти, А. Желудкова. М.: Ладомир, 1994. С. 82.

[2] См.: *Абрамова Е.Г.* Международный арбитраж как особый механизм мирного разрешения споров // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 491–503.

[3] См.: *Новикова О.Н.* Роль Международного Суда ООН в современном миропорядке // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 95–100.

ственно повышает уровень доверия к будущему судебному решению.

Перспективы развития данного инструмента разрешения международных споров очевидны. Вместе с тем, нельзя сказать, что у международных арбитражей современности нет проблем, которые необходимо решать. Например, многие исследователи критикуют порядок работы и результаты Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ). Отметим, что при создании данного международного арбитража ad hoc было нарушено одно из основных правил, гласящее, что для разрешения международного конфликта между государствами необходимо согласие последних.

Также в данной сфере наблюдается постепенное стирание границ между физическими лицами и публичными образованиями, частным и публичным правом. На это указывает появление возможности для физических лиц обращаться в международные арбитражи с требованиями к тому или иному государству.

При этом необходимо помнить, что, как не раз писал классик международного права Ф.Ф. Мартенс, международный арбитраж в первую очередь должен заниматься не политическими спорами, а субъектами международного публичного права должны оставаться только государства, поскольку последние представляют интересы своих граждан[1].

А.А. Пугачева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Радченко В.И.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В МИРНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ

Аннотация: *МС ООН занимает главенствующее положение в мирном урегулировании международных споров. Выполнение данного принципа представляет особое значение для поддержания международного мира и безопасности. Государства должны принимать все меры по урегулированию всех разногласий мирными путями. Одним из способов такого урегулирования является обращение в Международный суд ООН.*

Ключевые слова: *Международный суд ООН, принцип мирного разрешения международных споров, переговоры, международное право, арбитраж.*

Под таким термином, как принцип мирного разрешения споров следует понимать одну из базовых категорий в современном международном праве. Наличие данного правила напрямую обусловлено общей нуждой к работе инструментов, которые бы позволили удовлетворять взаимные интересы стран без вооруженных столкновений, что крайне важно для поддержания международных отношений[2]. Перед рассмотрением данной темы необходимо определить, какое содержание имеет это положение международного права.

Видный исследователь Д.Б. Левин отмечал следующие характеристики данного принципа:

1. обязанность государств предпринимать все необходимые меры к урегулированию споров мирными средствами;

2. государства должны разрешать таким образом все свои споры (как угрожающие, так и не угрожающие международному миру и безопасности;

3. государства обязаны разрешать свои споры своевременно, не допуская оставление тех или иных споров нерешенными[3].

Каждый из этих элементов содержания данного принципа представляет особую важность и необходим к исполнению. На основании анализа других источников отечественной литературы по международному праву можно сделать вывод о том, что российская правовая доктрина исходит из того, что принцип мирного разрешения международных споров требует обязательного мирного урегулирования всех споров для предотвращения нарушения международного мира и безопасности.

Д.Б. Левин исходил из необходимости поддержания международной безопасности как сверхцели. По мнению исследователя, без этого было бы невозможным мирное сосуществование государств, что в свою очередь необходимо для их развития.

Отметим, что важность данного принципа подтверждается тем, что он начал закрепляться еще до мировых войн. Статья 2 такого акта, как Конвенция о мирном разрешении международных столкновений определяет, что каждая страна при участии в том или ином разногласии с другой страной, перед использованием вооруженного способа разрешения должна применить добрые услуги или посредничество. Однако при этом в тексте акта отмечается, что государство должно прибегнуть к таким мирным способом решения разногласий именно в случае наличия реальной возможности[4]. При анализе данного положения можно заметить формулировку «насколько позволят обстоятельства». Она указывает на то, что международное право того времени все же признавало возможность урегулирования спора путем вооруженного столкновения.

В дальнейшем предпринимались попытки по установлению невозможности применения силы между государствами на уровне Лиги Наций. На основании правотворческой работы в рамках Лиги Наций уже после Второй мировой войны начали разрабатываться соответствующие документы ООН.

---

[1] См.: *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 102.

[2] См.: *Емельянова Н.Н.* Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 7. С. 130–140.

[3] См.: *Левин Д.Б.* Принцип мирного разрешения международных споров. М.: Наука, 1977. С. 11.

[4] См.: Конвенция о мирном решении международных столкновений (Гаага, 18 октября 1907 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/901762207 (дата обращения: 15.02.2022).

Устав ООН в пункте 3 статьи 2 устанавливает данный принцип, в соответствии с которым споры между членами Организации должны разрешаться мирными средствами. Таким образом удается достигнуть сохранение международного мира и безопасности.[1]

Как видим, заостряется внимание именно на мирном разрешении споров, которые могут привести к нарушению международного мира и безопасности.

Мирное урегулирование международных споров осуществляется следующими способами:

1. переговоры;
2. посредничество;
3. добрые услуги;
4. арбитраж;
5. судебное разбирательство.

В рамках последнего способа осуществляется обращение в Международный суд ООН. Данный судебный орган является основным в рамках Организации. Он может разрешить международный спор лишь в случае признания его юрисдикции странами, участвующими в споре. Такое согласие достигается следующими путями:

1. путем заключения специального соглашения;
2. путем присоединения к договору, предусматривающему урегулирование споров в МС ООН;
3. путем подачи односторонних заявлений о признании юрисдикции суда.[2]

В последнее время интенсивность работы МС ООН только увеличилась. Многие государства обращаются в данную инстанцию для разрешения споров между собой. Генеральный секретарь ООН в 2013 г. запустил компанию, нацеленную на увеличение числа государств, признающих юрисдикцию Суда обязательной в соответствии со Статутом МС ООН. Главной функцией данного Суда является поддержание международного мира и безопасности путем разрешения споров между государствами.

Для того, чтобы государство имело право на получение доступа к правосудию в МС ООН, ему необходимо вступить в Статут МС ООН. Также в особых случаях МС ООН может быть открыт для государств, которые не являются членами Статута. В каждом отдельно взятом международном споре юрисдикция МС ООН обусловлена ее признанием государствами, участвующими в споре.

Передача дела в МС ООН предполагает, что дело будет рассмотрено профессионально и беспристрастно, а решение по спору будет вынесено на основании объективных правовых критериев. Суд проводит тщательный анализ всех обстоятельств по делу, доказательств, представляемых сторонами, а также проводит поиск применимых к той или иной ситуации норм права. Процесс рассмотрения дела в суде можно поделить на письменную и устную части. Каждая сторона обязана выполнить решение Суда. Государства, как правило, прилагают все усилия, чтобы их выполнить. Высокая степень признания практики МС ООН дает тому все перспективы для развития.

Итак, рассмотрим практическое значение МС ООН в урегулировании международных споров:

1. Рассмотрению в МС ООН подлежит любой спор, который касается международного права. В данном случае той или иной стороной по международному спору дело передается в МС ООН. При этом данный спор может касаться как территорий, так и других аспектов. Важным является факт, что компетенция данного суда не ограничена тем или иным кругом вопросов.

2. Суд может урегулировать спор между государствами только мирными средствами. Посредством разрешения международных споров в разработанных для этого институтах удается достичь гармонизации отношений между странами, что позитивно сказывается на их развитии.

3. Суд может разрешить спор в случае, когда дипломатические переговоры между странами не увенчались успехом. В первую очередь сторонам для урегулирования спора между друг другом необходимо применить переговоры. Однако данный инструмент не всегда является эффективным, поскольку сторонам зачастую требуется третье лицо, независимый арбитр, который разрешит между ними разногласия. При этом отметим, что передача дела в МС ООН никак не препятствует продолжению переговоров между сторонами.

Передача дела в МС ООН не должна рассматриваться как недружественный акт. Наоборот, готовность стороны спора разрешить спор через обращение в Суд указывает на соблюдение ей принципа мирного разрешения международных споров.

4. Суд предлагает эффективный и доступный механизм урегулирования споров. Преимуществом МС ООН является то, что расходы при осуществлении судебного разбирательства Судом оплачиваются ООН. Что касается расходов, понесенных сторонами разбирательства, они могут быть оплачены в порядке осуществления финансовой помощи Генеральным секретарем для помощи государствам в разрешении споров через международный суд. Это делает разрешение спора в МС ООН много выгоднее обращения в арбитраж, который является много более дорогостоящим вариантом.

5. Суд выносит решения при разрешении споров уже много лет, а его практика обладает авторитетом в международном сообществе. Решения суда имеют высокое значение для участников международных отношений.

6. Суд содействует обеспечению верховенства права на международном уровне. Применяя положения международного права, МС ООН укрепляет практику их выполнения. Также нередко в рамках рассмотрения дела Суд толкует те или иные положения, иногда рождая тем самым новые нормы права. Дело в том, что каждая система норм неминуемо имеет некоторые пробелы. Суд, в свою очередь, может сослаться на то, что применительно к данной ситуации действующей нормы права нет. В таком случае Суд вынужден заниматься правотворчеством.

Таким образом, Международный суд ООН выполняет важную задачу по мирному урегулированию международных споров. Разрешение международных споров посредством обращения в МС ООН находится во главе всех способов мирного разрешения международных споров.

---

[1] См.: Устав ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/uncharter/full-text (дата обращения: 12.02.2022).

[2] См.: *Афанасьев М.А., Голубева Т.Ю.* Международный суд ООН // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4. С. 17–22.

А.А. Пятунина, В.С. Малышев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Богомолова К.И. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ И МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: *война всегда приносит боль и разрушения. В большинстве случаев вооруженные конфликты сопровождаются нарушением норм международного гуманитарного права. В данной статье мы постарались выяснить причины совершения военных преступлений и предложить меры по их предупреждению.*

Ключевые слова: *военные преступления, международное гуманитарное право, причины.*

Истоки военных преступлений уходят в глубокую древность. Первые прообразы упоминаются еще Ветхом Завете, так, 4 Книга Царств содержит запрет на убийство военнопленных[1]. В связи со становлением в середине XIX в. гуманитарного права происходит формирование института «военных преступлений». В это время вводятся запреты на применение воюющими сторонами определенных методов и средств ведения войны, а также использование определенного вида оружия в ходе военного конфликта. На сегодняшний день основными международными документами, которые определяют правовой характер военных преступлений являются: Женевская конвенция о защите жертв войны 1949 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия 1993 г.; Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г., уставы международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии.

Согласно Н.И. Костенко военные преступления – это сложные и разнообразные по характеру преступные деяния, посягающие на законы и обычаи ведения войны[2]. По мнению И.Ю. Белого, военные преступления относятся к группе преступлений против мира и безопасности человечества[3]. Говоря о деяниях, относящихся к военным преступлениям, необходимо обратиться к статье 356 УК РФ. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации – все это является военными преступлениями[4]. Военные преступления посягают на безопасное сосуществование всех людей на планете и по этому обладают высокой степенью общественной опасности в сравнении с другими преступлениями.

Как и у любого преступного деяния, у военных преступлений имеются свои причины. Наиболее ярким примером, раскрывающим причины данных деяний, является война в Югославии. Монархическая оппозиция Сербии развернула кампанию, направленную на дискредитацию президента Милошевича и Югославской армии. В ходе ее осуществления активно применялся черный пиар с целью создания недоверия к действующей власти. Стратегия монархической оппозиции эксплуатировала чувство незащищенности и беспомощности, которое тогда испытывали все люди, независимо от своих политических предпочтений и взглядов[5]. Монархисты воздействовали на сознание людей используя два когнитивных сценария.

Первый сценарий был самым тесным образом связан с расовой теорией, в которой сербы рассматривались как главенствующий народ Югославии, который должен руководить государством. Второй сценарий заключался в использовании религии и народного творчества. В их песнях сербские воины выступают защитниками христианства от мусульман албанцев и боснийцев, а также католиков хорватов. Следовательно, многие военные преступления против албанцев, боснийцев и хорватов можно списать на борьбу с врагами церкви.

Важно обратить внимание, на то, что всё вышесказанное не означает, что в ходе данного конфликта военные преступления совершали только сербы. К примеру, в августе 1995 г. в Сербской Краине хорваты устроили одну из самых масштабных этнических чисток не только той войны, но и всей истории вооружённых конфликтов, в ходе которой погибло 2 000 сербов, а более 200 000 стали беженцами[6]. Причины совершения военных преступлений для всех противоборствующих сторон были одинаковы. Все они превозносили свой народ над другими. Оправдывали военные преступления своей уникальной идентичностью и религиозными убеждениями.

На наш взгляд, предпосылки совершения преступлений в ходе ведения боевых действий кроются в следующем.

Во-первых, низкий уровень обеспеченности в семьях военнослужащих. Эта причина толкает военных на мародёрство и иные действия, направленные на хищение каких-либо материальных ценностей или продовольствия у мирного населения.

Во-вторых, личные качества военнослужащего. Бывают случаи, когда в вооруженные силы попадают лица, имеющие криминальное прошлое или по сей день связанные с преступным миром. Во время ведения военных действий у данной категории лиц «просыпается» их настоящая сущность. Они осознают, что, держа в руках боевое оружие, они имеют возможность воздействовать на мирное население или военнопленных исходя из своих корыстных интересов.

---

[1] См.: *Адельханян Р.А.* Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2003. С. 22–24.

[2] См.: *Костенко Н.И.* Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 234.

[3] См.: *Белый И.Ю.* Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития): монография. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 44

[4] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[5] См.: Dubravka Stojanovic The Traumatic Circle of the Serbian Opposition, in Nebojsa Popov (ed.), The Road to War in Serbia. Traumas and Catharsis, Central European University Press, Budapest, 1996. P. 29.

[6] См.: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 147.

Помимо криминальных элементов, причиной данных преступлений может быть и наличие у военнослужащих психических отклонений. Отметим, что в данный момент хоть и применяется психологическое обследование будущих и действующих военных, нередки случаи попадания в регулярные войска психически нездоровых граждан, которые способны на необдуманные и преступные действия, способные навредить здоровью человека или нанести угрозу жизни, даже в мирное время. Зачастую, именно такие лица используют запрещённые средства и методы ведения войны.

В-третьих, идеологический аспект. Необоснованное восхваление, повальная критика ни коем образом не помогают военнослужащим в ходе военного конфликта. Ничем не подкрепленное восхваление вооруженных сил возлагает на них непосильный груз ответственности, который далеко не все выдерживают. Также стоит сказать о таких случаях, когда вооруженные силы, дабы хоть както реабилитироваться в глазах населения или показать свою боеспособность, применяют оружие против мирного населения противоборствующей стороны, выдавая все это как победу над армией противника.

Такая практика широко применялась в ходе войны во Вьетнаме. Так 16 марта 1968 г. американские войска расправились над жителями общины Сонгми в провинции Куанг Нгай. Высадив десант, в 12 километрах от центра провинции Куанг Нгай, американцы приступили к реализации своего преступного замысла. Расстреляв группу крестьянок и детей у въезда в общину, солдаты пошли по домам, убивая всех, кто попадался на глаза. Первая группа уничтожала мирное население, вторая – поджигала дома и постройки с запасами риса, третья –убивала домашних животных. За этот день в деревнях Май-первая и Май-вторая общины Сонгми вооруженные силы США лишили жизни 504 человек. Среди убитых было не менее ста грудных детей, которым еще даже не успели дать имена[1]. На этот преступный шаг военное руководство США подтолкнули неудачи в ходе боевых действий против армии северного Вьетнама.

В-четвертых, национальный аспект. Острые политические и социально-экономические противоречия повлияли на возникновение сложнейших проблем национального и территориального характера. Как правило, большинство из этих проблем решается в условиях межнациональной розни, кровавых конфликтов, массовых беспорядков, самых разнообразных преступлений при абсолютном отсутствии необходимых адекватных антикриминогенных воздействий социально-правового характера. Особенно остро эта ситуация проявилась в конце прошлого столетия на территории Кавказа. Массовые акты насилия по национальному признаку буквально захлестнули Армению и Азербайджан. В ходе военных действий между двумя этими странами, обе стороны прибегали к зачисткам мирного населения исходя из критерия национальности.

Во многих государствах существуют и активно развиваются внутригосударственные механизмы противодействия военным преступлениям. Данные механизмы способствуют выработке программы, направленной на оценивание опасной ситуации военных конфликтов и помогает выявлять потенциальные группы риска, которые могут оказаться в зонах военных конфликтов.

Мерами противодействия военным преступлениям является: работа с личным составом военнослужащих, направленная на соблюдение норм международного гуманитарного права; стимулирование командиров всех сторон военного конфликта к соблюдению законов и обычаев войны. Необходимо обратить внимание на такой элемент системы противодействия как правосудие по делам о военных преступлениях, которое сочетает помимо цели наказания, также примирение и восстановление[2].

Подытоживая все вышесказанное, считаем, что для предотвращения военных преступлений государство должно осуществить, помимо уже указанных мер, ряд следующих: повышение материального довольствия военнослужащих, чтобы у них не возникало нужды заниматься мародерством; правильная идеологическая работа с подрастающим поколением; ужесточение психического отбора кандидатов на службу в армию; дипломатическое урегулирование территориальных и национальных споров.

[1] См.: *Лауринчюкас С.* Тени Пентагона. М., 1974. С. 275.

И.О. Рабаданова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Жутаев А.С.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗА УКЛОНЕНИЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: *в данной статье будут рассматриваться цифровые технологии в деятельности ФНС, проблемы организаций как субъектов налогообложения и возможность контроля за неисполненной ими обязанностью выплачивать законно установленные налоги и сборы и способы решения этих проблем в современных условиях цифровизации*

Ключевые слова: *организации, уплата налогов и сборов, Налоговый кодекс РФ, цифровизация.*

Ежегодно возникающие во всех сферах проблемы: будь то распространение коронавирусной инфекции либо начало спецоперации, оголили проблему не поступления обязательных платежей в бюджетную систему. Стало невозможным оставление в стороне того факта, что имеющийся с начала с 90-х годов передовой опыт в области налогового администрирования до сих

[2] См.: *Степанов П.П.* Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: автореферат дис. … канд. юрид. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2018. С. 21.

пор несущественно изменил ситуацию. Государство действовало не совсем корректным образом, внедряя цифровой способ уплаты налогов и сборов, предопределившее возникновение проблем в работе будущей системы.

«Чтобы традиционным методом проверить компанию, которая совершает 1 млн операций в день, налоговый инспектор должен проанализировать 10 млн документов в год. Поэтому объемы бизнеса и скорость совершения операций требуют введения новых инструментов налогового администрирования», – упомянул руководитель федеральной налоговой службы Даниил Егоров. Не спасает даже наличие более 40 различных сервисов в личном кабинете на официальном сайте ФНС, с помощью которых налогоплательщики ежедневно могут получать сведения из реестров, осуществить регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя и исполнить уплату необходимых налогов.

Правовая сущность применения цифровых инструментов при взаимодействии с налогоплательщиком, предполагающая минимизацию административных затрат и восполнение сумм неуплаченных налогов и сборов в России остается актуальным и дискуссионным. По словам Аркадия Брызгалина, к.ю.н., руководителя журнала «Налоги и финансовое право» существуют явные юридические проблемы. Среди которых были названы следующие: ответственность за нарушение сроков предоставления отчетности в электронном виде в результате технических сбоев, ответственность за нарушение способов и формата предоставления отчетности, правовой статус технических посредников (программистов и IT-структур), проблемные вопросы открытости цифровых данных из налоговой сферы.

В Российской Федерации довольно сложно организовать электронные системы и зарегистрировать всю базу данных граждан и организаций в связи с высокой численностью населения. Стоит затронуть и тот факт, что лишь с начала 2022 г. произошло реформирование системы уплаты налогов организациями, на законодательном уровне позволившее уплачивать налоги без представления соответствующей декларации. Первично возникшее ощущение упрощения уплаты платежа у налогоплательщика замещается риском возникновения последствия в виде правовой неопределенности в разрезе привлечения плательщиков-организаций к ответственности за неправильное исчисление налогов.

В цивилизованных странах с успешно сформированной рыночной экономикой применение мониторинга баз данных организаций и фактов уклонения от уплаты налогов и сборов наиболее эффективно реализовано вследствие объективно меньшей численности населения и территории[1].

В условиях глобализации и цифровизации, России необходимо перенимать опыт у зарубежных стран, стараться сделать лучше. На сегодняшний день проблема все еще остается нерешенной. Переход на цифровые технологии для налоговых органов в таком случае возможен только частично. В условиях, когда одни организации не готовы или не способны перейти на электронный формат, а другие нацелены увиливать от обязанности уплачивать налоги даже в цифровой среде, совершить такой переход представляется довольно рисованным и сложным.

За рубежом во многих странах уже существует правовая база, которая в достаточной степени регулирует систему налогообложения в цифровой экономике. Однако стоит отметить, что контролировать налогообложение в цифровой экономике гораздо сложнее, чем в традиционной экономике. Поэтому, чтобы свести к минимуму случаи уклонения от уплаты налогов, необходимо создавать совершенно новые методы налогового администрирования. В основе партнерской модели системы налогового администрирования в Швеции[2], предполагается наличие доверия налогоплательщиков, уверенных в хорошей работе налоговой системы и выполнении установленных законом задач. Ирландия ставит во главу угла три основных принципа взаимоотношений с налогоплательщиками. Первый принцип реализуется через последовательность, справедливость и конфиденциальность всех вопросов, обсуждаемых сотрудниками налоговых органов с налогоплательщиками[3]

В связи с вышесказанным предлагаю разработать новую главу в Налоговый кодекс РФ, предусматривающую:

1. Разработку принципов и норм, направленных на внедрение цифрового документооборота;

2. Защиту участников от передачи информации третьим лицам (например, уязвимость коммерческой тайны либо иных данных указанных при регистрации на платформе организации);

3. Изложение порядка и сроков исчисления налога в новой электронной среде;

4. Порядка устранения чрезвычайных ситуаций, в том числе сбоев;

5. Установление срока исковой давности для принудительного исполнения налоговой обязанности.

Проблема уклонения от уплаты налогов и сборов организациями будет существовать всегда, как и в условиях цифровизации, что еще более затрудняет процесс контроля налоговыми органами. В данном вопросе стоит пересмотреть многие системы работы налоговых органов, пересмотреть законодательство и отталкиваться от экономической ситуации в нашей стране и способность налоговых органов пристроиться к новым реалиям и создать принципиально новую систему для контроля за сбором налогов с организаций и физических лиц.

[1] См.: *Комиссарова М.С., Рудченко Н.В.* Внедрение информационных технологий в систему налогового контроля в условиях цифровизации экономики. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 52 (238). С. 120–123.

[2] См.: *Федонина Е.В., Туктарова Ф.К.* Цифровизация налогового администрирования в России и зарубежных странах // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред.: Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2019. С. 59–62.

[3] См.: *Линовицкий Ю.А.* Практика налогового контроля в зарубежных странах // Налоги и налогообложение. 2009. № 11. С. 40–44.

Р.Э. Рамазанов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
*Научный руководитель: Заметина Т.В.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация: *в настоящей статье сформулировано понятие «конституционные принципы экономической системы Российской Федерации». Показано, что они разделяются на общие, непосредственно не касающиеся сущности экономической системы России, и специальные, являющиеся прямой предпосылкой для функционирования субъектов экономической деятельности.*

Ключевые слова: *конституционное право, принципы конституционного права, экономическая система, экономический строй Российской Федерации, основы конституционного строя Российской Федерации.*

Конституционное законодательство является юридическим фундаментом для всех сфер общественной жизни – права, политики, науки, культуры, и, в частности, для экономики. Данные области человеческого сосуществования находятся в тесной связи, что обусловило берущий начало с древних времен и продолжающийся в настоящее время процесс взаимной интеграции социальных институтов. В особенности это касается норм конституционного права России. По мнению известного ученого-конституционалиста Т.Я. Хабриевой, данная отрасль «*…формирует нормативный эквивалент экономических отношений и является универсальным инструментом управления, способным обеспечить решение большинства поставленных задач, достижение требуемых целей, формирование необходимого баланса интересов*»[1]. Из этого следует, что к содержанию конституционных актов должны предъявляться самые высокие требования как в экономическом, так и юридическом аспекте – они должны быть обоснованы с позиции наступления благоприятных и неблагоприятных последствий.

Без формулирования определения «экономические системы» невозможно подробное рассмотрение темы. Наиболее точным кажется определение ученого-экономиста Р.М. Нуреева: «*Экономические системы (economic systems) – это совокупность взаимосвязанных экономических элементов, образующих определенную целостность, экономическую структуру общества; единство отношений, складывающихся по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ*»[2].

Каждая из систем основывается на перечне принципов, которые позволяют довольно четко их разграничить. Вместе с тем конституционной стороне данных основополагающих начал уделяется недостаточное внимание; без четкого представления о них невозможно формирование полноценной конституционной системы принципов. Один из главных исследователей экономических положений Конституции РФ Г.А. Гаджиев не дает конкретного определения конституционных принципов экономической системы России, ограничиваясь пониманием принципов, являющихся основой экономической системы РФ, и определяя их как составные части основ конституционного строя, занимающие центральное место в подсистеме конституционных норм (так называемой «экономической конституции»)[3].

Согласно позиции Кузнецовой Л.Ю., «*конституционные принципы экономического строя – это фундаментальные основы социально-экономического развития общества, обладающие высшей степенью нормативной обобщенности, руководствоваться которыми должны не только законодатели, суды, но и органы исполнительной власти, как при выработке экономической политики, так и при принятии конкретных экономических решений*»[4].

Оба взгляда обладают своими достоинствами и недостатками. В своем понимании Г.А. Гаджиев подчеркивает особый статус и системный характер конституционных принципов экономической системы России. Являясь частью основ государственного устройства, они – отправная точка для остальных положений конституционного права, касающегося хозяйственной жизни страны. Их сущность обуславливает связь между собой и с этими положениями, конкретизирующимися в иных отраслях законодательства.

Положительной чертой позиции Кузнецовой Л.Ю. можно назвать обозначение двойственной роли конституционных принципов экономики: с одной стороны, они представляют собой основополагающие правила, которыми должны руководствоваться органы всех ветвей власти при реализации права; с другой стороны, расцениваются как необходимая предпосылка для развития общества и хозяйства страны.

Сопоставляя оба понимания названных категорий, можно сказать, что в них затрагивается только один аспект, но уделяется недостаточное внимание другому: в первом случае – экономическому, во втором – правовому. В интерпретации Г.А. Гаджиева отсутствует указание на их роль в социально-экономических процессах, упоминание субъектов, поведение которых регламентируется. Кроме того, акцентируется внимание только на принципах, находящихся в первой главе Конституции РФ (ст. 7, 8 и часть 4 ст. 15)[5], и обходится стороной обширный пласт основных начал, находящихся в других главах. В интерпретации Кузнецовой Л.Ю. нет сведений об их месте в конституционном строе, упущен крайне важный круг отношений, связанный с правореализационной деятельностью физических и юридических лиц,

[1] См.: *Хабриева Т.Я.* Избранные труды: в 10 т. Т. 10. Право и экономика. Право и антикоррупционная политика. М.: Наука, 2018. С. 42.

[2] См.: *Нуреев Р.М.* Курс микроэкономики: учебник для вузов. 2-е изд., изм. М.: Норма, 2005. С. 54.

[3] См.: *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. С. 56.

[4] См.: *Кузнецова Л.Ю.* Конституционные основы экономического строя России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 15.

[5] См.: *Гаджиев Г.А.* Указ. соч. С. 57.

их взаимодействия между собой, с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Из сказанного следует, что рассматриваемые позиции по поводу взгляда на конституционные принципы экономической системы находятся в некотором отдалении от положений общей теории права. Согласно данной науке, под принципами права понимаются «*руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение*»[1]. Результат синтеза этого определения и рассмотренных выше позиций выглядит следующим образом:

«*Конституционные принципы экономической системы – это руководящие положения конституционного права, его основные начала, составляющие часть конституционного устройства страны, выражающие объективные закономерности и тенденции социально-экономического развития, потребности субъектов экономической деятельности, которые определяют сущность конституционно-экономической подсистемы норм и имеют в силу их правового закрепления общеобязательное значение*».

Рассматриваемые принципы подразделяются на общие и специальные. Общие основополагающие начала составляют основы не только экономического строя, но и конституционного строя в целом.

Особое место среди общих руководящих положений конституционного права занимает принцип демократии. Он заключается в реализации власти народа непосредственно или через институты представительства. Данный принцип имеет 3 основных аспекта: правотворческий, правозащитный и контрольный[2]. Важнейшим примером реализации первого аспекта можно назвать создание Конституции РФ 1993 г., которая закрепила базовые принципы экономических отношений. В научной сфере относительно роли демократических правотворческих процедур по принятию нормативных актов экономического характера существует скепсис. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайек считает, что процесс принятия государственных решений не должен свыше определенной меры подменять собой закономерности функционирования рыночного хозяйства: «*Когда государство начинает осуществлять прямой контроль в той области, в которой не было достигнуто общественного соглашения, это приводит к подавлению индивидуальных свобод. <…> Как только общественный сектор, в котором государство контролирует распределение средств и их использование, начинает превышать определенную пропорцию по отношению к целому, результат его деятельности начинает сказываться на всей системе*»[3]. Правозащитный аспект принципа демократии состоит из правотворчества (разработка, принятие, изменение и отмена законов и подзаконных актов о защите субъектов экономики); формирования органов, назначения и освобождения от должности лиц по данной проблеме (например, Уполномоченного по правам человека) объявление амнистии Государственной Думой РФ, помилование Президентом РФ за совершенные преступления в сфере экономической деятельности. Контрольный аспект включает в себя контролирующую деятельность коллегиальных органов власти – прежде всего это парламентский контроль[4].

Принцип разделения властей играет существенную роль в экономической системе РФ. Его истоки восходят к классической системе основ правового государства, одним из основоположников которой является французский философ Шарль Луи де Монтескье. По его представлениям, смысл этого принципа заключается в недопущении концентрации власти в одних руках. Для любой ветви власти важны гарантии независимого функционирования. Обратная ситуация пагубно скажется на государстве, даже если будут объединены только две ветви.[5]. К сожалению, в истории России не так давно был период, когда разделение властей носило фиктивный характер. Крушение коммунистической идеологии в 1990–1991 гг. дало неимоверный импульс к движению в сторону воплощения в реальности рассмотренного принципа.

Принцип равенства перед законом и судом необходим для стабильного существования и развития экономической системы. Первое его значение применительно к теме состоит в том, чтобы государство не отдавало привилегии, не вводило необоснованные ограничения одним субъектам экономики в ущерб другим при одинаковых условиях. В противном случае, согласно Определению Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 № 255-О, федеральный законодатель вправе установить для субъектов права разный правовой статус, если их условия не равны[6]. Под условиями в данном случае понимается имущественное положение экономических агентов – количество акционеров у организации, количество акций у одного из них. Суд, отдавая предпочтение субъектам с более слабым экономическим статусом, исходит из необходимости защиты прав собственности и недопустимости монополизации рынка. Второе значение установлено в части 3 ст. 123 Конституции РФ: экономические субъекты, являясь сторонами судебного разбирательства, обладают равными правами по защите своих интересов. Аналогичная правовая гарантия существует относительно обращения в органы государственной власти и местного самоуправления.

Принцип социального государства означает обязанность органов власти по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека:

---

[1] См.: *Мосин С.А.* Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

[2] См.: *Храмушин В.В.* Конституционно-правовые функции институтов представительной демократии в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 10.

[3] См.: *Хайек Ф.А. фон.* Дорога к рабству / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. С. 145–146.

[4] См.: *Храмушин В.В.* Указ. соч. С. 21–23.

[5] См.: История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 374.

[6] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 № 255-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ежова В.Н. и Варзугиной Ю.А. на нарушение их конституционных прав статьей 80 Федерального закона "Об акционерных обществах"» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31781.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

устанавливается свобода труда, минимальный размер оплаты труда, создается система защиты от безработицы, развивается система социальных служб, вводятся иные гарантии социальной защиты. Кроме того, новеллой является ст. 75.1 Конституции РФ, в которой сказано об экономической и социальной солидарности. Конституционный Суд РФ, руководствуясь данным положением в своих постановлениях, подчеркивает необходимость учета гражданами в своих действиях интересов социальных групп, в противном случае будет нарушаться предписание этой статьи[1].

Специальные конституционные принципы экономической системы непосредственно и преимущественно связаны с функционированием экономики. Примечательной является точка зрения Лобановой Я.В., которая включает основные специальные принципы, установленные ст. 8 Конституции РФ, в один – свободу экономической деятельности. Она обосновывает свою позицию тем, что он находится в наиболее тесной взаимосвязи со всеми остальными[2]. Опираясь на указанное мнение, принцип свободы экономической деятельности возможно раскрыть через рассмотрение других руководящих положений.

Единство экономического пространства России достигается путем установления единства правового регулирования. Сфера действия федерального законодательства распространяется на всю территорию страны. Законы субъектов РФ, противоречащие ему, не применяются. Вместе с тем само федеративное устройство предполагает возможность установления правотворческими органами субъектов правил, которые регулируют отдельные аспекты экономической деятельности, например, налогообложение. В дополнение к сказанному, данный принцип реализуется путем установления единой денежно-кредитной системы: единой валюты, рубля, и регулятора в этой сфере экономики – Центрального Банка РФ[3].

Принцип свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств конкретизируется в ст. 74 Конституции РФ: не допускается установление таможенных границ, пошлин и сборов, иных препятствий для перемещения благ внутри РФ, за исключением случаев необходимости обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей. Для обеспечения соблюдения данного принципа таможенное регулирование в соответствии со ст. 71 Конституции РФ отведено к исключительному ведению Федерации. Вместе с тем субъекты РФ по перечисленным основаниям могут вводить ограничения. Например, согласно части 1 ст. 3.1 Закона РФ «О ветеринарии», субъект РФ устанавливает и отменяет ограничительные мероприятия для предотвращения распространения и ликвидации очагов болезней животных[4]. Суть принципа поддержки конкуренции заключается в том, что путем деятельности уполномоченных органов, должностных лиц и организаций обеспечивается должный уровень соперничества хозяйствующих субъектов. Реализация этого процесса происходит через защиту конкуренции и стимулирование участия в конкурентных процедурах[5]. Пути поощрения конкуренции включают в себя, к примеру, установление особых налоговых режимов, систем субсидий и льгот представителям малого и среднего предпринимательства.

Принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности означает, что государство не только считает их юридически допустимыми, но и подчеркивает их конституционно-правовую ценность. Соответственно, закрепляются нормы, позволяющие осуществлять, не нарушая права и свободы других лиц, правомочия собственника – частными лицами единолично и коллективно, органами государственной власти и органами местного самоуправления. При этом изъятие имущества не может быть осуществлено иначе, как по решению суда.

Подводя итог, следует сказать, что было сформулировано определение конституционных принципов экономической системы как руководящих положений, закрепляющих объективные закономерности социально-экономического развития России, рассмотрены основные общие и специальные начала. Данные начала находятся в тесной взаимосвязи и не могут быть реализованы, если не соблюдается хотя бы одно из руководящих положений. Вместе они формируют единую для всех хозяйствующих субъектов конституционно-экономическую идеологию, на которой базируются нормативные акты меньшей юридической силы.

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 № 16-П «По делу о проверке конституционности абз. 3 п. 421, п. 44 и 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, а также формулы 3 приложения № 2 к данным Правилам в связи с жалобой гражданки В.Н. Шестериковой» // СЗ РФ. 2021. № 19, ст. 3291.

[2] См.: *Лобанова Я.В.* Свобода экономической деятельности: конституционное содержание и пределы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 20.

[3] См.: *Гаджиев Г.А., Баренбойм П.Д., Лафитский В.И. и др.* Конституционная экономика: учебник / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Юстицинформ, 2010. С. 164–174.

В.В. Рогов
ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Саратов
Научный руководитель: Велиева Д.С.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Саратов

СУДЫ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *на сегодняшний день кассационные и апелляционные суды играют огромную роль в развитии современного общества. Решение об упразднении кассационной и апелляционной инстанции в областных судах и создание кассационных судов в качестве самостоятельных признается наиболее правильным и верным. Однако есть и свои нюансы, требующие разрешения.*

[4] См.: Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» (в ред. от 02.07.2021) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 24, ст. 857; СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 1, ст. 5166.

[5] См.: *Байдаров А.Д.* Административно-правовые основы поддержки конкуренции в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 12–15.

Ключевые слова: *суд апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции, судебная реформа, судебная система*.

Создание самостоятельных судов апелляционной и кассационной инстанции связано во многом с тем, что областные суды имеют в своем производстве огромный поток нескончаемой работы. Кроме того, нагрузка вызвана апелляционным производством. В настоящее время апелляционная инстанция не имеет возможности направлять дела на новое рассмотрение в районные суды, а зачастую, в случае отмены судебного решения суда первой инстанции необходимо заново рассмотреть дела, что требует исследования новой доказательственной базы, проведения экспертиз и т.д. В связи с тенденцией отделения судов кассационной и апелляционной инстанции от нижестоящих, нельзя не отметить слова Т.В. Даутия, который убеждает нас в том, что юридическое сообщество дало положительную оценку такому правовому явлению[1].

Цель реформы виделась в том, чтобы создать оптимальные условия защиты прав и свобод граждан в рамках независимости кассационных и апелляционных судов от региональный органов, которые, как правило, находят в одном здании суда определенного субъекта. Многие исследователи положительно отнеслись к нововведению, указывая на то, что объединения нескольких инстанции в одном суде приводят в неэффективности работы судебной системы в целом[2].

Итак, кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции получили свою самостоятельность ввиду Федерального конституционного закона № 1 от 2018 г.[3], согласно которому целью создания данных органов судебной власти стала независимость проверочных судебных инстанций от административно-территориального деления. Однако называть такое явление столь новым не стоит, поскольку разговоры об этом велись еще с 1991 г. Но, как показала практика, данная концепция коснулась сперва арбитражных судов.

В ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[4] апелляционным судам посвящена отдельная глава 2.2. Апелляционный суд общей юрисдикции занимается рассмотрением жалоб на акты, принятые областными судами в качестве судов первой инстанции. Отметим, что ранее такое рассмотрение проходило в рамках Верховного Суда РФ, а промежуточные решения были отнесены к областным судам. В настоящее время каждому апелляционному суду предписан свой апелляционный округ, в рамках которого они действуют. В России насчитывается всего пять апелляционных округов. Так, например, жалобы на судебные решения Саратовского областного суда подаются в четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, находящийся в Нижнем Новгороде. В качестве проблемы, с которой нельзя не согласиться, А.А. Рукавишникова отмечает, что со временем практика покажет, насколько неполноценной является проверка судебных решений всего пятью апелляционными судами общей юрисдикции[5].

Рассмотрим структуру апелляционного суда. Согласно ст. 23.11 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», апелляционный суд действует в составе Президиума и трех коллегий по разным категориям дел: гражданским, административным, уголовным. Причем состав каждой коллегии, как правило, утверждается Президиумом Суда. В полномочия президента РФ входит назначение на должность Председателя Апелляционного суда, срок осуществления полномочий которого составляет 6 лет.

Вячеслав Лебедев – председатель Верховного Суда РФ заявил, что формирование судебных округов позволит снизить нагрузку на судей, а также повысит уровень доступности правосудия. Кроме того, такой принцип снижается влияние должностных лиц регионов на правосудие[6]. Однако, по нашему мнению, такой принцип вызывает больше проблемных моментов, чем дает положительный результат. Как минимум, создание округов противоречит важному принципу правосудия – доступности. Особого внимание заслуживает вопрос непропорциональности деления округов. Справедливо в связи с этим отмечает А.Ф. Абдулвалиева: «формирование судебных округов подразумевает их равномерное расположение по всей территории государства с тем, чтобы обеспечить равно удалённость границ создаваемого территориального деления от центра»[7].

Важным недостатком, на наш взгляд, является сильная отдаленность по расстоянию апелляционного суда от зависимых от него регионов. Возьмем, к примеру, Пятый апелляционный суд, месторасположение которого числится в г. Новосибирске. В его компетенцию входит рассмотрение жалоб регионов юга Сибири, Алтая, Дальнего Востока. Расстояние существенно огромное, не говоря уже о разных часовых поясах, что вдвойне усложняет осуществление правосудия. Соответственно, данный недостаток в виде отдаленности порождает следующую су-

---

[1] См.: *Даутия Т.В.* Проблемные аспекты апелляционного и кассационного судопроизводства в рамках проводимой судебной реформы 2019 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=121028#gVAmR1TafhyeSHmk (дата обращения: 27.03.2022).

[2] См.: *Тимофеева Е.А.* Проблемные аспекты проведённой реформы по созданию в системе судов общей юрисдикции новых апелляционных судов // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 343–346.

[3] См.: Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31, ст. 4811.

[4] См.: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 898.

[5] См.: *Рукавишникова А.А.* Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта федерального конституционного закона «о внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 103–107.

[6] См.: Обособленные апелляционные и кассационные суды начнут работу с октября // Адвокатская газета Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/obosoblennye-apellyatsionnye-i-kassatsionnye-sudy-nachnut-rabotu-s-oktyabrya (дата обращения: 28.03.2022).

[7] См.: *Абдулвалиев А.Ф.* География апелляционных судов общей юрисдикции в России: проблемы обеспечения доступа к правосудию при пересмотре уголовных дел // Право и политика. 2020. № 4. С. 59–69.

щественную проблему – финансовую. Территориальная удаленность требует больших затрат, поскольку сначала дело рассматривается в суде первой инстанции, находящейся в одном районе, а апелляционный пересмотр вынесенного решения в другом. По словам О.В. Корнелюк и Л.С. Хазимовой, большие затраты уходят на дорогу и судебные расходы, что по сути для многих граждан вывезет сложности с оплатой ввиду отсутствия такого количества денежных средств[1].

Следовательно, удаленность и денежные затраты препятствуют воплощению такого принципа как доступность судопроизводства.

Казалось бы, если система арбитражных судов отлично работает и осуществляет правосудие по окружному принципу, то и суда общей юрисдикции не должны иметь проблем. Однако, по нашему мнению, сравнить две разные судебные системы как минимум нецелесообразно, поскольку арбитражные суды работают в основном объеме с документами. В то время, как, например, рассмотрение гражданских дел, и не реже уголовных, требует присутствие свидетелей, истцов, потерпевших.

В качестве решения проблемы территориальной отдаленности можно назвать использование современных технологий, а именно платформы для онлайн-связи по видео. Однако нередко можно увидеть отказ в рассмотрении жалобы в онлайн-формате ввиду отсутствия технической возможно. Иначе говоря, финансовые трудности возникают не только у граждан, но и у самих судов, а вследствие у Российской Федерации в целом. Ведь финансирование судов осуществляется из единого источника – бюджета государства. Для обеспечения надлежащей работы и соответствия деятельности апелляционных судов современным условиям жизни, необходимо произвести существенные затраты на организацию судебной деятельности. В список нужд входят не только технические средства, но и сами судьи. Появление округов сказалось не нехватке судей. Возможным решение мог быть переводили назначение на должности новых молодых судей. Однако назначение молодых и не имеющих опыта судей может привести к неэффективности правосудия, поскольку они нередко допускают ошибки. Как решение этой проблемы можем предложить повысить критерии отбора лиц на должность судей. А именно усложнить экзамен, давать студентам стажироваться на должность судьи, быть его помощник длительное время, тщательной выбирать кандидатов на должность. Такое решение позволит устранить сразу две проблемы: нехватку кадров и безработицу граждан, обучающихся по данному направлению.

Еще одной проблемой, на наш взгляд, видятся сроки пребывания в должности судьи апелляционной инстанции. А именно их отсутствие. Как правило, отсутствие сроков приравнивается к пожизненному, что может повлечь за собой развитие коррупции в судебной системе. Устранить такой пробел можно лишь путем законодательного закрепления пределов пребывания в должности судьи. Например, лицо, замещающее должность судьи апелляционного суда не может быть назначен на такую должность более двух сроков подряд.

Теперь необходимо рассмотреть сущность кассационных судов общей юрисдикции. Они являются федеральными судами общей юрисдикции и вышестоящими по отношению к – мировым судьям, районным судам, судам областного звена, апелляционным судам. Но следует отметить, что предметом рассмотрения в таком суде могут быть не любые решения областного или апелляционного суда, а только те, которые обжалуются отдельно от итогового решения. Как правило, они касаются конституционных прав граждан или каким-либо образом препятствуют правосудию.

В отличие от апелляционных судов, кассационных судов в России почти в два раза больше. Статьей 23.1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» установлено, что в РФ действует девять кассационных судов по окружному принципу. Состав кассационного суда аналогичен составу апелляционного: Президиум и судебные коллегии по гражданским, уголовным и административным делам. Председатель также назначается Президентов РФ сроком на 6 лет.

Так, например, Шестой кассационный суд общей юрисдикции будет рассматривать решения судов Кировской, Ульяновской, Самарской и иных областей, а также Республики Башкортостан и др. Рассмотрим работу кассационного суда на практическом примере.

Судебной коллегией по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции было вынесено решение по делу № 77-942/2020. Известно, что инициатором рассмотрения дела стал адвокат потерпевшего, поскольку судебная коллегия по уголовным делам Ульяновского областного суда отменила обвинительный приговор суда первой инстанции. Адвокат ссылался на то, что при поведении следственных действий были нарушены нормы УК и УПК РФ, что повлекло, по мнению адвоката, неправильную судебную оценку. Например, он указал, что суд не учел то обстоятельство, что нападающий был один, а обороняющихся двое. Также, по мнению заявителя, суд проигнорировал пункт 9 Пленума Верховного Суда РФ по вопросам необходимой обороны. Адвокат просит отменить решение апелляционного суда и направить дело на новое рассмотрение[2].

Анализ практики позволяет сделать вывод о том, что кассационный суд занимается рассмотрением именно отдельных положений решений судов. В данном примере заявитель ссылался на обстоятельства, которые якобы помешали суду принять правильное решение по делу. Кроме того, указывал на нарушение прав его подзащитного. Также в приведенной практике следует обратить внимание на округа судов. В деле сказано, что апелляционное решение было принято судом Ульяновской области, а кассационное коллегией по уголовным делам Шестого кассационного суда, который находится в г. Самаре. Что вытекает из п. 6 с. 23.1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

[1] См.: *Корнелюк О.В., Хазимова Л.С.* Апелляционные суды России: законодательство и проблемы практики применения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6. С. 166–168.

[2] См.: Судебные решения РФ // Дело № 77-942/2020. URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/50341991#decision (дата обращения: 29.03.2022).

Однако, не смотря на нововведения и их положительную оценку со стороны юридического сообщества, выделение кассации в отдельный суд, так же как и апелляцию, вызвало ряд проблем, с которыми уже мог столкнуться правоприменитель. Так, например, территориальное деление способствует возникновению таких проблем как непонимание, в какой суд следует обращаться. По закону решения пятого апелляционного суда могут быть обжалованы как в восьмой кассационный суд, так и в девятый.

Положительным моментом, на наш взгляд, можно отметить сокращение законодателем сроков на обращение в кассацию. Так, Верховный Суд РФ относительно уголовных дел обозначил необходимость сокращения сроков до двух месяцев. Многие адвокаты выступили против такого нововведения, поскольку на практике большинство лиц просто не будут успевать в такие сроки. Мы не можем согласиться с их мнением, хотя бы потому, что сокращение сроков позволит обеспечить соблюдение такого важного принципа судопроизводства, как разумность срока. Кроме того, многие европейские страны, а как известно, в Европе достаточно развитая правовая система, устанавливают такие сроки в разы меньше. Например, Германии срок обращения в кассационную инстанцию составляет неделю. Но здесь следует отметить особенность европейского правосудия – обжалуются, как правило, такие приговоры, которые не супили в законную силу.

По нашему мнению целесообразнее всего обеспечить права осужденных путем внесения дополнений в законодательство о придании кассационной жалобе такой характер, в соответствие с которым приговор будет приостанавливаться.

Говоря о кассационном суде, В.М. Лебедев обращается к статистическим данным. 38 % жалоб в рамках уголовного производства были удовлетворены судебной коллегией кассационного суда. И около 6 тысяч человек были освобождены от ответственности благодаря суда апелляционной и кассационной инстанции[1].

Представляется необходимым вернуться к проблемам судов апелляционной инстанции и рассмотреть их в сравнении с проблемами судов кассации. Некоторые авторы, например Е.А. Тимофеева, убеждены в том, чтобы увеличь число таких судов или хотя бы сравнять их количество с количеством кассационных судов. По нашему мнению, возможно, это целесообразное решение, поскольку суть новой судебной реформы заключалась в разгрузке областных судов, и в результате повышению эффективности рассмотрения дел в отдельных апелляционных и кассационных судах. Но, с другой стороны, в качестве важной проблемы мы уже говорили о финансовой основе нововведения. Любые изменения, в том числе и правовые, улучшающие положение в стране, требуют значительных затрат. Кроме того, никуда не делась проблема с нехваткой судей. Поэтому увеличение количества апелляционных судов на данном этапе развития нецелесообразно.

Существует позиция об увеличении количества судов. Опять же возвращаемся к вопросами обеспечения организации их деятельности и принципу доступности. Однако действующее законодательство предусматривает такую возможность для граждан как постоянное судебное присутствие. Оно характерно для лиц, проживающих в отдаленных местах, поэтому кассационное заседание имеет место быть в другом населенном пункте, но в пределах своего округа. Такая возможность немного сглаживает ситуацию большой отдаленности. Но, как правило, предоставляется сибирскому и дальневосточному региону России. Опять же встает опрос финансового обеспечения. В случаях с выездными судебными заседаниями нельзя не сказать о финансовых трудностях, которые связаны с выплатами судьям командировочных денежных средств. Как правило, в населённый пункт направляют не менее трех судей. В расчет необходимо брать проживание, проезд, «суточные». И это не говоря уже об организации безопасности таких командировок.

Таким образом, говоря о нововведении от 2019 г. можно выделить как минусы, так и плюсы. Огромным плюсом, на наш взгляд, является разгрузка областных судов. Можно считать, что объём их работы снизился практически наполовину. Так, по официальным данным, за2021 год в Первый суд кассационной инстанции поступило порядка 63861 жалоб по разным категориям дел. Причем 580 из них были на решения областных судов. В сравнении с 2020 годом количество жалоб превысило на 4 %[2]. Такие показатели являются наглядным подтверждением того, что до разделения судов по округам областные суды явно испытывали сложности и нехватку времени. Аналогичная ситуация и с судами апелляционной инстанции.

Однако есть и отрицательные моменты, которые, так или иначе, сказываются на эффективности рассмотрения дел. Остается открытым вопрос о количестве судов. На наш взгляд, увеличение количества судов позволило бы побороть проблему удаленности что обеспечит принцип доступности правосудия, а также снизить затраты на обеспечение судов информационными технологиями для конференц-связей. Однако появятся наиболее значимые проблемы – нехватка судей и финансирование новых судов за счет средств федерального бюджета. Поэтому, мы считаем, что увеличение количества судов должно быть постепенным и обдуманным решением.

[1] См.: Председатель Верховного Суда России подвел итоги деятельности судебной системы в 2019 году. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 28.03.2022).

[2] См.: Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=13 (дата обращения: 28.03.2022).

В.В. Рыженков
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», г. Москва
Научный руководитель: Кравцов Д.А. к.ю.н., доцент ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», г. Москва

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВП РЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье рассмотрен вопрос об отграничении налоговых преступлений от смежных составов преступлений в сфере экономической деятельности. Определены теоретические дискуссионные вопросы, выявлены пробелы в действующем законодательстве, предложены пути их решения.*

Ключевые слова: *налог, сбор, преступление, налогоплательщик.*

С развитием экономической составляющей российской действительности для государства является важным и необходимым обеспечить сохранность и неприкосновенность общественных отношений, возникающих в сфере экономической деятельности. В связи с указанным отечественный законодатель криминализует ряд преступлений в налоговой области, что входит в экономическую.

Однако по состоянию на сегодняшний день на практическом уровне существуют определенные проблемы соотношения преступлений в сфере налогообложения с иными составами преступлений. Одной из причин указанного является недостаточная разработанность нормативных положений.

Как отмечает в своих трудах Э.Э. Исмаилов, одной из наиболее существенных проблем выступает соотношение налоговых преступлений и преступлений, в результате которого налогоплательщик получает доход, в частности, незаконного предпринимательства (статья 171 Уголовного кодекса РФ)[1].

Анализируя мнения ученых поднятого вопроса, представляется возможным выделить наиболее дискуссионный аспект – определение предмета налоговых преступлений. Небезызвестно, что предмет является неотъемлемой частью состава преступлений, поскольку для привлечения лица к уголовной ответственности, оно должно уклониться от уплаты налогов и сборов, входящих в систему налогообложения в установленном законом порядке.

А.И. Габдинуров считает, что предметами налоговых преступлений являются: налоги, сборы, другие обязательные платежи и являются частью составов таких статей, как 198,199,199.1,199.2.,199.3,199.4 УК РФ[2]. На наш взгляд, указанное положение наиболее полно отражает сущность налоговых преступлений и определяет то, посредством чего происходит совершение преступления.

Вместе с тем, И.И. Кучеров в своих работах отмечает, что налоги априори не могут быть признаны предметом налоговых преступлений, поскольку определяют правовой механизм отчуждения денежных средств, равно как другого имущества с физических и юридических лиц. Указанные позиции нематериальны[3]. И.И. Кучеров определяет в качестве предмета налоговых преступлений непосредственно эквивалент налога.

Вышеуказанной позиции придерживаются многие ученые. К примеру, В.Г. Истомин определяет в качестве предмета суммы налогов, которые не уплачены физическими и юридическими лицами в связи с уклонением от исполнения обязательств, предусмотренных законом.

Между тем, Л.Д. Гаухман, А.А. Витвицкий считают, что предметом рассматриваемых преступлений является декларация о доходах, первичные бухгалтерские документы, равно как не соответствующие действительности данные о доходах и расходах.

Важно отметить, что предметы материального и нематериального мира, используемые в целях уклонения от уплаты налогов, являются средствами достижения преступной цели. Аналогично в ст. ст. 160, 159 УК РФ. В указанных случаях нельзя рассматривать в качестве предмета документы, фальсифицируемые для достижения лицом незаконны целей.

Иным дискуссионным аспектом между учеными являются различные подходы к определению критериев классификации способов уклонения от уплаты налогов и сборов. К примеру, П.В. Шаталова и Е.Б. Калашникова определяют в качестве наиболее обоснованных способов следующее: способы уклонения от всех видов налогов и специальные способы. Первое представляет собой представление налоговых деклараций и расчетов по ним вне сроков, предусмотренных законом, умышленное отражение операций по истечению отчетного периода. Специальные же способы же предполагают увеличение затрат на себестоимость реализации товаров, работ, услуг, непредставление сведений в налоговые органы о дополнительных доходах, фальсификация различных данных, предоставляемых контролирующим лицам.

Интересным для анализа является классификация Т.И. Рассохиной. Классификация определяет две группы. В рамках первой группы выделены такие способы, как фактическая неуплата налоговых взносов в соответствующий бюджет государства, равно как неуплата налоговых взносов в связи с обманом и т.п. Вторая же группа определяется тем, что виноватые лица занимаются противозаконной деятельностью и получают определенную прибыль, образуя иные объекты налогообложения с целью того, чтобы не производить налоговые взносы. Так, представляется возможным разграничить налоговые престу-

[1] См.: *Исмаилов Э.Э.* Отграничение налоговых преступлений от смежных составов // Актуальные проблемы государства и права. 2021. С. 1–9.

[2] См.: *Габдинуров А.И.* Проблемы квалификации преступных действий по уклонению от уплаты платежей в бюджет России // Юридическая мысль. 2020. № 1 (117). С. 154–161.

[3] См.: *Кучеров И.И.* Особенности объекта и предмета преступлений в сфере налогообложения // Уголовное право. 1999. № 2. С. 44–50.

пления от смежных составов. По мнению З.А. Усмановой в действующем уголовном законодательстве существуют три состава преступления, являющиеся смежными с налоговыми преступлениями. К ним относятся ст. ст. 195, 196, 197 УК РФ.

В.В. Коренюгин определяет смежные составы абсолютно иным образом. К ним исследователь относит ст. ст. 171, 171.1 УК РФ, поскольку данные преступления одной из целей преследуют освобождение от налогов.

Резюмируя вышесказанное, представляется возможным сделать следующие выводы. Преступления в области экономической деятельности являются достаточно сложными, в частности, теоретические и эмпирические данные свидетельствуют о том, что достаточно трудно квалифицировать преступные деяния лиц в рассматриваемой сфере. Указанное предполагает систематизацию и анализ уголовно-правовых норм, которые регулируют настоящие общественные отношения. Настоящее позволит обеспечить соблюдения прав граждан от незаконного привлечения к уголовной ответственности, обеспечит соблюдения баланса публичных и частных интересов, сохранения экономики государства.

С.Э. Рыкова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Нигматдинов Р.М. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРЕСМОТР ДЕЛ ПО НОВЫМ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *судебные акты высших судебных инстанций Российской Федерации оказывают существенное влияние на пересмотр судебных постановлений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Автор статьи проводит сравнительно правовой анализ гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства с целью выявления различий правового регулирования такого пересмотра и последующего совершенствования норм гражданского процессуального права.*

Ключевые слова: *пересмотр судебных постановлений, новые и вновь открывшиеся обстоятельства, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство.*

Основной целью гражданского судопроизводства является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и других субъектов гражданских и иных правоотношений.

В реализации данной цели ключевую роль играет разработка сбалансированного механизма проверки и пересмотра судебных решений в порядке апелляционного, кассационного, надзорного производства, а также производства по пересмотру судебных постановлений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Актуальность исследования порядка пересмотра гражданских дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, а также влияния на него судебной практики высших судебных инстанций обусловлена необходимостью разрешения ряда теоретических и практических проблем, имеющихся в данной сфере.

При этом проведение сравнительно-правового анализа гражданского процессуального законодательства и арбитражного процессуального законодательства позволяет сделать вывод о наличии определенных различий правовых позиций высших судебных инстанций Российской Федерации относительно правового регулирования пересмотра судебных постановлений.

Начать следует с того, что влияние судебных актов высших судебных инстанций Российской Федерации на пересмотр дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам проявляется в двух аспектах.

Во-первых, такие судебные акты могут выступать в качестве самостоятельного основания пересмотра гражданского дела по новым обстоятельствам в соответствии с ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)[1] и арбитражного дела в соответствии с ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)[2]. Так, например, обе нормы закрепляют возможность пересмотра дела в случае определения или изменения применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ). Важно отметить, что в соответствии с действующим законодательством в качестве нового обстоятельства может выступать только такое постановление Пленума или Президиума ВС РФ, в котором прямо указано, что оно распространяет свое действие на возникшие до его вынесения права и обязанности граждан.

Во-вторых, на правоприменительную практику, бесспорно, оказывают прямое воздействие судебные акты высших судебных инстанций Российской Федерации, содержащие толкование и разъяснение норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Основное влияние на порядок пересмотра гражданских дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам судебная практика высших судебных инстанций оказывает посредством Постановлений Пленума ВС РФ, разъясняющих особенности такого пересмотра, толкующими и конкретизирующими положения ГПК РФ.

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

[2] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

В настоящее время такое толкование и разъяснение содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса РФ при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» (далее – ПП ВС № 31), обязательном для применения всеми судами общей юрисдикции на территории РФ[1].

Что касается арбитражного процессуального законодательства, разъяснение норм АПК РФ о пересмотре арбитражных дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам закреплено в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 (далее – ПП ВАС РФ № 52), действующем до настоящего времени[2].

Далее перейдем к непосредственному сравнительно-правовому анализу положений ПП ВС № 31 и ПП ВАС № 52 и изучению различий правового регулирования пересмотра гражданских и арбитражных дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

В соответствии с положениями ст. 392 ГПК РФ и ПП ВС РФ № 31 под вновь открывшимися обстоятельствами понимаются установленные ГПК РФ в качестве оснований пересмотра фактические обстоятельства, существенные для рассмотрения гражданского дела и существовавшие на момент принятия судебного постановления, о которых заявителю и суду не было и не могло быть известно на момент вынесения судебного постановления. В качестве вновь открывшихся обстоятельств не могут быть рассмотрены новые доказательства, представленные заявителем.

Действующим гражданским процессуальным законодательством вопрос отнесения или неотнесения того или иного обстоятельства к вновь открывшимся поставлен в зависимость от конкретных оснований пересмотра гражданского дела.

Так, согласно положениям ПП ВС РФ № 31, заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, а также фальсификация доказательств, установленные вступившим в законную силу приговором суда, могут являться основанием пересмотра гражданского дела только в том случае, если совершение того или иного преступления повлекло принятие по делу незаконного или необоснованного судебного постановления.

Однако установленные вступившим в законную силу приговором суда преступления сторон, иных лиц, участвующих в деле, их представителей и суда, совершенные при рассмотрении и разрешении гражданского дела, являются основанием его пересмотра вне зависимости от их влияния на результат рассмотрения гражданского дела.

Арбитражное процессуальное законодательство иначе регулирует вопрос об отнесении того или иного обстоятельства к вновь открывшимся. Так, в ПП ВАС РФ № 52 указывается, что в качестве любого основания пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам может быть признано только такое вновь обнаруженное обстоятельство, которое:

- не было и не могло быть известно заявителю на момент рассмотрения дела;
- неоспоримо свидетельствует о том, что если бы оно было известно, то это привело бы к принятию другого решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что ПП ВАС № 52 фактически ограничивает круг обстоятельств, могущих служить основаниями пересмотра дела в качестве вновь открывшихся. Считаем, что подобное ограничение следует ввести и в гражданском судопроизводстве. Так, необходимо закрепить в действующем законодательстве, что установленные вступившим в законную силу приговором суда преступления сторон, иных лиц, участвующих в деле, их представителей и суда являются основанием пересмотра гражданского дела только в том случае, если данные обстоятельства могли повлечь принятие незаконного и необоснованного решения по делу.

В целом же в сравнении с арбитражным процессуальным законодательством перечень оснований пересмотра гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам является менее обширным.

В соответствии с п. 5 ПП ВАС РФ № 52 в качестве таких обстоятельств также могут выступать обнаруженные после рассмотрения дела безусловные процессуальные основания отмены решения (постановления) арбитражного суда, предусмотренные ч. 4 ст. 288 АПК РФ.

К ним относятся, например, рассмотрение дела с нарушением правил о языке судопроизводства, отсутствие в деле протокола судебного заседания, неподписание судебного акта судьей или одним из судей и иные.

Гражданское процессуальное законодательство соответствующего разъяснения не содержит, ограничиваясь обнаружением существенных для рассмотрения и разрешения дела обстоятельств, а также преступлений суда, сторон и иных участников гражданского судопроизводства.

При этом анализ действующих гражданских процессуальных норм не позволяет сделать однозначный вывод о том, допускается ли принятие судом в качестве вновь открывшихся обстоятельств безусловных оснований отмены судебных решений, обнаруженных после вынесения по делу окончательного судебного акта, вступившего в законную силу.

На наш взгляд, соответствующее разъяснение необходимо закрепить и в гражданском процессуальном законодательстве. Данное положение позволит обеспечить более эффективную защиту прав и законных интересов граждан в случае, если безусловные основания отмены судебного решения были выявлены уже после вступления судебного акта в законную силу, и при этом отсутствует возможность пересмотра гражданского дела в ином порядке.

По-разному положения ПП ВС РФ № 31 и ПП ВАС № 52 регулируют и применение такого основания пересмо-

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета. № 295. 2012.

[2] См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 (в ред. от 20.09.2018) «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2011.

тра судебных постановлений по новым обстоятельствам как признание сделки, повлекшей принятие незаконного и необоснованного судебного акта по гражданскому делу, недействительной вступившим в законную силу постановлением суда общей юрисдикции или арбитражного суда.

Вывод о признании ничтожной или оспоримой сделки недействительной или о применении последствий недействительности ничтожной сделки согласно ПП ВС № 31 должен содержаться в резолютивной или мотивировочной части решения суда по иному делу, рассмотренному уже после вынесения оспариваемого судебного постановления.

При этом основание пересмотра гражданского дела по новым обстоятельствам имеется только в том случае, если сделка признается недействительной с момента ее заключения. Если же в соответствии с п. 3 ст. 167 Гражданского кодекса РФ оспоримая сделка признается судом недействительной с прекращением ее на будущее время, в качестве нового обстоятельства такой юридический факт признан быть не может[1].

Между тем, в соответствии с разъяснениями ПП ВАС РФ № 52 вывод о признании недействительной сделки или о применении последствий недействительности ничтожной сделки должен быть указан именно в резолютивной части иного судебного решения. Признание оспоримой сделки недействительной с прекращением ее на будущее время в качестве нового обстоятельства также не будет выступать.

В данном случае арбитражное процессуальное законодательство вновь закрепляет более строгие правила в части отнесения того или иного обстоятельства к основаниям пересмотра судебных постановлений.

Между тем, на наш взгляд, заимствование указанного положения из арбитражного процессуального законодательства не является необходимым, поскольку может привести к определенного рода ограничениям права субъектов гражданского процесса на обращение с заявлением о пересмотре гражданского дела по данному основанию. Такой вывод обусловлен широким диапазоном категорий гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, в связи с чем вывод о признании сделки недействительной может быть установлен в мотивировочной части решения суда и служить основанием выводов суда, однако не содержаться в резолютивной части такого решения.

В качестве одного из оснований пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам ГПК РФ закрепляет установление Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) нарушения правил Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому гражданин обращался в ЕСПЧ.

Правом на обращение в суд с заявлением о пересмотре гражданского дела по новым обстоятельствам по данному основанию наделено только лицо, непосредственно обращавшееся в ЕСПЧ за защитой своих прав в связи с принятием оспариваемого судебного постановления.

Между тем, арбитражное процессуальное законодательство в ПП ВАС РФ № 52 гласит, что правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о пересмотре судебного постановления по аналогичному основанию обладают также лица, участвующие в деле, в связи с принятием судебного акта по которому лицо обращалось в ЕСПЧ, и иные лица, не участвовавшие в деле, вопрос о правах и обязанностях которых таким судебным актом разрешен.

Не ясно, распространяется ли данное положение на пересмотр гражданских дел судами общей юрисдикции. Однако, на наш взгляд, учитывая правовую позицию Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) относительно возможности обращения с заявлением о пересмотре судебного постановления в связи с обращением иного лица в КС РФ[2], можно сделать вывод о применении вышеуказанного положения ПП ВАС РФ № 52 и к гражданскому судопроизводству.

Определенные различия правовых позиций, изложенных в ПП ВС РФ № 31 и ПП ВАС РФ № 52 наблюдаются и в части правового регулирования процедуры пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Так, например, результатом пересмотра гражданского дела является вынесение определения об удовлетворении заявления и отмене оспариваемого судебного акта с направлением его на новое рассмотрение или определения об отказе в удовлетворении такого заявления.

В отличие от гражданского процессуального законодательства, ПП ВАС РФ № 52 предусматривает разделение судебных актов, принимаемых по результатам рассмотрения заявления о пересмотре дела на два вида: в случае удовлетворения заявления и отмены оспариваемого судебного акта судом принимается постановление, а в случае отказа в удовлетворении заявления о пересмотре – определение.

Однако применение данного положения в рамках гражданского судопроизводства представляется нам нецелесообразным, поскольку в соответствии со ст. 13 ГПК РФ судебные акты в форме постановлений принимаются только президиумом суда надзорной инстанции. Кроме того, внесение подобного рода изменений не влечет за собой каких-либо положительных последствий для совершенствования гражданского процессуального права.

Таким образом, на основе проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать вывод, что в рамках гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства сформировались частично разные правовые позиции высших судебных инстанций

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2014 № 755-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белякова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01062010-n-755-o-o-ob/ (дата обращения: 15.04.2022).

Российской Федерации по вопросам правового регулирования пересмотра судебных постановлений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

При этом некоторые положения, содержащиеся в ПП ВАС РФ № 52, на наш взгляд, должны быть заимствованы и закреплены в гражданском процессуальном законодательстве в целях обеспечения равного доступа граждан к правосудию, а также законного и объективного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

В связи с этим предлагаем внести определенные изменения в ПП ВС РФ № 31 в части разъяснения отдельных положений о пересмотре гражданских дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

С.Э. Рыкова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Нигматдинов Р.М. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВАНИЕ ПЕРЕСМОТРА ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА ПО НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: *в настоящее время в связи со сложившейся на международном уровне политической обстановкой возникло множество вопросов относительно реализации положений российского законодательства, связанных с применением Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в Российской Федерации. Автор статьи анализирует влияние произошедших изменений на порядок пересмотра гражданских дел по новым обстоятельствам.*

Ключевые слова: *пересмотр гражданского дела, Европейский суд по правам человека, новые обстоятельства.*

В соответствии со ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) одним из оснований пересмотра гражданского дела по новым обстоятельствам является установление Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) нарушения правил Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому гражданин обращался в ЕСПЧ[1].

Согласно положениям Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»[2] по вопросам применения и толкования Конвенции юрисдикция ЕСПЧ является обязательной для Российской Федерации.

В соответствии с нормами Конституции РФ Конвенция и Протоколы к ней поставлены в приоритет над национальным законодательством и являются частью правовой системы России[3].

Однако в настоящее время в связи со сложившейся на международном уровне политической обстановкой и, в частности, с прекращением с 16 марта 2022 г. членства Российской Федерации в Совете Европы, возникло множество вопросов относительно реализации положений российского законодательства, связанных с применением Конвенции и деятельностью ЕСПЧ.

16 марта 2022 г. ЕСПЧ сообщил, что рассмотрение жалоб российских граждан, поданных ранее, будет приостановлено до выяснения правовых последствий прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы[4].

Уже 22 марта 2022 г. по результатам пленарной сессии ранее принятое решение о приостановлении рассмотрения жалоб российских граждан было отменено. Граждане Российской Федерации в настоящее время вправе обращаться в ЕСПЧ за защитой своих прав и законных интересов.

Между тем, с 16 сентября 2022 г. участие Российской Федерации в Конвенции будет прекращено, в связи с чем именно с данной даты становится невозможной подача российскими гражданами жалоб в ЕСПЧ.

Согласно положениям Конвенции, исключение государства не влияет на процедуру рассмотрения и разрешения уже начатых дел. Кроме того, отмечается, что «все вынесенные ЕСПЧ по жалобам российских граждан постановления остаются обязательными для Российской Федерации»[5].

Однако не ясно, будут ли такие постановления ЕСПЧ признаваться основаниями пересмотра гражданских дел по новым обстоятельствам в судах общей юрисдикции Российской Федерации после прекращения участия нашей страны в Конвенции.

Нельзя забывать о том, что ЕСПЧ находится за пределами Российской Федерации, текст постановления изготавливается не на русском языке, заявитель чаще всего лично не принимает участия в рассмотрении дела. Все это способствует увеличению срока получения заявителем текста постановления. Так, например, постановление ЕСПЧ, вынесенное 22 ноября 2016 г., было получено

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

[2] См.: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14, ст. 1514.

[3] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 1, ст. 1416.

[4] См.: Подача жалоб в ЕСПЧ после исключения России из Совета Европы // Институт права и публичной политики. URL: https://ilpp.ru/echr_denunciation (дата обращения: 21.04.2022).

[5] См.: Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe // Council of Europe portal. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a5da51 (дата обращения: 21.04.2022).

заявителем лишь 01 сентября 2017 г. – более чем через девять месяцев[1].

Также не ясно, в каком порядке будет разрешаться вопрос с теми гражданами, у которых производство в ЕСПЧ осуществляется в настоящее время, и решение ЕСПЧ до 16 сентября 2022 г. не будет принято.

Актуальность данного вопроса обосновывается тем, что рассмотрение дела в ЕСПЧ само по себе отличается особой длительностью. Например, постановление ЕСПЧ по жалобе Зайкиной Д.В., поданной 17 ноября 2008 г., было вынесено лишь 30 апреля 2019 г., вступило в силу 21 мая 2019 г.[2].

На наш взгляд, постановления ЕСПЧ, принятые по жалобам, поданным до 16 сентября 2022 г., в период, когда Российской Федерацией действие Конвенции признавалось, должны быть обязательными для исполнения в Российской Федерации даже в случае вынесения таких постановлений уже после вышеназванной даты. Соответственно, вне зависимости от даты принятия окончательного постановления ЕСПЧ по таким делам, а также даты получения его заявителем, данные постановления должны признаваться судами общей юрисдикции в качестве новых обстоятельств.

При этом указанное разъяснение необходимо закрепить на законодательном уровне во избежание формирования в Российской Федерации противоречивой судебной практики, влекущей нарушение конституционных прав и свобод граждан, в частности, права на судебную защиту, равный доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство.

Кроме того, в связи с невозможностью на обращение в ЕСПЧ граждан Российской Федерации с 16 сентября 2022 г. необходимым является незамедлительное внесение изменений в ст. 392 ГПК РФ, закрепляющую основания пересмотра гражданских дел по новым обстоятельствам.

В рамках рассмотрения данного вопроса существует два способа разрешения сложившейся ситуации. Один из них – полное исключение из норм гражданского процессуального законодательства такого основания пересмотра гражданского дела как принятие международным судебным органом, коим в настоящее время является ЕСПЧ, постановления, устанавливающего нарушение основных прав и свобод граждан.

Второй способ – формирование нового надгосударственного судебного органа, например, на уровне ЕАЭС, или использование иных международно-правовых механизмов защиты прав и свобод граждан и внесение в гражданское процессуальное законодательство соответствующих изменений в части возможности пересмотра гражданских на основании иных актов, принятых международными органами.

Несомненно, в целях эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав и свобод граждан более целесообразным является второй способ, однако его реализация вызывает огромное количество вопросов как теоретического, так и практического характера, и требует внесения масштабных изменений во все процессуальные отрасли российского права, в том числе, в нормы ГПК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в Российской Федерации в связи с произошедшими изменениями обязательным и необходимым является реформирование гражданского процессуального законодательства, в том числе, в части обеспечения права граждан на пересмотр гражданских дел по новым обстоятельствам.

[1] См.: Постановление Воронежского областного суда от 6 июня 2018 г. по делу № 44Г-29/2018. Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.04.2022).

[2] См.: Зайкина против России: Постановление Европейского суда по правам человека от 21 мая 2019 г. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/b89/14620.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

Д.К. Сагитова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ткачёва Н.Н. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРИМИРЕНИЕ КАК СУДЕБНАЯ ФУНКЦИЯ И ЗАДАЧА СУДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье раскрывается задача суда по содействию в мирном урегулировании споров. Подробно раскрывается процедура примирения сторон и существующие на сегодняшний день проблемы в данной области. Указывается на значение личных качеств судьи при их осуществлении. В конце работы отражены конкретные изменения, направленные на повышение эффективности функции суда по примирению сторон.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, примирение, посредник, функции суда, защита прав, процедуры примирения.*

Фундаментальной основой всего гражданского судопроизводства является ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее по тексту – ГПК РФ), регламентирующая задачи, стоящие перед судьей в ходе рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров[3]. Перед гражданским судопроизводством стоит задача по содействию в укреплении законности и правопорядка, предупреждении новых правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, а также мирному урегулированию споров.

Задача по содействию суда в мирном урегулировании споров является относительно новой в ГПК РФ: она была введена лишь в 2019 г. Законодатели модернизировали всю существующую до этого процедуру примирения сторон при разрешении споров в судах общей юрисдикции. Кодекс был расширен путем добавления главы 14.1, закрепляющей основные начала, процедуру и последствия осуществления примирительных процедур.

[3] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

Несмотря на то, что данный институт гражданского процессуального права был введен в 2019 г., он до сих пор имеет определенные неточности и пробелы, что требует, на наш взгляд, совершенствования действующих положений закона.

Так, согласно ст. 153.1 ГПК РФ в целях примирения сторон суд принимает определенные меры, направленные на мирное урегулирование возникшего между ними спора. Проведение процедуры по примирению сторон доступно в ходе всего гражданского процесса, в том числе на стадии исполнения судебного акта.

При этом согласно ст. 150 ГПК РФ при подготовке дела к судебному разбирательству судья осуществляет действия, направленные на примирение сторон, в том числе принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, разъясняет порядок реализации права сторон на проведение примирительных процедур, их существо и преимущества, а также разъясняет сторонам их право обратиться за разрешением спора в третейский суд и последствия таких действий.

На первый взгляд, эта норма может означать простое перечисление судьей сторонам соответствующих прав и последствий их применения, что и происходит в большинстве случаев на практике, но это далеко не так: судья должен не просто проинформировать лиц о возможности проведения таких процедур, но и замотивировать на их осуществление. Однако закон не раскрывает нам, каким именно образом судья должен возбудить у сторон такое желание.

Ст.153.2 ГПК РФ закрепляет, что примирение возможно как по ходатайству сторон, так и по предложению суда. Формой выражения предложения суда о проведении процедуры примирения может служить устное заявление или любое определение суда, в том числе определение о принятии искового заявления к производству и назначении судебного заседания.

Процедура примирения может быть завершена в случае недостижения сторонами поставленных целей либо по истечении срока проведения процедуры примирения.

Как следует из содержания ст. 153 ГПК РФ существуют следующие виды примирительных процедур: переговоры, посредничество, в том числе медиации, судебное примирение и иные соответствующие законом виды.

Так как примирение сторон не может быть осуществлено лицом, имеющим какой-либо интерес в споре, необходима помощь незаинтересованной стороны, которая может предоставить спорящим лицам всю необходимую информацию о примирительных процедурах и их преимуществах. Данным лицом в виду своего особого положения в системе участников гражданского судопроизводства может стать судья, в производстве которого находится этот спор и который уже объективно ознакомлен с фактическими обстоятельствами дела вследствие изучения предоставленных ему сторонами материалов. Задача судьи, за рамки которой он не вправе выходить, состоит в подробном разъяснении спорящим лицам сущности примирительной процедуры, в результате чего они должны быть надлежащим образом информированы, а также замотивированы на ее проведение.

В доктрине гражданского процессуального права осуществление процедуры примирения не выделяется в качестве самостоятельной стадии гражданского процесса, а включается в стадию подготовки дела к судебному разбирательству, занимая там важнейшую и основную ступень[1].

При этом процедура примирения носит императивно-диспозитивный характер, который выражается, в первую очередь, в строго регламентированном законом порядке деятельности судьи по ее осуществлению. Несоблюдение такого порядка может влечь определенные негативные последствия, например, отмену судебного определения или решения ввиду процессуальных нарушений. Диспозитивность же проявляется в том, что только стороны могут инициировать процедуру примирения, именно они самостоятельно выбирают вид примирительной процедуры и устанавливают ее цели, которые необходимо достичь.

В данным момент существуют следующие точки зрения относительно примирения как функции суда:

1) предоставление судом информации о сущности примирительных процедур и последствиях их осуществления не приводит к поставленной цели – примирению сторон. Однако таким образом повышается уровень правосознания граждан и правовой культуры в целом.

2) предоставление судом подобной информации не относится к истинной сущности судебной деятельности. Данная функция не свойственна суду как органу правосудия[2].

Как уже отмечено нами выше, идеальным кандидатом для примирения спорящих сторон является судья. И это абсолютно логично, ведь кто как ни он заинтересован в примирении сторон, что в последующем может сократить время, потраченное им на проведение судебного разбирательства по данному конкретному делу. Если дело, поступившее судье, будет прекращено на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, то не будет необходимости в назначении судебных заседаний, заслушивании позиций сторон и назначении различных экспертиз. Именно в таком случае осуществится экономия процессуального времени в сочетании с удовлетворением требований сторон путем мирной договоренности.

Однако для того, чтобы осуществлять такую деятельность, судья должен обладать необходимыми навыками и умениями, прежде всего, социально-психологического характера. Судья должен быть способным убедить стороны в избрании мирного пути урегулирования спора как наиболее эффективного и сохраняющего ресурсы способа; также он должен обладать навыками работы в конфликтной или эмоционально-напряженной ситуации, чего на практике судьи могут достичь лишь спустя минимум 10 лет непрерывной работы с людьми и то не всегда.

---

[1] См.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016.

[2] См.: *Поспелов Б.И.* Роль суда в примирении сторон в гражданском процессе // Вестник Омского университета. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-suda-v-primirenii-storon-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 12.04.2022).

При осуществлении примирительных действий надлежит быть осмотрительным касательно всех обстоятельств рассматриваемого дела. Помимо этого, он обязан учитывать субъективное отношение сторон и их представителей к его словам и действиям.

Уровень изученности судьей информации касательно примирительных процедур напрямую влияет на эффективность данной процедуры. На сегодняшний день подавляющая часть случаев разъяснения судьями существа и юридических последствий примирительных процедур имеет исключительно формальный и информационный характер. Суд информирует спорящих лиц о медиации, третейском разбирательстве и так далее, воспользоваться которыми они не смогут ввиду неразвитости данных институтов в Российской Федерации.

Таким образом, для эффективной реализации задачи гражданского судопроизводства по мирному урегулированию споров необходима качественная подготовка судьи по всем аспектам примирительных процедур. Судьи должны не только знать соответствую главу ГПК РФ, но и знать, как правильно ее применять, что, конечно же, намного сложнее. Эта сложность связана, прежде всего, с отсутствием у судей достаточных социально-психологических знаний, а также непониманием истинной сущности процедуры примирения сторон, которая, на наш взгляд, является самым эффективным способом разрешения гражданских споров.

Мы считаем, что изменить существующую ситуацию можно путем следующих внедрений в российскую правовую систему:

1) внести в блок вопросов для квалификационного экзамена на статус судьи вопросы, направленные на определение уровня знаний в области психологии, поведения в конфликтных и смежных им ситуациях, межличностных отношений в целом. Успешное прохождение данного тестирования будет гарантией профессиональной пригодности судьи для наиболее эффективного выполнения функции по примирению лиц;

2) более детально поднять вопрос мирного урегулирования споров как наиболее приоритетного способа разрешения поступившего судье дела на различных конференциях и собраниях судей Председателями судов, представителями иных заинтересованных органов и сообществ (например, Президентом адвокатской палаты);

3) осуществлять более широкое информирование граждан о возможности проведения примирительных процедур, их преимуществах и последствиях осуществления.

А.А. Самоуков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Бытко С.Ю.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

МЕСТО И ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: *предметом исследования является место и роль прокуратуры в профилактике нарушений законов, в т. ч. преступлений. Цель исследования – раскрыть содержание и направления реализации профилактического потенциала прокурорской деятельности, обосновать место прокуратуры в системе субъектов профилактики.*

Ключевые слова: *профилактика, прокуратура, полномочия, координация.*

Профилактика правонарушений различной степени общественной опасности, независимо от степени и качества их правового регулирования, всегда была неотъемлемой частью в деятельности прокуратуры.

Это связано с изменениями в государственной политике в области национальной безопасности и ролью прокуратуры в ее обеспечении. Речь идет о возвращении к проверенному опыту общей криминологической профилактической работы государственных органов, органов местного самоуправления, активном привлечении общественности к профилактической работе, долгосрочном планировании и программировании национального развития в экономической, политической, социальной и других сферах[1]. В связи с этим профилактика правонарушений, осуществляемая Прокуратурой, по сути, является новой функцией Прокуратуры РФ, которая не относится ни к ее надзорной функции, ни к ее функциям участия в судопроизводстве или взаимодействия с институтами власти и общества[2].

В Законе о профилактике, предупреждение правонарушений означает комплекс мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также оказание воспитательного воздействия на лиц с целью предотвращения совершения правонарушения или антиобщественного поведения, а предупреждение преступлений рассматривается как основное направление профилактики правонарушений наряду с защитой личности, общества и государства от противоправных посягательств, охраной общественного порядка, противодействием терроризму, экстремизму, коррупции и т.д.[3]

[1] См.: *Раскина Т.В.* Профилактика преступности и правонарушаемости: региональный опыт планирования антикриминогенных мероприятий и прокурорская практика обеспечения законности в этой сфере // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 135–140.

[2] См.: *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. и др.* Прокурорский надзор: учебное пособие. М.: Элит, 2007. С. 206.

[3] См.: *Винокуров А.Ю.* К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Админи-

Достижение поставленных перед Прокуратурой задач по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства возможно только в сочетании с превентивными мерами, работой, направленной на пресечение правонарушений в будущем. Результатом деятельности прокуратуры должны быть разумные и эффективные меры по устранению нарушений закона, а также причин, условий, а также других факторов, которые послужили основанием и способствовали их совершению.

Прокурорская деятельность всегда связана с криминологической профилактикой, а профилактика осуществляется прокурорами путем осуществления возложенных на них законом полномочий по контролю за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов и т.д. Эта характеристика определяет специфику предупреждения правонарушений органами прокуратуры.

Все это наблюдается при анализе ведомственных организационно-распорядительных документов, в том числе ныне утративших силу, в которых предотвращение нарушений закона, даже при отсутствии такой прямой ссылки на закон, рассматривается как важнейший аспект надзорной, координационной, законодательной и другие виды деятельности Прокуратуры РФ.

В настоящее время Прокуратура РФ имеет ряд отраслевых нормативных актов, непосредственно регулирующих деятельность прокуратуры в области предупреждения преступности. Это приказ Генерального прокурора РФ № 7 от 16 января 2012 г. «Об организации работы правоохранительных органов Российской Федерации в области борьбы с преступностью» и другие.

Превентивные полномочия активно используются прокурорами в ходе координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, осуществляемой в соответствии со статьей 8 Закона о прокуратуре. По результатам координационных совещаний руководители правоохранительных органов разрабатывают меры по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению, субъектов, призванных их осуществлять, контроль за выполнением принятых мер и т.д. И среди таких субъектов прокуратура всегда выступает как организатор борьбы с преступностью.

Мы часто говорим об общей криминологической профилактике. Однако индивидуальные превентивные меры также характерны для прокуратуры. В частности, согласно статье 25.1 Закона о прокуратуре, в целях предотвращения преступлений и при наличии информации о предстоящих противоправных действиях прокурор или лицо, его заменяющее, имеет право направлять сообщения о недопустимости нарушения закона[1].

Часть 2 статьи 9 Закона о профилактике гласит, что при проведении профилактики правонарушений Прокуратура РФ обладает полномочиями субъекта профилактики правонарушений в пределах своей компетенции. И из этой формулировки неясно, какими именно полномочиями обладают прокуроры. В связи с этим Т.Г. Воеводина правильно, на наш взгляд, обратила внимание на то, что «прокуратура не обладает компетенцией осуществлять профилактику правонарушений! Они контролируют исполнение законов о предотвращении правонарушений»[2].

Примерно с 2016 г. на открытых форумах Генеральной прокуратуры РФ и прокуратур субъектов РФ поднимаются наиболее острые и «болезненные» для регионов вопросы. В работе таких форумов всегда принимают участие представители органов государственной власти, местного самоуправления, контролирующих и правоохранительных органов, а также общественности. Это обеспечивает прокурорам более полное изучение проблемы, возможность выявления скрытых преступлений и причин их совершения, кроме того, форумы широко освещаются в средствах массовой информации и служат средством правового просвещения населения.

В большинстве случаев прокуроры практикуют лекции по недопущению правонарушений и преступлений, беседы и консультации с молодежной аудиторией учебных заведений, наглядное представление правовой информации в местах массового скопления людей (стенды, фотографии), разъяснение нормативных актов через телекоммуникационную сеть Интернет.

Во всех субъектах РФ деятельность прокуратуры по правовому просвещению носит комплексный и системный характер. Об этом свидетельствует организация уполномоченными лицами выступлений в постоянных юридических рубриках региональных печатных изданий, радио- и телепрограмм, интернет-портале прокуратуры. Очень важно, чтобы в этой работе, а также на открытых форумах изучались и оценивались правовые, экономические, социальные и другие вопросы, имеющие отношение к региону. Прокуроры отвечают на волнующие местных жителей вопросы, разъясняя действующее законодательство и правоприменительную практику. Также организуются отдельные дни, часто с выходными, чтобы люди могли прийти за советом и помощью в решении своих проблем.

Четкая и понятная регламентация этой работы специальным ведомственным документом, который необходимо разработать и опубликовать, будет способствовать повышению эффективности работы прокуратуры по предупреждению преступлений. Несомненно, практика должна обладать высоким информационно-аналитическим, методологическим, научным качеством. Что касается предупреждения преступлений органами прокуратуры, то целесообразно разработать и внедрить основные концепции, принципы, методы профилактической работы во всех сферах деятельности и применительно к каждому уровню организации системы прокуратуры.

Закон о предупреждении не предусматривает конкретных превентивных полномочий для прокурора[3].

стративное и муниципальное право. 2016. № 7.

[1] См.: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

[2] См.: *Воеводина Т.Г.* Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 58–62.

[3] См.: *Винокуров А.Ю.* К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 620–626. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2022).

В связи с отсутствием этого права в Законе о прокуратуре, организации и деятельности всей системы прокуратуры указание на полномочия прокурора по предотвращению нарушений закона снижает эффективность работы в этом направлении и вызывает много вопросов, в том числе в правоохранительных органах. В этом случае представляется необходимым провести обязательную работу, направленную на совершенствование правового обеспечения прокурорской профилактики. Необходимо дополнить закон о прокуратуре, а также привести его в соответствие с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы предупреждения преступности в Российской Федерации» обязательные правовые акты, регулирующие деятельность профилактических учреждений.

Следует сделать вывод, что четкое правовое регулирование позволит разграничить полномочия прокурора по предупреждению преступности от его надзорных полномочий и полномочий в области координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, правильно установить критерии оценки эффективности превентивных полномочий, предоставленных ему законом. В данный момент прокуроры не обладают всей полнотой полномочий по предупреждению преступности и правонарушений.

С.А. Свириденко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ермолаев А.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СУБЪЕКТОВ ПРАВОСУДИЯ ОТ КЛЕВЕТЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: *судебная власть как один из столпов построения государственной власти в Российской Федерации требует особой защиты, в том числе и уголовно-правовой. Нередко субъекты осуществления правосудия подвергаются клевете со стороны участников судебного разбирательства или предварительного следствия. Клевета признана подорвать доверие к судебной власти и ко всей системы правоохранительных органов в целом. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации преступного деяния, предусмотренного ст. 298.1 УК РФ. Делается вывод, о важности уголовного наказания за указанное деяние.*

Ключевые слова: *судебная власть, клевета, уголовно-правовая охрана, преступление, объект преступного посягательства, правосудие.*

Конституция РФ как основной закон устанавливает и закрепляет систему органов государственной власти, а также гарантирует соблюдение правопорядка и законности на всей территории российского государства. Судебная власть в рамках системы разделения властей выступает в качестве гаранта обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства в целом. Именно поэтому основы функционирования судебной власти составляют особый интерес регулирования в рамках уголовных отношений.

Представляется верной позиция законодателя относительно роли уголовно-правового регулирования в сфере реализации правосудия: уголовно-правовая защита правосудия от преступных посягательств есть первостепенная задача Российской Федерации, поскольку именно от функционирования судебной власти зависит успешное решение важных государственных задач в сфере защиты прав и законных интересов различных правовых субъектов. Более того, именно от судебной власти зависит реализация правосудия по конституционным, гражданским, арбитражным, административным и уголовным делам.

Именно поэтому законодатель еще в 2012 г. криминализировал деяние, предусмотренное ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации». Указанная статья является не только реализацией конституционных положений относительно защиты осуществления правосудия, но и гарантией неотвратимости наказания для лица, пытающегося подорвать авторитет судебной власти, органов, содействующих осуществлению правосудия или исполнению судебных решений, а также причинить вред чести и достоинству лиц, против которых непосредственно были направлены клеветнические измышления.

Общественная опасность данного преступного посягательства состоит в деянии – клевете – в отношении лиц, осуществляющих правосудие, и содействующих его осуществлению: судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава.

Еще одним обстоятельством, согласно которому деяние, предусмотренное ст. 298.1 УК РФ, представляет особый как научный, так и практический интерес является то, что оно способно причинить вред независимости суда и процессуальной самостоятельности судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей и т.д.

Президент Федеральной палаты адвокатов Пилипенко Ю.С. отмечает, что «…меры, направленные на поддержку уважения к суду, необходимы…»[1]. Именно поэтому в качестве особого вида клеветы законодатель выделяет клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава.

В свою очередь, судья, член Президиума Верховного Суда РФ Момотов В.В., говоря об уголовно-правовой охране судебной власти от преступных посягательств, утверждает, что «признание авторитета судебной власти со стороны третьих лиц как социального и правового института исключительной компетенции в сфере права

[1] См.: *Нагорная М.* Адвокаты и юристы об ответственности за «скандализацию» правосудия // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-ob-otvetstvennosti-za-skandalizatsiyu-pravosudiya/ (дата обращения: 08.04.2022).

– и есть уважение к суду»[1]. Момотов В.В. выделает два аспекта категории уважения к суду – социологическую и юридическую части. Социологический фактор включает в себя справедливость судебных постановлений, предполагающую равенство всех перед законом, и решение, вынесенное по делу честным и справедливым судом. А юридический фактор связан с процессом осуществления правосудия.

Рассмотрим наиболее проблемные вопросы осуществления квалификации по указанной категории уголовно наказуемого деяния. Как отмечалось выше, клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава является частным случаем клеветы, предусмотренной статьей 128.1 УК РФ[2]. Выделение данного вида клеветы обусловлено необходимостью уголовно-правовой охраны судебной власти, ведь последствиями клеветы в отношении лиц, осуществляющих правосудие, и содействующих его осуществлению, ведет к дискредитации правосудия и судебной власти, что, в свою очередь, подрывает конституционные основы государства и наносит вред его безопасности, т.к. подрывается авторитет правоохранительных органов.

С точки зрения квалификации указанного деяния имеет особое значение и объект преступного посягательства – в данном случае он представляется двуединым. Основным объектом выступают общественные отношения в сфере нормальной деятельности суда, органов предварительного следствия, дознания, а дополнительным – честь, достоинство и деловая репутация.

Объективная сторона выражается в высказывании клеветнических выражений в адрес судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в осуществлении правосудия, в связи с рассмотрением дела в суде или материалов дела в суде, а также в отношении прокурора, следователя, дознавателя, сотрудника принудительного исполнения наказаний в связи с производством предварительного следствия или принудительным исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта.

Особое внимание стоит обратить на содержание клеветнических выражений. С одной стороны, любое лицо в соответствии со ст. 28, 29 Конституции РФ имеет право на свободное выражение своего мнения и распространение своих убеждений. С другой стороны, клевета не может содержать оценочные суждения. Именно поэтому правоприменителю при квалификации указанной статьи необходимо учитывать следующее: клеветнические выражения должны выражаться относительно конкретных действий лица (судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя) или события, сопряженного с осуществлением правосудия или осуществлением предварительного следствия или исполнением судебного решения (приговора суда).

Более того, указанные сведения должны соответствовать следующим признакам: порочить честь, достоинство и деловую репутацию потерпевших, указанных в статье 298.1 УК РФ, носить ложный характер и не иметь реальных оснований для распространения.

Именно в указанных признаках клеветы и кроется общественная опасность деяния для всей судебной власти.

Не менее важным является уголовно-правовая квалификация субъекта данного преступления. Субъект преступления общий. Стоит обратить внимание, что, как правило, субъект данного преступления участвует в процессе осуществления правосудия, предварительного следствия и т.д. Не редко субъектами данного преступного деяния становятся и адвокаты.

В 2021 г. Московский областной суд оставил в силе обвинительный приговор в отношении адвоката адвокатской палаты Московской области Ольхова Б., ранее осужденного за клевету в отношении судьи[3]. Адвокат в ходе судебного рассмотрения дела придерживался, по мнению судьи, некорректного поведения и позволял себе следующие высказывания: «судья С. отказывается отправлять правосудие в соответствии с требованиями закона; рамки УПК, похоже, ему тесноваты», «С. после того, как потерпевший отказался от особого порядка рассмотрения дела, стал «открыто» ему угрожать». «Предложив на кафедру свидетелей 50 тысяч рублей подсудимому положить, а потерпевшему их взять», «лично у меня после этих не предусмотренных УПК действий С. сложилось впечатление о том, что председательствующий в доле», «недавняя отмена оправдательного приговора С. по делу о получении взятки, которая сейчас широко обсуждается в адвокатских кругах, существенно добавляет к моим сомнениям в беспристрастности председательствующего»[4].

Судья Московского областного суда при рассмотрении дела в апелляционном порядке поддержал позицию нижестоящего суда и оставил обвинительный приговор в силе.

В адвокатском сообществе указанное дело вызвало резонанс. По мнению первого вице-президента Федеральной адвокатской палаты РФ Толчеева М.Н., «такой прецедент образует трещину в самом фундаменте правосудия, его состязательных началах и допустимости широчайшего многообразия версий истины, ответственность за нахождение которой лежит на суде»[5].

Так, подчеркивается, что критика процессуальных оппонентов и отстаивание позиции по делу – это прямая обязанность адвоката. Именно поэтому столь важно осуществление правильной квалификации категории «клевета» в аспекте уголовно-правовой квалификации.

Говоря об общественной опасности данного преступного деяния, стоит отметить, что особую опасность представляет клевета, сопряженная с обвинением лица в со-

[1] См.: *Стороженко А., Рогоцкая С., Кузнецова Т.* Адвокат должен понимать, что он является частью уважаемой профессиональной корпорации // Сайт Федеральной палаты адвокатов. URL: https://fparf.ru/news/fpa/advokat-dolzhen-ponimat-chto-on-yavlyaetsya-chastyu-uvazhaemoy-professionalnoy-korporatsii/ (дата обращения: 08.04.2022).

[2] См.: Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2004. С. 683.

[3] См.: *Павлова З.* Мособлсуд оставил в силе обвинительный приговор адвокату, осужденному за клевету на судью // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/mosoblsud-ostavil-v-sile-obvinitelnyy-prigovor-advokatu-osuzhdennomu-za-klevetu-na-sudyu/ (дата обращения: 08.04.2022).

[4] См.: Там же.

[5] См.: Там же.

вершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Лицо может распространить в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя ложную информацию, касающуюся, например, получения взятки. Такими действиями виновное лицо фактически подвергает сомнениям цели осуществления судебной власти правосудия – обеспечение законности и правопорядка на территории РФ, защите и восстановления нарушенного права, с точки зрения справедливости.

Таким образом, можно сделать вывод, что судебная власть, правосудие являются самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны. Законодатель особое внимание уделяет уголовно-правовой защите судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя от клеветы, которая способна не только нанести вред репутации конкретного должностного лица, но и дискредитировать всю судебную систему.

А.В. Свиридова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Алиев Т.Т.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОНОРАРА АДВОКАТА

Аннотация: *в настоящей статье рассматриваются вопросы морально-этического и нравственного характера, возникающие при определении адвокатом гонорара за оказываемую юридическую помощь. Предлагаются меры по оптимизации указанного вопроса в практической деятельности адвокатов.*

Ключевые слова: *адвокат, защитник, гонорар, юридическая помощь, кодекс профессиональной этики адвоката, Федеральная палата адвокатов.*

После того, как на конституционном уровне человек был провозглашен наивысшей ценностью государства, актуальное значение приобрел вопрос гарантий его прав, свобод и законных интересов. Институт адвокатуры выполняет одну их важнейших социальных функций, заключающуюся в защите неограниченного круга физических и юридических лиц.

Для лиц, обращающихся к адвокатам за профессиональной юридической помощью, принципиальное значение имеет не только наличие у адвоката значительного опыта юридической практики, но и также наличие уверенности в его добросовестности, честности и принципиальности. Если адвокат не характеризуется высоким уровнем своей нравственности, это снижает уровень общественного доверия, как к конкретному адвокату, так и к институту адвокатуры в целом.

Наличие в рамках адвокатского сообщества этических правил поведения его представителей имеет огромное значение, поскольку, во-первых, такие правила стимулируют к укреплению общего уровня общественной морали, во-вторых, стимулируют совершенствование профессиональных и морально-нравственных качеств адвоката.

Определение и получение адвокатом гонорара за оказание им квалифицированной юридической помощи является одним из аспектов взаимоотношений адвоката и доверителя. Адвокаты, оказывающие своим доверителям квалифицированную юридическую помощь, обязаны руководствоваться этическими правилами и требованиями в рамках решения всех возникающих в ходе указанного процесса вопросов. Этические правила и требования являются неотъемлемым элементом адвокатской деятельности, в том числе, и в рамках определения адвокатами размера своего гонорара.

Совершенно справедливой считается точка зрения, высказываемая И.С. Токмаковым, который считает, что определение размера гонорара адвоката зачастую вызывает существенные сложности на практике[1].

Закономерной видится идея о том, что адвокат при определении размера причитающегося ему гонорара, должен руководствоваться требованиями разумности, справедливости и честности. Так, в соответствии с положениями Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливается, что адвокат при определении размера своего гонорара, может принимать во внимание такие обстоятельства, как объем и фактическая сложность работы, количество времени, объективно необходимого для качественного ее выполнения, свой опыт и квалификацию, а также сроки и степень срочности выполнения обусловленной работы[2].

Довольно интересной видится точка зрения, высказываемая Л.А. Демидовой. Автор пишет о том, что «представляя интересы коммерчески богатых структур, … адвокат вправе назначать высокие гонорары, но ни в коем случае недопустимо назначать заведомо высокий гонорар при оказании правовой помощи малоимущим, людям, попавшим в беду и в силу обстоятельств готовым продать последнее, чтобы нанять хорошего адвоката»[3].

Относительно установления адвокатами повышенного размера гонорара при представлении интересов крупных юридических лиц или известных лиц, можно говорить об общепринятом характере данного негласного правила. Так, в конце 2018 г. Федеральной палатой адвокатов совместно с экспертной группой VETA был начат довольно крупный проект, заключавшийся в определении средней стоимости услуг адвоката в рамках всей Российской Федерации. Как пишут авторы, анализирующие результаты указанного исследования, при определении размера гонорара адвокаты руководствуются не только размером проблемы правового характера, но и «масштабом личности». Так, в рамках г. Москва было установлено три группы адвокатов. В состав первой группы вошли наиболее

---

[1] См.: *Токмаков И.С.* Условие об оплате в соглашении об оказании юридической помощи // Евразийская адвокатура. 2012. № 1(1). С. 10–15.

[2] См.: Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. № 2.

[3] См.: *Демидова Л.А.* Адвокатура в России: учебник. М.: Юстицинформ, 2006. С. 252.

авторитетные адвокатские образования, оказывающие квалифицированную юридическую помощь крупнейшим российским компаниям и известным, публичным личностям (максимальный зафиксированный размер гонорара – 2 млн руб.). Вторую группу составили адвокатские образования, члены которых имеют ученые степени, значительный опыт адвокатской деятельности (максимальный зафиксированный размер гонорара – 450 тыс. руб.). Третью группу составили адвокаты, осуществляющие индивидуальную адвокатскую практику, а также небольшие юридические фирмы (максимальный зафиксированный размер гонорара – 250 тыс. руб.)[1].

Такая градация видится обоснованной и оправданной, соответствующей требованиям профессиональной адвокатской этики. Считается возможным не согласиться с автором вышеуказанной публикации, делающим акцент на обусловленности повышенного размера гонорара адвоката публичностью дел, в которых они принимают участие.

Как правило, крупные юридические лица обращаются к адвокатам за помощью в решении сложных правовых проблем, требующих значительных временных, физических, интеллектуальных затрат. Очевидно, что адвокаты, осуществляющие защиту прав и интересов указанных субъектов, обладают высоким уровнем профессиональной квалификации, имеют значительный опыт осуществления адвокатской деятельности. В связи с указанным обстоятельством, установление адвокатами повышенного размера гонорара за оказание квалифицированной юридической помощи при указанных обстоятельствах, видится логичным и обоснованным.

Однако в указанных обстоятельствах адвокатам следует руководствоваться именно масштабом той правовой проблемы, для решения которой к ним обращаются доверители. Целенаправленное завышение размера гонорара адвокатами, руководствующимися исключительно идеей платежеспособности своего клиента, видится недопустимым и нарушающим морально-этические правила, присущие адвокатской деятельности в целом.

Наибольший интерес представляет собой высказанная Л.А. Демидовой позиция относительно недопустимости назначения адвокатами заведомо завышенного гонорара в случае обращения к ним за квалифицированной юридической помощью малоимущих лиц. С указанной позицией можно согласиться в полной мере, однако, считается, что рассматриваемая идея требует определенной конкретизации.

Так, зачастую к адвокатам обращаются лица, в отношении близких лиц которых либо их самих было начато уголовное преследование. Абсолютно очевиден тот факт, что в указанных обстоятельствах лица пребывают в состоянии сильного эмоционального потрясения, что обуславливает их готовность предпринять любые зависящие от них меры с целью избежать уголовной ответственности либо помочь своим близким лицам. На практике, к сожалению, адвокаты используют указанные обстоятельства в своих недобросовестных целях, целенаправленно завышая размер своего гонорара за оказание правовой помощи. Такие действия видятся несоответствующими не только этическим требованиям, предъявляемым к адвокатам, но и самому социальному назначению российской адвокатуры. В данном случае представляется возможным согласиться с Д.Н. Азаровым, который указывает, что алчность и неразборчивость в средствах обогащения не могут быть совместимы со статусом адвоката[2].

Объяснить указанное обстоятельство можно самой сущностью возлагаемых на адвоката обязанностей, которые заключаются не в достижении личного материального благополучия, а в оказании помощи нуждающимся лицам и защите их интересов.

Также Д.Н. Азаров высказывает позицию о том, что «материальное положение доверителя адвокат должен учитывать не «иногда» и не «как иные обстоятельства», а всегда»[3].

Данную позицию считается возможным принять лишь в ее части – адвокатам не следует искусственно и целенаправленно завышать размер своего гонорара, поскольку адвокатская деятельность характеризуется, в первую очередь, своим некоммерческим и непредпринимательским характером, а также этическим, социальным и правозащитным характером[4].

Однако, считается, что указанную позицию не стоит расценивать, как призыв адвокатов снижать свой гонорар пропорционально имущественному положению лица, обратившегося за получением квалифицированной юридической помощи. Обусловлено это тем, что, во-первых, нормы действующего российского законодательства предоставляют право на получение всех видов бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, в том числе и лицам, имеющим доход в размере ниже прожиточного минимума[5].

Во-вторых, снижение адвокатами размера своего гонорара в связи с неудовлетворительным материальным положением доверителей, может повлечь за собой злоупотребление со стороны отдельных граждан, поскольку получение адвокатами достоверной информации относительно имущественного положения обратившихся к нему лиц, видится достаточно сложным и часто нереализуемым.

В связи с этим видится необходимым кардинальное изменение в системе «бесплатной» адвокатуры. С целью нивелирования морально-этических вопросов в части определения гонорара, предлагается повышение ставок адвокатов, назначаемых органами государственной власти и судами. Указанное обстоятельство, во-первых, подтолкнет адвокатов «по назначению» на более качественное выполнение возложенных на них обязательств,

[1] См.: *Куликов В.* Подсчитана средняя стоимость услуг адвоката // Российская газета. URL: https://rg.ru/2019/08/22/podschitana-sredniaia-stoimost-uslug-advokata.html (дата обращения: 15.03.2022).

[2] См.: *Азаров Д.Н.* Этические требования при определении гонорара // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 294–296.

[3] См.: Там же.

[4] См.: *Орешин Е.В.* К вопросу о сущности и признаках адвокатской деятельности применительно к обязанности адвоката принимать поручения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 12(40). С. 41–48.

[5] См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725.

а во-вторых, окажет воздействие на рынок юридических услуг, которое не даст возможности адвокатам «манипулировать» размерами гонораров, необоснованно завышая их.

В то же время, видится логичной позиция, высказанная известным российским адвокатом, вице-президентом Федеральной палаты адвокатов России Г.М. Резником, который указал на то, что в случаях, когда адвокат неэффективно выполняет взятые на себя обязанности, получая существенные гонорары, он должен быть лишен своего статуса, в связи с нарушением основополагающих принципов адвокатуры[1].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что этическая проблема определения размера гонорара адвоката является одной из определяющих для взаимоотношений между адвокатом и его доверителем. Видится необходимым принятие мер, направленных на нивелирование данной проблемы с целью недопущения необоснованного завышения размеров оплаты услуг доверителем.

И.С. Сеснева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Седова Г.И. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

О СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

Аннотация: *на сегодняшний день мы живем в таком мире, где все ещё существует место преступникам и преступлениям. И в связи с этим в каждом государстве функционируют правоохранительные органы, которые занимаются выявлением, а также расследованием преступлений. Чтобы обнаружить и выявить преступные деяния, необходимы усилия органов дознания.*

Ключевые слова: *органы дознания, процессуальные полномочия, виды органов дознания, дознаватель.*

Такое понятие, как «дознание», произошло от довольно известных ранее терминов «дознать», «дознаться», иначе – установить факт, удостовериться, убедиться. Отсюда и пошло название для правоохранительных органов дознания, деятельность которых связана с обнаружением действия или бездействия, которое имеет все признаки, чтобы квалифицировать его как преступное.

Порой для того, чтобы установить факт совершения преступления, правоохранительные органы ничего не предпринимают, т.к. к ним добровольно поступает информация от потерпевших или от очевидцев, а иногда и от самих преступников. В таких ситуациях факт считается выявленным с тех пор, когда о нем поступила информация в соответствующие правоохранительные органы, зарегистрировано это должно быть в установленном законом порядке для обеспечения последующего расследования. Но все чаще встречаются очень изощренные преступники, которые тщательно скрывает факт совершения преступления. Например, чтобы раскрыть преступления, связанные с банковскими операциями или с махинациями других коммерческих организаций, которые обманывают своих потребителей и вкладчиков, необходимы усилия правоохранительных органов соответствующей компетенции. Также огромных усилий стоит провести розыск пропавшего без вести либо похищенного человека. И в этих ситуациях невозможно обойтись без оперативного сопровождения деятельности по расследованию таких криминальных событий. В этом случае органы дознания реализуют свои функции оперативно-розыскного характера.

Выявление преступления не всегда в обязательном порядке предшествует расследованию этого преступления, а довольно часто складывается ситуация, что по ходу расследования одного преступления устанавливается факт совершения другого. В такие моменты абсолютно невозможно провести условную границу между такими понятиями как «выявление преступления» и «расследование преступления».

Под предварительным расследованием подразумевается такая деятельность государственных органов, которая будет направлена на розыск, изобличение виновных в совершенном преступлении, на возмещение вреда, который был причинен вследствие совершенного преступления, а также на принятие необходимых мер для устранения причин, по которым было совершенно данное правонарушение и предупреждение новых.[2]

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) содержится норма (ст. 150 УПК РФ)[3], которая закрепляет наличие двух видов органов предварительного расследования: органов предварительного следствия и органов дознания. Исходя из темы нашего исследования, рассмотрим органы дознания. Их полномочия содержаться в ст. 40 УПК РФ. Согласно п. 1 ч. 1 этой статьи «органы дознания – это органы внутренних дел и органы, наделенные правом проведения оперативно-розыскных мероприятий»[4]. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» к ним, помимо органов внутренних дел, относятся: «органы федеральной службы безопасности; федеральные органы налоговой полиции; федеральные органы государственной охраны; органы пограничной службы; таможенные органы; служба внешней разведки РФ»[5]. Помимо этих государственных органов, дознавательской

[1] См.: Генри Резник: «Оказание бесплатной юридической помощи населению не должно превращаться в неоплачиваемый труд для адвокатов» // Ульяновск. URL: ulpressa.ru/2012/08/15/genri-reznik-okazanie-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshhi-naseleniyu-ne-dolzhno-prevrashhatsya-v-neoplachivaemyiy-trud-dlya-advokatov/ (дата обращения: 01.04.2022).

[2] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В.И. Радченко. М.: Юстицинформ, 2003.

[3] См.: *Рябцева Е.* Уголовный процесс: учебник URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=89741 (дата обращения: 22.04.2022).

[4] См.: *Мосина С.В.* Органы дознания, их задачи и полномочия. М.: Лаборатория книги, 2011. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=141463 (дата обращения: 23.04.2022).

[5] См.: *Безлепкин Б.Т.* Краткое пособие для следователя и дознавателя: справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=471811 (дата обращения: 23.04.2022).

деятельностью занимаются: органы принудительного исполнения (п. 2 ч. 1 ст. 40 УПК РФ); начальники органов военной полиции Вооруженных сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов (п. 3); органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы (п. 4)[1].

В части 2 статьи 40 УПК РФ законодателем названы «два основных направления уголовно-процессуальной деятельности органов дознания: расследование преступлений в форме дознания (ч. 3 ст. 150 УПК РФ) и производство неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ)»[2].

Самый большой объём в процессуальной деятельности органов дознания принадлежит производству, связанному с предварительным расследованием в форме дознания. Это «определенная совокупность действий и решений органа дознания, предусмотренных законом. По юридической силе акты следователя и процессуальные акты органа дознания равны»[3].

Государственные органы и должностные лица относящиеся к органам дознания, реализуют вместе с основными функциями, ради которых они были созданы, еще и процессуальную. Для всех органов дознания, процессуальная деятельность не является основной.

Все органы дознания обладают равными процессуальными полномочиями, но обязаны действовать каждый в пределах своей компетенции. Система органов дознания и основные обобщающие элементы их деятельности исследовались Г.И. Седовой[4]. Действительно, для того, чтобы причислить орган исполнительной власти к органу дознания необходимо наличие у него «полномочия по приему и рассмотрению сообщения о преступлениях»[5].

В МВД РФ основные функции органа дознания выполняет полиция. Что важно отметить, так это то, что компетенция полиции в отношении ряда категорий уголовных дел не d ограничена законом в отличие от других органов дознания, компетенция которых имеет строго очерченные рамки, установленные законом. Закон обязывает служащих полиции принимать к dсведению любое поступающее заявление о совершении преступления. По правилам, установленным в УПК РФ полиция не может подменять другой орган дознания, в компетенцию которого входит данная категория дела. Но, если обстоятельства складываются так, что применить меры по установлению и фиксированию следов преступления в состоянии исключительно лишь полиция, то в таких ситуациях (не допустить побега преступника) полиция трансформируется в орган дознания в силу своих обязательств по охране общественного порядка и борьбы с преступностью.[6]

Целью производства неотложных следственных действий является выявление, закрепление следов преступления и установление личности его совершившего[7].

Определение неотложных следственных действий, входящих в компетенцию органов дознания дано в п. 18 ст. 5 УПК РФ. Это могут быть любые действия процессуального характера, которые предпринимаются органами дознания уже после того, как дело было возбуждено. Причем дела могут только те, по которым необходимо обязательное предварительное следствие. Здесь есть исключение. Под исключение подпадают те действия, которые могут предпринимать только суд, прокурор или следователь.

Возбуждение органом дознания уголовного дела по преступлению, предварительное следствие по которому является обязательным, осуществляется в порядке, установленном статьей 146 УПК РФ.

Часть 2 статьи 157 определяет круг государственных органов и должностных лиц, уполномоченных на проведение неотложных следственных действий. К другим должностным лицам, наделенным полномочиями следственных органов, относятся капитаны морских и речных судов, руководители разведочных партий и зимовок, главы дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации.[8]

На основании проведенного исследования, делаем вывод, что органы дознания играют очень важную роль в системе правоохранительных органов. На органах дознания лежит очень большая ответственность за то, чтобы преступление было раскрыто, но также немаловажно, чтобы преступление было расследовано надлежащим образом и настоящий преступник – изобличен и понесет заслуженное наказание. Это очень важно в том ключе, чтобы минимизировать риски обвинения невиновных лиц. Профессиональное расследование органами дознания подготавливает очень важную базу для суда, которая позволяет уже непосредственно суду углубиться в суть совершенного преступления, установить факт виновности или невиновности подсудимого, избрать разумную меру наказания.

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 424.

[3] См.: *Мосина С.В.* Органы дознания, их задачи и полномочия. М.: Лаборатория книги, 2011. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=141463 (дата обращения: 23.04.2022).

[4] См.: *Седова Г.И., Степанов В.В.* Дознание в правоохранительных органах: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М: Юрайт, 2019. С. 37.

[5] См.: Там же. С. 60.

[6] См.: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 22.04.2022).

[7] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

[8] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004.

Л.В. Силуянова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Пазына М.А.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ, ЗАКЛЮЧЕННОГО ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Аннотация: *в статье раскрывается понятие «дистанционного способа продажи товаров», а также выделяются основные нарушения прав потребителей при исполнении договора розничной купли – продажи дистанционным способом. Рассматриваются правила возврата и обмена товара надлежащего качества, приобретенного дистанционным способом.*

Ключевые слова: *дистанционный способ продажи товаров, потребитель, договор розничной купли – продажи.*

Развитие компьютерных и информационных технологий, а также доступность устройств, обеспечивающих выход в Интернет, оказали влияние на рынок товаров. Современные покупатели отдают предпочтение электронным каталогам и мобильным приложениям, где вся необходимая для потребителя информация представлена в удобном и структурированном формате. Следствием этого является заключение договора розничной купли-продажи через сеть Интернет.

Нормативно-правовыми актами, регулирующими порядок заключения и исполнения договора розничной купли-продажи через сеть Интернет, являются Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)[1], Закон РФ «О защите прав потребителей»[2], а также Правила продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи, утвержденные постановлением Правительства 31.12.2020 г. № 2463 (Далее – Правила № 2463)[3].

Понятие дистанционного способа продажи товаров закреплено в п. 2 ст. 497 ГК РФ, под которым понимается заключение договора розничной купли-продажи на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора. Крутякова А.С. считает, что: «целесообразно использовать термин «розничная дистанционная торговля» для определения торговой деятельности осуществляемой дистанционным способом вне стационарных торговых объектах и связанной с продажей товаров и оказанием услуг покупателям для личного, семейного, домашнего и иного использования в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью»[4].

Покупатели имеют более привилегированное положение в сравнении с другой стороной договора – продавцом. Это связано с тем, что покупатель, совершая покупку дистанционным способом, не может реально оценить товар на предмет его качества, размера, цвета. Следовательно, закон им предоставляет достаточно широкий набор прав и способов защиты при их нарушении. Нельзя не согласится с позицией Конституционного суда РФ, который отмечает, что дистанционный способ в первую очередь должен быть направлен на защиту прав потребителей как слабой стороны договора и обеспечение потребителей возможностью выбирать товар[5].

Выделим основные нарушения прав потребителя, связанные с исполнением договора розничной купли-продажи дистанционным способом через сеть Интернет[6]: 1) игнорирование заказа; 2) ложная информация о наличии товара на складе; 3) увеличение цены при подтверждении заказа; 4) задержка доставки товара; 5) доставка товара в неоговоренное время; 6) доставка товара, отличающегося от заказанного; 7) отказ от возврата товара.

Действующее законодательство в сфере защиты прав потребителей устанавливает правила возврата и обмена товара надлежащего качества, приобретенного дистанционным способом.

1. По общему правилу, до передачи товара можно отказаться в любое время, а после передачи – в течение семи дней. Однако судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указывает, что для возврата товара надлежащего качество в установленный срок покупателю необходимо не просто своевременно заявить об отказе от товара, но и совершить действия по передаче товара продавцу, чтобы обеспечить ему возможность проверить возвращаемый товар на предмет сохранности его товарного вида, потребительских свойств, в том числе его количества (объема)[7].

2. Покупатель в момент доставки товара должен быть письменно проинформирован о сроках возврата товара надлежащего качества. Согласно п. 18 Правил № 2463 данная обязанность считается исполненной продавцом, если информация предоставлена потребителю с помо-

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410.

[2] См.: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Рос. газ. 1992. № 15, ст. 766.

[3] См.: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 3, ст. 593.

[4] См.: *Крутякова А.С.* Развитие и регулирование дистанционной торговли: дис. … канд. экон. наук. 2011. URL:http://economy-lib.com/razvitie-i-regulirovanie-distantsionnoy-torgovli (дата обращения: 22.04.2022).

[5] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2015 № 2724-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романова Романа Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»» // СПС «Гарант».

[6] См.: *Зак А.Ю.* Нарушения прав потребителей при ненадлежащем исполнении договора дистанционной продажи в Интернете и способы их преодоления // Современное право. 2010. № 8. С. 78–83.

[7] См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 января 2022 г. № 49-КГ21-34-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

щью электронных и иных технических средств[1]. В противном случае, покупатель имеет право отказаться от такого товара в течение 3-х месяцев.

3. Продавец должен довести до потребителя информацию о форме и способах направления претензий. В случае если такая информация продавцом не представлена, потребитель вправе направить претензию в любой форме и любым способом[2].

4. Продавец обязан вернуть деньги при отказе от товара надлежащего качества в течение 10 дней со дня предъявления требований покупателем. Из этой суммы исключаются расходы продавца за доставку возвращенного товара. Несмотря на это, на практике недобросовестные продавцы часто отказывают в возврате денежных средств. Как отмечают Кочан И.С. и Меликян А.С., что «в большинстве случаев продавец возвращать деньги за товар отказывается, настаивая на том, что товар сложно-технический или непродовольственный надлежащего качества, т.е. товар, который не подлежит возврату ни при каких условиях»[3]. Однако, список технически сложных товаров не применяется к покупкам, совершенным дистанционным способом. Поэтому продавец обязан вернуть покупателю деньги при возврате технически сложного товара в установленные законом сроки.

Таким образом, законодатель обоснованно вводит дополнительные гарантии защиты прав потребителей при заключении договора розничной купли-продажи дистанционным способом, потому что потребитель находится в менее выгодном положении, т.е. не имеет возможности личного ознакомления с товаром, его потребительскими свойствами, а значит, исключена возможность полно и достоверно сформировать свое представление о товаре. Договорные отношения в сфере дистанционной торговли подлежат более детальной регламентации, т.к. на сегодняшний день такой способ продажи товаров приобретает всю большую популярность.

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 3, ст. 593.

[2] См.: Там же.

[3] См.: *Кочан И.С., Меликян А.М.* Договор купли-продажи, заключенный дистанционным способом // Краснодар-2019: Материалы X межрегиональной студенческой юридической олимпиады, Краснодар, 5–6 декабря 2019 г. / под редакцией А.А. Долгова, П.В. Каленского, В.В. Сорокожердьева. Краснодар: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2020. С. 54–70.

А.О. Синичкин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Овчинникова Н.О. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация: *проведение предварительного слушания является обязательным условием для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. Предварительное слушание проводится по общим правилам, предусмотренным гл. 34 УПК РФ, с особенностями, закрепленными в ст. 325 УПК РФ и иными особенностями.*

Ключевые слова: *суд, присяжные заседатели, предварительное слушание, судебное заседание.*

Предварительное слушание проводится в закрытом судебном заседании с участием сторон для рассмотрения вопросов, связанных с последующей процедурой судебного разбирательства, но в большинстве случаев оно проводится для разрешения вопросов о допустимости доказательств по делу, при наличии соответствующего ходатайства. Следует напомнить, что предварительное слушание в уголовном процессе – это необязательный этап подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, и осуществляется только тогда, когда для этого имеются установленные Законом основания. Согласно ч. 2 ст. 229 УПК РФ[4] предварительное слушание проводится, в том числе, для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Глава 42 УПК РФ «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» содержит ст. 325, в которой хоть и раскрываются особенности проведения предварительного слушания при производстве в суде с участием присяжных заседателей, но для характеристики особенностей проведения такого предварительного слушания недостаточно анализа только данной статьи.

Предварительное слушание в суде присяжных регламентируют наряду со ст. 325 УПК РФ и другие нормы уголовно-процессуального законодательства. Анализируя положения ст. 229 УПК РФ можно сказать, что при наличии оснований, предусмотренных частью второй данной статьи, суд проводит предварительное слушание по ходатайству стороны или по собственной инициативе. Следует задаться вопросом, может ли суд по собственной инициативе назначить предварительное слушание для решения вопроса о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей? По мнению М.В. Боровского, суд по собственной инициативе может проводить предварительное слушание тогда, когда усматривает в материалах поступившего дела

[4] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Рос. газ. 2022. 28 марта.

основания для приостановления или прекращения уголовного дела либо для возвращения его прокурору[1].

С этим трудно не согласиться. Главным требованием к производству в суде присяжных является наличие ходатайства обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Если подсудимый не заявил ходатайство о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, то данное уголовное дело рассматривается другим составом суда в порядке, установленном статьей 30 УПК РФ. Бывают случаи, когда в уголовном деле участвуют несколько подсудимых, в такой ситуации уголовное дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявит такое ходатайство. В связи с этим важно оговориться о возможности рассмотрения судом присяжных уголовного дела с участием несовершеннолетнего соучастника преступления при заявлении совершеннолетним соучастником соответствующего ходатайства. Это возможно только в случае, «когда выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетних признано судом невозможным, как препятствующее всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии, что среди вмененных подсудимым нет преступлений, дела о которых в силу осуществленного федеральным законодателем в рамках своей дискреции регулирования выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей»[2].

В ситуации, если один или несколько подсудимых отказываются от рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей, суд решает вопрос о выделении уголовного дела в отношении этих подсудимых в отдельное производство.

Таким образом, суд в предварительном слушании должен, во-первых, выявить, заявил ли обвиняемый ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, а при участии нескольких обвиняемых – заявил ли такое ходатайство хотя бы один из них, и, во-вторых, обеспечить реализацию заявленного ходатайства и назначить судебное заседание с вызовом необходимого количества присяжных заседателей.

Одной из особенностей предварительного слушания с участием присяжных заседателей является статус государственного обвинителя. В научной литературе нет единого мнения о процессуальном положении прокурора на данном этапе уголовного судопроизводства, а именно, на предварительном слушании. Например, В.О. Трофимов отмечает, что на этапе подготовки дела к судебному заседанию прокурор обладает специфическими полномочиями. Они не являются ни надзорными, ни полномочиями, которые связаны с поддержанием государственного обвинения[3]. Решая вопрос о рассмотрении дела в суде присяжных, оценивая ходатайство подсудимого государственному обвинителю необходимо установить как минимум два обстоятельства:

1) подсудно ли данное уголовное дело для рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей;

2) поддерживается ли ходатайство о рассмотрении уголовного дела в суде присяжных обвиняемым, и соблюден ли порядок заявления такого ходатайства.

Анализируя положения ст. 431 УПК РСФСР 1960 г., такие ученые процессуалисты как В.М. Бозров и В.М. Кобяков выдвигали два условия проведения предварительного слушания: подсудность дела конкретному суду и ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей. При этом они отмечали, что «…вопреки процессуальной логике, в ст. 431 УПК РСФСР предусмотрено одно условие – наличие ходатайства обвиняемого, и нет другого условия – о подсудности поступившего дела»[4].

При производстве в суде с участием присяжных заседателей, предварительное слушание не может быть проведено по инициативе суда. Исключение составляют дела, по которым обвиняемый при выполнении требований ст. 217 УПК РФ отказался от суда присяжных, но есть другое основание для назначения предварительного слушания. Если в деле имеется несколько оснований для проведения предварительного слушания, то суду необходимо рассмотреть их совместно. Кроме того, не важно когда обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Такое ходатайство он вправе заявить на различных этапах производства по уголовному делу: после ознакомления с материалами уголовного дела, после направления уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом в суд в течение 3 суток со дня получения обвиняемым копии такого обвинительного заключения или обвинительного акта либо на предварительном слушании.

Закон устанавливает, что в постановлении о назначении уголовного дела к слушанию судом с участием присяжных заседателей должно быть определено количество кандидатов в присяжные заседатели, которые подлежат вызову в судебное заседание и которых должно быть не менее четырнадцати в верховном суде республики, краевом или областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде и не менее двенадцати в районном суде, гарнизонном военном суде, а также указано, открытым, закрытым или частично закрытым будет судебное заседание. В последнем случае суд должен определить, в какой части будет судебное заседание закрыто. Постановление судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей является окончательным. Последующий отказ подсудимого от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не принимается.

---

[1] См.: *Боровской М.В.* Комментарий к Уголовному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2002. С. 790.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.05.2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // Рос. газ. 2019. 31 мая.

[3] См.: *Трофимов В.О.* Деятельность прокурора на стадии назначения судебного заседания // Адвокат. 2005. № 11. С. 41–43.

[4] См.: *Бозров В.М., Кобяков В.М.* Некоторые процессуальные аспекты назначения судебного заседания и порядка предварительного слушания в суде присяжных // Государство и право. 1996. № 6. С. 19–28.

Э.О. Слива
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
*Научный руководитель: Мрастьева О.С.
доцент, к.ю.н. ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов*

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИСТА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *субсидиарная ответственность выступает специфичным видом ответственности контролирующих должника лиц. Однако современная судебная практика позволяет расширить границы понимания о тех, кто может быть отнесен к таким лицам. Юрист организации-банкрота – новая и спорная ключевая фигура в вопросах субсидиарной ответственности.*

Ключевые слова: *банкротство, субсидиарная ответственность, юрист, арбитражный суд, организация, контролирующие лица.*

Субсидиарной называют дополнительный вид ответственности, который используется для привлечения третьих лиц, в случае невозможности исполнения обязательств со стороны основного должника. В правоприменительной практике вопросы привлечения к такой ответственности вызывают дискуссии на протяжении многих лет. Причиной такой актуальности является крайне специфичная правовая конструкция субсидиарной ответственности и оснований для привлечения к таковой. Современная судебная практика порождает все новые и новые нюансы, расширяет трактовки и приводит к появлению новых прецедентов. Одним из таких уникальных примеров является спор о возможности привлечения юриста организации к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» раскрывает содержание, условия субсидиарной ответственности, определяя ее как универсальный способ защиты интересов кредитора от действия и (или) бездействия контролирующего должника лица[1].

По общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия[2]. При этом законодатель определяет, что осуществлять фактический контроль над должником возможно даже без наличия (отсутствия) формальных признаков аффилированности. Проверка фактов значительности влияния лица, привлекаемого к ответственности, на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника возлагается на судебный орган. При этом, если судом будет установлено, что сделки, существенно изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника. Как показывает судебная практика, к субсидиарной ответственности зачастую привлекаются руководители, директора, финансовые директора, главные бухгалтера. Тем не менее, совсем недавно, участь быть привлеченным к субсидиарной ответственности коснулась и юриста организации-банкрота.

26 сентября 2019 г. апелляция подтвердила арест имущества Татьяны Вотиновой, которую хотят привлечь к субсидиарной ответственности на 23,8 млн руб. за оказание юридических услуг. В деле о несостоятельности «Уральской плодоовощной компании» (№ А76-22330/2018). Этого добивается кредитор банкрота – агрофирма «Комсомольский». Помимо юриста агрофирма хочет привлечь к субсидиарной ответственности руководителя должника Рустама Ларенкова и учредителей Ольгу Сикору и Илью Сикору[3].

В обоснование своей позиции кредитор приводил доводы о том, что юрист фактически является лицом, контролирующим должника-банкрота и разработчиком фиктивного документооборота. Кроме того, по мнению кредитора, юрист занималась правовым сопровождением группы контролирующих должника лиц, представляла в судах их интересы, действия юриста повлекли изменение экономической и юридической судьбы организации-банкрота, чем причинили вред кредитору.

Определением Арбитражного суда Челябинской области от 16.12.2020 г., в удовлетворении требований о привлечении юриста к субсидиарной ответственности отказано. Суд указал, что конкурсный кредитор не привел доказательств, что именно заявленные в качестве оснований для привлечения к субсидиарной ответственности юриста обстоятельства привели к банкротству должника, не предоставил доказательств наличия у указанного лица фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия[4].

Между тем, анализируя выводы суда, а также положения действующего законодательства, совместно с разъяснениями вышестоящих инстанций, вполне обосновано сделать вывод о неопределенности в вопросах возможности привлечения юриста к субсидиарной ответственности.

Согласно первому подходу, юриста организации-банкрота привлечь к субсидиарной ответственности невозможно и нельзя в силу нескольких объективных причин.

Во-первых, профессиональная деятельность юриста (адвоката) в рамках дел о банкротстве осуществляется с целью защиты интересов клиента (доверителя), в роли

[1] См.: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1, ст. 4190.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

[3] См.: Юрист банкрота может попасть под субсидиарную ответственность // Право.Ru. URL: https://pravo.ru/news/214849/ (дата обращения: 14.04.2022).

[4] См.: Определение Арбитражного суда Челябинской области от 16.12.2020 по делу А76-22330/2018.

которого выступает организация-банкрот. Такая профессиональная помощь несомненно может привести к результату, явно не устраивающему оппонента организации – кредиторов.

Во-вторых, как и в любой другой категории дел, кредитор (оппонент) имеет право обжаловать действия стороны, в лице представителя (юриста). Если юрист, оказывающий юридические услуги организации-банкроту явно нарушает действующее законодательство, в том числе уголовное, ответственность за такие действия несомненно должна наступить. Однако рамки этой ответственности не относятся к субсидиарной. Иными словами, юрист (адвокат) должен нести ответственность только за убытки, причиненные его действиями, но ни в коем случае не субсидиарную ответственность за компанию в целом. Иначе теряется весь смысл наличия контролирующих лиц, все сводится к банальному расширению перечня «плательщиков» за должника[1].

Иной, заслуживающей внимания позиции, придерживается председатель МКА «Адвокаты и Бизнес» Дмитрий Штукатуров. Юридическая помощь организации-банкроту рассматривается им через ее базовую природу: как услуга, оказываемая на возмездной основе и обладающая своей спецификой. С одной стороны, отдельно взятый юрист (адвокат) или юридическая компания могут оказывать услуги юридического характера по урегулированию спорных ситуаций с контрагентами, разрешению вопросов с налоговыми органами и иные услуги, направленные на вывод компании из сложной финансовой ситуации. С другой – достаточно часто стали возникать ситуации, когда профессиональные юридические консультанты оказывают потенциальным банкротам полный спектр юридических услуг, фактически направленных на вывод наиболее ликвидных активов и уклонение от погашения требований кредиторов.

В этом случае крайне необходимо произвести «снятие корпоративной вуали» со структуры компаний, что все чаще имеет место в практике судов РФ. Такой консультант в полной мере может рассматриваться как лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности. Рассмотрение этой проблемы указывает на то, что арбитражные суды используют формальный подход (по крайней мере пока) к вопросу определения лица, которое может быть привлечено к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве[2].

Такая позиция по вопросу субсидиарной ответственности юриста кажется более реальной по отношению к сложившейся банкротной практике. Действия юриста (адвоката), которые приводят к сокрытию активов, имущества должника, невозможности погашения требований кредиторов логически подпадают под само правовое значение и цель субсидиарной ответственности – защитить интерес кредитора за счет лиц, по вине которых образована задолженность или недостаточность имущества должника.

Тем не менее, действующее законодательство не содержит правовой конструкции, которая может применяться судами при рассмотрении соответствующей категории споров. Иными словами, даже при наличии в действиях юриста признаков вывода активов должника, субсидиарная ответственность для представителя не наступит. Объясняется это тем, что суды, используя формальный подход, указывают на сложившийся в практике перечень лиц, которых можно признать контролирующими должника. Как указывает Лотфуллин Р.К., лицо признают контролирующим должника не потому, что он являлся родственником, однокурсником или одноклассником руководителя должника, а в связи с представлением суду доказательств определения этим лицом действий должника, в том числе путем дачи соответствующих указаний руководителю[3]. Юрист предприятия-банкрота фактически имеет огромный потенциал влияния на решения, принимаемые руководителем должника, особенно в части вывода активов предприятия. Тем не менее, предоставление таких доказательств влияния суду практически затруднено, а в случае наличия таких доказательств, суды исходят из специфики юридической услуги – защита интересов клиента (доверителя).

В совокупности приведенных позиций, понимается необходимость дополнительного разъяснения судами вышестоящих уровней вопроса расширения круга лиц, которых возможно признать контролирующими должника. Кроме того, такие разъяснения должны учитывать особенности действий широкого перечня таких лиц, круг их возможного влияния на принимаемые решения и специфику участия в жизни предприятия, порядок доказывания влияния лица. Наличие как можно большего числа подобных разъяснений, максимально конкретизирующих особенности отдельных категорий лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, позволит обеспечить справедливую защиту интересов участников дела о банкротстве, установит разумные границы при оказании квалифицированной юридической помощи предприятиям.

Е.Н. Соловьева
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Фомичева Р.В. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДОВЕРИТЕЛЕЙ В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в данной статье автор раскрывает участие адвоката и способы защиты доверителя в упрощенном производстве. Приведена статистика работы арбитражного суда, а также правила, утвержденные Президиумом ВАС.*

[1] См.: Субсидиарка для внештатного юриста // Zakon.ru URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/20/subsidiarka_dlya_vneshtatnogo_yurista (дата обращения: 14.04.2022).

[2] См.: Субсидиарная ответственность юристов: откуда возникают риски // Право.Ru. URL: https://pravo.ru/opinion/236562/ (дата обращения: 15.04.2022).

[3] См.: *Лотфуллин Р.К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: SB&P, 2021.

Ключевые слова: *Адвокат, защита прав, доверитель, упрощенное производство, арбитражный процесс, арбитражный суд*.

Профессионализм представителя в любом процессе определяет квалифицированность специалиста в той или иной деятельности. В случае с арбитражным процессом он обусловлен навыком анализа материальных и нормативных особенностей конкретного судебного спора и в особенностях самого процесса при рассмотрении экономических споров. Эти умения определяют качество судебной защиты[1].

Квалифицированная юридическая помощь важна в том числе и при рассмотрении споров в порядке упрощенного или приказного производства. Особенность адвоката в арбитражном процессе заключается в профессионализме данного вида деятельности.

С 19 марта по 30 апреля 2021 г. арбитражные суды, которые не прекратили работу, проводят заседания только по ограниченному кругу дел. Такие правила утвердили президиумы Верховного суда и Совета судей 18 марта и 8 апреля. Таким образом, суды сейчас откладывают большинство назначенных судебных заседаний. Исключение – дела упрощенного и приказного производства; дела, по которым все лица, участвующие в них, заявили ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие; а также дела безотлагательного характера.

Адвокат обязан определиться с тем, какие непосредственно доказательства ему необходимы, решить то, каким способом возможно приобрести доказательства, которыми он собирается оперировать, какие ещё дополнительные материалы возможно применять с целью доказательства собственной позиции и т.д.

То есть, собиранию доказательств обязан предшествовать целый этап заблаговременной работы с доверителем, что имеет собственные особенности применительно к деятельности адвоката. Сбор доказательств обязан производиться с соблюдением условий законности и морали. При данном адвокатом могут быть выбраны разнообразные варианты методов, из числа каковых более используемыми могут быть: адвокатский запрос; обращение в суд о необходимости истребования доказательств по делу; обращение к суду с ходатайством о судебном поручении.

Такое обращение формируется письменно с конкретизацией доказательств и факторов, мешающих самостоятельному их получению; причин, по которым доверитель полагает, то, что доказательство располагается у этого лица либо компании. Кроме сбора доказательств, адвокату необходимо определить всех очевидцев, которые склонны предоставить сведения в выгоду доверителя. Погрешности при установлении области лиц в процессе могут послужить причиной к затягиванию процесса либо в том числе и последующей отмене судебного решения.

Рассмотрим некоторые способы защиты прав и законных интересов доверителей в упрощенном производстве в их сравнении с общим порядком. Каких-либо особенностей на этапе составления искового заявления, при рассмотрении дела в упрощенном порядке, закон не содержит. Суд самостоятельно решает, в каком порядке рассматривать спор, уже после того, как примет исковое заявление к производству (данный вопрос решается в момент принятия возбуждения производства по иску п. 18 Постановления). В процессе рассмотрения дела адвокат может указать доверителю на возможность просить суд пересчитать размер денежного требования, если возникает такая необходимость.

Суд может пересчитать размер денежной суммы, взыскиваемой в упрощенном порядке, на дату вынесения решения суда, а также на дату фактического исполнения денежного обязательства[2]. Такой пересчет не будет считаться основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам, даже если в ходе пересчета цена иска превысит максимальные пороги для дел упрощенного производства.

Кроме того, адвокат может реализовать возможность выйти из упрощенного производства. Например, путем заявления ходатайства о продлении срока на представление доказательств, о переходе к рассмотрению дела по общим правилам. Профессиональные навыки адвоката позволят наиболее качественно мотивировать ходатайства, которые заявляются в суд: суд их рассмотрит без заседания, и высказать свое мнение устно не получится. Если недостаточно времени, чтобы представить в суд доказательства или необходимо устно донести свою позицию до суда, нужно перейти из упрощенного порядка в обычное исковое производство.

Для этого есть четыре способа.

1. Адвокат по согласованию с доверителем вправе увеличить размер исковых требований, чтобы цена иска стала выше, чем допускает закон. В этих случаях суд должен рассмотреть дело по общим правилам (п. 32 постановления ВС № 10). Этот способ реализуется только со стороны истца.

2. Заявление встречного иска, который нельзя рассмотреть в упрощенном порядке (ч. 5 ст. 227 АПК). Например, если истец взыскивает деньги по договору, адвокат заявляет встречный иск о признании договора недействительным. Данный способ подходит только для ответчика.

3. Адвокат может способствовать, чтобы компания, которая не участвует в деле, вступила в процесс в качестве третьего лица (ч. 5 ст. 227 АПК)[3]. Для этого организации придется заявить ходатайство о вступлении в дело и обосновать заинтересованность в споре. Если суд допустит в дело компанию в качестве третьего лица, то рассмотрит дело по общим правилам. Но указание в исковом заявлении третьих лиц не гарантирует, что суд рассмотрит дело по общим правилам. Суд все равно рассмотрит дело в упрощенном порядке, если обязан это сделать в силу закона (п. 18 постановления ВС № 10).

[1] См.: *Чудиновская Н.А.* Некоторые аспекты участия адвоката в арбитражном процессе // Мудрый юрист. 2014. № 9. С. 22–27.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Российская газета. 2017. № 88.

[3] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 02.12.2019 № 406-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

Стоит учитывать, что, если суд привлекает третье лицо без самостоятельных требований по своей инициативе или по ходатайству стороны, он продолжает рассматривать дело в упрощенном порядке (абз. 2 п. 34 постановления ВС № 10). 4. Заявить ходатайство о переходе к рассмотрению дела по общим правилам. Но перейти в общий порядок, сославшись на выяснение дополнительных обстоятельств, не получится в ситуации, когда нет возможности обосновать, какие именно доказательства необходимо дополнительно исследовать, каких свидетелей опросить, какие существенные обстоятельства дела могут быть установлены в результате исследования этих доказательств. Адвокат, благодаря своим профессиональным знаниям, составит ходатайство таким образом, чтобы суд посчитал его доводы достаточно убедительными для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Посредством обращения за помощью к адвокату доверитель может взыскать судебные расходы, которые были понесены при рассмотрении дела в упрощенном порядке. Но адвокат должен заявить ходатайство до окончания спора. Если он этого не сделает, потребуется заявить ходатайство о вынесении дополнительного решения. Суд разрешит такое ходатайство без вызова сторон (п. 45 постановления ВС № 10).

И.П. Сушкова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Шугурова И.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРЫХ ВОЗНИКАЕТ ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕД

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы, касаемые видов деятельности, посредством которых возникает трансграничный экологический вред. Предлагаются меры, направленные на минимизацию возможностей причинения такого вреда.*

Ключевые слова: *трансграничный экологический вред, деятельность, виды.*

Вопросы ответственности за причинение трансграничного экологического вреда достаточно регламентированы на международно-правовом уровне. Сегодня нельзя не заметить необходимость развития механизма защиты окружающей среды в целом и отдельных экологических систем. Страны мира имеют суверенитет по отношению к ресурсам природы, которые располагаются в их границах, и, чаще всего, государство ставит в приоритет развитие промышленности нежели защиту экологии. Актуальна на сегодня проблема, заключающаяся в том, что для различных государств остается затруднительным установление степени опасности последствий, наступление которых возможно при осуществлении какой-либо деятельности. Поэтому вопросы, связанные с этой проблемой, представляется необходимым поднимать.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2013 г. № 68/114 сказано, что «вопросы предотвращения трансграничного ущерба от опасных видов деятельности… имеют огромное значение в отношениях между государствами»[1]. Наибольшее число таких «опасных видов деятельности» относится к видам экономической деятельности, по поводу которой разные страны создают международные экономические отношения, регулируемые нормами международного и экономического права.

Правовой режим объектов, которым трансграничный экологический ущерб может быть причинен, установлен как нормами международного экологического права, так и нормами международного экономического права. К ним относятся ресурсы природной окружающей среды, включая те, которые разделяются разными странами, и экосистема в целом, в том числе космическое пространство. Хочется привести слова М.Н. Копылова: «высокая степень экологической взаимозависимости государств как внутри отдельных регионов, так и между ними, взаимозависимости ресурсов природной среды приводит к быстрому перерастанию многих национальных экологических проблем в международные: региональные или универсальные. А возможность переноса загрязнения на большие расстояния от источников загрязнения вместе с дороговизной программ по охране окружающей среды делают практически невозможным решение экологических проблем силами одного государства»[2].

Видов деятельности, в результате осуществления которых может возникнуть трансграничный экологический вред, большое множество. Среди них: использование воздушного пространства, ядерная деятельность, промышленная деятельность, использование экономически важных ресурсов, связь, радиотелевещание и др.[3] Причинение трансграничного экологического ущерба может стать результатом любой экономической деятельности, последствия которой могут нанести вред здоровью и жизни людей, условиям жизни человека и любому объекту природы.

Ущерб, наносимый в результате деятельности, проводимой за границами юрисдикции или контроля государства, которое осуществляло эту деятельность, делится на три категории по степени тяжести:

1) незначительный ущерб, не требующий выплаты компенсаций;

2) нетерпимый ущерб;

[1] См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2013 г. № 68/114. Рассмотрение вопроса о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности и распределении убытков в случае такого вреда. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35436568 (дата обращения: 15.04.2022).

[2] См.: *Копылов М.Н.* Введение в международное экологическое право. М.: РУДН, 2007. С. 7–8.

[3] См.: *Боклан Д.С.* Виды деятельности, влекущие причинение трансграничного ущерба окружающей среды // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. М.: Современная экономика и право, 2004. № 1. С. 38.

3) совершенно нетерпимый ущерб, имеющий катастрофический характер[1].

Границы данных трех категорий ущерба установить чрезвычайно сложно. Если деятельностью причиняется вред, относящейся к третьей категории, то как правило, такие виды деятельности ставятся под запрет. Для того, чтобы отнести причиненный ущерб ко второй категории при оценке деятельности, которая к нему привела, и самого ущерба применяются концепции добрососедства, должной осмотрительности, принципов равенства и т.д.[2] Трансграничный экологический вред может быть нанесен, как путем действий, так и бездействия.

Трансграничный экологический вред может быть нанесен двумя типами деятельности:

1) деятельность, которой вред причиняется непредвиденно, из-за каких-либо неожиданных событий;

2) деятельность, которой вред причиняется в ходе ее обычного осуществления.

При этом вред может быть причинен деятельностью, которая:

1) изначально связана с рисками причинения такого вреда;

2) при обычных условиях не связана с риском.

В любом случае к нанесению вреда ведут два обстоятельства: неправомерное деяние либо форс-мажор. Соответственно применяются правовые нормы либо устанавливающие ответственность за неправомерные деяния, либо касающиеся форс-мажорных обстоятельств.

Любые виды деятельности, которые связаны с риском причинения вреда окружающей среде, могут быть признаны законными лишь при соблюдении минимально двух условий:

- принятие всех необходимых мер с целью предотвращения либо минимизации рисков нанесения вреда окружающей среде в результате осуществления деятельности;
- вред, нанесенный деятельностью, должен быть полностью возмещен.

Нельзя не учесть факт, что сегодня достаточно большое число видов деятельности может нести за собой большое число случаев возникновения трансграничного экологического ущерба с самыми разными последствиями: смерти, травмы, материальный ущерб и т.д.

Мы полагаем, что есть несколько вариантов решения рассматриваемой проблемы:

- расширить круг запрещенных видов деятельности;
- установить возможность возмещать причиненный ущерб по месту его возникновения;
- развивать правовое регулирование безопасности осуществления отдельных видов деятельности.

[1] См.: *Боклан Д.С.* Трансграничный ущерб окружающей природной среде от опасных видов деятельности: Международно-правовые основы предотвращения и ответственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 55.

[2] См.: *Бухаева А.А., Сагадиев А.Н., Жамбаев Е.С.* Понятие трансграничного экологического вреда и история развития вопроса // Наука и реальность. 2022. № 1 (9). С. 103.

В.И. Тарасов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Казакова С.П.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ДЕЛАМ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: *в настоящей статье исследуются особенности рассмотрения споров, связанных с объектами интеллектуальной собственности. Автор акцентирует внимание на следующих вопросах: специфика процедуры разрешения споров, роль Суда по интеллектуальным правам, возможность обращения к процедуре медиации. Освещается вопрос обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации.*

Ключевые слова: *Суд по интеллектуальным правам, интеллектуальная собственность, споры по интеллектуальным правам.*

Информация и знания в глобальном информационном обществе стали основными стратегическими продуктами и средствами создания материального блага. В новой экономике возрастает роль инноваций, творческого труда, интеллектуальной собственности, информационных продуктов. В данных условиях важным становится вопрос защиты прав интеллектуальной собственности (далее – ИС).

Споры по делам об ИС создают определенные трудности для традиционной судебной системы. Отчасти это связано с природой самой ИС. С одной стороны, право ИС становится все более специализированной и узкотехнической областью, с другой – одна и та же работа, один результат интеллектуальной деятельности может содержать несколько различных прав ИС. Каждое из этих прав может находиться в отдельной собственности и, в свою очередь, может быть лицензировано или передано, полностью или частично, другому физическому или юридическому лицу. Это обстоятельство несколько затрудняет процедуру защиты, т.к. данная категория дел отличается наличием двух основных порядков рассмотрения споров: судебного и административного. Более подробно об этом будет сказано далее.

Учитывая специфику споров, связанных с защитой интеллектуальных прав, в 2013 г. был создан специализированный Суд по интеллектуальным правам[3] (далее – СИП). Перечень дел, рассматриваемых СИП, является открытым. Такое решение законодателя, с одной стороны, вполне очевидно, т.к. постоянный прогресс в области информационных технологий способствует появлению все новых результатов творческой деятельности. С другой же

[3] См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» от 08.12.2011 № 422-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122976/ (дата обращения: 31.03.2022).

стороны, учеными-правоведами справедливо отмечается, что такой подход неэффективен и вызывает коллизии компетенций, в частности, специализированного суда и арбитражных судов субъектов по первой инстанции.

Основная сложность споров об ИС, как уже было отмечено, состоит в необходимости глубоких познаний в технических областях. Несмотря на это, судьи СИП, как правило, дополнительной квалификацией не обладают, что в разы усложняет работу адвокатам, иным представителям сторон (изъясняться с человеком, который в достаточной мере владеет информацией по спорному вопросу, легче, чем с человеком, не знающим, о чем идет речь). Конечно, как СИП, так и любые иные арбитражные суды могут привлекать специалистов с целью дачи консультаций и разъяснений по специальным вопросам[1]. Однако эффективность судебной защиты интеллектуальных прав зависит именно от профессионализма судейского корпуса. В действующем же законодательстве владение кандидатом на должность судьи СИП специальными знаниями признается желательным, но не обязательным[2]. Стоит заметить, что судьи иностранных судов, специализирующиеся на разрешении интеллектуальных споров, либо обладают дополнительной квалификацией; либо сама процедура разрешения спора предусматривает обязательное участие судьи-эксперта (так, например, рассматриваются дела в Федеральном патентном суде Германии)[3].

Еще одной особенностью ряда категорий данных споров является обязательное прохождение административного порядка (например, в делах об оспаривании решения о выдаче патента на изобретение, об отказе в его выдаче, о признании патента недействительным; оспаривание решение по заявке на товарный знак и пр.). Функции административной защиты выполняет Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Роспатент регистрирует товарные знаки, выдает патенты на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Спорами, связанными с защитой ИС, занимается Федеральное государственное учреждение «Палата по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам». Споры в сфере недобросовестной конкуренции, которая может выражаться, в частности, в незаконном использовании результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, в создании смешения и др.[4] разрешаются ФАС – Федеральной антимонопольной службой России.

Обращаться в суд без предварительного прохождения административной процедуры (когда такая процедура обязательна) нельзя: подача искового заявления в таком случае повлечет его возврат. Так, если лицо хочет прекратить охрану чьего-либо товарного знака вследствие его неиспользования, то это лицо может обратиться исключительно в Суд по интеллектуальным правам. Если же лицо хочет прекратить охрану чужого товарного знака, который нарушает его право, тогда лицо обращается в Палату по патентным спорам. Это расщепление дел создает трудности для субъектов при определении подведомственности споров[5]. Любая ошибка заявителей оборачивается необоснованными затратами времени как самих заявителей, так и государственных служащих. Относительно данной проблемы в литературе высказывается мнение о необходимости наделения административных органов компетенцией по передаче дел по подведомственности в суд и наоборот[6].

Несмотря на обязательность административного порядка, для полного восстановления нарушенного права в любом случае необходимо обращение в суд, в особенности, в Суд по интеллектуальным правам. СИП выступает в двух ипостасях: в качестве суда первой инстанции и в качестве суда кассационной инстанции.

Две самые часто встречающиеся категории споров, когда СИП выступает в качестве суда первой инстанции, – оспаривание различных решений, вынесенных Роспатентом или Палаты по патентным спорам (и в данном случае роль СИП в некоторой степени контрольная); споры о неиспользовании товарного знака. В качестве кассационной инстанции СИП рассматривает фактически все споры о нарушениях, которые приходят из нижестоящих судов. Также, в структуре СИП действует Президиум, который рассматривает в качестве кассационной инстанции все споры, которые были ранее рассмотрены СИП в качестве суда по первой инстанции.

Суд безусловно является основной формой защиты прав. Это устанавливает и ст. 46 Конституции РФ[7], и ч. 1 ст. 1248 ГК РФ: «споры, связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, рассматриваются и разрешаются судом (пункт 1 статьи 11)»[8]. Однако это ни в коей мере не умаляет важности административной процедуры.

Далее, поскольку ИС в настоящее время рассматривается как важнейший бизнес-актив, используемый, в том числе, на международном уровне, страны, организации внутри страны все чаще ищут механизмы разрешения споров, соответствующие их бизнес-требованиям: частные процедуры, которые обеспечивали бы эффектив-

---

[1] См.: п. 2 Постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 59 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием Федерального закона от 08.12.2011 № 422-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам"». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70148430/ (дата обращения: 31.03.2022).

[2] См.: *Михайлов С.М., Михайлов Л.* Владение специальными знаниями как гарантия независимости судей Суда по интеллектуальным правам // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5 (54). С. 174.

[3] См.: *Казанбиева М.А.* Суд по интеллектуальным правам как орган, разрешающий интеллектуальные споры // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. 2019. С. 334.

[4] См.: ст. 14.4–14.7 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 01.04.2022).

[5] См.: *Рудакова О.В.* Юрисдикционные формы рассмотрения дел по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2021. № 1 (25). С. 15.

[6] См.: Там же.

[7] См.: ст. 46 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.04.2022).

[8] См.: ст. 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d2dcd2977e647a08c6f2a264994c10c8b51bee1a/ (дата обращения: 01.04.2022).

ные, гибкие и менее затратные способы урегулирования международных споров без нарушения коммерческих отношений. Сложность споров и их растущее число побудили стороны использовать медиацию, альтернативный процесс разрешения споров, вместо обращения к традиционному порядку разбирательства в суде. При этом число споров, переданных на рассмотрение медиатору, остается достаточно низким. Основными факторами, препятствующими распространению медиации, выступают: убеждение сторон и их представителей в том, что медиация в принципе не может быть пригодной для спора, где финансовые ставки слишком высоки; недоверие к самому процессу медиации.

Еще одна особенность связана с правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Так, обращение взыскания на исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации регулируется патентным правом – главой 72 ГК РФ. В данной сфере ограничением является запрет обращения взыскания на исключительное право на секретное изобретение, что объясняется природой секретных сведений – они имеют ценность именно в силу неизвестности третьим лицам[1]. При этом вызывает сомнения возможность обращения взыскания на такой объект как исключительное право на секрет производства (ноу-хау), поскольку согласно ст. 1465 Гражданского кодекса РФ, ноу-хау, как и секретное изобретение, обладает коммерческой ценностью в силу неизвестности и недоступности третьим лицам[2]. Не ясно, какой должна быть процедура обращения взыскания на данный объект, в том числе, процесс его реализации посредством торгов, чтобы секрет производства не утратил свою стоимость или имущественное право вовсе не было прекращено.

Отдельное внимание стоит уделить обращению взыскания на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. В соответствии с Гражданским кодексом РФ к ним, помимо товарных знаков и знаков обслуживания, относятся фирменные наименования, коммерческие обозначения, наименования мест происхождения товаров[3]. Согласно информации официального сайта Федеральной службы судебных приставов, обращение взыскания на товарные знаки и знаки обслуживания не является распространенной мерой принудительного исполнения, однако используется нередко. И если возможность обращения взыскания на товарные знаки и знаки обслуживания не вызывает сомнений, нельзя сказать того же о фирменных наименованиях. Согласно п. 2 ст. 1474 Гражданского кодекса РФ не допускается распоряжение исключительным правом на фирменное наименование, в том числе путем его отчуждения или предоставления иным лицам права его использования. Кроме того, невозможность обращения взыскания на фирменное наименование обусловлена его правовой природой. В соответствии с действующим законодательством России фирменное наименование должно быть у каждого хозяйствующего субъекта, оно должно быть неизменным и содержать отличительные признаки, не допускающие смешения с другими участниками правовых отношений, что указывает на личный, неимущественный характер данного права. Однако практика наложения ареста на фирменное наименование должника-организации есть, например, в Оренбургской области. При этом должником постановление судебного пристава-исполнителя было обжаловано в суд, но оно признано законным и обоснованным[4].

Таким образом, в работе были проанализированы некоторые особенности рассмотрения споров по делам об интеллектуальной собственности; выявлены проблемы, связанные со спецификой рассмотрения данной категории споров.

[1] См.: Там же, ст. 1405.

[2] См.: ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d2dcd2977e647a08c6f2a264994c10c8b51bee1a/ (дата обращения: 1.04.2022).

[3] См.: Там же, гл. 76.

[4] См.: Официальный сайт Управления Федеральной службы судебных приставов по Оренбургской области. Обращение взыскания на интеллектуальную собственность. URL: https://r56.fssprus.ru/Organizat6/ (дата обращения: 02.04.2022).

А.Д. Тареева, И.А. Балдина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Привалов С.А. преподаватель ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в статье исследуются вопросы, связанные с переходом осуществления выборов в электронную среду и возможностью граждан реализовать избирательные права, используя дистанционное голосование. Исследуются проблемные моменты дистанционного голосования. Делается вывод о необходимости исследования института дистанционного голосования на практике в целях совершенствования действующего законодательства.*

Ключевые слова: *избирательные права граждан, избирательная кампания, дистанционное электронное голосование, избирательное законодательство.*

Одной из важных гарантий функционирования правового государства является качественная реализация избирательных прав граждан. Представляется, что законодательство в этой области постоянно претерпевает изменения в связи со стремительно изменяющими общественными отношениями, инновациями, цифровизацией. Так, в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах и для обеспечения избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации при проведении дистанционного электронного голосования 14 марта 2022 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 60-ФЗ «О внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации» (Далее – Закон)[1].

Среди основных положений Закона выделяется: ликвидация института членов участковых и территориальных избиркомов с правом совещательного голоса, возможность укрупнения избирательных участков, а также уточнение обязанностей кандидатов-иноагентов и ужесточение ценза судимости для лиц, совершивших экстремистские преступления.

Большое значение для принятия Закона имели практические наработки проведенного эксперимента по внедрению дистанционной формы голосования за прошедшие 3 г. Анализ избирательных компаний показал преимущества и недостатки электронного голосования в отдельных регионах. На основе имеющихся данных были разработаны принципы и параметры унифицированные для всей территории России.

Останавливаясь более подробно на внесенных изменениях, необходимо отметить сокращение числа членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса для регионального и федерального уровня. В то же время возрастает возможное количество наблюдателей с двух до трех. Так, количественное изменение состава названных субъектов избирательного процесса объясняется дублированием их полномочий.

Кроме того, ужесточились требования к кандидатам-иноагентам, в частности, агитационные материалы должны содержать сведения о кандидате иноагенте. Все иноагенты внесены в созданный единый реестр, который включает в себя работников НКО-иноагентов, учредителей и СМИ-иноагентов.

Среди проблемных норм анализируемого законопроекта можно назвать укрупнение избирательных участков. Это создаст трудности наблюдателям в день голосования: избирательный участок увеличился, а количество наблюдателей останется прежним. По нашему мнению, такое увеличение наблюдателей недостаточно для адекватного выполнения возложенных на них функций. Недостаток наблюдателей затруднит процесс осуществления контроля за проведением выборов. Таким образом, по мнению специалистов, отсутствие членов УИК с правом совещательного голоса при укрупнении участков создаст возможность злоупотреблений со стороны недобросовестных избирателей[2].

Другой проблемой, касающейся дистанционного голосования, является отсутствие четкой регламентации сроков подачи заявления на голосование, порядок аутентификации, установления итогов и системы наблюдения.

Так, например, на практике особо актуален вопрос идентификации избирателя при проведении дистанционного голосования. Недостаточно разработан процесс идентификации избирателя в системе обеспечения такого принципа как тайна голосования, поскольку необходимо осуществление авторизации на специальном портале в Личном кабинете. Как указал Верховный Суд РФ, рассматривая аналогичный вопрос в одном из своих заседаний, не допускается возможность взаимоувязки персональных данных избирателя и результата его волеизъявления в целях последующей идентификации избирателя. Тем не менее, как указала коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в апелляционном определении от 06.08.2019 № 5-АПА19-93, экспериментальные выборы, проведенные в Москве с использованием дистанционных технологий, соответствуют требованиям законодательства[3].

Однако, на наш взгляд, необходимо разработать полную систему правового регулирования дистанционного голосования для всей Российской Федерации.

Представляется, что рассматриваемый Закон действительно расширяет возможности наблюдения за выборами, по сравнению с имевшимся механизмом. Устранение института членов комиссии с правом совещательного голоса целесообразно в связи с появление общественных наблюдателей. На сегодняшний день, они выполняют функцию наблюдения, представляя собой квалифицированных, обученных граждан, без политических предпочтений.

Практика работы в области наблюдения показывает, что наблюдение на уровне территориальных комиссий обеспечит надежный контроль за поступлением из участковых комиссий протоколов об итогах голосования, при этом права наблюдателей существенно расширяются

Дистанционное электронное голосование имеет положительный и эффективный опыт применения в регионах. Риски относительно сложности осуществления контроля, в том числе и со стороны общественности, частично устранены в новом Законе. В свою очередь, можно сказать, что и законодатель и ЦИК признают важность общественного наблюдения. В этом ключе, актуально наблюдение в территориальных и иных вышестоящих комиссиях.

Особенно актуально то, что на данный момент видна тенденция к принятию мер, направленных на исключение вмешательства в электронное голосование извне. Несмотря на постоянные атаки на электронные государственные сервисы, в том числе Госуслуги, отечественные IT-специалисты справляются с вызовами и обеспечивают безопасность в цифровой сфере, в том числе обеспечении невмешательства в голосовании в электронном формате.

Говоря об изменении порядка формирования комиссий отмечается, что последние 2–3 избирательных цикла доказали, что ряд институтов избирательной системы являются рудиментами. Наблюдается дублирование полномочий членов комиссии с правом совещательного голоса с наблюдателями. Институт членов комиссии с правом совещательного голоса задумывался в тот момент, когда в российском законодательстве отсутствовала норма об общественном наблюдении. Сейчас же на участке в день голосования члены комиссии с правом совеща-

[1] См.: Федеральный закон от 14 марта 2022 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 12, ст. 1787.

[2] См.: Эксперты отмечают, что поправки в законопроект о ДЭГ расширяют возможности наблюдения // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/election_right_news/20220310/307784869.html (дата обращения: 25.04.2022).

[3] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2019 № 5-АПА19-93 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06082019-n-5-apa19-93/ (дата обращения: 25.04.2022).

тельного голоса могут использоваться для манипуляций и провокаций.

Ещё одним важным дополнением, призванным защитить чистоту процедуры голосования, стала законная возможность направлять наблюдателей не только на участки для голосования, но и на уровне территориальных комиссий.

«Данная норма значительно расширяет возможности наблюдения, в том числе общественных наблюдателей, и обеспечит надежный контроль за поступлением из участковых комиссий протоколов об итогах голосования. Собственно, ранее именно это звено многие эксперты называли «ахиллесовой пятой» наблюдения за избирательным процессом. Примечательно, что в поддержку этого решения всегда высказывались ведущие эксперты НОМ и наши чаяния оказались услышаны»[1], – высказался руководитель Аппарата «Ассоциация юристов России» Бибаров-Государев.

Таким образом, принятый Закон имеет свои преимущества и недостатки, которые еще предстоит проанализировать и найти способы реализации на практике. Сегодняшние реалии диктуют необходимость создания дополнительных возможностей и гарантий реализации избирательных прав граждан, в том числе, посредством сети Интернет. Однако не стоит забывать, что попытки изменить существующие нормы о выборах могут привести к делегитимизации результатов голосования, а также нарушить избирательные права граждан. Только гарантированно качественный механизм избирательных технологий, а также эффективная работа по совершенствованию правового регулирования может обеспечить законность избирательного процесса.

М.И. Темуркаев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Соболева Ю.А.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) МИНЮСТА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *Минюст России осуществляет функции по контролю (надзору) в отношении некоммерческих организаций. Предметом осуществления проверки является соблюдение некоммерческими организациями законодательства РФ и соответствие их деятельности уставным целям. В условиях цифровой трансформации особый интерес вызывает внедрение современных технологий в сферу осуществления контроля (надзора) органами юстиции в отношении некоммерческих организаций.*

Ключевые слова: *контроль, надзор, органы юстиции, цифровизация, некоммерческие организации.*

В настоящее время внедрение в сферу осуществления государственного контроля (надзора) органов исполнительной власти в том числе Минюста России, современных технологий и информационных систем, а также осуществление данных функций в дистанционных и других новых формах является актуальным.

Согласно Указу Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»[2], в качестве стратегической цели обозначена цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности.

Принятие Приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности», положило начало совершенствованию сфере контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти в том числе, Минюста России. Данная программа была разработана по результат работы заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. В паспорте данной программы которое утверждено указанным советом, говорится, что Минюст России выступает в качестве одного из исполнителей мероприятий по ее реализации.

В Ведомственной программе цифровой трансформации Минюста России в качестве основной задачи обозначена, разработка и ввод в эксплуатацию федеральной государственной информационной системы реализации полномочий и функций Минюста России до 2023 г., через объединение функциональности существующих систем.

В Федеральном законе от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[3] содержатся нормы, регулирующие общие положения осуществления контроля за соблюдением некоммерческими организациями требований законодательства и целей, предусмотренных в их учредительных документах. Постановлением Правительства РФ от 11.07.2012 г. № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций»[4] определены цели и формы осуществляемого Минюстом России федерального государственного надзора в отношении некоммерческих организаций.

Однако проведенный анализ, показывает несогласованность указанных нормативно-правовых актов, в сфере регулирования вопросов контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций. Важность и необходимость дальнейшего совершенствования нормативной основы реализации Минюстом

[1] См.: Новые поправки вводят законодательную возможность направлять наблюдателей не только на участки, но и на уровень территориальных комиссий // Независимый общественный мониторинг. URL: https://nom24.ru/info/events/novye-popravki-vvodyat-zakonodatelnuyu-vozmozhnost-napravlyat-nablyudateley-ne-tolko-na-uchastki-no-/ (дата обращения: 25.04.2022).

[2] См.: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (с изм. и доп. от 30.10.2018) // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

[3] См.: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп. от 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145.

[4] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 11.07.2012 № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» (с изм. и доп. от 23.12.2014) // СЗ РФ. 2012. № 29, ст. 4130.

России функций контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций, путем определения принципов их организации и осуществления, а также расширения видов контроля для повышения его эффективности является очевидным.

В юридической литературе широко обсуждаются проблемы внедрения новых цифровых технологий в сферу осуществления государственного контроля (надзора) органов исполнительной власти, в том числе Минюста России.

К ним относятся следующие аспекты: несовершенство нормативной правовой основы для внедрения цифровых технологий в сферу осуществления государственного контроля (надзора) органов юстиции, отсутствие необходимой кадровой укомплектованности для работы с цифровыми технологиями, а также практические проблемы, возникающие при осуществлении проверок, анализе отчетов и т.д. Данные вопросы требуют исследования учеными-административистами.

Повышение эффективности контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций, напрямую зависит от последовательного устранения проблем существующих в данной сфере, в частности касающихся законодательного регулирования, которые в совокупности создают проблемы в правоприменительной практике органов юстиции.

Как отмечает Ю.В. Соболева, формирование информационного пространства позволяет обеспечить права граждан на достоверную, объективную, безопасную информацию, а также создание необходимых условий для удовлетворения их потребностей[1].

По мнению Е.В. Холодной, информационно-коммуникационные технологии в современной России стали частью управленческих систем во всех отраслях и сферах государственного управления, обеспечения безопасности и правопорядка[2].

В свою очередь Ю.Н. Мильшин, считает, что в современный период созданы все предпосылки для того, чтобы вывести контрольную деятельность органов публичной власти на качественно новый уровень, расширяя дистанционные методы контроля[3].

В публичном управлении цифровая трансформация должна обеспечить эффективное проведение мероприятий по использованию информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти[4].

Таким образом законодательство регулирующее осуществление контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций требует совершенствования с учетом тенденций цифровой трансформация контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти, в том числе Минюста России, что является важным и необходимым условием для повышения качества и эффективности осуществления функций государственного контроля (надзора).

Внедрение цифровых технологий в сферу осуществления контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций является актуальным с учетом стратегических задач, которые ставятся перед органами исполнительной власти по цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности.

[1] См.: *Соболева Ю.В.* Цифровизация и принцип гласности в деятельности негосударственных организаций, наделенных публичными полномочиями // Международная научно-практическая конференция: сб. науч. труд. / под ред. Н.Н. Ковалевой. Саратов, 2019. С. 163.

[2] См.: *Холодная Е.В.* О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 193.

[3] См.: *Мильшин Ю.Н.* Цифровизация как важный инструмент контрольно-надзорной деятельности органов публичной власти // Взаимодействие власти, бизнеса и общества при формировании информационно-коммуникативной культуры граждан: материалы XIV Международной научно-практической конференции. Саратов, 2021. С. 153.

[4] См.: *Мартынов А.В.* Влияние цифровой трансформации на контрольно-надзорную деятельность органов исполнительной власти // Международная научно-практическая конференция памяти В.М. Манохина: сб. науч. труд. / под общ. ред. А.Ю. Соколова. Саратов, 2021. С. 32–56.

[5] См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.04.2022).

[6] См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изм. и доп.).

А.В. Тетнева, А.Д. Коновалова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Изварина Ю.Ю.
Старший преподаватель ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В РФ

Аннотация: *институт семьи является главным ориентиром социальной политики в Российской Федерации. Право граждан, имеющих детей, на социальное обеспечение является конституционным, поскольку ст. 39 Конституции РФ определяет гарантию защиты материнства и детства со стороны государства, в том числе осуществление социальное обеспечение.*

Ключевые слова: *институт семьи, социальное обеспечение, гарантии защиты.*

Институт семьи является главным ориентиром социальной политики в Российской Федерации. Право граждан, имеющих детей, на социальное обеспечение является конституционным, поскольку ст. 39 Конституции РФ определяет гарантию защиты материнства и детства со стороны государства, в том числе осуществление социальное обеспечение[5]. Данный конституционный принцип нашел свое закрепление в Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ, который направлен на создание социально-экономических, политико-правовых условий для реализации прав, свобод и интересов детей для подготовки их к полноценной жизни[6]. Государственная программа, отметившая, что 2018–2027 гг. является Десятилетием детства, определила направление по формированию и улучшению положения детей в стране. Пре-

зидентом РФ в 2018 г. были поставлены цели по двукратному снижению уровня бедности населения до 2024 г. и обеспечению устойчивого естественного роста численности населения России, в том числе за счет увеличения суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 рождения в расчете на одну женщину репродуктивного возраста к 2024 г.

Вместе с тем, нельзя не упомянуть о проблемах, вызванные дисбалансом в законодательстве о социальном обеспечении, поскольку по нормам Конституции РФ социальная защита, включая социальное обеспечение, относится к предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Государственная социальная политика на федеральном уровне определяет предоставление отдельных видов пособий на воспитание детей, т.е закрепляет непосредственную основу осуществления права на социальное обеспечение семей с детьми, а само социальное обслуживание его виды, формы регламентируются законодательством субъектов РФ. Поскольку на федеральном уровне отсутствуют требования о качестве предоставляемых регионами социальных услуг, это в последствие приводит к снижению уровня социального обеспечения как населения в целом, проживающего на территории конкретного субъекта РФ, так и в особенности семей с детьми, считающимися наиболее уязвимыми социальными группами[1].

Также остается неясным вопрос об определении целей предоставления социального обеспечения семьям с детьми, поскольку на федеральном уровне данного закрепления нет, а на региональном отсутствует четкая формулировка[2]. Так, Закон Курской обл. от 10.12.2008 № 108-ЗКО «О государственной поддержке семей, имеющих детей, в Курской области» содержит формулировку цели – создание условий, обеспечивающих семьям, имеющим детей, достойную жизнь; Закон Московской обл. от 12.01.2006 № 1/2006-03 «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области» содержит формулировку цели – повышение качества жизни и улучшение жизнедеятельности семьи и детей. Данные формулировки целей носят абстрактный характер, поскольку отсутствует единый ориентир деятельности компетентных органов в данной сфере, что в дальнейшем может привести к реализации масштабных мероприятий, требующих нецелесообразных денежных затрат из бюджетной системы РФ.

По нашему мнению, данную проблему можно решить только путем внесения определенных рекомендаций по совершенствованию системы социальной защиты семьи, в том числе положений нормативных правовых актов РФ и субъектов РФ, определяющих правовые механизмы обеспечения мер социальной поддержки семей с детьми в РФ.

Еще важным вопросом, на наш взгляд, является проблема привлечения средств материнского капитала для приобретения жилья. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми» предусматривает материнский (семейный) капитал как меру социальной поддержки, направленную на улучшение благосостояния семей с детьми. Реализация семьями с детьми данного права подразумевает использование услуг риелторов, кредитных организаций, при этом часть денежных средств, выделенных семье, окажется по итогу у посредника. При этом механизм, предусмотренный законом, и ограниченное количество областей расходов затрудняют использование средств материнского капитала. Хотелось бы обратиться к конкретному примеру из судебной практики, который наглядно показывает, что далеко не любую недвижимость, предложенную на отечественном рынке жилья, можно приобрести за счет средств из материнского капитала, т.к. данное жилье должно соответствовать определенным требованиям.

Жительница Архангельска подала исковое заявление в районный суд с требованиями о признании незаконности отказа Пенсионного форма в оплате суммы из материнского капитала по договору купли-продажи жилого помещения. При этом органы опеки настаивали на том, что покупка такой недвижимости в собственность детей является нецелесообразной по причине чрезмерной изношенности жилья. В суде женщина указала на то, что, по ее мнению, ей удалось найти вполне приемлемое жилье, но сделка не состоялась по той причине, что чиновники отказали в предоставлении материнского капитала по причине износа постройки более 65 %. Управление Пенсионного фонда, пытаясь обосновать свой отказ в переводе средств, решило сослаться на два основных документа – это Федеральный закон № 256-ФЗ, а также ответ местного органа опеки, который и указывал на невозможность оформления общей собственности детей на эту недвижимость по причине ее чрезмерного износа. Несмотря на все эти аргументы, районный суд удовлетворил исковые требования жительницы Архангельска, указав на то, что, несмотря на возраст этой постройки, имущество не признано аварийным, а раз семья получила новую комнату, это явно положительно сказалось на ее жилищных условиях. Более резко районный суд ответил органам опеки, указав на то, что их компетенция не включает в себя возможность определения факта пригодности помещения для проживания людей. Однако сотрудники Пенсионного фонда обратились с жалобой в Верховный суд, который указал на то, что вынесение подобных решений представляет собой значительное нарушение действующих норм материальных прав[3]. Выдача материнского капитала осуществляется для улучшения условий жизни, чем не заинтересовались местные суды, хотя органы опеки указали на то, что после обследования этого жилья можно сказать об отсутствии улучшения жизненных условий детей в случае его приобретения.

На наш взгляд, данную проблему можно решить путем расширения направлений использования материнского капитала. Например, семьям с низким доходом, данный

[1] См.: *Филиппова М.В. и др.* Право социального обеспечения : учебник и практикум для среднего профессионального образования / под ред. М.В. Филипповой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. URL: https://urait.ru/bcode/491070 (дата обращения: 19.04.2022).

[2] См.: О единовременной выплате семьям, имеющим детей: Указ Президента Российской Федерации от 23.06.2020 № 412 // Президент РФ: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45618 (дата обращения: 19.04.2022).

[3] См.: Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2016/12/27/verhovnyj-sud-zapretil-tratit-matkapital-na-nekotorye-vidy-zhilia.html

материнский капитал было бы целесообразнее реализовать путем капитального ремонта жилья, на случай, если оно у них уже есть. Несомненно, требуется разработать долгосрочную научно-обоснованную стратегию развития социального обеспечения, которая отвечает, прежде всего, интересам семьи и детей.

Руководствуясь вышесказанным, хотелось бы сделать вывод о том, что на данный момент в РФ разработана достаточно развитая система социального обеспечения семей с детьми, осуществляемая в четырех основных формах: в денежном выражении, включая оплату наличными, льготы, скидки и компенсации; в виде товара; в форме услуг или преимуществ при их предоставлении; в форме морального поощрения. Однако основные положения российских законно в данной сфере не работают в полной мере, поэтому ситуация с защитой права социального обеспечения семей с детьми остается до конца не урегулирована.

А.С. Тимофеев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Кобзева Е.В.
к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация: *в статье приведен краткий историко-правовой и сравнительно-исторический анализ становления и эволюции отсрочки отбывания наказания в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном праве. Обращено внимание на изменение содержания данного правового института под влиянием различных исторических условий, а также по мере развития научной мысли.*

Ключевые слова: *уголовное право, отсрочка отбывания наказания, отсрочка исполнения приговора, институт отсрочки, уголовное наказание.*

Понимание сущности любого уголовно-правового института требует обращения к отечественному опыту его становления и развития. Первые упоминания об отсрочке имели место в XVII в. и касались исполнения наказания в виде смертной казни. Указ царя Михаила Федоровича 1637 г. предписывал откладывать беременным женщинам наказание в виде казни «на шесть недель по разрешении от бремени»[1]. Согласно Соборному Уложению 1649 г. применение отсрочки исполнения смертной казни было возможно в отношении беременных женщин – до момента разрешения от бремени (ст. 15 гл. XXII), а также лиц, совершивших хищения – до истечения шести недель (ст. 34 гл. XXI)[2]. Соответствующие нормы носили разнонаправленный характер, поскольку, с одной стороны, обеспечивали сохранение жизни ни в чем не повинному ребёнку, а с другой – усиливали собой эффект смертной казни, продлевали страдания лиц, совершивших хищения и осуждённых к данному виду наказания, требуя от них в течение отсроченного времени душевного покаяния.

Более чётко и конкретно норма об отсрочке отбывания наказания была сформулирована в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.[3], ст. 959 которого признавала основанием для отсрочки исполнения приговора болезнь осужденного, препятствующую отбыванию наказания. Таким образом, этим документом устанавливалось изъятие из общего правила об исполнении приговора, отсрочивавшее его вплоть до момента выздоровления лица и выступавшее альтернативой реальному уголовному наказанию.

Дальнейшее развитие отсрочка получает в 1889 г., когда ст. 1412 Военно-судебного Устава закрепила возможность отложения исполнения приговора в отношении военнослужащего на период военных действий[4]. При этом конкретные виды наказаний, от отбывания которых могла быть предоставлена отсрочка, в законодательном акте не указывались.

Последующее становление институт отсрочки отбывания наказания получает в Положении о полковых судах 1919 г. Основанием применения отсрочки, согласно Положению, выступала, как и ранее, болезнь осуждённого, препятствующая исполнению наказания (п. 1 ст. 144). Нововведением этого нормативно-правового акта стало указание на возможность отсрочки исполнения приговора лицу, осуждённому к лишению свободы, при наличии особо уважительных обстоятельств в семейной, служебной, хозяйственной и иных сферах (п. 4 ст. 144)[5]. В первом случае отсрочка предоставлялась до выздоровления осужденного, во втором – «до минования этих причин».

Ст. 471 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.[6] допускала применение отсрочки приведения в исполнение приговора в трёх случаях: 1) при болезни осуждённого; 2) при беременности осужденной; 3) при возникновении объективных обстоятельств, заключающихся, например, в смерти единственного работоспособного члена семьи, тяжком заболевании, пожаре, других стихийных бедствиях и иных т.п. факторах, ввиду которых немедленное отбытие наказания было чревато особо тяжкими последствиями для осужденного или его семьи. Третье основание отсрочки появилось в отечественном

[1] См.: *Морозова Л.Е.* Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 44.

[2] См.: Соборное Уложение 1649 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/22.htm (дата обращения: 21.04.2022).

[3] См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юрид. лит., 1991. С. 118.

[4] См.: Военно-судебный устав 1867 г. / под ред. И.М. Погорелкина. М.: Книга по Требованию, 2011.

[5] См.: Положение о полковых судах от 10.07.1919 // Исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/38227 (дата обращения: 23.01.2021).

[6] См.: Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 20–21, ст. 230.

правовом поле впервые. Также ст. 476 УПК РСФСР предусматривала, что при невозможности уплаты осуждённым штрафа суд мог предоставить отсрочку (или рассрочку) его выплаты сроком до шести месяцев.

Следует отметить, что при наличии в УПК РСФСР норм, связанных с исследуемым институтом, уголовное законодательство РСФСР до 1928 г. аналогичных норм не содержало. В 1928 г. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. были дополнены статьей 19.2, закреплявшей специальный вид отсрочки отбывания наказания для военнослужащих[1]. Согласно ей, исполнение приговора, в соответствии с которым военнослужащий был осуждён к лишению свободы без поражения прав, могло быть отсрочено судом до окончания военных действий с одновременным направлением такого осужденного в действующую армию. При этом если военнослужащий проявил себя стойким защитником Родины, то он мог быть освобожден от отбывания ранее назначенной ему социальной защиты либо она могла быть заменена более мягкой мерой социальной защиты. Таким образом, норма о данном виде отсрочки была рассчитана на военное время.

В развитие указанного положения Основных начал отсрочка исполнения наказания нашла отражение в примечании к ст. 28 УК РСФСР 1928 г.[2] Норма, содержащаяся в данном примечании, позволяла суду «отложить» исполнение приговора военнослужащему, осужденному к наказанию в виде реального лишения свободы, в случае направления его в действующую армию. По смыслу закона, это положение было также ориентировано исключительно на период военного времени.

Довольно длительный период правовая регламентация отсрочки не претерпевала никаких изменений. Очередные новшества в содержании исследуемой правовой категории произошли с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. В круг лиц, которым предоставлялась отсрочка отбывания наказания, наряду с военнослужащими, были включены военнообязанные, подлежащие призыву или мобилизации. По аналогии с существующей нормой такая отсрочка предоставлялась до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию (ст. 39)[3].

Значимым, на мой взгляд, аспектом в развитии исследуемого института, с точки зрения его реализации, является законодательное определение видов наказаний, исполнение которых может быть отсрочено. Это произошло в 1960 г. с принятием нового УПК РСФСР, ст. 361 которого называла в качестве таких наказаний лишение свободы, ссылку, высылку, исправительные работы без лишения свободы[4]. В неизменном виде в УПК РСФСР (ст. 361) сохранялось положение, допускавшее отсрочку (рассрочку) уплаты штрафа на срок до шести месяцев, если его немедленная уплата в силу тех или иных объективных причин становилась непосильной для осужденного.

Новый виток эволюции института отсрочки отбывания наказания в отечественном уголовном праве был связан с дополнением в 1977 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьёй 39.1 «Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетним». Исходя из её содержания, допускалась отсрочка исполнения приговора в отношении несовершеннолетнего лица, впервые осуждённого к лишению свободы на срок до трех лет, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности исправления и перевоспитания без изоляции от общества[5]. Отсрочка предоставлялась на период от шести месяцев до двух лет. Кроме того, впервые нормативно была регламентирована возможность возложения на осужденного обязанностей на период отсрочки, что свидетельствует о содержательном развитии института отсрочки в русле материального уголовного права, хотя в законе речь всё ещё идёт об отсрочке исполнения приговора, а не об отсрочке отбывания наказания.

Аналогичные изменения внесены в УК РСФСР[6] и в УПК РСФСР[7]. Из обновлённых редакций уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а именно ст. 46.1 УК и ст. 401.1, 401.2 УПК РСФСР, следовало, что «освобождение от наказания осужденного, в отношении которого исполнение приговора отсрочено, а также отмена отсрочки исполнения приговора и направление осужденного для реального отбывания лишения свободы производятся судом по месту жительства осужденного по совместному ходатайству комиссии по делам несовершеннолетних при исполнительном комитете районного (городского) Совета депутатов трудящихся и органа внутренних дел». Положительно решив вопрос об отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему, суд в обязательном порядке должен был решить вопрос о необходимости назначения общественного воспитателя. Этим же нормативно-правовым актом внесены изменения в ст. 361 УПК РСФСР, где в круг осужденных, к которым могла применяться отсрочка, были включены женщины, имеющие малолетних детей в возрасте до трёх лет, и соответственно, отсрочка таким женщинам предоставлялась до достижения ребенком трехлетнего возраста. При этом между нормами УК РФСФР и УПК РСФСР в редакции 1977 г. не было необходимого совпадения в части регламентации оснований отсрочки исполнения приговора.

---

[1] См.: Постановление ЦИК и СНК СССР от 23.05.1928 «О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» // СЗ СССР. 1928. № 34, ст. 298.

[2] См.: Постановление ЦИК СНК СССР от 01.10.1928 «Об изменении примечаний к статьям 28 и 30 Уголовного кодекса РСФСР и об отмене примечания к статье 59.5 того же Кодекса» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 243.

[3] См.: Закон Верховного Совета СССР от 25.12.1958 «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 15.

[4] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[5] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1977 № 5265-IX «О дополнении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьей 39.1» // Ведомости ВС СССР. 1977. № 8, ст. 137.

[6] См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.03.1977 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12, ст. 255.

[7] См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.03.1977 «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12, ст. 257.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 31.03.1978 № 3 «О практике применения судами ст. 39.1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»[1] в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм анализируемого института разъяснены возникающие на практике вопросы. К примеру, в п. 2 данного документа содержалось разъяснение о том, что отсрочка исполнения приговора могла предоставляться любым несовершеннолетним, отвечающим требованиям ст. 39.1, которые на момент вынесения приговора не достигли 18 летнего возраста, независимо от того, сколько времени осталось до наступления их совершеннолетия.

В 1982 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был вновь расширен круг лиц, подпадавших под действие нормы об отсрочке исполнения приговора. Согласно новой редакции ст. 46.1 УК РСФСР, при назначении наказания лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до трех лет, при условии возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, суд мог отсрочить исполнение приговора на срок от одного г. до двух лет. Учитывая изложенное, независимо от возраста лица отсрочка могла быть предоставлена в случае совершения преступления, не представляющего значительной общественной опасности[2].

Законом РФ от 12.06.1992 № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» конкретизированы условия предоставления отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей[3]. Редакция соответствующей статьи имела достаточно четкую формулировку: в частности, отсрочка не применялась в отношении осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие преступления против личности. При этом исполняющий наказание орган являлся инициатором соответствующего представления, которое по согласованию с прокурором вносилось с целью разрешения вопроса об освобождении от работы по беременности, родам и до достижения ребенком трехлетнего возраста.

Таким образом, позволительно будет сказать о наличии в УК РСФСР 1960 г. в редакции 1992 г. целой серии норм об отсрочке, расположенных в непосредственной близости друг от друга, что внешне позволяло усматривать определённое (пусть пока и не системное) их единство. Речь идёт об отсрочке исполнения приговора военнослужащему и военнообязанному в военное время (ст. 46); отсрочке исполнения приговора (ст. 46.1); отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 46.2).

Все указанные виды отсрочки были позднее исключены, и в УК РФ 1996 г. осталась лишь одна норма об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет (ст. 82 УК РФ)[4]. Данный вид отсрочки нашел также свое отражение в Уголовно-исполнительном кодексе РФ 1997 г.[5] и в УПК РФ 2001 г.[6] Возможность применения отсрочки мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся его единственным родителем, появилась в 2010 г. путём изменения содержания ст. 82 УК РФ[7].

Последние изменения, касающиеся исследуемого института, были внесены в декабре 2011 г., когда в УК, УПК и УИК РФ появились нормы о новом виде отсрочки отбывания наказания, применимом к лицам, больным наркоманией, осуждённым за преступления небольшой тяжести в сфере незаконного оборота наркотиков. Суд может отсрочить таким лицам отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет[8].

Проведённый историко-правовой и сравнительно-исторический анализ свидетельствует о том, что эволюционный путь института отсрочки отбывания наказания был довольно неустойчивым и противоречивым. Вводя новые меры уголовно-правового воздействия без изоляции от общества, законодатель находился в поиске вектора развития, сущность которого состояла в гуманизации уголовно-правовых норм и институтов.

Отсрочка, регламентированная уголовно-процессуальным законодательством как на этапе возникновения, так и в период последующего развития радикально не менялась, претерпевая лишь отдельные корректировки. При этом уголовному законодательству было характерно появление и исчезновение тех или иных видов отсрочки, расширение либо сужение круга оснований её предоставления.

Процессуальная отсрочка создавала условия для исполнения приговора, снижая негативные последствия не только для осужденного, но и для ребенка (в случае применения отсрочки соответствующего вида) при возникновении различных жизненных ситуаций. Вместе с тем анализируемая отсрочка не преследует цели освобождения осужденного от наказания. Что же касается уголовно-правовой отсрочки, то она имеет стимулирующий характер и ориентирована на исправление осужденного, при котором возможно последующее его освобождение от назначенного судом наказания, т.е. такая отсрочка связана с задачами уголовной политики.

---

[1] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 3.

[2] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1982 № 7593-X «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» // Ведомости ВС СССР. 1982. № 30, ст. 572.

[3] См.: Закон РФ от 12.06.1992 № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР, ИТК РСФСР и УПК РСФСР» // Рос. газ. 1992. 21 июля.

[4] См.: *Тюшнякова О.В.* Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия: монография / под ред. В.А. Якушина. Тольятти, 2002. С. 51.

[5] См.: Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2, ст. 198.

[6] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

[7] См.: Федеральный закон от 21.02.2010 № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. 2010. 24 фев.

[8] См.: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. 2011. 9 дек.

Д.Ю. Тихонкова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Никитин А.А.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДАННОЙ СФЕРЕ

Аннотация: *контрактная система выступает в качестве наиболее стремительно развивающихся сфер государственного и муниципального управления. В статье рассматриваются вопросы, посвященные основным принципам сферы закупок, необходимость развития законодательства в сфере закупок и контрактной системы, а также особенность правового режима контрактной системы и ее структура.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, контракт, контрактная система, государственные нужды, государственный заказ, закупка.*

Существенную роль в обеспечении единой экономической политики, в создании условий для обеспечения нужд и потребностей заказчиков, развитии добросовестной конкуренции, а также прозрачности закупок, будет играть качественная нормативно-правовая база в сфере закупок. Данный аспект внесет ясность в урегулировании конфликтов и интересов, что является одним из основополагающих векторов для прокурорского надзора.

Государственные закупки, выступая в качестве правового механизма в России, представляют собой один из основополагающих и неотъемлемых инструментов регулирования экономики, с помощью которого осуществляется необходимое влияние на ее систему, сущность и динамичность, тем самым задается вектор социально-экономического развития страны.

Ключевым понятием базового Закона выступает контракт, под которым понимается государственный или муниципальный контракт либо гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен бюджетным учреждением, государственным или муниципальным унитарным предприятием либо иным юридическим лицом. По мнению М.С. Соловьева, государственный (муниципальный) контракт необходимо рассматривать как видоизмененный и приспособленный для реализации публичных нужд изначально частноправовой институт[1]. В свою очередь, В.С. Гладков отмечает, что «основной функцией государственного контракта является не характерное для гражданско–правового договора перемещение материальных благ, а организация согласованной деятельности различных субъектов, направленной на удовлетворение государственных нужд»[2]. С позиции А.С. Тихомирова, смысл государственных закупок заключается в выполнение государством обеспечительной роли, выражающийся в удовлетворении своих же потребностей, образующихся в ходе осуществления основных направлений его деятельности[3].

Помимо этого, важно обратить внимание и на определение законодателем термина «закупка». Закупка товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее – закупка) – совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим Федеральным законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта.

В качестве предмета регулирования базового Закона относятся отношения, касающиеся:

1) планирования закупок товаров, работ, услуг;

2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

3) заключения предусмотренных настоящим Федеральным законом контрактов;

4) особенностей исполнения контрактов;

5) мониторинга закупок товаров, работ, услуг;

6) аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;

7) контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Согласно статье 3 Федерального закона № 44-ФЗ контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – контрактная система в сфере закупок) – совокупность участников контрактной системы в сфере закупок (федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов РФ по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», заказчики, участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями), уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок, операторы специализированных электронных площадок) и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок (за

[1] См.: *Соловьев М.С.* Государственный (муниципальный) контракт как видоизмененный и приспособленный для публичных нужд гражданско–правовой договор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 1.С. 25–32.

[2] См.: *Гладков В.С.* Государственный заказ в сфере государственного управления экономикой: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 9.

[3] См.: *Тихомиров А.С.* Институт государственного и муниципального заказа в административном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 289.

исключением случаев, если использование такой единой информационной системы не предусмотрено настоящим Федеральным законом), в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд[1].

В юридической науке выдвигаются и отличные точки зрения по поводу определения дефиниции «контрактной системы». Так, например, такие авторы как Е.А. Свиниых[2], С.С. Матевосян[3], А.Н. Борисов и Т.Н. Трефилова[4] считают, что контрактную систему необходимо рассматривать с точки зрения теории систем через выявление ее основных элементов. В свою очередь, Е.А. Малыхина считает, что контрактная система представляет собой определенный механизм для регулирования отношений, которые возникают в процессе реализации закупок[5]. По мнению Чорновол Е.П., контрактная система есть не что иное как совокупность правовых связей, которые формируются на основании определенных и последовательных действий субъектов-участников закупок[6].

Е.А. Свининых считает, что к числу правоотношений, которые входят в контрактную систему, необходимо приобщать правоотношения, формирующиеся при планировании, осуществлении государственных (муниципальных) закупок, мониторинга, аудита и контроля в сфере закупок, а также правоотношения, складывающиеся в рамках государственного оборонного заказа[7]. Аналогичного мнения придерживается Е.П. Чорновол, который рассматривает контрактную систему как «совокупность взаимообусловленных и связанных между собой различной отраслевой принадлежности правоотношений частного и публичного порядка, функционирующих на федеральном, региональных и муниципальных уровнях, возникающих в силу совершения их участниками, в том числе с использованием единой информационной системы, предусмотренных нормами контрактного права действий по планированию, определению поставщика (подрядчика, исполнителя), осуществлению, мониторингу, аудиту и контролю в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[8]. Анализируя имеющиеся точки зрения, можно сделать вывод о том, что отношения, составляющие предмет правового регулирования базового Закона, есть непосредственно сама контрактная система.

Однако юридическая литература содержит и иные взгляды на такое предположение. Так, Е.А. Малыхина делает вывод о том, что к перечисленным правоотношениям относятся и правоотношения, возникающие в процессе финансирования государственных нужд в соответствии с бюджетным законодательством РФ[9]. По словам М.В. Шмелевой, при изучении «контрактных правоотношений», следует выделять также правоотношения, которые возникают в связи «со сдачей отчетности по контрактной деятельности»[10].

На наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что контрактная система включает в себя не только правоотношения, которые возникают при планировании и осуществлении государственных закупок, мониторинга, аудита и контроля в данной сфере. С одной стороны, важной стадией на этапе обеспечения государственных закупок выступает определение закупок, реализуемое не только на этапе планирования, но и при разработке и утверждении государственных программ, иных актов в рамках стратегического планирования и формирования бюджетов различного уровня. С другой стороны, в ходе реализации государственных закупок уполномоченные органы осуществляют не только предусмотренные законодательством аудит, мониторинг и контроль. На данном этапе органы исполнительной власти также делают шаги по формированию государственной политики, осуществляют деятельность в рамках реализации нормотворческих, административно-юрисдикционных, координационных, а также иных полномочий. Помимо этого, любое нарушение регламентированных законодательством норм о контрактной системе влечет за собой применение к нарушителю мер государственного принуждения различной степени (дисциплинарных, гражданско-правовых, административных, уголовно-правовых). Также, стоит отметить, что, определяя полномочия и компетенцию уполномоченных органов власти, законодатель формирует непосредственно саму организационную основу закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд, тем самым очерчивая круг субъектов, цель которых состоит именно в претворении закупок и удовлетворении данных нужд, а также саму систему органов, уполномоченных в данной сфере.

В соответствии со статьей 6 базового Закона контрактная система в сфере закупок основывается на принципах:

---

[1] См.: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; Рос. газ. № 2. 2022.

[2] См.: *Свининых Е.А.* Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как юридическая категория. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8005 (дата обращения: 12.11.2021).

[3] См.: *Матевосян С.С.* Принцип эффективности при осуществлении закупок товаров (работ, услуг) для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Финансовое право. 2013. № 8. С. 8–11.

[4] См.: *Борисов А.Н., Трефилова Т.Н.* Комментарий к Федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». М.: Деловой двор, 2017. С. 278.

[5] См.: *Малыхина Е.А.* Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: особенности финансово-правового регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 7.

[6] См.: *Чорновол Е.П.* Понятие контрактной системы России в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Право и экономика. 2015. № 4. С. 42.

[7] См.: *Свининых Е.А.* Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как юридическая категория. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8005 (дата обращения: 12.11.2021).

[8] См.: *Чорновол Е.П.* Понятие контрактной системы России в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Право и экономика. 2015. № 4. С. 46.

[9] См.: *Малыхина Е.А.* Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: особенности финансово-правового регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 44–46.

[10] См.: *Шмелева М.В.* Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук, Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2013. С. 10.

• открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок. В статье закреплено, что в нашей стране обеспечивается безвозмездный и свободный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок; данная информация размещается в единой информационной системе (ЕИС) и должна быть полной и достоверной;

• обеспечения конкуренции. Для эффективного функционирования контрактной системы необходимо обеспечение равных условий между участниками. Любое лицо имеет возможность стать поставщиком. Подрядчиком или исполнителем в рамках существующего законодательства о контрактной системе в сфере закупок. При этом конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Важно отметить, что законодатель отметил, что имеется запрет на совершение любыми лицами, причастными к контрактной системе, действий, противоречащих требованиям законодательства РФ;

• профессионализма заказчиков. Законодатель закрепляет необходимость приобщения квалифицированных специалистов, которые обладают необходимыми теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок и принимают меры по поддержанию и повышению уровня квалификации;

• стимулирования инноваций. Приоритетом обеспечения государственных нужд выступают закупки инновационной и высокотехнологичной продукции;

• единства контрактной системы в сфере закупок. Контрактная система основана на единстве принципов, подходов, которые обеспечивают нужды государства через осуществление закупок, мониторинг, аудит и контроль в сфере закупок;

• ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд,

• эффективности осуществления закупок[1].

В настоящий момент контрактная система имеет достаточно сложную структуру, которая может быть представлена с различных позиций. Наиболее наглядно ее описание с точки зрения особенностей правового режима различных видов закупок товаров, работ, услуг. Особенности правового режима зависят как от предмета закупки, так и от ее субъекта. С точки зрения предмета закупки в контрактной системе можно выделить следующие компоненты:

• закупка товаров, работ, услуг, включаемых в государственный оборонный заказ;

• закупка материальных ценностей, поставляемых в государственный материальный резерв;

• закупка товаров, работ, услуг сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд;

• закупка лекарственных средств для государственных нужд и др.

С точки зрения субъекта можно классифицировать на:

• закупка товаров, работ, услуг, осуществляемых государственными и муниципальными заказчиками;

• государственный заказчик государственного оборонного заказа;

• закупка товаров, работ, услуг, осуществляемых бюджетным, автономным учреждениями, государственным, муниципальным унитарными предприятиями и иными юридическими лицами.

Такая дифференциация правового режима различных видов закупок товаров, работ, услуг должна оцениваться положительно как отражающая специфику регулируемых общественных отношений.

Реализация закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд представляется четкой и целостной, последовательной процедурой, которая состоит из этапов планирования, размещения, заключения контракта, исполнения, приемки результатов и последующего контроля. Каждая стадия особенно детально регламентирована законодателем и призвана соответствовать принципам законодательства в сфере закупочной деятельности. Однако, несмотря на имеющуюся четкую структуру, имеющееся законодательство все еще обладает несовершенством, а именно имеются неразрешенные вопросы, касающиеся более детальной систематизации правовых норм, обеспечения информационной безопасности в ходе проведения закупочной деятельности, а также повышение эффективности контрольной и аудиторской деятельности не только со стороны государства, но и со стороны непосредственных участников и общества. Стоит отметить, что непременность совершенствования институтов государственных закупок неоднократно отмечалась на государственном уровне, так еще в 2010–2012 гг. в Бюджетном послании Президента РФ предполагалось образование комплексной федеральной контрактной системы. Реформа госзаказа устанавливала бы полное изменение законодательства, поэтому данную идею отложили в долгий ящик.

[1] См.: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; Рос. газ. 2022. № 2.

В.В. Тихонова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ермаков А.Н.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СХОДСТВА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация: *в данной статье рассматривается вопрос о доказательствах в судебных делах об установлении сходства товарных знаков до степени смешения. Проанализированы проблемы доказывания по данной категории дел, в качестве значимого доказательства предложен социологический опрос. Приведены средства оспаривания опроса и методы борьбы с ними. Проведено*

сравнение социологического опроса с социологической судебной экспертизой.

Ключевые слова: *товарный знак, социологический опрос, доказывание в арбитражном процессе, судебная экспертиза.*

В настоящее время в арбитражных судах рассматривается огромное количество дел, связанных с недобросовестной конкуренцией компаний, основанной на использовании в гражданском обороте товарных знаков, сходных до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками других лиц.

Предоставление правовой охраны таким знакам может быть оспорено и признано недействительным в соответствии со ст. 1512 ГК РФ[1], в частности, в том случае, если действия правообладателя будут признаны злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией. Оспорить правовую охрану товарного знака можно посредством направления возражения в Роспатент или искового заявления в суд.

Истец в таких делах убежден, что ответчик намеренно использует свой товарный знак в целях причинения ущерба и вытеснения конкурента с рынка. По таким делам разворачиваются долгие тяжбы. В судебных заседаниях истец утверждает, что товарный знак ответчика-конкурента является сходным до степени смешения с товарным знаком истца и вводит потребителя в заблуждение. Конкурент при этом паразитирует на успешной деловой репутации истца и его известности на рынке. Другая же сторона, являющаяся ответчиком в суде, приводит доводы относительно «непохожести» товарных знаков и отсутствия в его деятельности признаков недобросовестной конкуренции.

Согласно ст. 65 АПК РФ, обязанность доказывания фактов, лежащих в основании требований или возражений, лежит на лицах, участвующих в деле[2]. Вывод относительно доказанности доводов сторон делает суд, исходя из представленных в дело доказательств, их полноты, относимости и допустимости. Стороны в судебном процессе заинтересованы в представлении доказательств, соответствующих вышеназванным критериям. Одним из таких доказательств по делу может стать социологический опрос.

Согласно Энциклопедии социологии, опрос – метод сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к определенной группе людей (респондентам)[3]. Социологические опросы проводятся на различные темы, в том числе, когда речь идет о сопоставлении товарных знаков и выявлении сходства или, наоборот, его отсутствия. Как правило, опрос проводит организация, которая специализируется на такой деятельности (например, Социологический центр Российской академии наук). Опросы проводятся на денежной основе и оформляются по аналогии с экспертным заключением.

Так, специалистами по социологическому опросу выбираются вопросы, которые будут заданы будущим респондентам, а также проводится отбор участников опроса. Кроме того, решается вопрос о формате проведения опроса: устно или письменно, с очным присутствием респондентов или дистанционно (посредством использования онлайн-платформ в сети Интернет). Во время подготовки также должна быть выбрана методика, по которой будет проводиться анализ полученных ответов и подготовка итогового заключения.

В опросах по установлению сходства товарных знаков целесообразно представлять изображения этих знаков, чтобы респондент мог наглядно изучить обозначения и сделать вывод относительно их сходства. Как правило, наравне с товарными знаками, являющимися объектами спора в суде, представляются и иные знаки в их сравнении друг с другом. Это делается для того, чтобы понять, насколько респондент способен объективно оценивать предложенные обозначения. После окончания процедуры социологического опроса, заказчику передаются все материалы, использованные в исследовании, и итоговое заключение. Проведение опросов таким образом позволяет суду и участникам процесса оценить качество проведенного исследования. Тогда впоследствии не будет возникать сомнений в правильности и достоверности приведенных там сведений.

Проблемы могут возникать, в частности, при обсуждении стоимости опроса. Заказ такого исследования одной из сторон может порождать сомнения в отсутствии заинтересованности организации, проводившей такую процедуру, от стороны, от которой она непосредственно получает заказ и денежные средства. Обосновать отсутствие такой заинтересованности довольно просто. Если в опросе принимало участие большое количество человек (от 1000), каждый из которых может дать пояснения относительно особенностей проведения данного социологического опроса, то даже при проверке исследования, его достоверность будет неоспорима.

Однако у другой стороны может быть еще одно возражение, которое касается денежного вознаграждения участников социологического опроса. Речь идет о сомнениях, которые возникают у ответчика, в отсутствии заинтересованности респондентов в определенном результате опроса. Здесь также важно понимать, что часть опросов проводится на безвозмездной основе, а часть, действительно, на платной. Но респонденты получают плату за участие в опросе, а не за его конкретный результат. Таким образом, довод о заинтересованности респондентов также подлежит опровержению.

Помимо указанных возражений у ответчика могут возникнуть и иные вопросы относительно, например, репутации социологического центра, слишком заниженной цены опроса, некомпетентности специалистов. Чтобы избежать трудностей при обосновании своей позиции, истец должен заблаговременно изучить, какие организации существуют на рынке, какая средняя стоимость проведения социологического опроса, какие имеются отзывы, и кто конкретно будет ответственным за заказ истца. Важно, чтобы у специалиста было образование в области

---

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496.

[2] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

[3] См.: *Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М. и др.* Социология. Энциклопедия. М.: Книжный дом, 2003.

социологии и имелся опыт работы в качестве лица, занимающегося социологическими исследованиями.

Социологический опрос – хороший способ доказать наличие или отсутствие сходства товарных знаков в суде, потому что по таким делам, как правило, суд не назначает судебную социологическую экспертизу. Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ еще в 2007 г. было разъяснено, что вопрос о сходстве до степени смешения обозначений является вопросом факта и по общему правилу может быть разрешен судом без назначения экспертизы[1]. Вместе с тем, осталось неясным, в каких случаях суд может отступить от общего правила и назначить социологическую экспертизу для определения сходства сравниваемых товарных знаков, а также обязан ли суд мотивировать, почему конкретный случай столкновения товарных знаков не подпадает под общее правило. Так, например, постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам по делу было отменено определение суда о назначении судебной социологической экспертизы по вопросу смешения товарных знаков. Главным основанием для отмены стало отсутствие в судебном акте мотивов, по которым суд не применил общее правило и не рассмотрел вопрос о сходстве самостоятельно[2].

Поскольку назначение социологической судебной экспертизы по данной категории дел до сих пор остается спорным вопросом, проведение социологического опроса сторонней организацией, обладающей отличной репутацией, среди большого числа потребителей может стать заменой экспертизы и весомым доказательством в суде.

Суд, оценив социологический опрос в совокупности с другими доказательствами, может сделать категоричный вывод о сходстве или несходстве товарных знаков. Таким образом, опрос оказывает суду своеобразную помощь в понимании и формировании собственного мнения на этот счет. При этом ответчик вправе опровергнуть опрос, приведя неоспоримые доводы, например, в части заинтересованности организации, проводившей исследование, или отсутствия надлежащей компетенции у специалиста.

Важным отличием опросов от судебных экспертиз является и то обстоятельство, что специалисты, проводившие опрос, не несут уголовной ответственности за дачу заведомо ложных сведений. Однако в судебном процессе суд оценивает все представленные сторонами доказательства и выносит решение, проанализировав каждое из них. Поэтому наличие такого доказательства среди остальных может существенно помочь стороне в выстраивании правовой позиции по делу.

[1] См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 122 от 13.12.2007 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 2.

[2] См.: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2014 № С01-324/2014 по делу № СИП-211/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Г.И. Трифонов
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Манова Н.С.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

Аннотация: *процедура подготовки уголовного дела к судебному заседанию есть первая уголовно-процессуальная стадия, представляющая собой систему процессуальных действий и отношений, целью которой является устранение препятствий для равного доступа сторон уголовного дела к правосудию.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, предание суду, назначение судебного заседания.*

Стадия подготовки уголовного дела к судебному заседанию на протяжении всей истории развития российского государства и права постоянно подвергалась изменениям и приобретала новые черты и названия, сохраняя при этом свою сущность.

Впервые в систему уголовного процесса этап, именуемый «предание суду», был введен Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.[3] И.Я. Фойницкий характеризовал данную деятельность, как производство, которое состоит в судебном разрешении вопроса о том, достаточно ли доказательств имеется против конкретного лица, чтобы открыть по его делу заседание уголовного дела[4].

Согласно Уставу уголовного судопроизводства, уголовное дело можно было направить в суд двумя способами. Первый регламентировал отправку в суд дел о тяжких преступлениях, подсудных суду присяжных. В специальных судебных подразделениях – судебных камерах – дело заслушивалось в закрытом заседании, по итогам которого дело либо направлялось в суд для рассмотрения по существу, либо обвинительный акт отправлялся на пересоставление. Это, собственно, и была процедура предания суду.

Второй способ заключался в направлении прокурором обвинительного акта сразу в надлежащий окружной суд для рассмотрения дела по существу. Стадия предания суду в данном случае пропускалась. В делах, разбирательство которых происходило в мировых судах, стадия предания суду также отсутствовала. Предание суду по делам о государственных преступлениях осуществлялось гражданским департаментом судебной палаты на основании обвинительного акта, представленного прокурором судебной палаты.

Как отмечал известный советский ученый-процессуалист профессор Д.И. Перлов, стадия предания суду по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. имела множество недостатков, начиная от обвинительной тен-

[3] См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Петроградъ. 1902.

[4] См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. Санкт-Петербург. 1996. С. 403.

денции при решении вопросов о предании суду, односторонности, отсутствия состязательности и критической оценки материалов дела, до излишнего формализма, волокиты и медлительности, а также механического штампования обвинительных актов[1].

После Октябрьской революции 1917 г. правила предания суду были подвергнуты существенным изменениям. Согласно Декрету о суде от 24 ноября 1917 г. № 1, вопрос о предании суду решался коллегиально судом первой инстанции. К участию в данной процедуре допускалась сторона защиты, а также обвинитель[2].

Декретом о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. полномочиями по преданию суду были наделены уже следственные комиссии, проводившие предварительное следствие. Ими вносилось постановление о предании суду вместо обвинительного акта, которое направлялось на рассмотрение окружного народного суда. Кроме того, следственными комиссиями решался вопрос об участии защиты в стадии предварительного расследования и предания суду[3].

30 ноября 1918 г. было утверждено Положение о народном суде, в котором был предусмотрен конкретный порядок предания суду: следственными комиссиями выносилось постановление о предании суду, направляемое в народный суд по месту совершения преступления; суд, в свою очередь, если был не согласен с постановлением следственной комиссии, имел право направить дело обратно для проведения доследования. Принцип состязательности сохранялся в стадии предварительного расследования и предания суду, однако мог ограничиваться, если это требовалось для установления истины по уголовному делу[4].

Позднее следственные комиссии были заменены народными следователями, которые также выносили на утверждение народного суда свое постановление о предании суду. Кроме того, некоторые действия по предварительному рассмотрению дел до судебного заседания и их подготовке к слушанию были отнесены к единоличной компетенции народного судьи. Он мог решать такие вопросы, как вынесение решения о предании суду по маловажным делам, утверждать либо усиливать меру пресечения, проверять правильность заключения под стражу и рассматривать все дела бесспорного производства.

Если предварительное расследование по делу проводилось в форме дознания, то такое дело поступало в прокуратуру, а не в суд, для получения дальнейшего направления. По таким делам решение вопроса о предании суду возлагалось на прокурора.

Такой порядок предания суду просуществовал до 1929 г., когда было принято постановление ВЦИК и СНК «Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» от 20 октября 1929 г.[5] Теперь все полномочия по преданию суду передавались прокуратуре. Утверждая обвинительное заключение, прокурор предавал суду обвиняемого, а народный судья назначал судебное заседание. Таким образом, предание суду перестало быть самостоятельной стадией уголовного процесса, и возлагалось на сторону обвинения. Это стало причиной ослабления контроля за качеством предварительного следствия и привело к увеличению количества необоснованных преданий суду.

7 июня 1934 г. было принято Постановление 47-го Пленума Верховного Суда СССР, которое вновь сделало предание суду отдельной самостоятельной частью уголовного судопроизводства, задачами которой являлись проверка полноты предварительного расследования, обоснованности и правильности обвинения и его квалификации, обеспечение непосредственной проверки доказательств судом.

Такой порядок просуществовал до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., согласно которым предание суду окончательно стало полномочием судьи, единолично выносившим постановление о предании суду. Коллегиально данная процедура могла проводиться в двух случаях: при необходимости изменить меру пресечения и при несогласии судьи с обвинительным заключением.

Установленная Основами уголовного судопроизводства процедура предания суду вызывала неоднозначное отношение у советских ученых-процессуалистов: если одни писали о необходимости осуществления коллегиального (в распорядительном заседании) предания суду по всем уголовным делам, т.к. это поможет достичь объективного, всестороннего и полного решения вопросов, связанных с преданием суду[6], то другие, напротив критиковали рассматриваемую стадию процесса за излишний формализм и волокиту[7]. При этом все авторы сходились во мнении по поводу сути стадии предания суду: которая выступала как контрольно-проверочная по отношению к стадии предварительного расследования и как подготовительная по отношению к стадии предстоящего судебного разбирательства.

Значительные упрощения в процедуре предания суду произошли с внесением изменений в главу 20 УПК РСФСР в 1992 г[8]. Было изменено название самой стадии – теперь она именовалась назначением судебного заседания по уголовному делу, а также было ликвидировано распорядительное заседание.

Если говорить о современном положении стадии назначения судебного заседания, то ее можно назвать контрольно-проверочной по отношению к предварительно-

---

[1] См.: *Перлов И.Д.* Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948. С. 78.

[2] См.: Декрет о Суде от 24 ноября 1917 г. № 1. «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» № 17 от 24 ноября 1917 г.

[3] См.: Декрет о Суде от 15 февраля 1918 г. № 2. Декреты Советской Власти. М.: Гос. Изд-во полит. литературы. 1957.

[4] См.: *Рябинина Т.К.* Производство по уголовному делу в суде до судебного разбирательства: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1995. С. 21–22.

[5] См.: Постановление ВЦИК и СНК «Об изменениях Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР» от 20 октября 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 78, ст. 756.

[6] См.: *Малхазов И., Назаров В., Теплинский А.* Распорядительное заседание – важная стадия судопроизводства // Советская юстиция. 1973. № 2. С. 8–16.

[7] См.: *Пантелеев В.* Спорные вопросы предания суду. Социалистическая законность. 1967. № 3. С. 37.

[8] См.: Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 29 мая 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 июля 1992 г. № 27, ст. 1560.

му расследованию, а к стадии судебного заседания – подготовительной. Данной стадии посвящена самостоятельная глава 33 Уголовно-процессуального кодекса РФ[1], что подчеркивает ее важность для уголовного процесса, т.к. грамотное проведение подготовительной стадии способствует рациональному и эффективному рассмотрению дел в уголовном судопроизводстве.

Е.А. Тулочкина
ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, г. Саратов
Научный руководитель: Пресняков М.В. д.ю.н., профессор ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, г. Саратов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТКРЫТОСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Аннотация: *в статье рассмотрены правовые гарантии правосудия законодательстве Российской Федерации. Проанализирован опыт использования информационных технологий в суде. Выявлены перспективные направления развития информатизации российского правосудия.*

Ключевые слова: *государство, правосудие, открытость, современные технологии, интернет.*

На современном этапе Российская Федерация выступает как правовое и социальное государство. Построение такого государства основано на открытом взаимодействии и диалоге между органами государственной власти и общественными институтами. Одним из показателей, которые позволяют оценить эффективность деятельности органов власти является открытость. В настоящее время, повышение открытости является одним из перспективных направлений развития государства во всех сферах. В последнее время особое внимание уделяется открытости правосудия. Общество постоянно трансформируется, важно понимать его потребности, создавать условия для эффективной и результативной деятельности органов судебной власти.

Данная статья нацелена на исследование роли информационных технологий в обеспечении открытости правосудия.

Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи исследования:

- выявить законодательные основы открытости правосудия в России;
- изучить опыт использования информационных технологий в правосудии;
- определить перспективные направления развития информатизации российского правосудия.

Развитие общественных отношений в России показывает, что государство должно быть более гибкими, быстро реагировать и адаптироваться к динамично меняющимся условиям внутри и за пределами своих границ. Возможность открытого взаимодействия граждан с органами власти и судами становится основополагающей ценностью для современных демократических государств. Активная информатизация общества способствует модернизации судебных процессов, внедрению информационных технологий в деятельность судов.

Принцип гласности в деятельности судов получил закрепление в Конституции РФ, Процессуальных кодексах, Федеральном законе «Об обеспечение доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», более 70 правовых позиций Верховного Суда РФ.

В Конституции РФ закреплены следующие принципы: независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону, принцип состязательности и равноправия сторон, принцип открытости и гласности судебного разбирательства[2]. В данном случае, речь идет об открытом разбирательстве дел всеми судами. В Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации», закреплен принцип гласности в деятельности судов: «Разбирательство дел во всех судах открытое» (статья 9)[3]. Подобная формулировка используется и в статье 10 «Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 01.07.2021)[4]. В законодательстве использован термин «открытость», и исходя из статьи 123, формулируется принцип открытости судебного разбирательства. Принцип открытости и гласности судебного разбирательства напрямую связан с информированием общественности о деятельности органов судебной власти, формированием позитивного общественного мнения о судебной системе, повышением уровня доверия населения к судебной власти.

Учитывая роль суда в государстве, расширение сферы судебного контроля над действиями и решениями органов власти и должностных лиц. Общество с повышенным вниманием относится к работе судов, вопросам совершенствования судопроизводства. В связи с этим прозрачность судебной деятельности в Российской Федерации обеспечивается: публичностью судебного разбирательства, открытостью в работе органов судейского сообщества, гласностью отбора судей и привлечения к ответственности, размещение в интернете судебных актов, взаимодействие со СМИ.

Пленум Верховного суда за последние десять лет 15 раз обращался по вопросам взаимодействия судов со СМИ. Во всех федеральных судах созданы и введе-

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 12.07.2021) // Рос. газ. 2001. № 249.

[2] См.: Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 2020. № 144 (8198).

[3] См.: Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834// (дата обращения: 14.02.2022).

[4] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

ны должности пресс-секретарей, обеспечивающих постоянный мониторинг медиа-пространства. За 2020 год в присутствии журналистов проведено 6 тысяч заседаний. Пресс-службами судов организовано более 600 пресс-конференций, брифингов, круглых столов с участием СМИ федерального, регионального и местного уровня, издано около 100 тысяч экземпляров печатных изданий судебной системы Российской Федерации. Кроме того, на интернет ресурсах судов и органах судейского сообщества, а также СМИ размещено: более 360 тысяч новостных материалов, 1,5 тысячи интервью, 9 тысяч аналитических материалов по вопросам осуществления правосудия. В интернет-пространстве создано 2,4 тыс. сайтов федеральных судов общей юрисдикции, 115 сайтов арбитражных судов, 6 тыс. сайтов мировых судов. Количество посещений сайта Верховного Суда РФ превысило 10 миллионов запросов. В ГАС «Правосудие» поступило более 3,5 млрд. запросов пользователей, опубликовано свыше 170 млн решений судов общей юрисдикции и более 50 млн решений арбитражных судов[1].

В настоящее время в России действует Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы[2], принятая в целях реализации принципа гласности правосудия. В Концепции учтены современные тенденции развития медиа-пространства, социальных сетей и видео-порталов. В данном документе отражено современное видение открытости и гласности судебной деятельности, формирование информационно-образовательной среды, повышение защиты персональных данных. Концепция предусматривает повышение открытости, гласности, объективности судов, автоматизация судебной системы (использование искусственного интеллекта при составлении проектов судебных актов, мобильных приложений сайтов судов и государственных автоматизированных судебных систем, аккаунтов в соцсетях и т.д.).

На данный момент информатизация судебной системы за счет внедрения современных информационных технологий является одним из наиболее эффективных способов повышения уровня доступности и качества правосудия. Открытость правосудия гармонично связано с его доступностью, которая обеспечивается, в том числе с помощью применения судами современных технологий.

Внедрение электронных сервисов правосудия существенно влияет на ускорение процессов судебного разбирательства, снижает нагрузку на судебный аппарат, повышает уровень открытости судебной системы и, самое главное, облегчить доступ граждан и бизнеса к судебной процедуре за счет снижения затрат из-за необходимости физического присутствия сторон или привлечения профессионального представителя.

Российская Федерация характеризуется высоким уровнем информатизации судебной системы. Можно выделить следующие группы информационных технологий, которые только внедряются или уже активно применяются в правосудии:

1. Онлайн-подача документов в суд и электронный документооборот.

Система электронного документооборота в судопроизводстве активно используется в системе арбитражных судов, которые являются лидерами по внедрению информационных технологий в свою деятельность. В 2021 г. в электронном виде подано более 3 млн процессуальных документов. С помощью специализированного сервиса «Мой арбитр» вне зависимости от типа судопроизводства и инстанции появляется возможность подачи исков и размещения документов в электронной форме. В целях обеспечения безопасности документов может применяться усиленная квалифицированная подпись, а с помощью дополнительной подписки участники спора могу следить за изменениями по делу.

2. Использование систем видеоконференц-связи.

В условиях борьбы с новой коронавирусной инфекцией в России появилась необходимость внедрения сервисов для разрешения споров в режиме онлайн. В соответствии со статьей 153.1 АПК РФ участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи[3]. При использовании ВКС в судебном заседании суды сталкиваются с рядом проблем: помещения для ВКС, должны быть оборудованы специализированными системами, для идентификации лиц, а также соответствующих требованиям по защите информации. Согласно обзору судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2020 г., подготовленному Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в 2020 г. АС СРФ рассмотрено 6,3 тыс. дел с использованием систем видео-конференц-связи. Всего проведено более 300 тыс. заседаний с использованием видео-конференц связи. На данный момент, системы, которые используются судами, не позволяют масштабировать применения дистанционных заседаний, требует присутствия стороны в помещении суда.

3. Онлайн-разрешение споров и автоматизация судопроизводства;

Процедура рассмотрения дел полностью онлайн всё больше набирает популярностьмире (Астралия, Венгрия, Германия, Канада, Китай, США и др.). В России аналогом можно считать институт заочного приказного и упрощенного порядка рассмотрения дел. Данные формы судопроизводства не предусматривают активного взаимодействия судьи и сторон спора помимо обмена требованиями и возражениями на этапе поступления дела в суд.

Стоит упомянуть внедрение технологии искусственного интеллекта в судебный процесс. В 2021 г. в Белгородской области к трем участкам мировых судей подключили искусственный интеллект для подготовки судебных приказов по взысканию налоговых задолженностей. Стоит отменить, что ИИ только готовит документы и проверя-

[1] См.: Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на XVI Совещании председателей Верховных судов государств-членов ШОС 24.09.2021 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/30387/ (дата обращения: 17.02.2022).

[2] См.: Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (дата обращения: 17.02.2022)

[3] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 14.02.2022).

ет реквизиты, чтобы сэкономить время судьи, но при этом позволяет снизить нагрузку на судей[1].

В настоящее время продолжается работа по внедрению суперсервиса «Правосудие онлайн», который является частью проекта по цифровизации основных государственных, муниципальных и региональных услуг. Сервис позволит участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме осуществить весь объем процессуальных действий, включая подачу документов в суд, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела в электронном виде, участие в судебном заседании посредством веб-конференции и получение судебного акта. Использование в сервисе стандартных форм, справочника исковых требований, калькулятора госпошлины, автоматизированного определения подсудности, заполнения данных, применение технологии распознавания текста – упростит и ускорит обращение в суд.

Таким образом, использование информационных технологий, как механизма открытости судебной системы, позволит повысить эффективность правосудия. А совершенствование механизмов открытости органов судебной власти позволит увеличить уровень доверия к органам власти, снизить коррупционные риски, повлиять на административные барьеры. Повышение открытости напрямую связано с успешным развитием страны в социальной, политической и экономической сферах. На данный момент информатизация судебной системы за счет внедрения современных информационных технологий является один из перспективных направления развития судебной системы России.

Л.О. Тюнягин
ФБГОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Куликова С.А. д.ю.н., доцент, профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ О ПРОВЕДЕНИИ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Аннотация: *в статье отражено влияние конфликта интересов в Совете Безопасности ООН на принятие решений о проведении миротворческих операций, а также предложен способ решения указанной проблемы.*

Ключевые слова: *Миротворчество, Совет Безопасности ООН, конфликт интересов.*

Совет Безопасности Организации Объединенных Наций безусловно занимает ведущую роль в организации миротворческих процессов, ведь согласно статье 24 Устава ООН на нем лежит ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Именно Совет Безопасности ООН принимает решение о том, будет ли иметь место проведение миротворческой операции или нет. Следовательно, от грамотной организации Совета Безопасности прямо зависит и качество организации миротворческих операций, а также из каких стран или военно-политических блоков будет привлечен военный персонал.

Актуальность заявленной темы обусловлена набирающей в настоящее время сторонников идее об исключении России из постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также предлагаемыми отдельными государствами изменениями Совета Безопасности ООН.

В настоящий момент Совет Безопасности ООН состоит из 5 постоянных членов (Российская Федерация; Китайская Народная Республика; США; Великобритания; Франция) и 10 непостоянных, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН сроком на 2 г. Согласно Уставу ООН каждый член Совета Безопасности ООН имеет 1 голос, а решение считается принятым в случае, если за него поданы 9 голосов (по процедурным вопросам) или 9 голосов, при условии одобрения всеми постоянными членами (по всем остальным вопросам)[2].

Однако по мнению многих ученных, такое устройство Совета Безопасности ООН является устаревшим и подлежит реформированию, в связи с чем в декабре 1993 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН была учреждена рабочая группа открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности[3].

Выступая в декабре 1999 г. перед Генеральной Ассамблеей ООН постоянный представитель Российской Федерации С.В. Лавров, указал, что число членов Совета Безопасности ООН не должно превышать 20–21 и при этом отметил, что при выборе новых постоянных членов внимания заслуживают не только промышленно развитые страны, но и активно развивающиеся[4]. Так, например, ряд Африканских стран добивается предоставления места постоянного представительства для своего региона.

В свою очередь позиция США и европейских стран по данному вопросу расходиться с позицией России. Основной причиной тому служит желание данных держав усилить свое влияние в Совете Безопасности за счет продвижения на место нового постоянного представителя лояльных государств, таких как Япония, Германия, Индия, Бразилия («группа четырех»).

[1] См.: *Куликов В.* Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога // Рос. газ. 2021 № 8132. URL: https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniiu-transportnogo-naloga.html (дата обращения: 16.03.2022).

[2] См.: Устав ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 20.03.2022).

[3] См.: *Мустафаева Н.И.* Совет Безопасности ООН как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права. 2016;(2):206-21.

[4] См.: Выступление Постоянного Представителя РФ при ООН С.В Лаврова на заседании Генеральной Ассамблеи по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности (п. 38 повестки дня) 20 декабря 1999 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/sovet-bezopasnosti/1737827/ (дата обращения: 20.03.2022).

По мнению автора статьи, подход, предлагаемый западными державами будет противоречить одному из основополагающих принципов деятельности Организации Объединенных Наций, а именно принципу объективности и может привести к использованию миротворческой эгиды ООН для достижения личных целей.

К примеру, нападение НАТО на Югославию в 1999 г. без получения одобрения Совета безопасности ООН вызвало опасения у Российской Федерации в целесообразности принимаемых мер для разрешения происходящего на тот момент вооруженного конфликта. В связи с чем Россией, Белоруссией и Индией был внесен проект резолюции о немедленного прекращения применения силы против Союзной Республики Югославии. Однако только 3 члена Совета Безопасности одобрили данную резолюцию (Россия, Китай, Намибия), а 12 членов Совета Безопасности проголосовали против. В их числе были США, Великобритания, Франция, Канада и Нидерланды – действующие члены Организации североатлантического договора, а также Словения (член НАТО с 2004 г.).

Несмотря на то, что согласно статье 7 Североатлантического пакта упомянутые страны не должны влиять друг на друга при принятии решений в Совете Безопасности ООН[1], на практике все может обстоять иначе.

Так же, поскольку на основании статьи 10 Североатлантического пакта стороны могут, по единодушному соглашению пригласить присоединиться к договору любое другое европейское государство, то включение в блок новых представителей стран Европы позволит увеличить шансы получить дополнительный голос среди непостоянных членов Совета Безопасности.

Такой подход в будущем может создать прецедент, когда 7 государств из числа действующих членов Совета Безопасности, входящих в состав одного военно-политического образования, по сути даже своим воздержанием от ответа не позволят остальным членам Совета Безопасности ООН принять положительное решение.

При этом ни Устав ООН, ни Временные правила процедуры Совета Безопасности ООН не предусматривают порядок отвода стран, каким-либо образом заинтересованных в принятии определенного решения или находящимися в конфликте интересов с кем-либо из постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Поэтому, по мнению автора настоящей статьи, в целях недопущения указанной ситуации в будущем необходимо разработать процедуру отвода отдельных стран, не являющихся постоянными членами Совета Безопасности.

Так, например, предлагается заменять государство – непостоянного члена Совета Безопасности ООН в случаях возникновения личной заинтересованности или в связи с возникновением конфликта интересов с кем-либо из постоянных членов Совета Безопасности на государство того же региона, но не имеющим какого-либо личного интереса, за исключением заинтересованности в обеспечении мира и международной безопасности.

Под конфликтом интересов с кем-либо из постоянных членов Совета Безопасности следует понимать ситуацию, когда оборона или экономическое благополучие государства находятся в прямой зависимости от государства – постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Список стран, являющихся резервными на случай невозможности принятия участия в голосовании по вышеупомянутому основанию, предлагается формировать из стран, не прошедших в число непостоянных членов Совета Безопасности ООН в текущий период.

В случаях, если не заинтересованные государства в регионе отсутствуют, то представляется возможным выбор заменяющего государства из иного региона.

Однако инициировать процесс замены непостоянного члена Совета Безопасности допустимо было бы только с согласия 2 постоянных членов и при одобрении и (или) воздержания от ответа не менее 5 непостоянных членов Совета Безопасности.

Такая процедура позволит в дальнейшем не допускать к голосованию о применении воинского миротворческого контингента государства, которые в дальнейшем намерены принимать активное участие в деятельности миротворческой операции лично, либо в составе военно-политических блоков. Таким образом повыситься объективность при принятии решений о применении миротворческих сил, в связи с чем доверие к деятельности международных организаций осуществляющих деятельность по защите мирного населения вырастет.

[1] См.: Североатлантический пакт (заключен в г. Вашингтоне 04.04.1949). URL: https://docs.cntd.ru/document/1902050 (дата обращения: 19.03.2022).

Р.Р. Файзуллин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Асташкина Е.Н.
к. ю. н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОЛЬ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРАТУР В НАДЗОРЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТРАНСПОРТЕ

Аннотация: *статья посвящена проблемам прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства на различных видах транспорта. Проанализированы особенности политики государства по минимизации загрязнения окружающей среды. Дан статистический анализ соблюдения законности в сфере экологических требований на транспорте. Предложены меры, направленные на повышение качества прокурорского надзора.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор; экология; транспорт; экологическое благополучие; транспортные прокуратуры; правовое регулирование.*

Актуальность надзора за исполнением экологического законодательства на транспорте транспортными прокуратурами за все время их существования не перестает ослабевать. В период Советского союза активно начала

возрастать роль транспорта в народном хозяйстве, что требовало усиления борьбы с преступлениями, которые в свою очередь влекли крушения, аварии, загрязнение окружающей среды.

На современном этапе развития страны, были приняты важные поправки в действующую Конституцию РФ, которые были внесены на общероссийском голосовании, а в последующем, указом президента Владимиром Путиным от 3 июля 2020 г. «Об официальном опубликовании Конституции РФ с внесёнными в неё поправками» вступили в законную силу 4 июля 2020 г.[1]. Они затронули положения ст. 114 Конституции, были закреплены новые обязанности Правительства РФ: по обеспечению проведения единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды; по осуществлению мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, по снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным; по созданию условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Помимо Основного закона, важное значение экологической обстановки в стране и мерам по ее улучшению уделяется в п. 7 указа от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»[2], в п. 1 пп. «в» указа от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»[3], в указе от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»[4].

В Распоряжении Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г.» отмечается важность минимизации негативного воздействия транспортного комплекса на окружающую среду и климат, уменьшении негативного воздействия на окружающую среду при сохранении ценовой доступности перевозок[5].

Значимость организации прокурорского надзора по данному направлению обуславливается рядом аспектов, таких как высокий уровень аварийных происшествий на транспорте, которые вызывают загрязнения природы, рост экологических преступлений, а также недостатки по борьбе с ними. Обращаясь к статистике преступлений на транспорте: в 2020 г. – 1 802 (+14,9 %); в 2019 г. – 1 568 (+11,6 %); в 2018 г. – 1 405 (+7,7 %). Из данных показателей лишь малая часть уголовных дел направляется в суд. В 2020 г. по 938 преступлениям уголовные дела были прекращены либо по ним вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, из этой массы по 895 преступлений были прекращены судом[6].

Надзор за исполнением экологического законодательства на транспорте отнесен к компетенции не только транспортных, но и территориальных, природоохранных и других прокуроров. Исходя из предметно-зонального принципа специализированных прокуратур к компетенции транспортных относится надзор за исполнением законов на воздушном, железнодорожном, морском и речном транспорте. Деятельность прокуроров регулируется приказами Генпрокуратуры России от 15.07.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере»[7], от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур»[8].

В данных приказах нет прямого указания на важность организации надзора за исполнением экологического законодательства, но, очевидно, что надзор за исполнением законов о безопасности на транспорте помимо определенной специфики, применительно к различным видам транспорта, включает в себя и экологическую безопасность. Для полноты надзора в данной сфере транспортные и территориальные прокуроры руководствуются приказами Генпрокуратуры, посвященными надзору в сфере экологии.

Исходя из статистики в 2020 г. транспортными прокурорами выявлено 5146 нарушений законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования (в 2019 г. – 4483, а в 2018 г. – 6300). Из них больше половины связаны с нарушением законодательства регулирующего сферу в области отходов производства и потребления (в 2020 г. – 2 634; в 2019 г. – 2 691; в 2018 г. – 4 352). Во исполнение Федеральных законов от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» транспортными прокурорами были выявлены нарушения законодательства об охране вод и атмосферного воздуха (в 2020 г. – 711; в 2019 г. – 579; в 2018 г. – 753), земли, почв (в 2020 г. – 361; в 2019 г. – 214; в 2018 г. – 191);

---

[1] См.: Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356419/. п. 7 (дата обращения: 21.04.2022).

[2] См.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (в ред. от 21.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/. (дата обращения: 21.04.2022).

[3] См.: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/. п. 1, пп. «в». (дата обращения: 21.04.2022).

[4] См.: Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366760/ (дата обращения: 21.04.2022).

[5] См.: Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г.». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/. (дата обращения: 21.04.2020).

[6] См.: Сводный отчет по транспорту «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» (4-ЕГС). Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf. (дата обращения: 17.04.2022).

[7] См.: Приказ Генпрокуратуры России от 15.07.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» (в ред. от 18.07.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120165/. (дата обращения: 21.04.2022).

[8] См.: Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (в ред. от 21.08.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79085/ (дата обращения: 21.04.2022).

животного мира (в 2020 г. – 82; в 2019 г. – 65; в 2018 г. – 102)[1].

Зачастую нарушения экологического законодательства на транспорте вытекают из других правонарушений или тесно связаны с ними. Речь идет прежде всего об экологических катастрофах последних лет, сопровождающих аварийные происшествия, особенно на водном, железнодорожном, трубопроводном транспорте. Внешнеторговые преступления, прежде всего контрабанда, предметом которой являются лес, водные биоресурсы, связанные с незаконной транспортировкой этих товаров прежде всего железнодорожным, морским и автомобильным транспортом. Террористические акты, диверсии, подделка документов, экономические и должностные правонарушения на транспорте также могут сопровождаться экологическими правонарушениями.

К примеру, Восточно-Сибирским транспортным прокурором И.А. Мельниковым в интервью газете «Гудок-Восточно-Сибирский путь», была обозначена роль прокуратуры в реализации крупных национальных проектов в 2020 г. с развитием транспортной инфраструктуры страны включающий в себя реконструкцию БАМа и Транссиба. Прокуратура на данном направлении как представитель государства осуществляла надзор за более 300 объектами железнодорожного транспорта с общим объемом финансирования свыше 520 млрд руб. В результате надзорных мероприятий на этих объектах выявлено свыше 400 нарушений законодательства, в том числе нарушения законов при проведении закупок и исполнении договоров, нарушения градостроительного и экологического законодательства при проведении работ и другие. В целях их устранения применено более 90 мер прокурорского реагирования. Установлены также факты приёмки невыполненных работ на сумму свыше 250 млн руб. По материалам проверок возбуждены и расследуются три уголовных дела[2].

С 2018 г. ведется работа по понуждению стивидорных компаний, расположенных на Дальнем Востоке, привести свою деятельность в соответствие с требованиями законодательства об охране окружающей среды, о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. В результате принимаемых мер стивидоры дополнительно приобрели системы пылеподавления, пылеулавливающие устройства, снегогенераторы, системы орошения, газоанализаторы, специализированную уборочную технику. Места хранения штабелей угля оборудованы подпорными габаритными стенками и пылеветрозащитными щитами. По итогам реагирования Генеральной прокуратуры РФ Минтранс России внес изменения в Правила оказания услуг по перевалке грузов в морском порту, закрепив понятие «закрытой перевалки угля»[3].

На наш взгляд надзор в сфере экологических преступлений на транспорте, в нынешних реалиях экономического развития страны, должен стать приоритетным. С этой целью, необходимо передать надзор за исполнением законов на автотранспорте и трубопроводном транспорте, в том числе за исполнением экологического законодательства, в компетенцию транспортных прокуроров, учитывая необходимость специализации надзора, усиление взаимосвязанности различных видов транспорта в настоящее время, комплексное развитие транспорта, многие общие подходы транспортной политики на всех видах транспорта, наличие единой системы органов для таких видов транспорта, как железнодорожный, водный, воздушный, автомобильный, общие нормативные правовые и другие документы, обеспечивающие развитие транспортной системы, включая Транспортную стратегию.

Данные меры на наш взгляд должны сместить часть нагрузки на территориальных прокуроров, тем самым позволив им перенести свое внимание на иные важные направления.

Проанализировав действующие приказы, полагаем, необходимо поставить вопрос о издании отдельных приказов Генпрокуратуры о надзоре за исполнением законов на автомобильном и трубопроводном транспорте, в которых в качестве одного из приоритетного направления рассматривался бы надзор за исполнением экологического законодательства[4].

Д.Р. Феоктистова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Потапова Н.Л. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ЗАДЕРЖАНИЕ С ПОЛИЧНЫМ

Аннотация: *в настоящей статье исследуются вопросы расследования преступлений коррупционной направленности; последовательность проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и вытекающего из него «задержания с поличным». Показана чрезвычайная важность данных опера-*

[1] См.: Отчет по форме ОН «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/456038213. (дата обращения: 21.04.2022).

[2] См.: Интервью Восточно-Сибирского транспортного прокурора И.А. Мельникова газете «Гудок-Восточно-Сибирский путь» // Сайт Генеральной прокуратуры. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/vstp/mass-media/interviews-and-presentations?item=57834146. (дата обращения: 21.04.2022).

[3] См.: Интервью начальника управления по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Владимира Тюлькова информационному агентству «Интерфакс» // Сайт Генеральной прокуратуры. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=58086520. (дата обращения: 17.04.2022).

[4] См.: *Диканова Т.А., Изгагина Т.Ю.* О прокурорском надзоре за исполнением экологического законодательства на транспорте. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prokurorskom-nadzore-za-ispolneniem-ekologicheskogo-zakonodatelstva-na-transporte/viewer

тивно-розыскных мероприятий при проведении расследования преступлений, связанных с коррупцией.

Ключевые слова: взятка; коррупция; задержание с поличным; оперативно-розыскные мероприятия; оперативный эксперимент; расследование преступлений коррупционной направленности.

Криминальная статистика, различные социальные обследования и экспертные оценки свидетельствуют о том, что взяточничество и другие формы коррупции затрагивают практически все сферы общественной жизни, от государственной службы до здравоохранения, образования и культуры. Коррупционные преступления – традиционное и довольно распространенное преступление в большинстве стран мира. Понятие коррупционных преступлений не является понятием коррупции, поскольку явление коррупционных преступлений является лишь частью этого явления, хотя и является наиболее опасным с точки зрения общественных интересов. Количественный показатель преступлений коррупционной направленности до сих пор остается чрезвычайно высоким. Так в 2020 г. выявлено 30,8 тыс. преступлений коррупционной направленности[1].

Оперативно-розыскные мероприятия – это закрепленная законодателем совокупность действий, проводимых уполномоченными лицами, в соответствии с принципами оперативно-розыскной деятельности, преследуя цель защиты прав и свобод граждан и человека, охраны общества и государства.

Необходимо отметить, что для того, чтобы проводить оперативно-розыскные мероприятия, необходимо наличие соответствующих оснований. Карякин Е.А. пишет: «Основания проведения оперативно-розыскных мероприятий – поводы к началу оперативно-розыскной деятельности»[2]. Юридическая наука выделяет два вида оснований:

1. фактические, к которым относится наличие конкретной информации о преступлении;

2. юридические, которые включают в себя документы, содержащие информацию о преступлении.

Перед проведение оперативно-розыскного мероприятия «задержание с поличным» необходимо проведение «оперативного эксперимента».

Согласно международному акту «Конвенция против транснациональной организованной преступности» осуществление оперативного эксперимента происходит благодаря воспроизведению действий, обстановки или иных обстоятельств противоправного события и совершения необходимых опытных действий[3].

Следует отметить, что оперативный эксперимент следует отличать от следственного эксперимента. Основание оперативного эксперимента – это постановление руководителя оперативно-розыскного органа, в котором обязательно указываются исследуемые события и лица, результат фиксируется рапортом или справкой.

Основной целью оперативного эксперимента является выявление, предупреждение и пресечение совершения преступления. Также к целям можно отнести проверку имеющихся сведений, воспроизведение действий и обстановки конкретного события, получение новой информации и т.д. Эксперимент проводится для изобличения конкретных лиц или выявления ранее неизвестных. При этом необходимо отметить, что в том случае, если результатом этого оперативно-розыскного мероприятия является задержание двух и более взяткополучателей, находящихся в разных местах, то нужно создавать следственно-оперативную группу, в состав которой необходимо включать несколько следователей и оперативных работников, каждому из которых необходимо поручить выполнение своей части общего плана действий.

При проведении указанного оперативно-розыскного мероприятия следователю или дознавателю необходимо провести уточнение расстановки оперативных работников, провести проверку присутствия понятых, наличия транспортных средств и т.д. Здесь чрезвычайно важным является соблюдение всех требований конспирации с целью обеспечить внезапность операции.

Во время проведения оперативного эксперимента запрещается совершать действия, уничижающие или умаляющие права человека, содержащие угрозу жизни или здоровью участников данного мероприятия. Реализация оперативного эксперимента возникает с того времени, когда в одежду взяткодателя монтируют технические средства наблюдения (аудио- и видеотехнику), например, видеокамеру или диктофон. В процессе используются технические средства, скрытно фиксирующие эксперимент (аудио/видеозаписывающие устройства)[4]. Сам процесс проведения оперативного эксперимента и выявленные таким способом сведения фиксируются в соответствующем акте.

Необходимо отметить, что деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с целью задержания с поличным лица, заявившего требование о даче взятки или коммерческом подкупе, возвращаются их владельцу, если он до передачи ценностей добровольно сообщил о таком требовании[5].

Результатом совершения оперативного эксперимента может быть[6]:

- задержание с «поличным» преступников в момент совершения преступления;
- проверка и уточнение ранее полученных данных;

[1] См.: Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективного государственной программы за 2020 год. М., 2021. С. 14.

[2] См.: *Карякин Е.А.* Пятнадцать тезисов о формировании судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции // Вестник оренбургского государственного университета. 2017. № 3. С. 79–84.

[3] См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СЗ РФ. 2004. № 40, ст. 3882.

[4] См.: *Арипшев А.М.* Особенности использования специальных средств сотрудниками специальных подразделений // Бизнес в законе. 2016. № 2. С. 301–304.

[5] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

[6] См.: *Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2017. С. 154.

- проверка оперативных версий;
- установление причин, условий и следствий совершения преступления.

Во время проведения оперативного эксперимента разрешается проводить иные оперативно-розыскные мероприятия. Более того, к проведению оперативного эксперимента могут привлекаться специалисты и эксперты различных областей науки.

На практике вслед за тем, как случилась передача предмета взятки, взяткодатель произнесет контрольную фразу, которая подтверждает, что взятка перешла к взяткополучателю и необходимо переходить к его задержанию.

Здесь необходимо правильно определить момент самого задержания. Нужно дожидаться, когда взяткодатель покинет место, где произошло получение взятки. Скоропалительность задержания может быть причиной того, что взяткополучателем может быть осуществлена попытка вернуть взятку, указав на провокацию.

На практике имеют место быть отрицательные казусы, когда лицо, после получения взятки, сразу же скрывается с места совершения преступления, используя автомобиль. Посему оперативные сотрудники должно иметь транспортные средства в том количестве, чтобы иметь возможности заблокировать движение автомобиля взяткополучателя в целях предотвратить скрытие преступника.

При удачном проведении операции по задержанию лица, получившего взятку, необходимо безотлагательное проведение изъятия предмета взятки, а также всех юридических и иных документов, свидетельствующих о взаимности интересов взяткодателя и взяткополучателя и подтверждающих причинную связь с получением взятки. Само изъятие будет являться фактически главным доказательством совершения преступления, потому как данное действие должно быть продумано и тактически грамотно.

Итак, в заключение статьи необходимо подчеркнуть, что раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности, успешность проведения оперативно-розыскного мероприятия «задержание с поличным» является напрямую зависимым от профессионализма следователя и оперативных сотрудников, а также от взаимодействия между ними.

Д.Ю. Фещенко
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Макаров С.А.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ САНКЦИЙ НА КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ

Аннотация: *в работе рассматривается влияние санкций на квалифицирующие признаки обстоятельств непреодолимой силы. Автором рассматривается генезис данного института, указываются его существенные недостатки в правоприменительной практике. В работе автор предлагает вариант разрешения проблемы применения обстоятельств непреодолимой силы к предприятиям, пострадавшим от санкций.*

Ключевые слова: *обстоятельства непреодолимой силы, квалифицирующие признаки, санкции.*

Вопросы определения правовой природы непреодолимой силы и ее квалифицирующих признаков являлись предметом не одной дискуссии дореволюционной цивилистической доктрины и законодательства, а также советского гражданского права, однако они не привели к четкому и полному, легально закрепленному определению непреодолимой силы. В частности, до настоящего времени отсутствие единообразного понимания сути квалифицирующих признаков непреодолимой силы порождает вольное толкование данных категорий, влекущее ошибки в правоприменительной практике[1].

Действительно, вопрос квалификации обстоятельств непреодолимой силы неоднократно ставился в доктрине гражданского права России, Советского союза, Российской Империи. Так, один из наиболее значимых учёных-теоретиков гражданского права профессор Т.М. Яблочков указывал, что непреодолимая сила является одним из самых «загадочных» институтов гражданского права. Так, относительно данного института, профессор указывал: «Им оперирует законодатель в разных отраслях права, не связывая, однако, с ним никакого определённого содержания».

Так Объяснительная Записка к ст. 1087 Проекта Гражданского уложения Российской Империи содержала следующее определение: «Под непреодолимой силой понимаются такие проявления сил природы и такие деяния третьих лиц (не принадлежащих к составу служащих [прим. автора – работников]), которые как сами по себе, так и в своих последствиях, не могли быть ни предотвращены, ни преодолены, хотя бы были приняты всякие возможные и необходимые при данных обстоятельствах меры предосторожности»[2].

[1] См.: *Иванова С.Н.* Понятие непреодолимой силы и ее квалифицирующих признаков в современном гражданском праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 111.

[2] См.: *Яблочков Т.М.* Понятие непреодолимой силы в гражданском праве // Московская высшая школа социальных и экономических

В свою очередь ГК РФ определяет обстоятельства непреодолимой силы как чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства при текущих условиях. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств[1].

По мнению Е.С. Каплуновой непреодолимая сила представляет собой сложный юридический факт, элементами которого выступают признаки (его явления, проявления):

1. Внешний характер
2. Чрезвычайность
3. Непредотвратимость при данных условиях.

Каждый из этих признаков необходим, а все вместе достаточны для квалификации всевозможных фактов на предмет отнесения к обстоятельству непреодолимой силы[2].

Так, для того, чтобы продавца, изготовителя или исполнителя освободили от ответственности за неисполнение возложенных на него обязательств необходимо доказать следующие элементы:

1. Наличие обстоятельств непреодолимой силы, характеризующиеся продолжительным периодом.

2. Существование причинно – следственной связи, возникшей между обстоятельствами непреодолимой силы и отсутствием возможности или задержки исполнения обязательств.

3. Продавец, изготовитель, исполнитель не причастны к созданию обстоятельств непреодолимой силы.

4. Добросовестное принятие стороной ожидаемых мер для предотвращения, т.е. минимизации возможных рисков[3].

Исходя из правоприменительной практики, случаи успешного признания обстоятельств неопределённой силы крайне редки. Так, суды отказывают ответчикам ссылаясь на недостачу одного из квалифицирующих признаков[4].

По нашему мнению, допустимо рассмотреть вопрос о корректировке данного института в части права ходатайствовать о принятии обязательства после окончания влияния тех обстоятельств, которые невозможно полностью признать обстоятельствами непреодолимой силы.

В пример таких ситуаций стоит привести текущую общественно-политическую ситуацию. Так, рядом стран, в частности, США и ЕС были приняты санкции против Российской Федерации. Данные санкции могут нанести экономический ущерб отдельным российским производителям, особенно в сфере малого предпринимательства, когда у предпринимателя вполне может отсутствовать финансовый и кадровый ресурс для смены поставщиков.

Тем не менее, санкции иностранного государства в большинстве случаев невозможно признать обстоятельством непреодолимой силы, однако, можно было бы предусмотреть право стороны, пострадавшей от санкций, получить отсрочку исполнения собственных обязательств или освобождение от ответственности за нарушение сроков исполнения обязательств, если суд сочтёт, что исполнение обязательств пострадавшей от санкций компанией временно затруднительно.

По нашему мнению, подобная мера должна сопровождаться требованием о принятии мер к наискорейшему исполнению обязательств, например, путём отправки оферт или объявления публичной оферты на оказание тех или иных услуг или поставки товаров, заключением предварительных договоров.

Подводя итоги, следует отметить, что квалифицирующие признаки обстоятельства непреодолимой силы прошли длительный путь от своего формирования до текущего нормативного закрепления, однако, по своей правовой природе остаются динамичными. По нашему мнению, санкции, накладывающие ограничения на производства в Российской Федерации могут существенно изменить понимание обстоятельств непреодолимой силы, что может служить поводом повторно переосмыслить данный институт.

Т.А. Филимонова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Асташкина Е.Н.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация: *в доктрине уголовного процесса имеются проблемы определения особого порядка рассмотрения судом уголовных дел. Отмеченные проблемы связаны с имеющимися подходами к природе уголовно-процессуальной деятельности и рассмотрении уголовных дел в особом порядке. По итогам проведенного исследования формулируется авторское определение особого порядка рассмотрения уголовных дел.*

Ключевые слова: *особый порядок принятия судебного решения, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, уголовное судопроизводство, назначение*

наук. URL: https://www.msses.ru/upload/iblock/9c0/YAblochkov_-Nepreodolimaya-sila.pdf. С. 3, 13. 53.

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] См.: *Иванова С.Н.* Указ. соч. С. 111.

[3] См.: *Лобзова К.Ю.* Основания освобождения продавца (изготовителя, исполнителя) от ответственности по делам о защите прав потребителей // Будущее науки – 2021: Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции. В 6-т т. Курск, 21–22 апреля 2021 г. / отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 128. См.: *Фещенко Д.Ю.* К вопросу влияния положений о непреодолимой силе в связи с пандемией COVID-19 // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник по материалам III заочной Всероссийской научно-практической конференции магистрантов (с международным участием) (16 ноября 2021 г., Саратов). Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 371. С. 370–372.

[4] Например, см.: Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 4 мая 2021 г. по делу № А10-412/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. 2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7bmVEQiNk2WQ/

уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная деятельность.

Уже более 15 лет в России осуществляется поиск оптимальных подходов к упрощению и ускорению уголовного судопроизводства. Речь идет о поиске некоторого баланса, ведь ускорение и упрощение уголовно-процессуальной формы не должно приводить к снижению гарантий прав и свобод, также провозглашенных на международном уровне. В этом заинтересованы не только граждане, но и представители судейского сообщества. С момента вступления в силу УПК РФ в современном российском уголовном судопроизводстве начал применяться особый порядок судебного разбирательства, регулируемый гл. 40 УПК РФ. За относительно короткий срок существования указанного института, особый порядок рассмотрения судом уголовных дел занял заметное место на общем фоне рассмотренных в судах уголовных дел и стал самой распространенной процедурой судебного разбирательства.

УПК РФ закрепил, что при постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в полном объеме судом не исследуются и не оцениваются доказательства, собранные по уголовному делу, т.е. развернутое судебное следствие не проводится. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Тем самым, гарантируется обвинительный приговор, но гипотетически наказание назначается меньше, т.к. размер назначенного наказания не может превышать 2/3 от максимального размера наказания.

Между тем, первоначально Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в 2001 г. и вступивший в силу с 1 июля 2002 г., содержал положение о том, что особый порядок применяется лишь по делам о преступлениях, которые предусматривают наказание не превышающее пять лет лишения свободы. Впоследствии, круг дел, разрешаемых в особом порядке, был расширен и на сегодняшний день большинство обвинительных приговоров постанавливается именно в особом порядке. Дополнительно усложняет ситуацию позиция Верховного Суда РФ, т.к. в отношении вопросов назначения наказания не создано правовых позиций, направленных на то, чтобы наказание, вынесенное судом в особом порядке, в среднем было меньше на одну треть наказания, вынесенного по результатам рассмотрения в общем порядке[1].

19 марта 2019 г. на коллегии Генеральной прокуратуры РФ Генеральный прокурор в присутствии Президента РФ высказал беспокойство по поводу широкого распространения особого порядка рассмотрения уголовных дел, при этом отметив, что особый порядок надо сокращать, причем как через правоприменительные, так и через законодательные механизмы. Тем самым, необходимо вернуться, в частности, к изначальной идее применения гл. 40 УПК РФ, т.е. только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Вскоре Верховный Суд РФ принял на Пленуме в порядке законодательной инициативы и внес в Госдуму законопроект о внесении изменений в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, согласно которому приговоры по делам о тяжких преступлениях запретили выносить без суда[2]. После вступления внесенных федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ в силу поправок в ст. 314 и 316 УПК РФ у адвокатов-защитников и правоприменителей возникло непонимание порядка рассмотрения уголовного дела о тяжком преступлении, совершенном еще до вступления в силу указанного закона, если уже имеется ходатайство обвиняемого о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением, заявленным при ознакомлении с материалами уголовного дела либо в ходе предварительного слушания. Но следует согласиться с С.А. Новиковым в том, что инициатива, исходящая от Верховного Суда РФ и высших должностных лиц о сокращении применения особого порядка судебного разбирательства – знаковое событие, которое должно сопровождаться и изменением подходов правоприменителей[3].

Председатель правления Ассоциации юристов России Владимир Груздев высказал мнение о том, что принципиальное условие для применения процедуры особого порядка рассмотрения уголовного дела – добровольное согласие подозреваемого. Кроме того, он обратил внимание на то, что данный порядок судебного разбирательства вводился законодателем лишь для процессуальной экономии по делам, которые не представляют серьезной общественной опасности. Данный порядок применяется только тогда, когда вина человека не вызывает сомнений и он согласен с обвинениями. Особый порядок позволяет избежать формальностей, сэкономить время и финансовые ресурсы. Как результат – за разрешение на ускоренную процедуру человек получает смягчение наказания[4].

В научной литературе все чаще звучат идеи о том, что особый порядок рассмотрения уголовных дел, по сути, не является уголовно-процессуальной деятельностью[5] и не обеспечивает право потерпевшего на справедливое правосудие[6]. В то же время имеется позиция, согласно которой особый порядок должен становиться более ординарным и не содержать характерных для него предварительных формальных усложнений[7]. Такая противоре-

---

[1] См.: *Титаев К.Д., Поздняков М.Л.* Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», март 2012). СПб., 2012. С. 14.

[2] Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4750.

[3] См.: *Новиков С.А.* Сокращение особого порядка судебного разбирательства: «начало движения» или «конец маршрута»? // Российский судья. 2020. № 10. С. 21–22.

[4] См.: *Куликов В.* Приговор без спешки. Признание перестало быть царицей доказательств // Российская газета. 2021. № 35. URL: https://rg.ru/2021/02/17/v-rossii-stali-rezhe-sudit-v-osobom-poriadke.html (дата обращения: 21.04.2022).

[5] См.: *Брестер А.А.* Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 145.

[6] См.: *Копылов А.В.* Нравственные основы осуществления особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 12.

[7] См.: *Дикарев И.С.* Не пора ли особому порядку судебного разбирательства стать ординарным? // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 54–55.

чивость взглядов относительно природы особого порядка порождает неопределенность в формировании дефиниции особого порядка рассмотрения уголовных дел.

В статье мы затронем вопрос о самой природе рассмотрения судом уголовных дел в особом порядке и сформулируем авторское определение указанной уголовно-процессуальной деятельности. Следует подчеркнуть, что мы будем исследовать особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

По сути, отсутствие как такового процесса исследования доказательств в судебной стадии позволяет многим представителям доктрины уголовного процесса сделать вывод, что особое производство не может рассматриваться в качестве формы уголовного судопроизводства – не является уголовным процессом как таковым.

А.С. Барабаш, пожалуй, раньше других высказал мысль, согласно которой особое производство вступает в противоречие с сущностными признаками уголовно-процессуальной формы, предполагающей состязательность и познавательную активность суда. В свою очередь, по мнению ученого, особое производство построено исключительно на доминировании публичного интереса, делающего безусловным обвинение лица[1].

Ученик А.С. Барабаша К.В.Скоблик также указывает на то, что при создании уголовно-процессуальной формы познавательные закономерности должны не игнорироваться, а учитываться, что нельзя наблюдать применительно к особому производству[2]. Л.А. Пупышева и И.В. Решетникова тоже подчеркивают важность понимания механизма взаимодействия особых производств с ординарным производством, полагая, что исследуемая разновидность судопроизводства построена не на уголовно-процессуальной форме, а выступает в качестве своего рода судебно-контрольного производства[3].

Конечно, форма судопроизводства, в рамках которой выносится судебное решение, предопределяет и особенности его содержания. Следует еще подчеркнуть, что условием вынесения приговора в особом порядке выступает не признание вины, а согласие с предъявленным обвинением и этому сопутствует установление обоснованности такого решения. Е.А. Артамонова совершенно точно замечает, что при регламентации особого порядка рассмотрения уголовных дел волеизъявление лица, в отношении которого ведется такое производство, приобретает ключевое значение[4].

О.В. Качалова и В.И. Качалов рассматривают расширение возможностей обвиняемого относительно особого порядка уголовного судопроизводства через призму реализации права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного ст. 6 Европейской конвенции о правах человека. Авторы указывают на то, что право на справедливое судебное разбирательство не будет нарушено в том случае, если отказ от полноценного судебного разбирательства носит непосредственно добровольный и осознанный характер и соответствует публичным интересам, а также при наличии условия соблюдения в ходе досудебного производства по делу важнейших прав обвиняемого[5].

С тем, что особый порядок при соблюдении ряда условий не противоречит назначению уголовного судопроизводства согласен также Э.М. Абдуллаев, по мнению которого, при установлении в гл. 40 УПК РФ особого порядка принятия по уголовному делу судебного решения, законодатель имел цель расширить границы использования признания обвиняемого для разрешения уголовных дел определенной категории. При этом, также не остался без внимания и такой аспект назначения уголовного судопроизводства, как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, поскольку без согласия государственного и частного обвинителя, а также потерпевшего рассматриваемое производство невозможно[6].

Также существует позиция, согласно которой особый порядок рассмотрения судом уголовный дел является упрощенной формой ординарного производства. Расширение возможностей обвиняемого относительно выбора особого порядка происходит в русле гуманизации уголовного процесса, т.к. существуют свои особенности в отношении правил назначения наказания при рассмотрении судом уголовного дела в особом порядке. Так, ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ устанавливают, что наказание осужденному не может превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. В п. 13 постановления Пленума от 5 декабря 2006 г. № 60 Верховный Суд РФ разъяснил, что требование о назначении подсудимому при рассмотрении дела в особом порядке наказания не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, не распространяется на дополнительные наказания и альтернативные виды наказания, указанные в санкциях статей Особенной части УК РФ[7]. При рассмотрении уголовного дела су-

---

[1] См.: *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление: монография. СПб., 2005. С. 56–57.

[2] См.: *Скоблик К.В.* Тождественность понятий «познание» и «уголовно-процессуальное доказывание» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 8. № 2. С. 217–218.

[3] См.: *Пупышева Л.А.* Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (постановка проблемы) // Мировой судья. 2021. № 6. С. 18–19; *Пупышева Л.А.* Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России: виды, взаимодействие с основным производством, способы нормативного выражения в УПК РФ // Мировой судья. 2021. № 10. С. 13–14; *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М., 2019. С. 134–135.

[4] См.: *Артамонова Е.А.* Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как уголовно-процессуальная категория // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 1025.

[5] См.: *Качалова О.В., Качалов В.И.* Право на справедливое судебное разбирательство и особый порядок судебного разбирательства: есть ли коллизия? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 197–198.

[6] См.: *Абдуллаев Э.М.* Обеспечение прав подсудимых на рассмотрение уголовного дела в особом порядке // Законность. 2019. № 4. С. 53–54; *Абдуллаев Э.М.* Проблемы обеспечения права обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке // Современное право. 2018. № 12. С. 100; *Саюшкина Е.В.* Особый порядок судебного разбирательства и назначение уголовного судопроизводства // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 180–181.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в ред. от 29.06.2021) // Рос. газ. 2006. № 286.

дом в особом порядке с осужденного не взыскиваются процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, о чем гласит ч. 10 ст. 316 УПК РФ. Данное положение относится, в том числе, и при обжаловании приговора в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции.

Приговор, постановленный в порядке гл. 40 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном порядке в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции (ст. 317 УПК РФ). При это не исключается возможность обжалования приговора в апелляционном и кассационном порядке в случаях наличия нарушений уголовно-процессуального закона, неправильного применения уголовного закона либо несправедливости приговора.

На основании рассмотрения сущностных черт особого порядка рассмотрения уголовных дел, можно сформулировать следующее определение: упрощенная форма рассмотрения судом первой инстанции уголовного дела о преступлениях небольшой или средней тяжести при согласии лица с предъявленным ему обвинением, который добровольно ходатайствовал после проведения консультаций с защитником и в присутствии защитника о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, в результате чего происходит смягчение наказания.

Таким образом, особый порядок не вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства, однако, требуется достаточная осмотрительность в применении «сокращенного суда», чтобы это не привело и не опускалось до уровня простого и шаблонного подтверждения обвинительного заключения или акта. Назначение наказания не должно сводиться и основываться только на признании человеком своей вины при слабой доказательственной базе. Все же в некоторых ситуациях суд все равно должен внимательно изучить обстоятельства. В связи с этим, дополнительной гарантией служит дача согласия государственного обвинителя на осуществление производства по уголовному делу в особом порядке.

Д.Г. Филина
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Петрова Г.Б. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР КАК НЕГАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ?

Аннотация: *оправдательный приговор – это решение суда о невиновности подсудимого и об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Вопрос определения правовой природы института оправдания является дискуссионным. В статье рассматривается сущность вышеназванного явления.*

Ключевые слова: *оправдательный приговор, уголовное преследование, уголовный процесс, правосудие, институт оправдания.*

Оправдательный приговор как вид итогового решения по уголовному делу рассматривается многими учеными-правоведами. В юридической науке возникают споры касательно его природы. Несомненно, большинство авторов считают, что существование данного института свидетельствует о наличии судебных ошибок, некачественного проведения предварительного расследования.[1] Данный тезис частично обосновывает существующую на данный момент статистику.

По итогам работы судов за 2021 год, председателем Верховного Суда РФ была затронута тема гуманизации уголовного законодательства. Лебедев В.М. отметил рост количества оправдательных приговоров. Так, в 2021 г. суды рассмотрели 770 000 уголовных дел в отношении 783 000 человек и вынесли обвинительные приговоры в отношении 601 000 человек. Оправдали только 2100 из общего числа подсудимых, при этом 372 оправдательных приговора были вынесены с участием присяжных.[2] Однако стоит также отметить, что в 2020 г. доля оправдательных приговоров уменьшилась и составила 0,34 %, и таким образом, сократилась по сравнению с 2019 годом на 5,56 %[3]. В 2019 г. доля оправдательных приговоров составила 0,36 %. Он стал первым с 2013-го, в котором этот процент вырос. Более того, именно присяжными заседателями оправдывается большая часть обвиняемых.

Актуальность темы, прежде всего, представлена основным назначением данного правового явления: оправдательный приговор является наиболее убедительной и юридически состоятельной формой отказа от уголов-

[1] См.: *Соколов О.В.* Постановление оправдательного приговора в российском судопроизводстве как результат следственных ошибок // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 222–224.

[2] См.: Статья Верховный Суд РФ подвел итоги работы судов за 2021 год. ПРАВО RU. URL: https://pravo.ru (дата обращения: 22.03.2022).

[3] См.: Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о вынесении оправдательного приговора. URL: http://stat.апи-пресс.рф (дата обращения: 22.03.2022).

ного преследования невиновных.[1] Практика оправдания в уголовном процессе ставит перед юридической наукой ряд вопросов, среди которых один из самых важных это природа оправдательного приговора. Результатом чего является его применение: некачественной работы правоохранительных органов при проведении предварительного расследования или реализации принципа состязательности в уголовном процессе? Определение природы оправдательного приговора позволит выделить основные проблемы его постановления в российском уголовном процессе.

Согласно ст. 5 УПК РФ «приговор – это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания, либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции».[2] Следовательно, оправдательный приговор – это итоговое решение, выносимое судом первой или апелляционной инстанции, которое устанавливает невиновность подсудимого и порождает право на его реабилитацию[3].

Вынесение оправдательного приговора традиционно воспринимается в практике правоохранительных органов в негативном ключе, несмотря на то, что в ч. 2 ст. 6 УПК РФ указывается, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Существование оправдательного приговора как акта самоограничения государственной власти[4], является отражением принципа состязательности закрепленного в Конституции РФ и в отраслевом законе. По мнению Н.Н. Полянского «состязательность – это метод отыскания истины, который состоит в состязании сторон, выполняемом и контролируемом активным участием суда в разбирательстве дела»[5]. При вынесении судом любого вида приговора, выполняется его контрольная процессуальная функция, которая необходима для качественного, объективного и всестороннего разрешения дела. Оправдание подсудимого необходимо рассматривать как метод исправления процессуальных ошибок путем реабилитации подсудимого, признанного невиновным. Наличие института оправдательного приговора в уголовно-процессуальном законодательстве является гарантом обеспечения права личности на судебную защиту.

Кажется правильным, при рассмотрении сущности оправдательного приговора, не акцентировать внимание на том, что вынесение оправдательного приговора означает незаконность предварительного следствия (дознания) в отношении обвиняемого, ошибочность позиции прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт), а в некоторых случаях и государственного обвинителя в суде, а на том, что существование обсуждаемого механизма позволяет данные ошибки предотвратить и достичь целей уголовного судопроизводства.

Определение места оправдательного приговора в уголовно-процессуальной практике остается во многом проблемным и дискуссионным вопросом. Более глубокое изучение его природы позволит определить факторы, препятствующие вынесению оправдательных приговоров, что необходимо в условиях либерализации уголовного процесса. Ошибочным было бы мнение, о том, что вынесение оправдательного приговора не связанно с ошибками правоохранительных органов. Однако, выполняя назначение уголовного судопроизводства, оправдательный приговор является своеобразным инструментом «работы над ошибками», или правильнее: гарантом обеспечения прав личности на судебную защиту, в том числе и от незаконного и необоснованного осуждения.

А.В. Хлесткова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Зайцева О.В.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СОТРУДНИКАМИ ОВД

Аннотация: *несмотря на широкое обсуждение проблем, связанных с преступностью сотрудников ОВД, количество преступлений при исполнении служебных обязанностей остаётся на прежнем уровне. Необходимость выработки единого определения преступлений, совершаемых при исполнении служебных обязанностей сотрудниками ОВД выражается в дальнейшем правильном понимании правовой природы исследуемых преступлений.*

Ключевые слова: *преступления сотрудниками ОВД, исполнение служебных обязанностей.*

В силу предоставления законом особой категории прав сотрудникам правоохранительных органов, зачастую последние прибегают к его пренебрежению и тем самым совершают определённого рода преступления. Следует отметить, что поведение, которое отклоняется от сложившейся нормы присуще абсолютно каждой категории лиц. Если этими лицами являются уполномоченные

---

[1] См.: *Степанов К.В.* Оправдательный приговор как существенный дефект современного уголовного процесса // Евразийская адвокатура 2019. № 4 (41) С. 38–41. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.03.2022).

[2] См.: Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗг (с изм. от 24.03.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25.

[3] См.: *Рябчиков В.В. Спиридонова А.А.* Проблемы вынесения судами оправдательного приговора // StudNet. № 1/2021. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.03.2022).

[4] См.: *Самсонов И.И.* Сущность и социально- ценностное значение оправдательного приговора // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 4. С. 142–146. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.03.2022).

[5] См.: *Самсонов И.И.* Сущность и социально- ценностное значение оправдательного приговора // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 4. С. 142–146. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.03.2022).

на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, то как следствие это вызывает особую негативную оценку в обществе. К таким лицам следует отнести сотрудников ОВД, следственного комитета РФ (далее – СК РФ), прокуратуры РФ, ФСБ РФ, судебных органов и других.

Как было отмечено ранее, использование своих полномочий предоставляет сотрудникам ОВД действовать незаконным образом, при этом не нести ответственность, предусмотренную российским законодательством. Согласно статистике предоставленной Генеральной прокуратурой РФ за 2020 год более 1400 сотрудников ОВД осуждены за различного рода составы преступления[1]. Данный факт подтверждает необходимость проведения подробного анализа данного вида преступлений в обособленности от совокупности, как должностных преступлений, так и преступлений, субъектом которых могут быть сотрудники других органов правоохранительной системы. Следует отметить, что в данной работе будут рассмотрены только те преступления, которые непосредственно связаны с исполнением служебных обязанностей сотрудниками ОВД.

Согласно позиции Байрамкулова А.М. «Преступления, совершаемые сотрудниками ОВД при исполнении служебных обязанностей – это общественно опасные противоправные виновные деяния, совершаемые служащими младшего и начальствующего состава органов внутренних дел с использованием служебных полномочий, вопреки принципам службы, посягающие на общественные отношения, направленные на легальное использование государственным и муниципальным служащим прав и исполнение обязанностей, которые вытекают из его служебного положения»[2]. Исходя из анализа вышеназванного определения, необходимо выделить соответствующие признаки рассматриваемых преступлений:

1. Общественно-опасные противоправные виновные деяния;

2. Субъектами преступлений являются сотрудники ОВД разных званий и должностей;

3. Преступления совершаются вопреки принципам службы;

4. Посягают на общественные отношения;

5. Направлены на легальное использование государственным и муниципальным служащим прав, вытекающих из служебного положения.

В своей научной работе о понятии профессиональных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД А.Л. Баландин справедливо отмечает, что: «это противоправное деяние, содержащее основные признаки криминального профессионализма, совершённое должностным лицом, наделённым определённым спектром полномочий, направленное против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»[3].

Исходя из анализа научной литературы относительно темы настоящего исследования, следует обобщить те признаки, которые непосредственно присущи субъекту преступления, предусмотренного российским уголовным законодательством РФ. К ним необходимо отнести следующие:

1. Наличие у сотрудника ОВД специализированных задач, непосредственно направленных на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;

2. Исполнение обязанностей согласно уголовно-процессуальному законодательству относительно ограничения прав и свобод граждан в строго регламентированной законом форме;

3. Осуществление полномочий, строго указанных в российском законодательстве;

4. Сотрудники ОВД взаимодействуют с иными органами правоохранительной, надзорной и контрольной деятельности;

5. Предписания сотрудника ОВД юридически значимы для исполнения их другими лицами;

6. Закон защищает сотрудников ОВД от различного рода посягательства на их жизнь и на жизнь членов семей.

Обозначив основные признаки специального субъекта – должностного лица, необходимо обратиться к позициям учёных относительно вопроса его содержания. В начале XX в., В.Н. Ширяев справедливо отмечал, что: «должностное преступление – это злоупотребление служебными полномочиями, заключающееся в посягательстве или на правовые блага, доступные для воздействия лишь со стороны должностных лиц, или на иные правовые блага, но учинённые с помощью такого способа, который находится в руках только должностных лиц»[4]. Согласимся с данным определением и в свою очередь ответим на вопрос о том, что подразумевается в совершении преступлений сотрудниками ОВД при исполнении своих должностных обязанностей. По нашему мнению, ответ на вышеуказанный вопрос заключается в том, что зачастую сотрудникам приходится сталкиваться с огромной документарной и вследствие этого психологической нагрузкой. Именно это в последствии образует тенденцию к низкой продуктивности каждого конкретного сотрудника и с подвергает последнего совершать то или иное преступное деяния по отношению как к гражданам, так и к своим коллегам из-за эмоциональной загруженности.

Однако всё вышесказанное не оправдывает действия лица, совершившего должностное преступление, т.к. устраиваясь на службу, оно должно быть готово по всем параметрам эффективно и беспрекословно исполнять обязанности. Соответственно, предвидев последствия, сотрудник должен предотвратить то или иное негативно направленное явление.

Подводя итог всего вышесказанного, стоит отметить, что на сегодняшний день такое явление как преступления совершаемые органами ОВД при исполнении служебных обязанностей является неизученным. Это подтверждает

---

[1] См.: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: Crimestat.ru (дата обращения: 03.10.2021).

[2] Цит. по.: *Байрамкулов А.М.* Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 11.

[3] См.: *Баландин А.Л.* Понятие профессиональных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17. № 2. С. 91–99.

[4] См.: *Ширяев В.Н.* Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1916. С. 178–179.

отсутствие чётко выработанного определения рассматриваемой преступности сотрудников ОВД и не раскрыты причины преступного поведения данных лиц. По нашему мнению, законодателю следует систематизировать и актуализировать существующую на сегодняшний день нормативно-правовую базу по вопросам противодействия совершения должностных преступлений сотрудников ОВД.

Под понятием преступлений, совершаемых при исполнении служебных обязанностей сотрудниками ОВД предлагаем понимать виновно совершенное, общественно опасное деяние, совершаемые государственными служащими ОВД с использованием служебных полномочий, вопреки принципам службы, посягающие на общественные отношения, направленные на легальное использование прав и исполнение обязанностей, которые вытекают из его служебного положения.

Р.Д. Хубиев
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Барков А.В.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УСТУПКИ БУДУЩИХ ПРАВ (ТРЕБОВАНИЙ)

Аннотация: *настоящая статья посвящена отдельным особенностям уступки будущих прав (требований), проанализировано понятие будущего права, а также точки зрения ученых относительно его применения. Автор выявляет ряд проблемных аспектов правовой регламентации уступки будущих требований, анализирует новеллы гражданского законодательства, международно-правовые нормы и руководящие разъяснения высших судебных инстанций в данной области; а также исследует вопросы надлежащей идентификации будущих требований.*

Ключевые слова: *будущее право, уступка будущих прав (требований), цессия, идентификация будущих требований.*

Экономический кризис, с которым столкнулось наше государство в 90-х гг. повлиял на многие сферы жизни в обществе, в особенности на экономику. Нельзя не отметить тот факт, что экономические изменения повлекли за собой усложнение практики правоотношений в предпринимательской деятельности. Вместе с развитием кредитования и денежного обращения начинает развиваться уступка права требования. Право приобрело, по аналогии с другими имущественными объектами, возможность передаваться другому лицу. В современных предпринимательских отношениях цессионные сделки значительно облегчают хозяйственную деятельность субъектов. Уступка права требования, в частности задолженности, переходит от одного владельца к другому по мере надобности.

Подтверждением того, что уступка права требования заняла существенное место в предпринимательских и правоустанавливающих отношениях, является тот факт, что вопросы касательно уступки права требования долга пересматриваются, меняются в юридической практике и нормативных документах как в Российской Федерации, так и в других странах мира. Законодательная власть разных стран мира периодически регулирует и изменяет подходы к рассмотрению механизма работы и регулировки вопроса цессии. Однако, несмотря на совершенствующиеся законодательные акты, с каждым днем возникают новые вопросы в процессе деятельности хозяйствующих субъектов, что в свою очередь вызывает все новые гражданско-правовые споры по совершаемым сделкам уступки прав требования. Огромное количество исковых заявлений о признании не действительным того или иного договора уступки требовании (цессии), который как раз и является результатом соглашения о замене взыскателя, поступает в суды. Более того, институт уступки прав требования содержит много спорных моментов, относительно которых высказываются многие правоведы, ученые. Одним из таких спорных вопросов является уступка будущего права требования.

Продолжительное время в Гражданском кодексе РФ[1] (далее – ГК РФ) отсутствовало точное определение понятий «существующее требование» и «будущее требование». Поэтому под будущим требованием одни авторы понимали право по обязательству, которое возникнет в будущем, а иные – право по уже существующему обязательству, по которому не наступил срок платежа[2].

На протяжении длительного периода времени нормы главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве не регламентировали вопросы, связанные с уступкой будущих требований. До вступления в силу Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ[3], ГК РФ не содержал определения термина «будущее требование». Вместе с тем еще до 1 июня 2014 г. некоторые нормы гражданского законодательства оперировали такими понятиями как: имущественных прав, которые будут приобретены в будущем (п. 6 ст. 340 ГК РФ); обязательства, которое возникнет в будущем (абз. 1 ст. 361 ГК РФ). Понятия существующего и будущего права упоминаются в главе 43 ГК РФ, нормы которой закрепляют конструкцию договора финансирования под уступку денежного требования и, в частности, регулирует отношения цессии в рамках данного договора.

Отсутствие долгое время определения самого понятия «будущее право» порождало некоторые неопределенности. Будущим является право, которое еще не возникло. Как правило, выделяют два варианта или вида таких будущих прав. В первом случае, как и сказано в самой статье 388.1, речь идет о праве, возникающем из договора, ко-

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] См.: *Масленников Э.А.* О некоторых проблемах правовой регламентации уступки будущих требований // Молодежь в науке: новые аргументы: сб. науч. работ IV Международной молодежной научной конференции / отв. ред. А.В. Горбенко. 2018. С. 184–188.

[3] См.: Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 51, ст. 6687.

торый лишь будет заключен в будущем. А второй вариант предполагает те обязательства, по которым не наступило отлагательное условие, т.е. когда договор уже был заключен, и уступаемое право основано на нем, но оно поставлено под некое отлагательное условие. Однако в последнем случае в доктрине и практике часто такие права считают существующими, но еще не созревшими. В работе «Общее учение об обязательстве» И.Б. Новицкого и Л.А. Лунца говорится: «Право требования, поставленное в зависимость от срока, условия и вообще не окончательно выяснившееся, передать можно: положение нового субъекта права в этих случаях будет такое же неопределенное, как было у первоначального кредитора; право нового кредитора получит полную определенность только тогда, когда вопрос об условиях и прочем разрешится[1].

Из абзаца 2 пункта 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» следует, что к категории будущих прав однозначно нельзя относить права по уже заключенным договорам, по которым еще не наступил срок исполнения (их называют несозревшие требования)[2]. Такие права уже возникли, но они не могут быть осуществлены до наступления определенного срока. В качестве примера приводится требование займодавца о возврате суммы займа до наступления срока возврата, оно передается в момент заключения договора об уступке. При этом в дальнейшем цедент будет нести ответственность за нарушение своих обязательств перед цессионарием, вытекающих из соглашения об уступке будущего требования, если уступка не состоится в результате того, что уступаемое право не возникло. Таким образом, уступка возникших, но еще не созревших требований не подпадает под действие положений об уступке будущих прав.

Отнесение того или иного права к категории будущих играет важную роль для установления правового режима уступки будущего требования. Например, это непосредственно касается вопроса перехода будущего права. Так, согласно пункту 2 статьи 388.1 ГК РФ будущее право по общему правилу переходит к цессионарию автоматически с момента возникновения самого права, а при уступке существующего, но не созревшего права последнее перейдет в момент совершения распорядительной сделки цессии (момент перехода права может быть отсрочен по воле сторон).

Далее, изучая вопрос перехода будущего права, необходимо обратить внимание на нормы международного права, а именно Модельные правила европейского частного права и Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА.

Согласно статье 9.1.5 Принципов УНИДРУА переход права осуществляется уже в момент совершения сделки цессии при условии его дальнейшего возникновения[3], таким образом, установлен подход отличный от того, какой предусмотрен российским законодательством. А в пункте 1 статьи III.5:106 Модельных правил европейского частного права говорится, что будущие права на получение исполнения могут быть предметом акта уступки, но условием передачи являются их возникновение и возможность определить, что акт уступки был совершен именно в отношении этих прав[4]. Хотя из данного пункта прямо не вытекает указание на момент перехода, предполагается, что в данном случае подход аналогичен тому, который реализован в ГК РФ, т.е. момент перехода права определяется моментом его возникновения. Но в силу диспозитивного характера нормы, регулирующей рассматриваемый вопрос, в соглашении стороны могут предусмотреть, что право переходит позже возникновения. В постатейном комментарии к ГК РФ отмечается, что нельзя договориться о том, что право перейдет ранее момента его возникновения. Такое проявление свободы договора будет противоречить природе вещей, т.к. нельзя передать то, чего еще нет, следовательно, подобная договоренность будет ничтожной в силу противоречия существу законодательного регулирования[5].

Определение момента перехода будущего права важно в случаях, когда первоначальный кредитор впадает в банкротство после заключения договора об уступке, но до возникновения будущего права требования. Относительно данной ситуации А.Г. Карапетов отмечает, что в подобных случаях срабатывание автоматического распорядительного эффекта по правилам п. 2 ст. 388.1 ГК РФ может не наступить, и требование при определенных условиях может «застрять» в конкурсной массе цедента[6]. Так, неопределенным становится положение цессионария. Л.А. Новоселова ставит вопрос о том, возникает ли право сначала для цедента и только после этого переходит к цессионарию, или оно возникает сразу непосредственно у нового кредитора, и пишет: «Если в этой ситуации цессионарий приобретает права в отношении должника непосредственно от должника, то по общему правилу несостоятельность цедента его не затрагивает, т.к. право требования не входит в конкурсную массу должника (цедента). Если право возникает у цедента, цессионарий при возникновении права его не получает: оно входит в конкурсную массу должника (цедента) и последний уже не может распорядиться правом требования»[7].

---

[1] См.: *Садбекова К.Ж.* Особенности уступки будущих прав // Актуальные вопросы права, экономики и управления: Материалы XXIII международной научно-практическая конференции. 2019. С. 50–53.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

[3] См.: Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: Модельные правила Европейского частного права. М.: Статут, 2013.

[5] См.: *Байбак В.В., Ильин А.В., Карапетов А.Г. и др.* Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 54.

[6] См.: *Байбак В.В., Ильин А.В., Карапетов А.Г. и др.* Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 67.

[7] См.: *Новоселова Л.А.* Уступка будущих прав (комментарий к ст. 388 ГК РФ) // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 7.

В пункте 6 ПП ВС РФ № 54 указано: если иное не установлено законом, будущее требование переходит к цессионарию, соответственно, непосредственно после момента его возникновения или его приобретения цедентом[1].

Соглашаясь с А.Г. Карапетовым, мы приходим к выводу о том, что здесь возможны два варианта развития событий:

1) условные требования (например, требование о неустойке) необходимо отнести к категории будущих требований, в силу положений ст. 157 ГК РФ пока условие не наступило, этих прав еще нет, следовательно, при наступлении условий право возникает сначала у цедента, а только потом может перейти к цессионарию. При таком толковании статьи 388.1 ГК при банкротстве цедента право требования «застрянет» в его конкурсной массе;

2) если же исходить из того, что обязательство, поставленное под отлагательное условие, до момента его наступления уже полноценно существует, то требование выйдет из имущественной массы цедента немедленно и созреет уже непосредственно, первоначальным образом в имущественной массе цессионария, и последнего не будет волновать банкротство цедента.

На наш взгляд, если буквально толковать п. 2 ст. 388.1 ГК РФ и п. 6 Постановления Верховного Суда РФ № 54, то первый вариант с попаданием будущего требования в конкурсную массу цедента выглядит предпочтительнее. Но вместе с тем по данному вопросу сформировалась научная дискуссия, единого мнения нет. Потому есть необходимость более подробного толкования указанного законоположения со стороны высшей судебной инстанции.

Немаловажным в отношении уступки будущего права является вопрос его идентификации. В п. 1 ст. 388.1 ГК РФ указано, что требование должно быть определено в соглашении таким способом, который позволит его идентифицировать на момент возникновения или перехода к цессионарию. В ранее упомянутом пункте 1 статьи III.5:106 Модельных правил европейского частного права также установлено, что при уступке должна быть возможность определения того, что акт уступки был совершен именно в отношении передаваемого права. Такая необходимость, по-видимому, обусловлена тем, что это и будет существенным условием уступки будущего требования. Но одновременно действующая редакция статьи ГК дает возможность не конкретизировать требования и описать их лишь в общем виде. Как видится, нужно подробнее раскрыть данное положение и прописать необходимость указания не только на характер требования, но и на личность должника, а также сумму задолженности.

На наш взгляд, значимых препятствий для включения в оборот будущих прав нет. Закрепление в ГК РФ статьи об уступке будущих прав нельзя оценивать категорично отрицательно, однако по отдельным аспектам, рассмотренным в работе, требуются дополнения.

Как видим, уступка будущих прав реальна и получила широкое распространение в большинстве развитых стран. Ее применение положительно сказывается на экономических процессах, происходящих в стране. Ведущей проблемой является закрепление понятия в российском законодательстве, отсюда и следуют вытекающие из нее спорные вопросы. Поэтому можно сделать вывод о том, что существует явная необходимость реформирования гражданского законодательства в части введения в оборот будущих прав.

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

А.Ю. Хухрова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Михайлов А.Е.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «МЕДИАЦИЯ» И ЕЁ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация: *медиация является процессом осуществления выбора решений для выхода из конфликтных ситуаций, споров. Используется медиация при решении широкого круга конфликтных проблем и является внесудебной формой защиты прав, альтернативным способом урегулирования споров и конфликтов.*

Ключевые слова: *медиация, медиатор, урегулирование спора (конфликта), альтернативное разрешение конфликта.*

Недопонимания, перерастающие в спорные и конфликтные ситуации могут возникнуть в жизни любого человека. При развитии конфликта возрастают трудности в понимании между оппонентами. Протест и отрицание противоположной позиции влечёт противоборство между спорящими сторонами, создаёт сложности в понимании цели спора, т.к. эмоции и субъективная оценка сложившейся ситуации превалируют над истинными интересами. Такие конфликты требуют адекватного разрешения с помощью незаинтересованного в споре человека, который знает право. Стоит отметить, что в настоящее время в нашей стране существует такая альтернативная форма разрешения конфликта, которая позволяет урегулировать конфликт без обращения в государственные суды. По мере увеличения разрешения конфликтных ситуаций с помощью взаимоприемлемого, добровольного согласия практическую значимость приобретает развитие функционирования и применения медиации. Следует отметить, что медиацию обозначают процедурой и процессом, не разграничивая данные понятия.

Медиация в качестве самостоятельного процесса получила своё развитие в США. Возникновение процедуры медиации приходится на 70-е гг. XX в. Новый подход в работе с конфликтом был предложен представителями Гарвардской школы Р. Фишером и У. Юри. Затем по мере

своего развития данная процедура стала интересным обьектом для европейских стран и уже в 1980-х гг. рассматривалась в Европе в качестве альтернативного варианта судебному процессу.

В России процедура медиации считается новым способом разрешения проблем между спорящими сторонами. Она рассматривается в различных областях научного знания. Как процесс медиация позволяет урегулировать конфликты, возникающие в трудовой, семейной, образовательной, судебной и других сферах.

Процедура медиации была введена в правовую действительность с целью активизировать внесудебное, альтернативное урегулирование конфликтов. Правительство РФ оказывает поддержку в развитии внесудебных форм разрешения споров, в том числе применению процедуры медиации, заключающейся в содействии примирению при решении критических ситуаций, что было отмечено в документе: «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г.». Там же было указано, что к преимуществам процедуры медиации Правительство РФ относит «конфиденциальность, оперативность рассмотрения спора и невысокие затраты, а также отсутствие необходимости принудительного исполнения решения, поскольку в ходе примирительных процедур стороны сами вырабатывают удовлетворяющее их решение и поэтому заинтересованы в его исполнении»[1].

Закрепление статуса медиации на законодательном уровне послужило предпосылкой правового развития медиации в России. Произошло это в связи с принятием в июле 2010 г. Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 2 закона под медиацией следует понимать «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»[2].

Участие медиатора в процессе урегулирования спора – обязательное условие медиативной процедуры. К личности медиатора предъявляются требования, которые отражены в законе о медиации. Одним из важных условий или требований следует считать то, что осуществляется такая деятельность незаинтересованным в конфликте лицом, при этом он может быть лицом, имеющим специализацию, профессиональное образование и не имеющим профессионального образования. Требования к осуществлению профессиональной и непрофессиональной деятельности медиатора разнятся в том, что непрофессионалы допускаются к медиативной деятельности при достижении восемнадцатилетнего возраста, наличии полной дееспособности и отсутствии судимости, а профессионалы – при достижении двадцатипятилетнего возраста, наличии высшего профессионального образования, прошедшие к тому же дополнительные курсы повышения квалификации в сфере медиации.

А.А. Рождествина в качестве основной роли медиатора отмечает «выявление вопросов, возникших в связи со спором и требующих обсуждения в ходе процедуры», а также обеспечение связи между сторонами спора, установление понимания собственных интересов и интересов оппонента, согласование действий, структурирование вариантов разрешения спора, представляющих канву или проект медиативного соглашения. Медиатор помогает сторонам спора составить соглашение, в связи с заключением которого процедура медиации прекращается.

Таким образом, медиатор является лицом, просчитывающим риски, выявляющим последствия событий, налаживающим взаимодействие с каждой из сторон спора, а также между сторонами спора. Задача медиатора показать, что людям не нужно конкурировать в конфликте, т.е. конфликт может быть разрешён и должен быть разрешён при наличии желания его разрешить.

Понятие «медиация» затрагивается в различных работах психологов А.В. Вишневская, Н.М. Романова, О.Б. Кетова, социологов М.В. Павлова, О.В. Аллахвердова, конфликтологов О.В. Маврин, А.В. Алешина, В.А. Косовская, юристов А.В. Давыденко, Р.А. Шаманова, А.А. Рождествина, Н.И. Минкина и других.

Обратимся к исследователям, которые дают определение данному понятию. Для начала отметим, что в научной среде наряду с понятием «медиация» используется понятие «посредничество». При этом одни исследователи отстаивают мнение о равнозначности и уподобляют эти понятия (В.А. Модестов, А.В. Модестова, Е.И. Носырева), а другие выступают противниками такого уподобления и разграничивают данные понятия (Н.М. Миникина, Ц.А. Шамликашвили).

Н.М. Романова считает, что «медиация – это способ урегулирования конфликтов с участием профессионального посредника (медиатора), помогающего участникам спора разобраться в конфликте и его решить»[3].

Н.И. Минкина подчеркивает, что «медиация – это самостоятельный внеюрисдикционный способ урегулирования спора при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими в переговорах взаимоприемлемого решения»[4].

Т.А. Савельева в коллективном исследовании об урегулировании правовых споров с помощью негосударственных процедур отмечает, что под процедурой посредничества следует понимать такой способ разрешения споров, который предполагает нейтральную сторону между сторонами конфликта, способствующую переговорам направленным на выработку и заключение соглашения по вопросу спора[5].

А.А. Рождествина полагает, что медиация – это «способ урегулирования споров при содействии медиатора

[1] См.: Цит. по: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ на период до 2020 г.» // СЗ РФ. 2009. № 3, ст. 423.

[2] См.: Цит. по: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

[3] См.: *Романова Н.М.* Основы медиации: учебное пособие. Саратов: Наука, 2017. С. 6.

[4] См.: *Минкина Н.И.* Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов: монография. М.; Берлин: Директ-медиа, 2017. С. 25.

[5] См.: *Зайцев А.И., Кузнецов И.В., Савельева Т.А.* Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров. Саратов, 2000.

на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»[1].

Обобщив представления о медиации всех вышеназванных авторов, мы считаем необходимым дать собственное определение медиации. Но перед тем как это сделать, следует отметить, что нам наиболее близка точка зрения, указывающая на различие понятий «медиация» и «посредничество». Также следует заметить, что в статье 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» присутствует термин «посредник» при определении процедуры медиации, что создаёт путаницу при разграничении данных понятий. Тем не менее, понятие «посредничество» является более широким понятием, включающим в себя процедуру медиации. Таким образом, эти понятия, на наш взгляд, находятся в такой взаимосвязи, при которой медиация является одним из видов посредничества, т.е. одно понятие входит в другое.

На наш взгляд, медиация – это процедура, направленная на урегулирование конфликта между активно спорящими сторонами, с помощью привлечения нейтральной стороны, незаинтересованной в споре и не поддерживающей конфликт интересов, при этом имеющей различную степень вовлеченности в процесс решения конфликта, создающей спокойную обстановку, способствующую рождению решения, направленного на достижение результата интересного обеим сторонам спора.

Роль медиатора заключается в беспристрастном отношении к конечному итогу спора, но в заинтересованном отношении к процедуре медиации. В качестве приоритета процедуры медиации выступают восстановление отношений, доверия и компенсация материального или морального ущерба между сторонами конфликта. Процедура медиации в отличие от судебного разбирательства даёт возможность участникам спора проявлять личную заинтересованность, предлагать варианты разрешения спора и позволяет в короткие сроки приблизиться к разрешению ситуации, удовлетворяющему интересы обеих сторон. Это пересекается с основной задачей процедуры медиации, которая заключается в быстром разрешении конфликтной ситуации, а также снижении нагрузки на судебную систему.

Возвращаясь к закону о медиации, следует отметить, что его правовые ценности требуют осмысления. Не каждый человек понимает для чего нужна процедура медиации, какие плюсы она в себя включает. Одним из важных плюсов медиации следует считать её влияние на правосознание, правовое воспитание граждан. Исследователи вопроса отмечают, что медиация – это новый формат коммуникации, иной уровень культуры общения (О.Ю. Голуб, Н.В. Галустян). Такой формат позволяет сформировать навыки мирного разрешения конфликтных ситуаций, поиска компромиссных решений, самостоятельного разрешения споров. Медиация формирует способность нести ответственность за свои поступки у граждан, тем самым отражает уровень развития общества в государстве.

Таким образом, отметим основные черты медиации:

1. Медиация – процедура, которая включает в себя определённые требования, заключённые в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

2. Медиация является добровольным процессом, регулируемым сторонами конфликта.

3. Деятельность медиатора является обязательным условием процедуры медиации.

4. Конфликтующие стороны имеют право выбрать медиатора для достижения взаимоприемлемого результата.

5. Медиатором может быть лишь тот, кто равнодушно относится к конфликту интересов.

6. Решение проблемы осуществляется именно спорящими сторонами, а не медиатором.

7. Проведение процедуры медиации возможно в случае споров в рамках гражданских (и связанных с предпринимательской, экономической деятельностью), трудовых и семейных правоотношений, а также может использоваться в случае споров, возникающих из иных правоотношений, но предусмотренных другими федеральными законами.

8. Процесс медиации представляет собой конфиденциальный процесс.

9. Любая из сторон процедуры медиации может в любой момент отказаться от продолжения процесса, «тогда как в суде стороны напротив, не могут прекратить переговоры в любой момент»[2].

10. Процедура медиации может прибегнуть к нетрадиционным решениям конфликтной ситуации, т.к. участники процедуры медиации могут пользоваться не только предписанными нормами.

Таким образом, процедура медиации имеет характерные черты, которые отражают её содержание, направленность и смысл деятельности.

Следует отметить, что одним из ценностных оснований медиации следует считать понятие справедливости[3]. Как известно, к понятию «справедливость» обращались ещё древние философы, также значение справедливости отражено в библейских источниках. В настоящее время в юриспруденции понятие «справедливость» рассматривается с двух сторон. С одной стороны, – это противостояние нарушению закона, борьба с нарушением прав, с другой стороны, – указание на служение идее. Выражается же справедливость через понятия «законность», «равенство», «гуманизм»[4]. В медиации справедливость

[1] См.: *Рождествина А.А.* Медиация и медиативный подход в работе службы медиации: практикум. Саратов: Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. С. 4.

[2] См.: *Марвин О.В.* Технология урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов): учебное пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. С. 7.

[3] См.: *Михайлов А.Е.* Реализация принципа справедливости в России: проблемы теории и практики // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сб. тез. докл. (по материалам III Международного научно-практического форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы», 21 марта 2018 г.). Саратов: Амирит, 2018. С. 42–45.

[4] См.: *Михайлов А.Е.* Применение принципа справедливости при реализации юридических и социальных гарантий прав и свобод граждан в условиях экономической нестабильности: основные проблемы, тенденции и перспективы // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса в условиях экономического кризиса. Материалы IX Международной научно-практической конфе-

выражается в виде беспристрастного отношения к применению закона. Стоит заметить, что в приоритете процедуры медиации находятся взгляды сторон конфликтной ситуации. Понятие справедливости может отличаться у спорящих сторон, это служит основанием для основательного рассмотрения проблемы. Различные взгляды подталкивают к учёту мнений каждой из сторон, их взглядов, интересов и воли. На отношение к справедливости влияют субъективные факторы: степень осознанности, набор жизненного опыта, логичность суждений. Именно поэтому медиатору следует учитывать мнение каждой из сторон, а не полагаться на свои личные решения и убеждения.

К понятию справедливости близко понятие равенства, но не равенства фактического, а равенства правового. Но равные права всё же не означают равенство, на наш взгляд. Равенство – это один из важных критериев правовой реальности, но при процедуре медиации среди спорящих сторон «равенство» следует считать противоречивым критерием. Невозможно сказать о том, что все люди понимают данное слово одинаково. В правовой реальности равенство определяет меру положения человека перед законом. В Конституции РФ закреплено положение равенства всех перед законом. Но для нас важно подчеркнуть, что равенство в праве – это конвенциональная истина, т.е. установленная в процессе соглашений. Отношения между спорящими сторонами также направлены на поиск равенства, поиск такого решения, при котором каждая из сторон почувствует себя в выигрышном положении. Потому, на наш взгляд, поиск решения в процедуре медиации означает и равенство, достигаемое с помощью соглашений, но пересекающееся с субъективными взглядами на понятие «равенства» у оппонентов.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что медиация – это добровольный процесс, зависящий по протяженности и продолжительности лишь от конфликтующих сторон, но не от воли и интересов медиатора. Обращение к соглашению и прекращению процедуры осуществляется в зависимости от желания участников спора. При достижении компромиссного или удовлетворяющего каждую из сторон решения важным остаётся свобода от рамок правого регулирования.

Итак, применение и исследование процесса медиации в России имеет недолгую историю, но при этом медиация остается обьектом для интереса и развития. Понятие медиации рассматривается в работах исследователей различных областей знаний, что говорит о важном значении процедуры для современной России. Ряд характеристик процесса медиации находит своё отражение в работах учёных, а также в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

ренции аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 80-летию Саратовской области. Саратов: Саратовский источник, 2016. С. 149–153.

Е.Д. Чупрасова
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Разгильдиева М.Б. д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье раскрыты предусмотренные действующим законодательством методы противодействия коррупции в муниципалитетах, а также предложены пути совершенствования комплекса профилактических мер по борьбе с правонарушениями коррупционной направленности.*

Ключевые слова: *правонарушения, коррупция, антикоррупционные мероприятия, органы местного самоуправления, администрация.*

На современном этапе развития гражданского общества вопрос противодействия коррупции имеет огромное значение. Коррупция – явление далеко не новое. Оно присущее не только России, но и практически всем странам мира. В понимании простого обывателя коррупция – это взятка. Однако это далеко не так. Коррупция – явление многообразное, но всегда имеющее одну общую цель – использование должностных полномочий в целях своего личного обогащения. Коррупционные проявления не только подрывают политическую стабильность в государстве, но и наносят колоссальный ущерб экономическому развитию страны. Так, по результатам 2020 г. в России экономический ущерб от только раскрытых коррупционных преступлений составил более 55 млрд. рублей, что почти на 9 % больше, чем в 2019 г. Цифры, действительно, поражают. Поэтому противодействию коррупции придается особое внимание, как на федеральном, так и на региональных уровнях власти.

Со дня вступления в силу Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» на проведение активной противокоррупционной работы нацелены органы местного самоуправления. Полномочия на осуществление мер по противодействию коррупции закреплены также Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Работа по противодействию коррупции непосредственно на местах организуется в соответствии с федеральным, региональным законодательством и муниципальными нормативными актами. В основе данной работы лежит, прежде всего, профилактика коррупционных правонарушений. Для этих целей в каждом органе местного самоуправления создаются подразделения или назначаются должностные лица, ответственные за работу в сфере противодействия коррупции. Перечень обязанностей и полномочий этих лиц обширен. Указанные должностные лица разрабатывают План мероприятий по противодействию коррупции – основной документ,

определяющий работу органа местного самоуправления данном направлении, организуют и контролируют его исполнение. Также в обязанности уполномоченных лиц входит проведение обучающей, консультационной работы сотрудников по вопросам антикоррупционной направленности. Ежегодно ответственные должностные лица организуют сбор и проверку сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера муниципальных служащих и членов их семей. В компетенцию указанных лиц входит также проверка соблюдения сотрудниками запретов и ограничений, установленных в отношении муниципальной службы, организация деятельности специально созданной в органе местного самоуправления комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов, проведение оценки коррупционных рисков, возникающих при исполнении органом местного самоуправления своих полномочий[1].

Наиболее подверженными коррупции принято считать следующие функции органов местного самоуправления:

- размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для муниципальных нужд;
- осуществление различного вида муниципального контроля;
- распределение бюджетных средств;
- управление муниципальным имуществом, земельными ресурсами;
- предоставление муниципальных услуг гражданам и организациям;
- деятельность в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Важнейшей мерой профилактической работы органов местного самоуправления, направленной на выявление и пресечение коррупционных правонарушений, служит декларационная компания. Такая компания проводится ежегодно. Каждый муниципальный служащий в срок до 30 апреля обязан представить в подразделение, ответственное за работу с сфере противодействия коррупции, сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих, супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. Указанные сведения анализируются и размещаются на официальном сайте органа местного самоуправления[2].

Несмотря на профилактическую работу, проводимую органами местного самоуправления, ежегодно выявляются все новые и новые преступления коррупционной направленности, допущенные должностными лицами. Нередки случаи получения взяток, служебные подлоги, превышение должностных полномочий. Примером последних коррупционных дел в органах местного самоуправления может служить получение взятки одним из глав администраций муниципального образования Пензенской области за оказание содействия в предоставлении бизнесмену земельного участка. Или, например, случай бесплатного оформления земельного участка высокопоставленному чиновнику на основании подложных документов, также произошедший в Пензе. До сих пор нередки случаи трудоустройства чиновниками своих родственников на должности, связанные с непосредственным себе подчинением и т.д.

Безусловно, это говорит о необходимости проведения еще более серьезной профилактической работы и принятия дополнительных мер, направленных на предотвращение коррупции на местах, ужесточения ответственности должностных лиц перед законом. Для этого нужно, в первую очередь, продолжить совершенствование законодательной основы, необходимо исключить любые лазейки, которые могут способствовать применению на практике коррупционных схем.

Учитывая, что борьба с коррупцией носит общегосударственный характер, целесообразно в органах местного самоуправления полномочия в сфере противодействия коррупции возлагать не на должностное лицо в качестве дополнительной нагрузки за единую оплату труда, а предусматривать в штатном расписании органа местного самоуправления отдельную дополнительную должность, в обязанности которого будут входить исключительно вопросы выявления, пресечения и профилактики коррупционных правонарушений и преступлений, с достойной заработной платой.

Необходимо систематически проводить обучение работников администрации в части соблюдения антикоррупционного законодательства, разъяснять установленные ограничения, запреты, требования о предотвращении и урегулировании конфликта интересов, требования к служебному поведению, обязанности, установленные в целях противодействия коррупции.

Отдельным вопросом стоит сегодня размер заработной платы муниципальных служащих, который не напрямую, но косвенно подталкивает некоторых сотрудников на нарушение законодательства. В настоящее время месячный доход рядового линейного сотрудника подразделения администрации муниципального образования не превышает 18 тыс.руб., в что в разы меньше средней заработной платы, складывающейся по экономике на территории соответствующего субъекта РФ. При этом право на занятие иной оплачиваемой деятельностью в отношении муниципальных служащих ограничено законом.

В целях контроля за использование денежных средств нужно на особом контроле держать деятельность муниципалитетов, связанную с реализацией национальных проектов. Все строительные подрядные работы, где заказчиком выступают органы местного самоуправления, должны обеспечиваться техническим надзором.

Необходимо держать вопрос выявления возможной аффилированности должностных лиц органов местного самоуправления с предпринимательскими структурами и представителями бизнеса с целью исключения конфликта интересов.

Необходимо также осуществлять тесное взаимодействие с правоохранительными и иными государственными органами по вопросам противодействия коррупции, в том числе в форме межведомственного обмена соответ-

[1] См.: *Черепанова Е.В.* Правовые аспекты предупреждения коррупционных правонарушений // Журнал российского права. 2015. № 10 (226).

[2] См.: *Коробов Э.В.* Методы специальной профилактики преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления // Социально-политические науки. 2017. № 2.

ствующей информацией, проведения совместных мероприятий, оказания методической, консультационной помощи. Главным звеном в данном взаимодействии должны стать органы прокуратуры.

Переход на оказание муниципальных услуг в электронном виде, а также через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг также положительно влияют на снижение риска совершения коррупционных преступлений органами местного самоуправления. Однако многие муниципальные услуги до сих пор оказываются только путем обращения непосредственно в орган местного самоуправления и к конкретному должностному лицу.

На повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в части профилактики коррупционных проявлений положительный эффект оказывает взаимодействие с гражданами и различными общественными институтами. Например, с Советом по предпринимательству, Объединением работодателей, профсоюзами и т.п. Деятельность этих органов направлена не только на представление интересов трудовых коллективов, но и на осуществление контроля за законностью принимаемых нормативных правовых актов органами местного самоуправления, в том числе путем проведения независимой экспертизы. Представители общественных институтов гражданского должны быть вовлечены в деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов, являться ее членами.[1] Вместе с этим, взаимодействие органов местного самоуправления с указанными институтами не должны быть формальными и ограничиваться лишь проведением совещаний и заседаний. Результатом совместных действий должны являться выработка и внедрение в деятельность органов местного самоуправления новых антикоррупционных инициатив.

Однако заниматься только профилактической работой нельзя, равно как и нельзя уповать только на жесткие меры наказания. Только применение всех мер в комплексе, плюс, активность граждан и проведение целенаправленной нравственной политики государства позволят снизить уровень коррупции на местном уровне и сформировать устойчивый антикоррупционный «иммунитет» у населения. Для более эффективной работы органов местного самоуправления в области противодействия коррупции необходим единый профильный законодательный акт, объединяющий все вышеизложенные позиции.

[1] См.: *Быков А.В.* Профилактика коррупционных преступлений, совершаемых служащими органов местного самоуправления // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 3.

А.Н. Шейкин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Рассахатская Н.А. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *в статье рассматривается институт оценки доказательств как один из ключевых институтов современного гражданского процесса. Автор отмечает, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «оценка доказательств», обращает внимание на отсутствие четких практических рекомендаций по применению критериев оценки доказательств, формирует и предлагает решение проблемы.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, оценка доказательств, деятельность по оценке доказательств, критерии оценки.*

В качестве неотъемлемого элемента процесса доказывания в любом судопроизводстве, в том числе и гражданском, предшествующем вынесению итогового судебного акта по делу, выступает оценка доказательств. Указанная деятельность состоит из множества частей и является совокупностью двух систем оценки: внутренней, выражением которой является убеждение судьи, и внешней, которая представлена нормативной базой[2]. Сложно переоценить значение оценки доказательств, поскольку она, напрямую влияя на правильность судебного решения, позволяет в полной мере добиться выполнения поставленных перед судом задач. Ввиду того, что доказательства выступают в процессе в качестве основного правового инструмента как суда, так и лиц, участвующих в деле, деятельность по их корректному оцениванию играет особую роль не только в процессе доказывания, но и в гражданском судопроизводстве в целом. Как верно подмечает В.В. Спесивов, «оценка доказательств как комплексное правовое явление играет одну из наиболее ключевых ролей в реализации основных и главных принципов судопроизводства»[3].

Сложность деятельности по оценки доказательств ярко демонстрирует ее дуалистический характер. Во-первых, рассматриваемая деятельность имеет признаки мыслительной деятельности, выражающейся в логическом процессе поиска или констатации отсутствия связей между доказательствами и определенными событиями, подлежащими доказыванию, определения достаточности и возможности установления истины на основе имеющихся доказательств. Во-вторых, деятельность по оценке доказательств носит процессуальный характер, ввиду

[2] См.: *Лельчицкий К.И.* Проблемы оценки доказательств в гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 2.

[3] См.: *Спесивов В.В.* Некоторые вопросы законодательного закрепления понятия оценки доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 4. С. 123.

регулирования нормами законодательства и, соответственно, существования в правовом поле. Следует согласиться с М.К. Треушниковым, поддерживающим идею двойственности рассматриваемой деятельности и указывающим, что «оценка доказательств как логический акт проявляется в процессуальных действиях и подвергается в определенных пределах правовому регулированию»[1]. Соответственно, деятельность по оценке доказательств находит как внутреннюю (логическую), так и внешнюю (правовую) сторону своего выражения.

Несмотря на то, что ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), именуется как «Оценка доказательств»[2], она не закрепляет легальной трактовки рассматриваемого понятия, ограничиваясь лишь некоторыми положениями процесса оценивания доказательств в суде. Указанный правовой пробел предопределил огромное количество научных дискуссий, имеющих не только теоретическое значение. На сегодняшний день юридическая литература выработала массу концепций о сущности понятия «оценка доказательств». Проанализировав часть из них, напрашивается следующий вывод: позиции авторов отличаются ввиду того, что у ученых не совпадают мнения относительно ряда критериев, по большему счету, таких как возможность процессуального регулирования оценки, основания оценки, включение в нее фактора морали. Не вызывает сомнений тезис о том, что весьма затруднительно дать однозначное, всеобъемлющее и удовлетворяющее всем понятие такому сложному правовому явлению, как «оценка доказательств», что говорит о его как теоретической, так и практической ценности[3].

Весьма распространенным считается подход, в соответствии с которым сущность данного понятия сводится к определению относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств и наличия взаимной связи в их совокупности[4]. Несомненно, указанные категории являются критериями оценки, однако, на наш взгляд, их перечень, закрепленный законодателем, вряд ли можно признать исчерпывающим, поскольку к их числу также стоило бы отнести критерий непредустановленности и законности. Отсутствие последнего в ГПК РФ вызывает особое удивление, ведь вряд ли можно предположить, что суд уполномочен оценить доказательства лишь через призму собственного убеждения, не ориентируясь на требования законодательных положений.

В качестве основы состязательности гражданского процесса выступает свободное судейское убеждение при оценке доказательств и вынесении решения по делу[5]. Законодатель отошел от формальной теории доказательств к свободной, что возымело многомерное содержание и повлекло неоднозначные последствия. Здесь необходимо отметить, что эта «свобода» не имеет целью предоставление субъектам оценки доказательств возможности осуществления произвола – напротив, свобода призвана не ограничивать суд строгими рамками. Следовательно, необходимо найти баланс между судейским усмотрением и недопущением нарушения законных прав и интересов участников гражданского судопроизводства. При этом суд обязан придерживаться правил и критериев оценки, законов логики.

Критерий достоверности доказательства в наибольшей степени подвержен влиянию внутреннего убеждения судьи, поскольку соответствие доказательства доказываемым явлениям объективной реальности, а также ценность того или иного доказательства определяется судьей именно логической мыслительной деятельности на основании располагаемых фактов. Налицо парадокс: в процессе оценки доказательств факты действительности предполагаются существующими лишь постольку, поскольку презюмируется убежденность суда в их существовании, а значит, если руководствоваться законами логики, определяемые судом обстоятельства могут констатироваться лишь как вероятные, несмотря на то, что эта вероятность, как правило, высока. При этом внутреннее убеждение любого индивида основано на субъективной составляющей, проконтролировать которую не представляет возможным вообще, поскольку на ее формирование прямо или косвенно влияет множество различных факторов, начиная от особенностей психоэмоциональных особенностей личности до влияния средств массовой информации[6].

По нашему мнению, мыслительный процесс судьи по оценке доказательств должен базироваться на твердых и обоснованных убеждениях, где объективная составляющая была бы доминирующей по отношению к субъективной. Поэтому необходимо пополнить систему теоретических принципов, которыми руководствуются судьи в момент принятия решений, четкими практическими инструкциями, содержащими более детальное урегулирование положений доказательственного процесса, во избежание судейских ошибок и возможных злоупотреблений. Указанная новелла могла бы поспособствовать некоей «безопасности» выносимого судебного акта с позиции проверки на предмет подлинности или фальсификации доказательств и расстановки необходимых акцентов в вопросах их оценки, ускорить процесс оценивания доказательств и судопроизводства в целом, а также способствовать профилактике проблемы затягивания процессов.

Резюмируя, необходимо отметить следующее:

1. Отсутствие в законодательстве закрепленной трактовки понятия «оценка доказательств» вызывает массу дискуссий в научной среде. Дополнение части 1 статьи 67 ГПК РФ легальной дефиницией устранило бы законо-

---

[1] См.: *Треушников М.К.* Судебные доказательства: монография. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2004. С. 163.

[2] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 № 473-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2020. № 1, ч. 1, ст. 42.

[3] См.: Волосатова, Л.В. О понятии оценки доказательств в гражданском процессе. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2004. № 6. С. 38.

[4] См.: *Афанасьев С.Ф., Баулин О.В., Лукьянова И.Н. и др.* Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 131.

[5] См.: *Зеленская Л.А., Ивлева М.В.* Некоторые вопросы оценки доказательств в гражданском процессе / // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2021. С. 107.

[6] См.: *Иванов К.Р.* О некоторых особенностях формирования внутреннего убеждения судей при оценке доказательств // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 82.

дательный пробел, что, безусловно, будет способствовать повышению общего уровня действенности и регулятивной эффективности действующего кодекса. Также это послужило бы созданию теоретической основы для будущих фундаментальных исследований в указанной сфере и разработки отдельных практических положений оценки доказательств, непосредственно применимых в повседневной работе судейского корпуса.

2. Подмена или неверная трактовка содержания критериев оценки доказательств приводят к подавляющему числу судейских ошибок, что приводит к нарушению закона и причинению существенного вреда правам и законным интересам граждан и иных лиц, что ни в коем случае недопустимо. Для повышения эффективности гражданского судопроизводства необходимо обратить внимание на решение указанной проблемы, имеющей как теоретический, так и практический характер.

3. Ввиду того, что познание является творческим процессом, на его субъекта воздействует ряд объективных и субъективных факторов. Хоть и нельзя вести речь об абсолютно свободной оценке доказательств судом, механизм оценки требует совершенствования. Выходом из ситуации представляется в виде разработки практических инструкций, содержащих более детальное урегулирование положений доказательственного процесса, в том числе достаточной методологической и терминологической базы.

В.О. Широков
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Семикина С.А.
доцент, к.ю.н. ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМА НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Аннотация: *банкротство физических лиц выступает наиболее обсуждаемым направлением в правоприменительной практике. Помимо особенностей этой процедуры, существует огромный массив проблемных аспектов, один из которых непосредственно связан с личностью должника. Главным критерием освобождения от исполнения обязательств выступает добросовестное поведение гражданина, к проверке и обоснованию которого судебный орган подходит достаточно формально.*

Ключевые слова: *банкротство, должник, арбитражный суд, кредитор, кредит, добросовестность.*

Сегодня изучение проблематики банкротства физических лиц становится приоритетом для ученых и законодательства в целом. Это обосновано большим уровнем закредитованности населения, неустойчивым состоянием экономики. Процедуре банкротства физических лиц посвящена отдельная глава Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, в которой максимально подробно учтены все нюансы и требования к проведению такой процедуры.

В настоящий момент одним из главных и первостепенных критериев освобождения от долговых обязательств является критерий, непосредственно связанный с личностью должника – гражданина – добросовестность поведения. Принцип добросовестности уникален: являясь дефиницией скорее философской, нежели правовой, он нашел свое отражение в законе и обуславливает эффективное функционирование правоприменения в этой отрасли[1].

Именно исходя из категории добросовестного поведения, арбитражные суды принимают решение об освобождении гражданина от исполнения обязательств. Тем не менее, практика потребительского банкротства во многом показывает, что такая категория определяется судами достаточно формально, без должного анализа конкретной ситуации на предмет добросовестности должника, в связи с чем образовалась проблема в определении подходов к недобросовестности.

Говоря о процессуальной составляющей недобросовестного поведения, следует пояснить, что законодателем этот вопрос урегулирован в большей мере, нежели материальный аспект. Законодательство о банкротстве устанавливает стандарт добросовестности, позволяя освободиться от долгов только честному гражданину-должнику, неумышленно попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности и соразмерном удовлетворении требований кредиторов. Проверка добросовестности осуществляется как при наличии обоснованного заявления стороны спора, так и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если другие стороны на них не ссылались[2]. Во многом, при оценке судебным органом добросовестности должника, суд исходит из соблюдения последним норм действующего законодательства в области банкротства. Проводится оценка достоверности предоставляемой гражданином информации, обоснованность подачи заявления, факт открытости перед финансовым управляющим.

Тем не менее, судам необходимо учитывать существенное различие между недобросовестным поведением и незаконным. Недобросовестное поведение должни-

[1] См.: *Харитонова Н.А., Ланг П.П.* Реализация принципа добросовестности в производстве по делу о банкротстве гражданина // М.: E-Scio, 2019.

[2] См.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 19 апреля 2021 г. № 306-ЭС20-20820 // Законодательство РФ. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19042021-n-306-es20-20820-po-delu-n-a72-181102016/ (дата обращения: 21.04.2022).

ка характеризуется как действия, по своей юридической природе, соответствующие закону, но противоречащие принципам права, а незаконные – прямо нарушающие действующую норму законодательства. Как было указано выше, добросовестность – понятие более философское, в связи с чем, суды сталкиваются с трудностью определения наличия оснований применения недобросовестности при освобождении от обязательств, поскольку законодательство не содержит конкретный перечень оснований, при которых поведение гражданина можно признать нарушающим принципы права.

В тоже время, практика и юридическая доктрина за время работы института банкротства, выработали наиболее крупные основания недобросовестности: нарушение действиями должника интересов кредиторов, неисполнение требований суда и финансового управляющего, сокрытие имущества, намеренное доведение до признаков несостоятельности.

Однако наиболее крупным признаком недобросовестного поведения надлежит считать заинтересованность между должником и финансовым управляющим. Именно такие обстоятельства практически никогда не ставятся во внимания судебного органа, не анализируются и не применяются при решении вопроса об освобождении от обязательств.

Согласно действующему законодательству, финансовый управляющий – это арбитражный управляющий, назначенный на процедуру банкротства физического лица судебным решением, соответствующий установленным требованиям законодательства о банкротстве.

Финансовый управляющий фигура наиболее значимая в такой категории дел и обязан быть независимым от интересов кредиторов и должника. Основная задача такой фигуры – максимально полно удовлетворить обязательства перед кредиторами за счет имущества должника, а также обеспечить соблюдение прав самого гражданина.

В силу норм права закона о банкротстве, физическое лицо, обращаясь с заявлением о банкротстве в арбитражный суд, имеет право указать саморегулируемую организацию, из числа членов которой должник желает назначить финансового управляющего[1]. На взгляд автора, такое положение законодательства максимально способствует распространению недобросовестности должника в деле о банкротстве. Сложившаяся практика показывает о возможности заинтересованности финансового управляющего в деле должника.

При рассмотрении дела о банкротстве суд не может допускать ситуацию, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости имеются существенные и обоснованные сомнения.

Установление фактов, свидетельствующих о заинтересованности арбитражного управляющего по отношению к должнику или кому-либо из кредиторов, может служить как препятствием к его утверждению, так и причиной отстранения от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, если он уже был утвержден.

Тем не менее, судебная практика не обязывает суд самостоятельно проверять достоверность представленной информации о соответствии арбитражного управляющего предъявляемым к нему требованиям[2]. При таких обстоятельствах важным аспектом является наличие у кредиторов и иных лиц предоставлять свои возражения на утверждаемую судом кандидатуру. Однако такие возражения практически не подаются в силу сложности доказывания аффилированности арбитражного управляющего и должника, что позволяет должнику полностью реализовать все возможности недобросовестного поведения в деле о банкротстве.

К настоящему моменту на уровне законодательства проблема недобросовестности по причине заинтересованности финансового управляющего и должника не решена. Думается, что для полного соблюдения интересов сторон в деле о банкротстве, у должника-заявителя должна отсутствовать возможность ходатайствовать о выборе саморегулируемой организации, т.е. фактически отсутствовать право назначения аффилированного лица.

Такой подход будет не новым, поскольку в соответствии с требованиями федерального закона о банкротстве, у юридического лица, заявившего требования о признании банкротом, право выбора саморегулируемой организации отсутствуют. Однако применяя такой подход и к банкротству физических лиц, риск недобросовестного поведения должника, формальности в отношении его поведения, существенно снизится за счет невозможно влияния на процедуру банкротства со стороны заявителя-гражданина.

К вопросам проблемы недобросовестности поведения должника в деле о банкротстве стоит подходить наиболее максимально ограничивая последнего в вопросах, которые касаются справедливого удовлетворения интересов кредиторов и «прозрачности» процедуры, тем самым давая возможность судебному органу максимально уйти от формального подхода к оценке добросовестности.

[1] См.: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

[2] См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90276/ (дата обращения: 21.04.2022).

В.С. Шубный
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Соловых С.Ж.
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И МОБИЛЬНОСТЬ РЫНКА ТРУДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ДЕМОГРАФИИ

Аннотация: *в данной статье раскрывается роль конкурентоспособности рынка труда и его мобильности как неотъемлемого элемента развития Российской экономики и демографии. Увеличение количества как трудовых мест, так и работников приведёт к уменьшению безработных, а как следствие улучшение качества жизни с точки зрения экономики и демографии.*

Ключевые слова: *гражданское право, рынок труда, конкурентоспособность, мобильность, экономика, демография.*

Данная тема актуальна тем, что рынок труда и занятость населения относятся к макроэкономическим проблемам, которые оказывают прямое и сильное влияние на каждого отдельно взятого члена общества. Увольнение с работы для большинства людей означает неустойчивость экономического положения и падение уровня жизни.

Более того конкурентоспособность и мобильность рынка труда зависит территориальных особенностей государства. Россия – это страна огромная, поэтому неудивительно, что уровень безработицы в регионах различный: где-то ситуация более благоприятная, где-то – менее. Отсюда проистекает следующая проблема российского рынка труда, связанная, в том числе, и с демографической ситуацией. Территории нашей страны заселены с разной плотностью. Иногда, например, в Приволжском регионе требуется специалист, какого там нет, но известно, что профессионала можно найти в Сибирском федеральном округе. Соответственно, надо создавать условия для успешного «переманивания» человека. И уникальные особенности миграции рабочей силы должны отражаться в установленном законодательством механизме реализации конституционных прав и свобод. Но на данный момент это произведено не в полной мере. Подтверждением этого является привязка реализации ряда конституционных прав к месту постоянного проживания (регистрации по месту жительства).

В условиях распространения случаев профессиональной занятости вне населенного пункта, в котором граждане зарегистрированы по месту жительства, больших расстояний и высоких цен на проезд в железнодорожном и воздушном транспорте данное требование выступает преградой для реализации некоторых прав. Например: право на признание гражданина безработным, право избирать, право на постановку на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий и получение жилого помещения, свобода передвижения и др. Из этого следует, что институт регистрации по месту жительства нуждается в изменении, равно как и механизмы реализации соответствующих конституционных прав.

Кроме того, занятость раскрывает один из важнейших аспектов социально-экономического развития человека, связанный с удовлетворением его потребностей в сфере труда. Ведь главным богатством страны является человеческий потенциал, от которого напрямую зависит конкурентоспособность рабочей силы, российского бизнеса, производительности труда, который в свою очередь оказывает влияние и на экономику, и на демографию. Кроме этого, экономическая наука рассматривает трудовые ресурсы как важнейший фактор экономического и социального развития и одновременно как объект подобного развития[1].

Также данное исследование актуально тем, что сегодня рынок труда тесно связан с демографическими процессами, а именно процессами занятости и безработицы которые содержат механизмы воспроизводства населения, рождаемости, смертности, миграции, определяющие численность населения в трудоспособном возрасте в стране и регионах, численность различных демографических групп, семья, ее размер и состав.

Важно отметить, что предложение рабочей силы определяется также социально-экономическими и психологическими факторами, соотношением зарплат и возможности занятости мужчин и женщин, различных возрастных групп, их потребностью в труде как средств самовыражения, их семейными ролями и функциями.

Кроме того, трудоспособное население в трудоспособном возрасте формирует основной контингент экономически активного и занятого населения. Масштабы привлечения к труду подростков и лиц пенсионного возраста сказывается на социально-экономическое положение и на уровень жизни общества.

Исходя из вышесказанного вытекает проблема, которая заключается в соотношении спроса на труд. То есть, чем ниже уровень жизни населения, тем выше будет предложение труда со стороны населения, находящегося за пределами трудоспособного возраста.

Исследование проблем конкурентоспособности и мобильности рынка труда в российском обществе дает возможность произвести анализ структурного состояния населения России с позиции многогранности. Кроме того, формирование конкурентоспособного рынка и содействие занятости населения одна из стратегических целей развития страны. Это обеспечивается рядом нормативно-правовых актов таких как: Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1, «Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021–2023 годы», а также, федеральный проект «Содействие занятости» в рамках национального проекта «Демография».

Данный проект даст больше возможностей по переобучению и поиску работы. Если раньше помощь

[1] См.: *Масыч М.А., Каплюк Е.В.* Занятость населения как фактор экономического развития территории // Инженерный вестник Дона. 2014. № 4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2621

в обучении могли получить только мамы дошкольников и граждане старше 50 лет, то охват обновленного проекта намного шире. С 2021 г. любой человек, потерявший работу, сможет воспользоваться возможностями нацпроекта и пройти переобучение, если найти работу по имеющейся специальности не может или у него совсем нет профессионального образования. Для решения проблем занятости также предполагается модернизация работы центров занятости. Для них будет создана единая информационная платформа, которая позволит обмениваться данными, вести долгосрочное планирование привлечения трудовых ресурсов, проводить аналитику ситуации на рынке труда на базе платформы «Работа в России». Кроме того, в рамках нацпроекта планируется переоборудовать центры занятости по единому стандарту.

Кроме того, сегодня создание человеческого капитала России происходит в условиях жестких демографических ограничений, обусловленных сокращением числа лиц трудоспособного возраста, увеличением демографической нагрузки на трудоспособное население, ростом численности лиц старших возрастов, увеличением естественной убыли населения.

Как итог, решение проблем занятости приведёт к увеличению трудовых ресурсов как с количественной, так и с качественной точки зрения. Иными словами, увеличение количества трудовых ресурсов будет в большей степени устранять безработицу, а как следствие улучшение качества жизни с точки зрения экономики и демографии. т Важно отметить, что увеличение количества трудовых мест и качества работы центров занятости неизбежно вызовет необходимость «привлечения внимания к сбережению и укреплению трудового потенциала населения на фоне замедления темпов его роста и старения»[1].

Э.А. Эльдаров
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Григорян В.Л.
к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЗАЩИТНИКА В СФЕРЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена правам и обязанностям защитника в сфере доказывания. Выявлены особенности реализации этих прав и обязанностей, определены несовершенства уголовно-процессуального законодательства РФ в рассматриваемой части и предложены пути их устранения.*

Ключевые слова: *защитник, адвокат, доказывание, права, обязанности, уголовно-процессуальное законодательство.*

Доказывание – «сердцевина» уголовного процесса[2]. Оно вызывает наибольшую дискуссию среди ученых-процессуалистов (высказываются различные позиции относительно понятия доказывания, его гносеологической и методологической сущности, цели, предмета, пределов, субъектов). Но уже давно не оспаривается то, что защитник является субъектом уголовно-процессуального доказывания.

Защитник, как и любой субъект уголовно-процессуального доказывания, обладает правами и обязанностями, которые определяют его правовой статус в данной сфере. Права защитника (в том числе и в сфере доказывания) регламентируются ст. 53 УПК РФ и иными статьями Кодекса, при этом пределы реализации прав определяются не только количественной, но и качественной стороной. Нельзя не согласиться с позиций А.Д. Бойкова о том, что качество оказания юридической помощи подсудимому (обвиняемому), степень влияния защитника на судопроизводство и его результаты находятся в прямой зависимости от широты предоставленных защитнику прав в сфере доказывания, от степени гарантированности данных прав и активного их использования им[3].

Исходя из УПК РФ, защитник в рассматриваемой сфере наделен следующими правами:

1) собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений (п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ);

2) собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Закрепление данного права – значительный шаг в сторону демократизации и состязательности уголовного судопроизводства, поскольку ранее инициатива защитника в осуществлении поиска новых доказательств или в осуществлении непроцессуальной проверки доказательств обвинения воспринимались следствием и судом как незаконное противодействие и могло влечь для защитника неблагоприятные последствия[4]. Пример негативной реакции со стороны обвинения на активную познавательную деятельность защитника приводит А.В. Леонтьев.

Адвокат Л., будучи защитником подсудимого Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, опросил понятых, которые «якобы» присутствовали при досмотре Т. у подъезда его дома и при изъятии у него наркотиков. Первый понятой – это лицо, ведущий маргинальный образ жизни, не помнит, что он принимал участие в досмотре и изъятии наркотических средств. Второй пояснил, что принимал участие в досмотре Т., но в дежурной части, а не у подъезда. Данную информацию защитник Л. сообщил суду и заявил ходатайство об их вызове. Но государственный обвинитель возразил: «Как! Адвокат с понятыми встречался!»[5].

Благодаря данному праву защитник имеет возможность выявлять новых свидетелей, которые могут помочь установить событие совершенного преступления; осуществлять проверку свидетелей со стороны обвинения

[1] См.: *Локосов В.В., Рыбальченко С.И., Каткова И.П.* Демографический и трудовой потенциал России в контексте целей устойчивого развития // Народонаселение. 2017. № 4. С. 19.

[2] См.: *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 130.

[3] См.: *Бойков А.Д.* Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978. С. 403.

[4] См.: *Леонтьев А.В.* Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам: монография. М., 2014. С. 122.

[5] См.: *Леонтьев А.В.* Указ. соч. С. 124.

и понятых, которые принимали участие в следственных действиях, проведенных в ходе расследования уголовного дела с целью обоснования ходатайства об их вызове и дальнейшего опровержения их показаний или результатов следственных действий.

3) собирать доказательства путем истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Запросы – еще один способ получения доказательств или доказательственной информации. В соответствии с ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» органы и организации обязаны выдавать адвокату запрошенные им документы или их заверенные копии[1].

4) привлекать специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Это право появилось у защитника в 2001 г. для более полной реализации принципа состязательности и равноправия сторон, поскольку расширение использования возможностей специальных познаний в процессе расследования уголовного дела для стороны защиты, для защитника, в частности, является прогрессивным шагом в уголовном судопроизводстве. Специалист, обладая специальными познаниями, имеет возможность поставить под сомнение заключение и показания эксперта. Некоторые ученые отмечают, что защитник, равно как и следователь, имеет право привлекать к участию в следственных действиях для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов, документов людей, обладающих специальными познаниями – специалистов. Но поскольку следственные действия проводятся по решению следователя или в некоторых случаях суда[2], то защитник не имеет самостоятельных процессуальных возможностей на привлечение специалиста, он лишь только может заявить ходатайство о привлечении лица в качестве специалиста с целью участия в следственном действии. В этом случае следователь может как удовлетворить заявленное ходатайство, так и отказать в его удовлетворении. Более того, поскольку в УПК РФ не регламентировано четким образом данное право защитника, то в правоприменительной практике возникают следующие вопросы: Какой порядок привлечения защитником специалиста? Какие вопросы защитник может ставить перед специалистом? Какова процедура разъяснения специалистом вопросов, входящих в его компетенцию? и др.

5) заявлять ходатайства, участвовать в доказывании (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 3, 4 ст. 88 УПК РФ, ст. 119 УПК РФ, ч. 5 ст. 234 УПК РФ, ст. 235 УПК РФ).

6) оспаривать относимость доказательств к обстоятельствам, имеющим значение для дела;

7) оспаривать допустимость доказательств (например, вследствие нарушения права подозреваемого, обвиняемого на защиту, права не свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников; оспаривать допустимость показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденных им в суде).

Защитник обозначенные права может реализовывать в определенных границах. Пределы использования им своих прав определяются с учетом цели его участия в уголовном судопроизводстве, выполняемых процессуальных функций и организационно-нормативных положений.

Обязанности защитника в сфере доказывания также определяются законодателем в различных статьях УПК РФ. Но на сегодняшний день законодатель не отражает в УПК РФ обязанность защитника как субъекта уголовно-процессуального доказывания (в ранее действующем уголовно-процессуальном законодательстве такая обязанность была закреплена в ст. 51 УПК РСФСР 1960 г.[3]) использовать средства и способы защиты, которые определены в законе. В связи с этим А.Д. Бойковым справедливо обращается внимание на то, что, несмотря на указанное обстоятельство, защитник обязан использовать все средства и способы защиты, которые определены в УПК РФ. На этом же делает акцент и М.О. Баев[4]. Косвенное подтверждение можем увидеть в п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Однако, чтобы это не вызывало вопросов ни у правоприменителей, ни у ученых, следует закрепить аналогичную обязанность в ст. 53 УПК РФ.

Защитник как субъект уголовно-процессуального доказывания самостоятельно выбирает средства и способы защиты в рамках действующего законодательства РФ, но с учетом ряда обстоятельств (например, с учетом эффективности средства или способа реализации либо с учетом их целесообразности, либо с учетом позиции подзащитного и т.д.). Иными словами, для выполнения возложенной обязанности даже при наличии фактического основания применения конкретного средства или способа защитник с учетом всей совокупности имеющихся обстоятельств может использовать такое средство или способ или напротив не использовать. В связи с этим И.Б. Михайловская писала, что возможность защитника в уголовном судопроизводстве реализовывать или не реализовывать права, которыми он обладает в сфере доказывания, определяется не только его профессионализмом и добросовестным исполнением возложенных обязанностей, но и позицией обвиняемого, его согласием с предпринимаемыми защитником действиями[5].

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство РФ имеет ряд несовершенств в части закрепления прав и обязанностей защитника в сфере доказывания. Поскольку доказывание – «сердцевина» уголовного процесса, и деятельность защитника имеет в ней важное значение, полагаем необходимым определить права и обязанности защитника в сфере доказывания в ст. 53

[1] См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[2] См.: *Леонтьев А.В.* Указ. соч. С. 122.

[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[4] См.: *Баев М.О.* Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 2005. С. 23.

[5] См.: *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 48.

УПК РФ, переименовав ее в «Права и обязанности защитника». Необходимо детально регламентировать на законодательном уровне право защитника привлекать специалиста.

Д.В. Яськин
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель – Николайченко О.В. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕМЕДЛЕННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: *в данной научной статье рассматривается немедленное исполнение решений и судебных приказов о взыскании алиментов. Автором выявлены теоретические и практические проблемы регулирования немедленного исполнения решений и судебных приказов о взыскании алиментов, а также предложены варианты их разрешения.*

Ключевые слова: *исполнительное производство, немедленное исполнение, алименты, взыскание, судебное постановление.*

Судебный приказ или решение суда о взыскании алиментов подлежат немедленному исполнению (ст. 211 ГПК РФ)[1]. Немедленное исполнение означает, что указанные акты исполняются до вступления в законную силу.

Целью статьи является исследование теоретических и практических проблем, связанных с немедленным исполнением решений и судебных приказов о взыскании алиментов, а также выработка способов преодоления выявленных проблем. Необходимость решения этих проблем обусловлена тем, что защита прав, свобод и законных интересов субъектов права реализуется посредством исполнения судебных постановлений в рамках исполнительного производства.

Среди судебных постановлений немедленному исполнению подлежат только судебные приказы и решения суда. Указанные судебные постановления отличаются по своей юридической силе и содержанию. Решение выносится в результате судебного разбирательства, в котором исследовались доказательства, участвующие в деле лица выступали в судебных прениях и проч., судебный приказ выносится на основании ознакомления судьи с представленными документами. Решение не может быть отменено судом, вынесшим его. Судебный приказ может быть отменен тем же судьей, который его вынес, по заявлению должника, если он (должник) по уважительной причине не имел возможности своевременно заявить свои возражения против требования заявителя (10 дней со дня получения судебного приказа должником). После отмены приказа требование заявителя может быть рассмотрено в порядке искового производства (ст. 129 ГПК). Судебное решение состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Судебный приказ – только из вводной и резолютивной частей. Отличие и в исполнении решения суда и судебного приказа. На основании решения, вступившего в законную силу (за исключением случаев немедленного исполнения решений суда), выдается исполнительный лист, который и является исполнительным документом. Судебный приказ же обладает силой исполнительного документа.

Согласно ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» исполнительными документами, на основании которых осуществляется взыскание алиментов, являются: исполнительные листы, судебные приказы и нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов или их нотариально удостоверенные копии.

Исполнительный документ о взыскании алиментов предъявляется взыскателем либо по просьбе взыскателя направляется судом по месту жительства (пребывания) должника, по месту его работы или местонахождения его имущества. При поступлении в подразделение судебных приставов исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, он без задержек передается судебному приставу-исполнителю. Решение о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства должно быть им принято в течение суток с момента поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов[2]. Особенности немедленного исполнения указанных постановлений были разъяснены Пленумом Верховного Суда РФ, который указал, что их обращение к немедленному исполнению не зависит от позиции истца и усмотрения суда[3].

Одной из проблем института немедленного исполнения следует признать его некорректное выражение в нормах ГПК. Примером является неправильное наименование статьи 211 ГПК «Решения суда, подлежащие немедленному исполнению», из которого следует что судебный приказ – это разновидность судебного решения. Это не соответствует законодательству, т.к. согласно ст. 13 ГПК РФ судебные приказы и решения суда являются формами судебных постановлений, поэтому судебный приказ нельзя считать разновидностью судебного решения. Их различия определены в главах 11 и 16 ГПК. Для решения данного несоответствия между содержанием и наименованием статьи предлагались варианты изменения названия указанной статьи. Например, было предложено изложить его следующим образом: «Постановления суда, подлежащие немедленному исполнению»[4]. Однако данный вариант представляется недостаточно точным, т.к. немедленному исполнению, в том числе по взысканию алиментов, подлежат только судебные приказы и решения суда. В данном

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2019 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5062.

[2] См.: Федеральный закон от 2 октября 2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849. 2021. № 1, ст. 34

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» (в ред. от 23.06.2015) // Рос. газ. 2003. 26 дек.

[4] См.: *Куртуков Р.С.* Актуальные проблемы немедленного исполнения судебных постановлений в гражданском и арбитражном процессах // Минск-2017: Государство и право. 2017. С. 192.

случае следует обратить внимание на аналогичное регулирование в ст. 182 АПК, которая имеет название «Исполнение решения, судебного приказа». Поэтому наиболее точным будет назвать статью 211 ГПК следующим образом: «Немедленное исполнение решения, судебного приказа».

Другой проблемой является отсутствие своевременного направления судебного приказа или исполнительного листа взыскателем в службу судебных приставов для возбуждения исполнительного производства. В настоящее время процедура направления исполнительных листов с копией решения суда, судебных приказов из судебного органа в службу судебных приставов законодательно не закреплена. Происходят ситуации, когда взыскатель не сразу забирает исполнительные документы и передает их в ФСПП[1].

В соответствии с законом алименты подлежат взысканию с момента вынесения решения или судебного приказа, т.е. подлежат немедленному исполнению. Поэтому немедленного исполнения не происходит. Для предотвращения подобной ситуации можно обязать суд после разрешения дела по данной категории дел, в силу социальной значимости, самостоятельно направлять исполнительные документы, не спрашивая согласия взыскателя алиментов.

Таким образом, анализ немедленного исполнения решения суда или судебного приказа о взыскании алиментов показал, что в регулировании данного правового института имеются как теоретические, так и практические проблемы. В связи с этим законодательство, которое его регулирует, подлежит дальнейшей корректировке.

[1] См.: *Марина А.А.* Проблемные вопросы в организации исполнения решений по взысканию алиментов // Современная научная мысль. 2018. № 1. С. 214.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник тезисов докладов по материалам VII Международной научно-практической конференции (заочное участие)

(апрель 2022 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка – О.А. Фальян

Подписано в печать 17.06.2022. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Officina. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,7. Уч.-изд. л. 38,0. Тираж 500. Заказ № ???.

Издательство
Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Издательство
Саратовской государственной
юридической академии

ISBN 978-5-79241-842-4